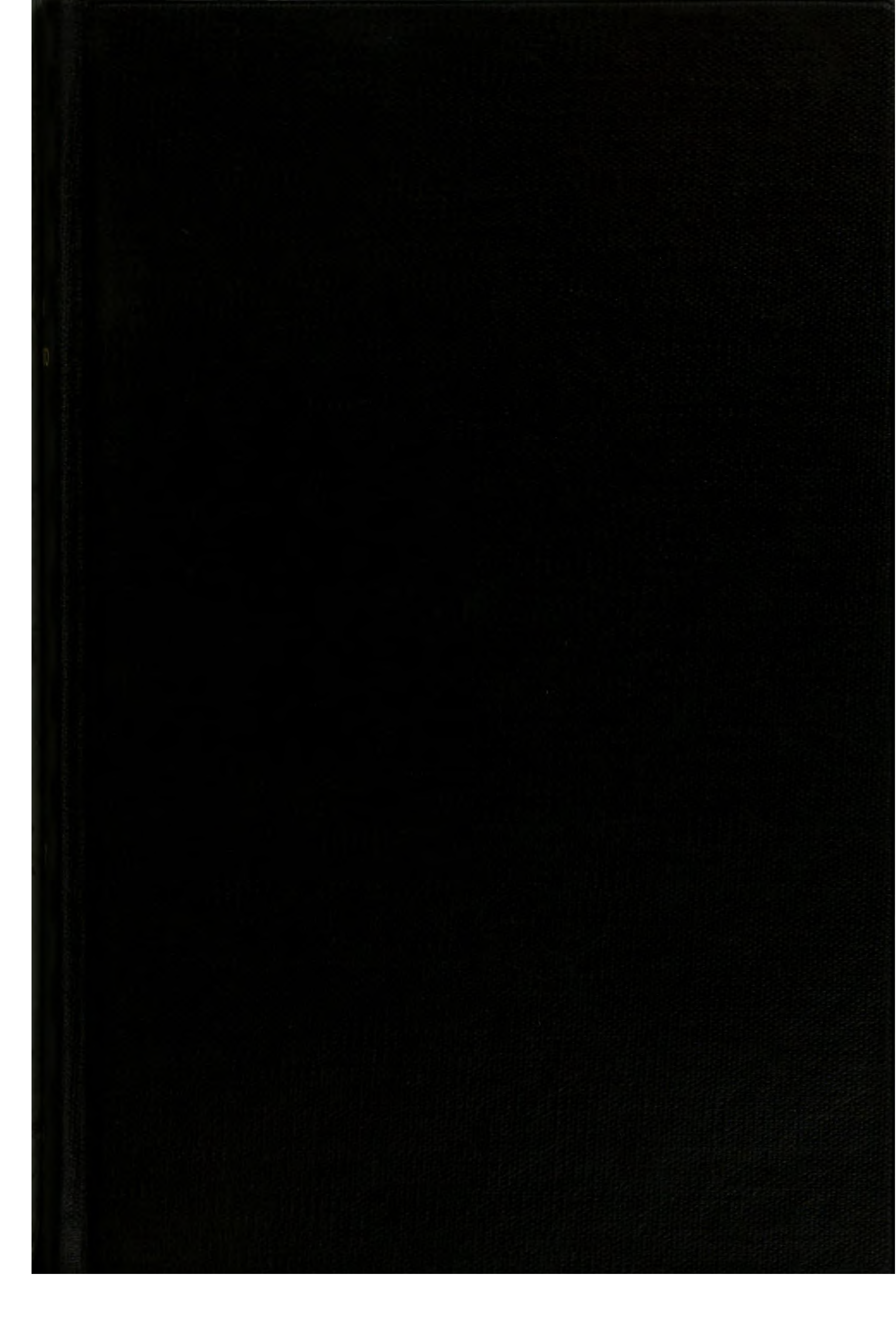
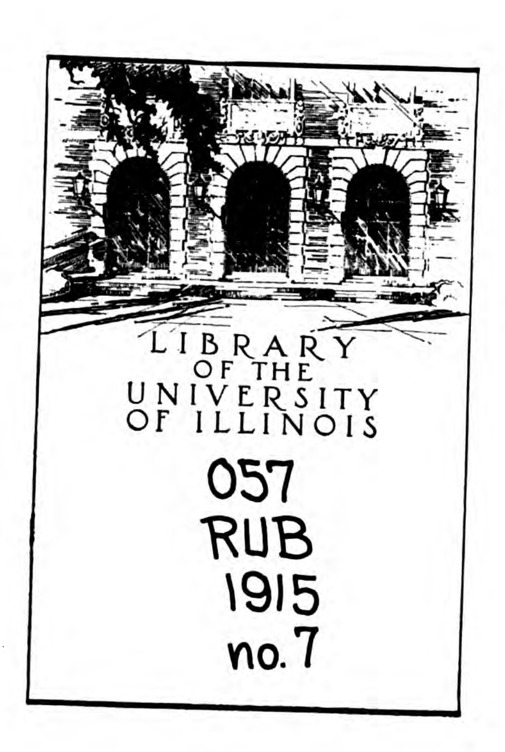

Русскія Записки

1915 г.

№ 7. ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 7. ІЮЛЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВѢТЕРЪ СЪ ПОЛЯ.

I.

На правомъ, высокомъ берегу рѣчки Дубны стояла небольшая ткацкая фабричка. Вокругъ нея на многія версты шли кроткія, чисто деревенскія окрестности—простые пригорочки съ кудлатымъ кустарничкомъ, немудреныя рощицы, липовыя и березовыя, въ которыя по веснамъ совсѣмъ нельзя было войти, потому что въ нихъ разводилось видимо-невидимо клещей, гдѣ болотце съ ржавой водой, тупо отражающей въ себѣ свои берега, кишащей всякими водяными тараканами, и гладкими, и лохматыми, и съ рогами, и безъ роговъ, и съ какимъ-то однимъ ухомъ. То попадалось вдругъ цѣлое поле какихъ-то невиданныхъ рыжихъ кочекъ, то коренастый можжевельникъ покорно и угрюмо мокъ цѣлыми годами подъ осенними дождями, даже не мѣняя цвѣта, развѣ только нѣсколько позаржавѣвши сверху. То неожиданно чистый родничекъ отрадно билъ тоненькой, серебристой струйкой изъ грязи и глины. И птица здѣсь водилась самая нехитрая, деревенская — галка, ворона, сова да журавль. Журавля было особенно много, потому что по болотамъ водились въ изобиліи жирныя лягушки, тучами вылѣзавшія въ лунные тихіе вечера ловить тонкимъ языкомъ ночную болотную мошкару. И весной, когда прилетали журавли, а лягушки искали себѣ подругъ, тѣ и другія кричали днемъ и ночью благимъ матомъ, одни въ небѣ, другія въ болотѣ. Немного послушавши, къ нимъ приставалъ еще какой-нибудь маститый филинъ, въ восхищеніи ухая изъ-подъ своей любезной коряги въ чащурѣ, а безчисленные рощицы и пригорки долгимъ эхомъ повторяли всѣ эти странные голоса. И все это вмѣстѣ было столь голосисто и оглушительно, что только тугое ухо неразговорчиваго туземца могло ничего не замѣчать. Говорили, будто бы водятся въ этихъ мѣстахъ также рябчики и куропатки, и изъ города пріѣзжали

даже разъ сюда за ними господа охотники. Но такой дичи они здѣсь не нашли.

Сама рѣченка Дубна въ этомъ мѣстѣ была такъ неглубока, что лѣтомъ съ края на край проростала густою осокой и мальчишки корзинками вылавливали запутавшихся въ ней длинныхъ щукъ. По другому берегу, низменному, сначала шли гладкіе, ярко-зеленые, заливные луга, поймы, а за ними начинался дремучій темный лѣсъ—на десятки верстъ и въ ширь, и въ даль, въ которомъ не разъ безслѣдно пропадали заблудившіеся, не только ребятишки, но взрослые.

Все это мѣсто было до того глухое и тихое, что никакія волненія сюда не докатывались. Правда, въ недавнее бурное время на Руси и тутъ стало было что-то разговаривать и двигаться. Начались было какія-то мечтанія и бродяжничества. Словно только дожидаясь этого времени, кто-то гдѣ-то вдругъ надерзилъ, кто-то почему-то внезапно пошелъ въ иноки, кто-то бросилъ семью и уѣхалъ въ Америку. Но все это улеглось гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ—инокъ снова вернулся къ роднымъ мѣстамъ, надерзившій выпросилъ прощеніе, американецъ поднялъ опять на рамена семейныя тяготы, и потекла прежняя тишь и гладь. И еще былъ одинъ случай, но этотъ уже чисто домашняго характера. Дѣло было въ томъ, что въ большомъ селѣ Излегощи, по ту сторону лѣса, одною лютою зимой вдругъ съ гуломъ прорвало мерзлую землю и изъ ямы забилъ большой фонтанъ воды. Мужики обнесли фонтанъ добрымъ еловымъ срубомъ, сельское духовенство его освятило, поставило надъ нимъ самую чтимую по округѣ икону и вода съ тѣхъ поръ стала почитаться цѣлебной. Но самая чтимая икона была очень древняго происхожденія и изображала святого съ лошадиной головой, какая по его горячимъ молитвамъ дана была ему взамѣнъ прекраснаго лица, сильно соблазнявшаго женщинъ. Икона стала слишкомъ на виду, пошли о ней слухи дальше округи и она была запрещена. Это-то и взволновало столь сильно излегощанъ. Но, къ счастью, къ этому времени былъ командированъ на жительство въ село становой приставъ, который уговорилъ, чѣмъ волноваться, лучше пожертвовать на новую икону, которую уже нельзя было бы запретить. Этимъ все и кончилось. Да, по правдѣ, часто волноваться тутъ и некому было. Недалеко было только одно большое село Излегощи, а вокругъ сидѣли межъ пригорковъ лишь однѣ куриныя деревушки по десяти да по двѣнадцати дворовъ.

И сама фабрика была также очень тиха и молчалива. Она не пыхтѣла и не грохотала и только дышала украдкой бѣ-

лымъ паромъ да тоненько дымила втихомолку. Къ тому же стояла она въ низинѣ, которая была когда-то озеромъ и высохла, такъ что и фабричной трубы почти не было видно за холмами.

Работала эта фабрика на казну, но хозяинъ ея, старикъ Кашехлѣбовъ, все же плохо понималъ, какъ это онъ работаетъ на казну и почему идетъ его дѣло. Пріѣзжая въ городъ за заказомъ, никакой казны онъ не видѣлъ, а принималъ заказъ отъ чиновника, чиновнику же вывозилъ готовое, чиновникъ же осматривалъ и отъ чиновника же получались деньги. И Кашехлѣбову казалось отъ этого, что это толстое, солдатское сукно нужно именно чиновнику, казна же оставалась чѣмъ-то далекимъ, недосягаемымъ и интересно таинственнымъ, о чемъ можно было съ гордостью говорить, что онъ работаетъ на нее. Дѣло Кашехлѣбова шло очень хорошо, и въ народѣ говорили, что въ сундукѣ у него лежитъ тысячъ до тридцати капиталу и будто все одними сотенными билетами. Но Кашехлѣбовъ и самъ удивлялся, что у него много работы.

— Дѣловъ, братецъ ты мой, масса! Дѣловъ масса!—восклицалъ онъ передъ всякимъ, кто попадался подъ руку, и грустно поднималъ кверху безволосыя брови.—Скажи ты мнѣ, можетъ, знаешь, почему это ихъ вездѣ такая масса?

За слово *масса*, которое у него не сходило съ языка, его самого прозвали Массой.

Удивляло Массу также и то, какъ это умудрился онъ попасть въ это нѣмое мѣсто, а, главное, осѣсть здѣсь. О себѣ онъ говорилъ, что онъ „практиканъ", „человѣкъ семидесяти семи наукъ". И это было справедливо. Кажется, не было такой профессіи, какой онъ не занимался бы. Было время, когда онъ развозилъ на телѣжкѣ деготь по деревнямъ и выручалъ въ день три копейки чистой прибыли, накачивалъ мазутъ на иностранныя наливныя судна въ Батумѣ, когда этотъ городъ только начиналъ еще расцвѣтать, чинилъ оптомъ и въ розницу и стиралъ матросскія рубахи, возилъ контрабанду изъ-за Чороха, плясалъ по дворамъ съ цыганами и венгерцами и показывалъ фокусъ глотанія шпаги, послѣ котораго столь мучительно рветъ фокусника. Въ эти же мѣста онъ попалъ уже откуда-то изъ-за Бѣлаго моря, гдѣ лѣтомъ рыбачилъ, а зимой моталъ на колеса пеньку для веревокъ.

— Сѣверный вѣтеръ задулъ, я и подался сюда,—говорилъ онъ, мигая бровями.—Масса было дороги, масса! Да мнѣ что? Я вѣтеръ съ поля.

Хотя теперь деньги и водились у Массы хорошія, но

онъ былъ бережливъ. Даже поговорки, какія у него были въ ходу, всегда упоминали деньги.

— Копеечка не Богъ, а хранитъ,—говорилъ онъ.—Въ сорокъ лѣтъ денегъ нѣтъ, и не будетъ.

И дома онъ часто ходилъ, подпоясанный мочалочкой,—хотя это, впрочемъ, уже больше для своеобразнаго форса.

Домъ Кашехлѣбова стоялъ по близости отъ фабрики, выдѣляясь изъ зелени прочными бѣлыми стѣнами, которыхъ не брала никакая непогода. Въ этомъ домѣ Кашехлѣбовъ справлялъ свою вторую свадьбу, вызвавшую не мало смѣха въ округѣ. Когда онъ пріѣхалъ сюда на Дубну, онъ привезъ съ собою жену, рыхлую, добрую и грустную пожилую женщину. Единственнымъ занятіемъ ея стало ежедневно на разсвѣтѣ, кряхтя, тащиться въ село Излегощи съ мѣшкомъ подсолнуховъ и, пораспродавши ихъ тамъ чашечкой, возвращаться обратно поздно вечеромъ. Когда ткацкое дѣло Кашехлѣбова пошло ходко, онъ не далъ ей больше торговать, жалѣючи ее. Покорной женщинѣ послѣ этого совсѣмъ уже стало нечего дѣлать на землѣ и, просидѣвши нѣсколько мѣсяцевъ сложа руки, она зачахла и умерла. Вотъ тогда-то Кашехлѣбовъ и женился вновь.

Онъ взялъ, подстать себѣ, пятидесятилѣтнюю старушку и это-то и было такъ смѣшно народу. Но старушка оказалась еще совсѣмъ жизнерадостной. По хозяйству бѣгала она цѣлый день, какъ конь, такъ что самъ Кашехлѣбовъ не разъ выходилъ на крылечко полюбоваться на ея хлопотню.

— Правильно, женушка. Все правильно, — говорилъ онъ одобрительно и, подумавши, Богъ вѣсть зачѣмъ, прибавлялъ еще:—Пилось бы всѣмъ да ѣлось, да дѣло на умъ не шло бы.

А старушка оборачивалась и кокетливо улыбалась ему черезъ плечо беззубымъ ртомъ.

Семья у Массы была большая.

— Масса народу, масса—говорилъ онъ, если сидѣлъ у него случайный гость, и осторожно показывалъ пальцемъ на всѣхъ поочередно.

Сыновья были уже женаты, и двое изъ нихъ имѣли по охапкѣ ребятишекъ. Двѣ незамужнія дочери Массы, бѣлыя, румяныя, съ малиновыми губами, сидѣли подъ окнами, словно царевны въ сказкѣ, вышивали на пяльцахъ и очень тонкими голосами выводили пѣсни. Ребятишки возились на полу, кто смѣясь, кто плача. Невѣстки переговаривались изъ кухни въ сѣни, перекрикивая всѣхъ. Когда же поселилась въ домѣ рѣзвая старушка, на дворѣ развелось вдругъ неисчислимое количество куръ, цыплятъ, пѣтуховъ, гусей и утокъ, гоготавшихъ, пищавшихъ и горланившихъ на всѣ лады. Всѣ эти голоса лѣзли въ открытыя окна, а самъ Ка-

шехлѣбовъ молча ходилъ день-деньской среди всего этого гвалта, словно бы у него не было никакого дѣла, и равнодушно слушалъ все, что ни говорилось, ни пѣлось, ни кричалось. Развѣ только скажетъ про себя иной разъ:

— Масса вамъ всѣмъ ѣды надо, масса!—и снова видно было, что для него глубокая тайна, какъ это около него кормится столько людей и животныхъ.

Въ то время, когда Кашехлѣбовъ еще скитался по всей широтѣ земной, семья его питалась, чѣмъ Богъ пошлетъ, и ночевала тамъ, гдѣ ночь застанетъ. Когда же фабричка пошла въ ходъ, всѣ вдругъ съѣхались къ нему, и онъ, должно быть, впервые съ изумленіемъ увидалъ, какъ многочисленно его потомство.

II.

Когда члены семейства соединились всѣ вмѣстѣ впервые, жизнь наладилась было дружная, словоохотливая и участливая. Но все то исконно человѣческое, отъ чего не спасаетъ ни одинъ слой людей, вся надоѣдливость однихъ и тѣхъ же лицъ и голосовъ, да при той сытой, безтревожной жизни, какая шла въ Кашехлѣбовскомъ домѣ, стала измѣнять семейныя отношенія. Начались тѣ разнорѣчивыя желанія, мелочныя и случайныя, какія посторонними называются дрязгами, но которыя серьезны для самого желающаго. Хвастливому брату Ѳедору хотѣлось, чтобы о нихъ шелъ далеко слухъ по округѣ, и онъ уговаривалъ старика завести тысячную лошадь — это желаніе его казалось ему очень важнымъ и нужнымъ. Скромному же Ильѣ казалось непонятнымъ, къ чему такая лошадь въ этой глуши, и онъ находилъ это просто блажливымъ. За то мечтательному Ильѣ думалось, что было бы чудесно выдолбить во дворѣ артезіанскій колодецъ, и вода бы сама подавалась въ домъ, какъ онъ видѣлъ разъ гдѣ-то въ городѣ въ трактирѣ. Онъ носился съ этой мечтой, а Ѳедоръ никакъ не могъ взять ее въ толкъ и смѣялся въ душѣ надъ такой затѣей.

У женъ ихъ также оказались разные вкусы, которыхъ онѣ не замѣчали, пока не надоѣли другъ другу. Одной хотѣлось побольше платьевъ, хотя бы и ситцевыхъ, другой ничего на свѣтѣ не надо было, только бы настоящій персидскій платокъ съ огурцами. Объ этомъ онѣ спорили, не понимали, сердились другъ на друга и считали одна другую привередницей.

Еще больше пошатнулся семейный ладъ послѣ женитьбы младшаго сына Массы, Кузьмы. Обѣ братнины невѣстки считали себя городскими, потому что служили когда-то въ городѣ горничными, любили въ праздникъ нарядно щеголь-

нуть, къ обѣду сдѣлать пломбиръ, въ которомъ, впрочемъ, никто не находилъ никакого вкуса, поговорить о представленіяхъ и провести день на господскую руку, съ употребленіемъ политичныхъ словъ. Кузьма же нашелъ себѣ невѣсту совсѣмъ простую, замарашку, выросшую на тяжелой поденщинѣ. Отецъ у нея былъ круглый бобыль, робкій, запуганный всякими житейскими злосчастьями, старикашка, кормившійся куда случайнѣе птицъ небесныхъ. Ему было лестно, что его дочка выходитъ въ такое богатое и обстоятельное семейство, но во время свадьбы онъ столь сильно заробѣлъ, что всю пиршественную ночь просидѣлъ въ сѣняхъ. Кузьма нѣсколько разъ выходилъ къ нему, кланялся въ поясъ и упрашивалъ:

— Просимъ васъ, папаша, всепокорнѣйше, пожалуйте къ намъ за столъ.

Но на это старичекъ только совсѣмъ пропадалъ отъ конфуза, тоже кланялся въ поясъ и отвѣчалъ:

— Много довольны вашей милостью. Намъ здѣсь совсѣмъ повадно.

Невѣста выходила замужъ охотно, но на свадьбѣ была печальна. Именитые гости—урядникъ, церковный староста, земскій фельдшеръ, владѣлецъ костомольнаго заведенія — всѣ такъ и пялили на нее глаза. У нея же былъ недостатокъ, который она всѣми силами старалась скрыть и отъ котораго миловидное, смуглое личико ея болѣзненно вспыхивало. У нея временами нервно подергивалась голова и, чѣмъ старательнѣе хотѣла она скрыть, тѣмъ замѣтнѣе это было. Болѣзнь эту старикъ бобыль объяснялъ до свадьбы жениху такъ:

— Морозище былъ невыносный, вотъ какъ передъ Богомъ, невыносный — говорилъ онъ, торопясь.—Польчушка, говорю, не ходи на прудъ полоскать бѣлье. Здоровье, говорю, дороже бѣлья. Не съ бѣльемъ жить, Польчушка, а съ добрыми людьми. Попомни, говорю, Польчушка, морозъ на дворѣ непреклонный. Вотъ какъ передъ Истиннымъ, морозъ былъ совсѣмъ зря.

Что морозъ былъ великъ, старику хотѣлось увѣрить больше всего, а что Польчушка заболѣла, это было уже не такъ важно.

Обѣ городскія невѣстки временами очень тяготились своими печками, чугунами и ухватами и, казалось бы, лучшей помощницы, чѣмъ новая невѣстка, имъ и не надо было. Но Богъ знаетъ почему, онѣ стали досадовать именно на то, что она простая и не подстать имъ. Старшій братъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Кузьма взялъ невѣсту безъ хорошаго приданаго, и о нихъ не пойдетъ лишнихъ слуховъ и пре-

увеличеній. Онъ даже надѣялся, что отецъ не дастъ согласія на эту свадьбу. Но Масса нисколько не противорѣчилъ, хотя вышло это у него довольно странно, какъ, впрочемъ, и многое, что онъ дѣлалъ.

Кузьма долго не рѣшался сказать ему, и, наконецъ, выбралъ минуту.

— Папенька, дозвольте жениться на Полѣ Бобылевой — несмѣло попросилъ онъ.

— Женись! — вдругъ буркнулъ старикъ безъ дальнихъ размышленій и заходилъ дальше по комнатѣ.

Кузьма не повѣрилъ, подумалъ, что отецъ не въ духѣ, и испугался. На другой день онъ опять выбралъ минуту и опять подступилъ боязливо.

— Взаправду, папенька, позволите?—спросилъ онъ.

— А мнѣ что за дѣло! — буркнулъ только Масса и на этотъ разъ.

Кузьма совсѣмъ упалъ духомъ и уже только на третій день спросилъ отца:

— А вы благословеніе дадите?

Масса вдругъ круто повернулся и разгнѣванно посмотрѣлъ на сына.

— Да что ты ко мнѣ привязался! — закричалъ онъ на него жалостнымъ голосомъ—Ну что ты, что? Жалко мнѣ, что ли, своего благословенія-то? Ишь ты, шустрый! Его выкорми, вырости, да еще ему и жену посовѣтуй! Да мнѣ песъ съ вами, коли такъ! Сами совѣтуйтесь!

Но, когда Пелагея стала жить у нихъ въ домѣ, онъ смотрѣлъ на нее такъ ласково, такъ любовно, какъ не смотрѣлъ, пожалуй, ни на одну изъ снохъ.

III.

Молодые меньше году прожили вмѣстѣ, какъ осенью уже надо было Кузьму отдавать въ солдаты. Пелагея, всегда неслышная, хрупкая, почти совсѣмъ еще дѣвочка, мѣсяца за два до набора уже стала ходить съ заплаканными глазами.

— Чего ревешь? — кричала изъ-за пялецъ какая-нибудь голосистая золовка, которой надоѣдало завидовать ея любовному горю.—Не одинъ твой идетъ. Безстыдница!

— Пускай всѣ шли бы. А моего бы не надо—отвѣчала Пелагея.

Кузьма, приходя съ фабрики, каждый разъ приступалъ къ отцу.

— Такъ вы ужъ, папаша, въ случаѣ моей погибели, не оставьте ее въ духовной-то—просилъ онъ.

— Пилось бы да ѣлось—отвѣчалъ Кашехлѣбовъ.

— Не оставите?

— Не оставлю.

Къ серединѣ октября грязную землю прихватили рѣзкіе морозцы, запорошилъ снѣжокъ, легкій и летучій. А къ ночи надвинулись бѣлыя, снѣговыя тучи, снѣгъ повалилъ грузными хлопьями да такъ и шелъ подрядъ цѣлую недѣлю. Подъ каждымъ заборомъ и тычкомъ на полѣ намело цѣлые курганы, и студеный, лютый вѣтеръ уже закрутилъ подлѣ нихъ снѣжныя воронки. Неожиданно установилась настоящая зима и всплакнула не одна баба, у которой ленъ еще остался на лугу и надо было откапывать его теперь лопатой. У Массы въ домѣ стали вытаскивать изъ сундуковъ валенки и шубы для всѣхъ старыхъ и малыхъ.

Въ день набора Масса съ утра хлопоталъ уже около саней, закладывая въ нихъ лошаденку. Кругомъ отъ снѣга стояло все такое новое, юное и интересное, подъ валенками такъ славно поскрипывало и солнышко такъ ослѣпительно свѣтило. Масса былъ, повидимому, весь занятъ этой новизной и совсѣмъ не думалъ о томъ, что везетъ сына въ солдатчину. Никогда не пившій Кузьма, совсѣмъ хмѣльной, шатался по двору, и то и дѣло тянулся снова въ домъ за водкой. Пелагея подносила ему и жалостливо приговаривала:

— Пей, Кузя, пей, голубчикъ. Легче станетъ.

Ради проводовъ она надѣла самое новое ситцевое платье и черные волосы повязала самой яркой лентой. Масса оттягивалъ отъ нея сына за полушубокъ и говорилъ:

— Да будетъ тебѣ, да поѣдемъ! Да хлопотъ же съ вами, прости Господи! Масса!

Но, когда Кузьма, наконецъ, совсѣмъ простился съ женой и сѣлъ въ сани, самъ отецъ вдругъ вспомнилъ, что не напоилъ лошадь, и побѣжалъ за бадьей, а, напоивши, сталъ было даже перепрягать ее. Тогда Кузьма тоже разсердился на него и задергалъ возжами.

Застоявшаяся лошадь рѣзко вынесла за ворота, сани широко отлетѣли въ бокъ на скользкомъ поворотѣ, занося туда же и лошадь, выправились, и отецъ съ сыномъ ходкою рысью покатили въ волость. Пелагея, какъ была, въ одномъ ситцевомъ платьѣ, опустилась на морозное, скрипучее крыльцо, закрылась руками и заплакала беззвучно, но горько, безпамятно. Пришелъ съ фабрики старшій братъ Федоръ, хмурый мужчина съ косматыми, черными бровями, а она все сидѣла на крылечкѣ, тряслась отъ холода и плакала въ полузабытьи.

— Уѣхалъ?—спросилъ ее Федоръ, но она ничего не слыхала.

Федоръ прошелъ подъ навѣсъ во дворѣ, гдѣ второй братъ Илья поправлялъ полѣнницу дровъ. Федоръ спросилъ его сердито:

— Гдѣ пила?

— Какая пила?—не понялъ Илья.

— Ну, какія пилы бываютъ?

— Я не знаю, я не бралъ.

— Тьфу, безтолочь!—раздраженно вскрикнулъ братъ.—Я спрашиваю, не видалъ ли?

Илья съ удивленіемъ замигалъ на него большими голубыми глазами своими и обидѣлся.

— Ежели ты хочешь ругаться со мной, — сказалъ онъ, снова принимаясь за свое дѣло, — такъ проѣзжай дальше. Мнѣ что-то не охота.

— Я не ругаюсь—отвѣчалъ братъ мягче.—А только безтолочь ты очень. Не видишь, какъ насъ обманываютъ? Разуй глаза-то.

— Кто это обманываетъ? — съ недовѣріемъ спросилъ братъ.

— Кто, кто!—снова съ сердцемъ сказалъ Федоръ—Кузьма съ Палашкой, вотъ кто!

— Какъ это такое?

— А такъ вотъ и такое! Самъ слышалъ, какъ Кузьма подмазывался къ старику. Не оставьте, молъ, мою Польку!

— И я слышалъ—спокойно отвѣтилъ Илья.—Такъ что же намъ тутъ такое?

Федоръ жалостливо посмотрѣлъ на него и сказалъ тихо и ненавистно:

— Разумомъ тебя Господь обидѣлъ. Вотъ что тутъ тебѣ такое!

Федоръ пошелъ въ домъ, въ горницу, гдѣ за дѣтской починкой сидѣла его жена Марья, статная бѣлая женщина въ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ и съ такою высокою грудью, что кофточка ея густо замаслилась на ней.

— Поѣхали—сказалъ ей Федоръ значительно.

Она сразу поняла его тонъ и отвѣтила ѣдко:

— Ленточку красную повязала. Въ новомъ платьѣ. „Пей, Кузя, пей"—передразнила она Пелагею. — А башка такъ и трясется. Паршивая!

Кузьма съ отцомъ пріѣхали въ волость, когда уже время подвигалось къ деревенскому обѣду. Въ волостномъ правленіи шла уже жеребьевка. Въ другой половинѣ коммиссія тутъ же раздѣвала и подводила подъ мѣрку новобранцевъ.

Снѣгъ вокругъ правленія густо истоптанъ былъ валенками и сапогами въ сѣрую кашу. Толпились бородачи-отцы въ рыжихъ полушубкахъ, наглухо закутанные, въ рукавицахъ, съ кнутами въ рукахъ. Расхаживали рекрута въ короткихъ курткахъ, башлыкахъ и ради форса въ резиновыхъ галошахъ, растягивая аршинныя гармоніи. Толкались бабы съ красными отъ слезъ глазами, провожавшія мужей, съ интересомъ разглядывая теперь всю эту толчею. Три глупыя дѣвченки прильнули къ незамерзшему окну, гдѣ засѣдала коммиссія, разсматривали нагія тѣла новобранцевъ и передавали свои наблюденія кучкѣ бабъ, всерьезъ слушавшихъ отъ нихъ все съ наивнымъ деревенскимъ любопытствомъ. Сани, дровни и розвальни загородили всѣ проходы, ржали и жевали скудное сѣно всяческіе мухортые и пѣгіе, запушенные иглистымъ инеемъ, всѣ въ сосулькахъ, курясь теплымъ сѣрымъ паромъ.

Кузьма, все еще хмѣльной, вышелъ изъ правленія радостный, словно получивши подарокъ.

— Жребій третій!—крикнулъ онъ отцу.—Боевой!

— Лобъ!—крикнули въ отвѣтъ ему два выпившіе новобранца, дружелюбно обнявшіеся, улыбающіеся счастливѣйшими улыбками.

— Ваше благородіе! — закричали они восхищенно, увидѣвши вышедшаго на крыльцо уѣзднаго предводителя. — Отправляй завтра насъ въ походъ, чего тамъ! Отправляй, право слово!

— Вѣрно, все вѣрно! — закричалъ и Кузьма съ восторгомъ.—Бери сію минуту! Любезные вы мои! Бисъ! Бисъ!

Масса схватилъ Кузьму за рукавъ и сталъ тащить его къ санямъ.

— Да погоди! Да постой!—усовѣщевалъ онъ его.—Вотъ, ей Богу! Кузьма, а Кузьма!

Но Кузьма все снова порывался къ предводителю, а, когда тотъ ушелъ, сталъ шумѣть и браниться.

— Вези на постоялый дворъ! — закричалъ онъ отцу и хлопнулъ рукавицами объ землю.—Пропадай голова пропадомъ! Все одно, заѣдятъ ее безъ меня! Слышь ты, отецъ? Загрызутъ!

Онъ горько заплакалъ, но тутъ Массѣ удалось усадить сына въ сани. Онъ привезъ его на постоялый дворъ, увелъ въ чистую горницу, а самъ сбѣгалъ въ казенку за полбутылкой.

— Бутылку ставь!—забушевалъ Кузьма, и Масса сбѣгалъ за бутылкой.

Потомъ онъ самъ накрошилъ луку съ селедкой и, пока сынъ пилъ и плакалъ, онъ сидѣлъ терпѣливо и сильно мор-

галъ круглыми бровями, видимо, что-то старательно прикидывая въ умѣ. Когда Кузьма, наконецъ, перестал жаловаться и захрапѣлъ за столомъ, онъ вышелъ на улицу, морозную и совсѣмъ пустынную, оглянулся вправо - влѣво нѣтъ ли кого, и осторожно подошелъ къ городовому.

— А гдѣ здѣсь судья?—спросилъ онъ.

— Судья?—задумался городовой—Судья не живетъ. Тутъ нѣтъ судьи.

— А кто же?—спросилъ Масса.

— Да какъ кто?—опять подумалъ городовой. — Докторъ есть, потомъ становой, потомъ нотаріусъ.

— А гдѣ нотаріусъ?

Городовой разсказалъ, и Масса заскрипѣлъ валенками по улицѣ.

Пріѣхалъ Масса домой на другой день совсѣмъ поздно вечеромъ, когда уже огни тушились по всѣмъ темнымъ деревнямъ, пусто было всюду, и только неугомонная молодежь, радуясь зимѣ, стрекотала еще у околицъ и такъ радостно, что смѣхъ ея далеко слышенъ былъ въ снѣжномъ полѣ на безлюдной дорогѣ одинокому проѣзжему. Когда Масса въѣхалъ во дворъ, Пелагея несла охапку сѣна въ коровій хлѣвъ, закутавшись въ толстый платокъ, похожая совсѣмъ на подростка.

— Пелагеюшка!—тихонько окликнулъ онъ ее.

— Здравствуйте, папенька!—обрадовалась она свекору и приняла одной рукой лошадь подъ уздцы.

Крупныя, жаркія слезы вдругъ такъ и закапали у нея изъ глазъ на сѣно,—лошадь вновь напомнила ей, что Кузьмы уже нѣтъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ —говорилъ Масса, съ усиліемъ и кряхтѣніемъ вынося застывшіе валенки изъ саней.—Вотъ и хорошо, что на дворѣ встрѣтились. Самъ думалъ, пріѣду потемнѣе, будетъ складнѣе.

Масса любовно погладилъ Пелагею по головѣ. Она улыбнулась ему сквозь слезы. Отъ него вѣяло на нее такимъ тепломъ, уютомъ и спокойствіемъ, такъ отрадно было чувствовать около себя хорошее и доброе послѣ недружелюбныхъ взглядовъ семейныхъ и одиночества, горшихъ зимней стужи.

Масса вынулъ изъ-за пазухи листъ бумаги и сунулъ ей въ сѣно.

— Возьми, Польчушка, возьми—забормоталъ онъ. — Всѣ тридцать тыщъ на тебя. Дарственная. Возьми, глупенькая, возьми.

Пелагея развернула бумагу и, не понимая, довѣрчиво и

покойно смотрѣла на старика широкими черными глазами своими.

— Тридцать тыщъ, тридцать тыщъ—старался объяснить ей Масса.—Живи смѣлѣе: не робѣй, чтобы значитъ! За Кузьму тебѣ это, за Кузьму.

Пелагея, наконецъ, поняла, въ чемъ дѣло, поблѣднѣла отъ испуга и горячо вспыхнула вся.

— Что вы, папенька,—пролепетала она, подавая старику назадъ бумагу задрожавшими пальцами.—Развѣ можно? Что вы это?

— Шш!.. Боже упаси!—замахалъ на нее руками Масса въ отчаяніи.—Бери, бери, говорятъ!

Онъ запряталъ ей листокъ за ватную кофточку и, не оборачиваясь, засѣменилъ къ крыльцу замерзшими, негнущимися ногами.

IV.

Зима прошла, какъ проходили и всѣ зимы — длинно, но въ концѣ концовъ незамѣтно. Пронеслись вьюги и метели, подули теплые вѣтры, заголубѣло нѣжно небо, заиграло горячее солнце въ лужахъ, запахло землей и навозомъ. Подошла весна.

Илья ѣздилъ разъ въ городъ и привезъ съ собой охапку длинныхъ свинцовыхъ трубъ. Не заходя въ домъ, онъ тутъ-же сталъ размѣривать шагами землю подъ окнами и что то старательно смекать. Прошелъ мимо Федоръ и подивился на него. Онъ догадался, что братъ, по всей видимости, принялся за свой артезіанскій колодецъ. Федору было удивительно, какъ это Илья за цѣлую зиму не забылъ еще своего баловства. Выбѣжала на дворъ часъ спустя жена Ильи, Юлія, черненькая, худенькая, сухая, такъ и вспыхивающая вся, словно лучинка. Увидѣвши, что Илья стоитъ, уперши въ грязь голубые глаза свои, съ трубами въ рукахъ, она тоже поняла, въ чемъ дѣло, и всплеснула руками.

— Илья!—вскрикнула она.—Да побойся ты Бога!

Но у нея, видимо, была какая то мысль, сильно томившая ее, потому что она сейчасъ же забыла о трубахъ, схватила Илью за рукавъ и зашептала ему на ухо горячо и скоро:

— Лавку надо открыть! Нечего намъ кормить другихъ трудомъ. Мѣсто свое, будемъ обрабатывать. Нечего тутъ. Надо лавку открывать.

— Какую тебѣ еще лавку?—опѣшилъ Илья.

— Такую лавку. Въ Излегощахъ. Ишь ты, орава какая на плечахъ. У Польки будетъ плодъ, какъ пить дать. Слышь, проси денегъ у отца. Она все, поганая, у старика выморщитъ.

— Э, ты!—отмахнулся Илья съ досадой, не слушая больше.—Ябеда!

— Илья, да побойся ты Бога ради Господа!—такъ вся и вспыхнула Юлія, но Илья поднялъ еще одну свинцовую трубу, подлиннѣе, и пошелъ отъ нея въ сарай.

Въ этотъ же день, вечеромъ, въ Кашехлѣбовскомъ домѣ разыгралась нехорошая исторія. Когда ребятишки, набаловавшись за день, ткнулись по чужимъ постелямъ и въ домѣ стало тихо, Федоръ, насупившись, сказалъ отцу:

— Скажу тебѣ, папаша, слово. Погоди ходить.

Онъ пересѣлъ изъ-за стола на лавку, на видное мѣсто, и прибавилъ дальше:

— Желаю я отъ тебя отдѣлиться. Имѣю желаніе отдѣлиться отъ тебя и стать на отруба.

Кашехлѣбовъ поправилъ свою мочалку вмѣсто пояса и отвѣтилъ:

— Отдѣлись!

— Какъ вы на этотъ счетъ, мамаша?—обратился Федоръ къ старухѣ.—Какое ваше замѣчаніе?

— Отдѣлись, отдѣлись, батюшка,— захлопотала старуха, поглядывая на Массу, такъ ли она говоритъ. — Коли есть свой разумокъ, мы не снимаемъ съ тебя воли.

Старухѣ хотѣлось сказать, что своя воля—дѣло тяжелое и снять съ человѣка его волю — значило много облегчить ему его судьбу, но, поглядывая на мужа, она не смѣла этого и говорила другое.

— Ничего, ничего, сынокъ; отдѣлись--повторяла она.

— И желаю я домокъ поставить—сказалъ Федоръ.—Недалеко отъ людей. Вѣрно?

Масса мотнулъ головой и опять отвѣтилъ:

— Вѣрно.

— Имѣя такое начинаніе въ виду,—продолжалъ Федоръ— я и прошу васъ, папаша, отдѣлить мнѣ ровную часть капитала отъ тридцать тыщъ. Имѣю въ виду, какъ отъ родителя, и, собственно, всѣми нажитое.

Масса остановился подлѣ печки, прищурилъ глазъ и внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Нѣту тридцать тыщъ—сказалъ онъ.

— Ну, сколько тамъ, какъ сказать, отъ силъ вашихъ— согласился Федоръ.

— Нѣту—буркнулъ Масса.

— Какъ нѣту? Не шутите, папаша!—обидѣлся Федоръ.— Дѣло въ серьезъ.

— Въ сурьезъ—подтвердилъ отецъ.—Вѣрно, въ сурьезъ— и даже обрадовался, словно нашелъ выходъ.

Федоръ совсѣмъ не зналъ, что подумать, и побарабанилъ пальцами по столу.

— Такъ какъ же, папаша?—снова спросилъ онъ. — Папашъ, а, папашъ?

Масса весь вспотѣлъ отъ напряженія и сказалъ неожиданно:

— На построеніе божьяго храма пожертвовалъ.

— Какъ?—выпучилъ глаза Федоръ.—На храмъ? Все?

— Все!—сказалъ Масса рѣшительно и тутъ же несмѣло поправился.—То есть, не то, чтобы все. Не то, чтобы, какъ говорится, на построеніе, а такъ оно, какъ называется...

Федоръ обвелъ всѣхъ глазами, видимо, совсѣмъ уже ничего не понимая и начиная смутно чувствовать тутъ совершенно иное. Онъ заглянулъ въ лицо Массѣ, но по нему ничего не понялъ. И вдругъ онъ увидѣлъ Пелагею, увидѣлъ, какъ она то блѣднѣетъ, то горитъ вся, какъ жаръ, и догадался, что именно было тутъ иное.

— Хорошо-съ!—произнесъ онъ ожесточенно и зловѣще.— Знаемъ, чьи штучки, отъ какой сучки! Такъ и запишемъ!

Онъ всталъ и вышелъ вонъ, во дворъ, гдѣ въ мягкой весеней темнотѣ бродилъ ласковый дремотный вечеръ и свѣтились грустныя звѣзды. Тамъ онъ нехорошо выругался отъ исступленнаго гнѣва и остервенѣнія.

V.

Младшая дочь Кашехлѣбова, Наташка, горластая и грудастая дѣвка, съ весною снова стала бѣгать по ночамъ въ Излегощи на постоялый дворъ. Спичечный купецъ на всю зиму уѣзжалъ куда-то къ берегамъ Швеціи, а весною возвращался съ тюками своего товара и сидѣлъ на постояломъ дворѣ, распредѣляя заказы. Наташкѣ нравилось, что онъ былъ такой высокій, могучій и веселый, что онъ такъ вкусно выпивалъ водку, съ разговорами и прибаутками, что онъ не стоялъ за копейку, называлъ ее, Наташку, душенькой и готовъ былъ съ нею куда угодно и на всѣ руки. У него была широкая и уже совсѣмъ сивая борода и виски съ сильной просѣдью. Но отъ этого только еще пріятнѣе чувствовалось, что тутъ есть что-то прочное, спокойное, что все именно такъ и должно быть, и не можетъ быть послѣ ни поздняго раскаянія, ни безплоднаго сожалѣнія и укоризны. Гдѣ-то подъ Москвою у купца была жена и семья, но онъ говорилъ о ней Наташкѣ такъ открыто и весело, словно бы и это такъ и должно было быть.

Наташка любила наливать купцу водку и рѣзать ему ржавую, съ фіолетовыми краями деревенскую солонину на

закуску. Еще же больше любила она, когда онъ, выпивши, теплыми, крѣпкими руками хваталъ ее за полныя, круглыя колѣнки или мялъ грудь. Пріятно было чувствовать, какъ онъ, обнимая, загорается страстью, горячо дышитъ на лицо, и знать, что въ ней есть что то, что бросаетъ на нее столь жадно этого твердаго человѣка. Наташка даже не очень плакала, когда однажды ушла отъ купца почти бѣлымъ днемъ.

Иногда она приносила домой отъ него какой нибудь подарокъ, какія нибудь яркія серьги или матерію на кофту, и убирала въ свой сундучокъ, расписанный красными, какъ пламень, розами.

— Ахъ ты, грѣхъ! Эхъ, грѣхъ, сестрица!—вздыхала старшая Людмила, не такая рѣшительная, и съ тайнымъ жаднымъ интересомъ разсматривала подарокъ.

— Всѣ грѣшки не уложишь въ мѣшки—бойко отвѣчала Наташа купцовой пословицей и смѣялась карими глазами.— Покаюсь на духу, а на старости въ монастырь... Монахамъ на усладу—прибавляла она вдругъ снова безстыдно, и Людмила еще пуще завидовала ея любви и безпечности.

— Тоска!—говорила Людмила и на самомъ дѣлѣ, видимо, сильно мучилась отъ томленія. Хотя бы горбатый какой посватался. Ужь и любила бы его!

Но къ лѣту съ Наташкой случилось сразу два несчастія. Купецъ однажды точно и обстоятельно разъяснилъ ей, что ему выгоднѣе поставить свою спичечную фабрику и что онъ уѣдетъ въ Финляндію. Онъ такъ весело попрощался съ ней, что Наташка поняла все по настоящему лишь тогда, когда онъ уѣхалъ, теперь навсегда. Понявши, она заревѣла во весь свой звонкій голосъ, а потомъ собрала всѣ купцовы подарки и выкинула ихъ въ отхожее мѣсто.

— А провались ты, старый чортъ!—выбранилась она напослѣдокъ, и сразу же перестала думать о купцѣ и по прежнему, сидя у окна за пяльцами, начала заводить пѣсни тончайшимъ голосомъ.

Но попѣла она не долго. Со страхомъ увидѣла она, какъ день за днемъ стала все больше блѣднѣть и зеленѣть, и, какъ ни хотѣлось ей не вѣрить, должна была понять, что беременна. Злая, раздраженная и убитая, бродила она безъ кровинки въ лицѣ изъ дома во дворъ, съ мѣста на мѣсто, словно не зная, куда бы ей запрятать свое горе. Теперь и ее захватила тоска, и больше, чѣмъ Людмилу.

— А, провалитесь вы всѣ! — съ нетерпѣніемъ шептала она и однажды не вынесла, повалилась на лавку и зарыдала беззвучно, но страшно, безумно—впервые въ жизни такъ.

Пелагея тоже ожидала ребенка, но спокойно и съ любовью.

Она уже начала ему нашивать пеленокъ и рубашекъ, стараясь сдѣлать все понаряднѣе, и слабымъ голоскомъ мурлыкала себѣ подъ носъ. Обѣ женщины готовились быть матерями, и спокойствіе и внутреннее довольство Пелагеи вызывало въ Наташкѣ острую ненависть, почти бѣшенство.

— Пой, пой!—ненавистно шептала она про себя, съ отвращеніемъ слѣдя за тихимъ лицомъ Пелагеи. — Пой, бабочка, пой!

Она придумывала, чѣмъ бы въ мысляхъ своихъ побольнѣе обидѣть ее, и въ ядовитомъ чаду злости и ожесточенія какъ разъ думала то, что предстояло и ей же самой.

— Погоди, голубушка, погоди!—думала она. — Запоешь скоро не такимъ ангельскимъ голоскомъ!

Пелагея не понимала этой враждебности къ себѣ, но горько чувствовала ее. А враждебность такъ и наползала изо всѣхъ угловъ. Не разъ убѣгала она потихоньку вечеркомъ къ отцу, въ бобылеву хату, и плакала, отводила душу.

— Потерпи, Польчушка, что ужь?—уговаривалъ бобыль, и глаза его слезились. — Господь терпѣлъ и не то. Все перейдетъ, чего ужь? Попомни, Польчушка, призоветъ Господь и скажетъ: раба моя, Пелагея, далъ я тебѣ воздухъ, свѣтъ и пищу, чтобы ты жила, не имѣла бы недостатка въ нихъ и радовалась. Я, скажетъ, не огорчилъ тебя, не огорчай и ты кого ни то. Не огорчила ли ты кого? спроситъ. То-то и есть, дочка, потерпѣть надо.

Отъ стариковскаго голоса, отъ темныхъ стѣнъ, знакомыхъ и милыхъ съ дѣтства, ласковѣе становилось на душѣ. Пелагея исходила слезами, слезы приносили ей облегченіе, горечь становилась нѣжной и сладкой и отлегала отъ сердца. Только домой возвращаться стало еще труднѣе. Ужь очень стали шептаться тамъ всѣ по угламъ, тайно, зловѣще, безпощадно. Нельзя было понять, о чемъ шепчутся и что замышляютъ, и отъ этого еще страшнѣе становилось знать, что о ней это шепчутся и противъ нея замышляютъ.

И то непереносное, чего съ такимъ опасеніемъ ждала Пелагея, начало случаться. Разъ Наташка услыхала, какъ Юлія шептала Федору въ сѣняхъ, что Илья просилъ денегъ на лавку, но старикъ не далъ, что того и гляди всѣ деньги перейдутъ къ Полькѣ, что это вѣрно, она не слѣпая. Юлія, должно быть, думала, что Федоръ ей посочувствуетъ, но Федоръ отнесся къ лавкѣ совсѣмъ неодобрительно. Наташка же изо всего этого поняла только то, что Полька ото всѣхъ отъ нихъ что-то оттягиваетъ. Въ болѣзненномъ состояніи своемъ, увидѣвши снова, какъ Пелагея шьетъ для ребенка, она не сдержалась. Отъ ненависти у нея потемнѣло въ глазахъ и она закричала:

— Шьешь, воровка? шей, шей, тварь! Нашивай, тащи все изъ дома! Тащи къ своему хитрованцу бобылю въ лачугу! Деньги воруешь, паскуда? Погоди, постой, будешь знать къ сроку!

Пелагея тогда такъ и обомлѣла вся. Изъ онѣмѣлыхъ глазъ ея хлынули частыя слезы. Словно неживая, она побрела послѣ этого въ сѣни, отперла сундучекъ и вынула дарственную бумагу. Потомъ накинула платокъ и по грязной дорогѣ побѣжала къ фабричкѣ. Было темно, мутной пеленой застилалъ все передъ глазами частый дождикъ и дулъ сильный вѣтеръ съ ночныхъ мокрыхъ полей. Совсѣмъ слѣпо свѣтилась фабричка сквозь дымную занавѣсь дождика.

Пелагея приникла лицомъ къ мокрому окошку, по которому ползли, не переставая, тонкія рябыя струйки. Ничего нельзя было различить за стекломъ, всѣ люди были одинаковы, всѣ безъ лицъ, съ одинаково кривыми руками и ногами. Она постучала въ окошко, и чей-то широкій носъ прильнулъ къ ея лицу съ той стороны.

— Батюшку! Кашехлѣбова!—крикнула она, и носъ понимающе затрясся и пропалъ.

Масса поспѣшно вышелъ, застегивая на ходу куцый и замасленный до блеска пиджачекъ свой. Увидѣвши въ неясномъ пятнѣ свѣта у окна Пелагею, онъ, видимо, сразу понялъ, что случилось что-то важное и недоброе.

— Что ты, дочка, что ты?—сильно испугался онъ и сталъ гладить ее по головѣ.

Пелагея совсѣмъ захлебывалась слезами и не могла слова вымолвить. Она только молча подала ему бумагу. Масса и такъ понялъ ее.

— Ну, ладно, дочка, ну хорошо—ласково говорилъ онъ.— Вотъ вышло какъ хуже, а вѣдь я думалъ, какъ лучше. Экой старый дуралей! Ну, ничего, дочка, ну, ничего.

Онъ взялъ бумагу, Пелагея побѣжала назадъ. Она не пошла сразу домой, а сначала посидѣла у себя дома, у отца. Она уже перестала плакать, только была очень блѣдна. Увидѣвши ее такой, бобыль уже не сказалъ ни одного слова о томъ, зачѣмъ послалъ ей Господь свѣтъ, воздухъ и разумъ. Онъ только глядѣлъ на измучившуюся дочь быстро мигающими, ласковыми глазами, а глаза его слезились.

— Не ладно, Полинька, мы такъ-то сдѣлали? А? Не ладно что-то вѣдь? — бормоталъ онъ, но Пелагея ничего не могла ему отвѣтить...

Когда она пришла домой, она горестно остановилась въ сѣняхъ и долго стояла такъ. Сундучекъ ея былъ открытъ, замочекъ сломанъ и все, что лежало въ немъ, было раски-

дано по сѣнямъ, даже затоптано кое-что ногами—и наряднень-кія дѣтскія рубашки, въ которыя она вкладывала всю душу, и всякія ея ленточки, гребенки и косыночки, къ которымъ она была по-дѣтски привязана. Видимо, чьи-то торопливыя руки искали тутъ безъ нея что-то, лихорадочно и злобно, и не находили.

VI.

Настало горячее, сухое лѣто, бездождное, пламенное. Все пряталось отъ зноя, всюду было пусто, тихо и нѣмо. Казалось, ни одного живого человѣка не осталось на свѣтѣ, только ѣдкая пыль да солнечное пламя царили по всему міру невозбранно. Іюль перевалилъ за середину.

Какъ вдругъ все сонное и мертвое море житейское всколыхнулось отъ незримой бури и пошло гудѣть высокою волною. Поднялась сначала далекая волость, за нею—село Излегощи, а тамъ заходили ходуномъ, зашумѣли и загорланили и всѣ деревушки въ десять—двѣнадцать дворовъ, глухо засѣвшія между рыжими пригорками. И оказалось вдругъ, что тутъ ихъ видимо-невидимо, и по правую руку, и по лѣвую, и что по всему этому пустому мѣсту народу толчея-толчеей. Всюду шла вѣсть о войнѣ, всюду потащились запасные и ратники со своими рубахами, сапогами и портянками за плечами. Въ Излегощахъ на базарную площадь сталъ ежедневно выходить церковный староста, гладить рыжую бороду и степенно говорить рѣчь.

— Православные!—говорилъ онъ.—Не горланить! Чтобы тихо, деликатно. Казенки закрыты, это понимать надо, православные! На дняхъ иду—какой-то человѣкъ, съ лица нищій. Ты кто? Отвѣта не получается. Отрезвѣлъ. Ахъ ты, чудакъ! Не хорошо, говорю, съ твоей стороны! Ступай ты, говорю, доброхотно. Отдайся въ пользу военныхъ сраженій. Понялъ, „отдамся", говоритъ. Вотъ какъ слѣдуетъ. Сходися, православные!

Пошли отъ Кашехлѣбова и Илья, и Федоръ подъ ревъ испуганныхъ бабъ и дѣтей, и остался дома одинъ Масса. Но и онъ пересталъ сидѣть у себя. И фабрику свою онъ забросилъ—всѣмъ сталъ руководить тамъ старшій мастеръ Козуля, человѣкъ до того разсудительный, что всю свою жизнь находился въ одномъ сплошномъ недоумѣніи. На этотъ случай Козуля носилъ даже всегда за поясомъ стальной гребень, которымъ и чесался въ минуты тяжкаго раздумья своего.

Масса же съ утра до вечера сталъ толкаться въ Излегощахъ на народѣ и молчаливо выслушивать, что гдѣ калякаютъ. Часами простаивалъ онъ на сгонной площадкѣ, гдѣ

коммиссія принимала лошадей. Вытягивая старческую хилую шею изъ-за армяжныхъ спинъ, онъ часами не сводилъ глазъ со всего, что дѣлалось тамъ, была ли это баба, у которой лошадь не шла, какъ ни нѣжно уговаривала она ее, былъ ли тысячный рысакъ какого-нибудь мѣстнаго туза, или рѣзвая ученая лошадка изъ заѣзжаго цирка, которую привелъ клоунъ. Иной разъ какой-либо сердобольный мужичишка кричалъ стражнику, отдавая упрямившуюся лошадь:

— Ты ей, главное дѣло, пить давай во-время! Она ничего, она пойдетъ! Только ей первое дѣло во-время!—и народъ кругомъ смѣялся.

Но и тогда Кашехлѣбовъ слушалъ все серьезно и внимательно. Видимо, все казалось ему столь значительнымъ и проникновеннымъ, что не могло быть мѣста даже для улыбки.

Когда мобилизація совсѣмъ закончилась, Масса сталъ пропадать въ городѣ, гдѣ толкался по вокзаламъ, безмолвно провожалъ воинскіе поѣзда, выслушивалъ, высматривалъ, но говорилъ все также рѣдко. А дома Козуля приходилъ по вечерамъ, вздыхалъ и лилъ потъ надъ грязными бумагами, хлопалъ счетами, загибалъ пальцами и причесывался, и на лицѣ его было безпросвѣтное недоумѣніе.

За всѣми этими хлопотами совсѣмъ незамѣтно пролетѣлъ конецъ лѣта. Подошла новая осень, сначала совсѣмъ сухая, но послѣ бабьяго лѣта круто измѣнившаяся въ мозглую и темную. Прошелъ годъ, какъ Кузьму взяли въ солдаты, и стали отъ него теперь получаться письма. Написаны онѣ были по обычаю тѣми солдатскими закорючками, о которыхъ разсказываютъ, что, попадая къ непріятелю, онѣ принимаются за шифръ. Цѣлыми ночами разбиралъ этотъ шифръ Масса и цѣлыми ночами сидѣла около него восхищенная Пелагея, то со слезами, то со смѣхомъ.

Снова стало прихватывать морозцами, снова сталъ выпадать снѣжокъ и когда растаивалъ, а когда и задерживался. То налетали ледяные вѣтры, то проглядывало солнышко и сине дѣлалось небо. Но уже чувствовалось суровое дыханіе близкой зимы, завершался строгій вселенскій кругъ, впадая въ исходную точку. Только жизнь человѣческая шла по инымъ законамъ, своимъ, непостижимымъ. Отъ Кузьмы пришло тяжелое письмо.

— Былъ назначенъ для связи—писалъ Кузьма.—Пошелъ провѣрять телефоны. Провѣрилъ, да ужь больно жарко шрапнелью сыпало. Подался вправо и заблудился. Попавши въ другую часть, а она готовилась въ наступленіе, и ходилъ съ нею въ наступленіе два раза. А теперь лежу въ лазаретѣ и не знаю, живъ ли буду. И пишу я вамъ изъ

плѣна, а изъ города Шлохау. Во всемъ же протчемъ остаюсь сынъ вашъ Кузьма.

Прочитавши это письмо, Масса не выразилъ никакого волненія и, когда Пелагея закрыла лицо руками, онъ только прищурился на уголокъ письма и поводилъ по краюшкамъ пальцами.

— Въ ярманскомъ плѣну—сказалъ онъ раздумчиво.—У ярманцевъ.

Онъ всталъ, походилъ немного и постучалъ пальцемъ по печкѣ.

— Въ Шлюхавѣ—сказалъ онъ еще.

Онъ вдругъ началъ одѣваться, пошелъ на дворъ, вывелъ изъ конюшни лошадь и сталъ ее запрягать въ тарантасъ.

— Далеко-ли, батюшка?—крикнула Пелагея, выйдя на крыльцо.

— Въ уѣздъ — сказалъ Масса, уже занося ноги въ тарантасъ.

— Пріѣду—прибавилъ онъ и задребезжалъ изъ воротъ.

Пелагея не пошла въ избу. Перемогая себя, она принялась за дѣло въ сѣняхъ, за квашню. Какъ только уѣзжалъ старикъ, ей бывало страшно оставаться въ избѣ и особенно встрѣчаться съ Юліей. Съ тѣхъ поръ, какъ Илья ушелъ на войну, такъ и не заведя лавку, сердце Юліи до того ожесточилось на Пелагею, что она видѣть ее не могла. Теперь еще стояло раннее утро, но Юлія уже вставала.

Пелагея вся глубоко занята была своими горькими мыслями о себѣ и думами о мужѣ. Однѣ привычныя руки безостановочно и не ошибаясь дѣлали свое дѣло, самой же Пелагеѣ представлялось удивительное чужеземное царство, которое на насъ пошло войной, ихній царь съ неслыханнымъ именемъ и безобразной наружности, множество народу, пугающаго, нечестиваго, лопочущаго не дѣло, и среди нихъ ея бѣдный, несчастный мужъ, съ которымъ Богъ знаетъ, что они могутъ сдѣлать. Пелагея закрывалась платкомъ и плакала-плакала.

Занятая своими невеселыми думами, она и не чуяла ничего впереди. Но ей надо было кипятку и она должна была идти на кухню. Юліи не было тамъ и Пелагея спокойно вынула изъ печи чугунокъ. Маленькая же Ольгушка, самая любимая у Юліи, играя, спряталась отъ нея за уголокъ. Чугунокъ клокоталъ бѣлымъ ключемъ, и за паромъ да за мыслями своими Пелагея совсѣмъ и не замѣтила ея. А Ольгушка выбѣжала, закричала медвѣдемъ, чтобы испугать ее, и бросилась ей подъ самыя подъ ноги. Пелагея уронила

Ольгушку и выронила чугунокъ, который, къ счастью, пролетѣлъ мимо и откатился далеко. Ольгушка заплакала. Прибѣжала Юлія, увидала все, и отъ одной мысли передъ тѣмъ, что могло бы случиться, пришла въ совершенное изступленіе. Она ужасно закричала на Пелагею.

— Ты своего паршивца ошпаривай, когда родишь!— закричала она.—Убирайся отсюда; чтобы я ноги твоей не видѣла! Убирайся къ отцу твоему, дьяволу!

Въ неистовствѣ она стала срывать съ гвоздиковъ Пелагеины юбки и походячія кофточки и швырять ихъ вонъ въ сѣни. Пелагея, сама потрясенная, ужаснувшаяся до глубины души своей неосторожности, долго стояла окаменѣло, потомъ, плохо понимая, подобрала одежду и на самомъ дѣлѣ поплелась къ отцу, въ бобылеву хату его.

Масса долго ходилъ по улицамъ уѣзднаго городка. Онъ присматривался къ народу, къ военнымъ фуражкамъ, запрудившимъ бульвары, къ мѣстнымъ солдатамъ, студентамъ съ красными повязками на рукавахъ. Онъ часами выстаивалъ на вокзалѣ, гдѣ тѣ же студенты съ значительнымъ видомъ, видимо, тѣшившимъ ихъ, распоряжались переноской раненыхъ, такъ, словно бы она была ихъ спеціальностью. Масса приглядѣлъ себѣ одного солдата въ бѣлыхъ валенкахъ и придвинулся къ нему.

— Что, землячокъ, — спросилъ онъ — гдѣ, скажи на милость, обучаютъ носить раненыхъ? Чтобы на войнѣ, значитъ?

Солдатъ смекнулъ старательно и отвѣтилъ:

— На курсахъ.

Кашехлѣбовъ поднялъ кверху обѣ брови.

— На курсахъ?—повторилъ онъ.—А гдѣ, будь другъ, такіе курсы?

Солдатъ наново хорошенько сообразилъ.

— Въ губерніи—отвѣтилъ онъ.

— Премного вами благодарны — поклонился Масса и отошелъ степенно...

Пріѣхалъ онъ домой на другой день къ обѣду. Обѣдъ ставила на столъ не Пелагея, а Юлія съ Наташкой. Масса поискалъ Пелагею глазами, не нашелъ ея, но ничего не сказалъ. Вечеромъ же, когда пришелъ Козуля съ бумагами, онъ вдругъ началъ снова одѣваться, какъ въ дальнюю дорогу—надѣлъ поддевку, а на нее овчинный тулупъ, надѣлъ валенки, а на руки рукавицы, и кнутъ взялъ.

— Куда это вы опять, папенька?—удивились обѣ невѣстки.

Масса молча покрестился на образъ и отвѣтилъ:

— На войну.

Никто этому не повѣрилъ, а Наташка даже спросила, какъ всегда спрашивалъ кто-нибудь:

— Надолго-ли, батюшка?

— Какъ Богъ пошлетъ—безъ улыбки отвѣтилъ Масса и низко поклонился всѣмъ по очереди.

— Прощайте, дѣтки—сказалъ онъ все также въ серьезъ.— Живите въ любви и согласіи.

Всѣ были поражены, и самъ Козуля, занесшій было гребень надъ головой, такъ и не донесъ его.

— Кто же насъ кормить-то будетъ?—удивилась Наташка, которая очнулась первой.

— Не знаю—сказалъ Масса и подумалъ.

— Вотъ онъ добудетъ—показалъ онъ на Козулю, помолчавши.

— Не добуду, пожалуй,—тяжело вздохнулъ Козуля и, наконецъ, причесался.

— Ну, какъ Богъ—сказалъ Масса, опять поклонился и вышелъ во дворъ.

Тряскій тарантасъ задребезжалъ по столичному тракту, но прежде, чѣмъ пропасть среди холодной бѣлесой полутьмы, еще надолго остановился у бобылевой хаты.

VII.

Жить безъ Массы скоро же стало трудно. Время шло, проходило. Козуля трудился надъ фабричкой до поту лица, недоумѣвалъ, по суткамъ хлопалъ счетами и причесывался. Но, какъ ни добросовѣстно трудился онъ, сладить ему, видимо, было никакъ не подъ силу. Хотя въ душѣ онъ отчетливо сознавалъ, что былъ ничѣмъ не плоше Массы, но, вѣрно, тутъ закралась судьба, довѣрявшая дѣло только хозяину, а не чужому человѣку. Все, что сумѣлъ сдѣлать Козуля, это сдать послѣдній заказъ, заплатить торговые долги, кое-что оставить себѣ за хлопоты и распустить рабочихъ. Фабричка замолкла, заглохла, перестала дышать бѣлымъ паромъ и тоненько дымить за горкой. Она закрылась также молчаливо, безъ громкаго дѣла, какъ жила и работала.

Жить становилось совсѣмъ скудно и невесело, до того невесело, что, когда разъ подошелъ какой-то праздникъ, и не малый, не на что было даже купить лампаднаго масла. А дальше стало случаться, что приходилось кланяться чужому и не изъ-за такихъ пустяковъ.

Наташка съ горя и несытости стала снова орать во весь

голосъ пѣсни. Или, бросивши всякую работу, ходила она изъ угла въ уголъ и пѣла по-купцовски:

— Да исправится молитва моя.

Но сама же первая и взбѣленилась. Однажды утромъ собрала она кое-какіе пожитки свои въ узелъ, закричала, какъ всегда, чтобы всѣ провалились, и вдругъ покатила куда-то за Москву разыскивать своего купца. Юлія только завистливо посмотрѣла ей вслѣдъ и глубоко вздохнула,—у нея на рукахъ была орава ребятишекъ, а то бы, видимо, и она ушла охотно.

И дальше потянулась жизнь, все старѣе, все хилѣе, все принижаясь. Юлія поистинѣ надрывалась за дѣломъ, не покладая рукъ, вспыхивала, кипѣла, и бурлила. Марья съ Людмилой помогали, какъ умѣли, и домъ плелся кое-какъ. И цѣлый мѣсяцъ почти прошелъ такъ безъ Наташки, когда жизнь, наконецъ, сорвалась внизъ еще на одну ступеньку. Не хватило, наконецъ, на нее и Юліи. Случилось разъ, что Марья, развѣшивая на дворѣ мокрое бѣлье, забыла подсинить ея бѣлый праздничный передникъ съ кружевами, а Юлія это увидала и ей это показалось до того обидно, что она жестоко раскричалась на нее. Она назвала ее много разъ подрядъ дармоѣдкой и лупоглазой, потомъ надавала всѣмъ своимъ ребятишкамъ шлепковъ, вдругъ надѣла на нихъ пальтишки и платки и неожиданно потащила ихъ куда-то за собой гуськомъ вдоль по улицѣ. Пришелъ вечеръ и настала ночь, но Юлія уже больше не воротилась.

Послѣ этого дольше всѣхъ оставалась въ домѣ спокойная Людмила и меланхоличная Марья. Долго еще коротали онѣ, чѣмъ умѣли и могли, неуютные, пустынные вечера, длинные, темные, одинокіе, съ томительнымъ пѣніемъ сверчка, съ плачевнымъ воемъ злого и буйнаго вѣтра, съ хриплымъ боемъ часовъ, тоскливо отзывавшимся въ пустомъ домѣ.

Но, наконецъ, Марья тоже собралась, наняла на послѣднюю завѣтную трешницу подводу и поѣхала куда-то въ деревню къ роднѣ. Тогда поднялась за нею и Людмила, вздохнула, связала покорно узелокъ и поплелась тоже куда-то на вольный Божій свѣтъ.

А послѣ нихъ дня черезъ два пришелъ все тотъ-же Козуля съ охапками досокъ подъ обѣими подмышками, осмотрѣлъ, недоумѣвая, окошки и началъ заколачивать ихъ наглухо. Ослѣпъ домъ и осталось глядѣть на улицу только одно окошечко, около котораго пріютилась старуха, вторая жена Массы...

VIII.

Бобылева хата снова принарядилася и повеселѣла съ тѣхъ поръ, какъ въ ней опять стала жить Пелагея. У

Пелагеи родился ребенокъ и обычно она сидѣла на лавкѣ, тянула пряжу на бабушкиной прялкѣ и покачивала ногою люльку. На Святкахъ попрежнему ходила на трудную поденщину, стирать бѣлье и мыть полы, а вечеромъ клеила пшеничной мукой пѣтушковъ и голубковъ или пряла до послѣднихъ пѣтуховъ.

Бобыль выходилъ за ворота и ловилъ всякаго проходящаго.

— Куда бѣжишь?—кричалъ онъ какому-нибудь шустрому дѣловому мужичку, которому всегда было некогда.— Снѣжокъ-то порядочный, засыплетъ!

— Ничего!—отвѣчалъ тотъ на ходу.—Здравствуй!

— А у меня дочка живетъ!—кричалъ бобыль и смѣялся.— Добраго здоровья.

— Дочка?—наскоро удивлялся мужичекъ.—Это хорошо. Ну, прощай!

— Прощай, братъ, прощай! Хо-хо!—отвѣчалъ бобыль и смѣялся пуще прежняго.

А зима заворачивала все круче, все лютѣе. Бурные вихри и мятели проносились надъ пустынною, притаившеюся землей, трещали грозно бревна по избамъ и суровый вѣтеръ вновь заколачивалъ назадъ по трубамъ вырвавшійся дымъ. Бобыль однажды поплелся въ лѣсъ за дровами, но среди бѣлаго дня чуть совсѣмъ не запутался за околицей и вмѣсто вязанки дровъ принесъ одну только заиндевѣвшую ворону, въ изнеможеніи кувыркавшуюся на дорогѣ.

Самъ онъ былъ всегда очень веселъ и всегда всему смѣялся, такъ что даже похоже было, что не одно дочернее переселеніе радовало его такъ, а словно бы было тутъ еще что-то, уже совсѣмъ особенное, но что онъ зналъ только про самого себя и никому не хотѣлъ открывать до поры, до времени. Частенько, сокрушаясь, поговаривалъ онъ о разбредшейся семьѣ Массы.

— Ай, трудно нести бореніе съ жизнью безъ угла!— вертѣлъ онъ жалостливо головой.—Соколики вы мои любезные! Слетались бы скорѣе ужь, изо всѣхъ оконъ гляжу на васъ!

И бобыль нежданно-негаданно напророчилъ самъ себѣ.

Подъ самое Срѣтеніе, когда оставалось уже пережить послѣдніе лютые морозы, срѣтенскіе, вечеромъ кто-то звякнулъ ногтями въ боковое, наглухо замерзшее окно, и невнятный женскій голосъ что-то проговорилъ снаружи.

— Чего тамъ? а?—крикнула Пелагея.

Она приложилась къ заледенѣлому стеклу, но ничего разобрать за нимъ нельзя было.

— Кто такое?—крикнула она.

— Бу-бу-бу—проговорило что-то за окномъ, чего опять нельзя было понять.

Пелагея накинула шубейку и платокъ, насилу отодвинула прихваченную добрымъ морозомъ желѣзную задвижку и отворила дверь на улицу. Свѣтлая, лунная, неистово-студеная ночь глянула ей въ лицо всѣми крупными звѣздами. Два темныхъ человѣка, свѣтясь инеемъ, отошли отъ окна, а за ними покатились по снѣгу трое ребятишекъ. Оба человѣка вдругъ упали въ ноги Пелагеѣ.

— Прости, сестрица, Христа ради, окаянную—горькимъ женскимъ голосомъ забормоталъ одинъ. — Прими куда хочешь, хоть въ хлѣвъ свиной. Способіе мое на дѣтишекъ казенное тебѣ отдаю, только не гони Господа ради.

Пелагея такъ и отшатнулась назадъ—она узнала голосъ Юліи.

— Что ты, что ты сестрица!—насилу вымолвила она съ испугомъ и вся такъ и обдалась жаромъ.—Грѣхъ тебѣ! Всѣмъ мѣста въ избѣ хватитъ.

Но она никакъ не могла притти въ себя, не могла опомниться—до того неимовѣрнымъ, вѣроломнымъ казалось ей все это. Жалостно и скорбно было думать, что вотъ только теперь пришло это, и жалко было Юлію за ея униженіе, и стыдно самой себя за него.

Когда въ избѣ раздѣли посинѣлыхъ ребятишекъ и сами раздѣлись, увидѣли, что второй человѣкъ была Наташа. Она пришла очень худая, блѣдная, видимо, совсѣмъ нездоровая, все кашляла и молчала—отъ прежней ея безшабашности не осталось и слѣда. И говорила она тихо, такъ кротко, словно монашенка, и улыбалась такъ покорно, замученно. На рукахъ у нея былъ тощенькій и такой же безгласный ребенокъ, котораго она безпрестанно кормила грудью.

Долго Пелагея не могла отдѣлаться отъ свой потерянности. Одинъ бобыль понялъ все сразу, принялъ такъ, какъ словно бы не ждалъ иного, и весь засвѣтился.

— Вотъ, Польчушка, и складно—говорилъ онъ безъ перерыва.—И хату топить незачѣмъ. Далъ вамъ всѣмъ Господь свѣтъ и воздухъ, пищу и землю, чтобы жили, не нуждались бы въ нихъ. Вотъ оно и въ строчку выходитъ.

Въ Кашехлѣбовскомъ холодномъ домѣ лишь одно окошечко по прежнему оставалось не заколоченнымъ—то окошечко, гдѣ осталась жить старуха. Она начала плохо видѣть и слышать, не слѣзала почти съ лежанки и стала путать

съ явью сны и что случилось раньше. Но она помнила своего старика и терпѣливо дожидалась его.

Домъ былъ великъ и топить его весь было немыслимо, но въ комнатушкѣ у старухи было тепло. Пелагея приносила ей каждый день охапку полѣньевъ или хвороста истопить лежанку и не забывала захватить кусокъ пирога.

— На-ка, матушка, поѣшь-ка—говорила она.—Скоро, чай, ужь и батюшка пріѣдетъ.

— Скоро, скоро пріѣдетъ—шамкала она, пережевывая пирогъ.—Пріѣдетъ! Давеча говорю ему: „опять ты въ городъ?" А онъ мнѣ: „я, говоритъ, пріѣду". Вотъ оно и пріѣдетъ.

А одинъ разъ она разсказала даже, путая какой-то удивительный сонъ съ явью, что къ ней уже ѣдетъ ея старикъ, и не одинъ будто бы старикъ, а какъ-то двое. А что въ подпольѣ у бобыля ихъ дожидаются будто бы всѣ тридцать тысячъ сотенными билетами, какъ одна копеечка, да только до него нельзя ни тронуть, ни сказать о нихъ.

И Богъ вѣсть что настоящее и съ какою небылицей путала она и мѣшала тутъ слабой памятью своей.

Н. Н. Киселевъ.

Сомнѣнье.

Уходятъ дни, безслѣдно тая
Въ пучинѣ канувшихъ вѣковъ,
И тщетно таинства покровъ,
Срываешь ты, душа живая,

И тщетно бьешься у порога
Темницы тѣсной бытія:
Обманъ, быть можетъ, жизнь твоя
И вовсе нѣтъ небесъ и Бога.

П. Радимовъ.

ВЪ ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ.

Письмо изъ Франціи.

Меня вышвырнуло за границу уже давно. Около семи лѣтъ. И съ тѣхъ поръ я все время верчусь въ водоворотѣ жизни, тщетно стараясь прибиться къ берегу.

Лишь недавно, почти совсѣмъ наканунѣ войны, мнѣ какъ будто улыбнулось счастье. Не очень большое, конечно, но у того, кто пожилъ въ эмиграціи и попробовалъ мансардной жизни, требовательность вообще сокращается основательно.

Мое счастье заключалось въ томъ, что я заработалъ нѣсколько сотъ франковъ, съ помощью которыхъ совершенно избавился отъ долговъ, нашелъ себѣ постоянную работу въ двухъ періодическихъ изданіяхъ и, что самое главное, познакомился съ дѣловыми людьми, которые къ осени обѣщали помочь мнѣ устроиться.

Когда счастье улыбается лѣтомъ, лучше всего уѣхать куда-нибудь въ деревню, къ морю, потому что все равно раньше осени эта улыбка не дастъ ничего положительнаго. Это́ я понималъ хорошо. А сознаніе, что уже нѣсколько дней въ моемъ кошелькѣ надежно покоится сотни двѣ франковъ, помогло мнѣ принять и опредѣленное рѣшеніе.

Есть въ Парижѣ общество „Солнечный Лучъ" („Rayon du Soleil"), обслуживающее солнцемъ и моремъ разную мелкоту: рабочихъ, конторщиковъ, учителей, студентовъ и пр. За небольшую плату, отъ двухъ до двухъ съ половиной франковъ въ день, оно гарантируетъ вамъ кровъ, продовольствіе, пляжъ и чистый морской воздухъ. Если вы не очень избалованы и можете помириться съ нѣкоторыми неудобствами, вамъ стоитъ только зайти въ этотъ „Солнечный Лучъ" и записаться на вакантное мѣсто. А въ избранную вами субботу вы являетесь на вокзалъ, отыскиваете вагонъ съ плакатомъ „Rayon du Soleil" и въ компаніи съ нѣсколькими десятками пролетаріевъ и разночинцевъ мчитесь прямо къ морю.

Въ колоніи „Солнечнаго Луча" я уже гостилъ одинъ разъ. Мнѣ понравилось симпатичное отношеніе ея директриссы къ колонистамъ, и особенно къ русскимъ. Поэтому я рѣшилъ и на этотъ разъ отдать ей предпочтеніе. Спѣшно закончивъ свои дѣла, я

собралъ свои вещи и въ первыхъ числахъ іюля уже сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса, направляясь со своими товарищами къ тихому убѣжищу, затерявшемуся въ лѣсной глуши.

Ѣхали всю ночь и съ двумя пересадками добрались до маленькаго городка La Tremblade. Отсюда уже на лошадяхъ мы двинулись къ деревушкѣ Ronce, конечному пункту нашего путешествія. Дорога все время шла среди безчисленныхъ виноградниковъ, которыми такъ славится эта сторона, направляясь къ синеватой лентѣ отдаленнаго лѣса. На одномъ изъ заворотовъ ея передъ нами неожиданно открылось море. Впрочемъ, не совсѣмъ море, а только морской проливъ, такъ какъ передъ нашимъ поселкомъ стоитъ островъ d'Oleron, который закрываетъ настоящій морской просторъ.

Ронсъ—небольшой дачный поселокъ, оживленный лѣтомъ и совершенно замирающій зимой. Онъ теряется въ чудномъ лѣсу, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ по морскому берегу. Когда-то на мѣстѣ этого лѣса разгуливали пески. Впослѣдствіи здѣсь насадили морскую сосну, которая своими длинными корнями сковала вольныя движенія песчаныхъ дюнъ. А теперь эти насажденія превратились въ роскошный лѣсъ, привлекающій издалека городскихъ жителей счастливымъ сочетаніемъ сосны съ моремъ.

Колонія помѣщается въ большомъ четырехъэтажномъ зданіи, съ виду похожемъ на казарму. Управляется она директриссой, которая и была одной изъ ея основательницъ.

Убранство этого своеобразнаго отеля очень скромное. Въ комнатахъ имѣются лишь самыя необходимыя вещи: столъ, стулъ, кровать, умывальникъ, вѣшалка для платья. Убирать ихъ приходится самому. Но самое главное неудобство заключается въ томъ, что нельзя получить отдѣльной комнаты и поэтому приходится иной разъ ночевать съ безпокойными людьми.

Я устроился по-деревенски. Съ перваго же дня сбросилъ съ себя условности городской культуры, надѣлъ рубаху съ открытымъ воротомъ, холстинковые штаны на голое тѣло, сандаліи, и въ такомъ видѣ сталъ бродить по окрестностямъ, иногда пѣшкомъ, иногда на велосипедѣ. Жары не избѣгалъ и всегда былъ безъ шапки, отъ чего крестьяне меня всячески отговаривали, пугая солнечнымъ ударомъ. Сами они лѣтомъ ходятъ въ суконныхъ картузахъ.

Для сближенія колонистовъ у насъ устраивались часто танцевальные вечера и концерты. На послѣднихъ выступали всѣ, у кого была увѣренность въ своемъ артистическомъ призваніи, а такихъ, къ сожалѣнію, было не мало. Особенно допекалъ насъ какой-то флейтистъ, одержимый настоящей флейтоманіей. Его появленіе на эстрадѣ было для насъ сущей пыткой, которая усугублялась номерами дѣвицъ, выступавшихъ, главнымъ образомъ, по желанію, совершенно понятному, своихъ мамашъ. Гораздо

болѣе выгодное впечатлѣніе производили дѣти, державшіеся вполнѣ свободно и естественно. Мы, русскіе, также принимали участіе въ этихъ концертахъ, и наши выступленія хоромъ нравились публикѣ. Вѣроятно потому, что мы пѣли на нѣсколько голосовъ, а не какъ французы—въ униссонъ. Когда же по смыслу пѣсни требовалось подсвистываніе или гиканье, французы приходили въ бѣшеный восторгъ, такъ какъ въ этомъ видѣли нашу истинно-національную особенность.

II.

Такъ жили мы, словно устрицы, въ своемъ паркѣ, какъ вдругъ гдѣ-то далеко, при совершенно ясномъ небѣ зарокотали глухо и невнятно первые раскаты грома. Газеты принесли извѣстія объ ультиматумѣ, который Австрія предъявила Сербіи. Французы отнеслись къ этому извѣстію совершенно равнодушно.

Но мы, русскіе, сразу насторожились. И событія, взявшія бѣшеный темпъ, показали, что наше предчувствіе насъ не обмануло. Французскія газеты не давали яснаго представленія о разыгравшемся конфликтѣ и мы съ нетерпѣніемъ ждали русскихъ. Но, увы, не дождались!

Убійство Жореса было первымъ ударомъ набатнаго колокола, взволновавшимъ нашу тихую обитель. Извѣстіе было такъ неожиданно, такъ чудовищно трагично, что мы отказывались вѣрить ему. Ждали чего-то большого, предчувствовали грозное выступленіе народныхъ массъ.

Спустя нѣсколько часовъ мы получили извѣстіе, что объявлена мобилизація. И вдругъ все настроеніе мгновенно измѣнилось. Исчезли гнѣвныя рѣчи, погасло возмущеніе, люди жалко растерялись, словно пришибленные неожиданно налетѣвшимъ ураганомъ. Наступило тяжелое молчаніе, прерываемое лишь бѣготней, отрывистыми криками собиравшихся въ дорогу мужчинъ, сдержаннымъ плачемъ остающихся женщинъ.

Какой-то патріотъ вздумалъ было заговорить о несокрушимой силѣ Франціи, но его рѣзко оборвали на полусловѣ и онъ замолчалъ.

Горе сразу пригнуло всѣхъ, прогнало веселье и шутки. Беззаботное настроеніе исчезло, его смѣнила какая-то странная, гнетущая тишина. И лишь изрѣдка она нарушалась рыданьемъ какой-нибудь колонистки, у которой не хватало больше силъ сдерживать себя.,. Такъ прошелъ день. Подходила темная ночь. Вдругъ откуда-то рѣзкимъ диссонансомъ ворвались въ угнетенную тишину отзвуки веселаго крика и смѣха. Это возвращалась группа нашихъ колонистовъ, отправившихся еще утромъ на морскую прогулку, къ острову. Мы объ нихъ совершенно забыли. Пристать имъ къ берегу было трудно изъ-за отлива. Мы кричали имъ съ берега, что объявлена мобилизація, они же, не разслышавъ,

отвѣчали шутками и смѣхомъ. А, когда барка подошла ближе къ берегу и веселые участники пикника узнали, наконецъ, въ чемъ дѣло, было жутко смотрѣть на внезапную перемѣну, охватившую ихъ...

На другой день въ колоніи остались лишь женщины, старики, да мы—русскіе.

Мирный покой нашей жизни былъ нарушенъ. Французы, всегда привѣтливые и спокойные, измѣнились до неузнаваемости. Они сдѣлались нервны и подозрительны, стали насъ сторониться. Когда мы подходили, разговоры прекращались. Иногда намъ пускали вдогонку замѣчаніе:

— Союзники! Надо это доказать...

Иногда же говорили въ упоръ:

— Почему вы не идете на войну? Вы молоды и можете держать въ рукахъ ружье... Вѣдь все равно, будете ли вы сражаться съ нѣмцемъ у васъ, въ Россіи, или же съ нами. Мы же ваши союзники...

А одна старуха въ разговорѣ съ русскимъ студентомъ такъ пояснила общую мысль:

— Вотъ представьте себѣ, что вы поселились въ чужомъ домѣ, гдѣ васъ пріютили и пригрѣли, и вдругъ приходятъ разбойники, убиваютъ отца, братьевъ... Что вы станете дѣлать? Неужели не броситесь ихъ защищать?

И вообще разговоры о войнѣ приняли крайне щекотливый характеръ. Какъ-то разъ нашъ флейтистъ, онъ былъ русскій, вздумалъ затронуть вопросъ по существу и при этомъ позволилъ себѣ критически отозваться о подготовленности французской арміи, ссылаясь на Жореса, на разоблаченія сенатора Эмбера, надѣлавшія недавно такъ много шума, но одинъ изъ присутствовавшихъ французовъ пришелъ въ такое бѣшенство, что хотѣлъ непремѣнно арестовать критика, и только наше вмѣшательство утихомирило его.

Такія обостренныя отношенія, впрочемъ, были характерны только для членовъ колоніи. Мѣстное же населеніе быстро оправилось отъ перваго удара, нанесеннаго мобилизаціей, и снова стало относиться къ намъ спокойно и ровно. Много этому содѣйствовали и извѣстія о побѣдахъ въ Эльзасѣ, поднявшія духъ французовъ и внушившія имъ вѣру въ скорую побѣду надъ нѣмцемъ. Давняя мечта о возвращеніи Эльзаса начинала какъ будто реализироваться.

— Но онъ сошелъ съ ума, этотъ Вильгельмъ!—говорили политики-оптимисты.—Онъ идетъ одинъ противъ всѣхъ... Франція, Англія, Бельгія, Черногорія, Сербія, Россія... да они же сотрутъ его въ порошокъ!

Но были и пессимисты.

Втеченіе первыхъ десяти дней мы были совершенно отрѣзаны

отъ всего міра. Всякое сообщеніе, пассажирское и товарное, пріостановилось, почта стала приходить очень рѣдко, доставка продуктовъ прекратилась совершенно. Въ результатѣ цѣны сразу пошли въ гору, заговорили о „сахарномъ голодѣ". Шоколаду и бисквитовъ нигдѣ нельзя было достать. Спички продавались по одной коробкѣ на человѣка. Даже мѣстные продукты, рыбу и устрицы, намъ перестали доставлять, потому что всѣ рыбаки оказались на призывныхъ пунктахъ.

Уже этого одного было достаточно, чтобы совершенно разстроить наше колоніальное благополучіе, а тутъ еще финансовый кризисъ. Вдругъ куда-то исчезло золото, пропала размѣнная монета. Кредитки потеряли всякую цѣнность и ихъ обладатели сравнялись съ простыми бѣдняками. Сберегательныя кассы сильно ограничили выдачу вкладовъ... У всѣхъ пропала увѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

И на этомъ фонѣ всеобщаго замѣшательства пышно расцвѣла настоящая эпидемія шпіономаніи, усердно раздуваемая реакціонными органами вродѣ L'Action Française, Le Matin, Echo de Paris, Figaro и пр. Уже заговорили о таинственныхъ нѣмцахъ, шныряющихъ повсюду съ самыми ужасными намѣреніями. Отголоски этой эпидеміи проникли и въ наше устричное царство. Однажды къ намъ въ колонію нагрянули жандармы съ цѣлью изловить какую-то нѣмку, которая будто бы скрывалась среди насъ подъ русской фамиліей. Оказалось, что они явились по доносу одной колонистки, который мы, къ счастью, легко разоблачили.

III.

Изъ Парижа въ то же время получались вѣсти, одна печальнѣе другой: безработица, натянутыя отношенія съ французами, ихъ чрезмѣрная подозрительность, массовыя зачисленія въ волонтеры и, наконецъ, взволновавшій всѣхъ вопросъ о воинской повинности.

Послѣдній вопросъ особенно занималъ насъ потому, что никому не хотѣлось попасть въ разрядъ „уклонившихся", но никто въ то же время не могъ выяснить, какъ избѣгнуть этой опасности. Парижане окончательно насъ сбивали съ толку. Одни писали, что даже „смертники" идутъ записываться къ консулу; другіе увѣряли, что получено предписаніе всѣхъ зачислить во французскую армію; третьи смѣялись надъ этимъ вздоромъ, потому что въ дѣйствительности русскіе были освобождены отъ всякаго призыва.

Много безпокойства мы претерпѣли и при полученіи видовъ на жительство (permission de séjour). Начать съ того, что у большинства изъ насъ не было вообще никакихъ документовъ. Это въ порядкѣ вещей у русскихъ. Избавившись отъ прелестей своей паспортной системы, они превращаются за границей въ полныхъ отри-

цателей „писчебумажныхъ формальностей“. Поэтому, когда власти приступили къ повальной провѣркѣ иностранцевъ, въ нашей колоніи поднялась настоящая паспортная буря, въ Парижъ полетѣли телеграммы, письма, запросы... И тутъ между прочимъ обнаружилось, что многіе изъ русскихъ колонистовъ живутъ въ свободномъ бракѣ и даже не зарегистрированы въ мэріи. Обстоятельство тѣмъ болѣе изумительное для мѣстныхъ властей, что были налицо и дѣти. Затѣмъ началась возня съ фиктивными фамиліями. Живетъ, напримѣръ, въ пансіонѣ Сидоровъ, и всѣ его такъ величаютъ, а по документамъ оказывается, что это Петровъ, причемъ имѣются основанія подозрѣвать, что за послѣднимъ скрывается Ивановъ. Въ результатѣ мы попали подъ настоящій жандармскій надзоръ, гораздо менѣе, впрочемъ, стѣснительный, чѣмъ въ Россіи.

Несчастье сближаетъ людей. Сплотило оно и насъ въ дружную семью. Мы стали чаще собираться вмѣстѣ обсуждать разные вопросы, вырабатывать общія рѣшенія.

По вечерамъ около досяти часовъ, когда французы по обыкновенію шли спать, для насъ, несуразныхъ россіянъ, начиналась только настоящая своеобразная жизнь. Чтобы не волновать директриссы и не мѣшать колонистамъ, мы избрали для своихъ ночныхъ засѣданій уединенную дюну у морского пляжа. Это былъ нашъ залъ подъ открытымъ небомъ, а садовая скамейка, нѣсколько складныхъ стульевъ и брошенная на песокъ дверь отъ кабинки замѣняли намъ мягкія кресла.

Здѣсь мы обсуждали правительственныя сообщенія, дѣлились новостями изъ газетъ и писемъ; но такъ какъ всѣ наши свѣдѣнія были очень отрывочны и неполны, то отсутствіе данныхъ восполняла фантазія, чему не мало способствовала сама обстановка: глухой рокотъ морской волны, безлюдный просторъ побережья, причудливая игра луннаго свѣта въ облакахъ и водѣ.

* * *

Къ концу августа характеръ правительственныхъ сообщеній рѣзко измѣнился. Прежде въ нихъ говорилось о блестящихъ французскихъ побѣдахъ въ Эльзасѣ и о героическомъ сопротивленіи бельгійцевъ. Общій тонъ ихъ былъ приподнятый и, когда къ намъ стали доноситься слухи о пораженіи французовъ подъ Мюльгаузеномъ и о рѣшительной побѣдѣ нѣмцевъ въ Бельгіи, имъ не придавали особаго значенія. Теперь это не только подтвердилось, но мы узнали и о вторженіи нѣмцевъ въ предѣлы самой Франціи. Долго замалчиваемая правда сразу открылась передъ глазами ошеломленнаго населенія и это произвело на него впечатлѣніе внезапно разорвавшейся бомбы. А тамъ, въ сообщеніяхъ замелькали имена французскихъ городовъ... Непріятель все ближе и ближе подходилъ къ Парижу, дѣлая какіе-то невѣроятные переходы, словно не встрѣчая передъ собой никакихъ препятствій.

Когда, наконецъ, телеграфъ принесъ извѣстіе о приближеніи

нѣмцевъ къ Компьену, паника достигла крайнихъ предѣловъ. Всѣ заговорили о неминуемой осадѣ Парижа. Наши колонисты совсѣмъ растерялись. Тамъ осталось все ихъ имущество, бѣлье, одежда... У нѣкоторыхъ оказались даже цѣнныя вещи, одинъ признался, что у него дома хранится на нѣсколько тысячъ векселей. Надо было что-нибудь предпринять, но никто не рѣшался ѣхать въ Парижъ, опасаясь попасть въ руки нѣмцевъ. Нашлось только двое храбрыхъ мужей, которые отправили своихъ женъ въ Парижъ на выручку имущества.

Тѣмъ временемъ событія развивались съ головокружительной быстротой, выбивая насъ окончательно изъ привычнаго распорядка устричной жизни.

Скоро мы узнали, что правительство покинуло Парижъ и переселилось въ Бордо. Это было сигналомъ ко всеобщему бѣгству изъ Парижа. Нашъ Ронсъ снова ожилъ. Изъ обезумѣвшей столицы понаѣхала масса бѣглецовъ, занявшихъ всѣ дачи... Появилась молодежь, много мужчинъ, парижскіе элегантные костюмы... Ронсъ загудѣлъ, словно пчельникъ.

Около 6 сентября къ намъ привезли изъ окрестностей Парижа небольшую группу ребятъ, жившихъ въ одномъ буржуазномъ пансіонѣ. Переселеніе маленькаго народа происходило подъ надзоромъ муниципальныхъ властей и въ строгомъ порядкѣ. Все было очень чинно, и дѣти удивляли своей выдержкой и дисциплинированностью.

Потомъ эта маленькая волна схлынула, уступивъ мѣсто ордѣ оборванныхъ, грязныхъ, тощихъ парижскихъ гаменовъ. Эти пасынки парижской улицы разрушили дюны, требующія вообще деликатнаго обращенія, поломали изгороди и насажденія, въ самомъ отелѣ испортили замки, побили стекла, натаскали грязи и навели терроръ на всѣхъ пансіонеровъ.

Съ прибытіемъ этой массы дѣтей хозяйство нашей маленькой колоніи разрослось. Пришлось каждый день отправляться въ городъ и закупать тамъ припасы. Наши очередныя поѣздки на велосипедахъ съ этою цѣлью замѣтно ослабили нужду, но многаго все-таки не хватало. У хозяйки же лошади были реквизированы. И вотъ однажды, придумывая какой-нибудь исходъ, она обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ посмотрѣть автомобиль одного ея знакомаго, который можно было бы утилизировать для поѣздокъ.

Это была старая, совершенно разбитая и запущенная машина, видавшая виды на своемъ вѣку. Она стояла, какъ инвалидъ, въ сараѣ, и, еслибы только могла думать, никогда бы ей не пришло въ голову, что настанетъ часъ, когда придетъ человѣкъ, не имѣющій никакого представленія ни о механикѣ вообще, ни объ автомобильномъ дѣлѣ въ частности, развинтитъ ея дряхлые члены, смажетъ ихъ обильно керосиномъ и масломъ, прочиститъ свѣчи, перемѣнитъ клапаны и, пустивъ по артеріямъ энергію въ видѣ

бензина, заставитъ ее снова катиться по шоссе, къ удивленію самого импровизированнаго механика.

А между тѣмъ я это сдѣлалъ. И въ то время, когда, покрытый грязью и потомъ, волнующійся отъ каждаго мелкаго признака грядущей побѣды надъ стальнымъ организмомъ, я съ гордостью учитывалъ силу своей воли и интеллекта, мнѣ также меньше всего могло придти въ голову, что минетъ еще мѣсяцъ, и тѣ же причины, которыя оживили разбитый автомобиль и заставили его работать, надолго прикуютъ меня къ этой машинѣ, сдѣлаютъ изъ гордаго повелителя простого раба-шоффера. Увы, многообразна и сложна человѣческая жизнь, особенно, когда она срывается съ цѣпи и начинаетъ выкидывать свои шутки.

* * *

Военныя событія втеченіе сентября и октября значительно измѣнили свой характеръ. Счастье, наконецъ, улыбнулось французамъ. Нѣмцы были разбиты и оттѣснены за Суассонъ. Населеніе облегченно вздохнуло и быстро вернулось къ утраченному оптимистическому настроенію. О попыткѣ нѣмецкой арміи завладѣть Парижемъ говорили уже иронически:

— Нѣмцы были у Парижа? Nom de nom!.. Но тѣмъ хуже для нихъ. Вѣдь это нашъ старина Жоффръ заманилъ ихъ въ ловушку, а они, ха-ха-ха! а они, дураки, и полѣзли...

Эта версія была въ то время очень распространена въ нашихъ краяхъ.

Но какъ ни какъ, а подходъ нѣмцевъ къ Парижу произвелъ на мѣстныхъ жителей глубокое впечатлѣніе. Чувствовалась какая-то неувѣренность въ своихъ силахъ, которая не разъ проявлялась въ разговорахъ.

— Вотъ, еслибы ваша Россія могла прислать намъ солдатъ, тогда бы мы живо свернули нѣмцамъ шею... Вѣдь у васъ такъ много, такъ много людей!

Постепенно война приняла затяжной траншейный характеръ. Сенсаціонныя извѣстія съ театра войны стали приходить все рѣже и рѣже. И общій тонъ жизни нашей деревушки настолько упалъ, что мѣстныя власти рѣшили даже отказаться отъ расклейки вечернихъ телеграммъ. Но интересъ къ войнѣ у насъ все-таки не пропалъ и мы вошли въ сношенія съ ближайшимъ телеграфнымъ бюро, которое въ 9 час. вечера передавало намъ по телефону правительственныя сообщенія.

Эти вечернія собранія сблизили насъ съ оставшимися дачниками и внесли нѣкоторое разнообразіе въ нашу скучную жизнь. Публика стекалась къ сборному пункту, освѣщая свой путь фонариками, задолго до назначеннаго времени; каждому хотѣлось поболтать съ сосѣдями о текущихъ событіяхъ. А въ 9 часовъ начиналось священнодѣйствіе. Одинъ бралъ телефонную трубку и громко повторялъ извѣстія, а другой записывалъ ихъ. Когда дѣло дохо-

дило до извѣстій съ восточнаго фронта, французъ-телофонистъ преображался и громко провозглашалъ: „Russie!“, и затѣмъ слѣдовало настоящее географическое членовредительство, такъ какъ русскія названія городовъ и мѣстечекъ оказывались для него совершенно неудобопроизносимыми. Когда телефонъ о Россіи ничего не говорилъ, глашатай пояснялъ невозмутимо:

— Извѣстій изъ Россіи нѣтъ, потому что русскіе теперь дерутся. Когда поколотятъ, сообщатъ. Это у нихъ такая манера...

Подъ конецъ насъ осталось въ колоніи не больше десятка и мы не разъ стали задумываться надъ вопросомъ, что же дѣлать дальше. Всѣ давно уже жили въ кредитъ, денегъ ни у кого не было. Надо было что-нибудь предпринять, но мы все колебались, пока директрисса не разрубила гордіевъ узелъ нашихъ сомнѣній, заявивъ намъ въ одно осеннее печальное утро, что колонія закрывается.

Нѣсколько грустныхъ часовъ мы отдали укладыванію вещей, простились съ моремъ, лѣсомъ и людьми, а къ ночи нашъ поѣздъ медленно вползъ подъ огромный стеклянный навѣсъ Монпарнасскаго вокзала.

IV.

Парижъ былъ закутанъ въ черную пелену тумана, на улицахъ царила странная, непривычная темнота. Изъ тысячъ фонарей горѣли слабыми огоньками лишь одиночки. На душѣ было тоже мрачно и темно. Огоньки надежды горѣли въ ней тоже едва замѣтно...

Спустились съ вокзала, чтобы взять ручную телѣжку для багажа, такъ какъ денегъ на извозчика не было. У прохода, подъ мостомъ, насъ остановилъ рѣзкій окликъ:

— Où allez-vous?

Часовой.

Объяснили ему, что ищемъ депо, гдѣ можно было бы достать телѣжку. Онъ пропустилъ насъ. Но съ этого момента острое ощущеніе близости войны уже не оставляло ни меня, ни моихъ сотоварищей. Черезъ нѣсколько минутъ мы повлекли свой грузъ по пустыннымъ улицамъ Парижа. Это было довольно странное зрѣлище. Телѣжка быстро катилась подъ гору, а вокругъ нея, упираясь, суетились люди, похожіе на тѣни. Одинъ изъ насъ былъ студентъ, другой—библіотекарь, а третій—я, учитель математики. Всѣхъ судьба связала и потащила ночью по скользкой мостовой вмѣстѣ съ жалкой телѣжкой, всѣхъ обобрала до послѣдняго гроша и всѣмъ поставила одинъ вопросъ: а что будетъ завтра?

На слѣдующій день я вышелъ съ утра. Парижъ и при дневномъ свѣтѣ былъ неузнаваемъ. Куда дѣвалась его кипучая оживленность, гдѣ бѣшеный размахъ его уличной жизни, гдѣ всѣ эти маленькіе

водовороты людей, на перекресткахъ, у кафе, у магазиновъ, куда дѣвались быстро ползущія по тротуарамъ безпрерывныя вереницы людей?

Все исчезло. Парижъ какъ будто заболѣлъ тяжелой болѣзнью, парализовавшей его огромное тѣло, словно его кто-то усыпилъ и окружилъ на долгое время мертвымъ покоемъ. Опустѣвшія улицы произвели на меня впечатлѣніе безсильно распростертыхъ членовъ этого тѣла. Лишенныя криковъ и всплесковъ оживленной толпы, постояннаго шума, звона бубенчиковъ, хлопанья бичей, рѣзкихъ и повелительныхъ сигналовъ автомобилей, трамваевъ и автобусовъ, онѣ выступали сѣрыми и непривлядными въ своей обнаженности и будили безпокойное тоскливое чувство. Такъ бродишь по опустѣвшимъ комнатамъ и корридорамъ стараго запущеннаго дома, знавшаго когда-то веселые, безпечные дни и вдругъ покинутаго хозяевами на произволъ судьбы.

Многіе магазины, конторы и склады были закрыты. Ихъ опущенныя желѣзныя ставни выдѣлялись мрачными пятнами на фасадахъ домовъ, плакаты и надписи: „maison française“, „propriétaire mobilisé“ попадались на каждомъ шагу. Это были предохранительные символы, которые, наравнѣ съ трехцвѣтными и союзными флагами, должны были застраховать магазины отъ разгрома въ первые дни паники.

А вотъ и слѣды этого разгрома! Молочныя лавки Maggi, отъ которыхъ остались лишь зіяющія дыры въ фасадахъ домовъ, заваленныя мусоромъ, осколками стеколъ, обрывками желѣзныхъ ставенъ... Магазины, рестораны, имѣвшіе несчастье носить нѣмецкую фамилію, но, главнымъ образомъ, принадлежавшіе эльзасцамъ... Какъ это странно видѣть именно въ Парижѣ, самомъ культурномъ изъ всѣхъ культурныхъ центровъ міра!

И однако это было. По улицамъ дѣйствительно метались толпы народа, горя озлобленіемъ и бѣшенствомъ, желѣзныя сторы и двери дѣйствительно трещали подъ ударами ломовъ и камней, стекла, бутылки дѣйствительно разлетались въ тысячи осколковъ при громкихъ крикахъ: „A bas les bochesr! Vive la France!“ „Подозрительныхъ“ людей дѣйствительно избивали до полусмерти за то, что они „такъ были похожи на шпіоновъ“... Это была чудовищная вакханалія, слѣды которой до сихъ поръ остались на опустѣвшихъ, безлюдныхъ улицахъ.

Брожу по городу, охваченный острымъ, безпокойнымъ любопытствомъ. Вездѣ самые отчетливые слѣды всеобщаго потрясенія, огромнаго переворота. Толпа какъ-то посѣрѣла, осунулась. Не слышно ни смѣха, ни пѣсни. Marchands de quatre saisons, стекольщики, паяльщики, чинильщики стульевъ, всѣ словно провалились сквозь землю, а вмѣстѣ съ ними исчезли и „крики Парижа“, красивыя старинныя мелодіи продавцовъ, напѣвы дудочекъ, призывные крики рожковъ. Исчезли куда-то и бродячіе музыканты и пѣвцы,

не видно уличныхъ акробатовъ, даже камло потеряли вдругъ свои звонкіе голоса и молча снуютъ по тротуарамъ, протягивая газеты, но не осмѣливаясь громко выкрикнуть ихъ названіе. „Ce journal ne peut être crié!“—красуется подъ заголовкомъ каждаго экземпляра.

Въ вагонахъ метро и трамваевъ публика хранитъ глубокое молчаніе. Если кто-нибудь громко заговоритъ или засмѣется, на чего смотрятъ съ удивленіемъ.

И вездѣ трауръ, вездѣ похоронныя процессіи.

Отправляюсь въ русскую столовую на Rue de la Glacière, гдѣ можно пообѣдать за нѣсколько су и повидаться съ публикой. Здѣсь я тоже нашелъ большія перемѣны. Одни ушли сражаться за демократію, другіе уѣхали изъ Парижа въ провинцію, третьи въ Россію. Оставшіеся настроены нервно, чувствуютъ себя не на мѣстѣ, почти или совершенно не у дѣлъ.

— Какъ на счетъ работы?—спрашиваю одного интеллигента.

Машетъ рукой.

— Вотъ уже второй мѣсяцъ живу въ кредитъ. Еслибы здѣсь не кормили безплатно и если бы не квартирный мораторій, совсѣмъ пропалъ бы.

Однако надо что-нибудь дѣлать! Къ общественной благотворительности обращаться не хочу.

Отправляюсь по старымъ дѣловымъ знакомствамъ. Прежде всего къ моему бывшему ученику, которому я прежде давалъ уроки. Звоню. Дверь открываетъ горничная съ готовымъ отвѣтомъ: „мсье мобилизованъ. Онъ теперь въ Мо охраняетъ желѣзную дорогу“.

Иду къ другому знакомому, владѣльцу коммиссіонной конторы.

— Работы? Да помилуйте, я самъ теперь прихожу сюда только по привычкѣ. Посижу два часа для виду и запираю, благо никто все равно не заявляется. Какая ужь тутъ работа?

Отсюда, уже съ значительно упавшей энергіей, заглядываю къ редактору одного изъ двухъ профессіональныхъ органовъ, гдѣ работалъ до начала войны. Поднимаясь по лѣстницѣ, встрѣчаю консьержку:

— М-сье мобилизованъ. Дома только мадамъ.

Ну, куда еще? Быть можетъ, найдется что-нибудь въ „обществѣ для продажи угля изъ Донецкаго бассейна“?

Управляющій, лично мнѣ знакомый, настроенъ весьма оптимистично.

— Наши дѣла? О! Вѣдь Домбровскій районъ закрытъ и мы теперь работаемъ на славу. Но... въ Россіи, голубчикъ, не здѣсь. Здѣсь теперь нечего дѣлать!

Послѣдняя надежда разбита. Цѣлый день ухлопалъ на поиски, ходилъ повсюду, гдѣ можно было разсчитывать хоть на какую-нибудь зацѣпку, и вездѣ одно и то же. Уставшій, безъ всякой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ гроша въ карманѣ возвращаюсь домой.

Девять часовъ вечера. Прежде это было начало настоящей парижской жизни, теперь—ея конецъ. Рестораны, кафе, кабачки закрыты, почти во всѣхъ окнахъ домовъ темно, уличные фонари горятъ рѣдкими огоньками, похожими на свѣтлячковъ. Прохожихъ почти нѣтъ. Лишь изрѣдка вынырнетъ торопливо фигура и скроется въ темнотѣ. Въ бездонной пропасти чернаго неба скользятъ блѣдные лучи прожектора, словно гигантскіе клинки невидимыхъ фехтовальщиковъ.

Идти больше некуда. Держу путь къ своей унылой мансардѣ. Недалеко отъ подъѣзда изъ темноты вырывается, сверкая огненными глазами, военный автомобиль. Рѣзкій, хриплый, словно придушенный крикъ сигнальнаго рожка, трескъ мотора, струя удушливаго газа... и видѣніе исчезло, задѣвъ по пути мою уставшую мысль. Я чувствую, что она снова начинаетъ надъ чѣмъ-то лихорадочно работать, но я еще не знаю, надъ чѣмъ...

Черезъ полчаса сонъ-избавитель закутываетъ меня въ мягкую ткань, бережно закрываетъ мои глаза и отдаетъ во власть волшебной грезы.

Хорошо!

V.

На слѣдующее утро встаю съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ: искать хотя бы физической работы. Не пропадать же въ самомъ дѣлѣ!

Но какой работы? Парижъ переполненъ десятками, сотнями тысячъ спеціально обученныхъ рабочихъ, оставшихся безъ занятій и живущихъ пособіями изъ Фонда для безработныхъ, безплатными или грошевыми обѣдами изъ народныхъ столовыхъ. Фабрики и заводы закрыты; работаютъ главнымъ образомъ предпріятія военныя, изготовляющія снаряды, аммуницію, гдѣ принимаютъ рабочихъ со строгимъ разборомъ.

Хотѣлъ было пойти копать траншеи и даже сталъ собираться, но встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ оттуда и они отговорили меня.

Принимаютъ туда охотно, но теперь, къ зимѣ, работа стала очень тяжела. Спать приходится въ полуразрушенныхъ домахъ на голомъ полу, соломенной подстилки не всегда достаточно, а послѣ дождя приходится идти на работу въ мокрой одеждѣ, такъ какъ ее негдѣ высушить. Простудиться очень легко. Да есть и другія неудобства...

Я живо представилъ себѣ жизнь траншейныхъ рабочихъ, этихъ пасынковъ города-спрута. Всѣ, кому не хотѣлось помирать съ голоду, потянулись въ эти могилы для живыхъ и для мертвыхъ. Апаши, воры, пропойцы работаютъ тамъ бокъ о бокъ съ искусными рабочими, мастеровыми, интеллигентами, знавшими еще недавно лучшіе дни. Все перемѣшалось. Наступившая война сбросила всѣхъ со ступенекъ вѣчно измѣнчивой жизни, за которыя

они судорожно цѣплялись. Это ужасъ тыла, ни въ чемъ не уступающій ужасу войны.

Я не хотѣлъ покатиться со всей этой массой въ пропасть, вырытую міровой катастрофой, и сталъ упорно думать по прежнему, нельзя ли все-таки устроиться въ самомъ Парижѣ...

— А автомобиль?!—вдругъ пронеслось у меня въ мозгу, когда я совсѣмъ было опустилъ руки.—Вѣдь въ колоніи я передъ нимъ не спасовалъ и управлять имъ умѣю. Остается, стало быть, сдать экзамены и профессія готова!

На слѣдующій-же день досталъ у товарищей-шофферовъ тетрадки съ вопросами и засѣлъ за изученіе шофферской науки. Это вовсе не такая легкая штука, какъ можетъ показаться со стороны. Для того, чтобы изучить топографію такого огромнаго центра, какъ Парижъ, въ которомъ прямыя, новыя артеріи переплетаются съ тысячами еще сохранившихся старинныхъ извилистыхъ улицъ, переулковъ, тупиковъ и т. д., нужно много времени. А я, т. е. мой желудокъ, торопился.

Черезъ нѣсколько дней я заучилъ по плану 500 улицъ, просмотрѣлъ правила ѣзды и подалъ прошеніе въ префектуру, а черезъ недѣлю уже стоялъ передъ испытательной коммиссіей изъ пяти старыхъ кучеровъ и какого-то интеллигента, судя по нѣкоторымъ признакамъ, офранцузившагося поляка.

Пройдя различныя мытарства, я все-таки нашелъ себѣ мѣсто и сдѣлался шофферомъ извозчичье-автомобильной компаніи, ставъ такимъ образомъ членомъ многочисленной шофферской семьи.

Поиски за мѣстомъ, затѣмъ первые выѣзды съ ихъ неизбѣжными неудачами, ознакомленіе съ улицами, которыя теперь предстали передъ мною въ совершенно новой перспективѣ,—даже люди кажутся иными, когда смотришь на нихъ съ шофферскаго сидѣнья,—все это настолько даже противъ моей воли захватило меня, что я и не замѣтилъ, какъ умчались первыя двѣ-три недѣли. Лишь постепенно я приспособился къ своему подвижному домику, который превратилъ меня въ номада, все время кочующаго по безконечнымъ улицамъ города по прихоти совершенно мнѣ чуждыхъ людей. На первыхъ порахъ это меня прямо угнетало. Жизнь представлялась въ видѣ случайныхъ, не связанныхъ логически отрывковъ, мелькавшихъ передъ глазами и исчезавшихъ, прежде чѣмъ мозгамъ удавалось ихъ осмыслить. Какой-то калейдоскопъ впечатлѣній, отъ которыхъ къ вечеру голова совершенно отказывалась работать.

Но, по мѣрѣ того, какъ я осваивался съ своей машиной и переставалъ ощущать свою непосредственную зависимость отъ нея, я начиналъ постепенно чувствовать, что въ этой случайной отрывочности впечатлѣній есть своя логика, свое содержаніе, которое ускользало до этихъ поръ отъ меня просто потому, что я пережи-

валъ переходную полосу приспособленія къ новой и трудной работѣ.

И основнымъ фономъ, на которомъ эта логика жизни вышивала свои сложные узоры, мелькавшіе передъ мною, была по прежнему, да и до сихъ поръ остается—война.

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкая армія, скользнувъ по периферіи Парижа, отошла за Марну подъ напоромъ „piou-piou“, которыхъ теперь называютъ „poilus“, жизнь въ этой столицѣ міра стала гораздо спокойнѣе и малозначительнѣе. Первый захватывающій актъ историческаго момента, полный самыхъ глубокихъ трагическихъ переживаній, когда ни у одного парижанина не было увѣренности въ томъ, что на слѣдующій день онъ не увидитъ на улицѣ ненавистную каску, смѣнился антрактомъ всеобщей апатіи, вполнѣ естественной послѣ только что пережитыхъ острыхъ впечатлѣній, которыя никогда не проходятъ безслѣдно.

Парижъ усталъ. Это я хорошо видѣлъ съ своего подвижного наблюдательнаго поста, разъѣзжая по скучнымъ, безконечно долгимъ, благодаря пустотѣ, улицамъ, авеню, фобургамъ, бульварамъ и площадямъ. Люди какъ будто продолжали дѣлать свои привычныя дѣла, но въ ихъ движеніяхъ не было обычной живости и энергіи; многіе магазины по прежнему торговали, но въ нихъ почти не было покупателей; у кафе въ лѣнивыхъ позахъ стояли гарсоны около пустыхъ столиковъ; синематографы тщетно зазывали публику немолчнымъ звономъ... Общее впечатлѣніе, которое я получилъ въ первый же день, теперь подтверждалось, пріобрѣтая длительный, устойчивый характеръ, благодаря постоянной провѣркѣ его на „мелочахъ жизни“.

Да, Парижъ усталъ. Это чувствовалось почти физически.

— Если такъ будетъ долго продолжаться,—говорилъ мнѣ одинъ рабочій за стойкой кабачка, у котораго я остановился выпить „бокъ“ пива,—Парижъ превратится въ провинціальный городъ. Мы и такъ уже не узнаемъ его. Я вотъ только что вернулся изъ Бордо. Посмотрѣли бы вы, что тамъ дѣлается! Жизнь бьетъ ключомъ, вездѣ музыка, кафе и рестораны открыты до глубокой ночи... какъ будто бы войны и не бывало! А здѣсь...

„Бистро“ (кабатчикъ), до сихъ поръ хранившій молчаніе, не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ:

— Вы хотите, чтобы Парижъ чувствовалъ себя нормально. Но вѣдь это же смѣшно! Позакрывали кафе съ восьми часовъ, когда въ это время начинается настоящая торговля... Зачѣмъ? Кому они мѣшаютъ? Ну, тамъ запретили абсентъ... Тоже не очень-то удачная штука, но допустимъ... Но зачѣмъ же мѣшать торговлѣ? Вѣдь это же убиваетъ національную энергію, чертъ побери!

„Бистро“, конечно, разсуждалъ съ своей спеціальной точки зрѣнія, когда возсталъ на защиту „національной энергіи“. Но что вѣрно, то вѣрно: въ Парижѣ кабакъ и кафе—это своего рода форумы,

гдѣ ведутся всякіе разговоры, обсуждаются всевозможные вопросы и въ томъ числѣ, конечно, политическіе. Теперь ихъ стали закрывать съ восьми часовъ, чтобы парижане проводили больше времени у семейнаго очага. Это и экономнѣе, и спокойнѣе.

Но нужно знать, какъ парижское населеніе срослось со своими кафе, ресторанами и кабачками, гдѣ оно чувствуетъ себя, какъ дома, если не лучше, гдѣ принимаетъ и угощаетъ своихъ друзей, узнаетъ новости, часто рѣшаетъ важныя дѣла, чтобы понять, какой огромный переворотъ въ интимной жизни пережилъ Парижъ въ эти печальные дни. Это почти то же, какъ загнать привыкшую къ открытой политической дѣятельности партію въ подполье.

Но и подъ покровомъ всеобщей утомленности и усталости все-таки продолжаетъ пульсировать жизнь, и прежде всего, конечно, военная. Потому что Парижъ, сыгравъ необычайно важную роль центральнаго узла мобилизаціи, по прежнему остается въ тѣсномъ соприкосновеніи съ арміей и очень нервно реагируетъ на все, что имѣетъ отношеніе къ фронту.

Уже по одной автомобильной ѣздѣ на улицахъ это видно совершенно отчетливо. Кто мчится, сломя голову и игнорируя самыя священныя заповѣди движенія по улицамъ и площадямъ, къ ужасу прохожихъ и безсильному негодованію ажановъ? Конечно, военный. У него какое-то экстренное порученіе, которое такъ же плохо вяжется съ правилами нормальной ѣзды, какъ грохотъ орудій съ спокойной, размѣренной жизнью въ семейномъ кругу. Раздавивъ подвернувшуюся некстати собаку, напугавъ до смерти какую-нибудь ветхую старуху,—а ихъ такъ много теперь появилось на улицѣ, — задѣвъ по пути зазѣвавшійся фургонъ, автомобиль исчезаетъ, оставивъ за собою тревожный слѣдъ безотчетнаго безпокойства. Куда онъ помчался? Какое-нибудь важное извѣстіе? Кто? Мы „ихъ“, или „они“ насъ? Эти вопросы какъ-то невольно лѣзутъ въ голову всякій разъ, когда видишь несущуюся во весь опоръ машину, наполняющую улицу ѣдкимъ запахомъ гари, грохотомъ мощнаго мотора, неистовымъ ревомъ рожка.

Такимъ же инороднымъ тѣломъ на мирныхъ, пустынныхъ улицахъ Парижа, но несущимъ съ собою отзвуки странной лихорадочной жизни, кажутся появляющіяся откуда-то временами длинныя вереницы автобусовъ, выкрашенныхъ въ сѣрую краску, съ окнами затянутыми густой металлической сѣткой. Откуда они? Куда ѣдутъ? Никто не знаетъ. Вмѣсто привычнаго курсированія по опредѣленнымъ линіямъ, какое-то странное, непонятное передвиженіе, продиктованное не желаніемъ самого города,—это ясно, — а чѣмъ-то болѣе сильнымъ, хотя и находящимся внѣ его.

Потомъ появляются автомобили „Краснаго Креста“ съ ранеными, подвѣшенными внутри на гамакахъ-постеляхъ. Это уже не изящныя чистенькія кареты „скорой помощи“, къ которымъ такъ

привыкли парижане и которыя неизмѣнно появляются на скачкахъ въ Auteuil, аэродромахъ во время полетовъ, на карнавалахъ на масляницѣ или на мѣстахъ огромныхъ скопленій народа, когда празднуется 14 іюля... Это быстроходные автомобильные фургоны, покрытые пылью и грязью, везущіе въ себѣ ужасъ войны, понятные и простые на фронтѣ, но рождающіе почти суевѣрный ужасъ въ парижской толпѣ.

Мнѣ не разъ приходилось проѣзжать мимо лазаретовъ, когда выгружали человѣческій грузъ изъ этихъ жуткихъ фургоновъ. И вездѣ отъ нихъ до дверей, по панели, неизбѣжная толпа, застывшая съ вытянутыми шеями, съ грустнымъ, напряженнымъ любопытствомъ на лицахъ, содрогающаяся отъ стоновъ больныхъ, потревоженныхъ неловкимъ движеніемъ санитаровъ, и страдающая отъ тяжелаго сознанія, что она не можетъ ничѣмъ имъ помочь...

Около пунктовъ, гдѣ выдаютъ справки о раненыхъ и убитыхъ, я видѣлъ безконечныя вереницы людей, ожидающихъ по очереди тяжелыхъ ударовъ. Французы очень общительны; когда они собираются въ толпу, ихъ сословныя и классовыя подраздѣленія какъ-то отходятъ на второй планъ, уступая мѣсто объединяющимъ шуткамъ и смѣху. Здѣсь роль этого цемента играетъ общее горе.

— У васъ кто?—спрашиваетъ у истощенной работницы съ ребенкомъ на рукахъ красивая полная дама въ траурѣ.

— Мужъ. А у васъ, мадамъ?

— Я уже потеряла мужа, а теперь пишутъ съ фронта, что очень тяжело раненъ и братъ... Очень тяжело... Когда пишутъ — „очень тяжело", вы понимаете, что это значитъ?

У стоящаго рядомъ старика съ типичными галльскими усами нервно подергивается лицо, и, четко бросая слова, будто камни, онъ произноситъ, ни къ кому не обращаясь:

— Если и его убили, я не уйду отсюда. Довольно съ меня!

А изъ бюро выходятъ одна за другой странно согнувшіяся фигуры, стараясь поскорѣе унести свое горе подальше отъ людей, потому что—нужно это сказать—французы удивительно мужественный и стойкій въ личномъ несчастьи народъ и не любятъ показывать его другимъ.

На мертвомъ фонѣ онѣмѣвшихъ улицъ и площадей черныя пятна народнаго горя... На каждомъ шагу останавливаешь автомобиль передъ похоронными процессіями. Ихъ такъ много, что Парижъ начинаетъ казаться городомъ мертвыхъ, гигантскимъ Père Lachaise. Часто одна за другою, по нѣсколько сразу, медленно плывутъ погребальныя колесницы. Гробъ покрытъ трехцвѣтнымъ флагомъ, обшитымъ золотой бахромой, по бокамъ солдаты съ опущенными дулами ружей, за колесницей черныя фигуры. Хоронятъ, хоронятъ безъ конца, и кажется, что эти фигуры однѣ и тѣ же, такъ онѣ похожи другъ на друга.

Только разъ мнѣ пришлось увидѣть,—другому я, пожалуй, и

не повѣрилъ бы,—судорожную попытку парижскаго юмора прорваться сквозь густую пелену траурныхъ настроеній.

Былъ поздній вечеръ, около 10 часовъ. Я сдалъ послѣдняго сѣдока и ѣхалъ въ гаражъ. Но по пути, у безконечно долгой, мрачной стѣны тюремнаго замка de la Santé мой моторъ вдругъ закапризничалъ и отказался работать. Пришлось слѣзть, взять фонарь, достать инструменты и заняться поправкой. Я такъ погрузился въ работу, что совсѣмъ не замѣтилъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня появилась группа людей, странная группа.

Ихъ было пятеро. Двѣ полныя женщины съ сѣдыми волосами и молоденькая дѣвушка, всѣ въ глубокомъ траурѣ, и рядомъ съ ними мальчикъ-подростокъ шли шеренгой, высоко выбрасывая ноги и отбивая тактъ каблуками. Оглашая пустынную мертвую улицу взрывами бѣшенаго хохота, они изображали знаменитый pas d'oie, нѣмецкій церемоніальный маршъ; а шедшій впереди господинъ низенькаго роста въ высокомъ цилиндрѣ смѣшно махалъ руками и выкрикивалъ какія-то слова, которыя, очевидно, должны были представлять нѣмецкую команду.

Они всѣ на мгновеніе забылись и дали волю юмору и смѣху, этой второй французской природѣ. Но на фонѣ мрачной стѣны, но въ беззвучной тишинѣ какъ будто всѣми позабытаго бульвара появленіе этой группы въ черномъ, несущейся съ крикомъ и хохотомъ, съ неестественно болтающимися руками и ногами, казалось кошмаромъ. Такъ же быстро, какъ появилась, развеселившаяся группа траурныхъ людей исчезла въ темнотѣ между черными стволами деревьевъ, какъ разъ у того самого мѣста, гдѣ обычно ставятъ гильотину...

Съ того времени я больше никогда не видѣлъ смѣющагося траура Даже новобранцы, обычно наполняющіе Парижъ оглушительнымъ шумомъ немного взвинченнаго, но заразительнаго веселья, теперь присмирѣли. Новобранцы, увѣшанные огромными, величиною съ тарелку, трехцвѣтными розетками съ развѣвающимися лентами, въ шапкахъ, къ околышамъ которыхъ прикрѣплены коробомъ номера солдатской газеты, что дѣлаетъ ихъ похожими на гренадерскіе головные уборы, новобранцы, врывающіеся толпами въ вагоны трамваевъ и метрополитэновъ, съ пѣснями подъ адскій аккомпаниментъ глиняныхъ свистулекъ, заигрывающіе съ дѣвушками,—ихъ нѣтъ, этихъ новобранцевъ! Уже до казармы они ведутъ себя серьезно и солидно, какъ настоящіе „poilus“.

VI.

Поздній вечеръ. Стою на биржѣ на углу Boulevard du Montparnasse и Avenue de l'Observatoire, какъ разъ у того мѣста, гдѣ проходитъ парижскій меридіанъ. Подшучиваю по этому поводу надъ товарищемъ-шофферомъ, который даже и не подозрѣваетъ, что у него такое важное сосѣдство.

— Главный штабъ!—раздается за мною спокойный увѣренный голосъ.

Оборачиваюсь. Офицеръ и штатскій.

— Я не знаю, гдѣ это.

Переглядываются. Называютъ адресъ. Испытывали меня? Или сдѣлали ошибку? Скорѣе испытывали.

Пускаю моторъ и черезъ четверть часа останавливаюсь у скромнаго двухэтажнаго домика. Спустя нѣсколько минутъ офицеръ выходитъ одинъ.

— Avenue Henri Martin, 96, — бросаетъ онъ мнѣ, входя въ карету.

Даю среднюю скорость, потому что изъ-за темноты почти ничего не вижу. Бѣгутъ черныя аллеи, среди которыхъ лишь изрѣдка попадаются приглушенные абажурами огоньки фонарей. Изъ мрака выступаютъ торопливыя фигуры и снова въ немъ тонутъ, словно китайскія тѣни; время отъ времени выбѣгаютъ изъ темноты въ дрожащія полосы свѣта моихъ фонарей стайки ажановъ-циклистовъ въ развѣвающихся накидкахъ, безшумныя, похожія на большихъ хищныхъ птицъ, распластавшихъ крылья и рѣющихъ низко, надъ самой землей. Чѣмъ дальше, тѣмъ все темнѣе...

Выѣхали на Марсово Поле. Здѣсь царство полнаго мрака и молчанія. Большая площадь, въ центрѣ которой ажурною гигантскою стрѣлкой тянется къ небу Эйфелева башня, огорожена досчатымъ заборомъ и охраняется часовыми. Это главный нервный узелъ Парижа: на верхушкѣ башни находится станція безпроволочнаго телеграфа, оповѣщающаго весь міръ о томъ, что дѣлается на театрѣ войны, и собирающаго, словно въ фокусѣ, извѣстія со всѣхъ концовъ земного шара. Вокругъ ни одного огонька. Всѣ фонари потушены, окна домовъ завѣшаны плотными занавѣсями. Царящій здѣсь мракъ долженъ скрыть башню отъ острыхъ взоровъ нѣмецкихъ авіаторовъ. Трудно знать, насколько это можетъ помочь. Она такъ грандіозна, такъ смѣло выступаетъ надъ самыми высокими домами, такъ отчетливо вырисовывается своими пролетами и легкимъ стержнемъ даже на самомъ черномъ фонѣ зимняго безлуннаго неба, что ее видно издалека, не смотря на то, что все закутано вокругъ въ непроницаемую темноту. А, можетъ быть, сверху ея и не видно. Вѣдь тамъ, въ бездонной пропасти неба, царятъ другіе законы, которые намъ, ползающимъ по землѣ, совершенно незнакомы.

Переѣхали Сену, покрытую темными неподвижными массами барокъ. Взяли налѣво, въ Пасси. Здѣсь я спускаю офицера около какого-то огромнаго дома, больше похожаго на черную скалу, настолько всѣ окна заглушены ставнями и портьерами, и тутъ же беру какую-то даму на Большіе Бульвары. Въ этомъ районѣ, особенно послѣ площади, гдѣ стоитъ башня Эйфеля, гораздо свѣтлѣе. Центръ Парижа, его главная артерія. не хочетъ ни за что уступить

общимъ настроеніямъ и убивающей веселье темнотѣ. Изъ огромныхъ роскошныхъ витринъ все-таки пробираются на панель робкіе лучи прикрытыхъ цвѣтными абажурами лампочекъ; изъ-подъ колпаковъ, поставленныхъ по лондонскому образцу надъ фонарями, ложатся на землю отраженные свѣтлые круги, часто пробѣгающіе автомобили тоже освѣщаютъ улицы своимъ неровнымъ, колеблющимся свѣтомъ. И публика упорно старается имитировать былую кипучую жизнь Бульваровъ. Фланеры по прежнему расхаживаютъ по широкимъ тротуарамъ, за огромными стеклами ресторановъ по прежнему видны нарумяненныя женщины съ ихъ спутниками въ безукоризненныхъ галстукахъ и перчаткахъ.

Къ общей угнетенности, вызванной мобилизаціей, близостью военнаго театра, всеобщимъ разстройствомъ хозяйственной жизни, присоединилось особое странное ощущеніе отъ холодной темноты, съ ранняго вечера обволакивающей Парижъ, словно траурное покрывало.

Этотъ полумракъ сталъ искуственно создаваться лишь въ то время, когда въ Парижѣ появилось опасеніе набѣга цеппелиновъ. Къ моему пріѣзду парижане уже были знакомы съ воздушными атаками, но дневными, одной изъ которыхъ я былъ очевидцемъ.

Помню, какъ-то разъ, послѣ обѣда, часовъ около двухъ, я везъ полнымъ ходомъ какого-то сѣдока къ Ліонскому вокзалу. На одномъ изъ поворотовъ я чуть было не въѣхалъ въ толпу быстро бѣгущихъ людей, которая неслась по улицѣ съ яростными криками: Taube! Taube! Voilà Taube!

Маленькій коршунъ быстро передвигался по небу, то снижаясь, то снова поднимаясь и издавая свой характерный четко грохочущій звукъ, похожій на тарахтеніе трещетки у дѣтскихъ змѣевъ. И было странно наблюдать это состязаніе хищной птицы, несущей съ собою десятки смертей, съ мчавшейся изо всѣхъ силъ своихъ проворныхъ ножекъ стаей дѣтишекъ, которая упорно преслѣдовала врага, заливая улицу крикомъ, свистомъ и хохотомъ.

Маленькая точка, но въ ней много дерзости и силы. И поэтому, когда она пролетаетъ надъ городомъ, всѣ головы, словно кто-то невидимый подбиваетъ ихъ рукой, запрокидываются кверху. Иной разъ проѣдешь по нѣсколькимъ улицамъ, успѣешь свезти куда-нибудь кліента, вернуться назадъ, а прохожіе, консьержи, кліенты кафе, выбѣжавшіе на улицу, рабочіе и модистки, бросившіе свою работу, гарсоны, да и нашъ братъ, шофферы, все еще стоятъ, словно заколдованные, на своихъ наблюдательныхъ постахъ и жадно слѣдятъ за эволюціями хищниковъ.

„Тобъ“, опустившись немного внизъ, покружился недалеко около Монпарнасскаго вокзала, потомъ сдѣлалъ петлю вокругъ Эйфелевой башни,—предметъ самыхъ страстныхъ вожделѣній со стороны нѣмецкихъ летчиковъ,—бросилъ наудачу пару бомбъ, разбросалъ нѣсколько прокламацій и внезапно взвился на огром-

ную высоту, удирая по направленію къ сѣверу. Издалека донесся четкій рокотъ моторовъ французскихъ авіоновъ, которые бросились съ наблюдательныхъ постовъ наперерѣзъ „Тобу". Ихъ было два. Одинъ монопланъ, похожій на „Тоба" настолько, что лишь привычный глазъ могъ его отличить отъ „боша" и то, главнымъ образомъ, по большой трехцвѣтной розеткѣ, изображенной на нижней поверхности крыльевъ; другой—бипланъ, огромный, похожій на летящій домъ. Публика съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдила за этимъ невиданнымъ до сихъ поръ состязаніемъ. Французскіе авіоны, пролетѣвшіе надъ нами довольно низко, стали быстро забирать въ высоту и скоро сравнялись съ „тобомъ". Былъ моментъ, когда всѣмъ показалось, что послѣдній сдалъ и зарылся носомъ внизъ. Это вызвало бурное ликованіе. Но онъ сейчасъ же выправился рѣшительнымъ рѣзкимъ движеніемъ и исчезъ за горизонтомъ. Гдѣ-то вдали долго еще продолжали бухать пушки на фортахъ и трещать оружейные выстрѣлы съ наблюдательныхъ вышекъ.

„Тобы" и „альбатросы"—дневныя хищныя птицы. Они смѣло залетаютъ во вражескую страну и творятъ свою разрушительную или развѣдочную работу на глазахъ у всѣхъ. Они разсчитываютъ на свою подвижность и быстроту, малые размѣры и особенно на индивидуальныя качества пилота. Цеппелины вылетаютъ, подобно совамъ, ночью. И несутъ съ собою особое тревожное настроеніе, которое быстро развивается, благодаря неизвѣстности, таящейся въ порахъ темноты, таинственности неясныхъ очертаній, сонной усталости нервовъ, всему дающей необычныя мистическія формы. Для борьбы съ цеппелиномъ или, вѣрнѣе, для защиты отъ него, на городъ набрасываютъ черный непроницаемый покровъ; но это облегчаетъ осуществленіе одной изъ важныхъ задачъ, которую ставятъ себѣ дирижабли,—распространеніе паники и суевѣрнаго страха.

Когда стало извѣстно, что нѣмцы готовятъ ночной воздушный походъ на Лондонъ, парижскія военныя власти рѣшили, что у дирижаблей есть достаточно основаній заглянуть и въ Парижъ. Поэтому парижанамъ предложили съ вечера плотно занавѣшивать окна, а уличное освѣщеніе было подвергнуто строжайшей цензурѣ. Всѣ важные пункты были оставлены просто безъ свѣта, на фонари надѣли колпаки, а, когда власти узнали, что цеппелины отправились въ Лондонъ, фонари и совсѣмъ потушили.

Уже съ ранняго вечера въ этотъ памятный день по городу стали быстро курсировать пожарные автомобили, сопровождая зычныя двухтонныя выкрикиванія сирены рѣзкими возбуждающими сигналами военной трубы: Garde à vous! приглашавшими парижанъ прятаться по домамъ, спускаться съ мансардъ и забираться въ погреба. По улицамъ поползла тревога, туша повсюду фонари. Вездѣ засуетились люди, похожіе на тѣни, наталкиваясь въ

темнотѣ другъ на друга и бросая на ходу отрывистыя фразы. Это была репетиція, вызвавшая тѣмъ не менѣе къ жизни новыя волненія, странныя переживанія, которыхъ до сихъ поръ не знали парижане даже въ то тревожное время, когда надъ городомъ носились дерзкіе „тобы“. Въ темнотѣ люди, особенно городскіе, плохо себя чувствуютъ и фантазія въ ней плодитъ всевозможные страхи. И хотя это была только репетиція, но съ тѣхъ поръ Парижъ по вечерамъ перестаĺъ узнавать свои улицы. Онѣ потускнѣли, потеряли свой обычный играющій блескъ, причудливую игру рѣзкихъ тѣней, движущихся по залитымъ свѣтомъ мостовымъ, сіяніе роскошныхъ витринъ, сложные переливы свѣтовыхъ рекламъ, мельканіе свѣтящихся электричествомъ трамваевъ... Все въ траурѣ, люди, улицы, дома!

VII.

Въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ солнечныхъ дней, которыми насъ подарила минувшая дождливая, пасмурная зима, меня нанялъ какой-то толстый офицеръ, похожій на Жоффра. Я замѣтилъ, что многіе изъ военныхъ теперь стали похожи на него. Это былъ для меня настоящій „военный“ день. Прежде всего мы отправились съ нимъ въ Hôrel des Invalides. Здѣсь, какъ извѣстно, помѣщается знаменитая гробница Наполеона, огромный военный музей и кромѣ того различныя военныя канцеляріи. Поэтому до послѣдняго времени у входа въ Hôtel, обставленнаго старыми пушками и мортирами на валу, позади широкаго, поросшаго травою рва, толпятся нерѣдко большія группы любопытныхъ, со стоическимъ терпѣніемъ выжидающихъ выѣзда „ото“ съ англійскими сухопарыми офицерами, индусами въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ, сингалезцами. Здѣсь же можно узнать и кое-какія новости со словъ примчавшагося на мотоциклеткѣ ординарца и пустить ихъ въ оборотъ въ собственной редакціи... Уже съ самаго начала войны площадь Esplanade des Invalides сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для всякихъ зѣвакъ. Теперь публику тянетъ внутрь Hôtel'я, такъ какъ тамъ, въ огромномъ дворѣ, вымощенномъ каменными плитками и окруженномъ длинными рядами арокъ, прорѣзывающихъ стѣны, помѣщается выставка свѣжихъ трофеевъ войны, орудій и „тоба“, отнятыхъ у нѣмцевъ.

Прямо въ ворота, ведущія отъ фасадной арки на огромную площадь двора, глядятъ открытыми пастями десятки плѣнныхъ пушекъ. Онѣ не велики и по сравненію съ тяжелыми, громоздкими, неуклюжими мортирами, украшающими валы Hôtel des Invalides, напоминаютъ изящныя игрушки. Но всѣ вмѣстѣ, вытянутыя въ стройные ряды и словно готовыя къ дружному залпу, онѣ производятъ сильное впечатлѣніе. Въ нихъ чувствуется большая коллективная сила.

Между орудіями бродятъ толпы любопытныхъ, мужчины, военные и штатскіе, женщины, дѣти, похлопываютъ ихъ по холоднымъ равнодушнымъ жерламъ, заглядываютъ внутрь, открываютъ затворы, садятся верхомъ на лафеты и дѣлаютъ видъ, будто стрѣляютъ.

— Pro patriae gloriam,—читаетъ съ французскимъ удареніемъ какой-то толстякъ въ необъятныхъ шароварахъ, туго стянутыхъ у щиколодки, въ коротенькой курточкѣ и крохотномъ котелкѣ, который еле держится на макушкѣ.—Это, навѣрно, ее зовутъ,— поясняетъ онъ своей подругѣ, робко дотрагивающейся пальцемъ до зеленовато-грязнаго щита орудія, и прибавляетъ:—Такую штуку, да въ хорошія руки... Ого!

По обѣимъ стрõронамъ пушечныхъ рядовъ поставлены два аэроплана. Одинъ, справа, нѣмецкій „тобъ", дѣйствительно похожій на голубя, съ огромными сѣровато-черными крестами на внутренней сторонѣ крыльевъ. Онъ изященъ, пропорціоналенъ, какъ-то крѣпко собранъ, и, кажется, вотъ-вотъ сорвется съ высокихъ подставокъ и взовьется кверху. Внизу, сбоку деревянной тумбочки, прикрѣпленъ его винтъ, расщепленный пулями. Это его и погубило.

Съ другого края огромный французскій бипланъ, весь покрытый заплатами. Онъ получилъ четыреста пуль, прежде чѣмъ ушелъ на покой. Это цѣлое зданіе, неуклюжее на видъ, но, какъ мнѣ объяснили, необычайно устойчивое и легкое на ходу. Вокругъ воздушнаго инвалида большая толпа народа. На него смотрятъ съ гордымъ уваженіемъ. Онъ дѣйствительно инвалидъ, заслужившій себѣ почетное мѣсто.

Изъ Hôtel des Invalides везу офицера въ Grand Palais. Это огромное зданіе, оставшееся послѣ всемірной выставки, расположено у въѣзда на мостъ Александра III, посрединѣ Елисейскихъ Полей. Останавливаюсь у подъѣзда передъ часовымъ.

— Ну, чего же вы стали?—кричитъ сѣдокъ изъ „такси":— въѣзжайте!

— Въѣхать въ самое зданіе?

— Ну, да!

Ничего не понимаю... Въ это время офицеръ дѣлаетъ какой-то знакъ часовому, и онъ отходитъ въ сторону, взявши ружье къ ногѣ.

Подчиняюсь и въѣзжаю внутрь необъятнаго дворца, гдѣ еще такъ недавно устраивались художественыя выставки, красовались вереницы мраморныхъ статуй, висѣли безконечными рядами дорогія картины и ковры, гдѣ стояли витрины съ драгоцѣнными бездѣлушками, севрскими вязами. Чувствую себя крайне неловко на своемъ шофферскомъ сидѣньи въ этомъ бывшемъ храмѣ искусства, совсѣмъ какъ будто въѣхалъ верхомъ на лошади на чужую квартиру. Но à la guerre, comme à la guerre! Теперь не до эстетики и не до сантиментальностей! Останавливаю моторъ и осматриваюсь

вокругъ. Въ нижней залѣ, которая теперь превращена во дворъ, усыпанный пескомъ, и по верхнимъ галлереямъ снуютъ матросы въ своихъ беретахъ съ красными помпонами, морскіе офицеры. Это царство моряковъ. И еслибы не лазареты, помѣщающіеся въ многочисленныхъ залахъ, не носилки и фургоны „Краснаго Креста", еслибы не бѣгающіе повсюду сестры милосердія и санитары, можно было бы подумать, что мой „такси" нечаянно попалъ на палубу гигантскаго броненосца. Покуда изъ кареты вынимаютъ какіе-то аппараты, которые привезъ съ собою офицеръ, я вступаю въ разговоръ съ матросомъ-дневальнымъ. Спрашиваю, какъ чувствуетъ себя на сушѣ.

— Да неважно, mon vieux! Все къ морю тянетъ. Вѣдь я тамъ родился, двадцать лѣтъ съ судна почти не слѣзалъ. А теперь вотъ болтаюсь здѣсь, какъ сидѣлка... Одна тоска! Боятся подводныхъ лодокъ и держатъ нашъ флотъ взаперти. О, еслибы намъ дали выйти, мы бы не спасовали передъ „ними", можешь быть увѣренъ! Ну, что-нибудь, пожалуй, и потеряли бы, но за то въ открытомъ морѣ! Понимаешь, въ открытомъ морѣ! А не въ траншеѣ, или здѣсь, въ лазаретѣ...

Черезъ полчаса мы уже мчимся въ camps retranchés.

Пролетѣли гладкія асфальтовыя улицы, прилегающія къ Елисейскимъ Полямъ, мимо президентскаго дворца, охраняемаго многочисленной полиціей и муниципальными гвардейцами, пересѣкли грязноватую площадь Клиши, вспугнули ребятишекъ, игравшихъ въ узкихъ, грязныхъ уличкахъ предмѣстья.

— Стопъ! Вашъ laissez passer!—Передъ нами, у рѣшетки воротъ Клиши, плечистая фигура ажана, вооруженная тесакомъ и револьверомъ. Предъявляю бумагу, даю таможенному солдату справку о бензинѣ, чтобы обратно не платить за остатокъ „октруа", и черезъ четверть часа, перерѣзавъ грязное предмѣстье Клиши, мы вылетаемъ на широкое, гладко укатанное шоссе.

Грудь сразу начинаетъ работать глубоко. Воздухъ чистый, пахнетъ землею, ароматной прѣлью травъ и листьевъ. Широкій кругозоръ кажется необъятнымъ послѣ парижкихъ улицъ, стиснутыхъ громадами домовъ. Мой „ото" летитъ привольно, вѣтеръ рвется мнѣ въ лицо, начинаешь ощущать привычное опьяненіе отъ быстрой ѣзды.

Вдали, въ небольшой впадинѣ, мостикъ съ будкой у входа. Сѣдокъ высовывается изъ окна и кричитъ: „дайте сигналъ!" Изъ будки выскакиваетъ часовой и устремляется на шоссе съ ружьемъ наперевѣсъ. Видъ у него отчаянный. Можно подумать, что передъ нимъ внезапно появились враги. Предъявляемъ ему пропускъ. послѣ чего онъ мирно отправляется дремать въ свою будку, а мы снова вылетаемъ на шоссе до слѣдующей заставы, а ихъ много— у каждаго мостика, у каждаго переѣзда.

Дорога постепенно пріобрѣтаетъ все болѣе военный видъ. На каждомъ шагу намъ попадаются группы солдатъ, идущихъ откуда-то, быть можетъ, съ ученья или работъ. Видъ у нихъ утомленный, лица обвѣтренныя и обросшія, одежда въ грязи, сапоги и гетры облѣплены ею чуть не доверху. Идутъ вразбродъ, ружья держатъ, какъ попало, лишь бы было удобнѣе. Куда дѣвалась городская молодцеватая выправка, гдѣ начисто вычищенная обувь, гдѣ новенькія шинели? Увы!..

Какъ все-таки странно, какъ трудно себѣ представить, что сейчасъ же за Парижемъ, въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ километрахъ отъ его фортификаціи, уже начинается военный „театръ". Парижане, собственно, мало считаются съ этимъ. И еслибы время отъ времени не случались въ самомъ Парижѣ событія, тѣсно связанныя съ войной, напримѣръ, атаки „тобовъ" или цеппелиновъ, они привыкли бы къ мысли, что война совершается гдѣ-то далеко, далеко... А между тѣмъ и теперь нѣмецкая армія отстоитъ отъ Парижа на два среднихъ дневныхъ перехода, не больше.

Недалеко отъ мѣста, куда я долженъ доставить своего сѣдока, мы встрѣчаемъ на поворотѣ дороги отрядъ англійскихъ солдатъ, одѣтый въ удобные, красиво облегающіе фигуру костюмы изъ хаки. Идутъ легко, четко, словно на пружинахъ. Держатся прямо, сухощавыя, мускулистыя фигуры просятся въ скульптуру. Всѣ отлично выбриты.

Это отборныя силы расы. Въ началѣ войны, когда въ англійскую армію волонтеры набирались спѣшно, въ нее проскочило большое количество „indésirables", которые, къ слову сказать, далеко не содѣйствовали упроченію славы англійской культуры. Потомъ, когда наборъ сдѣлался болѣе регулярнымъ и условія улучшились, стали болѣе нормальными, въ армію пошли большія количества различныхъ рабочихъ, особенно рудокоповъ, славящихся физической силой и выправкой. Эти именно рудокопы, привыкшіе къ подземной работѣ, въ грязи, водѣ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, оказались незамѣнимыми въ траншеяхъ, откуда никакія лишенія не въ состояніи ихъ выбить. Профессіональная выучка вообще находитъ широкое примѣненіе въ нынѣшней войнѣ.

Подъѣзжаемъ къ обширному зданію, обнесенному высокой стѣной. Здѣсь находится интендантскій фригорифическій заводъ. Весьма прозаическое заведеніе, оказывающее на дѣлѣ огромныя, незамѣнимыя услуги арміи. Трудно даже себѣ представить, что было бы съ ней, еслибы не эти длинные флигеля довольно непрезентабельнаго вида, съ маленькими подслѣповатыми окнами.

Распахиваются ворота. Часовые берутъ на караулъ. Мы въѣзжаемъ въ огромный пустынный дворъ... Я одинъ въ немъ. Кругомъ такъ тихо, словно всѣ вымерли, а между тѣмъ въ этомъ одинокомъ заводѣ ключомъ кипитъ жизнь, вогнанная въ отдѣльные, строго замкнутые корпуса.

У воротъ слоняется, видимо очень скучая, маленькій усатый часовой. Вообще ему не полагается разговаривать съ публикой. Но шофферъ — это не публика, это почти свой братъ, и притомъ привезшій военнаго.

— Вы, навѣрно, бельгіецъ?

— Нѣтъ, русскій.

— Русскій?! А почему же вы не въ Берлинѣ? — бросаетъ онъ мнѣ шутливымъ тономъ, лукаво подмигнувъ, и затѣмъ уже совершенно серьезно продолжаетъ:—Да, а все-таки дьявольски силенъ этотъ „бошъ“, чертъ бы его подралъ! Не правда ли?... Иду ли я на фронтъ? Покуда нѣтъ! Я изъ territoriaux и пойду лишь въ крайнемъ случаѣ. На-дняхъ я стоялъ у моста, а теперь меня вотъ перевели сюда... Скучища отчаянная! Но жить можно все-таки, хотя говорятъ, на фронтѣ гораздо интереснѣе... Я думаю! Но только отъ этого интереса легко можетъ отскочить голова или отвинтиться нога... Хо-хо-хо!

Было уже поздно, около девяти часовъ вечера, когда мы, насквозь пропитанные свѣжею ароматною сыростью взрытыхъ полей, въѣхали черезъ Porte de la Chapelle въ грустный, подернутый дымкой тумана Парижъ.

VIII.

— Вы гдѣ сегодня обѣдаете?—спрашиваетъ меня шофферъ, сосѣдъ по станціи, на которой мы тщетно стоимъ около часу.—Не клюетъ что-то сегодня!.. Что? Не заработали?.. Вотъ пустяки! Идемте въ soupe populaire! Кстати, увидите, какъ тамъ кормится голодная публика. Идемъ!

Шофферы, какъ и кучера,—аристократы. Они обѣдаютъ и ужинаютъ въ приличныхъ ресторанахъ, съ дессертомъ, сыромъ и виномъ. Далеко не всякій русскій литераторъ здѣсь такъ обѣдаетъ, какъ эти извозчики. Но теперь война, заработки стали болѣе случайными, все вздорожало, и поэтому можно иной разъ и спуститься на одну-другую ступеньку по соціальной лѣстницѣ, не рискуя уронить себя ни въ чужихъ, ни въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Soupes populaires — это народныя столовыя, родоначальниками которыхъ были знаменитые soupes communistes, хорошо извѣстные рабочему люду по ихъ огромной роли во время стачекъ, локаутовъ, безработицы. Когда началась война, сотни тысячъ французовъ сразу очутились на мостовой безъ малѣйшихъ перспективъ въ ближайшемъ будущемъ. И тогда привычные организаціонные инстинкты немедленно же заработали. На самыя жалкія средства, часто собранныя тутъ же, на мѣстѣ, энергичными усиліями—можно прямо сказать—самоотверженныхъ людей были созданы во всѣхъ кварталахъ Парижа, кромѣ, разумѣется, богатыхъ, маленькіе питательные пункты, которые въ разгаръ мобилизаціи, когда все

пришло въ совершенно естественное замѣшательство, планомѣрно развивали свою работу, каждый день привлекали новыя средства и вскорѣ стали необходимостью, получившею официальное признаніе. Теперь всѣ эти народныя столовыя работаютъ подъ общимъ контролемъ Комитета Національной Помощи и получаютъ оттуда субсидію деньгами, различными предметами для оборудованія кухни, что стоитъ въ общемъ довольно дорого, провизіей и т. д.

Въ одну изъ такихъ столовыхъ мы и отправились съ товарищемъ. Помѣщеніе очень неказистое. Прежде здѣсь былъ какой-то складъ, теперь его наскоро вычистили, подбѣлили, заставили столами и скамьями. Кормятъ неважно, такъ что, когда уходишь, голода не чувствуешь, но пообѣдать еще разъ не прочь. На первое даютъ супъ, на второе—небольшой кусокъ блѣднаго, тощаго мяса съ овощами; хлѣба, сколько угодно, иногда стаканъ сидра или вина. Все это стоитъ 20 сантимовъ, т. е. около восьми коп. Однако, здѣсь всегда полно, потому что дома готовить могутъ только имѣющіе работу, да и то далеко не всѣ.

— Еслибы—говоритъ мнѣ завѣдующій, молодой соціалистъ, партійный работникъ, съ очень близорукими глазами, — у насъ было больше денегъ, мы бы кормили лучше, да и помѣщеніе выбрали бы болѣе комфортабельное. Но приходится приспособляться. C'est la guerre! (эту фразу теперь слышишь все чаще и чаще), а между тѣмъ мы только зрители войны... И все-таки послушайте, что говорятъ посѣтители! Теперь, когда все вошло въ нормальную колею, многіе перестали нуждаться въ нашихъ столовыхъ, но вначалѣ похваламъ не было конца. Да знаете ли,—воскликнулъ онъ, сразу воодушевившись,—еслибы не мы, никогда Комитетъ Національной Помощи не могъ бы такъ быстро развернуть своей работы! Спросите, кого угодно, и всѣ, даже реакціонеры, признаютъ, что soupes populaires выручили Парижъ во время мобилизаціи!

Быть можетъ, самое страшное изъ всѣхъ послѣдствій войны—это безработица. Слѣды ея не такъ легко замѣтить на улицахъ центральнаго Парижа просто потому, что здѣсь принято заботливо скрывать нищету. Но она все-таки очень ясно чувствуется по всему: и по исхудалымъ лицамъ, и по покраснѣвшимъ рукамъ, привыкшимъ къ перчаткамъ, а теперь ихъ лишеннымъ, и по „уставшей“ обуви, для починки которой нѣтъ денегъ... Нужно только изъ богатаго или буржуазнаго квартала переѣхать въ рабочій, чтобы призракъ безработицы появился передъ наблюдателемъ сразу во всей своей наготѣ.

А вѣдь къ тѣмъ массамъ, которыя потеряли работу изъ-за прекращенія дѣлъ, закрытія мастерскихъ и заводовъ, присоединились еще потоки бѣженцевъ изъ сѣверныхъ департаментовъ и Бельгіи, этой несчастной наковальни, на которую обрушились первые удары тяжелаго стального молота войны. Въ то время, какъ на фронтѣ идетъ отчаянная борьба изъ-за каждой пяди земли, здѣсь, въ тылу,

дерутся не на животъ, а на смерть изъ-за каждаго гроша, и только различныя утоляющія соціальную боль средства кое-какъ отвлекаютъ вниманіе массъ и успокаиваютъ ихъ.

Обычныя весьма прочныя грани раздѣленія труда, привычность къ опредѣленной профессіи и тяготѣніе исключительно къ ней,— все это исчезло въ бурномъ водоворотѣ событій. Всякій, кто можетъ, старается захватить какую попало работу. Потому что надо ѣсть! Ужасная по простотѣ формула, содержаніе которой съ каждымъ днемъ все больше и больше выпячивается наружу сквозь покровы патріотическихъ настроеній. Особенно тяжело было съ первыхъ шаговъ положеніе бѣглецовъ изъ Бельгіи. Среди этихъ несчастныхъ, хлынувшихъ во Францію потоками не только безъ средствъ, но нерѣдко безъ платья и даже безъ обуви, царило глубокое отчаяніе. Главную массу, конечно, составляли рабочіе и крестьяне, но были среди бѣженцевъ и лица интеллигентныхъ профессій: учителя, адвокаты, архитекторы, затѣмъ домовладѣльцы, фабриканты и т. д. Воспользовавшись первою помощью со стороны правительства, коммунальныхъ властей и частной благотворительности, эти бѣженцы принялись энергично искать себѣ занятій, совершенно не считаясь, отвѣчаютъ они ихъ привычнымъ профессіямъ или нѣтъ. И въ результатѣ получались такіе случаи, когда, напримѣръ, въ какой-нибудь газовой конторѣ оказывался десятокъ новыхъ служащихъ, состоявшій изъ архитектора, который еще недавно зарабатывалъ въ Брюсселѣ отъ 25 до 30 тысячъ въ годъ, инженера, тоже недавно получавшаго тысячъ десять, фабриканта, ворочавшаго въ Бельгіи огромными капиталами, и пр. Теперь они перешли на нищенское жалованье въ пять франковъ за день тяжелой работы. Шефъ одного такого бюро, какъ мнѣ передавали, очень гордился новымъ составомъ своихъ служащихъ и всѣмъ говорилъ: „какое положеніе! Какъ они воспитаны! И какой у нихъ еслибы вы знали, почеркъ“!

Необычность судьбы этихъ бѣженцевъ интеллигентныхъ профессій вызвала къ нимъ всеобщую симпатію, и мнѣ неоднократно случалось испытывать ее на себѣ, такъ какъ, повидимому, въ моей наружности есть нѣчто, сближающее меня съ бельгійцами. Мнѣ не разъ приходилось перехватывать сочувственный взоръ, направленный по моему адресу и выражавшій приблизительно: „Ахъ, ты, бѣдняга, жилъ такъ хорошо... и вдругъ!“ Не разъ это подчеркивалось и въ разговорахъ, вообще не очень обычныхъ между шофферами и сѣдоками.

Безработица повсюду. Она заползаетъ даже въ такія мѣста, гдѣ мы привыкли видѣть безумную трату денегъ, игру брилліантовъ, роскошь кружевъ и бархатныхъ платьевъ. Помню, въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ я стоялъ во дворѣ театра Antoine, ожидая директора. У моего „такси“, подъ навѣсомъ, въ дорогомъ мѣху и роскошной шляпкѣ, стояла, съежившись, артистка, ожидая проѣзда

свободнаго автомобиля, такъ какъ она не хотѣла идти по дождю. Артисты очень берегутся и избѣгаютъ сырости и холодной погоды.

— Вы бельгіецъ, навѣрно?—спрашиваетъ она меня красивымъ груднымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не бельгіецъ. Я русскій.

— Вотъ какъ! А я думала, что бельгіецъ! Да въ сущности все равно, нужда не разбираетъ... Вы вотъ навѣрно думаете, что намъ тутъ очень весело живется? Нѣтъ, многимъ изъ насъ приходится не лучше шофферовъ! Театры почти всѣ позакрывались, ангажементовъ нѣтъ, богатые люди куда-то исчезли. Одни ушли на войну, другіе уѣхали... Не хорошо! Вы знаете, среди насъ добрая половина, если не больше, голодаетъ. А продать платье, драгоцѣнности... нельзя, невозможно! Вдругъ начнется оживленіе! Вѣдь безъ нихъ никто на сцену не возьметъ... Ужасное время! Ужасное время!

Когда опасность осады Парижа окончательно исчезла, и правительство рѣшило переѣхать обратно изъ Бордо въ столицу, у многихъ появилась надежда, что дѣла хоть немного поправятся и нужда ослабѣетъ. Трудно сказать, насколько эти разсчеты оправдались. Но Парижъ все-таки немного ожилъ.

Это было довольно любопытное время. Переѣздъ, обставленный очень скромно, совершившійся почти незамѣтно, далъ парижанамъ увѣренность, что дѣла обстоятъ въ общемъ не плохо и въ связи съ этимъ у нихъ появилась потребность попробовать, нельзя ли какъ нибудь наладить нормальную жизнь. Прежде всего это стало замѣтно на магазинахъ. Откуда-то появились фигуры чистильщиковъ витринъ съ традиціонными лѣстницами и ведерками, и огромныя стекла заблестѣли подъ ихъ опытными руками, словно бриліанты, вставленные въ сѣроватыя массы домовъ. Затѣмъ за этими стеклами засуетились люди въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, устанавливая новые образцы, обтирая пыль со старыхъ и приготовляя къ бою выставки—эти аванпосты современной торговли. Около нихъ сейчасъ же стали собираться любопытные, соскучившіеся по модамъ и снова получившіе жажду къ жизни. Въ отдѣльныхъ кварталахъ это не было особенно замѣтно, но съ своего шофферскаго подвижного пункта я хорошо видѣлъ, какъ Парижъ, словно очнувшись отъ долгаго кошмарнаго сна, начинаетъ потягиваться, умываться и приводить свою одежду въ порядокъ.

Муниципальныя власти принялись за освѣженіе улицъ. Повсюду на мостовыхъ вытянулись длинныя изгороди изъ веревокъ, а по ночамъ вереницы фонариковъ. На этихъ запретныхъ мѣстахъ выросли груды песку и кубиковъ, замелькали кирки рабочихъ, застучали молотки по рельсамъ трамваевъ. Огромныя телѣги на саженныхъ колесахъ, влекомыя могучими конями, стали разъѣзжать по городу, увозя на свалки мусоръ съ построекъ... По мертвымъ улицамъ какъ будто пробѣжала живая душа жизни.

Понемногу стали приходить въ себя и театры. Кіоски ободрали, обклеили ихъ свѣжей полосатой бумагой, поверхъ которой появились разноцвѣтныя афиши. У кассъ вытянулись очереди, около послѣднихъ молчаливо выросли ажаны и муниципальные гвардейцы въ своихъ блестящихъ каскахъ съ длинными хвостами, даже „камло“ осмѣлѣли и, вопреки запрещенію, рѣшили явочнымъ порядкомъ вернуть себѣ право голоса.

Константинъ Парфененко.

Масляница.

Солнце въ небѣ разметаетъ
Просіявшую лазурь.
Исчезаетъ, улетаетъ
Слѣдъ студеныхъ зимнихъ бурь.

Ужь закапали капели,
Изумрудный ледъ дробя.
Гомонъ масляной недѣли
На деревнѣ: теребя

Вновѣ свитыми возжами
И шарфы связавъ накрестъ,
Возятъ парни съ бубенцами
Скромно рдѣющихъ невѣстъ.

Разыгравшіяся бабы,
Впрягшись въ розвальни гуськомъ,
Тянутъ ихъ черезъ ухабы,
Подымая визгъ-содомъ.

У горы ребятъ кружало;
Ледни носятся стрѣлой,
И сквозятъ колѣни ало,
Незакрытыя полой.

Людъ степенный чередою
Ходитъ въ гости, и домой
Выбираетъ путь прямой
Неувѣренной стопою.

П. Радимовъ.

РАЗБИТЫЯ СКРИЖАЛИ

(Продолженіе).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Въ Волчьемъ Буеракѣ было тихо, бѣло и пушисто. Иней пышными гроздьями разукрасилъ дубовую рощу, и она стояла вся серебряная, нѣжная, тонкимъ кружевомъ рисуясь на блѣдной синевѣ неба. Проваливаясь по колѣна въ снѣгъ, Дуня бродила подъ деревьями, искала на нихъ мѣтокъ отъ пуль и напѣвала Ермолаевскую пѣсню. Съ того самаго вечера не давала она Дунѣ покою; днемъ и ночью звучала и пѣла въ душѣ и такъ ясно, что, казалось, вотъ-вотъ вырвется наружу. Но когда Дуня пыталась на голосъ повторить мотивъ, ничего у нея не выходило и отъ этого пѣсня еще громче звенѣла внутри, и томила, и мѣшала думать.

Здѣсь, въ серебряной тишинѣ Буерака, удалось, наконецъ, схватить ея напѣвъ. Да, вотъ они, эти отрывистые звуки, похожіе на мѣрный шагъ множества людей... Обрадованная Дуня громко запѣла—и остановилась: ей почудилось, что-то шуркнуло у нея за спиной. Она тревожно оглянулась,—никого не было; по прежнему неподвижныя стояли деревья и молчаливо синѣли снѣга на лѣсныхъ прогалинахъ. Должно быть, иней свалился съ вѣтки или прошмыгнулъ вспугнутый зайчикъ. Но пѣть уже не хотѣлось и съ тоскливымъ предчувствіемъ какой-то бѣды Дуня стала выбираться изъ чащи на дорогу. Шла, не оглядываясь, старалась сдерживать шагъ, а ноги сами торопились, и было такое чувство, будто кто-то крадется за ней, потаенно слѣдитъ, высматриваетъ изъ за кустовъ.

И вотъ опять шуркнуло... точно снѣгъ осѣлъ подъ чьей-то тяжелой ногой. Теперь уже было ясно,—шелъ человѣкъ. Дуня рѣзко повернулась и увидѣла Политку. Онъ было метнулся въ сторону, чтобы спрятаться за дерево, но не

успѣлъ и, нагло усмѣхаясь, по кошачьи щуря глаза, остановился. Нѣсколько мгновенiй они молча смотрѣли другъ на друга, и, мертвѣя отъ смертельнаго ужаса, Дуня прочла въ его торжествующемъ взглядѣ, что то, чего она всегда боялась, пришло, вотъ сейчасъ совершится, и всему конецъ, и не будетъ больше на свѣтѣ барышни Дуни... Сама не сознавая, что дѣлаетъ, она сунула руку за пазуху и стремительно рванулась къ Политкѣ. И тутъ случилось непонятное. Въ злыхъ глазахъ парня сверкнулъ звѣриный испугъ, онъ отпрянулъ отъ Дуни, споткнулся на дерево, упалъ, снова вспрыгнулъ и, грубо ругаясь, скрылся въ чащѣ.

Все еще держа руку за пазухой, Дуня добралась до открытаго поля и здѣсь только пришла въ себя. Ноги у нея дрожали и подгибались, сердце бурно колотилось, по всѣмъ жиламъ огненной струей переливалась безумная радость избавленiя отъ позора и смерти.—„Какъ хорошо! Какъ хорошо"!.. шептала она, жадно глотая воздухъ. И все вокругъ казалось новымъ, прекраснымъ и чистымъ, — лиловая даль, бирюзовое небо, хуторскiя крыши вдали, накрытыя шапками бѣлаго снѣга.

На дорогѣ ее обогнали ковровыя сани съ подзорами, запряженныя тройкой породистыхъ коней. Вороной коренникъ гордо несъ свою красивую голову; пристяжныя горячились, храпѣли, разметывая во всѣ стороны клочья пѣны. Изъ-подъ бобровой шапки блеснули надменные, ледяные глаза... это ѣхалъ изъ Избищъ панъ Михневскiй. Навѣрное, заѣдетъ и къ нимъ. И даже его въ эту минуту Дунѣ было прiятно встрѣтить.

Когда она дошла до хутора, тройка Михневскаго уже стояла у конюшни и въ окнахъ дома зажглись привѣтливые огни. Съ крыльца на встрѣчу Дунѣ скатился Карайка и съ радостнымъ лаемъ кинулся ей на грудь. Вслѣдъ за нимъ подошелъ Ермолаевъ.

— Здравствуйте, барышня Дуня, наконецъ-то я васъ поймалъ. Цѣлую недѣлю вы отъ меня прятались, чѣмъ я передъ вами провинился?

— Ничѣмъ—отвѣтила Дуня, лаская Карайку.

— Неправда! Я вѣдь помню, какъ вы тогда ушли отъ меня. Охъ, Авдотья Федоровна, гордая вы и злая и сами не знаете, чего вамъ надо... Это про васъ одинъ человѣкъ сказалъ.

— Какой человѣкъ?—быстро спросила Дуня и оттолкнула Карая.—Пошелъ, Карайка, не лѣзь!..

— Ага, задѣло за живое! А я вотъ возьму да не скажу.

— И не надо. Я и такъ знаю. И совсѣмъ не интересно что онъ тамъ обо мнѣ думаетъ.

— Опять неправда! Не интересно, а у самой красныя пятна на щекахъ выступили. До смерти хочется узнать, — нельзя, гордость не позволяетъ! А вотъ онъ не такой... Вы-то, помните, какъ его ругали? Ну, а онъ о васъ совсѣмъ другое говорилъ.

— Ну и пускай... не надо объ этомъ... не поминайте, не хочу.

— Ладно, не буду... хотя странно... А гдѣ это вы пропадали сейчасъ?

— Въ Буеракѣ была. И никогда больше туда не пойду...

— А что? Волка видѣли?

— Не волка! Волкъ не страшно. А мнѣ было такъ страшно, я думала, что умру...

Дуня оглянулась и, вздрагивая отъ пережитаго ужаса, шопотомъ разсказала Ермолаеву о встрѣчѣ съ Политкой. Ермолаевъ весь потемнѣлъ, губы у него задергались.

— Ахъ, чертъ!.. Съума, что-ли, онъ спятилъ? Ну, это мы поговоримъ...

Мимо нихъ прошмыгнула Лимпіядушка. Она уже выздоровѣла, только подъ глазомъ еще синѣло огромное пятно. Сверкнувъ глазами на Дуню и Ермолаева, она чему-то хихикнула и исчезла въ сѣняхъ. Ермолаевъ подозрительно глянулъ ей вслѣдъ.

— Вотъ еще Мессалина эта... не нравится мнѣ она! А вы въ Буеракъ лучше не ходите... И никуда не ходите безъ оружія. Да постойте...

Онъ сбѣгалъ въ контору и вернулся съ револьверомъ въ знакомой сѣрой кобурѣ.

— Ну вотъ, возьмите! Съ этой штукой ничего не страшно. А съ Политкой я раздѣлаюсь...

Опять Лимпіядушка прошмыгнула и опять язвительно подхихикнула. Дуня ушла въ домъ. Михневскій уже собирался уѣзжать и въ шубѣ, въ шапкѣ стоялъ въ передней. Отецъ его провожалъ.

— Такъ вы же сдѣлайте это поскорѣй, бо я не могу больше ждать,—барственнымъ тономъ говорилъ Михневскій.— Мнѣ надо или теперь, или совсѣмъ не надо, и если вамъ не можно, то вы такъ и скажите, я извѣщу главную контору.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Казимірычъ, будьте спокойны! — угодливо отвѣчалъ отецъ.—Завтра же найму подводы и прикажу насыпать.

Михневскій шумно надѣлъ ботики, и Дуня слышала изъ своей комнаты, какъ отецъ, забѣжавъ впередъ, отворялъ передъ нимъ дверь и говорилъ:—„Осторожнѣй, Иванъ Казимірычъ, здѣсь приступочка“! Потомъ, вернувшись, крикнулъ Дунѣ совсѣмъ другимъ тономъ·

— И гдѣ это ты шлындаешь до сей поры? Пріѣхалъ нужный человѣкъ, чаемъ надо напоить, закусочки, то-се, а хозяйки дома нѣтъ!

Дуня молча вышла въ столовую, сѣла у самовара. Отецъ продолжалъ:

— Смотри, Авдотья, доберусь я до тебя! Забила себѣ голову книжками и воображаетъ бо-знать что. Мы не графы, чтобы воображать, въ пору свои дѣла управить. Вонъ ночь на дворѣ, а я поѣзжай мужиковъ нанимать; тоже пріятность небольшая, а нельзя; Казимірычъ—баринъ сурьезный, сейчасъ въ контору жалиться, почему хлѣбъ къ сроку не доставленъ.

— Пили бы поменьше...—тихо сказала Дуня.

— Чего? Что ты себѣ подъ носъ бурчишь? Налей-ка лучше чаю, ѣхать надо...

Онъ присѣлъ къ столу и, принимаясь за чай, заговорилъ примирительно:

— А какая исторія-то въ Избищахъ вчера стряслась,— сейчасъ Казиміричъ разсказывалъ. Винную лавку ограбили. Пришли трое молодцовъ въ маскахъ, съ револьверами, ну, баба, конечно, въ обморокъ, а они взломали кассу, денежки выгребли,—и до свиданья! Очень ловко устроено, надо чести приписать.

— Въ маскахъ?..—спросила Дуня и уронила стаканъ.

— И что это у тебя изъ рукъ все валится, Авдотья? Да, маскированные, по новой модѣ; теперича и воры-то пошли образованные. А денегъ было тысячи три, здорово поживились. Сыпани-ка еще стаканчикъ, Душа! Вотъ вѣдь какая погань завелась, и не поймешь, что оно такое. Бунты да пожары, да грабежъ... избаловался народишко въ отдѣлку!

„Это они, они“!.. думала Дуня, вся пылая. Торопилась, убирала посуду, дрожали руки отъ нетерпѣнія. Злилась на отца, что такъ медленно пьетъ, обмакивая въ чай мелкіе кусочки сахара, причмокивая и присасывая. Наконецъ, онъ допилъ послѣдній стаканъ и пошелъ одѣваться. Дуня проводила его на крыльцо и, какъ только скрипъ полозьевъ слился съ тишиною темнѣющихъ полей, она вошла въ контору.

2.

Ермолаевъ сидѣлъ за столомъ и щелкалъ на счетахъ, провѣряя квитанціи, грязной грудой лежавшія передъ нимъ. Появленіе Дуни его удивило; онъ поспѣшно натянулъ на себя пиджакъ, валявшійся около него на стулѣ, и шутливо сказалъ:

— Очень пріятный визитъ и очень во время,—осточертѣла мнѣ эта музыка!—Онъ отшвырнулъ отъ себя квитан-

ціи.—Фролу Дегтеву—рупь пятнадцать; Ивану Симакову—два цѣлковыхъ съ пятакомъ... ажно въ глазахъ рябитъ. И вдругъ она, какъ пишутъ въ романахъ... Куда это папаша-то уѣхалъ?

Дуня сѣла противъ него и молчала, пристально всматриваясь въ угловатое лицо съ безпокойными глазами.

— Что это вы на меня такъ смотрите?—спросилъ Ермолаевъ, чувствуя себя немного неловко отъ ея молчанія и неподвижнаго взгляда.—Какъ судья на подсудимаго... или Михаилъ Архангелъ на сатану! Что-нибудь я сдѣлалъ?

— Вы слышали, Дмитрій Иванычъ, что вчера ночью въ Избищахъ винную лавку ограбили?—не отвѣчая на его шутку, спросила Дуня.

— Ограбили? Ха-ха-ха!.. Молодцы ребята! А вамъ не нравится?

— Не притворяйтесь, теперь я знаю, что значитъ „орелъ“ и „телеграмма“... Это вы сдѣлали...

— Барышня Дуня...—угрожающе вскрикнулъ Ермолаевъ и бросился къ двери. Дуня его остановила:

— Тамъ никого нѣтъ, дверь заперта на крюкъ, никто не услышитъ. А я на васъ доносить не пойду.

Ермолаевъ вернулся, не глядя, нащупалъ на столѣ папиросу и закурилъ. Руки у него замѣтно дрожали.

— Ну-съ?—сказалъ онъ слегка охрипшимъ голосомъ.—Что еще скажете?

— Больше ничего. Только и хотѣла вамъ сказать про Избищи: я знаю, что это вы сдѣлали.

— Ну, а если бы и мы?—вызывающе спросилъ Ермолаевъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ нужно для нашего дѣла.

— Ахъ, стало быть, вотъ это и называется „разбить скрижали“? Надѣть маски, придти въ чужой домъ и ограбить?..

— Барышня Дуня, вы повторяете старыя, ненужныя слова. Что такое грабежъ? . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Нѣтъ ничего чужого, все общее—разъ! Никто никому ничего не долженъ—два! И къ черту всѣ законы, кромѣ законовъ природы—три!.. Человѣкъ созданъ для того, чтобы быть свободнымъ и наслаждаться,—вотъ нашъ законъ!..

— И для этого все-таки надо грабить?

— Опять двадцать пять!.. Охъ, какъ въ васъ эти старинныя проповѣди въѣлись! Барышня Дуня, разбейте вы старыя скрижали! . . . .

. . . .
. . . .

Дуня молчала, глядя въ черноту окна, за которымъ слышался далекій лай собакъ. Мысли ея спутались, сердце часто билось и въ его прерывистомъ стукѣ чудилось что-то знакомое, эхо далекихъ шаговъ въ пустынѣ жизни. Въ памяти всплылъ навязчивый мотивъ незнакомой пѣсни. Что-то еще говорилъ Ермолаевъ, размахивалъ длинными руками, убѣждалъ, доказывалъ,—Дуня не слушала и шла вмѣстѣ съ пѣсней къ багровымъ далямъ заката. Потомъ машинально стала ее напѣвать. Ермолаевъ остановился и съ удивленіемъ прислушался.

— Что это вы, Авдотья Федоровна? Я-то разглагольствую а она поетъ!.. съ чего это вы?

— Такъ, вспомнилось... Это вы пѣли, помните, вечеромъ, когда я пріѣхала изъ Избищъ. Что это за пѣсня?

— Эта?—Ермолаевъ запѣлъ было, потомъ круто оборвалъ и засмѣялся.—Фу ты, чертовщина, похоронный маршъ запѣли!.. Что это вамъ вздумалось?

— Не знаю... Такъ это похоронный маршъ? Хорошая пѣсня!.. Слушайте, Ермолаевъ, а что бы вы со мной сдѣлали, еслибы я на васъ донесла? Убили бы?

— Я?.. Я не убилъ бы...

— Ну все равно, тотъ бы убилъ... въ маскѣ...

Ермолаевъ смотрѣлъ на нее, прищурившись, привычная судорога кривила его губы.

— Охъ, барышня Дуня, а вы тоже любите по краешку ходить!.. Въ первый разъ такую вижу. Полночь, въ домѣ ни души, дверь на запорѣ, а она пришла къ человѣку, который вчера лавку ограбилъ, да еще доносомъ грозитъ... Съ огонькомъ играете, барышня! Не страшно?

— Нѣтъ...—сказала Дуня, не сводя глазъ съ окна, точно видѣла тамъ что-то.

— Ну, а если я вотъ возьму васъ сейчасъ за бѣленькую шейку и... задушу?

— Не задушите. Вы не такой! А потомъ вѣдь вы сами посовѣтовали мнѣ никуда не ходить безъ этого...

И ловкимъ движеніемъ она вынула изъ кармана револьверъ. Ермолаевъ вздрогнулъ и нахмурился.

— Не такой, а сама все-таки не вѣритъ... Эхъ, обидѣли вы меня! Ну... спрячьте вашу игрушку, я не Политка! Или все-таки за разбойника считаете?

Дуня отрицательно покачала головой и встала.

— Нѣтъ, вы не разбойники, вы, охъ, не могу, не знаю, ничего не знаю... У меня тутъ...—Она схватилась за голову.— У меня въ головѣ такое,—ничего не понимаю. Пойду, буду

лежать въ темнотѣ и думать... а вы спойте мнѣ эту пѣсню... похоронный маршъ.

— Постойте!.. еще одно слово. Вы сказали, что мы не разбойники... Если такъ, если вѣрите,—дайте руку!

Дуня протянула руку. Ермолаевъ крѣпко сжалъ ее, потомъ вдругъ всѣмъ своимъ неуклюжимъ тѣломъ рухнулъ на колѣни и поцѣловалъ. Дуня вспыхнула, рѣзко отняла руку и, не оглядываясь, выбѣжала на крыльцо.

Тамъ ее обвѣяло острымъ холодкомъ, сердце успокоилось, голова посвѣжѣла. Кошмарный угаръ остался въ конторѣ, съ Ермолаевымъ, гдѣ темными призраками бродили безуміе и смерть. А здѣсь все было прежнее, знакомое, простое. Голубая ночь сіяла надъ хуторомъ, лѣниво побрехивали собаки, въ людской желтѣли подслѣповатые огоньки. И звѣзды все такъ же таинственно и страшно сплетались въ сверкающія письмена, непонятныя, вѣчно томящія человѣческую душу своей неразгаданной загадкой. Вспомнился вечеръ перваго знакомства съ Ермолаевымъ и всѣ тогдашнія переживанія снова ярко вспыхнули въ душѣ. Андрей Болконскій, Наташа, мысли о смерти, смутный страхъ передъ грядущимъ, тоскливо-радостныя ожиданія... какъ недавно это было, а вотъ уже прошло, и все теперь другое, и черные люди въ маскахъ вплели какую-то новую нить въ одноцвѣтный узоръ ея жизни. Что же будетъ завтра? Ужасъ или радость? Или опять старая тоска... Звѣзды молчали и молчала степь. Въ конторѣ запѣлъ Ермолаевъ...

8.

Въ послѣдніе дни въ Лимпіядушку вселился какой-то неугомонный бѣсъ. Она безпрестанно шныряла мимо конторы, выскакивала неожиданно откуда-нибудь, когда Дуня шла гулять, и долго смотрѣла ей вслѣдъ въ своей любимой позѣ съ руками подъ грудь, чему-то лукаво улыбаясь. Не разъ Дуня заставала ее въ сѣняхъ, въ темномъ углу, гдѣ она, притаившись, не то ждала, не то высматривала, а однажды подъ вечеръ, выходя изъ конторы, чуть было не сшибла Лимпіядушку съ ногъ,—ясно, что баба стояла за дверью и подслушивала.

— Ты что здѣсь стоишь?—сурово спросила Дуня.

— А чего жь мнѣ не стоять? —нахально отвѣтила Лимпіядушка, потирая ушибленное дверью плечо.—И что ужь это, барышня, ужь и чудныя! Чай, мѣсто прохожее, никому ходить не заказано...

— Пошла отсюда вонъ!—вспылила Дуня.—И не смѣй мнѣ больше на глаза попадаться.

Хихикая, Лимпіядушка убѣжала, и въ хихиканьи ея было что-то до того скверное, что у Дуни заныло сердце. Вспомнилась встрѣча съ Политкой въ Волчьемъ Буеракѣ и, казалось, была какая-то непонятная связь между этой встрѣчей и подсматриваньями Лимпіядушки. Точно оба сговорились столкнуть Дуню въ грязную яму, откуда уже нельзя было бы подняться.

Дунины предчувствія сбылись; скоро все открылось и вышло такъ отвратительно и грязно, что оборвалась послѣдняя нить, которая привязывала Дуню къ отцу.

Случилось это вечеромъ; Дуня только что вернулась съ прогулки и еще не успѣла раздѣться. Лампа уже горѣла, на столѣ шумѣлъ самоваръ, но отецъ почему-то не пилъ чаю и крупными шагами ходилъ по комнатѣ. Дуня сейчасъ же догадалась, что онъ чѣмъ-то разстроенъ и, должно быть, выпилъ, не дожидаясь ужина.

— Авдотья! Это ты?—крикнулъ онъ на ходу.—Поди сюда...

Дуня вошла и остановилась у дверей.

— Нѣтъ, ты сюда, сюда поди, чего въ потемкахъ прячешься!—Онъ рванулъ ее за руку и подтащилъ къ свѣту.—Смотри на меня! Ну? Ты гдѣ это шлялась, а?

— Гулять ходила..—угрюмо сказала Дуня, пытаясь вырвать руку. Но отецъ впился въ нее, точно желѣзными клещами, и продолжалъ:

— Нѣтъ, ты не вертись, ты мнѣ въ глаза гляди,—съ кѣмъ гуляла, а? Все знаю, все, дрянь ты эдакая!.. Нашла съ кѣмъ спутаться,—съ конторщикомъ голоштаннымъ, эхъ ты, дура! Какіе женихи сватались,—всѣмъ отказъ, а на чорта жигилястаго польстилась. У-у, тварь несчастная...

У Дуни захватило духъ отъ этого послѣдняго и страшнаго оскорбленія ея дѣвичьей гордости. Она хотѣла что-то крикнуть—и не могла; сдавило горло шаршавымъ клубкомъ; глаза остеклѣли, какъ у мертвой.

— Что жь ты молчишь, глаза вылупила? Выходи замужъ, коли ужь приспичило, а блудить я не позволю. Осрамила на всю округу; какая ни есть шлюха Лимпіядка,—и та смѣется... Ухъ, убилъ бы!

И, взвинченный собственными словами, дыша Дунѣ въ лицо виннымъ перегаромъ, Федоръ Степанычъ свободной рукой ударилъ дочь по щекѣ.

Въ дверяхъ передней мелькнула нахальная, смѣющаяся физіономія Лимпіядушки. Дуня все поняла. Съ страшнымъ усиліемъ вырвала руку, схватила со стола хлѣбный ножикъ и голосомъ, котораго не узнала сама, завизжала на весь домъ:

— Гадость!.. Гадость!.. Не смѣете... Не позволю! Не позволю!..

Вбѣжалъ Ермолаевъ и бросился между ними. Одной рукой выхватилъ ножъ у обезумѣвшей Дуни, а другою отстранилъ Федора Степаныча.

— А-а!—бѣшено заревѣлъ тотъ.—Вотъ оно, дѣло-то! Защитникъ явился... Отца за грудки, да ножомъ въ пузо, а любовника на хозяйское мѣсто? Спасибо, дочка, уважила!.. Ну, только мы еще поглядимъ, кто здѣсь хозяинъ. Ты! Конторщикъ! Вонъ отсюда... Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Моя дочь—и воля моя, а ты не лѣзь!..

И, толкнувъ Ермолаева въ грудь, онъ снова ринулся къ Дунѣ, которая продолжала выкрикивать одни и тѣ же слова: „не позволю, не позволю“... Ермолаевъ поймалъ его за руки и крѣпко сдавилъ своими узловатыми пальцами; Федоръ Степанычъ крякнулъ и, весь багровый, грузно сѣлъ на стулъ.

— Успокойтесь, Федоръ Степанычъ! — твердо сказалъ Ермолаевъ. — Авдотья Федоровна, выпейте воды,—вотъ стаканъ. Что у васъ здѣсь такое,—ничего не понимаю. Конечно, это, можетъ быть, и не мое дѣло, но вѣдь нельзя же быть равнодушнымъ, когда дѣло доходитъ до драки и ножей? Меня позвали, я и прибѣжалъ. Какъ же не придти, если кричатъ:—„идите, тамъ человѣка бьютъ“!

— Кто бьетъ? Кто тебя позвалъ? — прохрипѣлъ Федоръ Степанычъ, начиная приходить въ себя.

— Лимпіяда позвала. Прибѣжала, кричитъ: „Федоръ Степанычъ барышню убилъ“! Ну, что же, по вашему, сидѣть,— пускай убиваютъ?

— И сидѣлъ бы! Коли ты не мужъ и не любовникъ,— не твое дѣло.

— Ну, я такъ не могу, это ужь какъ хотите! А на счетъ любовника, что вы тутъ орали, я бы на вашемъ мѣстѣ при дочери и словъ такихъ не произносилъ. Можете меня прогнать и ругать и что угодно со мной дѣлайте, а я вамъ прямо скажу: вы дурной отецъ. Я такъ уважаю Авдотью Федоровну, что и подумать о ней дурно не позволю, а вы, родной отецъ, при чужихъ людяхъ оскорбляете ее скверными словами... Стыдно, почтеннѣйшій, нехорошо-съ!

Дуня закрыла лицо руками и вышла. Отецъ тупо посмотрѣлъ ей вслѣдъ и совсѣмъ уже трезвымъ голосомъ сказалъ:

— Стало быть, наврала Лимпіядка-то? Ты съ Душей не живешь?

— Тьфу!—плюнулъ Ермолаевъ и презрительно махнулъ рукой.—И какъ это у васъ языкъ-то поворачивается говорить эдакую чертовщину! Пьяный вы человѣкъ, больше ничего!..

Своей дочери не знаете. Да вы прочухайтесь хорошенько, да поглядите на нее: вѣдь она у васъ, какъ царица, а вы ее въ свою кабацкую грязь топчете! Эхъ, да ну васъ къ дьяволу, и говорить-то съ вами противно!

Онъ ушелъ. Федоръ Степанычъ остался одинъ, растерянный и смущенный, съ смутнымъ сознаніемъ чего-то непоправимо ужаснаго, совершеннаго имъ въ припадкѣ безсмысленной и пьяной злобы. Вспомнилась вдругъ покойница-жена, какъ она умирала и говорила уже мертвѣющимъ языкомъ: „Душа-то... Душа-то... какъ она останется безъ меня, горемычная, съ эдакимъ отцомъ... Господи... спаси ее, помилуй... защити"... И такъ явственно прозвучали въ ушахъ эти предсмертныя слова, что Федоръ Степанычъ испуганно оглянулся и осѣнилъ себя крестомъ. Потомъ всталъ и тихонько постучался въ Дунину комнату.

— Душатка! А, Душатка! Отворись-ка, что я тебѣ скажу... Душа?

Дуня не отзывалась, въ комнатѣ у нея была мертвая тишина и отъ запертой двери вѣяло враждебностью и отчужденіемъ.

— Ну, что жь, ну погорячился я... Вѣдь дочь ты мнѣ, аль нѣтъ? Не отъ зла это, а любя... можно бы, кажется, понять... Слышишь, что ль? А? Душа!

Опять тишина и молчаніе. Тогда Федоръ Степанычъ вернулся въ столовую, снялъ со стѣны нагайку, всегда висѣвшую за дверью, и пошелъ въ людскую.

4.

Притаившись, какъ больной звѣрекъ, Дуня сидѣла въ своей комнатѣ и все думала, и все рѣшала вопросъ,—какъ же ей теперь жить и что дѣлать? Подходилъ къ дверямъ отецъ, стучался, звалъ, напоминалъ, какъ онъ ее маленькую нянчилъ, пеленочки перемѣнялъ, но это Дуню не трогало, горѣла отъ пощечины щека и, болѣзненно морщась, она затыкала уши. Потомъ вынимала изъ-подъ подушки браунингъ и подолгу, съ напряженнымъ любопытствомъ, его разсматривала. Вотъ бы взять, приложить къ виску, нажать курокъ— и конецъ, и рѣшать уже ничего не нужно... Жаркая истома—предчувствіе избавленія и покоя—разливалась по всему тѣлу; челюсти сводило отъ судорожной зѣвоты, какъ передъ сномъ... И каждый разъ что-то удерживало. Дуня встряхивалась, прятала револьверъ обратно. Жуткая мысль мелькала въ головѣ. Сначала робко,—вспыхивала и угасала, какъ ночная зарница; но чѣмъ дальше, тѣмъ становилась ярче,

опредѣленнѣе, росла, оформливалась, зрѣла и, наконецъ, созрѣла совсѣмъ.

Нужно было видѣть Ермолаева. Нѣсколько разъ Дуня подходила къ стѣнѣ, чтобы постучать,—и останавливалась въ смущеніи, вся пылая отъ униженія и стыда. Что онъ думаетъ теперь о ней? Можетъ быть, презираетъ или смѣется, или что-нибудь еще хуже... Вѣдь ужь если отецъ родной бьетъ по щекамъ и обзываетъ самыми послѣдними словами, то чего же ей ждать отъ чужихъ? Вспомнился Фикулаевъ съ его мерзкими нашептываньями и пошлыми любезностями... что, если и Ермолаевъ, послѣ того ужаснаго вечера, подумаетъ, что съ нею все можно? Отъ этой мысли у Дуни темнѣло въ глазахъ и подгибались ноги. Она садилась къ окну и въ мрачномъ отчаяніи смотрѣла на дорогу, по которой скрипѣли безконечные обозы.

Вечеромъ Дуня все-таки переломила себя. Перекрестилась на материнъ образокъ, зажмурилась и—точно въ воду бросилась—постучала въ стѣну...

— Здравствуйте, Авдотья Федоровна!—откликнулся Ермолаевъ громко и весело, какъ будто ничего не случилось.— Вотъ это вы чертовски хорошо придумали, что постучали; въ домѣ ни души, хозяинъ на заводъ уѣхалъ, Мессалина куда-то завихрилась, а у меня самоварчикъ на столѣ и я сижу одинъ, какъ сычъ! Приходите; сейчасъ мы дверь на крюкъ и будемъ чай пить.

Слова простыя, обыкновенныя, ни тѣни намека на то, что было... Можетъ быть, такъ и надо,—забыть и не вспоминать? Нѣтъ, забыть нельзя; конечно, и онъ тоже помнитъ, и лучше покончить съ этимъ навсегда. Дуня откашлялась и охрипшимъ отъ волненія голосомъ сказала:

— Я, Дмитрій Иванычъ, сама хотѣла къ вамъ придти... только вы сначала скажите по правдѣ, какъ вы обо мнѣ думаете... послѣ того?..

— Послѣ чего? Ахъ, да, вы о томъ!.. Ну, стоитъ ли думать о такой ерундѣ? Подлая баба сдуру или со злости наплела всякаго вздору, а я буду ломать себѣ голову надъ этимъ? Нѣтъ ни времени, ни охоты... Давно ужь и забылъ и вамъ совѣтую сдѣлать то же самое.

— Нѣтъ, постойте, постойте!.. Стало быть, вы вѣрите... вы не думаете, что я могу... что если со мной такъ обращаются, значитъ, я ужь совсѣмъ не стоющая уваженія?..

— Ни черта не понимаю! Если вы хотите сказать, что я пересталъ васъ уважать послѣ дикой выходки вашего батьки, то это совсѣмъ напрасно. Человѣка ни съ того, ни съ сего оскорбили, и вдругъ его за это перестать уважать... Чушь какая-то!

Дуня быстро вошла въ контору и протянула руку Ермолаеву.

— Спасибо... Нѣтъ, вы не смѣйтесь, мнѣ это было очень, очень нужно! Вы еще не знаете... Слушайте! Вы—хорошій

— Конечно, хорошій,—съ шутливой серьезностью сказалъ Ермолаевъ.—Ахъ, вы, дите, дите! Ну садитесь, вотъ вамъ чай, а вотъ баранки. Свѣжія, самъ въ Избищахъ покупалъ. Какъ въ пѣснѣ:

Носилъ дороги подарки,
Все пряники да баранки...

запѣлъ онъ по-деревенски, стараясь развеселить Дуню

— Вы были въ Избищахъ?

— Былъ. Что вы на меня такъ смотрите? Про винную лавку вспомнили? Можетъ быть, думаете—и баранки на эти деньги куплены?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то, не то... Слушайте, Ермолаевъ... я тоже хочу перепрыгнуть... помните, какъ вы передъ винной лавкой?

— То-есть?—все еще шутливымъ тономъ спросилъ Ермолаевъ.

— Вы опять смѣетесь, а я серьезно... Хочу вмѣстѣ съ вами... Если вѣрите и уважаете, дайте и мнѣ какое-нибудь опасное дѣло... Я не вѣрю въ то, что вы передѣлаете весь свѣтъ по своему. Только я все это теперь ненавижу, ненавижу! И хочу вмѣстѣ съ вами разрушать...

Ермолаевъ пересталъ смѣяться и съ острымъ блескомъ въ глазахъ смотрѣлъ на взволнованную Дуню.

— Разрушать!..—повторилъ онъ ея слова.—Хорошо, будемъ разрушать... Ну, а вы не забыли, Авдотья Федоровна, что вѣдь это война, а на войнѣ всякая чертовщина бываетъ?

. . . .
. . . .

— Думала... Все равно. Надоѣло мнѣ такъ жить!

Ермолаевъ всталъ и долго ходилъ взадъ и впередъ, крутя и дергая усы. Потомъ вышелъ въ сѣни, прислушался, поправилъ на окнахъ спущенныя занавѣски и, вернувшись къ Дунѣ, почему-то шопотомъ спросилъ:

— А помните вы, какъ мы съ вами на звѣзды смотрѣли?

— Помню... Странно, что я сейчасъ объ этомъ думала!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ха-ха-ха!.. Да, странно. Кушайте баранки! Избищенскія. Вчера жалованье получилъ. А теперь вотъ что. На той недѣлѣ Федоръ Степанычъ уѣзжаетъ въ губернію. Пробудетъ тамъ дня три-четыре, и мы хотимъ этимъ воспользоваться. Ко мнѣ долженъ пріѣхать Скафтымовъ...

Дуня вздрогнула, покраснѣла и съ испугомъ взглянула

на Ермолаева. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея смущенія, и продолжалъ:

— Онъ у меня переночуетъ ночь или двѣ, и нужно, чтобы ни котъ, ни кошка и ни одна душа на хуторѣ объ этомъ не знала.

— Стало быть, опять?..

— Да, опять. Хотимъ нанести визитъ почтенному пану Михневскому. И вы, если хотите, можете намъ помочь.

— Что же мнѣ нужно дѣлать?—стараясь быть спокойной, спросила Дуня

— Только не поспать ночь! Вы отворите намъ дверь, когда мы придемъ.

— Хорошо, я отворю. Но какъ вы попадете на заводъ, вѣдь тамъ есть стражники? Вы это знаете?

— Еще бы!—на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. На счетъ стражниковъ все предусмотрѣно, обдумано и приняты мѣры. А вотъ васъ я долженъ еще объ одномъ предупредить. Въ случаѣ неудачи на хуторъ могутъ нагрянуть съ обыскомъ. Пожалуй, и васъ къ допросу притянутъ. Такъ вы не теряйтесь и лучше всего, если будете отвѣчать, что ничего не знаете и никого не видали.

— Ахъ, я и безъ васъ это знаю! Не бойтесь, въ обморокъ не упаду и кричать отъ страху не стану. А въ чемъ же можетъ быть неудача?

— Да мало ли?.. Вдругъ кого-нибудь изъ насъ ухлопаютъ, а вѣдь мертвый-то никуда не убѣжишь.

— Да... я объ этомъ забыла...—сказала Дуня, и всю ее вдругъ обволокло разслабляющимъ тепломъ. Голова закружилась, стѣны комнаты закачались и какъ будто въ туманѣ привидѣлась бѣлая зимняя ночь, сухо трещали выстрѣлы, брызги крови алѣли на холодномъ снѣгу.

Ермолаевъ быстро къ ней обернулся; ему показалось, что она падаетъ.

— Авдотья Федоровна? Что съ вами?

Но Дуня уже сидѣла прямо и смотрѣла на него странно посвѣтлѣвшими, неподвижными глазами.

— Ничего. Я совсѣмъ ничего! Вы думаете, я испугалась? Нѣтъ... Я только удивилась. Вы такъ спокойно говорили объ этомъ...

— Что убьютъ? Да вѣдь какъ же! На то и война, ... А я однажды уже видѣлъ смерть... и вовсе не такъ страшно вблизи. Эхъ, что такое смерть! Вотъ вамъ не понравилась тогда моя книжечка-то, а вы вотъ послушайте, что тамъ говорится о смерти. Сейчасъ я прочту...

Онъ быстро досталъ изъ стола знакомую Дунѣ желтую

книжку; она сама раскрылась на томъ мѣстѣ, которое, должно быть, особенно часто читалось. И торжественнымъ голосомъ прочелъ:

— Умереть въ борьбѣ и растратить великую душу... Свою смерть хвалю я вамъ, свободную смерть, которая приходитъ ко мнѣ, когда я хочу...

Дуня слушала, закрывъ глаза. Мерещились красныя брызги на бѣломъ снѣгу... тихое, бѣлое лицо... жуткіе глаза, сверкающіе въ прорѣзяхъ чернаго капюшона... И смертная отрава медленно просачивалась въ душу и сердце.

5.

Дуня сама собирала отца къ отъѣзду и цѣлое утро укладывала чемоданъ, подушку, дорожные припасы. Присмирѣвшая послѣ нагайки Лимпіядушка сунулась было ей помогать, но Дуня такъ грозно крикнула ей: „пошла вонъ!" что баба совсѣмъ растерялась и поспѣшно ушла въ людскую. Федоръ Степанычъ былъ очень доволенъ примиреніемъ съ дочерью и, уже выпившій, размякшій, ходилъ за нею по пятамъ, безсмысленно повторяя:—„Дура! Дура ты, Душатка... дура! На родного отца обижаться, а? Ахъ, дура"!.. Дуня отмалчивалась; тяжело ей было, непріятно, и не любила она отца по прежнему, и жалко его было,—вѣдь онъ ничего не зналъ, а она его теперь обманывала. Вотъ сегодня или завтра сюда придутъ таинственные люди въ черныхъ маскахъ и она откроетъ имъ дверь и вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, неслышно прокрадутся въ домъ смерть и ужасъ. А онъ и не подозрѣваетъ этого,—хозяйничаетъ, распоряжается и все твердитъ: „Ну, Душатка, весь домъ на тебя оставляю, смотри! Вотъ какъ я тебѣ вѣрю... А ты на отца губы дуешь,—ахъ, дура, дура"!..

— Поздно, батя...—хотѣлось Дунѣ сказать.—Не вѣрилъ когда честная была, а обманщицѣ вѣришь. Поздно спохватился...

Подали лошадей. Федоръ Степанычъ, совсѣмъ одѣтый, присѣлъ у печки, потомъ помолился и сталъ прощаться.

— Ну, дай Богъ благополучно... Смотри же, Душатка, хозяйствуй хорошенько! А изъ губерніи гостинчика привезу. Чего тебѣ привезть, а?

— Ничего не надо...

— Какъ такъ не надо? Дура! Ну, да я привезу, я знаю, чего тебѣ надо...

Уѣхалъ. И въ первый разъ было, что Дуня не обрадовалась своему одиночеству. Смутная вернулась она въ домъ и безцѣльно бродила по комнатамъ; ни за что не хотѣлось

приняться. Все казалось страннымъ, чужимъ, и сама она была уже другая, не прежняя, а какая-то новая Дуня. Должно быть, змѣи чувствуютъ себя такъ, когда сбросятъ старую шкуру. И больно, и неловко, и хочется спрятаться въ какую-нибудь ямку, чтобы никто не видѣлъ.

Послѣ отъѣзда отца въ конторѣ еще долго топали и галдѣли мужики, а когда они, наконецъ, разошлись, исчезъ куда-то и Ермолаевъ. На дверяхъ конторы висѣлъ замокъ; въ домѣ стало совсѣмъ тихо и пусто. День тянулся безконечно долго, и его прозрачная бѣлизна раздражала Дуню. Ужь скорѣй бы ночь! — думала она, и острымъ холодкомъ познабливало тѣло, и мучила судорожная зѣвота. А въ головѣ, какъ скучныя осеннія мухи, жужжали отрывочныя мысли:— И куда дѣвался Ермолаевъ?.. Это даже безсовѣстно—уйти и ничего не сказать... Вдругъ явится этотъ Скафтымовъ,—куда его дѣвать? Контора заперта... а я, можетъ быть, вовсе не желаю съ нимъ разговаривать... Ахъ, скорѣй бы, скорѣй!..

День медленно уходилъ и вотъ уже ушелъ, и по угламъ сумеречные монахи надвинули на себя черные клобуки. Въ сѣняхъ что-то застучало. Дуня вспомнила, что надо запереть дверь на крюкъ, и выбѣжала въ сѣни. Тамъ сопѣла и вздыхала чья-то темная фигура.

— Кто это?—сердито окликнула Дуня.

— Это я, барышня... — прохрипѣлъ виноватый голосъ.— Стало быть, Арсюха Лычагинъ... онъ самый! Мнѣ бы конторщика повидатъ,—дома конторщикъ-то?

— Нѣту его дома, — зачѣмъ онъ тебѣ ночью? Развѣ не знаешь, что контора до двухъ часовъ открыта?

— Такъ, такъ... а мнѣ невдомекъ, часовъ-то у насъ нѣту! Извините, барышня, за безпокойство... то-то она, дурость-то наша...

Что-то бормоча, Лычагинъ спустился съ крыльца и побрелъ къ людской. Дуня вышла за нимъ, удивленная и обезпокоенная.—Арсюшка вралъ, это было ясно. Онъ очень хорошо зналъ, что контора по вечерамъ бываетъ закрыта, и теперь нарочно прикидывался дурачкомъ, чтобы какъ-нибудь объяснить свое необычайное появленіе въ домѣ. И зачѣмъ понадобился ему Ермолаевъ? Ужь не подослали ли его слѣдить за нимъ?.. Дуня уже готова была догнать Арсюшку, вернуть его, допросить, но въ эту минуту изъ-за угла шмыгнула другая фигура и пустилась въ догонку за Лычагинымъ. Въ очертаніяхъ ея, въ кошачьей ловкости и быстротѣ движеній было что-то, напомнившее Дунѣ Политку... Она остановилась. Между тѣмъ человѣкъ догналъ Арсюшку; жестикулируя, они обмѣнялись неразслышанными Дуней словами; казалось, незнакомецъ уговаривалъ Лычагина вер-

нуться, а тотъ отказывался. Затѣмъ, не заходя въ людскую, они свернули на дорогу въ Лохмотное, и скоро обѣ фигуры—одна маленькая, неуклюжая, другая стройная и высокая,—расплылись въ сѣрой гущѣ сумерекъ.

Дуня вернулась въ домъ, заперла всѣ двери на замки и зажгла въ своей комнатѣ лампу. При огнѣ стало еще тревожнѣе; чудилось, что изъ каждаго угла смотрѣли чьи-то пристальные глаза; въ ушахъ тоненькіе колокольчики вызванивали непонятныя слова. Чтобы забыться, Дуня пошла въ сѣни посмотрѣть, приготовилъ ли Нефедъ, какъ она ему приказывала, самоваръ, угли и лучину. Все было на мѣстѣ все ждало ночныхъ гостей. А ихъ не было.

Отъ волненія и безцѣльной суетни Дуня страшно устала. И только что присѣла на минутку у стола, какъ голова сама собой опустилась на руки, оцѣпенѣли ноги, и какъ-то незамѣтно, какъ перестаетъ ныть больной зубъ, затихла и успокоилась смятенная душа. Стало въ домѣ чище и уютнѣй; лампа уже не раздражала своимъ яркимъ, горячимъ пламенемъ, а лила ровный, нѣжный, голубоватый свѣтъ. И вошла въ комнату Дунина мать въ сиреневомъ платьѣ съ бѣлыми кружевами, въ бѣлой кружевной косынкѣ, съ кипарисовымъ крестикомъ въ бѣлыхъ прозрачныхъ рукахъ,—совсѣмъ такая, какъ лежала въ гробу. Дуня не испугалась, а обрадовалась и подумала или сказала:—„Вотъ хорошо, что мама пришла, отецъ меньше пить будетъ, и Лимпіядку прогонятъ, и я буду въ домѣ не одна“...—„А ты, Душа, двери, двери покрѣпче запирай“!—сказала мать,—точно узнала, что Дуня думаетъ.—„Да я, матушка, всѣ заперла“,—отвѣчала Дуня, и такъ ей радостно, такъ легко, что мать—живая, и вотъ сидитъ съ ней, разговариваетъ, и платье на ней то же сиреневое съ кружевами, которое всегда очень нравилось Дунѣ. Только крестикъ зачѣмъ,—крестикъ ужь не надо, вѣдь это только мертвымъ кладутъ въ руки крестикъ. И Дуня протянула руку, хочетъ взять у матери крестъ. Но мать вдругъ захрипѣла, закашлялась; черною струей хлынула у ней изо рта кровь, пятная нѣжную сирень платья и бѣлыя кружева.—„Мамочка! Мамочка!“ закричала Дуня въ смертельномъ испугѣ.—„Не умирай, мамуня, опять я одна останусь“... „Крестикъ, крестикъ цѣлуй“!.. хрипѣла мать, захлебываясь кровью.—„Цѣлуй крестъ, тебѣ говорятъ, цѣлуй, цѣлуй... а то придутъ, отнимутъ“!.. Дуня бросилась къ кресту, а въ домъ уже вошли и искали и стучали во всѣ двери...

Дуня открыла глаза и оглядѣлась. Не успѣла еще сообразить, какъ это она заснула, сидя, а гдѣ-то опять и совсѣмъ близко застучали—уже не во снѣ, а на яву. Спро-

сонья Дуня побѣжала въ переднюю, прислушалась,—все было тихо. Тогда она поняла, что стучали къ ней въ окно. Отдернула занавѣску и выглянула; подъ окномъ смутно темнѣли двѣ фигуры. А въ ушахъ все еще звучалъ голосъ матери:

— Цѣлуй крестъ, цѣлуй, придутъ, отнимутъ...

Стукъ повторился—осторожный, но настойчивый. Пришли... Надо идти отпирать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1.

— Что это вы, Авдотья Федоровна, вздремнули, что-ли?—шутливо спросилъ Ермолаевъ, входя въ сѣни.—Мы съ Алешей промерзли, стучавши. Хорошо бы теперь самоварчикъ да чайку горяченькаго съ молочкомъ!

Тотъ, другой, молчалъ, прячась за широкими плечами Ермолаева. Дуню почему-то разсердило и это молчаніе, и совсѣмъ ненужная теперь потаенность. Она сказала сухо:

— Есть самоваръ. Вонъ стоитъ, только развести надо.

-- Великолѣпно! И разведемъ, и чайку заваримъ, и васъ угостимъ!

Дуня ушла къ себѣ, а Ермолаевъ провелъ гостя въ контору и принялся ставить самоваръ. Онъ былъ веселъ или казался веселымъ, безъ надобности суетился и гудѣлъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсню. А того не было слышно; должно быть, притаился въ углу и сидитъ. И Дуня никакъ не могла его себѣ представить ясно; въ памяти онъ у нея все раздваивался. Одинъ ласковый и тихій, съ влажнымъ блескомъ въ красивыхъ глазахъ; другой—потаенный, идущій по темнымъ дорогамъ на убійство и смерть. Какой же настоящій?..

— Барышня Дуня!—крикнулъ ей черезъ дверь Ермолаевъ.—Самоваръ готовъ, идите чай пить!

Дуня вышла къ нему въ переднюю.

— Зачѣмъ я туда пойду, Дмитрій Иванычъ? Можетъ быть, вашему пріятелю вовсе это не интересно, чтобы при вашихъ разговорахъ торчали какіе-то посторонніе люди.

— Ерунда! Никакихъ разговоровъ не будетъ. Идемте, идемте, ждетъ вѣдь мой Алеша-Поповичъ!

— Да развѣ онъ поповичъ? Вотъ ужь совсѣмъ не похожъ... Постойте, да не тащите вы меня, я сама пойду. Мнѣ нужно вамъ сказать... Зачѣмъ это нынче вечеромъ васъ спраши-

валъ Арсентій Лычагинъ? И съ нимъ, кажется, былъ Политка.

— Лычагинъ и Политка? Вотъ чертъ... Да вамъ, можетъ, показалось?

— Какъ же показалось, когда я сама съ Арсюшкой разговаривала? А Политка за угломъ его дожидался.

— Болваны!... Черти!.. Ну, это до завтра, усталъ я до смерти. Идемъ!

Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ и Скафтымовъ, примостившись на уголку, жадно пилъ съ блюдечка чай.

— Ну, вотъ онъ!—сказалъ Ермолаевъ добродушно и немножко насмѣшливо.—Ишь, какой сидитъ, чисто красная дѣвица!.. скажи—анархистъ, такъ никто не повѣритъ...

Дуня исподлобья взглянула на Скафтымова и опять его красота сладкой болью защемила сердце. Въ черной косовороткѣ, красиво оттѣнявшей бѣлую, нѣжную шею, съ пышнымъ золотомъ волосъ, волнисто разбросанныхъ вокругъ тонкаго, точно выточеннаго лица, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ теперь на переодѣтую дѣвушку. Дуня поздоровалась съ нимъ и молча сѣла поодаль.

— А вы что же чаю?—обратился къ ней Скафтымовъ такимъ тономъ, какъ будто онъ былъ радушный хозяинъ, а она—гостья.

Дуня отказалась. Онъ налилъ себѣ и Ермолаеву по другому стакану и тѣмъ же непринужденнымъ тономъ продолжалъ:

— Нѣтъ, а вотъ мы съ Митяемъ выпьемъ еще. Какъ отмахаешь пѣшкомъ 12 верстъ, ужасно хочется пить! И непремѣнно чаю... Отъ него всякая усталость пропадаетъ. Вотъ выпилъ два стакана—и хоть сейчасъ опять въ дорогу.

— Не къ спѣху дѣло, не къ смерти грѣхъ,—сказалъ Ермолаевъ.—Успѣешь еще и покаяться, и въ могилѣ належаться. Больно спѣшишь!

Они засмѣялись: одинъ—громко и надрывисто; другой—тихимъ и разсыпчатымъ смѣшкомъ, какъ смѣются дѣти.

Дуня смотрѣла на нихъ, и мысль о возможной, быть можетъ, близкой смерти этихъ баззаботно смѣющихся людей взволновала и растрогала ее. Захотѣлось сказать имъ что-то хорошее, доброе, что потомъ, въ тяжкую минуту, вспоминалось бы съ свѣтлою улыбкой.. И не знала что сказать, стыдилась, не умѣла...

— А вотъ насъ сейчасъ чуть было Карайка не слопалъ,—продолжалъ Ермолаевъ.—Меня-то ничего, пропустилъ по знакомству, а поповичъ не по нутру, должно быть, пришелся. Осатанѣлъ проклятый собакевичъ, такъ и кидается на Алешу, насилу я его ремнемъ урезонилъ.

— Еще бы! мы съ тобой, яко тати въ нощи, влѣзли въ домъ овчій!—сказалъ Скафтымовъ.—А Карайка хорошій песъ, правильный; онъ чуетъ, что мы изъ такихъ, которыхъ ни собаки, ни люди не любятъ.

Они опять засмѣялись. Ермолаевъ повернулся къ Дунѣ.

— А вы что-то сердитая нынче, Авдотья Федоровна? Почему?

— Я не сердитая,—возразила Дуня.—А я вотъ сейчасъ передъ вами очень грустный сонъ видѣла...

— Разскажите!—ласково сказалъ Скафтымовъ.—Я люблю слушать сны. Сны и сказки... Безъ нихъ было бы очень скучно жить на свѣтѣ!

— Сморозилъ Алеша! Вотъ я и сказокъ не люблю, и сновъ никогда не вижу, а жить мнѣ вовсе не скучно.

— Да развѣ ты живешь?—Скафтымовъ тихо усмѣхнулся.—Ты страшный сонъ на яву видишь, а не живешь!...

— Непонятно что-то! Причемъ тутъ сонъ? И если я не живу, а брежу, то что же, по-твоему, жизнь?

— Жизнь—это радость, красота, непрерывный восторгъ и наслажденіе сознаніемъ собственнаго бытія. Ну, а мы-то съ тобой развѣ наслаждаемся?

. . . .
. . . .

— Премудрость сына Сирахова! Бытіе, восторгъ сознанія, сознаніе восторга—самая семинарская философія! . . . .
. . . . Освободи себя и весь міръ отъ всякія скверны, тогда и наслаждайся!

— Тогда насъ не будетъ...—тихо сказалъ Скафтымовъ и обратился къ Дунѣ.—Разскажите же вашъ сонъ, мнѣ очень хочется послушать.

Съ запинкой, краснѣя оттого, что не умѣетъ хорошо говорить, Дуня начала разсказывать. Ермолаевъ иронически посмѣивался; Скафтымовъ слушалъ внимательно. Эта серьезная внимательность опять взволновала и растрогала Дуню.

— Странный сонъ, — задумчиво проговорилъ Скафтымовъ.—Въ немъ есть что-то предостерегающее.. Я тоже иногда вижу во снѣ свою умершую мать... И, когда это бываетъ, со мной непремѣнно случается что-нибудь неожиданное.

— Ну, теперь мистика пошла!—сказалъ Ермолаевъ. Не слушая его, Скафтымовъ продолжалъ:

— Я думаю, что человѣкъ не умираетъ совсѣмъ. Должно быть, остается какая-то частица его „я“. И она можетъ входить въ общеніе съ такою же частицей моего „я“, когда я засыпаю. А вѣдь сонъ похожъ на смерть...

— Чертовщина какая-то! — воскликнулъ Ермолаевъ и,

обойдя кругомъ стола, съ неуклюжей лаской потрясъ Скафтымова за плечи.—До чего мы съ тобой разные, Алеша, никакъ я тебя не пойму, а вотъ вѣдь къ душѣ ты мнѣ пришелся! Почему, спрашивается?

— Чертъ веревочкой связалъ...—усмѣхнулся Скафтымовъ и, легонько сбросивъ съ себя жилистыя лапы Ермолаева, всталъ.—А мнѣ что-то спать захотѣлось...—прибавилъ онъ, виновато взглядывая на Дуню.—Должно быть, отъ усталости; туманъ въ головѣ какой-то...

Дуню ничуть не обидѣли его слова. Все въ немъ сегодня опять было новое, дѣтское, простое—и усмѣшка, и тонкая бѣлая шея, и то, что онъ любитъ сны и сказки. Она поспѣшно встала.

— Дмитрій Иванычъ, а гдѣ же вы ляжете? Вѣдь кровать у васъ одна!

— Устроимся великолѣпно! Поповича положу за перегородкой на кровати, а самъ на стульяхъ.

Скафтымовъ возражалъ; пока они спорили, Дуня побѣжала въ отцовскую спальню, стащила съ постели тюфякъ, подушку и одѣяло и съ трудомъ перенесла въ контору.

— Господи, да зачѣмъ же сама тащила? — всполошился Ермолаевъ, освобождая отъ ноши красную, запыхавшуюся Дуню.—Алеша, вѣдь это для тебя, что же ты стоишь, какъ идолъ?

Скафтымовъ молча улыбнулся Дунѣ. Она взглянула въ его влекущіе глаза и прочла въ нихъ что-то нѣжное и горячее у нея закружилась голова.

— Прощайте!..—едва слышно вымолвила она и вышла.

Скафтымовъ догналъ ее въ сѣняхъ.

— Постойте, милая женщина, вѣдь надо же мнѣ васъ поблагодарить?.. Дайте вашу руку на счастье и простите за тотъ несчастный вечеръ.

Онъ взялъ ее за обѣ руки и, сжимая ихъ въ своихъ тонкихъ, горячихъ пальцахъ, поцѣловалъ одну и другую.

— Не надо!.. не надо!.. За что?—прошептала Дуня.

— За все. За то, что вы добрая, за то, что безстрашная и видите удивительные сны. Ну простите же, милая... спите спокойно!..

Онъ вернулся въ контору. Ермолаевъ уже раздѣлся и легъ; старая кровать охала и трещала подъ его длиннымъ тѣломъ.

— Да...—задумчиво сказалъ Скафтымовъ.—Вотъ она какая, барышня Дуня... А мы съ тобой все-таки порядочные подлецы.

— Что?—отозвался Ермолаевъ недовольнымъ голосомъ.

— Не притворяйся слышалъ. Конечно, подлецы. Ну ужь

наше дѣло пропащее, мы съ тобой давно чорту бараны... Ну, а ее-то, ее-то зачѣмъ съ собой въ петлю тащимъ, а?

— Ладно, спи!—проворчалъ Ермолаевъ и, подумавъ, прибавилъ насмѣшливо:—Экъ въ тебѣ сантиментъ-то играетъ, не можешь ты безъ этого! Кошачья натура: самъ ногтемъ подъ сердце, а помурлыкать надо. За то тебя и бабы любятъ...

— Не за то...

— Ну, а за что же?

— За то, что я ихъ люблю... — отвѣчалъ Скафтымовъ и потушилъ свѣчу.

А Дуня долго не могла заснуть. Жгучая сладость покоряющихъ взглядовъ, вкрадчивыхъ словъ, тихихъ улыбокъ томила душу, руки еще горѣли отъ поцѣлуевъ. Поглядѣлась въ зеркало—и не узнала себя... Воспаленно краснѣли губы на мертвенно-блѣдномъ лицѣ, глаза потемнѣли, расширились и въ нихъ бродило что-то пьяное, Лимпіядушкино. Можетъ, и на Скафтымова такъ смотрѣла... всѣ вѣдь на него смотрятъ такими глазами—и Марья Власовна, и цыганки, и хохлушки, и еще какія-нибудь, которыхъ она не знаетъ. И всѣмъ онъ одинаково улыбается и говоритъ вкрадчивыя слова и нѣжно цѣлуетъ руки. Ну что же, все равно! Завтра, можетъ быть, его убьютъ, и все кончится, и не будетъ больше ни страха и стыда, ни этой сладкой тоски, отъ которой кружится голова, и пьяный дурманъ бродитъ въ глазахъ.

2.

Въ конторѣ уже шумѣли мужики и Нефедъ топилъ печи, когда Дуня очнулась отъ крѣпкаго сна, одолѣвшаго ее вчера незамѣтно и внезапно. И мужичьи голоса за стѣной, и трескъ горящей соломы съ запахомъ подгорѣлаго хлѣба—все было такое всегдашнее, что Дуня натянула по привычкѣ одѣяло на голову и хотѣла еще подремать. Но вдругъ вспомнила вчерашнее и то, что должно произойти нынче на заводѣ, поспѣшно сбросила съ себя одѣяло и стала одѣваться.

— Что это ты вскочила нонѣ спозаранку?—спросилъ Нефедъ.—Аль безъ папашки-то не спится?

— Нѣтъ, я выспалась, Нефедъ, очень крѣпко спала, даже не слыхала, какъ ты пришелъ.

— Извѣстно, сонъ-то молодой, онъ крѣпкій! А я вотъ всю ночь съ боку на бокъ проворочался. Развылись чего-й-то проклятыя собаки. Ужь я сколько разовъ выходилъ; зашумлю на нихъ,—позагунутъ маленько; только я въ сѣни,—онѣ опять за свое. Чисто чуютъ чего-й-то, проклятущія!

— Ну, чего тамъ чуять?—съ притворнымъ равнодушіемъ сказала Дуня.

— Нѣтъ, ты, милочка, не смѣйся! Собачье чутье, — оно извѣстное—не обманчиво! Какъ мому сыну на войну идтить, вотъ также у насъ собаченка выла. Бывало, и коломъ-то ее, и тѣмъ, и сѣмъ,—не унимается окаянная, да и все. А тутъ, глядь-поглядь, война; угнали Петруньку за Сибирь, да тамъ и остался...

Жуя беззубымъ ртомъ, Нефедъ сунулъ въ печь новую охапку хрустящей старновки и продолжалъ:

— А еще какой сонъ чудной мнѣ привидѣлся. Это ужь подъ утречко было, должно, третьи кочета прокричали. Вижу я, барышня, кубыть отъ самыхъ нашихъ хуторовъ и до Избища всея дорога краснымъ сукномъ покрыта. И такъ это мнѣ удивительно! А папашка вашъ, Федоръ Степанычъ-то и говоритъ: это, говоритъ, сейчасъ крестный ходъ пойдетъ,— слышь-ка, что сказалъ,—крестный ходъ, молъ, пойдетъ, а? Чудно!

— Убьютъ Алешу... — подумала Дуня и, присѣвъ у печки, протянула руки къ огню.—Холодно что-то, Нефедъ... ледяной водой умывалась, озябла...

— А вотъ сейчасъ самоваръ принесу, согрѣешься. Лимпіядка-то наша загуляла... какъ уѣхалъ давишь папашка такъ она убралась, новый дипломатъ надѣла—и слѣдъ простылъ! Въ Лохмоты, должно, ударилась,—охъ, ядовитая бабенка, Господь съ ней, чисто круговая овца!

— А что, Нефедъ,—перебила его Дуня,—не видалъ вчера: не приходили въ людскую Арсеній Лычагинъ съ Политкой?

— Вчерась? Не видалъ. Да нѣтъ, зачѣмъ имъ приходить, не приходили! А пуще всего Политка... вѣдь папашка-то ему сюда носу не велѣлъ казать,—убью, говоритъ, изъ поганаго ружья...

„И поповича тоже убьютъ, убьютъ...—помимо воли толклась въ головѣ назойливая мысль.—Все по прежнему будетъ,—и Нефедъ, и Лимпіядка, и сны, и сказки, которыя онъ любитъ, а его убьютъ"... И вдругъ откуда-то изъ темной глубины сознанія всплыло ехидное, скверненькое желаніе, пусть лучше Ермолаева, а не его... Дуня гнала эту гадость, но она выскакивала, тихонько жалила, какъ маленькая, злая змѣйка, и оставляла мутный осадокъ въ душѣ. Вспомнились Дунѣ давнишніе материны разсказы о томъ, что у каждаго человѣка на правомъ плечѣ сидитъ ангелъ-хранитель и нашептываетъ добрыя мысли, а на лѣвомъ—дьяволъ-искуситель дышетъ на ухо адскимъ смрадомъ, и ползутъ изъ него въ душу гадюки-змѣюки поганыя, сѣютъ въ ней черный грѣхъ и нечистыя желанія.

Опять безконечно-длинно тянулось время и опять яркій свѣтъ раздражающе лился во всѣ окна. Въ конторѣ дѣло-

витѣ щелкали счеты, спорили мужики, и къ ихъ спутанному говору часто примѣшивался гудящій голосъ Ермолаева или его отрывистый смѣхъ. Жизнь шла своимъ порядкомъ, съ обычными дѣлами, заботами, разсчетами, такая понятная и простая, какъ этотъ холодный свѣтъ холоднаго зимняго солнца.

Послѣ обѣда Ермолаевъ постучался.

— Никого тамъ у васъ нѣтъ? Я сейчасъ приду съ тюфякомъ. Спасибо за него; поповичъ такъ дрыхъ чудесно, насилу я его добудился.

Дуня отворила дверь и торопливо спросила:

— А онъ гдѣ же?

— Алеша-то? Эге, давно ужь птичка улетѣла! Ну, куда же тюфякъ-то нести?

— Какъ улетѣла?—растерянно проговорила Дуня.— Ахъ да кладите гдѣ-нибудь, все равно.. Слушайте, куда же онъ ушелъ?

Ермолаевъ сбросилъ тюфякъ на диванъ въ столовой и, прищурившись, внимательно посмотрѣлъ на Дуню.

— А что, ужь занозило сердечко? — тихо и медленно сказалъ онъ.—Ну вотъ, такъ я и думалъ...

— Ахъ, не то, не то, совсѣмъ не то!..

— Чего тамъ „не то“? То самое... я вѣдь вижу. Счастливецъ Алешка!.. а я—старый дуракъ. Да не смотрите вы на меня злыми глазами! Онъ цѣлъ, невредимъ и сидитъ въ надежныхъ мѣстахъ, — нельзя же ему было торчать здѣсь, на народѣ. Ну... и я пойду. Хотѣлъ было сказать вамъ одно слово на прощанье, да... все равно. Помните только: если случится крахъ—вы ничего не видали и не слыхали...

Онъ ушелъ какъ-то странно, точно растаялъ въ воздухѣ, а, когда Дуня вспомнила, что хотѣла ему что-то сказать, и побѣжала за нимъ, его уже не было, на дверяхъ конторы висѣлъ замокъ, и она осталась одна въ пустомъ и затихшемъ домѣ. Только дьяволенокъ сидѣлъ на плечѣ и нашептывалъ злыя, грѣшныя мысли. Да, ужь если смерть, то пусть Ермолаеву, а не тому... Вѣдь съ тѣмъ она даже не простилась и ни слова хорошаго не сказала,—и вотъ уже не воротишь и не увидишь, можетъ быть, никогда ни улыбки этой ласкающей, ни золотого блеска глазъ, отъ котораго радостно вздрагиваетъ сердце.

Ночь была тревожная. Выли собаки, не давали спать старому Нефеду. Кряхтя, слѣзалъ онъ съ печи, попадая ногами прямо въ разбухшія валенки, и выходилъ на крыльцо.— „Карайка, Султанка, Шарикъ,—тю! Что васъ лихоманка разнимаетъ, шутоломныя,—цыцъ!“—Собаки съ радостнымъ визгомъ бросались на него, лапали за грудь, лизали въ бороду,

умильно вертѣли хвостами: — „Скучно, дѣдушка Нефедъ, ночи-то зимнія—долгія, звѣзды—страшныя, по степи невидимое бродитъ, дышетъ смертнымъ духомъ“...

— Ну, будя, будя, дурашки, озябли, подлыя,—ничего, такое ваше дѣло собачье!—бормоталъ Нефедъ. Оглаживалъ псовъ, любя, трепалъ за лохматыя уши и внимательно озирался кругомъ. Все спокойно; молчитъ спящая степь, тихонько лучатся звѣзды. Изъ оконъ дома струится свѣтъ, желтыми пятнами отражается на снѣгу,—должно быть, не спитъ еще барышня Дуня.—„А жутко ей тамъ одной-то въ ночное время“!—думалъ Нефедъ.—„Плохое житье дитю безъ матери,—живетъ, какъ былинка въ полѣ, а Федоръ Степанычъ—какой онъ отецъ? Только слава одна“...

Старикъ сочувственно вздыхалъ надъ сиротской долей и возвращался въ людскую, густо насыщенную жаркимъ тепломъ огромной печи, храпомъ и бредомъ распаренныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Въ глухую полночь безпокойныя стариковскія мысли и собачій лай выгнали его оттуда въ третій разъ. И увидѣлъ онъ, какъ мимо хутора по дорогѣ въ Лохмотное шибко промчались деревенскія розвальни. Ныряли, раскатывались на ухабахъ, а сѣдокъ, точно за нимъ кто-то гнался, изо всей мочи пороль кнутомъ лошаденку.—„Дуракъ, лѣшманъ!“—проворчалъ Нефедъ, жалостливый до скотины.—„Куда гонитъ, пьяный, что-ль? И коняку загубитъ и себѣ башку свернетъ“... Розвальни нырнули подъ горку къ рѣчкѣ и скрылись, провожаемыя собачьей стаей. Въ домѣ все еще горѣли огни.— „Не спитъ еще барышня-то... Охъ, грѣхи, грѣхи“!—Онъ перекрестился, зѣвнулъ и, добравшись до печи, заснулъ, наконецъ, крѣпкимъ предутреннимъ сномъ.

Теперь на хуторѣ не спала только одна Дуня,—встрѣчала ночныхъ гостей.

3.

Они вошли въ сѣни, крадучись и шикая другъ на друга. Дуня, высоко поднимая свѣчу, напряженно всматривалась въ ихъ блѣдныя, взволнованныя, смѣющіяся лица и не вѣрила своимъ глазамъ.—Живы оба?..

— Живы, живы-живехоньки!—прогудѣлъ Ермолаевъ, копаясь около замка.—Съ вашей легкой руки ни единой царапинки—ни намъ никто, ни мы никому. Чисто дѣло сдѣлано, какъ въ аптекѣ!

У Дуни закружилась голова, она покачнулась, свѣчка выпала изъ рукъ и погасла. Въ ту же минуту двѣ руки крѣпко обняли ее въ потемкахъ и горячія губы нѣжно прильнули къ ея губамъ.

— Что за чертъ, ключъ потерялъ!—ворчалъ Ермолаевъ.— Господа, да зажгите же свѣчку, нельзя же такъ!

Дуня вырвалась отъ Скафтымова, поискала свѣчу, не нашла и отворила дверь въ переднюю.

— Ко мнѣ, ко мнѣ пойдемте...—задыхаясь, шептала она.— Ключъ потомъ... ну, скорѣй же... охъ, да какіе же вы!..

У нея въ комнатѣ ярко горѣла лампа, надъ кроватью, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ бумажныхъ розъ, привѣтливо сіялъ позолотой благословенный материнъ образокъ, по полу мягко раскинулся въ причудливыхъ узорахъ вышитый Дуней коверъ. И въ этомъ теплѣ и уютѣ странно было думать о снѣжной ночной дорогѣ съ черными вѣшками по закраинамъ, угрюмыхъ, сугробистыхъ буеракахъ, посвистываньи вѣтра въ лознякѣ, хриплыхъ угрозахъ, гулкихъ шагахъ въ сонной тишинѣ чужого дома,—обо всемъ, что уже прошло и не вернется.

— Фу, какъ хорошо!..—воскликнулъ Скафтымовъ и съ наслажденіемъ растянулся на коврѣ у раскаленной печки.

— Подушку нате...—сказала Дуня, бросая ему свою „думку". Онъ на лету ее поймаль, поцѣловалъ и бросилъ обратно.

А Ермолаевъ, весь дергаясь, цѣпляясь длинными ногами за стулья, ходилъ взадъ и впередъ, бросался то къ образку, то къ полкѣ съ книгами и отрывисто бормоталъ:

— Да, братъ, это тебѣ не то, что „сарынь на кичку"... Чистота, благолѣпіе, лампадочка!.. Сочиненія Лермонтова... ага, училъ когда-то!.. „Печальный демонъ, духъ изгнанья, летѣлъ надъ грѣшною землей"... А это что? Нива за 1909 годъ... Великолѣпно! И цвѣточки бѣленькіе... любитъ барышня Дуня цвѣточки! Х-ха-ха... Бываютъ цвѣточки, бываютъ и ягодки.

Всѣ они были, какъ пьяные, безпричинно смѣялись; то что-то говорили, каждый свое, то вдругъ умолкали и съ веселымъ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Радость жизни туманила голову, переливалась по жиламъ; все необычное казалось обыкновеннымъ, далекое—близкимъ, сложное простымъ. И оттого было весело, легко и ничего не страшно.

Поспѣлъ самоваръ, завѣсили окно плотнымъ одѣяломъ, придвинули столъ къ печкѣ и тѣсно усѣлись вокругъ него.

— Ну, говорите же все, какъ было...—спрашивала Дуня, блестящими глазами всматриваясь то въ одного, то въ другого, какъ будто все еще не вѣря, что это дѣйствительно они, а не сонъ и бредъ.

— Было все отлично!—началъ разсказывать Ермолаевъ.—

Панъ былъ такой вѣжливый,—самъ кассу отпиралъ и самъ деньги отсчитывалъ, ну мы поблагодарили, взяли и пошли...

. . . .

. . . .

Дуня отвела глаза отъ Ермолаева и повернулась къ Скафтымову. Этотъ сидѣлъ тихенькій и кроткій, чуть-чуть улыбаясь розовыми губами.

— Что это вы на насъ такъ смотрите?—спросилъ онъ.

— Не знаю!.. какіе-то вы... не такіе. Точно я васъ въ первый разъ вижу...

— Страшные? — улыбнулся Скафтымовъ и, разыскавъ подъ столомъ Дунину руку, крѣпко ее сжалъ.

Дуня отдернула руку и встала.

— Ну, а что же теперь?..—спросила она, пытаясь сбросить съ себя колдовскія чары, которыми опутывалъ ее этотъ чужой, непонятный и въ то же время такой близкій, такой желанный человѣкъ.

— Что будетъ теперь? Почемъ я знаю! Для меня нѣтъ ни вчера, ни завтра... есть только сейчасъ. И эти деньги... Дунечка, смотрите,—вотъ!

Одну за другой онъ вынулъ изъ кармановъ толстыя, перевязанныя шнурками, пачки и бросилъ передъ Дуней на коверъ.

— Вотъ, вотъ, смотрите сколько ихъ!... разъ, два, три... вы думаете, онѣ мнѣ нужны? Ничуть!.. Вотъ еще!.. еще!.. берите ихъ, Дунечка, всѣ берите! Тутъ ихъ много, цѣлое богатство...

— А на что онѣ мнѣ?—сказала Дуня и брезгливо отшвырнула отъ себя деньги.

— Ну, раздайте ихъ, ну, сожгите,—что хотите, дѣлайте... А мнѣ ихъ не надо!

— Такъ зачѣмъ же вы...

— Грабилъ?—съ безпечной улыбкой договорилъ за нее Скафтымовъ.—А просто отъ скуки! Скучно, Дунечка, жить такъ, какъ мы живемъ... А это интересно, захватываетъ духъ. Всѣ спятъ, а ты идешь и не знаешь,—вернешься живой или нѣтъ... Ну вотъ! А деньги? Деньги—прахъ и тлѣнъ... Сожгите ихъ, если хотите!

— Ну, братъ, это подождешь!—перебилъ его Ермолаевъ.— Жечь тебѣ я не позволю и не имѣешь права.

И, подбирая съ полу разбросанныя деньги, онъ запѣлъ:

Мы не воры, мы не воры, не разбойнички,
Удалые Стеньки Разина работнички...

Подобралъ пачки, аккуратно завернулъ ихъ въ платокъ и съ пѣсней ушелъ въ контору.

Скафтымовъ пересѣлъ къ Дунѣ поближе и заглянулъ ей въ глаза.

— Дунечка, милая женщина, зачѣмъ вамъ нужно знать, что будетъ завтра?—съ своей дѣтски-безпечной улыбкой сказалъ онъ.—Этого не знаетъ никто... даже Ермолаевъ... и не стоитъ объ этомъ говорить! Вотъ сейчасъ намъ хорошо... тишина такая, и свѣтъ, и ваши глаза сіяютъ, какъ звѣзды... а что будетъ завтра—не все ли равно?..

Онъ весь потянулся къ ней и опять она очутилась въ его нѣжныхъ и сладкихъ объятіяхъ, подъ горячими поцѣлуями розовыхъ губъ.

— А тѣ, другія?.. а Марья Власовна?—успѣла прошептать Дуня, уже не сопротивляясь очарованію ласкъ, улыбокъ, вкрадчивыхъ словъ.

Скафтымовъ ничего не отвѣтилъ и все крѣпче, все горячѣе цѣловалъ ее въ губы, въ щеки, въ закрытые глаза.

4.

— Что это ты, Душатка, съ лица будто спала?—говорилъ Дунѣ отецъ.—Уѣзжалъ, ты румяная была, а теперь, гляжу, чисто свѣчка восковая обтаяла. Хворала, что-ль?

— Угорѣла вчера... самоваръ ставила...

— Сама? А Лимпіяда гдѣ же была?

— Не знаю. Ушла куда-то... Вы Нефеда спросите, я не знаю...

Федоръ Степанычъ недовольно нахмурился, разбираясь въ чемоданѣ.

— Чудныя у васъ тутъ дѣла безъ меня разыгрались. Про заводъ-то вся губернія шумитъ и газеты пишутъ. Шутка ли: 12 тысячъ ахнули! Вотъ-те и стражники, и телефоны, и электричество! Нѣтъ, видно, отъ злого человѣка никакая хитрость не поможетъ. Иванъ-то Казиміръичъ, небось, страху натерпѣлся, сердяга...—съ тайнымъ злорадствомъ прибавилъ онъ.

— Ну, что-жь... такъ ему и надо!

— Ну-ну, дѣвка, ты ужь очень... Конечно, человѣкъ гордый, превыше всѣхъ себя ставитъ, ну, а все-таки по человѣчеству жалко. Ѣхалъ я въ вагонѣ съ судейскимъ однимъ, разговорились объ этомъ дѣлѣ. Такъ онъ полагаетъ, непремѣнно это свои сдѣлали,—ужь больно ловко подстроено! Вотъ бы тамъ и поискать.

— Былъ обыскъ на заводѣ. Вездѣ искали. Никакихъ слѣдовъ нѣту. Мнѣ Нефедъ говорилъ и... конторщикъ.

— Да... деньги-то не малыя! Хорошо, что у насъ эдакихъ не бываетъ,—что получишь, то и раздашь. Милое дѣло! Ну

вотъ, гляди, Душатка, какую обнову тебѣ привезъ. Это за то, что домъ въ сохранности сберегла. Гляди, хороша ли?

И онъ развернулъ передъ ней сверкающую темно-пунцовую ткань, красиво заструившуюся въ его рукахъ. Дуня всегда была равнодушна къ нарядамъ, а теперь ей и вовсе было не до того. И, сумрачно глядя на рубиновые переливы шелка, она сказала тихо:

— Хорошо, папаша... спасибо!

А сама думала: „Домъ-то я сберегла, а себя не сберегла... И зачѣмъ красное? Черное бы надо"!..

Она взяла подарокъ, ушла къ себѣ и снова начала перебирать въ памяти все, что случилось и съ чѣмъ такъ странно сплелась ея жизнь. Переживала вновь одинокіе ночные часы въ пустомъ домѣ, тоску ожиданія, леденящій страхъ, огненную радость—и, наконецъ, тотъ безумный вихрь, отъ котораго и теперь еще кружилась голова и жутко замирало сердце. Вотъ здѣсь онъ сидѣлъ и съ безпечной улыбкой бросалъ на полъ кучи денегъ... Вотъ здѣсь они цѣловались, и онъ шепталъ ей какія-то непонятныя, но невыразимо сладкія, опутывающія слова... А потомъ, на разсвѣтѣ, также безпечно улыбаясь, ушелъ и теперь гдѣ-нибудь обнимаетъ другую и дурманитъ ее золотымъ блескомъ глазъ, опутываетъ нѣжной, вкрадчивой лаской...

Ища спасенія отъ знойныхъ воспоминаній, Дуня подходила къ материну образку, всматривалась въ неестественно большіе глаза Богородицы и шептала:—„Мамушка, прости меня, мамушка, помолись за меня, пропащая я дѣвка"... Но въ дымный туманъ уходила отъ нея Богородица, и чудились Дунѣ жаркія объятія, жаркіе поцѣлуи, и ласковый голосъ шепталъ на ухо грѣшныя слова: „Дунечка, милая женщина, будемъ счастливы сегодня, а что будетъ завтра—не все ли равно"?..

Въ то время, какъ Дунина душа вся еще была въ безуміи ушедшихъ дней, Костиндѣевскій хуторъ взволновало новое событіе. Пропала Лимпіядушка. Въ шумѣ таинственной и дерзкой кражи на заводѣ о ней совсѣмъ было забыли, но съ пріѣздомъ Федора Степаныча вспомнили и заговорили. Онъ былъ искренно привязанъ къ безпутной бабѣ; она знала всѣ его вкусы и привычки, умѣла угодить,—когда приластиться, когда позубоскалить; безъ нея въ домѣ стало пусто и тоскливо. Смущенный и разстроенный Федоръ Степанычъ поднялъ на ноги всю округу. Справлялись въ Лохмотномъ,—тамъ ее никто не видалъ съ самаго Рождества; не была она и у своей сестры на Степныхъ Хуторахъ верстъ за 20 отъ Костиндѣя. Потомъ вдругъ откуда-то пошли смутные слухи.

что видали ее въ Избищахъ, въ трактирѣ, пьяную, съ какими-то молодцами, но кто видѣлъ, когда и что это были за молодцы,—Федоръ Степанычъ такъ и не довѣдался. Хуторскіе служащіе не очень сокрушались о Лимпіядушкѣ. Втихомолку посмѣивались надъ тревогой Федора Степаныча и говорили:—„Небось, воротится: нашъ атласъ не уйдетъ отъ насъ,—нагуляется сучка меделянская и опять ко дворамъ прибѣжитъ“...

Шелъ уже февраль, по утрамъ звончѣе пѣли пѣтухи и солнце вставало красное, какъ кровь, наполняя весь домъ огненными зайчиками. Въ одно такое утро Дуню разбудили тревожные голоса, ходьба, хлопанье дверей, а потомъ въ стѣну къ ней постучались.

— Авдотья Федоровна, вставайте!—говорилъ Ермолаевъ.—Лимпіяду нашли!

— Какъ нашли?—спросила Дуня, еще не очнувшись хорошенько отъ сна и плохо понимая, въ чемъ дѣло.

— Въ Волчьемъ Буеракѣ... Убитую. Вставайте, пойдемъ смотрѣть.

Дуня вскочила пораженная; судорожная тошнота сдавила ей горло. Не смерть Лимпіядушки такъ поразила ее,—нѣтъ, что-то другое... И это было почему-то связано съ Волчьимъ Буеракомъ и Политкой.

— Нѣтъ, ступайте одни, я не могу...—сказала она.—Не могу я смотрѣть на это...

Но сейчасъ же явилась новая мысль: — почему не идти? Надо все видѣть, все знать, безъ боязни смотрѣть въ лицо всякому ужасу жизни.

— Постойте, подождите... Пойду! Сейчасъ одѣнусь...

Солнце сіяло во всѣ окна, красные зайчики прыгали по стѣнамъ, радостный утренній свѣтъ розовыми волнами переливался по комнатамъ. И было странно думать, что въ это сіяющее утро Лимпіядушка лежитъ мертвая въ Волчьемъ Буеракѣ и уже кончились для нея всякія радости и печали.

Въ переднюю вошелъ Нефедъ съ вязанкой соломы, насквозь пронизанной розовымъ свѣтомъ. И вмѣстѣ съ нимъ въ распахнутую дверь вошло еще что-то незримое, обвѣянное свѣжестью тающаго снѣга, полное шороховъ и шепотовъ просыпающейся земли. Весна!..

— Куда это ты убралась ни свѣтъ, ни заря?—спросилъ Нефедъ съ необычною угрюмостью въ голосѣ. — Лимпіяду глядѣть? И охота была изъ эдакого дѣла подыматься! Тамъ такая страсть,—не приведи Господи...

— А ты видѣлъ?

— Ходилъ... Что люди дѣлаютъ, Боже мой! Допрыгалась покойница... вотъ оно къ чему собаки-то выли!

Ермолаевъ стоялъ на крыльцѣ весь сѣрый, сгорбленный и хмурый. Съ той самой сумасшедшей ночи у нихъ съ Дуней какъ-то разладилась дружба; они встрѣчались рѣдко и ненадолго и только сегодня онъ какъ будто по прежнему постучался къ ней въ стѣну.

Вчера весь день была капéль, и съ крышъ висѣли голубыя съ золочеными боками сосульки. Изъ-за рѣчки слѣпило глаза багровое сверкающее око; надъ Избищами тихо склонялся грустный, побѣлѣвшій мѣсяцъ. И рядомъ съ нимъ торопливо догорала крохотная изумрудинка—звѣздочка.

— Дмитрій Иванычъ, какъ же ее нашли?

— Овчаръ нашелъ, Никита. Онъ еще третьяго дня въ людской разсказывалъ, что надъ Буеракомъ воронье чего-то суетится. А нынче до свѣту пошелъ туда хворосту набрать— и наткнулся.

— А, можетъ быть, она замерзла?

— Не замерзла! Голова коломъ разбита, да еще сзади. Самое подлое, предательское убійство.

Дуню ознобило недавнее пережитое. Снѣгъ, тишина, бѣлый иней... и сзади крадущіеся шаги... Она даже охнула,— такъ свѣжо и мучительно было острое ощущеніе ужаса, испытаннаго ею тогда.

— Что это съ вами?—спросилъ Ермолаевъ.

— Вспомнилось... Я вамъ тогда говорила. Помните, Политка-то? Какъ онъ за мной крался...

— Странно... Почему это вдругъ вамъ Политка вспомнился?

— Сама не знаю... А что, если это онъ Лимпіяду убилъ?

Ермолаевъ быстро повернулъ къ ней свое нахмуренное лицо.

— Барышня Дуня, вы лучше объ этомъ громко не говорите. Можетъ, и онъ Мессалину ухлопалъ, это у нихъ свои дѣла, а покуда его сюда не надо путать. Иначе потянутъ и меня, и васъ, и... того, третьяго...

— Почему? Почему?—блѣднѣя, спросила Дуня.

Онъ не отвѣчалъ и зашагалъ быстрѣе, — къ нимъ на встрѣчу шли мужики. Были, должно быть, тамъ же, въ Буеракѣ; у всѣхъ на лицахъ стыло выраженіе испуга; разговаривали тихо и отрывисто.

— Федоръ Степанычъ тамъ?—крикнулъ имъ Ермолаевъ.

— Нѣту! Въ Избищи поѣхалъ... къ становому!

Дуня и Ермолаевъ свернули съ дороги и по свѣжимъ слѣдамъ спустились внизъ. Слѣды путляли направо и налѣво, ушли въ самую глубь дубовой чащи и, наконецъ, провалились въ небольшую ложбинку, гдѣ недавно былъ срубленъ лѣсъ. Дуня хорошо знала это мѣстечко: здѣсь на порубкѣ росли самые крупные ландыши и такое ихъ было

множество, что вся ложбинка казалась покрытой снѣгомъ. А въ молоднякѣ по старому пенью любили гнѣздиться и пѣть соловьи.

Теперь не было ни ландышей, ни соловьевъ. Небольшая кучка народу чернѣла среди притоптанныхъ сугробовъ; слышался негромкій говоръ. Иногда изъ молодняка грузно взлетали тяжелыя, сытыя вороны, кружились съ удивленіемъ надъ головами людей, какъ бы спрашивая ихъ, зачѣмъ они сюда пришли, потомъ опять лѣниво шлепались въ поросль. И люди почему-то съ враждебнымъ любопытствомъ смотрѣли на этихъ спокойныхъ, неповоротливыхъ птицъ или гнали ихъ прочь, улюлюкая и бросая имъ вслѣдъ комьями снѣга.

Передъ барышней и конторщикомъ вѣжливо разступились. И то, что увидѣла Дуня на растоптанномъ, буромъ снѣгу, было такъ страшно и такъ не похоже ни на что человѣческое, что она едва могла удержаться отъ звѣринаго рева. Вѣдь и ей недавно грозила та же самая участь, и вотъ также обглоданной, гнойной кучей мяса и костей лежала бы она на днѣ оврага, а надъ нею кружились и каркали отяжелѣвшія отъ сытости вороны.

Но Дуня задушила въ себѣ этотъ дикій, животный ревъ и, продвинувшись ближе, долго смотрѣла на то, что еще совсѣмъ недавно смѣялось, пѣло, плясало, любило и ненавидѣло, распаляя мужскія сердца своей пышной, цвѣтущей молодостью. Потомъ медленно перекрестилась и пошла назадъ.

Рабочіе сочувственнно глядѣли на барышню. Всѣ знали, что много ей пришлось претерпѣть отъ покойницы, а вотъ пришла, не погнушалась и молится за упокой души безпутной и взбалмошной отцовской любовницы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1.

Лимпіядушкина смерть надѣлала хуторянамъ множество хлопотъ и безпокойства. Пріѣзжали слѣдователь, становой и докторъ, жили два дня, пили, ѣли, допрашивали, а по вечерамъ рѣзались въ винтъ. Лимпіядушку, по выраженію Нефеда, всю „исполотнили“, и докторъ нашелъ, что передъ смертью она находилась въ состояніи сильнаго опьяненія, а умерла отъ удара какимъ-то тупымъ орудіемъ по головѣ, отчего послѣдовало поврежденіе затылочныхъ костей съ разрушеніемъ мозгового вещества. Кромѣ того, въ протоколъ

было записано, что уже послѣ смерти она была перевернута на спину и карманы у нея оказались вывернутыми и пустыми. Этой подробности слѣдователь придавалъ почему-то важное значеніе.

Тихій домъ сталъ похожъ на какую-то съѣзжую. Съ утра входили и выходили посторонніе люди, въ сѣняхъ торчали стражники, пахло сапогами и махоркой. На столѣ кипѣлъ неугасимый самоваръ; кончали одинъ, приносили другой; въ промежуткахъ выпивали и закусывали, тутъ же въ столовой и допрашивали. Дѣло шло, какъ по маслу: всѣ свидѣтели въ одно слово показывали, что покойница была нраву легкаго, любила выпить, часто загуливала и на сторонѣ. Путалась съ кѣмъ попало,—всѣхъ и не упомнишь; недѣли за двѣ до того, какъ нашли въ Буеракѣ, ушла невѣдомо куда и больше ея на хуторѣ не видали. Отъ хозяина получала хорошіе подарки; можетъ быть, были и деньги, но она ихъ не выказывала. Всего вѣрнѣе—ухлопалъ какой-нибудь молодецъ по пьяному дѣлу, въ сердцахъ, во время любовнаго свиданія. Баба она была языкастая и во хмѣлю совсѣмъ безстыжая,—не мудрено, что и досадила чѣмъ-нибудь. Но при допросѣ овчара Никиты у слѣдователя возникли большія подозрѣнія. Уже въ первый разъ Никита страшно растерялся и началъ путаться въ показаніяхъ: то будто бы ходилъ въ Буеракъ за хворостомъ и нечаянно наткнулся на трупъ, то пошелъ туда потому, что „дюже воронье взголчилось,—такъ и вьются тучей, такъ и вьются, ну, и любопытно было поглядѣть, съ чего это онѣ"... Когда же его позвали на допросъ вторично, онъ совсѣмъ сбился и понесъ такую околесную, что слѣдователь немедленно распорядился его задержать и отправить въ станъ.

— Зря мужика-то завинили!..—ворчалъ Нефедъ послѣ отъѣзда властей.—Не его руки это дѣло. Оробѣлъ малый съ непривычки, можетъ, и сбрехнулъ чего со страху, а дѣло не его...

— А чье же, Нефедъ, какъ ты думаешь? — спрашивала Дуня.

— Не могу знать, барышня, этому дѣлу Господь свидѣтель. Вотъ погоди, мало-ни-мало вся правда откроется; кровь-то она себя окажетъ. Кто убилъ, на томъ Господь ее и проявитъ, а мы нешто можемъ въ Божьи дѣла соваться?..

Но разговоры о событіи не прекращались; судили-рядили и въ людской, и въ конторѣ, и въ Лохмотномъ, соображали, высказывали свои догадки и подозрѣнія, вспоминали разные мелкіе случаи изъ жизни покойницы. Лимпіядушки уже не было, лежала она въ Избищахъ на погостѣ, но что-то отъ нея осталось, и бродило, и безпокоило умы. Боялись по

вечерамъ выходить; кому-то она однажды примерещилась; кто-то видѣлъ ее во снѣ. Волчій Буеракъ сталъ проклятымъ мѣстомъ, мимо него даже днемъ старались пройти поскорѣе, крестясь и шепча молитву.

Федоръ Степанычъ былъ сильно потрясенъ ужасной смертью своей сожительницы. Осунулся, тосковалъ, бросилъ пить и не спалъ по ночамъ. Дуня часто слышала, какъ онъ вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчку и, громко стоная, бродилъ по всему дому. Это было и страшно, и жалко. Разъ Дуня не вытерпѣла, одѣлась и вышла къ отцу.

— Папаша, что это вы не спите? Нездоровится?

Федоръ Степанычъ дико смотрѣлъ на дочь воспаленными глазами.

— Это ты, Душатка? Чего ты? Иди, иди, спи... Спи съ Господомъ!

Боязливо озираясь, шатающейся походкой онъ пошелъ въ спальню—и вдругъ смѣшно и неловко отпрянулъ отъ двери.

— Господи!.. Спаси и помилуй!..—хрипло и прерывисто зашепталъ онъ.—Что это такое?.. Матушка, Царица небесная... Стоитъ! Она стоитъ!.. Душатка... гляди...

Холодною, потной рукой онъ ловилъ руку дочери и тянулъ ее къ себѣ, какъ бы ища защиты. Его ужасъ передался и Дунѣ.

— Да что вы, папаша? — дрожа и холодѣя, бормотала она.—Гдѣ она? Никого здѣсь нѣту...

Борясь съ безсмысленнымъ страхомъ, взяла у отца свѣчу и освѣтила углы. И было мгновеніе, когда почудилось, будто мелькнула въ комнатѣ сѣрая тѣнь,—ясно представились голубые, пьяные глаза, безстыжая улыбка, крестомъ подъ пухлой грудью сложенныя руки. Но тутъ же вспомнилось то безглазое и безликое, что лежало на буромъ снѣгу въ Буеракѣ, и Дуня пришла въ себя.

— Никого нѣту, папаша... Смотрите — никого! Да и кто можетъ быть? Вѣдь она умерла... понимаете? умерла!.. нѣту ея, совсѣмъ нѣту!.. Помолитесь и спите.

Эти простыя слова и громкій голосъ Дуни успокоили Федора Степаныча. Онъ сѣлъ на кровать и широко перекрестился.

— Упокой Господи душу грѣшной рабы твоей, Олимпіяды... Да, да, помолиться надо... вотъ завтра съѣзжу къ о. Владиміру, панихидку закажу. Ну, иди теперь, Душа, спи...

Рано утромъ онъ уѣхалъ въ Избищи, вернулся навеселѣ, за обѣдомъ выпилъ еще и забурлилъ:

— Я знаю, вы всѣ рады, что сплавили Лимпіядку съ рукъ! Какъ бѣльмо она у васъ на глазу сидѣла, — вѣрная

была слуга, блюла хозяйскій интересъ, за то и пострадала. Вонъ Фикулаевъ-то что говоритъ,—Никита, что-ли, ее убилъ? Нѣтъ, не Никитка!.. На что ему, дураку? А ты, говоритъ, поближе гдѣ поищи, поближе,—кому мѣшала, тотъ и убилъ..

Дуня поняла злобный намекъ Фикулаева и промолчала. Будь это прежде,—она разсердилась бы, накричала на отца и заставила его отказаться отъ своихъ словъ, а теперь не могла. Была въ его пьяныхъ, безсвязныхъ упрекахъ скрытая правда... и развѣ то, что случилось въ памятную безумную ночь, не связало Дуню навсегда съ темнымъ міромъ преступленія, гдѣ возможно все?

Вечеромъ Дуня пошла въ людскую. Теперь она часто туда заходила: тянуло къ людямъ, хотѣлось послушать, что они говорятъ объ убійствѣ, и эти разговоры отвлекали отъ собственныхъ мыслей. При ней не стѣснялись говорить; знали, что барышня простая, не любопытная, въ одно ухо впуститъ, въ другое выпуститъ и никому ничего не скажетъ. И теперь разговоръ шелъ о томъ же. Въ избѣ сидѣла какая-то незнакомая баба и одинъ изъ работниковъ, поплевывая между затяжками махорки, въ чемъ-то ее разубѣждалъ:

— Какія у него деньги, Петровна, и сроду ихъ не было. Дома они завсегда мякинныя щти хлебали, а баба-то его сплошь да рядомъ съ сумой подъ окошками ходила. И отседа онъ безъ гроша ушелъ. Форсунъ-малый, сапоги не сапоги, поддевка не поддевка,—что заробилъ, то и провелъ!

— Ужь не знаю, милые, не знаю, что слыхала, то и говорю, а слухъ по всей деревнѣ идетъ,—большія у него деньги открылись! Такъ и швыряется—такъ и швыряется ими, чисто купецъ,—и отколѣ только берутся? Ономнясь жененкѣ своей изъ городу и пунцу привезъ, и плису на корсетку, и баретки съ пуговками,—да что еще, милые, самоваръ купилъ!.. У насъ самовары-то только въ двухъ дворахъ, да и то у самыхъ богатѣевъ...

— Кто это самоваръ купилъ?—спросила Дуня.

— А это мы, барышня, про Политку толкуемъ,—объяснилъ Нефедъ.—Вотъ кума сказываетъ, дюже онъ деньгами хвалится. Ну, мы и мекаемъ промежь себя, — съ чего это онъ эдакъ разжился?

— А между прочимъ карманы-то у покойницы были выворочены...—многозначительно и угрюмо сказалъ съ печи кто-то невидимый.

Сказалъ—и всѣ замолчали, точно не о чемъ стало больше говорить.

Дуня велѣла ставить самоваръ и вышла.

2.

У крыльца ее окликнулъ Ермолаевъ. Она остановилась.

— Батька спитъ?—отрывисто спросилъ онъ. — Великолѣпно!.. Зайдите на минутку, нужно поговорить.

Вошли въ контору и, пока Ермолаевъ зажигалъ лампу, Дуня сообщила ему о томъ, что слышала сейчасъ въ людской.

— Да ужь знаю, знаю!..—сердито проворчалъ Ермолаевъ.— Всѣ Лохмоты объ этомъ трубятъ... а скоро, можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь затрубятъ...

— Значитъ, это онъ Лимпіяду убилъ?—шепотомъ спросила Дуня.

— О Лимпіядѣ не знаю. можетъ, и онъ... даже навѣрное. Да не въ Лимпіядѣ дѣло, Авдотья Федоровна!

— Какъ не въ Лимпіядѣ? А Никита? За что же онъ будетъ страдать, если это не его дѣло?

— И Никита пустяки; уликъ никакихъ нѣту, подержатъ-подержатъ, да и отпустятъ. Ну, а вотъ если мы съ Алешей попадемся, насъ ужь не отпустятъ...

Еще не понимая, но уже чуя въ словахъ Ермолаева что-то страшное, Дуня задрожала. И, кутаясь въ платокъ, чтобы скрыть одолѣвающій ее ознобъ, прислонилась къ печкѣ.

— Вамъ холодно?—спросилъ Ермолаевъ.

— Да, немного... Ну, разсказывайте, что у васъ случилось?

— Случилась очень скверная штука... Этотъ самый Политка оказался хвастунъ, трусишка и мерзавецъ и, если его заберутъ, онъ всѣхъ насъ продастъ и выдастъ, чтобы спасти свою подлую шкуру.

— Политка?—переспросила Дуня, не вѣря своимъ ушамъ.

— Ну, да... что вы смотрите на меня такими ужасными глазами? Порицаете, небось? Оставьте, не стоитъ! Я самъ лучше васъ знаю, что сдѣлалъ громаднѣйшую глупость. А, впрочемъ, это даже и не глупость... Это просто кирпичъ! Случаются такіе казусы на новыхъ постройкахъ: кажется, все разсчитано, предусмотрѣно,—и вдругъ какой-то дурацкій кирпичъ ни съ того, ни съ сего сваливается кому-нибудь на башку и пробиваетъ ее насквозь. Вотъ и Политка такой же кирпичъ!

— Ну, и не нужно было его путать въ такія дѣла...

— Барышня Дуня, если по вашему разсуждать, то и дѣлъ никакихъ затѣвать не нужно! Еслибы всѣ боялись падающихъ кирпичей, то никто не строилъ бы новыхъ домовъ и не ходилъ по улицамъ. И, если заранѣе видѣть въ каждомъ человѣкѣ подлеца и предателя, невозможно было бы дѣлать то, что дѣлаемъ мы. А Политка показался мнѣ для этого очень подходящимъ парнемъ.

— Не понимаю, чѣмъ это онъ могъ вамъ понравиться!

— Ну, это очень долго разсказывать... Вижу, парень не дуракъ, а главное, кипитъ въ немъ что-то, и тоже любитъ по тоненькимъ жердочкамъ черезъ пропасти ходить и въ черныя бездны заглядывать. А оказывается, ему только деньги и были нужны. Дорвался до нихъ и обнаружилъ свое настоящее нутро. Болтаетъ, хвастается, грозится... Знаете, что онъ мнѣ сегодня сказалъ?—Дайте, говоритъ, мнѣ 5 тысячъ, и я скроюсь, а не дадите,—пойду въ полицію, все разскажу. васъ заберутъ, а я еще награду получу... Конечно, я его послалъ къ черту!

Дунѣ уже было жарко. Она сбросила платокъ, подошла къ Ермолаеву и смотрѣла на него пылающими глазами.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ вы это сдѣлали? Вѣдь если онъ такой, нужно было какъ-нибудь иначе... Вѣдь онъ, можетъ быть, сейчасъ же пойдетъ и донесетъ!

— Не донесетъ!.. не посмѣетъ! Душонка у него маленькая, трусливая. Но, если его арестуютъ изъ-за этой несчастной Мессалины, конечно, онъ первымъ дѣломъ влопаетъ меня, а тамъ уже доберутся и до остальныхъ.

— Ну, такъ бѣгите, Ермолаевъ!.. вамъ надо бѣжать!.. скорѣй бѣгите!

— Такъ-съ! Одинъ предалъ, а другой убѣжалъ... Нѣтъ-съ, это не рѣшеніе вопроса, я здакъ не могу. Я не одинъ, вы знаете. Будь я одинъ, я бы зналъ, что дѣлать. Но у меня есть товарищи, я передъ ними обязанъ...

— Ну, а что же дѣлать? Что дѣлать? вѣдь надо же что-нибудь дѣлать?

— Ага, вотъ въ этомъ-то и вопросъ... Что дѣлать? Какъ вы думаете?

Дуня подошла совсѣмъ близко и, обжигая щеку Ермолаева горячимъ дыханіемъ, прошептала:

— Надо Политку убить.

Должно быть, Ермолаевъ не ожидалъ отъ Дуни такихъ словъ, потому что отшатнулся и съ угрюмымъ изумленіемъ сказалъ:

— Это вы говорите—убить?.. И, помолчавъ, прибавилъ съ усмѣшкой:—Да... вотъ что значитъ любовь!..

— Какая любовь? Причемъ тутъ любовь?

— Не лукавьте, Дунечка, это къ вамъ не идетъ. Вѣдь я все слышалъ тогда,—помните ту ночь? И его видѣлъ... какъ онъ отъ васъ пришелъ. Вотъ здѣсь сидѣлъ... И все улыбался. Я никогда не видалъ у человѣка такой улыбки... И тоже подумалъ тогда: да, вотъ она какая—любовь!..

Дунины щеки налились жаркимъ румянцемъ, потомъ медленно стали блѣднѣть. Она вызывающе взглянула на Ермолаева.

— Ну, что жь... ну, и пусть любовь!.. Вамъ-то какое дѣло?

— Это правда. Никакого дѣла мнѣ нѣтъ. Ну-съ, а теперь опять на счетъ Политки. То, что вы сказали, это дѣйствительно и есть самое настоящее. Я и давеча, во время разговора съ нимъ, чуть было этого не сдѣлалъ. Но удержался... ужь очень было бы глупо и неосторожно. Такъ вотъ что, Авдотья Федоровна, — поѣзжайте вы завтра въ Избищи и повидайте Алешу, онъ теперь тамъ. Надо его обо всемъ предупредить.

Дуню опять бросило въ жаръ и, чтобы скрыть сумасшедшую радость, она бросилась наливать себѣ воды изъ кувшина. Но руки у нея дрожали, стаканъ выпалъ и со звономъ разсыпался по полу.

Ермолаевъ съ страннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на взволнованное Дунино лицо и почему-то вспомнилась ему одна душная лѣтняя ночь съ тихими шорохами деревьевъ, яркой лампой на террасѣ и большой бѣлой бабочкой, танцующей вокругъ огня. Ее ловили, бросали въ темноту, но она прилетала снова, въ какомъ-то безумномъ восторгѣ устремлялась къ огню, жгла свои красивыя крылья, наконецъ, упала и умерла.

— Такъ вѣдь и сгорѣла...—вслухъ сказалъ Ермолаевъ.

— Кто сгорѣлъ?—быстро спросила Дуня, смущенная и разсерженная его пристальнымъ, тяжелымъ взглядомъ.

— Бабочка... Фу ты, чертовщина, забылъ, что хотѣлъ сказать! А здорово, должно быть, вы его любите, а? Ну-ну, не буду, не буду, молчу!.. Вѣдь это я отъ зависти. Вотъ смотрю на васъ и думаю: хоть бы на часокъ кто-нибудь вотъ эдакъ меня полюбилъ, чтобы ради спасенія моего даже убить не побоялся. Эхъ, Дунечка, милая вы моя, сроду со мной этого не бывало и вдругъ на старости лѣтъ дураку сладенькаго захотѣлось! Не иначе, какъ дурь передъ смертью...

Федоръ Степанычъ не сразу отпустилъ Дуню въ Избищи,—боялся остаться одинъ въ пустомъ домѣ, полномъ шороховъ и призраковъ давней и недавней были. Но Дуня его убѣдила; вѣдь нужно же къ Пасхѣ сшить новое платье и сшить именно теперь, когда портнихи не очень заняты. А тамъ, на пятой и шестой недѣлѣ поста, никто не возьмется шить; если же и возьмутъ, то втридорога... Непремѣнно, непремѣнно надо спѣшить!

— Господи, какая я стала подлая!..—думала Дуня уже по дорогѣ въ Избищи.—Вру, обманываю... помогаю грабить и убивать... а сама не знаю, зачѣмъ. И никто не знаетъ,— развѣ только одинъ Ермолаевъ. Ну, и пускай, все равно. Всѣ люди подлые, и скучно жить, и никогда не сбывается то, чего хочешь... Только бы скорѣй, скорѣй доѣхать!..

Бѣлое лицо съ золотыми глазами всплывало въ памяти, губы горѣли въ предчувствіи жаркихъ поцѣлуевъ. И Дуня начинала торопить работника, чтобы ѣхалъ побыстрѣе, или съ тоскливымъ нетерпѣніемъ считала придорожныя вѣхи. На одномъ поворотѣ встрѣтился стражникъ. Въ сермяжной шинели и овчинной шапкѣ, безобразными лохмами свисавшей на лицо, ѣхалъ онъ на поджарой лошаденкѣ и безпечно покуривалъ цыгарку. Прежде Дуня не обратила бы на него вниманія, а теперь безпокойно вздрогнуло сердце, и подумалось сейчасъ же о Лимпіядушкѣ, о Политкѣ и Ермолаевѣ. Можетъ быть, Политка уже арестованъ и выдаетъ и не сегодня-завтра нагрянутъ къ Ермолаеву на хуторъ... Стал жарко и душно и еще тоскливѣе на душѣ. Стражникъ между тѣмъ поравнялся, равнодушно взглянулъ на Дуню и, хлестнувъ лошадь по крупу, объѣхалъ сани. Должно быть, и работнику вспомнилось что-то при этой встрѣчѣ. Онъ обернулся и долго провожалъ стражника глазами.

— Нѣтъ, мимо взялъ... — пробормоталъ онъ, принимая прежнее положеніе на облучкѣ.

— А ты думалъ,—куда?

— Да кто его знаетъ... на счетъ Лим піяды все ѣздіютъ А только убилъ-то ее не Никита!—неожиданно прибавилъ онъ

— А кто же по твоему?

— Да разное въ народѣ болтаютъ, не разберешь... Ну голуби, торопись,—заснули!—закричалъ онъ вдругъ на лошадей, и тѣ дробной рысью затопотали по осѣвшимъ отъ теплаго вѣтра ухабамъ.

Матушка Наталья, какъ только узнала, что Дуня пріѣхала шить платье, такъ сейчасъ же и ушла съ головой въ это важное дѣло. Появились модныя картинки, выкройки фасоны; матерію развернули на столѣ, прикидывали и размѣряли, обсуждали и выбирали отдѣлку. Дуня притворялась, что все это ее страшно занимаетъ, а сама сгорала на медленномъ огнѣ и придумывала, подъ какимъ бы предлогомъ ей поскорѣй вырваться изъ поповскаго дома.—„Ну, на что мнѣ это платье? Все равно, можетъ быть, и носить не придется, а время идетъ зря, Политка успѣетъ выдать, Скафтымова не застанешь"... И съ невинной болтовней о прошивкахъ, вставкахъ, кружевахъ и суташахъ путались дикія, зловѣщія картины... стражники въ лохматыхъ шапкахъ, злое лицо Политки въ чащѣ Волчьяго Буерака, Ермолаевъ на висѣлицѣ, Скафтымовъ съ прострѣленной головой...

— А рукава, Дунечка, я бы совѣтовала тебѣ сдѣлать короткіе. Теперь всѣ короткіе носятъ,—худымъ это, конечно, не идетъ, а у тебя ручки полненькія! И шейку вырѣзать

надо, шейка у тебя хорошенькая, съ ямочками, ты не монашка, чтобы ее прятать...

Рукава, вырѣзы, шейка,—ахъ, надоѣло, надоѣло!.. Если бы знала матушка Наталья, что они завтра или послѣзавтра будутъ убивать Политку, не стала бы такъ о Дуниной шейкѣ хлопотать. И платье какое противное... красное, какъ кровь...

Выручилъ Дуню о. Владиміръ. Онъ вернулся съ требы въ духѣ, шумно привѣтствовалъ гостью, называя ее уже маркизой Рокамболь, и прежде всего обратилъ вниманіе на ея наружность.

— Хо-хо-хо, что это вы, маркиза, влюблены, что-ли? Интересная блѣдность, аристократическая худоба, а глаза блестятъ, какъ угли, и руки горячія... „Что случилось съ тобой, Маргарита"...—запѣлъ онъ изъ Фауста.

— Голова болитъ,—сказала Дуня.—Надо въ аптеку сходить, чего-нибудь попросить отъ головной боли.

— Ну вотъ еще, зачѣмъ ходить? Послать можно! Мать, пошли за аспириномъ, маркизѣ Рокамболь „плохо можется, нездоровится, охо-хо-хошеньки, голова болитъ"!—снова запѣлъ онъ пискливымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я сама, сама, не надо посылать... Пройдусь, можетъ, и безъ аспирина пройдетъ.

— Ну, какъ угодно, маркиза, не смѣю перечить. А какія у васъ тамъ дѣла-то дѣлаются, а? Ну, Олимпіядку убили—это неудивительно, сама на то шла, не тѣмъ будь помянута покойница... А вотъ на заводѣ-то, на заводѣ-то каково? 12 тысячъ—вѣдь это министерское жалованье! Михневскій ажъ захворалъ со страху, доктора изъ города выписывали... И никакихъ слѣдовъ,—точно въ воду канули! Слыхалъ я вчера, будто какіе-то сыщики пріѣхали, искать будутъ.

— Гдѣ? На заводѣ?

— Да ужь, вѣроятно, и тамъ, и здѣсь! Ну, только я сомнѣваюсь, найдутъ ли. Молодцы-то, должно быть, давно ужь заграницу свиснули. Имъ что? 12 тысячъ—деньги не малыя, развернуться можно...

Онъ еще долго дѣлился съ Дуней своими соображеніями; наконецъ, ей удалось отъ него вырваться. Вышла на улицу—и едва удержалась, чтобы не пуститься бѣгомъ. Все казалось: ну, какъ догонятъ, вернутъ, или о. Владиміру вздумается провожать?.. Только тогда успокоилась, когда еще издали увидѣла вывѣску частной аптеки. Вотъ сейчасъ, сейчасъ войдетъ и увидитъ это лицо, эти глаза, лучше которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ...

И вдругъ сзади хрюкающій голосъ:

— Небожительница!.. Красота неописанная! Куда это такъ стремитесь?

Оглянулась, — Фикулаевъ. Красный, весь сальный и, кажется, пьяный. Стоитъ, покачиваясь, на толстыхъ слоновьихъ ногахъ, распустивъ жирныя, мокрыя губы, а жадными глазами ощупываетъ Дуню съ ногъ до головы.

— Милочка!.. Дуся!.. да какая же прелесть!.. Хоть бы поцѣлуйчикъ... одинъ-единственный... Только прикоснуться— и издохнуть!..

Дуня шла и больше не оглядывалась. А вслѣдъ за нею, вперемежку съ хрипучимъ смѣхомъ, неслись злобныя слова:

— А что, брезгуешь?.. Митька-конторщикъ хорошъ, а я нехорошъ? Лимпіядку-то задушили, задушили... чтобъ не мѣшала въ контору спать ходить!.. Погоди, погоди, мамочка, выведу я васъ съ Митькой на свѣжую водицу!..

Дуня была уже у аптеки. Задыхаясь, вбѣжала на крыльцо, отворила дверь и съ силой захлопнула ее за собою.

4.

Изъ-за прилавка на встрѣчу ей поднялась худощавая, некрасивая дѣвушка съ большимъ ртомъ и тусклыми черными глазами.

— Вы—Клара Осиповна Пряхина?—спросила Дуня шепотомъ, хотя въ аптекѣ кромѣ ихъ двухъ не было ни души.

— Да, я Пряхина,—отвѣтила дѣвушка, насторожившись.

— Меня послалъ къ вамъ монахъ... Ему нужны ландышевыя капли.

Пряхина метнула на Дуню испуганный и въ то же время враждебный взглядъ, но не сказала ни слова. Впустила ее за прилавокъ и черезъ аптеку провела въ большую темную комнату, загроможденную какими-то ящиками и пропитанную удушливымъ запахомъ медикаментовъ. Въ самомъ дальнемъ углу, совсѣмъ незамѣтная между тюками узенькая лѣстница вела наверхъ. Дуня поднялась по ней и очутилась на маленькой свѣтлой площадкѣ передъ оклеенной обоями дверью.—„Вотъ сейчасъ увижу“!..—подумала Дуня, и стало ей радостно и жутко. Вспомнилось все, что было, зажглась душа, развѣялись страхи и опасенія.—„Вотъ сейчасъ увижу, а Фикулаевъ, Политка, стражники,—это потомъ, потомъ, когда-нибудь“...

Но отворила дверь—и потухла жуткая радость. Скафтымовъ былъ не одинъ, у него сидѣла гостья. Должно быть, имъ было очень весело, потому что Скафтымовъ улыбался, а гостья разсыпчато смѣялась, пряча лицо въ большую муфту.

— Авдотья Федоровна, здравствуйте! Снимайте вашу шубку!

Гостья перестала смѣяться и опустила муфту на колѣни. Дуня узнала хорошенькую Марью Власовну. Обѣ дѣвушки нѣсколько мгновеній съ злымъ и холоднымъ любопытствомъ разсматривали другъ друга и Дуня почувствовала, что Марья Власовна ненавидитъ ее такъ же страстно, какъ и она ненавидитъ Марью Власовну. Скафтымовъ стоялъ между ними, невинно и радостно улыбаясь той и другой.

Марья Власовна первая опустила глаза и стремительно встала.

— Ну, я пойду, Алексѣй Митрофанычъ,—сказала она, натягивая на лицо вуалетку, и засмѣялась уже не разсыпчато и беззаботно, какъ передъ тѣмъ, а съ какою-то преднамѣренной язвительностью. — Ужь не буду вамъ мѣшать... у васъ тутъ все какія-то *тайны*, серьезныя *дѣла* (она насмѣшливо подчеркнула эти слова), а я вѣдь не серьезная...

Она все болтала, говоря какія-то ненужныя, пустыя слова и, должно быть, ожидая, что Скафтымовъ что-нибудь возразитъ, остановитъ ее, не пуститъ такъ скоро уходить. Но онъ не удерживалъ ее, молчалъ и все также невинно и радостно улыбался. Марья Власовна заторопилась.

— Ну, иду, иду... до свиданья!—говорила она на ходу, нервно натягивая на подбородокъ вуалетку, чтобы скрыть дрожаніе губъ.—Скоро увидимся, да? Тогда я вамъ скажу большой секретъ...

Нарочно не замѣчая Дуни, которая все еще стояла посреди комнаты съ потухшимъ нахмуреннымъ лицомъ, Марья Власовна послала Скафтымову послѣднюю улыбку и вышла, оставивъ въ комнатѣ запахъ какихъ-то пронзительныхъ духовъ.

Скафтымовъ подождалъ, когда шаги ея смолкли внизу, заперъ дверь и вернулся къ Дунѣ.

— Ну, милая моя женщина..—началъ онъ, протягивая къ ней руки.—Давайте же, я сниму съ васъ шубку...

Но Дуня рѣзко отстранилась отъ его объятій и, избѣгая глядѣть на это дьявольски-прелестное лицо съ розовымъ ртомъ и ласкающими глазами, сказала грубымъ, сдавленнымъ голосомъ, котораго не узнала сама:

— Не надо... пожалуйста! Я сейчасъ уйду... Мнѣ только надо сказать... Я отъ Ермолаева...

И тѣмъ же незнакомымъ ей голосомъ, не глядя на Скафтымова, она разсказала ему все, что произошло у нихъ съ Политкой. Съ безмятежной улыбкой, какъ будто рѣчь шла о чемъ-то самомъ обыкновенномъ, Скафтымовъ выслушалъ ея разсказъ.

— Узнаю Митяя!.. Это онъ всегда такъ: ищетъ вездѣ ангеловъ, а находитъ самыхъ скверныхъ чертей, которыхъ даже сатана вытурилъ бы изъ ада за подлость. Ну, вотъ и опять попался, чучело гороховое!

— Онъ хорошій,—строго возразила Дуня.

— А я развѣ сказалъ, что онъ плохой? Вы придираетесь, Дунечка. Я знаю его больше вашего... да и люблю, пожалуй, больше вашего. (Онъ усмѣхнулся, а Дуня вспыхнула). Еслибы я былъ женщиной, я бы за нимъ пошелъ въ преисподнюю. Вѣдь это онъ притворяется циникомъ и свирѣпымъ анархистомъ; онъ совсѣмъ не такой. Онъ для себя ничего не хочетъ, понимаете, Дунечка,—*ничего*! Все для человѣчества. А того не видитъ, что человѣчество это самое— мразь и слякоть и, еслибы ему дали вотъ сейчасъ царствіе небесное, оно и тамъ бы развело слякоть и мразь.

Скафтымовъ помолчалъ немного и прибавилъ:

— Это, Дунечка, я такъ думаю... потому что я самъ дрянь. А Митяй думаетъ, что былъ бы рай, а ангелы будутъ. И ради этого будущаго рая не жалѣетъ ни своей жизни, ни чужой. Вотъ онъ какой!

— А вы какой?—рѣзко спросила Дуня, поднимая на него глаза.

Онъ точно ждалъ этого взгляда и не успѣла Дуня опомниться, какъ уже была опутана улыбками, ласками, всѣми грѣшными чарами грѣшной, земной любви.

— Дунечка, милая, я ужь сказалъ, что я дрянь...—шепталъ Скафтымовъ, тихонько снимая съ нея шубку, платокъ, и цѣлуя ея волосы, руки, лицо.—Если любишь, люби такого, какой есть, а другимъ быть не могу. Но вѣдь ты и такого меня любишь, да? Можетъ быть, ненавидишь, можетъ быть, злишься и проклинаешь,—и все-таки любишь, я это вижу, Объ этомъ говорятъ твои глаза, твои губы, вся ты, вотъ такая, какъ сейчасъ, моя милая женщина, моя любовь, моя божественная радость...

— Вы и другимъ такъ же говорите?..—насмѣшливо спросила Дуня.

— Дунечка, никакихъ другихъ я сейчасъ не знаю. Ты со мной, тебя одну люблю, ты сейчасъ—моя единственная.. А что будетъ завтра—не знаю.

Дуня смотрѣла въ затуманенные страстью глаза Скафтымова и думала съ отчаяніемъ и тоскою, что никогда не узнаетъ, никогда не пойметъ этого человѣка. Но бороться уже не могла и, блѣднѣя, точно шла на смерть, сказала:

— Ну, все равно... знать, такая судьба... Ты правду ска-

залъ: ненавижу—и люблю до смерти; убила бы, а жить безъ тебя не могу... Пропала я, Алеша...

Они были, какъ сумасшедшіе. Цѣловались, говорили какія-то безсвязныя, но имъ понятныя слова, глядѣли другъ на друга и не могли наглядѣться, точно видѣлись въ первый и послѣдній разъ. Не было времени, не было ничего; казалось, весь міръ для нихъ замкнулся вотъ въ этой убогой комнаткѣ, на чердакѣ деревенской аптеки.

Вдругъ гдѣ-то близко послышался противный смѣхъ и голосъ, похожій на сладострастное кваканье старой жабы. Можетъ быть, почудилось, но Дуня вспомнила все,—и Политку, и зачѣмъ сюда пришла. Холодѣя отъ ужаса, она вырвалась изъ объятій Скафтымова.

— Алеша, вѣдь мы забыли... А Ермолаевъ? А Политка?.. Вѣдь надо же что-нибудь дѣлать? Охъ, какая я безумная, совсѣмъ забыла...

— Дунечка, это хорошо, что безумная, — въ безумьи счастье. Ну, зачѣмъ ты вспомнила,—не надо. Это все потомъ, потомъ...

— Нѣтъ, постой... Мнѣ сейчасъ показалось, что внизу этотъ землемѣръ... Я тебѣ говорила,—онъ мнѣ угрожалъ. И вдругъ сюда придутъ, и все это черезъ меня... Алеша, вѣдь это смерть, смерть...

Скафтымовъ подошелъ къ двери, прислушался и вернулся назадъ.

— Глупая дѣвочка, никого тамъ нѣтъ и никто не придетъ сюда. Клара не пуститъ. Ты еще не знаешь Клары; она для меня жизни не пожалѣетъ.

— Клара... Марья Власовна... сколько ихъ?—прошептала Дуня.

— Дунечка, не хмурь свои удивительныя черныя брови,— такъ ты бываешь похожа на маленькую, злую, зеленую змѣйку. Отчего ты никогда не улыбаешься, я такъ хотѣлъ бы видѣть твою улыбку? Неужели даже моя любовь не заставитъ тебя улыбнуться?

— Любовь!.. любовь!.. Сегодня одна, завтра другая... Развѣ такая бываетъ настоящая любовь?

— А какая же? Ну, разскажи, разскажи...

— Ахъ, не стоитъ объ этомъ говорить! Сумасшедшая я... Вотъ сижу здѣсь, съ тобой, а вѣдь мнѣ надо ѣхать, вѣдь Ермолаевъ меня ждетъ...

В. І. Дмитріева.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЪ.

I.

Служили молебенъ, освящали новую каланчу, которую выстроили въ концѣ села рядомъ съ усадьбой попечителя мѣстной пожарной дружины купца Лопырина.

Послѣ молебна батюшка и страховой агентъ Смирновъ говорили рѣчи, а вокругъ стояли дружинники въ новенькихъ фуражкахъ съ синими околышами, съ флажками и сигнальными рожками, точно солдатики, и сіяло ясное солнышко. Староста дружины Михайла Никитинъ—въ мѣдной каскѣ, начищенной, какъ самоваръ къ празднику, и тоже сіяющей, былъ похожъ на настоящаго пожарнаго, а попечитель—въ мундирѣ съ кантами и золотыми пуговицами—на офицера, и оба были великолѣпны.

Попытался сказать рѣчь и попечитель, но сказалъ только слѣдующее:

— Господа дружинники! Вотъ какъ мы, значитъ, въ настоящее время устроили пожарную дружину и собрались всѣ вопче и вмѣстѣ и очень, стало быть, хорошо и... дай Богъ...

Смущалъ оратора Роговъ: уставился, глядитъ прямо въ лицо и ухмыляется—ехидный человѣкъ.

Всѣхъ больше суетился, хлопоталъ Михайла Никитинъ и всѣмъ мѣшалъ Роговъ. Михайла чувствовалъ себя здѣсь именинникомъ и физіономія его сіяла, какъ его каска. А Роговъ—длинноносый, въ глубоко на уши надѣтомъ картузѣ, похожій на грача—шляется, высматриваетъ, усмѣхается, язвитъ...

Послѣ молебна задудѣли въ рожки, сдѣлали тревогу и лихо атаковали избу тетки Мавры, на смерть перепугавъ старуху.

Потомъ пошли въ горницу къ Лопырину и вмѣстѣ съ другими туда затесался и Роговъ.

Лопыринъ поставилъ угощенье и агентъ опять говорилъ рѣчь. Онъ говорилъ о горимости въ Россіи и приводилъ поразительныя цифры; о борьбѣ съ краснымъ пѣтухомъ—бичемъ крестьянскаго благосостоянія; о живительной идеѣ взаимопомощи и о пожарныхъ дружинахъ... И провозглашалъ: „въ единеніи—сила!“

Агентъ любилъ говорить передъ крестьянами, потому что они всегда внимательные, благодарные слушатели, но на этотъ разъ здѣсь, прислонясь къ косяку, стоялъ незнакомый мужикъ, разглядывалъ его въ упоръ и слушалъ, чему-то усмѣхаясь: глаза круглые, дерзкіе, „нахальная“ усмѣшка раздвинула бѣлесые усы, усы топорщатся—скуластая, непріятная рожа...

Окончивъ рѣчь, агентъ спросилъ, не выдержавъ:

— Вы, кажется, хотите возразить?.. Можетъ, вы сомнѣваетесь въ полезности нашихъ начинаній?

— Нѣ-ѣтъ, что мнѣ... Для Петра Иванова даже очень пользительно,—Роговъ подмигнулъ Лопырину, — не заводи машинъ да багровъ, все теперя на земскій счетъ.

Вступился Лопыринъ:

— Кажись, Егоръ, тебя никто сюда не приглашалъ?..

— Ничего, не стѣсняйся, я уйду... Я и самъ знаю,—прибавилъ Роговъ, уходя,—что гусь свиньямъ не товарищъ.

А на улицѣ Роговъ досадилъ Михайлѣ.

Михайла поспѣвалъ вездѣ и былъ очень доволенъ и собой, и новой высокой каланчей, которую имъ удалось воздвигнуть въ своемъ селѣ, и всѣми здѣсь собравшимися,—суетился, восхищался и „разводилъ узоры“:

— Вдоль порядковъ, братцы, насадимъ березокъ и въ прогонахъ между гнѣздами... Позади выроемъ прудъ, обсадимъ ветлами. Евгеній Иванычъ говоритъ, что земство намъ теперя выдастъ сумму на устрой водохранилища... О-онъ выхлопочетъ! Значитъ, прудъ будетъ—карасиковъ разведемъ, по бережку—ветлы, лужокъ зеленый... Пріятность!

— Прі-ятность, — перздразнилъ Роговъ. — Эхъ-ма, и бараны же! Дали имъ бирюльку, — играйте, забавляйтесь, только чего другого не просите...

— Да ты чего?—спросилъ Михайла, озадаченный.

— Т-акъ, ничего...

— Какъ такъ?

— Да такъ.

— А ты скажи, пожалуйста:

— Нéчего говорить-то...

— Какъ нечего?

— Да такъ.

И Роговъ всталъ и пошелъ.

— Ф-фу ты, пропасть, какой человѣкъ несогласный!—разсердился Михайла.

Сколько этотъ Роговъ крови перепортилъ Михайлѣ. Точно бревно поперекъ дороги, точно кривое суковатое дерево-коряга, которую никакъ на возъ не уложишь: „все у него не такъ, все онъ по своему“.

II.

Въ субботу пріѣзжалъ агрономъ, а въ воскресенье чиновникъ землеустройства и инспекторъ мелкаго кредита...

Вообще послѣ „пятаго года“ все сразу наѣхало на деревню и на Михайлу Никитина, жизнь закружилась вихремъ вокругъ Михайлы, закипѣло—какъ любятъ выражаться кооператоры—строительство снизу и надстройка сверху. Михайла едва успѣваетъ отвѣчать на запросы жизни. Михайла въ „банкѣ“, Михайла въ потребилкѣ, считаетъ, провѣряетъ, засѣдаетъ, составляетъ отчеты; пьетъ чай то съ инспекторомъ, то съ агрономомъ, то съ инструкторомъ, попомъ и учителемъ. Михайла—уполномоченный ѣдетъ на съѣздъ, „выступаетъ“ на совѣщаніи, даже пишетъ корреспонденціи въ кооперативномъ журналѣ объ успѣхахъ мѣстной кооопераціи, о томъ, что „крестьянинъ смѣло открылъ глаза на встрѣчу новой жизни“...

Съ „пятаго года“ жизнь общественная для Михайлы не прерывалась въ своемъ быстромъ движеніи впередъ; какъ пошла, такъ и идетъ все быстрѣй и интереснѣй. Но для Рогова съ „пятаго года“ она было пошла, да остановилась, безнадежно стала. Для Михайлы жизнь, какъ рѣка весной, разливается все шире и течетъ все быстрѣе прямо къ свѣтлому будущему, а они плывутъ какъ разъ туда, куда надо, и успѣшно борются съ противными теченіями; а по мнѣнію Рогова, жизнь запрудили, и строители только то и дѣлаютъ, что плотины строятъ, жизнь перестала течь рѣкой и все шире разливается болотомъ, а „они“ ужь если и плывутъ, такъ не только не туда, куда надо, но и не туда, куда хотятъ, а просто кружатъ по широкому болоту чертъ знаетъ зачѣмъ... Досадно, что не переубѣдишь Рогова, у Михайлы не хватаетъ для этого, учености, досадно потому, что вѣдь Роговъ „все понимать можетъ“, „человѣкъ сознательный“ и настоящій товарищъ, онъ первый въ селѣ пытался ломать тѣсное старье и съ нимъ—Михайла. Теперь Михайла Никитинъ думаетъ, что они строятъ, а Роговъ, видимо, по прежнему хотѣлъ бы ломать... собственно, не поймешь, чего онъ хочетъ... Дороги товарищей разошлись.

Агрономъ привезъ фонарь и читалъ мужикамъ на тему: какъ получить два колоса тамъ, гдѣ росъ одинъ. Показывалъ картины, какъ это умѣютъ дѣлать нѣмцы и въ Даніи, доказывалъ, что не поле кормитъ, а нива, не въ томъ дѣло, что у насъ земли мало, а въ томъ, что мы ее не умѣемъ обработывать.

Агрономъ сдѣлалъ знакъ, Михайла, съ увлеченіемъ командовавшій фонаремъ, перемѣнилъ діапозитивъ и на экранѣ вспыхнула картина съ надписью: „глубже пахать, больше хлѣба жевать“. Мужики прочитали надпись и засмѣялись, а агрономъ началъ говорить о трудовой нормѣ при извѣстной степени интенсификаціи земледѣлія и, между прочимъ, сказалъ:

— Собственно говоря, это до нѣкоторой степени является заблужденіемъ, что земли у крестьянъ мало...

— Что говорить... . . . . у крестьянъ даже слишкомъ,—раздается насмѣшливый голосъ.

Агрономъ видитъ скуластое лицо, топорщащіеся бѣлесые усы, раздвинутые ехиднѣйшей усмѣшкой, словомъ, Егора Рогова.

— Позвольте... — возражаетъ молодой агрономъ, нѣсколько смутившись,—я не говорилъ этого... И ваша иронія напрасна... Я вовсе не утверждаю, что имѣть земли больше—хуже... Но вѣдь я не въ состояніи дать вамъ ея больше того, что у васъ есть... Я только говорю, что при улучшенныхъ пріемахъ обработки земли, собственно, до нѣкоторой степени достаточно.

— Ла-адно, чего тутъ вилять да очки втирать, чай понимаемъ!.. Говорили бы прямо: разводите, молъ, мужики рожь на грядахъ въ огородѣ, ...

Агрономъ пожалъ плечами, покраснѣлъ и совершенно растерялся. А Роговъ нахлобучилъ картузъ на уши и ушелъ, длинноносый, похожій въ глубокомъ картузѣ на грача.

Вечеромъ послѣ этого прибѣжалъ къ Рогову въ избу Михайла, очень разстроенный.

— Шутъ тебя знаетъ, Егоръ, что ты за человѣкъ несогласкый, каждому на горло лѣзешь! Кто тебя спрашивалъ!

— Дожидайся, когда спросятъ...

— Обидѣлъ человѣка, который, можно сказать, старается для народнаго блага!

— Небось, онъ жалованье получаетъ.

— Понимаешь ты... человѣкъ онъ хорошій, и который вполнѣ, можно сказать, лѣвый...

— Лѣ-ѣвый... Ну, нѣтъ, начальство теперя за этимъ строго слѣдитъ... А что—хорошій, такъ это ты, братъ, врешь, хорошихъ давно нѣтъ; были да сплыли—климатъ не подходящъ, ...

— Опять онъ—свое... Фу ты, какой человѣкъ несообразный!

Михайла уходилъ, окончательно разсорившись съ Егоромъ.

Но дня черезъ два Егоръ звалъ его чай пить и за чаемъ Михайла опять „разводилъ свои узоры“.

— Такая вещь...—начиналъ онъ, несмѣло и испытующе посматривая на Рогова:—еслибы намъ теперя организовать въ селѣ опчую кухню и столовую...

— Ну?

— Чего—ну... Я говорю: хорошо бы. Скажемъ—лѣтомъ: время недосужное, а варятъ каждый въ отдѣльности, время тратятъ и дрова, и все кое-какъ, грязно и съ мухами, какъ умѣютъ... Ежели бы кухня и при ней столовая были опчія, сколько получилось бы экономіи? Значитъ—на дровахъ, на припасахъ было бы изготовлено

много лучше—приставили бы тутъ способныхъ людей—чисто, по правиламъ гигіены... а, главное, сколько бы освободилось женщинъ во время полевыхъ работъ?

— Такъ нѣшто бабы только при печкахъ остаются дома... А ребята?

— Ребята? Вѣрно... Ну-къ что-жъ, и къ ребятамъ приставить такую подходящую женщину, и для ребятъ устроить опчій домъ.

— Та-акъ. А скотина?

— Вотъ, право... Ну, для скотины, стало быть, устроить опчій дворъ?—говоритъ уже не совсѣмъ увѣренно Михайла.

— А въ избахъ-то чего мужики будутъ дѣлать?

— Какъ—чего?.. Ну, спать тамъ... воопче жить,—простодушно путается Михайла и уже смотритъ на Рогова подозрительно.

— Ага... жить?—Роговъ подымаетъ брови и ядовитая усмѣшка ползетъ у него подъ усами.

— Да ты—чего?

— Да ничего...

— Тьфу, чтобъ тебя!...

Михайла плюетъ и чтобы не разругаться, поспѣшно уходитъ.

— Эй, чего ты закипѣлъ, какъ самоваръ!—кричитъ въ догонку Роговъ.

III.

Такихъ, какъ Михайла Никитинъ, людей передовыхъ, „новаго свѣта“ не мало по деревнямъ, въ каждой деревнѣ есть. Всѣ они теперь около коопераціи. Когда теперь встрѣчаются гдѣ-либо двое такихъ, у нихъ начинается свой разговоръ, они засыпаютъ другъ друга вопросами: „ну, какъ ссуды?..“ „вклады какъ?..“ „балансъ“? И, другъ друга перебивая, говорятъ о „посредническихъ операціяхъ“ и всякихъ предположеніяхъ.—Надо бороться!—Бороться надо!—говорятъ они, разставаясь. Разумѣется борьба съ кулаками. Кредитныя товарищества, потребительскія лавки ростутъ, какъ грибы.

— Какъ грибы на гниломъ пнѣ, какъ грибы въ ненастную пору осенью, какъ крапива,—говоритъ Роговъ о кредитныхъ товариществахъ. Роговъ отсталъ отъ компаніи своего круга и все больше отстаетъ—онъ безнадеженъ. Онъ сталъ водиться со стариками: Корегинъ и Данилычъ его пріятели и еще—Сема. Корегинъ—всѣмъ извѣстный черносотенецъ, а Сема такъ—ни то, ни се, однимъ словомъ, Сема; ужъ изъ одного того, что его зовутъ не Семенъ, а Сема, видно, что онъ такое. Онъ, правда, читаетъ книжки, но, по мнѣнію Михайлы, пустяки больше разные: романы да приключенія.

Недобрыя чувства питаетъ Роговъ къ коопераціи, но почему-то онъ записывается въ члены въ каждое возникающее учрежденіе этого рода и аккуратно является на всѣ общія собранія—и на

„очередныя“, и на „чрезвычайныя“. Кажется, онъ за тѣмъ ходитъ па собранія, чтобы задавать тамъ разные ехидные вопросы, досаждать добрымъ людямъ, дѣлать имъ непріятности.

Въ прошлый разъ на собраніи кредитнаго товарищества, когда инспекторъ, толстый баринъ, сіяющій воротничками, запонками, пенснэ и пуговицами мундира, разъяснялъ пользу кредитныхъ товариществъ, Роговъ ни съ того, ни съ сего принялся спрашивать: много-ли инспекторовъ въ Россіи, сколько они жалованья получаютъ и сколько, примѣрно, пристроилось по этой части при земскихъ управахъ?

— Вамъ это, собственно, зачѣмъ?—спросилъ инспекторъ.

— А вотъ на счетъ пользы-то любопытствую...

Инспекторъ отвѣтилъ, да такъ, что лучше бы Рогову и не спрашивать...

Инспекторъ сказалъ, что есть такіе особаго сорта люди—ему приходилось наблюдать—которыхъ одинъ писатель очень мѣтко назвалъ „общественными ежами“. Долженъ онъ сказать, что въ общественномъ дѣлѣ это весьма вредный звѣрь, а въ коопераціи въ особенности, тѣмъ болѣе—кредитной... Къ счастію, уставъ предусмотрѣлъ появленіе общественнаго ежа въ средѣ товарищей, у насъ есть статья 19, которая является прекраснымъ орудіемъ противъ разлагающихъ вліяній: на основаніи этой статьи, вредныхъ дѣлу членовъ можно исключать...

— Напоминаю, что молодую организацію, это дорогое для насъ молодое деревцо со слабыми еще корнями, пока оно не окрѣпло, мы должны оберегать всѣми мѣрами.

Инспекторъ выразительно посмотрѣлъ на Рогова, а члены дружно откликнулись:

— Это тебѣ не на сходѣ мутить! Здѣсь живо ротъ заткнутъ и хвостъ подвяжутъ!

Но Рогова не такъ-таки скоро озадачишь,—онъ продолжалъ свое:

— А чего ужъ такъ оберегать это дерево? Хмъ!.. Напрасно безпокоитесь... Это такое дерево, что живо пуститъ корни. Небось, не захирѣетъ. Гдѣ вы видѣли, чтобы деньги въ ростъ давали, да отъ этого проживались? Еще простому кулачишкѣ, случалось, не платили, а здѣсь не заплати-ка! Сейчасъ полиція или старшина живо опишутъ и продадутъ... Не безпокойтесь, царствію его, этого самого товарищества, не будетъ конца... И вамъ, баринъ, нечего сердиться, я только сказалъ на счетъ пользительности: какой тутъ къ шуту банкъ да кредитъ для нищихъ! И, по моему, нечего зорить мужиковъ, сажать ихъ на цѣпь, на новый оброкъ,—заставлять платить проценты. Выхлопотали бы какое способіе, или деньжатъ раздали малость Христа-ради,—было бы хорошо... Я не говорю... конешно, кое-кому изъ достаточныхъ и это на пользу: онъ

кой-какой оборотъ, глядишь, сдѣлаетъ на счетъ гольтепы—имъ, достаточнымъ, все на пользу...

Дѣйствительно, Роговъ, насколько могъ, вредилъ мѣстной кооперацiи; криво-косо, какъ умѣлъ, разсуждалъ онъ и на собранiи, и на сходѣ, и на улицѣ въ воскресный день на бревнахъ.

Пытались его убѣдить учитель, Михайла и другiе кое-кто изъ коопертаоровъ, но безъ успѣха; можетъ быть, потому, что для нихъ самихъ было не все ясно, и еще потому, что Роговъ разсуждаетъ „по своему".

— Идея взаимопомощи и борьба съ капиталистическимъ строемъ,—разъяснялъ учитель Александръ Иванычъ,—а въ конечномъ счетѣ...

— Идея, ха-хъ! Борьба!—прерываетъ Роговъ.—Борцы!.. Эхъ вы! Деньги въ ростъ придумали давать да лавку открыли... Вотъ такъ идея—лавку открыли! Кому что: свободы, права разныя, о Богѣ... а мужикамъ лавку открыли... Ловко!.. Взаимопомощь! Да какая же тутъ взаимопомощь? Раздастъ банкъ или богатый кулакъ, который вкладъ положилъ, черезъ васъ деньги мужикамъ въ ростъ изъ-за своей выгоды,—вотъ и все, и взаимопомощь...

— Вы меня не понимаете, Егоръ, дѣло не въ лавкѣ, лавка лишь первая ступень, а въ полной замѣнѣ системы капиталистическаго хозяйства системой хозяйства кооперативнаго и освобожденiи отъ посредниковъ эксплуататоровъ.

— Слыхалъ! И спрошу тебя: не все-ли намъ равно, которые работаютъ и покупаютъ, кормить, что купцовъ, приказчиковъ, да разныхъ писарей купцовыхъ, что кооператоровъ новой системы? Чай, все равно? Постой, я тебѣ сейчасъ разскажу подробно, и ты поймешь.

Роговъ торжественно и съ большимъ самодовольствомъ высморкался и началъ:

— Вѣдь прикащики, писаря разные, управляющiе, да завѣдующiе, да инженеры, да еще какъ тамъ... останутся и при кооперацiи вашей? Не будетъ только купцовъ? Замѣсто купцовъ будутъ предсѣдатели, да секретари, да еще писарей будетъ много новыхъ... А еще будутъ кооператоры, да комитеты засѣдающiе, да инспекторы... Я и говорю: не все-ли равно намъ, работающимъ, кормить, что тѣхъ, что другихъ? Чай, и кооператоры не меньше съѣдятъ, все также каждому надо и кофей, и котлету, и манишку, и камодъ галдеропъ, и другое прочее... да рублей сто или двѣсти въ мѣсяцъ. И купецъ намъ не дороже стоитъ, тоже больше, какъ на двѣсти, не съѣстъ. Конешно, купецъ теперя тратитъ много больше, можетъ быть, нѣсколько тыщъ,—такъ это одна видимость, это не пропадетъ. Вотъ и выходитъ вся ваша кооперацiя—пустяки, туманъ, тоже одна видимость для отвода глазъ, запутать человѣка, чтобы онъ не думалъ о настоящемъ дѣлѣ, а сидѣлъ бы въ

лавкѣ да считалъ, отчеты давалъ, да учиталъ—ловилъ вора. Понялъ теперь?

Учитель Александръ Иванычъ хотѣлъ было возражать, но только рукой махнулъ.

— И все врутъ, — разошелся Роговъ — другъ друга, понимаешь-ли, обманываютъ! А въ газетахъ такъ противно читать объ этихъ нашихъ успѣхахъ. Мужиченко плутъ, шельма замѣчательная! И, конечно, дуракъ... . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Пріѣдетъ этакій жирный баринъ и начнетъ болтать, или отъ земства... въ очкахъ, а мужиченко удивляться начнетъ, наивность на рожѣ изобразитъ.—А-а! Ну-у! Капирація! Вонъ оно что! Къ чему ведетъ! Какъ баринъ-то разъяснилъ... Кажись, всю ночь теперя не усну! А мы думали, лавка и—лавка. Взяли съ насъ по пятишницѣ, открыли опчественную лавку и— хорошо: сахаръ теперя на семишникъ дешевле, керосинъ—на копейку... Хорошо, молъ, это, ладно. Хоша и невелико оно, а все разсчетъ. А ежели и пропадетъ пятишница—плевое дѣло. Анъ вонъ оно что—капирація! А? Куда влечетъ! И начнетъ охаживать барина—„темнота, баринъ, наша!“

— А господишки — вашъ братъ, — подмигиваетъ Роговъ учителю—любятъ удивить мужика, любятъ, когда онъ наивность и темноту свою выражаетъ. А мужики наши—гуси!—подмигиваетъ онъ мужикамъ—что угодно выразятъ, имъ бы только, я говорю, чего-нибудь выпросить...

— А то есть и такіе—еще добавилъ Роговъ—копеечники, какъ нашъ Михайла: семишникъ барыша если обозначается на опчую пользу, вотъ ему и „идея“. Провѣряетъ семишники и доволенъ, думаетъ, что дѣло дѣлаетъ. И того не сообразитъ, что мужику-то всѣхъ барышей отъ коопераціи и на одинъ праздничный пропой далеко не хватитъ. Все это на грошъ луку да на пятакъ стуку!.. А, да ну васъ къ шуту! Айда, Трофимычъ, пѣсни пѣть?

И уйдетъ съ Корегинымъ, чтобы не слышать возраженій.

Такого рода бесѣды происходятъ обыкновенно въ воскресный день на бревнахъ, въ присутствіи учителя, Михайлы и толпы мужиковъ. Но Роговъ ни въ какомъ случаѣ не стѣсняется и не церемонится.

— Несогласный человѣкъ, —скажетъ кротко Михайла.

— Нахалъ и субъектъ вредоносный!—поправитъ Михайлу учитель Александръ Ивановичъ.

— Язва! По башкѣ бы его!..—поддержатъ мужики.

IV.

Въ субботу послѣ бани, напившись основательно чаю, Михайла уходитъ въ лавку и въ „банкъ“, а Роговъ—къ Семѣ. И въ воскре-

сенье Михайла цѣлый день сидитъ въ „банкѣ“, а Роговъ цѣлый день читаютъ съ Семой книжки.

Въ банкѣ операціи успѣшно развиваются; теперь тамъ начинаютъ еще торговать льномъ и овсомъ, и въ связи съ этимъ приходится заводить все новыя книги, новые бланки и вѣдомости. Общественное дѣло требуетъ, чтобы на каждую копейку былъ данъ отчетъ, и поэтому бумажное дѣло все разростается, а Михайлѣ кажется, что книгъ все еще недостаточно, еще не все достаточно ясно на записяхъ. Новичкамъ счетоводамъ всегда такъ кажется. Дѣла пропасть!

По праздникамъ Михайла и компанія не видятъ яснаго солнышка—все сидятъ и считаютъ. А Роговъ съ Семой выбираютъ такое мѣсто, гдѣ бы не мѣшали бабы и ребята, и запоемъ читаютъ книжки.

Читаетъ, собственно, Сема, а Роговъ слушаетъ да понукаетъ Сему. Роговъ не можетъ читать безъ очковъ, а очки все никакъ не рѣшится купить.

Читаютъ теперь Шерлока Холмса.

Перечитали они множество книгъ, но всѣхъ больше понравились: „Три мушкетера“, произведенія Жюля Верна, Фламмаріона и Шерлокъ Холмсъ.

Чтеніе захватываетъ, Роговъ нетерпѣливъ и часто бранитъ Сему:

— Да читай ты, читай, сдѣлай милость, нечего оглядываться на улицу, ничего хорошаго ты тамъ не увидишь! Идетъ мужикъ мякинное брюхо и думаетъ, какъ бы рублишко въ карманъ загнать, подороже продать да подешевле купить, и больше ничего...

Увлекается и не даетъ вздохнуть Семѣ:

— Ну, ну! Не тяни, братецъ мой, терпѣть не могу!

На интересныхъ мѣстахъ онъ не дышетъ или дышетъ такъ, точно погружается въ холодную воду, блеститъ глазами и сжимаетъ кулаки.

— Ахъ, ч-чертъ... чистый змѣй! Въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ! И ничего не боится!..

Потомъ, настроенный описаніями жизни, полной риска и борьбы, Роговъ предается воспоминаніямъ изъ своего недавняго пережитаго, необычайнаго времени.

— Да, братъ Сема, были люди — и я видалъ—настоящіе изъ литой стали, да еще, знаешь, такой—раскаленной, что искры сыпетъ! Къ чему ни притронется—зажжетъ, а остынетъ, такъ не погнешь. Настоящіе герои, львы, такіе, что подавай ему все, а не только, чтобы сахаръ былъ на копейку дешевле... Лавкой его не возьмешь, въ лавку его, братъ, не усадишь! Въ лавкѣ ему, думать надо, тѣсно было бы... Да-да,—были!.. Были да сплыли... И я, братъ Сема, пожилъ-таки малость... Бывалъ на возу и подъ возомъ'..

V.

Въ великомъ посту Роговъ досадилъ всему міру въ своемъ селѣ Столбищахъ.

Мужики на сходѣ постановили ходатайствовать о выдачѣ имъ продовольственной и сѣмянной ссуды, а Роговъ возсталъ противъ этого. Дѣйствительно, годъ былъ неурожайный и вездѣ въ другихъ обществахъ составляли приговоры съ ходатайствами, но, по мнѣнію Рогова, можно было обойтись, а главное, „противно" ему попрошайничество—мужики привыкли къ подачкамъ, попрошайничать, „нищаго корчить".

Съ нимъ вмѣстѣ кричали только Корегинъ да Данилычъ. Но тѣ только кричали: „не согласны", „не желаемъ!" а Роговъ „доказывалъ". И еслибы онъ доказывалъ на сходѣ промежъ себя, а то вѣдь дѣло было въ присутствіи земскаго начальника.

Мужики грозились или бока ему намять, или выбрать въ старосты. А послѣ этого на общемъ собраніи кредитнаго товарищества Рогова исключили изъ числа членовъ, какъ намѣренно вредящаго интересамъ кооператива.

Пріѣзжалъ на собраніе тотъ самый толстый инспекторъ, который отлично запомнилъ скуластую физіономію Рогова.

На собраніи на этотъ разъ Роговъ принялся разглагольствовать, между прочимъ, о томъ, что кооперація не объединяетъ людей, а разъединяетъ.

— Объединеніе... ха-хъ! Хорошо объединеніе: только то и дѣлаютъ, что учитаютъ, провѣряютъ да ревизуютъ; другъ за другомъ надзираютъ, выслѣживаютъ да шпіонятъ и всѣ другъ дружку подозрѣваютъ. Это я могу сказать, и будетъ вѣрно! Первымъ дѣломъ, провѣряющіе ничего не понимаютъ въ книгахъ и думаютъ, что Михайла путаетъ тамъ въ свою пользу, а члены-товарищи думаютъ, что провѣряющіе съ Михайломъ у одного костра руки грѣютъ, изъ одной чашки уху хлебаютъ. Ха! Развѣ не вѣрно? А потомъ члены между собой... другъ на дружку косятся, другъ у друга горшки считаютъ. Какъ же? Обязательно. Одному опредѣлили денегъ больше, другому меньше... Почему такое? Чѣмъ я хуже того? Ага, значитъ, на домъ къ банковымъ ходилъ... Напился, товарищъ?.. Хорошо. Деньги взялъ да и пропиваетъ, а намъ за него платить придется!,.

И все въ этомъ родѣ весьма неосновательно разсуждалъ Роговъ.

Инспекторъ—человѣкъ краснорѣчивый и ему не стоило большого труда доказать всю вздорность разсужденій Рогова, его недомысліе. И еще разъ затѣмъ разъяснилъ инспекторъ, какой вредъ приносятъ дѣлу такіе товарищи, какъ Роговъ:

— На безупречной репутаціи кредитнаго кооператива базируется развитіе важнѣйшихъ въ дѣлѣ вкладныхъ операцій...—вы-

разился онъ. И предложилъ исключить товарища Рогова, „ибо къ сожалѣнію, онъ неисправимъ и вредитъ дѣлу сознательно“...

Михайла пробовалъ защищать товарища, но безуспѣшно.

При баллотировкѣ за Рогова положили только три шара.

И ему предложили оставить собраніе.

Ушелъ Роговъ, улыбаясь ехидно, но и нѣсколько растерянно конфузливо.

— То-то... Это тебѣ не на сходѣ!—напутствовали его мужики.

— Да, это не сходъ, а скотъ,—отозвался Роговъ.

VI.

— При старикахъ жили лучше,—утверждаетъ Корегинъ, разсуждая въ праздничный день на лавочкѣ.

— Лучше, обязательно лучше, — немедленно присоединяется къ нему Роговъ.

— Просторнѣе жили, привольнѣе.

— Проще жили и правильнѣе.

— Почти что ничего крестьяны не покупали и, стало быть, не продавали.

— Во-отъ! Твоя правда, Трофимычъ! Въ этомъ вся штука.

— А то какъ же?—поглаживаетъ бороду Трофимычъ, довольный поддержкой Рогова, наконецъ-то встрѣтивъ единомышленника.— Я и говорю: еще при отцахъ—что мы покупали?.. Да ничего. Чай не пили, керосинъ не жгли, спички сами дѣлали, прочее — весь припасъ былъ свой. Одежа: рубахи, штаны были домотканные, прочные—въ лѣсу за сучекъ бывало задѣнешь, такъ сучекъ сломаешь, а не порвешь. Овчины свои, шерсть... придутъ бывало по зимѣ шерстобиты, а потомъ сукновалы верховые, наваляютъ сапоговъ, шляпъ, натопчутъ сукна... Покупали что... самую малость: крючки, пуговки, ну, сапоги кожаные покупали. Такъ сапоги не всѣ покупали и съ сапогами только къ обѣднѣ ходили: значитъ, у церкви, бывало, обувались, а до церкви ихъ въ рукахъ несли, потому съ непривычки не умѣли въ нихъ ходить, — то ли дѣло лапотки—да и не ладно ихъ дѣлали бывало—по полупуду сапогъ. Стало быть, не покупали ничего, ну и не продавали — все для себя потребляли. А теперя то покупаютъ, то продаютъ.

— Теперя — подхватываетъ Роговъ — всѣ кулачишки! Только объ этомъ и думаютъ, какъ бы продать да купить — объегорить; да нельзя ли гдѣ чего перепродать, перекупить, барышишка загнать, хотя бы на счетъ пьянаго или нищаго оборотъ сдѣлать. Всѣ торгуютъ да на счетахъ щелкаютъ, любого на базаръ въ лавку ставь, и навретъ, расхвалитъ и обманетъ, сколько угодно, въ лучшемъ видѣ, съ почтеніемъ!

— Купцы тоже... хмъ! хлѣбушко осенью продаютъ, а весной

его покупаютъ... Купцы! Яички продаютъ, масло... молоко, другъ, продаютъ!

— Кулачишки!.. И разговоръ охальный, лающій, и рожи озорныя.

— А, бывало, молочко за грѣхъ считали продавать. Маслице продавали, потому масло сработать надо, а молочко носили крестьянамъ, у которыхъ коровушки межмолокъ ходили, не доили, и бобыльскаго званія людямъ... Свои нищіе, бывало, не шатались подъ окнами, а только какіе пришлые, бродяжаго состоянія... Бывало, ежели человѣкъ при одиночествѣ, при старости или отъ болѣзней впалъ въ нужду, такъ ему носили на домъ, а для тайной милостыни онъ, бывало, полочку у окна волокового придѣлаетъ— ночью тутъ клали. Просторнѣе люди жили и не считали куски: если у меня нѣтъ, я у сосѣда займу... И не держали все на заперѣ, какъ теперя у насъ. Проще были, душевнѣе люди и Бога боялись...

— Нынче, братъ Трофимычъ, все на счету и на записи,—каркаетъ Роговъ, не уступаетъ Трофимычу, — нынче ежели у тебя нѣтъ, такъ у меня купи, а я поприжму тебя хорошенько, а въ другой разъ — твой чередъ, когда ко мнѣ нужда придетъ — ты не зѣвай. А занять — въ банкъ ступай, тамъ тебѣ кредиту дадутъ подъ проценты.

— Проценты за грѣхъ старики считали; про ростъ и въ писаніи сказано.

— Теперя не читаютъ писанія—опять подхватываетъ Роговъ.— Теперя газеты читаютъ, да какъ картошку разводить, про кооперацiи да операціи—какъ дешевле купить да дороже продать. Теперя, Трофимычъ, мы не знаемъ, что грѣхъ, что не грѣхъ. Со стариками еще можно сообразить, гдѣ, примѣрно, онъ тебѣ можетъ сдѣлать пакость, а гдѣ не покусится, не преступитъ, гдѣ ему точка, а съ нашимъ братомъ никакъ нельзя, никакихъ у насъ точекъ нѣтъ. Знаешь, лѣтомъ рѣдко бываютъ метели, а зимой— дожди, а промежъ зимы и лѣта бываетъ такое время, что нельзя угадать, дождикъ завтра пойдетъ или метель закрутитъ, — вотъ и мы живемъ промежду, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, отъ одного берега отплыли, къ другому не пристали...

— А есть такіе, Трофимычъ, люди... высокаго образованія — я видалъ—которому можно дать хоть сто, хоть тыщу рублей безъ всякой расписки!

— И бывало расписокъ не писали.

— Ежели, понимаешь, онъ дастъ честное слово, ну--шабашъ!

— Значитъ, тоже Бога боятся, и изъ господъ, значитъ, есть?— недоумѣваетъ Трофимычъ.

— Ну, они не изъ-за боязни, а изъ гордости, другъ... Гордость ему не позволяетъ сневѣжничать и правила... У нихъ, другъ, для жизни есть правила.

— Мы, бывало, по правиламъ жили.

— И бывало били — вѣрно. А нынче у мужиковъ купить да продать, не прозѣвать — вотъ и всѣ правила. И думаютъ нынче только объ этомъ, и разговоръ жульническій, и какъ только наживется мужикъ, сейчасъ у него выростетъ брюхо, а на брюхѣ жилетка съ цѣпочкой, пинжакъ да калоши... И больше ничего изъ него не выйдетъ.

— Пинжаки да жилетки, — подхватываетъ въ свою очередь Трофимычъ, — вотъ!.. отъ этого все и происходитъ. Бывало, этого не знали и жили просторнѣе. Нынче, гляжу я, зимой дуетъ, батюшки мои, свѣту вольнаго не видно! а мужики поѣхали... И ѣдутъ! А, бывало, зимой соберутся въ одну какую-нибудь избу попросторнѣе да сказки разсказываютъ да пѣсни поютъ. Вотъ какъ! Небось, вотъ нынѣшнихъ ни сказокъ, ни пѣсенъ нѣтъ, а всѣ онѣ старинныя.

— Вѣрно, Трофимычъ! Ну-е все къ шуту! Запѣвай-ка, братъ, пѣсню!—машетъ рукой Роговъ, неожиданно заканчивая дружный разговоръ.

— Хе, хе, хе!—застѣнчиво смѣется Трофимычъ.—Какую?

— Ну-ка, военную!

Трофимычъ забралъ бороду въ кулакъ, откашлялся и не заставилъ себя долго просить, занесъ:

„Ай да зашумѣ-ѣ-эла бѣ-ла-я бере-еза"

А Роговъ присоединился:

„Бе-ерезы-инька о-на за-шу-мѣ-ѣла".

Подхватили оба и грянули:

„О-на зашумѣ-ѣ-ѣла во всю те-мну но-очь,
„Е-е-э-ей-да... во всю темну ночь".

С. Матвѣевъ.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

3. Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

(Продолженіе).

V [1]).

Безусловная свобода отъ всякой частной зависимости, завоеванная въ моментъ освобожденія Малороссіи отъ польскаго владычества, если не всѣмъ малорусскимъ крестьянствомъ, то главной его массой, оказалась, какъ мы видѣли, не особенно продолжительной. На мѣсто тѣхъ старыхъ „пановъ", которыхъ знала страна при полякахъ, въ ней въ новыхъ условіяхъ ея существованія скоро выросли новые „паны", выдѣлившіеся изъ массы населенія въ качествѣ владѣльцевъ вновь образовавшихся имѣній. Рядомъ съ сравнительно немногочисленными имѣніями, сохранившимися со временъ польскаго владычества въ рукахъ православныхъ монастырей и уцѣлѣвшихъ отъ разгрома 1648—54 гг. остатковъ старой шляхты, въ странѣ, дѣйствительно, вскорѣ послѣ переворота Богдана-Хмельницкаго появилось большое количество новыхъ имѣній, создавшихся путемъ раздачи свободныхъ войсковыхъ поселеній въ ранговое и частное владѣніе, путемъ поселенія владѣльческихъ слободъ, наконецъ, путемъ скупли козацкихъ и посполитскихъ дворовъ. Въ результатѣ на опустѣвшее было мѣсто „ляцкихъ пановъ" выдвинулись „заслуженные и знатные малороссійскіе люди", въ свою очередь обратившіеся въ „пановъ" надъ малорусскимъ крестьянствомъ. Правда, права этихъ новыхъ пановъ на первыхъ порахъ были неизмѣримо скромнѣе, чѣмъ права прежнихъ, но все же и эти новые паны были владѣльцами имѣній, „державцами маетностей", а число имѣній, находившихся въ ихъ власти, быстро возростало. Если при первыхъ гетманахъ раздача свободныхъ войсковыхъ поселеній въ частное владѣніе совершалась еще въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ, то по мѣрѣ того,

[1]) См. „Русскія Записки", май.

какъ шло время, эта раздача пріобрѣтала все болѣе широкій размахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разъ отданныя въ частное владѣніе имѣнія все прочнѣе закрѣплялись за своими владѣльцами. Съ другой стороны, все увеличивавшееся могущество слагавшагося изъ козацкой старшины владѣльческаго класса, прочно подчинившаго себѣ быстро слабѣвшую гетманскую власть, повело къ тому, что и имѣнія „ранговыя", предназначенныя первоначально служить исключительно вознагражденіемъ за службу на томъ или иномъ „урядѣ", въ той или иной должности, стали все чаще переходить въ частное владѣніе. Такимъ образомъ владѣльческія имѣнія росли безостановочно и ростъ ихъ происходилъ одновременно на счетъ свободныхъ войсковыхъ поселеній и на счетъ ранговыхъ имѣній, начавшихъ распадаться даже раньше, чѣмъ выработались для нихъ вполнѣ законченныя и опредѣленныя формы.

Чаще всего такое распаденіе выражалось въ томъ, что ранговыя имѣнія переходили въ частное владѣніе тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ они были первоначально отданы во временное пользованіе „на рангъ", т. е. на время службы въ той или иной должности. Болѣе или менѣе вліятельный въ „войскѣ" членъ старшины, получивъ отъ полковника или гетмана какую-либо маетность „на рангъ" и продержавъ ее нѣкоторое время за собою, затѣмъ нерѣдко безъ особаго труда добивался того, что та же маетность давалась ему „въ спокойное владѣніе". Съ этого момента ранговая маетность обращалась въ частновладѣльческую и, хотя въ дальнѣйшемъ она могла быть возвращена въ число ранговыхъ имѣній, но на практикѣ это бывало не особенно часто и, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ рѣже становились случаи такого возвращенія. Такимъ путемъ немалое количество свободныхъ селъ, первоначально розданныхъ полковниками и гетманами „на рангъ", затѣмъ, въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка, перешло въ частное владѣніе.

Наряду съ этимъ нерѣдки были однако и такіе случаи, что село, отданное „на рангъ" одному лицу, позже переходило въ частное владѣніе другого, располагавшаго бо̀льшимъ вліяніемъ или большею властью. Села Голубовку и Каменку въ Стародубовскомъ полку—разсказывали въ 1729 г. „старожильцы и родимцы" с. Голубовки—„осажовалъ Черняй, будучій на тотъ часъ сотникъ новгородскій, на короговъ и владѣлъ оними, а напотомъ померъ, и послѣ его, Черняя, смерти владѣлъ оною Голубовкою и Каменкою сотникъ же новгородскій Константій Карноухъ; а по смерти Карноуха тими же селами Голубовкою и Каменкою владѣлъ Стягайло, будучи сотникомъ новгородскимъ же, и во время владѣнія Стягайлового мужики села Каменки, не схотѣвши подъ сотникомъ Стягайлою жити, просили Митлашевского, полковника стародубовского, щобъ ихъ принялъ во свое владѣніе; и онъ. Митлашевскій, при-

нявши оную Каменку к себѣ, владѣлъ оною до смерти; а послѣ оною же Каменкою владѣлъ полковникъ стародубовскій Лукянъ Жоравко и, владѣючи, отдалъ синови своему Григорію Жоравченку, на которую виправилъ унѣверсалъ гетманскій, а по универсалу грамотою ствержено его императорского величества" [1]). Въ данномъ случаѣ село, возникшее въ качествѣ рангового владѣнія сотника [2]) и остававшееся такимъ владѣніемъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, перешло сперва въ ранговое же владѣніе полковниковъ и уже затѣмъ въ частное владѣніе одного изъ нихъ. Въ другихъ случаяхъ подобный переходъ въ частное владѣніе совершался болѣе непосредственно. Такъ, въ Черниговскомъ полку сс. Слабинъ, Андреевка, Шостовица и дд. Козороги, Гнилуша и Золотинка, согласно показанію ихъ старожиловъ въ 1729 г., сперва „были во владѣніи у сотниковъ слабинскихъ, а послѣ завладѣлъ оными селами полковникъ черниговскій Яковъ Лизогубъ". Послѣднему эти села и деревни были даны по царскому указу гетманомъ Мазепой въ 1689 г. и въ слѣдующемъ году утверждены царской грамотой „въ отчину" [3]). Случалось, далѣе, порою и такъ, что тотъ или иной полковникъ уступалъ одно изъ находившихся въ его ранговомъ владѣніи селъ въ частное владѣніе кому-либо изъ членовъ подвѣдомственной ему старшины. Въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ практиковали подобную раздачу своихъ ранговыхъ имѣній въ частное владѣніе гетманы. Такъ, напримѣръ, посполитское населеніе всего Гадяцкаго полка еще въ 1662 г. было приписано „на гетманскую булаву", но это нисколько не помѣшало гетманамъ, начиная уже съ Многогрѣшнаго, раздавать села и деревни въ этомъ полку въ частное владѣніе тѣмъ же самымъ порядкомъ и на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ раздавали ихъ они и во всѣхъ остальныхъ полкахъ. Благодаря такой раздачѣ количество частновладѣльческихъ имѣній все болѣе выростало за счетъ соотвѣтственнаго сокращенія имѣній ранговыхъ.

Но еще больше разростались частновладѣльческія имѣнія благодаря раздачѣ державцамъ свободныхъ войсковыхъ поселеній. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше высвобождались войсковыя власти изъ-подъ контроля широкихъ массъ населенія, тѣмъ болѣе энергичнымъ темпомъ совершалась такая раздача. И если уже въ гетманство Самойловича возможна была отдача свободныхъ поспо-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 469.

[2]) „Осадить на короговъ" какое-либо село значило поселить его „на рангъ" сотника. Сотенная „короговъ" (хоругвь, знамя) являлась знакомъ власти сотника; она и хранилась обычно въ домѣ сотника и лишь въ случаѣ смѣны послѣдняго, не сопровождавшейся немедленнымъ назначеніемъ другого лица на сотничій „урядъ", временно отдавалась на храненіе въ церковь.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскако полка сс. 11-12, 260—64.

литыхъ въ подданство священнику въ награду за вѣжливость и гостепріимство, проявляемыя имъ по отношенію къ проѣзжимъ людямъ [1]), то въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв., при Мазепѣ и Скоропадскомъ, отдача свободныхъ селъ въ частное владѣніе нерѣдко мотивировалась еще болѣе простыми соображеніями. Такъ, напримѣръ, ректоръ кіевскаго Богоявленскаго Братскаго монастыря въ 1692 г. обратился къ Мазепѣ съ просьбою дать названному монастырю какое-нибудь сельцо въ ивангородской сотнѣ Нѣжинскаго полка, такъ какъ въ этой сотнѣ „найдуется ихъ монастырскій хуторъ". И гетманъ, „склонившися до его, отца ректора съ братіею, просьбы, а респектуючи на тотъ монастырь Братскій, всей Малороссіи потребный, для того, что въ немъ цвѣченіе (обученіе) всякому зъ малороссійскихъ дѣтей хотячому учитися походитъ", далъ монастырю „до ласки войсковой" с. Белмачовку въ ивангородской сотнѣ [2]). Такимъ образомъ монастырь просилъ и получилъ отъ гетмана село на томъ основаніи, что уже имѣлъ въ данной мѣстности свой хуторъ. И такой результатъ имѣли просьбы не одного только Кіево-Братскаго монастыря, который, дѣйствительно, игралъ немаловажную роль въ дѣлѣ просвѣщенія Малороссіи. Не менѣе легко получали нерѣдко свободныя села отъ войсковыхъ властей и другіе монастыри, какъ старые, такъ и вновь возникавшіе.

Столь же просто получались часто свободныя села и свѣтскими державцами. Въ 1689 г. „знатный войсковой товарищъ" Федоръ Сулима, у котораго во время его участія въ крымскомъ походѣ „погорѣлъ его домъ зъ многими господарскими набытками", обратился къ гетману Мазепѣ съ просьбою—„для вспартя господарского" (для поддержки въ хозяйствѣ) и въ вознагражденіе за погибшее въ пожарѣ имущество дать ему два села въ Переяславскомъ полку, Кальное и Старое. Гетманъ съ своей стороны нашелъ вполнѣ возможнымъ исполнить эту просьбу и въ результатѣ Сулима въ вознагражденіе за сгорѣвшій домъ получилъ въ свое владѣніе два села [3]). Конечно, на полученіе имѣній по такимъ мотивамъ могъ разсчитывать не всякій членъ старшины. За то болѣе вліятельнымъ ея членамъ гетманъ не находилъ возможнымъ отказывать въ просьбахъ объ имѣніяхъ даже тогда, когда удовлетвореніе этихъ просьбъ представлялось крайне затруднительнымъ. Въ 1694 г. Мазепа далъ с. Старое Почепище въ почепской сотнѣ Стародубовскаго полка Андрею Лизогубу, мотивировавъ это „знатными услугами" его отца, генеральнаго хорунжаго Ефима Лизогуба, и тестя, стародубовскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Но въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ

[1]) См. „Русскія Записки", мартъ, с. 187.

[2]) Памятники, изд. врем. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, II, отд. I, № 28.

[3]) Мотыжинскій Архивъ, К., 1890, № 4.

въ сраженіи со шведами и вслѣдъ затѣмъ Мазепа отобралъ Старый Почепъ у Лизогуба. Въ данномъ по этому поводу универсалѣ гетманъ объяснялъ, что „за время управленія Стародубовскимъ полкомъ Миклашевскаго всѣ села, какія принадлежали къ ратушѣ г. Почепа, розданы державцамъ; осталось едва-ли не послѣднее село Старый Почепъ, но и то отдано было Андрею Лизогубу, по настоятельнымъ просьбамъ его тестя, и, вслѣдствіе такой раздачи ратушныхъ селъ, населеніе г. Почепа окончательно обнищало". Поэтому гетманъ счелъ необходимымъ „скасовать" выданный раньше Андрею Лизогубу универсалъ и возвратить с. Старый Почепъ почепской ратушѣ, чтобы „почепскіе жители на своихъ одержалися осѣдлостяхъ и свои недостатки привели до полности" [1]. Такимъ образомъ даже полное почти отсутствіе свободныхъ селъ въ сотнѣ не помѣшало Мазепѣ исполнить просьбу вліятельнаго полковника о дачѣ маетности его зятю и только со смертью этого полковника гетманъ рѣшился отобрать эту маетность обратно. Столь же легко совершалась раздача свободныхъ войсковыхъ поселеній и при Скоропадскомъ и столь же откровенно-примитивна бывала подчасъ и при немъ мотивировка этой раздачи. Въ 1715 г. Скоропадскій далъ „въ вѣчистое владѣніе" своему брату, Павлу Скоропадскому, с. Рудковку съ имѣвшейся въ ней плотиной и мельницами. Черезъ годъ гетманъ прибавилъ къ этой надачѣ новую— людей, жившихъ на другой сторонѣ упомянутой плотины,—и мотивировалъ эту новую надачу своимъ желаніемъ содѣйствовать болѣе спокойной жизни посполитыхъ. „Яко передъ симъ — писалъ онъ въ своемъ универсалѣ—рожоному нашему пану Павловѣ село Рудковку въ маетность надали, такъ теперъ еще и людей, на томъ боку греблѣ около гути пустой мешкаючихъ, якіе, тамъ поблизу и въ одномъ грунтѣ осѣвши, заводи и турбаціи (споры и раздоры) зъ староселцами чинять, для спокойнѣйшого помешкання (проживанья) подъ едно владѣніе ему жъ, рожоному нашему, до помянутой его маетности Рудковки опредѣляемъ, позволяючи всякое належитое отъ нихъ отбирати послушенство" [2]. Споръ изъ-за земли между сосѣдними крестьянами, изъ которыхъ одни находились уже въ частной зависимости, а другіе оставались еще свободными, былъ такимъ образомъ разрѣшенъ отдачей въ подданство и этихъ послѣднихъ и гетманъ, увеличивъ такимъ способомъ имѣніе своего брата, находилъ возможнымъ объяснять это увеличеніе необходимостью установить „болѣе спокойное проживаніе" крестьянъ. Наряду съ этимъ въ другихъ случаяхъ, отдавая свободныя села въ частное владѣніе, Скоропадскій не пытался и скрывать, что единственнымъ мотивомъ для такой отдачи служила обращенная къ нему просьба, которой онъ съ своей стороны даже не провѣрялъ

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Люди старой Малороссіи, К. 1882, сс. 9-10.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, сс. 616-17

Такъ, по просьбѣ управляющаго („господаря") гетманскихъ имѣній Ивана Даровскаго, Скоропадскій далъ было ему сс. Кулаги и Суботовичи въ Стародубовскомъ полку, довѣрившись заявленію Даровскаго, что эти села „въ малолюдствіи найдуются". Затѣмъ однако с. Кулаги стали просить у гетмана и другія лица, а отъ стародубовскаго магистрата онъ узналъ, что „въ томъ селѣ войтовство цѣлое зостаетъ". Тогда онъ написалъ Даровскому, упрекая его въ обманѣ и требуя возврата данныхъ селъ. „Чрезъ сей нашъ листъ— писалъ гетманъ своему управляющему—приказуемъ вамъ, абысте (чтобы вы), жадного въ помянутыхъ оныхъ селахъ не заводячи господарства и не чинячи заводу, иншого якого селца усмотривали а можете и слободою едною до ласки нашой контентоватися" [1]. Дальше этой угрозы, впрочемъ, дѣло не пошло и какъ Кулаги, такъ и Суботовичи остались во владѣніи Даровскаго. Но Даровскій, конечно, былъ не единственнымъ человѣкомъ, которому Скоропадскій давалъ имѣнія, считаясь лишь съ его просьбой и не провѣряя послѣдней никакими другими источниками. Наоборотъ, то, что было возможно по отношенію къ скромному гетманскому „господарю", было еще болѣе возможно для болѣе или менѣе видныхъ членовъ старшины. И послѣдніе при Скоропадскомъ, дѣйствительно, не могли пожаловаться на чрезмѣрную скупость и осторожность гетмана въ надѣленіи ихъ имѣніями.

Но только что разсказанный эпизодъ полученія имѣній Даровскимъ вскрываетъ передъ нами и другую характерную черту эпохи. Гетманскій „господарь" несъ на себѣ частную, а не „войсковую" службу и вознагражденіе его за эту службу маетностями являлось въ сущности отступленіемъ отъ обычнаго порядка ихъ раздачи, возможнымъ только на почвѣ постепенно установившейся безконтрольности войсковыхъ властей въ дѣлѣ распоряженія свободными имѣніями. Однако такого рода отступленія практиковались и до Скоропадскаго, и притомъ практиковались не одними только гетманами. Случалось, что полковники давали маетности своимъ домовымъ писарямъ. Случалось также подъ конецъ XVIII-го вѣка, что полковники надѣляли маетностями не только своихъ сыновей, но и дочерей. Такъ, переяславскій полковникъ Степанъ Томара отдалъ въ подданство своей дочери Евдокіи с. Каленики и гетманъ Скоропадскій съ своей стороны подтвердилъ ей это село „въ зуполную моцъ и владѣніе", позволивъ „зъ тамошнихъ посполитыхъ людей всякіе подданскіе повинности и послушенства отбирати" [2]. Въ свою очередь не свободны были отъ родственныхъ соображеній въ дѣлѣ раздачи маетностей и гетманы. Уже Самойловича современники упрекали въ томъ, что онъ въ

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, сс. 372-3.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Румянц. Музея, № 1.159, документы, № 69.

годы своего гетманства надѣлилъ своихъ сыновей черезчуръ богатыми маетностями. Подобнымъ же образомъ Мазепу укоряли въ томъ, что онъ, не считаясь съ интересами населенія, отдавалъ свободныя села во владѣніе своей матери, поступившей въ монахини. Такъ, войтъ и мѣщане м. Баришевки въ 1709 г. жаловались Скоропадскому, что „Мазепа, бывшій гетманъ, чинячи матери своей волю, надъ право и слушность (справедливость), отнявши отъ города ихъ села Селичовку и Морозовку, далъ былъ оной во владѣніе“, и просили вернуть эти села къ городу. И Скоропадскій, „респектуючи на тое мѣсто Баришовку, до того уважаючи (къ тому же обращая вниманіе) на неменшие того мѣста росходы и тяжары“, возвратилъ названныя села „въ первобытное владѣніе“ къ м. Баришевкѣ, поставивъ лишь условіе, чтобы „войтъ баришовскій и иные по немъ мѣские (городскіе) урядники тихъ селъ войтовъ и посполитихъ тамошнихъ людей до якихъ своихъ приватныхъ домовыхъ не притягали работизнъ“ [1]). Самъ Скоропадскій однако въ свою очередь не упускалъ случая надѣлить маетностями своихъ родственниковъ и свойственниковъ и роздалъ такимъ образомъ въ частное владѣніе немало свободныхъ селъ.

Бывали, наконецъ, и такіе случаи, когда тотъ или иной полковникъ, пользуясь своею властью, забиралъ въ свое частное владѣніе какое-либо свободное поселеніе или даже владѣльческое село. Въ Черниговскомъ полку зятемъ гетмана Многогрѣшнаго, козакомъ Политикой, была поселена деревня Рудня. По смерти Политики—разсказывали въ 1729 г. мѣстные сторожилы —„той деревни люде были въ вѣдомствѣ ратуши седневской до полковничества Борковского, который, при своемъ полковничествѣ, завладѣвши оною деревнею, оставилъ по себѣ и сыну своему въ наслѣдіе“ [2]). Не менѣе рѣшительно вели себя при случаѣ и другіе полковники. Въ 1709 г. полтавскій Воздвиженскій монастырь получилъ отъ Скоропадскаго с. Вакулинцы, причемъ гетманъ далъ монахамъ это село, какъ писалъ онъ въ своемъ универсалѣ, „до воли монаршой и нашой и ласки войсковой“. Однако на то же село позарился и полтавскій полковникъ Иванъ Черникъ. Сперва онъ просилъ себѣ его у гетмана, причемъ передъ гетманомъ же обѣщалъ дать монастырю взамѣнъ Вакулинецъ другое село, а затѣмъ, купивши подъ Вакулинцами принадлежавшія раньше Герцику земли съ сидѣвшими на нихъ людьми, „заѣхалъ былъ собѣ во владѣніе и самое село Вакулинцы“, послѣ чего обѣщанія своего дать

---

[1]) Мотыжинскій Архивъ, № 74, с. 141. Въ 1717 г. баришевскіе мѣщане вновь жаловались гетману, что „покойный п. Томара, полковникъ переяславскій, однявши одъ ратуши ихъ с. Морозовку, отдалъ былъ небожчику п. Магеровскому, которимъ онъ ажъ до смерти своей владѣлъ“, и просили вернуть это село къ ратушѣ „въ помощь къ отбуваню уставичнихъ мѣскихъ расходовъ“. Гетманъ опять-таки исполнилъ эту просьбу,—тамже, № 76, с. 143.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, с. 91.

монастырю другое село „не исполнилъ и Вакулинецъ уже уступити не похотѣлъ". Монастырь обратился тогда съ жалобой къ гетману и послѣдній возвратилъ ему Вакулинцы, обязавъ лишь монаховъ не касаться до тѣхъ людей, которые жили на купленныхъ Чернякомъ земляхъ [1]). Черняку такимъ образомъ не удалось удержать за собою забранное было имъ село, но вмѣстѣ съ тѣмъ его попытка столь простымъ способомъ увеличить свои имѣнія не повлекла для него за собою и никакихъ непріятныхъ послѣдствій въ видѣ какой-либо кары со стороны высшей власти. Аналогичныя же попытки другихъ полковниковъ порою давали для нихъ вполнѣ благопріятные результаты.

При неопредѣленности отношеній, установившихся въ малорусскомъ землевладѣніи на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ въ сущности не легко было и провести точную грань между закономѣрными и незакономѣрными дѣйствіями войсковыхъ властей. До той поры, пока полковники и гетманы находились подъ дѣятельнымъ контролемъ избиравшаго ихъ населенія и болѣе или менѣе точно отражали въ своихъ дѣйствіяхъ его волю, ихъ широкія полномочія въ дѣлѣ раздачи и отбора маетностей находили себѣ естественныя ограниченія въ этой волѣ. Но широкія массы населенія уже очень скоро утратили возможность непосредственнаго воздѣйствія на высшія войсковыя власти и послѣднія, выйдя изъ-подъ контроля этихъ массъ, замкнулись въ кругѣ собственныхъ интересовъ. Съ другой стороны, „верховный властитель" Малороссіи—гетманъ, очень рано сбросившій съ себя зависимость отъ широкихъ массъ козачества и крестьянства, въ результатѣ подпалъ подъ еще болѣе прочную зависимость отъ тѣснаго круга старшины, сумѣвшей къ тому же использовать для ограниченія гетманской власти надъ собою и силу московскаго правительства, которое съ своей стороны не прочь было содѣйствовать ослабленію могущества гетмана, разсчитывая тѣмъ самымъ надежнѣе привязать Малороссію къ Москвѣ. Въ условіяхъ создававшагося такимъ путемъ разъединенія высшихъ войсковыхъ властей съ массою населенія тѣ полномочія, какими располагали первыя въ дѣлѣ раздачи и отбора имѣній, естественно, могли явиться источникомъ немалыхъ злоупотребленій. Такъ оно, дѣйствительно, и случилось на практикѣ и такія злоупотребленія принимали тѣмъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ дальше продвигалось это разъединеніе власти съ населеніемъ и чѣмъ напряженнѣе становилась погоня слагавшагося въ Малороссіи владѣльческаго класса за имѣніями и связаннымъ съ ними невольнымъ трудомъ крестьянъ. Въ этой погонѣ, проявившейся сейчасъ же послѣ отдѣленія Мало-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Румянц. Опись, св. 43; рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та), п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы", № 14.

россіи отъ Польши и постепенно все болѣе развивавшейся, отдѣльные владѣльцы уже очень рано стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ, начиная съ выпрашиванія имѣній у властей обманнымъ путемъ, продолжая составленіемъ подложныхъ документовъ, якобы дававшихъ права на имѣнія, и кончая открытымъ насиліемъ и прямымъ захватомъ въ свое „подданство" тѣхъ или иныхъ селъ либо той или иной части ихъ населенія. И къ такого рода средствамъ прибѣгали одинаково какъ свѣтскіе, такъ и духовные владѣльцы, какъ члены козацкой старшины, такъ и монастыри съ стоявшими во главѣ ихъ игуменами, архимандритами и епископами.

Въ 1670 г. нѣжинскій магистратъ жаловался Артамону Матвѣеву, вѣдавшему въ то время въ Москвѣ дѣлами Малороссіи, на захватъ магистратскихъ имѣній черниговскимъ архіепископомъ. „Святый отецъ, архіепископъ черниговскій и новгородскій,—писалъ магистратъ—начальнѣйшимъ нашимъ досадителемъ есть: на войтово сельцо Плоское наступаетъ, а у писаря нашего бѣдного сельцо Шатрищо какъ отвелъ, и по се время отдати не изволитъ". Плоское нѣжинскому магистрату удалось вернуть во владѣніе своихъ войтовъ, но Шатрищи такъ и остались за монахами [1]). Подобныя же „досадительства" со стороны монастырей испытывало подчасъ населеніе и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи. О лежавшихъ въ Кіевскомъ полку сс. Карпиловкѣ, Выповзовѣ, Лутавѣ и Косачовкѣ ихъ старожилы въ 1729 г. разсказывали: кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ „на прошеніе монаховъ Кіево-Братскаго монастира ордеромъ своимъ обивателемъ карпиловскимъ приказалъ, абы до монастира Братского на опалъ (отопленіе) дровъ привезти плитами, которій ордеръ монахи Кіево-Братского монастира взявши, у змѣнника Мазепи по оному на с. Карпиловку и на уездніе села в подтвержденіе и в содержаніе тѣхъ селъ унѣверсалъ мимо вѣдома полковника и старшини полковой подступно (обманно) виправили, и до сихъ поръ оними селами владѣютъ" [2]). Не менѣе удачно устроилъ свои земельныя дѣла батуринскій Крупицкій монастырь. На основаніи „привилея", даннаго ему еще при полякахъ короннымъ канцлеромъ Оссолинскимъ, и „листа", полученнаго якобы отъ новоградскаго и уладовскаго старосты Пѣсочинскаго, этотъ монастырь успѣлъ добиться отъ первыхъ же гетмановъ ряда подтвердительныхъ универсаловъ. При этомъ первоначально въ этихъ универсалахъ владѣнія монастыря подтверждались въ очень общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ,

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., IX, № 74, с. 295; Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, сс. 73-4; А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, с. 225; у Лазаревскаго с. Шатрищи ошибочно показано принадлежавшимъ съ самаго начала Спасскому монастырю.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 5.

а затѣмъ мѣсто этихъ общихъ выраженій постепенно заняли точныя названія опредѣленныхъ селъ, посполитые которыхъ и попали такимъ образомъ въ „подданство" къ Крупицкому монастырю. Между прочимъ, универсаломъ Богдана Хмельницкаго, даннымъ названному монастырю въ 1656 г., ему было подтверждено, согласно пожалованію Пѣсочинскаго, Спасское поле, принадлежавшее къ монастырьку св. Спаса. Повидимому, подъ этимъ монастырькомъ разумѣлся именно Крупицкій монастырь, который сперва именовался Спасскимъ и лишь позже назвался Николаевскимъ, а Спасское поле должно было обозначать угодье, принадлежавшее къ этому монастырю. Однако въ царской грамотѣ, данной Крупицкому монастырю въ 1689 г. въ подтвержденіе гетманскихъ универсаловъ, въ числѣ его владѣній названо было, очевидно, со словъ самихъ монаховъ, уже не просто Спасское поле, а село Спасское Поле. Такого села вовсе не существовало, но въ глуховской сотнѣ Нѣжинскаго полка было многолюдное село Спасское и около него имѣлась служившая жителямъ этого села и нѣкоторыхъ окрестныхъ церковь во имя Спаса, никогда, впрочемъ, не бывшая монастыремъ и не находившаяся подъ властью батуринскихъ монаховъ. Это послѣднее обстоятельство не помѣшало однако Крупицкому монастырю предъявить притязанія какъ на упомянутую церковь съ принадлежавшими къ ней угодіями, такъ и на самое село Спасское и въ концѣ концовъ, правда, послѣ довольно долгаго спора, завладѣть той и другимъ [1]). И подобные пріемы добыванія маетностей пускались въ ходъ не однимъ лишь Крупицкимъ монастыремъ: въ документахъ, обезпечивавшихъ собою владѣнія другихъ монастырей, порою также не все обстояло благополучно [2]).

Не меньшую энергію и изобрѣтательность проявляли подчасъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія имѣній и свѣтскія лица. И они, случалось,

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 268—270 446-9.

[2]) Черниговскій Катедральный монастырь, ведя въ 1715 г. въ судѣ дѣло о разграниченіи принадлежавшаго ему с. Козла съ с. Осняками, давалъ своему повѣренному, между прочимъ, такую инструкцію: „грамоты прочтѣте, где написано Козелъ и езуицкіе и доминиканскіе маетности и кгрунты, тое назначѣть. А всѣхъ грамотъ цѣлыхъ передъ судомъ читати не треба, да не соблазнятся". Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центр. Архивъ, № 1616/2862, л. 15 об. Въ земельномъ спорѣ, происходившемъ въ 1767 г. между Гамалѣевскимъ и Черниговскимъ Катедральнымъ монастырями, послѣднимъ изъ нихъ былъ представленъ актъ разграниченія земель въ 1649 г., подписанный киселевскимъ сотникомъ Савой. Повѣренный Гамалѣевскаго монастыря отвергалъ однако подлинность этого акта. „Ибо—писалъ онъ—оное мнимое Катедрою ограниченіе не в такую древность состоялось, в которую законовъ никакихъ не было, дабы ему такъ беззаконно составленному быть, но в то время, какъ оно написано, хотя не краснорѣчивыми, обаче законными Малороссія управляема была предѣлами". Тамже, № 1616/524.

добивались имѣній путемъ обмана, давая невѣрныя свѣдѣнія тѣмъ властямъ, отъ которыхъ зависѣла раздача маетностей. Управлявшій имѣніями Скоропадскаго Даровскій, какъ мы видѣли, получилъ въ свое владѣніе богатое и многолюдное село, увѣривъ гетмана, будто рѣчь идетъ лишь о маленькомъ сельцѣ. Пускались въ ходъ для завладѣнія селами и другіе пріемы. Такъ, о находившемся въ Кіевскомъ полку с. Омельяновѣ мѣстные старожилы въ 1729 г. разсказывали, что оно „прежде войсковое было, а минувшого 1713 года мимо вѣдома полковника и старшины полковой кіевской войтъ кіевскій Полоцкій оное только для сооруженія церкви у гетмана Скоропадского выпросилъ и, не соорудивши оной церкви, напрасно до сихъ поръ онымъ селомъ владѣетъ“ [1]). Благодаря подобнымъ же пріемамъ попали въ частное владѣніе свѣтскихъ державцевъ и нѣкоторыя другія села, но еще большее количество ихъ переходило въ такое владѣніе путемъ откровенныхъ захватовъ со стороны членовъ войсковой старшины, пользовавшейся для этого своей властью надъ населеніемъ.

Какъ просто производились порою уже въ концѣ XVII вѣка такіе захваты и какъ легко сходили они съ рукъ своимъ виновникамъ, можетъ показать хотя бы слѣдующій случай. Въ 1688 г. гетману Мазепѣ была подана жалоба на переяславскаго полкового писаря Михаила Мокіевскаго, который, завладѣвъ въ своемъ полку, съ одной стороны, принадлежавшимъ Сулимамъ с. Кучаковомъ, съ другой, „всѣмъ городомъ Баришполемъ“, тамъ и здѣсь чинилъ великія обиды людямъ, требуя ихъ на работы по постройкѣ своего дома и по другимъ своимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Мазепа внялъ этой жалобѣ и отправилъ Мокіевскому увѣщательный „листъ“. „Чрезъ сей листъ нашъ—писалъ гетманъ—упоминаемъ и приказуемъ вамъ, абисте конечне до того села помененного не втручалися (вмѣшивались) и въ городѣ Баришполѣ з людми якъ найскромнѣй обходилися, наймнѣй (наименьше) нѣ в чомъ онимъ не прикрачися (не дѣлая обидъ), кдижъ (такъ какъ) що люде мовчать и вамъ мусять подлегати (должны подчиняться), то они, не васъ гледячи, терпливе тое сносятъ, але (но) на насъ, рейментара. А такъ, если хочешь будоватися (строиться) и що колвекъ (что бы то ни было) собѣ чинити, то за грошъ свой наймаючи справу (работу), а не вигономъ панщанъ, якобы чрезъ тое ваше непотребное людемъ наприкрене намъ самимъ неславы не было и поговору отъ тихъ же людей, сроro, пилно (настоятельно) и сурово упоминаемъ и приказуемъ вамъ“ [2]). Такимъ образомъ попытка полкового писаря захватить въ свое владѣніе принадлежавшее уже другому державцѣ село и цѣлое свободное мѣстечко повлекла за собою со

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 6.

[2] Сулимовскій Архивъ, К. 1884, сс. 24—5.

стороны гетмана лишь выговоръ и приказъ вернуть захваченное. Но дѣйствія Мокіевскаго уже въ средѣ современной Мазепѣ старшины вовсе не представляли собою рѣзкаго исключенія и подобныя же попытки сплошь и рядомъ дѣлались и другими лицами. Въ 1703 г. войтъ и мѣщане г. Полтавы жаловались Мазепѣ, что „за нераденнемъ и нестроениемъ бившой полковницкой власти не тилко порядки мѣские (городскіе) попсовалися (испортились), посполитие люде значнѣйшие и можнѣйшие протекциею войсковой старшины, себѣ свойственой, от общой тяглости уволненніи востали, лечъ (но) и многие до ратуша и добра городового посполитого (общаго) належачие угодия в руки неналежние одойшлы, наветь (даже) и людмы, такъ в самомъ городѣ Полтавѣ, яко и в селахъ, до города належачихъ, многие з духовнихъ и свѣтскихъ особъ завладѣли и от посполитой тяглости отторгнулы, яко то панъ Искра, бившій полковникъ, тридцять человѣка мѣскихъ, у Крутого Берега зостаючихъ, попъ Спасскій полтавскій в самомъ городѣ 20 человѣка, Алексѣй Чернякъ в Олшаной болшъ от семидесятъ человѣка в свою неналежную область одобрали". Въ отвѣтъ на эту жалобу Мазепа опять-таки выразилъ порицаніе тѣмъ лицамъ, на которыхъ она была принесена, и предписалъ имъ освободить захваченныхъ ими подъ свою власть людей, а другимъ членамъ старшины приказалъ воздерживаться отъ подобныхъ захватовъ [1]). Подобные же приказы повторялись Мазепою и въ другихъ случаяхъ. Но уже одно то обстоятельство, что гетману приходилось повторять такіе приказы, обращаясь къ старшинѣ то одного, то другого полка, указываетъ на не особенно большое значеніе этихъ приказовъ на практикѣ. И, дѣйствительно, не всегда гетману удавалось достигнуть даже такихъ результатовъ, какъ въ только что разсказанныхъ случаяхъ, когда онъ все-таки уничтожилъ произведенные было захваты свободныхъ селъ. Бывало, что приказы гетмана на счетъ уничтоженія подобныхъ захватовъ оставались и безрезультатными, а бывало и такъ, что самъ гетманъ мирился съ захватомъ того или иного села, произведеннымъ кѣмъ-либо изъ особо вліятельныхъ членовъ старшины, и утверждалъ за нимъ захваченное имѣніе своимъ универсаломъ. Такимъ образомъ и этотъ путь погони за имѣніями въ свою очередь далъ отдѣльнымъ представителямъ владѣльческаго класса кой-какіе ощутительные результаты, не вполнѣ безразличные и для общей эволюціи владѣльческаго имѣнія въ гетманской Малороссіи.

Основнымъ фактомъ этой эволюціи, какъ мы видѣли, уже въ XVII вѣкѣ явилось быстрое разростаніе частновладѣльческихъ имѣній. Раздача свободныхъ войсковыхъ селъ въ частное владѣ-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та) п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы", № 1.

ніе, переходъ ранговыхъ имѣній въ частныя, поселеніе владѣльческихъ слободъ, скупля и захватъ владѣльцами отдѣльныхъ дворовъ и цѣлыхъ селъ свободныхъ, магистратскихъ и ранговыхъ посполитыхъ, все это были лишь различныя стороны, а иногда различныя ступени одного и того же общаго процесса, приводившаго въ конечномъ результатѣ къ росту владѣльческихъ имѣній. И уже къ моменту вступленія въ гетманство Мазепы этотъ ростъ принялъ настолько серьезные размѣры, что въ низахъ населенія появилось настойчивое желаніе остановить его. Масса малорусскаго населенія почувствовала, что въ лицѣ все увеличивающагося класса державцевъ надъ ней выростаетъ грозная и опасная сила, и это чувство нашло себѣ выходъ въ яркихъ вспышкахъ ненависти къ „новымъ панамъ".

Вслѣдъ за низложеніемъ Самойловича въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи вспыхнули волненія, направленныя противъ державцевъ, и кое-кто изъ послѣднихъ поплатился въ этихъ волненіяхъ не только имуществомъ, но и жизнью. Вскорѣ нашелся и человѣкъ, который попытался слить эти разрозненныя волненія въ одно цѣльное и опредѣленное народное движеніе. Войсковой канцеляристъ Петрикъ бѣжалъ въ Запорожье, оттуда перебрался въ турецкія владѣнія и, провозгласивъ себя гетманомъ, сталъ посылать въ Малороссію универсалы, призывая населеніе къ возстанію противъ Мазепы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ московскаго правительства. И, когда Мазепа приступилъ къ организаціи сопротивленія готовившейся попыткѣ возстанія, онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что то недовольство сложившимся въ Малороссіи положеніемъ дѣлъ, выразителемъ котораго взялся быть неожиданный претендентъ на гетманскую булаву, раздѣляется и другими лицами. Запорожскій кошевой Гусакъ, увѣряя гетмана, что запорожцы не пойдутъ за Петрикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не считалъ нужнымъ скрывать свое неодобреніе установившимся въ гетманщинѣ порядкамъ. Во время присоединенія Богданомъ Хмельницкимъ Малороссіи къ московскому государству—писалъ кошевой—„въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украйнѣ не было; а нынѣ видимъ, что бѣднымъ людямъ въ полкахъ великія утѣсненія чинятся. Ваша вельможность правду пишетъ, что при ляхахъ великія утѣсненія войсковымъ вольностямъ были, за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ изъ подданства могъ высвободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ,—и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, такому можно и подданныхъ имѣть, никому не досадно; такъ и при покойномъ

Хмельницкомъ бывало; а какъ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, и они держатъ и не знаютъ, что съ бѣдными подданными своими дѣлать,—такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ". Развивая этотъ планъ возвращенія къ порядку, при которомъ владѣть маетностями могла бы только генеральная старшина, запорожскій кошевой въ сущности стоялъ не такъ ужь далеко отъ замысловъ Петрика, въ свою очередь увѣрявшаго малорусское населеніе, что московскіе правители „позволили нынѣшнему гетману пораздавать старщинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братьею, позаписывали себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими". И эти увѣренія, какъ свидѣтельствовали находившіеся въ Малороссіи московскіе служилые люди, находили себѣ сочувственный откликъ въ массахъ населенія, среди которыхъ шли разговоры о томъ, что съ появленіемъ Петрика надо „пристать къ нему, побить старшину и арендаторовъ и сдѣлать по прежнему, чтобъ все было козачество, а пановъ бы не было" [1]).

Правда, дальше такихъ разговоровъ мало кто пошелъ и Петрику не пришлось повторить собою Богдана Хмельницкаго. Сколько-нибудь активно откликнувшіяся на призывъ къ возстанію силы оказались въ концѣ концовъ слишкомъ ничтожными для мало-мальски крупнаго предпріятія и вмѣсто освобожденія Малороссіи отъ московскаго владычества, а ея крестьянъ отъ обратившейся въ пановъ старшины Петрикъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что съ помощью призванныхъ имъ татаръ пограбилъ южную границу гетманщины. Но, какъ ни мало удачна была эта попытка возстанія, она не прошло совершенно безслѣдно и во внутренней жизни страны. Если Петрику и не удалось отобрать имѣнія у войсковой старшины, то явное сочувствіе, съ которымъ встрѣчена была мысль о такомъ отборѣ въ низахъ малорусскаго населенія, до извѣстной степени открыло ей дорогу и къ верхамъ правительственной власти. Московское правительство, озабоченное тѣмъ, чтобы въ Малороссіи не повторялись народныя волненія, наличность почвы для которыхъ была такъ ярко демонстрирована попыткой Петрика, обратилось въ 1692 г. къ гетману съ указаніемъ, что ему слѣдовало бы устранить двѣ главныя причины народнаго недовольства—винные откупа или „аренды" и черезчуръ широкое владѣніе старшины имѣніями. Поднятый вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію на совѣщаніи гетмана съ генеральной старшиной и полковниками и совѣщаніе это, какъ сообщалъ Мазепа въ Москву 20 октября 1692 г., пришло къ слѣдующему

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. „Обществ. Пользы", кн. 3 т. XIV, сс. 1115, 1116, 1118.

рѣшенію: „которые особы въ войску и въ народѣ мнятся быти къ службѣ негодны, а за нашими универсалами къ маетностямъ пріобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставити". „И уже нѣкоторыхъ такихъ—прибавлялъ гетманъ—въ Полтавскомъ полку отъ маетностей отставили есмы во время бытности нашей въ томъ городѣ и тѣ маетности во общую городовую власть привратили (вернули), угождая тому, дабы посполитство прекаанія не чинило". При этомъ однако Мазепа спрашивалъ, какъ ему быть съ маетностями, на которыя у ихъ владѣльцевъ есть царскія грамоты. Своею волею—заявлялъ онъ—онъ отбирать маетности у такихъ владѣльцевъ не рѣшается, а между тѣмъ и на нихъ идутъ жалобы отъ запорожцевъ, которые пишутъ ему „полагая то себѣ въ нелюбіе и народу малороссійскому за особое отягощеніе, что многія села розданы разнымъ особамъ въ подданство", и требуютъ, „чтобы тѣ маетности были отъ меньшихъ особъ отобраны". Впрочемъ, гетманъ тутъ же и успокаивалъ московское правительство, указывая, что въ предупрежденіе притѣсненій посполитыхъ со стороны ихъ владѣльцевъ онъ разослалъ по всѣмъ полкамъ универсалъ съ приказомъ, чтобы „никто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымышленными людей, въ селахъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, сѣножатехъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды и насилія, и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая, но извычайными урочными дачами и работами отъ нихъ довольствуяся", подъ угрозой въ противномъ случаѣ наказанія, а при явной винѣ и лишенія маетности съ освобожденіемъ „отягченныхъ въ подданствѣ людей" [1]).

Вопросъ о сокращеніи имѣній старшины, поставленный московскимъ правительствомъ, въ рукахъ гетмана и его ближайшихъ помощниковъ оказался такимъ образомъ до извѣстной степени подмѣненнымъ другимъ, менѣе острымъ вопросомъ—о недопущеніи притѣсненій посполитыхъ въ этихъ имѣніяхъ. И въ такомъ подмѣнѣ, конечно, не было ничего особенно удивительнаго. Мазепѣ, который самъ былъ ставленникомъ старшины, хорошо зналъ ея силу и съ первыхъ дней своего гетманства стремился угождать ея матеріальнымъ интересамъ, закрѣпляя имѣнія за болѣе вліятельными ея членами, совсѣмъ не съ руки было заботиться о сокращеніи владѣній этой старшины. Еще менѣе могли заботиться объ этомъ участники собиравшагося при гетманѣ совѣщанія—члены генеральной и полковой старшины, прочно связанные узами родства, дружбы и общихъ интересовъ со всею остальною массою владѣльцевъ имѣній. Въ конечномъ итогѣ никакихъ серьезныхъ мѣръ для ограниченія количества имѣній, на-

[1]) Источники малороссійской исторіи, ч. II, М. 1859, сс. 5—8.

ходившихся въ рукахъ старшины, Мазепою, вопреки его утвержденію, и не было принято. Если отдѣльныя села и были въ 1692 г. отобраны у владѣльцевъ, какъ отбирались нерѣдко и раньше, то такое отобраніе во всякомъ случаѣ не было массовымъ и не оказало сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на общее количество маетностей, находившихся во владѣніи старшины. А, съ другой стороны, раздача новыхъ маетностей въ частное владѣніе членовъ старшины продолжалась при Мазепѣ и послѣ 1692 г., и притомъ продолжалась въ нисколько не ослабленномъ сравнительно съ предыдущимъ временемъ темпѣ, такъ что общее число имѣній, находившихся во владѣніи свѣтскихъ державцевъ, непрерывно возростало.

Точно также непрерывно разростались и имѣнія монастырей. До Мазепы всѣ гетманы болѣе или менѣе энергично содѣйствовали этому разростанію, щедро раздавая монастырямъ, по ихъ настойчивымъ просьбамъ, все новыя и новыя маетности. Мазепа въ началѣ своего гетманства какъ будто собирался измѣнить эту политику и въ этихъ видахъ готовъ былъ даже толковать включенное еще въ 1669 г. въ глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго и съ тѣхъ поръ повторявшееся въ гетманскихъ статьяхъ обязательство переписать имѣвшихся уже въ монастырскихъ имѣніяхъ посполитыхъ и не допускать пріема въ эти имѣнія новыхъ посполитыхъ, какъ обязательство не давать монастырямъ новыхъ имѣній. Но уже очень скоро, признавая такое обязательство въ теоріи, онъ сталъ отступать отъ него на практикѣ. Такъ, въ 1689 г. онъ писалъ въ своемъ универсалѣ, что, „хотя въ статьяхъ, на коломацкой радѣ по высочайшему указу составленныхъ, изображено, чтобы монастырямъ маетностей вновь никакихъ не придавать“, онъ все же нашелъ возможнымъ дать черниговскому монастырю с. Мошонку, „зъ горливого (ревностнаго) до святого мѣстца, монастира Елецкого, усердія, респектуючи на тогдашнюю въ немъ скудость и на малость людей, въ подданствѣ обрѣтаючихся, и въ надеждѣ премилосердной милости монаршей“ [1]). Прошло еще нѣсколько времени—и Мазепа, какъ бы совершенно забывъ о томъ обязательствѣ, какое онъ, по его собственному толкованію, при-

---

[1]) Черниг. Губ. Вѣдомости, 1857 г., № 2. Въ дѣйствительности, въ коломацкихъ статьяхъ, составленныхъ при избраніи Мазепы въ гетманы, не содержалось запрещенія давать монастырямъ новыя маетности, а лишь повторялся указанный въ текстѣ пунктъ глуховскихъ статей, который Мазепа, очевидно, и толковалъ въ смыслѣ такого запрещенія. Это было отмѣчено уже Н. П. Василенкомъ въ его предисловіи къ изданному имъ Генеральному слѣдствію о маетностяхъ Нѣжинскаго полка (ч. 1901, стр. II—III). Врядъ-ли только можно согласиться съ мнѣніемъ названнаго ученаго, будто указанный пунктъ глуховскихъ статей съ самаго начала понимался малорусскимъ правительствомъ въ такомъ смыслѣ. На это нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ этому противорѣчитъ вся практика предшествовавшихъ Мазепѣ гетмановъ въ дѣлѣ раздачи имѣній монастырямъ.

нялъ на себя при избраніи въ гетманы, сталъ уже безъ всякихъ оговорокъ надѣлять монастыри новыми местностями, раздавая ихъ не менѣе, если только не болѣе, щедро, чѣмъ его предшественники по гетманскому сану.

Такимъ образомъ предпринятая было московскимъ правительствомъ попытка остановить ростъ владѣльческихъ имѣній въ Малороссіи не дала никакихъ осязательныхъ результатовъ. Впрочемъ, оно и не настаивало сколько-нибудь энергично на этой попыткѣ и легко удовлетворилось успокоительными объясненіями Мазепы, благо послѣ отраженія Петрика Малороссія оставалась по внѣшности спокойной и не давала новыхъ поводовъ заподозривать лойяльность ея населенія. Къ тому же въ ближайшіе затѣмъ годы московское правительство было слишкомъ поглощено своими собственными дѣлами, чтобы удѣлять большое вниманіе Малороссіи. Внутренняя жизнь послѣдней вновь привлекла къ себѣ вниманіе центральнаго правительства лишь послѣ того, какъ Мазепа, внезапно обратившись изъ его усерднаго слуги въ опаснаго врага, перешелъ на сторону Карла XII. Въ этотъ критическій моментъ царское правительство опять вспомнило о тѣхъ причинахъ народнаго недовольства въ Малороссіи, какія были указаны Петрикомъ. Одну изъ этихъ причинъ оно постаралось теперь устранить немедленно и сдѣлало это чрезвычайно демонстративно и рѣшительно. Малорусскія „аренды“ Петръ уничтожилъ тѣмъ самымъ указомъ, которымъ объявлялъ населенію Малороссіи объ измѣнѣ Мазепы. При этомъ, уничтожая „аренды“, царь заявилъ, что Мазепа устроилъ ихъ „хитростію своею“, безъ царскаго указа, „будто на плату войску, а въ самомъ дѣлѣ ради обогащенія своего“. Но если расправиться съ „арендами“ было сравнительно легко, особенно, не задаваясь мыслью о томъ, на какія средства будутъ содержаться въ дальнѣйшемъ охочіе полки, то не такъ просто стояло теперь для правительства дѣло съ несравненно болѣе болѣзненнымъ для широкихъ массъ малорусскаго населенія вопросомъ о владѣльческихъ имѣніяхъ. Петръ вовсе не хотѣлъ въ данный моментъ возстановлять противъ себя малорусскую старшину и это обстоятельство не только не позволило ему стать на путь, намѣченный московскимъ правительствомъ въ 1692 г., но и заставило усвоить прямо обратную политику въ названномъ вопросѣ.

Первый же моментъ, послѣдовавшій за обнаруженіемъ измѣны Мазепы, принесъ съ собою серьезное увеличеніе имѣній нѣкоторыхъ членовъ старшины. Наиболѣе видный кандидатъ въ гетманы, черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ, по желанію царя не получилъ гетманской булавы, но за то получилъ богатыя маетности. Въ самый моментъ выбора гетманомъ Скоропадскаго Полуботку дана была царская грамота на имѣнія, оставшіяся послѣ его шурина, бывшаго гадяцкаго полковника Михаила Самойлова, въ томъ числѣ на нѣсколько селъ въ слободскомъ Сум-

скомъ полку и на с. Коровинцы въ полку Лубенскомъ. Черезъ мѣсяцъ, 22 декабря 1708 г., Полуботку дана была другая грамота—на имѣнія въ Черниговскомъ полку. До того Полуботки владѣли здѣсь, кромѣ небольшихъ слободокъ, только двумя селами—Савинками и Наумовкой, заключавшими въ себѣ около 200 дворовъ. Грамотой же 22 декабря 1708 г. Полуботку были даны „въ вѣчное владѣніе" м. Любечъ съ приселками и двумя перевозами на Днѣпрѣ, села и деревни Выбли, Подгорное, Пески, Новые Млины, Кувѣчичи, Домышлинъ, Орловка, Казиловка, Коруковка, Оболонье, Городище, Савинцы, Краски, Псаровка, Старые и Новые Боровичи, Андрушичи и слобода Загребальная, всего около 2.000 дворовъ [1]. Даны были Петромъ новыя имѣнія и еще нѣкоторымъ членамъ старшины, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ Полуботку, а нѣкоторые другіе ея члены тогда же въ воздаяніе за проявленную ими вѣрность получили отъ царя жалованныя грамоты на находившіяся въ ихъ владѣніи маетности. Подобную раздачу имѣній и утвержденіе ихъ въ собственность членамъ старшины Петръ практиковалъ и позже. Царской грамотой 1718 г., напримѣръ, по просьбѣ гетмана Скоропадскаго, велѣно было „дать ему, гетману, и женѣ его, Настасіи Марковнѣ, и дочери его, Ульянѣ Ивановой, и отъ нихъ потомству какъ мужеска, такъ и женска полу, въ вотчину и въ вѣчное владѣніе неотъемлемо" цѣлый рядъ крупныхъ имѣній въ разныхъ полкахъ Малороссіи. Въ Нѣжинскомъ полку Скоропадскій по этой грамотѣ получилъ „мѣстечко Коропъ съ фолварками и хуторами, къ нему надлежащими, и съ селами, до ратуши тамошней служащими", кромѣ того сс. Краснополье, Рожественное и Былку, въ батуринской сотнѣ с. Городище и хуторъ Поросячно, въ м. Глуховѣ дворъ и за мѣстечкомъ хуторъ съ с. Кочуровкой и двумя приселками; въ Прилуцкомъ и Лубенскомъ полкахъ—купленный хуторъ съ принадлежавшими къ нему сс. Сасиновкой и Липовицей, сс. Евминку и Рудовочку и включавшую въ себѣ рядъ селъ Быковскую волость; въ Стародубовскомъ полку — многолюдскую Ропскую волость съ рядомъ заключавшихся въ ней селъ и приселковъ. Наконецъ, въ Черниговскомъ полку грамота 1718 г. закрѣпляла за Скоропадскимъ данныя ему еще раньше, а частью купленныя имъ сс. Выхвостовъ и Буровку съ сл. Дроздовицей, с. Полуботки съ Пѣвцами и с. Ваганичи съ сл. Бѣлоусомъ и Владиміровкой [2]. Точно также Петръ неоднократно жаловалъ и закрѣплялъ въ собственность имѣнія и другимъ членамъ старшины, чѣмъ-либо, чаще всего своею вѣрностью въ моментъ Мазепиной измѣны, заслужившимъ царское благоволеніе.

---

[1]) Я. Ш., Павелъ Полуботокъ. „Кіев. Старина", 1890 г., № 12, сс. 52-5.
[2]) Источники малороссійской исторіи, ч. II, сс. 284-6.

Наряду съ этимъ Петръ, вслѣдъ за обнаруженіемъ измѣны Мазепы, принялъ, правда, и такія мѣры, непосредственнымъ результатомъ которыхъ должно было явиться сокращеніе имѣній старшины. Назначивъ послѣ выбора въ гетманы Скоропадскаго резидентомъ къ нему Андрея Измайлова, царь въ инсткрукціи этому резиденту помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующій пунктъ: „всѣ измѣнничіи маетности, какъ Мазепины, такъ и иныхъ прочихъ, которые къ уряду гетманскому не належатъ, описать и вѣдомость прислать, и безъ указу великаго государя никому не отдавать“ [1]). Такимъ образомъ всѣ имѣнія, принадлежавшія передъ тѣмъ лично Мазепѣ или кому-либо изъ пошедшей за нимъ къ шведамъ старшины, были теперь освобождены изъ-подъ частной зависимости. Но освобождены они были, какъ показывала самая инструкція Измайлову, лишь съ тѣмъ, чтобы составить изъ нихъ своего рода спеціальный фондъ для новой раздачи имѣній, которая должна была совершаться исключительно по царскому указу. Охотниковъ же воспользоваться этимъ фондомъ и получить изъ него имѣнія сразу оказалось болѣе, чѣмъ достаточно, причемъ такіе охотники набрались съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Въ 1709 г. кн. Меншиковъ выдалъ асауламъ Полтавскаго полка Климу Нащинскому и Василію Сухому особый „листъ“ или „универсалъ“, которымъ извѣщалъ гетмана, генеральную старшину и полковниковъ малороссійскаго войска, что царь пожаловалъ названныхъ асауловъ „за ихъ вѣрную службу и за осадное полтавское сидѣнье и что они ни на какія непріятельскія измѣнника Мазепы прелести не скланивались, къ тому жъ прочихъ своего полку людей отъ того унимали, указалъ имъ отдать въ вѣчное владѣніе измѣнниковъ, а именно того жъ полку обозного Дороша и судьи Ивана Красноперича, грунты ихъ, въ томъ полку лежачіе, которыми владѣть имъ, господамъ асауламъ, по сему универсалу, пока впредь дастся имъ на тѣ грунты его царскаго величества подтвердительная жалованная грамота“ [2]). И подобныхъ пожалованій черезъ Меншикова въ первый же моментъ послѣ измѣны Мазепы объявлено было немало.

Продолжались такія пожалованія и позже, причемъ порою получавшіе ихъ лица стремились еще расширить ихъ объемъ. Въ 1710 г. канцлеръ Головкинъ сообщилъ Скоропадскому, что въ предыдущемъ году Петръ, по докладу кн. Дм. Голицына о службахъ брацлавскаго полковника, „онаго полковника изъ измѣнничьихъ деревень удовольствовать указалъ“. Въ силу этого царскаго указа Голицынъ—писалъ канцлеръ—„далъ тому брацлавскому полковнику изъ измѣнничьихъ деревень Мокѣевку и Копа-

[1]) Тамже, с. 229.

[2]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та) п. з.: „Полтавскіе земельные универсалы“ № 49; см, еще тамже, №№ 52 и 53.

чевъ и, ежели помянутыя деревни обрѣтаются на той сторонѣ Днѣпра, то изволите, ваша велможность, приказать оному брацлавскому полковнику тѣми деревнями владѣть" [1]). Въ 1714 г. тотъ же Головкинъ писалъ гетману, что архимандритъ Межигорскаго монастыря Иродіонъ Жураковскій за свою службу и въ виду раззоренія монастыря, который раньше поддерживали запорожцы, просилъ царя дать ему въ Кіевскомъ полку сс. Евминку и Красульку, находившіяся передъ тѣмъ, по дачѣ Мазепы, во владѣніи его матери, какъ игуменьи Фроловскаго женскаго монастыря, и царь приказалъ дать просителю эти или другія села. Одновременно съ этимъ Головкинъ передалъ гетману и другую просьбу межигорскаго архимандрита—отдать его монастырю сс. Крупичи, Варичевку и Вишневку въ Нѣжинскомъ полку. Села эти, по объясненію архимандрита, были утверждены жалованной грамотой нѣжинскому писарю Осипу Завадскому, вдова котораго отдала грамоту Межигорскому монастырю, тогда какъ самыми селами почему-то завладѣлъ нѣжинскій полковникъ Жураковскій. Гетманъ, впрочемъ, нашелъ притязанія межигорскихъ монаховъ черезчуръ ужь преувеличенными и нѣсколько сократилъ ихъ. Вмѣсто Евминки и Красульки онъ предложилъ дать Межигорскому монастырю „маетность Русаковъ", на что согласился и Головкинъ, о нѣжинскихъ же селахъ объяснилъ, что „тѣ села отъ помянутой жены Завадскаго по смерти его отняты по правамъ, для безнаслѣдствія и непристойнаго житія", а затѣмъ послѣ измѣны Мазепы отданы нѣжинскому полковнику Жураковскому и утверждены ему царской грамотой. Въ результатѣ этихъ объясненій и Головкинъ нашелъ, что „когда на тѣ села помянутый архимандритъ никакихъ сильныхъ документовъ не имѣетъ, а отданы полковнику нѣжинскому, то надлежитъ ему въ той его на оныя претензіи отказать" [2]). Не всегда однако объясненія гетмана могли быть такъ убѣдительны и принимались такъ благосклонно. А между тѣмъ, съ такими же просьбами, какъ брацлавскій полковникъ и Межигорскій монастырь, обращались къ царскому правительству и многіе другіе малорусскіе владѣльцы и въ результатѣ этихъ просьбъ не одному изъ нихъ удалось добыть въ свое владѣніе „измѣнничье" или выданное за „измѣнничье" село.

---

[1]) „А ежели—прибавлялъ канцлеръ—тѣ деревни на сей сторонѣ Днѣпра и не измѣнничьи, о томъ изволь ко мнѣ писать, а въ описи въ измѣнничьихъ деревняхъ тѣхъ деревень не явилось". Матеріалы для отеч. исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, с. 156. С. Мокіевка, дѣйствительно, было отдано Скоропадскимъ Антону Танскому. Что касается с. Копачева, то оно было утверждено универсалами Мазепы и Скоропадскаго и царской грамотой за черниговскимъ Елецкимъ монастыремъ и за нимъ и осталось. См. генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), лл. 3 об., 16-об.

[2]) Матеріалы для отеч. исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, сс. 228—30, 236—7.

Но претендентами на полученіе имѣній изъ „измѣнничьихъ деревень“ явились не одни только малорусскіе владѣльцы и не одни уроженцы Малороссіи. Послѣ неудачнаго прутскаго похода Петра и не менѣе неудачной попытки его поднять противъ Турціи балканскихъ славянъ въ Россію выбѣжало немалое количество волоховъ, черногорцевъ и сербовъ, принявшихъ было участіе въ войнѣ съ Турціей на сторонѣ Петра и поэтому вынужденныхъ разстаться съ своей родиной. Очутившись въ Россіи, всѣ эти выходцы немедленно обращались къ царскому правительству съ просьбой такъ или иначе устроить ихъ здѣсь и вознаградить за потерянныя на родинѣ имущества. Съ своей стороны Петръ призналъ наиболѣе соотвѣтственнымъ поселить большую часть такихъ выходцевъ въ Малороссіи, вознаградивъ ихъ за службу и за понесенныя потери частью малорусскими „урядами“, частью деревнями.

Впослѣдствіи отдѣльные представители этихъ выходцевъ не разъ разсказывали, какой характеръ носила ихъ служба Петру и какъ получалось ими вознагражденіе за нее. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ прошенія, поданнаго въ 1731 г. императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ бывшимъ воеводой Славуемъ Требинскимъ. „Въ прошломъ 1711 году, во время Пруцкой акціи с турками, — писалъ Требинскій—явился у насъ в Скебербегіи, Герцеговинѣ и Черной Горѣ полковникъ Михайло Милорадовичъ с увѣщателними блаженнія и вѣчнодостойнія памяти его императорского величества Петра Перваго грамотами, дабы и мы подняли оружіе противъ турковъ, и, по согласію архіереевъ, воеводъ и князей, мы всѣ единодушно до тихъ поръ, пока между его императорскимъ величествомъ и турскимъ салтаномъ миръ къ совершенному окончанію пришелъ, за имя его императорского величества противъ оних турковъ войну держали, а найпаче я, окромѣ войскъ моего отечественнаго воеводства, особливо всегда содержалъ одну компанію своимъ коштомъ во всѣхъ военнихъ потребахъ и служилъ в тѣхъ странахъ противъ турковъ со всякою вѣрностію“. Но въ службѣ этой Требинскому, по его словамъ, не посчастливилось. „Понеже— разсказывалъ онъ—то мое воеводство состоитъ между турками и венеціянами, которіи, не хотя, чтобъ оная война при ихъ границахъ продолжалася, того ради мать мою, дядю и брата моего арештовали въ столномъ городѣ далмацкомъ Задрѣ с такимъ намѣреніемъ, что уже нихто з онихъ свободенъ не будеть, доколѣ въ тѣхъ странахъ дѣйствіе не престанеть; и то я, учиня толикія иждивенія и ниоткуда надѣяся помощи, к тому жъ пришедъ в крайнее разореніе, принужденъ оставить отечественное воеводство и немалое жалованье отъ венеціянъ и маетности мои всѣ отняты, и мать моя и брати и прочіи сродники по чужимъ странамъ и донынѣ странствуютъ убожественно... И за такою моею нуждою прибылъ я, нижайшій, з своего отечества в Россійское Имперіумъ и по милосердному указу опредѣлено мнѣ быть на

жите в Малой Россіи в Переясловскомъ полку в Ирклѣевской сотнѣ сотникомъ, где и донынѣ пребываю, да в томъ же указѣ велено мнѣ отдать деревню, которой не отдано и понынѣ,... и в помянутой сотнѣ живу убожественно и имѣю тилко маленкое селце, которое на урядъ сотничества надлежить“ [1]).

Славуй Требинскій такимъ образомъ за свое участіе въ возстаніи противъ турокъ, изъ-за котораго онъ потерялъ уплачивавшееся ему Венеціей „жалованье“ и долженъ былъ бѣжать съ родины, получилъ должность ирклѣевскаго сотника и связанное съ этой должностью ранговое село. Обѣщана была Требинскому деревня и въ частное владѣніе, но ея онъ не получилъ до 1731 г. Нѣкоторые другіе подобные ему выходцы изъ Сербіи и Валахіи были въ этомъ отношеніи счастливѣе и сразу получили имѣнія въ Малороссіи въ свое частное владѣніе, причемъ такія имѣнія давались имъ по преимуществу изъ числа секвестрованныхъ „измѣнничьихъ деревень“. Иногда въ этой раздачѣ имѣній пришлымъ и чужимъ для Малороссіи людямъ была хоть тѣнь своеобразной справедливости, хоть подобіе нѣкотораго, если не юридическаго, то моральнаго обоснованія. „Извѣстно здѣсь,—писалъ, напримѣръ, 9 іюля 1712 г. Головкинъ гетману Скоропадскому—что единаго изъ волохскихъ бояръ Савина Бана, пріѣхавшаго въ прошломъ 1711 г. въ сторону его царскаго величества, который и нынѣ въ Харьковѣ есть, дворы и скотъ, который онъ оставилъ въ волохской землѣ, отданы и дѣйствительно владѣетъ измѣнникъ съ стороны нашей, бывшій полковникъ прилуцкій Горленко. Того ради указалъ его царское величество оному Савину Бану вмѣсто тѣхъ отнятыхъ его въ волохской землѣ маетностей и прочаго дать на Украинѣ едину маетность, въ которой было бы отъ 50 до 100 дворовъ, изъ маетностей измѣнника Горленка, съ которой бы онъ, Савинъ Банъ, могъ съ своею фамиліею пропитаніе имѣть, и въ той жить ему належитъ“ [2]). По этому письму Скоропадскій и далъ, дѣйствительно, Савину Бану принадлежавшее раньше Горленку с. Калюжинцы въ Прилуцкомъ полку. Но случаи такого своеобразнаго размѣна имѣніями между русскими и турецкими эмигрантами были рѣдкимъ исключеніемъ; вообще же раздача „измѣнничьихъ деревень“ выходцамъ производилась несравненно проще и откровеннѣе, не сопровождаясь столь сложной мотивировкой. Между прочимъ только что упомянутый Савинъ Банъ, пробывъ короткое время въ Малороссіи, былъ по его просьбѣ „отпущенъ въ отечество“, и тотчасъ же на Калюжинцы нашелся другой кандидатъ, къ имуществу котораго Горленко не имѣлъ уже никакого отношенія. „Полковникъ сербскій, Гаврило Милорадовичъ, братъ пол-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Рум. Музея, № 1.159, документы, № 3.

[2]) Матеріалы для отеч. исторіи, изд. М. Судіенко, ч. II, сс. 208—9.

ковника Михайла Милорадовича, — писалъ 9 іюля 1715 г. Головкинъ Скоропадскому—въ случаѣ прошедшей съ турки войны такожде службу свою къ его царскому величеству показалъ и нѣсколько пожитковъ своихъ при томъ употребилъ и не можетъ нынѣ къ дому своему возвратиться. И его царское величество за тѣ его Гаврила Милорадовича службы и въ награжденіе понесенныхъ его убытковъ пожаловалъ, повелѣлъ ему дать на Украинѣ въ Прилукскомъ полку село Калюжинцы". Заодно Гаврило Милорадовичъ предъявлялъ къ гетману и другую просьбу,—„дабы къ тому придать ему д. Нагаевку измѣнника Григорія Новицкого, которою нынѣ владѣютъ братья его безъ указу его царскаго величества, да дворъ въ Нѣжинѣ измѣнника-жъ Згуры, въ которомъ нынѣ никто не живетъ",—и Головкинъ съ своей стороны рѣшительно поддерживалъ эту просьбу передъ Скоропадскимъ [1]). Фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ въ свою очередь настойчиво просилъ въ 1712 г. гетмана за бывшаго „сорочинскаго пиркалаба" Семена Афендика,—„чтобъ онаго, для многихъ и вѣрныхъ услугъ его царскому величеству и что онъ отъ ревности своей весь свой пожитокъ принужденъ въ отечествѣ оставить, наградитъ деревнею по вашему милостивому разсмотрѣнію". Шереметевъ просилъ объ этомъ Скоропадскаго и устно, и письменно и, наконецъ, послалъ самого Афендика къ гетману, „дабы—писалъ онъ послѣднему—вы, по высокой своей склонности и обнадеживанію, оное совершить изволили и универсалъ повелѣли ему выдать, съ которымъ бы я могъ его видѣть въ Нѣжинѣ". Эта просьба, такъ сильно походившая на приказаніе, не осталась, въ свою очередь, безъ результата и Скоропадскій далъ Афендику универсалъ на с. Кулажинцы въ Переяславскомъ полку, „позволяючи въ тамошнемъ дворцѣ жити и отъ посполитыхъ людей послушенство и повинности отбирати". Четыре года спустя, въ 1716 г., гетманъ далъ Афендику и другой универсалъ, которымъ подтвердилъ ему „до ласки" своей данное ему передъ тѣмъ переяславскимъ полковникомъ Томарой с. Старую Басань. Но и этимъ не ограничились милости властей къ бывшему „сорочинскому пиркалабу" и, по настоянію гр. Головкина, Скоропадскому пришлось дать сыну Семена Афендика, Степану, мѣсто сотника въ бориспольской сотнѣ Переяславскаго полка [2]).

Получая такимъ путемъ должности и имѣнія въ гетманщинѣ, привлеченные Петромъ выходцы изъ Валахіи и Сербіи тѣмъ самымъ входили въ общую массу малорусской старшины. Само по себѣ появленіе иноземцевъ въ рядахъ послѣдней не было новостью.

[1]) Тамже, сс. 244—5.

[2]) Тамже, ч. II, с. 359; Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, рукопись Моск. Рум. Музея, № 1.159, документы, №№ 45 и 46; А. М. Лазаревскій, „Люди старой Малороссіи", Кіев. Старина, 1886, № 7, с. 444.

Отдѣльные иноземцы—главнымъ образомъ, тѣ же волохи и сербы—и раньше нерѣдко вступали въ ряды козацкаго „товариства“ и, случалось, достигали въ немъ высокихъ ступеней, занимая по выбору полчанъ или по назначенію гетмана видныя и вліятельныя должности [2]). Но годы, послѣдовавшіе за измѣной Мазепы и прутскимъ походомъ Петра, принесли съ собою въ эти отношенія и нѣчто новое. И это новое заключалось въ томъ, что въ составѣ старшины и владѣльцевъ имѣній въ Малороссіи сразу появилось немало пришлыхъ людей, получившихъ къ тому же свои должности и имѣнія по прямому приказу центральнаго правительства. Правда, до извѣстной степени при этомъ все-таки соблюдались старыя формы и дававшіеся устраивавшимся въ Малороссіи выходцамъ „уряды“ и „маетности“ закрѣплялись за ними гетманскими универсалами. Однако эти формы въ данномъ случаѣ плохо прикрывали собою рѣзко расходившееся съ ними существо дѣла. Выдавая валашскимъ и сербскимъ выходцамъ свои универсалы на владѣніе бывшими „измѣнничьими“ или вообще свободными селами, Скоропадскій въ сущности лишь исполнялъ приказы царя и ближайшихъ его довѣренныхъ лицъ и измѣнить что-либо въ этихъ приказахъ своею волей былъ безсиленъ. Безсиленъ онъ былъ въ большинствѣ случаевъ и отобрать разъ данныя по такимъ приказамъ имѣнія, хотя бы даже эти имѣнія и не были закрѣплены за получившими ихъ лицами спеціальными царскими грамотами. Такимъ образомъ, благодаря этой раздачѣ имѣній въ лѣвобережной Малороссіи пришлымъ людямъ, происходило не только разростаніе въ ней владѣльческаго класса, но и усиленіе въ средѣ послѣдняго той группы, имѣнія которой обладали особой прочностью, будучи до извѣстной степени освобождены изъ-подъ зависимости отъ гетманской власти.

Въ то же время усиленіе этой группы совершалось и другимъ путемъ—путемъ созданія въ Малороссіи совершенно новой для нея категоріи владѣльцевъ имѣній въ лицѣ видныхъ членовъ великорусской администраціи. До Скоропадскаго великороссы не могли получать имѣній въ Малороссіи и исключеніе изъ этого правила дѣлалось лишь для царскихъ резидентовъ при гетманѣ, которымъ обычно давались отъ него въ пользованіе небольшія имѣнія на правахъ рангового владѣнія. Но съ момента избранія въ гетманы Скоропадскаго этотъ порядокъ подвергся коренной перемѣнѣ. Ближайшіе сподвижники Петра, привлеченные имъ къ дѣлу раздачи имѣній въ Малороссіи, не прочь были и сами попользоваться этими имѣніями и вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Скоропадскаго къ нему одна за другою стали поступать просьбы

---

[2]) Такъ, напр., въ Переяславскомъ полку полковникомъ долго — въ гетманство Многогрѣшнаго, Самойловича и Мазепы—былъ волохъ Думитрашко-Райча, одно время—при Самойловичѣ—„сербинъ“ Войца, позже—при Скоропадскомъ—грекъ Стефанъ Томара.

въ этомъ смыслѣ. Съ своей стороны Скоропадскій, обязанный своимъ гетманскимъ саномъ исключительно Петру, не находившій себѣ прочной поддержки ни въ широкихъ народныхъ массахъ, ни въ старшинѣ, которымъ онъ былъ навязанъ волею царя, и стремившійся поэтому пріобрѣсти возможно болѣе могущественную протекцію при царскомъ дворѣ, не могъ оставаться глухимъ къ такого рода просьбамъ, какъ ни рѣзко противорѣчили онѣ всѣмъ прежнимъ традиціямъ „Войска Запорожскаго". На первыхъ же порахъ своего гетманства онъ долженъ былъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это практиковалось до него, раздавать ранговыя имѣнія въ пользованіе находившихся въ Малороссіи агентовъ центральнаго правительства [1]). Но, не ограничиваясь этимъ, онъ одновременно выпужденъ былъ ступить и на тотъ путь, на который его толкали просьбы царскихъ министровъ,—путь раздачи имѣній въ Малороссіи въ частное владѣніе лицамъ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ и не имѣвшимъ къ ней дотолѣ никакого отношенія, но за то близкимъ къ царской власти.

Такая раздача началась, дѣйствительно, почти тотчасъ же послѣ избранія Скоропадскаго въ гетманскій санъ. Присутствовавшій въ качествѣ царскаго уполномоченнаго при этомъ избраніи и руководившій имъ кн. Гр. Ѳ. Долгорукій уже въ 1709 г. получилъ отъ Скоропадскаго с. Клишки. „Не такъ —писалъ онъ послѣ этого гетману, стараясь подражать тому польско-малорусскому языку, на какомъ писались въ эту эпоху выходившія изъ гетманской канцеляріи бумаги,—не такъ моихъ малотрудныхъ ко особѣ вельможности вашей и малороссійскому народу прислугъ, яко природной самого жъ вашей вельможности политики и дискреціи есть то скутокъ (результатъ), что ваша вельможность с. Клишки конферовати (укрѣпить) и универсаломъ своимъ подтвердити мнѣ рачишь (соизволяешь), который универсалъ съ подобающимъ я принявши почтеніемъ, яко зѣло за оный благодарствую, такъ въ сердечномъ моемъ оный складаючи депозитѣ, декларую по себѣ тое, что прислуги мои, до которыхъ такъ далеце не признавался,

---

[1]) Такъ, канцлеръ Головкинъ, извѣщая въ 1710 г. Скоропадскаго о назначеніи къ нему резидентами вмѣсто Измайлова думнаго дьяка Виніуса и стольника Протасьева, писалъ гетману: „когда они къ вельможности вашей прибудутъ, извольте имъ приказать отвести къ домовому ихъ употребленію, покамѣстъ они тамъ будутъ (какъ отъ прежнихъ гетмановъ давано было полковникамъ, которые при нихъ были, такъ и отъ вашей милости дано г. Измайлову) изъ описанныхъ измѣнничьихъ маетностей по сту дворовъ каждому". Матеріалы для отечественной исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, с. 157. Но одними „резидентами" дѣло уже не ограничивалось и, напр., с. Обуховъ, которымъ при Мазепѣ владѣлъ ушедшій затѣмъ съ нимъ въ изгнаніе кіевскій полковникъ Мокіевскій, Скоропадскимъ было отдано во владѣніе кіевскихъ великорусскихъ комендантовъ. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 20 об.

яко мнѣ ваша вельможность причитати изволишь, развѣ впредь континовати (продолжать) и всякія его жъ желанія исполпяти не токмо охотнымъ, но и должнымъ быти обовязуюсь, въ каковомъ обовязаніи чрезъ сію мою литеральную навсегда записую экспрессію" [1]). Одновременно съ кн. Долгорукимъ одарены были и другія, близкія къ Петру и важныя для Скоропадскаго лица. Канцлеръ Головкинъ въ томъ же 1709 г. получилъ отъ гетмана универсалъ на мм. Константиновку и Хоружевку. Подканцлеру Шафирову Скоропадскій въ 1710 г. далъ д. Козолупово и с. Понорницы, а затѣмъ, по просьбѣ Шафирова, прибавилъ къ нимъ еще с. Вербу. Позже Шафировъ просилъ гетмана дать ему еще новую маетность. Тогда Скоропадскій рѣшилъ было дать ему отданное передъ тѣмъ царской грамотой Полуботку с. Коровинцы и убѣждалъ принять его, „понеже полковникъ черниговскій и безъ того излишнее довольство маетностей себѣ получилъ". Шафировъ однако отказался отъ Коровинецъ, имѣя въ виду, что они утверждены Полуботку царской грамотой въ вѣчное владѣніе, и просилъ у гетмана „иное тому подобное село безспорное". Савва Рагузинскій въ свою очередь получилъ отъ гетмана нѣсколько имѣній, въ томъ числѣ д. Луцку и сс. Парафѣевку и Разбышевку. Этимъ онъ однако не удовлетворился и вслѣдъ затѣмъ нашелъ нужнымъ просить гетмана, чтобы тотъ всячески охранялъ его имѣнія отъ какихъ-либо притѣсненій со стороны полковниковъ. „И я прошу—писалъ онъ Скоропадскому—милостивой протекціи вашей вельможности, да изволитъ вотчины мои подъ такою опекою своею держать и милостиво призирать, какъ прочихъ министровъ царскаго пресвѣтлѣйшаго величества призираешь" [2]).

Еще большую настойчивость проявляли въ подобныхъ просьбахъ объ имѣніяхъ другіе приближенные Петра. „Не хотя—писалъ 25 сентября 1710 г. Скоропадскому фельдмаршалъ гр. Б. П. Шереметевъ—вашего сіятельства молестовать (утруждать), но показуетъ случай мнѣ прошеніе вашему сіятельству объявить, что въ недавнемъ времени, чрезъ высокую милость его царскаго величества, по своимъ заслугамъ и чрезъ ваше склонное благодѣяніе, его свѣтлость кн. Меншиковъ и сіятельнѣйшіе господа гр. Головкинъ и кн. Долгоруковъ и г. Шафировъ въ Украинѣ маетности себѣ получили: того ради тотъ прикладъ и меня къ сему прошенію склонилъ, дабы чрезъ ваши обыкновенныя ко мнѣ склонности онаго лишену не быть; понеже ваше сіятельство самъ можетъ свидѣтелемъ быть, что въ прошедшихъ конъюнктурахъ военныхъ немалыя мои трудности ко услугамъ его царскаго величества въ малороссійскихъ городѣхъ были показаны и партикулярне, особливо вашей персонѣ, служилъ и впредь обѣщаюсь во всякихъ моихъ услугахъ.

---

[1]) Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, II, сс. 405—6

[2]) Тамже, сс. 140, 415, 303, 300—1, 414, 418.

Въ чемъ всегда благонадеженъ пребываю, что ваше сіятельство изволите меня въ томъ сообщникомъ учинить и равно съ вышепомянутыми персоны представить". Скоропадскій, получивъ это письмо, волей-неволей согласился сдѣлать Шереметева „сообщникомъ" происходившей въ Малороссіи раздачи имѣній и предоставилъ ему самому указать желательныя для него имѣнія. Но Шереметевъ сперва отказался дать такія указанія. „Во ономъ—писалъ онъ гетману—я вашей ясновельможности объявити не могу, но на вашу усерднѣйшую волю и разсужденіе предаю. И какъ ваше превосходительство въ ономъ по своей склонности меня опредѣлить соизволите, то съ достойнѣйшимъ моимъ почтеніемъ и благодареніемъ пріемлю и не сомнѣваюсь, но въ надеждѣ пребываю, что ваше превосходительство по такой своей склонной милости мимо лучшаго худаго опредѣлить не соизволите" [1]). Тогда Скоропадскій универсаломъ отъ 20 февраля 1711 г. далъ Шереметеву „в зуполную моць и в належитое владѣніе" м. Смѣлую въ Чигиринскомъ полку. „Войтъ Смѣловскій зо всѣми тамошними посполитими людми,—писалъ гетманъ въ этомъ универсалѣ—вѣдаючи о таковой волѣ нашой, абы его сіятелной велможности, яко державному господину своему, такъ же от его сіятелства поставленному приказчику, во всемъ належитую свою подданскую отдавали повинность и послушенство, декляруемъ, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ" [2]). Однако вскорѣ послѣ того правый берегъ Днѣпра по прутскому миру отошелъ отъ Россіи и въ 1712 г. Шереметевъ обратился черезъ гр. Головкина къ Скоропадскому съ просьбой дать ему новую маетность взамѣнъ утерянной Смѣлой. Гетманъ не отказалъ и въ этой просьбѣ и далъ Шереметеву сс. Ольшанку и Ерасовку. Но эти имѣнія уже не удовлетворили Шереметева, который нашелъ, что ему „передъ другими персонами есть не безобидно", поэтому онъ сперва просилъ гетмана „къ тѣмъ данныхъ дву сельцамъ еще по возможности въ награжденіе придать", а затѣмъ, черезъ короткое время, предъявилъ другую просьбу—вмѣсто Ольшанки и Ерасовки „дать м. Баклань съ принадлежащими къ нему", т. е. бакланскую сотню Стародубовскаго полка. По мнѣнію Шереметева, это „учинити безъ всякой трудности возможно" было, на случай же несогласія гетмана онъ заранѣе отказывался и отъ Ольшанки съ Ерасовкой, чтобы „не отяготить" Скоропадскаго. Послѣдній однако на этотъ разъ не пошелъ такъ далеко по пути уступокъ, какъ хотѣлось того Шереметеву, и, рѣшительно отказавъ ему въ Баклани, предложилъ лишь прибавить къ ранѣе даннымъ селамъ с. Змиряпку. И фельдмаршалъ, увидѣвъ, что ему не удалось запугать Скоропадскаго,

---

[1]) Тамже, сс. 341—2, 343—4.
[2]) Моск. Румянц. Музей, Архивъ Маркевича, № 9.

съ благодарностью принялъ и этотъ даръ, извиняясь, что своею „докукой не токмо скучилъ, но и до гнѣву привелъ" гетмана [1]).

Шереметевъ, домогаясь у Скоропадскаго имѣній, соблюдалъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю вѣжливость по отношенію къ гетману и порой даже извинялся въ причиняемой ему „докукѣ". Иначе велъ себя другой генералъ Петровской арміи, успѣвшій также пріобщиться къ раздачѣ имѣній въ Малороссіи, — служилый нѣмецъ фонъ-Вейсбахъ. Получивъ въ 1718 г. царскую грамоту, жаловавшую его „въ Малороссіи измѣнничьими Мировичевыми всѣми маетностями", т. е. имѣніями бывшаго переяславскаго полковника Мировича, Вейсбахъ переслалъ эту грамоту Скоропадскому для выдачи соотвѣтствующаго универсала. „Требую по оной— писалъ онъ при этомъ гетману—для объявленія кому надлежитъ вашей вельможности универсалу, котораго и получить сподоблюся, и видѣлъ, обаче не тако гласитъ, яко всемилостивѣйшаго моего царя и государя грамота поваруетъ на крѣпко купленные Мировичемъ грунты, коей причины ради, не знаю. Понеже оному крѣпче быть можетъ, чаю, купленное, нежели инымъ способомъ чего нажитаго. Того ради всепокорно вашу вельможность прошу о томъ повторно указомъ предложить, дабы то мнѣ по указу царскаго величества безъ препятія отдано было, за что буду любовь вельможности вашей вѣчно памятовать и благодарить. А будетъ той любви вашей вельможности лишенъ буду, то, не желая, принужденъ буду повторнымъ моимъ прошеніемъ царскаго величества отягощать" [2]). И этотъ грубый тонъ и угрозы жалобой Петру производили свое дѣйствіе на малорусскія власти какъ при Скоропадскомъ, такъ и послѣ него, заставляя ихъ подчасъ идти на прямо неправомѣрные поступки. Въ 1722 г. новымъ царскимъ указомъ велѣно было отвести фонъ-Вейсбаху 500 дворовъ изъ бывшихъ „измѣнничьихъ" маетностей. Вслѣдъ затѣмъ прилуцкая полковая старшина жаловалась Петру, что Вейсбахъ, основываясь на этомъ указѣ, отобралъ въ свое владѣніе отъ прилуцкаго полковника Игнатія Галагана с. Ряски и отъ полкового обознаго Михаила Огроновича с. Мамаевку, „вмѣняя оныя села и пожитки, въ нихъ будучіе, за измѣнничіи", какъ находившіеся раньше во владѣніи ушедшаго съ Мазепой прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка. Между тѣмъ села эти—заявляла прилуцкая старшина—„не прародителніе, нѣ дѣдизніе, а нѣ отчизніе его пана Горленка были, лечъ (но) до милости вашего императорскаго пресвѣтлаго величества и до ласки войсковой были ему наданы". Прилуцкая старшина просила поэтому вернуть Ряски и Мамаевку отъ Вейсбаха въ ранговое владѣніе полковника и полкового обознаго, но просьба

---

[1]) *Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, сс. 207—8* 360—1, 362, 364—5.

[2]) *Также, сс. 473—4.*

эта не имѣла успѣха и названныя села такъ и остались за Вейсбахомъ [1]). Подобнымъ же образомъ въ Полтавскомъ полку Вейсбаху было отдано правителями генеральной войсковой канцеляріи подъ видомъ „измѣнничьяго“ село Куклинцы, только потому, что при Мазепѣ имъ владѣлъ ушедшій вмѣстѣ съ послѣднимъ къ шведамъ полтавскій полковой судья Красноп供ичъ. Между тѣмъ Куклинцы еще въ 1685 г. были отданы гетманомъ Самойловичемъ Прокопу Левенцу и въ 1693 г. утверждены царской грамотой его сыну Ивану. Мазепа отобралъ это село отъ Левенца и отдалъ Красноперичу. Послѣ того при Скоропадскомъ это село было дано одному за другимъ двумъ лицамъ на урядъ полкового асаульства, а въ 1721 г. было возвращено Ивану Левенцу, бившему объ немъ челомъ на основаніи грамоты 1693 г. [2]). Зачислять такое село въ разрядъ „измѣнничьихъ“, казалось, не было никакихъ основаній. Но настойчивость Вейсбаха и въ данномъ случаѣ сдѣлала свое дѣло и того обстоятельства, что Куклинцы короткое время пробыли во владѣніи ушедшаго затѣмъ съ Мазепой Красноперича, оказалось для угодливыхъ правителей генеральной канцеляріи совершенно достаточно, чтобы отдать ихъ Вейсбаху подъ видомъ „измѣнничьяго“ села.

Но наибольшую энергію и настойчивость проявилъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія имѣній въ Малороссіи ближайшій сподвижникъ Петра—Меншиковъ. Въ іюлѣ 1709 г. Скоропадскій отдалъ ему двѣ волости, находившіяся передъ тѣмъ въ ранговомъ владѣніи гетмановъ,—Ямпольскую въ Нѣжинскомъ полку и Почепскую въ Стародубовскомъ. Первая изъ нихъ, кромѣ м. Ямполя, включала въ себя еще рядъ селъ, деревень и хуторовъ, въ которыхъ насчитывалось до 600 посполитскихъ дворовъ. Еще болѣе значительно было владѣніе, полученное Меншиковымъ подъ именемъ Почепской волости. Въ почепской сотнѣ Стародубовскаго полка, одной

[1]) Село Ряски, по словамъ старшины, дано было на урядъ полковничества еще полковнику Чернявскому, потомъ полковникъ Лазарь Горленко выпросилъ его у гетмана Самойловича своему сыну Дмитрію и послѣдній владѣлъ имъ, и ставъ полковникомъ, а послѣ него Ряски были отданы опять-таки на урядъ полковничества, сперва Ивану Носу, затѣмъ Игнатію Галалану; с. Мамаевка было дано на урядъ судейства Тарасу Кондратову, а по смерти его полковникъ Дмитрій Горленко сперва отдалъ своему брату, а потомъ взялъ на себя; Скоропадскимъ же это село было дано на урядъ судейства Огроновичу, когда еще послѣдній былъ полковымъ судьей. Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла Черниг. Палаты Угол. и Гражд., оп. 3, св. 1, № 15; ср. изданное мной Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка, К. 1896, сс. 30-1. Завладѣвъ Рясками, Вейсбахъ затѣмъ, „яко силная рука“, отобралъ исключительно къ этому селу и общинный степъ, находившійся передъ тѣмъ въ совмѣстномъ владѣніи сс. Рясковъ и Смоши и м. Переволочной. См. мою статью въ „Р. Богатствѣ“, 1913, № 10, с. 208, примѣчаніе.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Полтавскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіев. ун-та).

изъ самыхъ большихъ и многолюдныхъ въ Малороссіи, ко времени Скоропадскаго числилось около 150 поселеній; изъ нихъ около 40 принадлежали разнымъ владѣльцамъ, около 35 принадлежали „на булаву“ или „до двору гетманского“ и 75 поселеній были свободными и тянули къ м. Почепу или, иначе, „принадлежали до ратуши почепской“. Владѣльческія села такъ и остались за своими владѣльцами, а всѣ гетманскія и свободныя поселенія были отданы во владѣніе Меншикова. „Отдаемъ его княжой свѣтлости — писалъ Скоропадскій въ своемъ универсалѣ—мѣсто Почепъ такъ съ тѣми, которые до прежнихъ гетмановъ и до мене належали, маетностями, яко и съ тѣми, которые до мѣста Почепа принадлежатъ“. На полученныя такимъ образомъ владѣнія дана была затѣмъ Меншикову и царская грамота. Но, какъ ни велики были эти владѣнія, Меншиковъ ими не удовлетворился. Не довольствуясь „послушенствомъ“ почепскихъ посполитыхъ, онъ предъявилъ требованіе объ отдачѣ въ его „подданство“ и всѣхъ козаковъ почепской сотни. Обычно во всѣхъ универсалахъ и грамотахъ, выдававшихся на владѣніе какими-либо поселеніями въ гетманщинѣ, оговаривалось, что козаки, живущіе въ этихъ поселеніяхъ, должны оставаться свободными и невозбранно пользоваться всѣми своими землями. Тѣмъ не менѣе Скоропадскій не нашелъ возможнымъ противиться желанію властнаго временщика и уже въ іюнѣ 1710 г. выдалъ универсалъ, которымъ извѣщалъ „все старшое и меншое войскового чину въ сотнѣ почепской жителствующее товариство“, что по просьбѣ Меншикова и для ихъ собственной „пользы и полегкости“ онъ опредѣляетъ ихъ, „всю сотню зъ товариствомъ, зъ иншими почепскими посполитими жителми въ единостайную его княжой свѣтлости державу и владѣніе“ и исключаетъ изъ „войсковой службы“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Меншиковъ обратился къ гетману съ новой просьбой—отдать ему смежную съ Почепской волостью Храповскую волость, объединявшую въ себѣ гетманскія владѣнія въ бакланской сотнѣ Стародубовскаго полка, и Скоропадскій опять-таки не нашелъ возможнымъ отказать и въ этой просьбѣ. „На удоволствованіе его княжой свѣтлости прошенія и того не отрекши, а надѣючись, что вовся его свѣтлость будетъ доволенъ, — писалъ онъ въ универсалѣ 1721 г.—отдалемъ его свѣтлости и Храповскую волость, тринадцать селъ за межою, которыя до м. Почепа никогда не надлежали“. Послѣ этого число однихъ крестьянскихъ дворовъ въ Почепской волости выросло до 6.000.

Тѣмъ не менѣе Меншиковъ и теперь не былъ „вовсе доволенъ“ и нашелъ способъ еще болѣе расширить свои владѣнія. Получивъ отъ своихъ почепскихъ управителей свѣдѣнія, будто по стариннымъ межамъ къ Почепу принадлежало много больше земель, чѣмъ отдалъ ему Скоропадскій, князь Ижерскій въ 1719 г. выпросилъ у Петра указъ повелѣвавшій вновь обмеже-

вать Почепскую волость на основаніи границы, проведенной въ 1638 г. между Россіей и Польшей. На практикѣ межеваніе это получило крайне оригинальный характеръ. Межевщики, дѣйствуя въ угоду Меншикову и подъ его непосредственнымъ руководствомъ, примежевали къ Почепской волости еще двѣ съ лишкомъ сотни Стародубовскаго полка — бакланскую, мглинскую и значительную часть полковой стародубовской. Для того же, чтобы прочнѣе закрѣпить эти результаты межеванія, Меншиковъ при помощи ряда насилій, творившихся имъ самимъ и его подчиненными, сталъ добиваться отъ посполитыхъ и козаковъ примежеванныхъ земель „кабалы", которою бы они добровольно записывались въ его „подданство". Отъ бакланской сотни ему послѣ долгихъ усилій удалось добыть такую „кабалу". Удалось получить Меншикову „кабалу" и отъ мглинскаго сотника, но остальные мглинскіе „урядники" и представители населенія рѣшительно отказались подписаться подъ ней, не смотря на увѣщанія самого Меншикова [1]) и на примѣненныя къ нимъ насилія. Но жалобы населенія на эти насилія долго не имѣли успѣха, какъ не имѣли его и жалобы почепскихъ казаковъ, внезапно во всей своей массѣ обратившихся во владѣльческихъ „подданныхъ". Безрезультатными оставались сперва и попытки заступничества за стародубовскихъ полчанъ со стороны гетмана, съ безпокойствомъ увидѣвшаго, какъ быстро ростутъ аппетиты Меншикова и какъ мало стѣсняется онъ въ средствахъ удовлетворенія этихъ аппетитовъ.

Лишь въ 1722 г. Скоропадскій получилъ возможность лично представить царю подробный докладъ о почепскомъ межеваніи и Петръ, до котораго къ этому времени успѣли и изъ другихъ источниковъ дойти свѣдѣнія о захватахъ и насиліяхъ Меншикова въ Малороссіи, положилъ на этомъ докладѣ такую резолюцію: „то, что далъ гетманъ послѣ полтавской баталіи кн. Меншикову и грамотою жалованною утверждено, быть за нимъ; а что зверхъ того примежовано и взято, гетману возвратить и послать нарочного, чтобъ то размежованіе учинилъ въ правду". Но и эта царская резолюція была исполнена не сразу. Скоропадскій вскорѣ послѣ ея полученія умеръ, а назначенный наказнымъ гетманомъ Полуботокъ, добиваясь при своихъ столкновеніяхъ съ президентомъ вновь образованной Петромъ въ Малороссіи коллегіи, Вельяминовымъ, покровительства со стороны Меншикова, не склоненъ былъ портить свои отношенія съ

---

[1]) Сами мглинцы такъ передавали слова, съ которыми обратился къ нимъ Меншиковъ, созвавъ ихъ въ Почепъ: „добре бы, братцы, дабы такъ вы, якъ и бакланци, подали намъ челобитную, а по ней записалися своими руками жить за мною. Я васъ, когда будете мои, не подамъ ни въ якую обиду. Будете жить за мною свободни, нѣякихъ жолнѣрскихъ консистентовъ (солдатъ-постояльцевъ) кормить не станете и козаковъ вашихъ, которые нынѣ на работахъ въ Кіевѣ зостаютъ, пошлю указъ освободить. А хто васъ чимъ обидивъ или державцы ваши якое вамъ починили раззореніе, тое принужду ихъ вамъ возвратить. И во всемъ васъ охранять, якъ своихъ людей, обицую"

могущественнымъ временщикомъ и поэтому давалъ своимъ представителямъ въ почепскомъ дѣлѣ инструкціи, „не выхватуючися горячо, поступать политично и обходительно". При такихъ условіяхъ лишь новыя жалобы населенія непосредственно самому царю вновь дали толчокъ затихшему было дѣлу и повели къ окончательному отобранію отъ Меншикова примежеванныхъ имъ къ Почепской волости земель и къ возвращенію повернутыхъ было въ „подданство" почепскихъ и ямпольскихъ козаковъ вновь въ ряды козачества. Но часть этихъ козаковъ такъ и осталась въ „подданствѣ", а дѣло о возвращеніи имуществъ освободившихся изъ „подданства" козаковъ затянулось надолго, не закончившись и съ низложеніемъ Меншикова и отобраніемъ его имѣній въ казну [1]).

Съ тѣмъ размахомъ, какой проявилъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія имѣній въ Малороссіи Меншиковъ, не могъ сравняться ни одинъ изъ современниковъ и сотоварищей послѣдняго, какъ не могъ сравняться съ нимъ ни одинъ изъ нихъ и въ силѣ своего вліянія на Петра. Но въ существѣ своемъ исторія владѣній Меншикова въ Малороссіи лишь повторяла въ болѣе крупныхъ размѣрахъ исторію цѣлаго ряда подобныхъ владѣній. Долгорукій и Савва Рагузинскій, Головкинъ и Шафировъ, Шереметевъ и фонъ-Вейсбахъ, всѣ они, какъ и Меншиковъ, выпрашивали и получали имѣнія отъ Скоропадскаго при прямомъ содѣйствіи Петра, всѣ закрѣпляли за собою полученныя имѣнія царскими грамотами и всѣ вмѣстѣ, не неся никакой службы „Войску Запорожскому", образовывали въ немъ совершенно новую категорію владѣльцевъ. Получая формально имѣнія отъ гетмана, эти владѣльцы въ дѣйствительности стояли внѣ его власти и гетманъ не только не могъ своею волею отобрать у кого-либо изъ нихъ разъ данное ему имѣніе, но не могъ оказывать какого-либо вліянія и на ихъ службу, протекавшую внѣ предѣловъ „Войска Запорожскаго". Наоборотъ, сами эти новые владѣльцы, благодаря своей близости въ центральной власти, обладали возможностью серьезнаго воздѣйствія на гетманское правительство, которое въ силу этого нерѣдко не только закрывало глаза на незаконныя дѣйствія такихъ владѣльцевъ, направленныя къ расширенію ихъ имѣній, но и съ своей стороны оказывало имъ активную помощь въ подобныхъ дѣйствіяхъ. Въ конечномъ счетѣ это вело къ дальнѣйшему разростанію владѣльческаго класса въ Малороссіи и, въ частности, къ серьезному усиленію той группы владѣльческихъ имѣній, которая пользовалась

---

[1]) См. А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, сс. 275—94, 271; т. II, сс. 501—2. Ср. также Матеріалы для отечеств. исторіи, изд. М. Судіенко, т. II, сс. 292—3 и Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, К. 1888, сс. 52, 54, 55. Въ своихъ почепскихъ владѣніяхъ Меншиковъ, помимо всего прочаго, присвоилъ себѣ права гетмана и выдавалъ отъ своего имени универсалы на владѣніе мельницами и землями,—см., напр., Обозрѣніе Румянц. Описи. IV сс. 576—7, 579, 605.

наибольшей независимостью отъ гетманской власти, составляя полную и неограниченную собственность своихъ владѣльцевъ.

Наряду съ этимъ разростаніе владѣльческихъ имѣній совершалось и въ результатѣ мѣръ самого гетмана Скоропадскаго. Правда, Петръ непосредственно вслѣдъ за избраніемъ Скоропадскаго собирался серьезно ограничить власть гетмана въ раздачѣ имѣній и соотвѣтственно этому писалъ въ инструкціи, данной въ 1709 г. назначенному къ Скоропадскому резиденту, чтобы „впредь гетману ничьихъ маетностей и никакихъ земель, не описався, въ какіе услуги кому что дать надлежитъ, не отдавать... а чью службу онъ, гетманъ, увидитъ и какую ему, даже съ общаго согласія съ генеральной старшиною, (маетность) назначатъ, о томъ къ великому государю писать“ [1]). На практикѣ однако такое ограниченіе не удалось провести во всей его полнотѣ и Скоропадскій, какъ и предшествовавшіе ему гетманы, раздавалъ имѣнія въ Малороссіи по своей волѣ, безъ сношеній съ центральнымъ правительствомъ. Нерѣдко случалось и такъ, что отдѣльные члены послѣдняго, по своему служебному положенію не имѣвшіе прямого отношенія къ Малороссіи, сами обращались къ гетману съ ходатайствомъ за того или иного изъ малороссійскихъ обывателей, прося дать ему имѣніе. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого ходатайства. Прилуцкій протопопъ Трифановскій въ 1710 г. выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, отдававшій ему въ послушенство въ с. Березовицѣ десять подсусѣдковъ, жившихъ будто бы на его купленной землѣ, и трехъ человѣкъ, „на своихъ мужичихъ грунтахъ жиючихъ“. Еще черезъ шесть лѣтъ Трифановскій выпросилъ у гетмана половину этого села, а въ 1722 г., будучи въ Москвѣ, обратился къ протекціи Меншикова, чтобы получить и вторую половину. Меншиковъ и не отказалъ ему въ своей протекціи. „Ясневелможный господине гетмане войскъ его императорскаго величества запорожскихъ, — писалъ онъ 26 февраля 1722 г. Скоропадскому.— Просимъ вашу ясневелможность, дабы изволили приказать село Березовку, которое належитъ до Сребранской ратуши, отдать прилуцкому протопопу Трифановскому. Такожъ и власныхъ его людей, кои от него отошли самоволне в другіе села, отдать ему во владѣніе по прежнему и о чемъ онъ вашу ясневелможность будетъ просить, показать всякое милосердіе, в чемъ мы на вашу ясневелможность, яко на моего благодѣтеля, есмь благонадеженъ и остаюсь вашей ясневелможности доброжелателный и ко услуженію охотнѣйший Александръ Меншиковъ“. Скоропадскій исполнилъ эту просьбу, а затѣмъ Трифановскій получилъ на Березовицу и царскую грамоту [2]).

---

[1]) Источники малороссійской исторіи, ч. II, с. 229.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка, с. 25; Моск. Румянц. М̄ Архивъ Маркевича, № 79

Дѣйствовавшій раньше порядокъ остался такимъ образомъ въ силѣ и при Скоропадскомъ и, не смотря на инструкцію Петра, даже ближайшіе сподвижники его продолжали признавать за гетманомъ право самостоятельной раздачи имѣній. И если Скоропадскому нерѣдко приходилось раздавать ихъ по ходатайствамъ, обращеннымъ къ нему изъ Москвы или Петербурга, то еще большее количество имѣній онъ раздавалъ по собственной иниціативѣ, не вступая ни въ какія сношенія по этому поводу съ представителями центральнаго правительства. „Господинъ гетманъ—сообщалъ въ 1720 г. въ коллегію иностранныхъ дѣлъ состоявшій при Скоропадскомъ резидентъ—многія села и деревни, какъ описныя измѣнническія, такъ и во всѣхъ полкахъ принадлежащія до ратушъ и другія, отбирая у владѣльцевъ, не описываяся, роздалъ“ [1]). Подобно предшествовавшимъ ему гетманамъ, Скоропадскій дѣйствительно, какъ мы видѣли уже это въ предыдущемъ изложеніи, на всемъ протяженіи своего гетманства щедро раздавалъ имѣнія и монастырямъ, и бѣлому духовенству, и свѣтскимъ „державцамъ“, причемъ мотивы этой раздачи нерѣдко были какъ нельзя болѣе просты и элементарны. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали при Скоропадскомъ по старой традиціи раздавать имѣнія и отдѣльные полковники, каждый въ своемъ полку. А рядомъ съ этимъ по прежнему практиковался и прямой захватъ имѣній, пожалуй, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ когда-либо прежде.

Если и раньше всякому носителю гетманской булавы приходилось серьезно считаться съ вліятельными членами старшины, то въ эпоху Скоропадскаго положеніе гетмана въ этомъ смыслѣ стало еще болѣе труднымъ. Гетманская власть была серьезно ослаблена мѣропріятіями Петровскаго правительства, гетманъ не могъ болѣе ни назначать, ни смѣщать по своей волѣ полковниковъ и членовъ генеральной старшины и нерѣдко долженъ былъ отдавать мѣста не только полковниковъ, но даже сотниковъ, лицамъ, указаннымъ ему центральной властью. Наряду съ такими лицами и всякій вообще членъ старшины, успѣвшій почему-либо заручиться расположеніемъ и поддержкой этой власти, чувствовалъ себя почти независимымъ отъ гетмана и соотвѣтственно этому держалъ себя по отношенію къ нему и къ населенію. При наличности такихъ условій гетманъ часто даже при желаніи былъ совершенно не въ состояніи сдерживать произвольныя дѣйствія подвластной ему старшины. Надо прибавить, впрочемъ, что и самъ онъ въ свою очередь былъ далеко не чуждъ такихъ же дѣйствій. Безсильный бороться съ тенденціями центральной власти, шагъ за шагомъ все болѣе стѣснявшей и ограничивавшей его полномочія, Скоропадскій обладалъ однако достаточною властью для того, чтобы навязывать свои распоряженія низшимъ классамъ подвластнаго ему населенія

[1]) Источники малороссійской исторіи, ч. II, с. 295.

и преслѣдовать свои личные интересы, и широко пользовался ею въ обоихъ этихъ направленіяхъ. Если Петръ, руководясь мыслью о необходимости и возможности обезпечить вѣрность Малороссіи путемъ установленія болѣе тѣснаго подчиненія ея администраціи центральному правительству, стремился изъять изъ рукъ населенія и гетмана замѣщеніе высшихъ должностей въ малорусской администраціи, то Скоропадскій съ своей стороны, воплощая въ себѣ эволюцію взглядовъ высшихъ слоевъ малорусской старшины, склоненъ былъ разсматривать замѣщеніе даже низшихъ административныхъ должностей, какъ дѣло, въ которомъ воля гетмана должна была имѣть несравненно большее значеніе, чѣмъ воля населенія. Сообразно этому онъ не только сплошь и рядомъ назначалъ сотниковъ, не считаясь съ желаніями населенія, но и не мирился съ протестами послѣдняго по поводу такихъ назначеній. Когда населеніе той или другой сотни отказывалось принять назначеннаго гетманомъ сотника и, „скинувъ“ его, выбирало на его мѣсто другого, Скоропадскій готовъ былъ считать такія дѣйствія, столь обычныя въ прежнее время, прямымъ бунтомъ и горячо настаивалъ передъ царскимъ правительствомъ на необходимости строгаго наказанія подобныхъ самовольниковъ. Такъ рѣшительно противопоставляя свою власть волѣ населенія и такъ энергично охраняя эту власть, Скоропадскій не стѣснялся пускать ее въ ходъ и какъ орудіе личныхъ своихъ интересовъ. За время своего гетманства онъ отобралъ на себя не мало селъ, шедшихъ передъ тѣмъ на „уряды“ полковниковъ и полковой старшины [1]), перевелъ въ свое личное владѣніе и закрѣпилъ за своею женою и своимъ потомствомъ немало ранговыхъ гетманскихъ маетностей и роздалъ большое количество имѣній своимъ родственникамъ и свойственникамъ. И въ этомъ же духѣ дѣйствовалъ не одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ. Генеральнаго писаря Семена Савича его подчиненные уличали въ поддѣлкѣ гетманскихъ универсаловъ на имѣнія [2]). На генеральнаго судью Чарныша безпрестанно сыпались жалобы за его злоупотребленія, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимали незаконные захваты имѣній. Аналогичныя жалобы раздавались со стороны населенія и на другихъ чиновъ генеральной старшины.

По пятамъ гетмана и генеральной старшины шла и остальная старшина, въ особенности же тѣ члены ея, которые назначались центральною властью и были поэтому наиболѣе независимы въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда въ 1714 г. въ Прилуцкій полкъ по царскому указу назначенъ былъ полковникомъ Игнатій Галаганъ,

---

[1]) Такъ, напр., прилуцкая старшина, жалуясь въ 1723 г. царю на завладѣніе фонъ-Вейсбаха сс. Рясками и Мамаевкой, прибавляла: „якіе иншіе села в полку Прилуцкомъ на урядъ полковничества, также и сѣножати в розныхъ мѣстцахъ, то покойній гетманъ Іоаннъ Скоропадскій на свою особу поотобралъ“—Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла Черниг. Палаты Уч. и Гр., оп. 3, св. I, № 15.

[2]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. II, сс. 325—6.

прилуцкая полковая и сотенная старшина съ товариствомъ и поспольствомъ, „ни въ чомъ не сопротивляючись волѣ монаршой“, подали однако гетману „крваво плачливое доношеніе“, прося, чтобы вновь назначенный полковникъ въ управленіи полкомъ руководствовался особо составленными ими „пунктами“, которые должны были обезпечить полчанъ отъ возможныхъ насилій и злоупотребленій съ его стороны. „Пункты“ эти были утверждены гетманомъ и состоявшимъ при немъ въ качествѣ царскаго резидента стольникомъ Протасьевымъ, предъявлены Галагану, который ихъ „непремѣнно всегда содержати обѣщался“, и переданы обратно прилуцкимъ полчанамъ съ гетманской подписью и войсковой печатью. Но даже такой формальный договоръ съ назначеннымъ полковникомъ, скрѣпленный самимъ гетманомъ, мало помогъ населенію полка. Очень скоро этому населенію пришлось вновь обращаться къ гетману, уже съ жалобами на Галагана, который, вступивъ въ отправленіе своей должности, немедленно же нарушилъ всѣ условія заключеннаго договора, а самые „пункты“ отобралъ отъ полчанъ якобы для прочтенія и не вернулъ обратно [1]). Впрочемъ, и жалобы эти въ свою очередь не давали большихъ результатовъ. Передъ гетманомъ въ Глуховѣ Галаганъ неизмѣнно обѣщалъ воздерживаться отъ всякихъ злоупотребленій и насилій, а, вернувшись въ Прилуки, сейчасъ же принимался за старое и насмѣхался надъ полчанами: „попоѣздите не разъ еще въ Глуховъ, да ничого мнѣ не учините“. А злоупотребленія его, дѣйствительно, были велики. Полковникъ—жаловались, между прочимъ, гетману прилуцкіе полчане въ 1719 г.—„универсаловъ велможности вашой отнюдь не слухаетъ, поневажъ (такъ какъ) и сего часу новый явилъ в Малой Россіи образъ, якого и за прежнихъ антецессоровъ велможности вашой не бывало, жебы (чтобы) хто маетность себѣ без волѣ и унѣверсалу рейментарского моглъ завладѣти: нашъ его милость панъ полковникъ, виправивши себѣ унѣверсалъ вашъ рейментарскій на хуторецъ, прозиваемий Камянку, дарованный ему од варвинского сотника под селомъ Озеранами в сотнѣ варвинской, завладѣлъ своею властію и село оное и протчіе, до которыхъ и слободу на три года позволилъ кликати, и такъ многіе уже посполитіе, видячи свою нужду, з селъ ратушнихъ туда позаходили и посели-

[1]) Прилуцкій протопопъ Трифановскій разсказывалъ по этому поводу о такой сценѣ. Какъ-то онъ въ присутствіи полковника, полковой старшины и сотниковъ поспорилъ съ полковымъ асауломъ Мовчаномъ и послѣдній попрекнулъ его, что онъ не соблюдаетъ заключеннаго съ прихожанами договора („пунктовъ“). „И я—продолжалъ свой разсказъ протопопъ—на тое сказалъ: и вамъ панъ полковникъ далъ пункта, да не чинится такъ, бо одобралъ од васъ оніе, на що панъ полковникъ одозвался: чортъ хиба (развѣ) вамъ далъ пункта, а не я. Мовчанъ отвѣтовалъ: добродѣю мосцѣ пане полковнику, не чортъ намъ далъ пункта, але ясневелможный, на якіе слова одозвался панъ полковникъ: если вамъ ясневелможный далъ пункта, держѣте ихъ при собѣ“.

лись для своей фолкги (облегченія), а над то (сверхъ того) з мѣстечка Варви человѣка 30 пошло, и для того барзѣй (больше), что, много въ иншихъ поотбиравши степу, позволяетъ новопришелимъ пахати и косити. И такъ, ежели велможность ваша его милости пану полковникови нашему не воспятитъ неслушного (несправедливаго) излишества чинити, то люди бѣдніи, двигаючи безмѣрную тяжесть при инныхъ необходимыхъ трудностяхъ, и всѣ туда на слободку пойдутъ и отнюдь нѣкому будетъ одбувать общой повинности". При розыскѣ, производившемся по этой жалобѣ, полчане утверждали, что Галаганъ, „многіе села, самоволне оторвавши от ратуша, именно до сотнѣ варвинской прислушаючіе, себѣ обернулъ в работизну и з оныхъ людей посполитихъ, якъ самъ хочетъ, на свою привату употребляетъ для ораня, сѣвбы, жатвы, косовицы, гаченя гребли и протчіего". Галаганъ отрицалъ это, но на розыскѣ выяснилось, что онъ, дѣйствительно, завладѣлъ свободными („ратушными") селами Озерянами и Свѣтличнымъ, высылалъ козаковъ и посполитыхъ сс. Иванковецъ и Дегтяровъ на гаченье своей плотины и на косовицу и заставлялъ козаковъ селъ Антоновки, Савинки и Оробювки возить ему дерево изъ лѣса. Съ своей стороны войтъ г. Прилукъ при розыскѣ показалъ, что „мѣщане прилуцкіе и прочіе до ратуша городового належачіе люде що року (ежегодно) на потребу пана полковника косятъ траву, дрова возятъ и колютъ по прежнему обикновенію". И въ самый день допроса—прибавлялъ къ своему показанію прилуцкій войтъ—„велено мнѣ вистатчити (поставить) з селъ ратушнихъ косаровъ 60, а гребцовъ 60, и я, по указу его панскомъ уже тое число указное косаровъ и гребцовъ вистатчивши, послалемъ оныхъ в степъ для зробленя сѣна полковничого" [1]).

Галаганъ, бывшій при Мазепѣ компанейскимъ полковникомъ, ушедшій было вмѣстѣ съ Мазепою къ шведамъ, затѣмъ вернувшійся къ Петру, доказавшій ему свою „вѣрность" участіемъ во взятіи и раззореніи Запорожской Сѣчи и получившій за это должность прилуцкаго полковника, являлся типичнымъ представителемъ той старшины, которая получала въ эпоху Скоропадскаго мѣста по царскимъ указамъ. Такъ же, какъ Галаганъ, вели себя по отношенію къ войсковымъ маетностямъ и многіе другіе полковники и сотники, назначенные такими указами. Но такъ же нерѣдко вела себя и старшина, въ назначеніи которой Петръ и вообще центральное правительство не принимали никакого участія, притомъ не только старшина, занимавшая наиболѣе видныя мѣста въ „Войскѣ Запорожскомъ", но и второстепенная, вродѣ сотниковъ. Такъ, напримѣръ, въ Полтавскомъ полку въ 1722 г. велось слѣдствіе объ обидахъ, причинявшихся населенію старосанжаровской

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр., оп. 2. св. 1 № 1.

сотни сотникомъ Иваномъ Тарнавскимъ, и въ числѣ этихъ обидъ жаловавшіеся на сотника сотняне, между прочимъ, указывали и такую: „не мѣючи себѣ панъ сотникъ ни от кого таковихъ крѣпостей, даби поддании имѣти, любо (хотя) и малое число, то самовластно завладѣлъ в подданство человѣка шѣстьдесять и з лишкомъ“, причемъ „тии тѣ его поддании от драгунского виктованя (прокормленія) свободни, а вмѣсто подданихъ его козаки бѣдние драгунамъ провиянтъ и фуражъ дають з великою нуждою и убиткомъ“ [1]). Сотникъ кропивянской сотни Переяславскаго полка Константинъ Следзинскій вызвалъ противъ себя рядъ жалобъ, въ 1729 г. дошедшихъ до генеральнаго суда. Въ этихъ жалобахъ сотняне, между прочимъ, обвиняли Следзинскаго въ томъ, что онъ „хуторовъ козачихъ людми всякие работизны себѣ отправляетъ“ и, „самъ собою поработивъ козаковъ 24, а посполитыхъ 87 человѣка, всякіе з нихъ подданские работизны отбираетъ, укрываючи пред ревизорами, и от сустентаціи консистентовъ (прокормленія расположенныхъ на постоѣ солдатъ) уволняетъ, а положенные на нихъ раціи и порціи з другихъ козаковъ собираетъ“. Аналогичныя обвиненія были тогда же предъявлены и къ сотнику золотоношской сотни того же Переяславскаго полка, Антону Черушинскому. Въ числѣ другихъ жалобъ на него сотняне, между прочимъ, указывали, что онъ „завладѣлъ ратушныхъ людей 159 человѣкъ в подданство“ и, не допуская брать съ нихъ деньги на консистентовъ, „велѣлъ оныя денги собирать з другихъ козаковъ и посполитыхъ, а за отдачею остатокъ денегъ себѣ взималъ“. Сверхъ того, по словамъ жалобщиковъ, Черушинскій „ремесниковъ золотоноскихъ, шевцовъ, кравцовъ, ковалей, колесниковъ и бондарей, чрез все время сотництва своего до всякихъ работъ своихъ безплатежно употреблялъ“ и, „козаковъ 2? человѣка въ мужицтво ввернувши, всячески ими работалъ“ [2]). Подобные же захваты практиковались и другими членами старшины и благодаря этимъ

---

[1]) Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., І, св. 1, № 28. О томъ, какъ происходило иногда это „завладѣніе въ подданство“, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующая жалоба, поданная слѣдователямъ по дѣлу Тарнавскаго нѣкіимъ „Алексѣемъ, Куцевымъ зятемъ“. „Молюся вашей панской милости—писалъ въ ней жалобщикъ—о своей нуждѣ, от пана сотника нашого учиненной, что взялъ мене силою в подданство, а, увидѣвши его прикрое дѣло, не схотѣлъ ему въ подданствѣ бити, за тое онъ, панъ сотникъ, мене велѣлъ дворовой челяди двомъ на головѣ и на ногахъ сѣсти, а самъ киемъ дубиною билъ, поки змоглъ, и еще по битю сермягу велѣлъ зняти и знялъ, и еще присилалъ Баранника по мене, аби до двора взялъ и за шию ковалъ, и от того я скривался по домахъ людскихъ, а сермяги до сего часу не даютъ, того ради кривавихъ своихъ сліозъ чоломъ бью“.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла б. Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, в. 5, кн. 23, д. 51, лл. 124 об.—126.

захватамъ немалое количество свободныхъ посполитыхъ и свободныхъ войсковыхъ селъ переходили въ частное владѣніе.

Въ общемъ такимъ образомъ эпоха Скоропадскаго принесла съ собою дальнѣйшее разростаніе владѣльческаго класса въ Малороссіи, связанное съ расширеніемъ и упроченіемъ его владѣній. И мѣры Петровскаго правительства не только не помѣшали этому процессу, но еще ускорили его. Петръ послѣ измѣны Мазепы не пошелъ по тому пути, на который собиралось стать московское правительство въ 1692 г.,—пути сокращенія имѣній старшины. При той условности, какой отличалось землевладѣніе послѣдней, и при тѣхъ широкихъ полномочіяхъ, какими располагало въ данной области центральное правительство, у него имѣлась полная возможность пойти по этому пути, который былъ бы въ согласіи съ интересами широкихъ народныхъ массъ Малороссіи. Но для того, чтобы использовать такую возможность, надо было стоять несравненно ближе къ этимъ массамъ, чѣмъ это мыслимо было для Петра. Прямой наслѣдникъ московскихъ политиковъ конца XVII вѣка съ ихъ централистическими тенденціями, порою прикрывавшимися демократическими лозунгами, онъ однако еще меньше своихъ предшественниковъ способенъ былъ къ широкому и послѣдовательному демократизму. Въ критическій моментъ жизни лѣвобережной Малороссіи, отдавшій въ его руки распоряженіе ея судьбами, Петръ выбралъ себѣ поэтому иную дорогу и, хотя офиціально онъ ставилъ своею цѣлью интересы народныхъ массъ, на дѣлѣ его политика рѣзко разошлась съ этими интересами. Стремясь обезпечить себѣ вѣрность малорусской старшины, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ограничивалъ ея политическія права, но въ то же время упрочивалъ ея соціальное положеніе. И послѣдствія такой политики сложились вполнѣ опредѣленно. Какъ производившаяся Петромъ раздача имѣній въ Малороссіи, такъ и созданное его мѣропріятіями ослабленіе власти гетмана надъ старшиною имѣли для массъ малорусскаго народа одинъ и тотъ же результатъ—усиленіе владѣльческаго класса, соединенное съ упроченіемъ его имѣній и сокращеніе количества свободныхъ войсковыхъ селъ.

Въ 1722 г. Петромъ былъ сдѣланъ новый и весьма рѣшительный шагъ къ ограниченію гетманской власти. Именнымъ царскимъ указомъ отъ 27 апрѣля 1722 г. учреждена была въ Глуховѣ особая Малороссійская Коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ расположенныхъ въ Малороссіи великорусскихъ гарнизоновъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Эта Коллегія, создававшаяся якобы въ полномъ согласіи съ „статьями“ Богдана Хмельницкаго и другихъ гетмановъ, должна была служить выс-

шей аппеляціонной инстанціей въ Малороссіи для судебныхъ дѣлъ, наблюдать за административной дѣятельностью старшины и самого гетмана, защищать козаковъ и посполитыхъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны старшины и, наконецъ, слѣдить за хлѣбными и денежными сборами съ населенія и ихъ расходованіемъ и за порядкомъ расквартированія помѣщенныхъ на постой въ Малороссіи армейскихъ полковъ. Протестъ гетмана противъ созданія этой Коллегіи остался безрезультатнымъ, а послѣдовавшая въ концѣ того же 1722 года смерть Скоропадскаго дала Петру поводъ пойти еще дальше въ ограниченіи малорусской автономіи. Избраніе новаго гетмана было отсрочено царемъ на неопредѣленное время, а управленіе Малороссіей поручено назначенному наказнымъ гетманомъ черниговскому полковнику Полуботку совмѣстно съ генеральной войсковой канцеляріей и Вельяминовской Коллегіей. Когда же Полуботокъ, не ужившись съ Вельяминовымъ, убѣдилъ значительную часть старшины вновь возбудить настойчивое ходатайство о разрѣшеніи выбрать гетмана и объ уничтоженіи Малороссійской Коллегіи, и самъ Полуботокъ, и поддерживавшая его старшина были арестованы и лишены должностей, на которыя были назначены другія лица, а настоящимъ правителемъ Малороссіи остался Вельяминовъ, всецѣло подчинившій себѣ послѣ этого эпизода и генеральную канцелярію, и всю вообще старшину.

Съ этими радикальными измѣненіями въ области управленія Малороссіей совпала и нѣкоторая перемѣна или, по меньшей мѣрѣ, попытка перемѣны въ правительственной политикѣ по отношенію къ старшинскому землевладѣнію. Уже подъ руководствомъ Полуботка генеральная войсковая канцелярія, чувствуя надъ собою наблюденіе Вельяминовской Коллегіи, стала принимать нѣкоторыя мѣры къ болѣе серьезной охранѣ ранговыхъ селъ отъ захватовъ и неправильной раздачи. Такъ, въ 1722 г., получивъ извѣстіе, что въ Стародубовскомъ полку, благодаря отсутствію въ немъ „цѣлаго“ полковника, „села, мельницы и другіе приходы, на совершенного полковника належные, въ разніе руки порозбираны и до приватныхъ нѣкоторыхъ работизнъ безъ респекту бываютъ употребляемы“, генеральная канцелярія отправила въ этотъ полкъ войскового товарища Парфена Пекалицкаго съ приказомъ „належніе на урядъ полковничества всѣ маетности, мельницы и другіе угодія зревѣдовать (обревизовать) и одсель, въ кого ни суть, до единого его завѣдованія и смотренія поодбирать“. Пекалицкій долженъ созвать войтовъ всѣхъ такихъ селъ и приказать имъ, — распоряжалась далѣе генеральная канцелярія — „щобъ од сего часу ни до кого больше, кроме его, не належали и ни в чомъ нѣкого не слухали, корысти зась (же), зъ тихъ всѣхъ селъ, мельницъ и другихъ угодій обыкновенно стягаючіяся, по-

виненъ онъ, панъ Пекалицкій, где усмотритъ, чи в дворѣ войсковомъ полковничомъ, чили на иншомъ мѣстцу, збирати и содержати в цѣлости до далшого указу" [1]). Въ началѣ слѣдующаго года правителямъ генеральной канцеляріи стало извѣстно, что нѣжинскій полковникъ „мимо вѣдомость" ихъ отдалъ во владѣніе „нѣякому Марку, полчанину своему", с. Фастовцы, которое „за прежде бывшихъ гетмановъ до армати артилеріи войсковой енералной належало для всякихъ въ дворцѣ тамошнемъ войсковомъ послугъ". Вслѣдъ за этимъ изъ генеральной канцеляріи отправлено было требованіе нѣжинскому полковнику, чтобы онъ „мененному Марковѣ одъ владѣнія того села одказалъ", и посланъ былъ спеціальный универсалъ фастовецкому войту и посполитымъ. „Пилно приказуемъ,—говорилось въ этомъ универсалѣ—жебысте (чтобы вы) по давному опредѣленію и обикновенію, якъ за прежде бывшихъ гетмановъ чинилося, такъ и теперь всякое послушенство до армати артилеріи войсковой енералной въ дворецъ тамошній Хвастовскій безъ жадного огурства (всякой лѣности) и противности отдавали по приказу и загаду (требованію) пана Якова Жиловича, на сей часъ будучого атамана артилериского. Еслижбысте подлугъ сего унѣверсалу нашого не мѣли по прежнему надлежащого одъ себе повиновенія и послушенства до дворца тамошнего войскового отдавати, то вѣдайте тое певне (вѣрно), же (что) прикажемъ васъ сюда въ Глуховъ зъ безчестіемъ зискати и тутъ за преслушаніе указу нашого жестокое учинити наказаніе деклыруемъ" [2]).

Съ своей стороны Малороссійская Коллегія, слѣдуя даннымъ ей отъ Петра инструкціямъ, принимала еще болѣе рѣшительныя мѣры, касавшіяся уже не однихъ только ранговыхъ имѣній. Вельяминовъ началъ свою дѣятельность съ уничтоженія податныхъ привилегій державческихъ маетностей и именно на этой почвѣ разыгрались его первыя столкновенія съ Полуботкомъ, выступившимъ на защиту интересовъ державцевъ. Но, не удовольствовавшись этимъ, президентъ Малороссійской Коллегіи скоро пошелъ и дальше и началъ ставить препятствія къ дальнѣйшей раздачѣ свободныхъ селъ въ частное владѣніе. Такъ, когда въ концѣ 1723 года Малороссійской Коллегіи стало извѣстно, что Полуботокъ съ генеральной старшиной взяли въ новгородской сотнѣ Стародубовскаго полка

---

[1]) Указы Генеральной Войсковой Канцеляріи, рукопись изъ собранія М. О. Судіенка въ библіотекѣ кіевскаго университета. Пользуюсь случаемъ выразить сердечную признательность Н. П. Василенку, благодаря дружеской любезности котораго я имѣлъ возможность ознакомиться съ этой рукописью, когда она находилась въ его библіотекѣ. Составленная Пекалицкимъ любопытная опись ранговыхъ полковничьихъ владѣній въ Стародубовскомъ полку сохранилась до нашего времени—см. рукописное отдѣленіе Моск. Румянц. Музея, Архивъ Маркевича, № 3072.

[2]) Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись изъ собранія М. О. Судіенка въ б-кѣ кіевск. ун-та, указъ отъ 8 янв. 1723 г.

зъ вѣдѣні я мѣстной ратуши сс. Нефедовку и Рыковъ и отдали во владѣніе, первое сотнику Галецкому, а второе бунчуковому товарищу Кутневскому „для работы ихъ“, Коллегія назначила по этому поводу слѣдствіе и затѣмъ вынесла такое постановленіе: „нынѣ онымъ селамъ быть въ вѣдѣніи до оной ратуши противъ прежнего обыкновенія, а помянутымъ Галецкому и Кутневскому отъ владѣнія тѣхъ селъ отказать, для того, что генеральная старшина, а именно есаулъ Жураковской и бунчучной Лизогубъ, допросомъ своимъ въ Малороссійской Коллегіи показали, что оныя села имъ, Галецкому и Кутневскому, отданы отъ нихъ въ такой мѣрѣ, что будто и прежде сего такія села вольно было отдавать на время, а указу де его императорскаго величества изъ высокоправительствующаго сената объ отдачѣ такихъ селъ въ вѣчное и временное владѣнія они не имѣють“. Находя, что, въ виду отсутствія такого указа, генеральная старшина не имѣла права раздавать села и что ей этого особенно „чинить не надлежало“ послѣ царскаго указа 1722 г., воспретившаго притѣсненіе малороссійскаго народа, Коллегія и постановила отобрать отъ Галецкаго и Кутневскаго названныя села и возвратить ихъ въ вѣдѣніе новгородской ратуши [1]). Иначе говоря, Малороссійская Коллегія и ея президентъ готовы были считать раздачу селъ старшиною безъ царскаго указа „утѣсненіемъ малороссійскаго народа“ и отказывались допускать подобную раздачу. Такимъ образомъ тотъ порядокъ раздачи имѣній, который Петръ безуспѣшно пытался установить въ 1710 г. путемъ инструкціи своему резиденту при гетманѣ, теперь вновь вводился въ жизнь усиліями Малороссійской Коллегіи.

Одновременно съ этимъ Петровское правительство собиралось повидимому, осуществить черезъ Малороссійскую Коллегію и другіе болѣе широкіе планы. Въ 1723 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, разрѣшавшій одинъ изъ пунктовъ спора между Вельяминовымъ и Полуботкомъ и освобождавшій малорусскихъ державцевъ отъ тѣхъ сборовъ въ казну, какими они были пожалованы по царскимъ грамотамъ и гетманскимъ универсаламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако эти державцы обязывались представить всѣ имѣвшіяся у нихъ крѣпости на маетности, мельницы и земельныя угодія. Вслѣдъ за тѣмъ Полуботокъ и генеральная старшина, по требованію Малороссійской Коллегіи, 22 декабря 1723 г. разослали во всѣ полки универсалы, предписывая всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ державцамъ и прочимъ обывателямъ, подъ страхомъ „штрафа и наказанія и потерянія своихъ добръ“ въ ближайшій срокъ доставить такія крѣпости въ Коллегію, чтобы „вѣдомо было, хто чимъ и по якимъ крѣпостямъ вла-

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ б-кѣ кіевск. ун-та), л. 368.

дѣетъ" [1]). Въ то же время, по требованію Коллегіи, генеральной канцеляріей собирались и другія свѣдѣнія—„вѣдомости, сколько селъ и деревень и другихъ ратушныхъ угодій въ Малой Россіи обрѣтается, такожъ сколько съ нихъ якихъ доходовъ въ годъ выбирается", свѣдѣнія объ измѣнничьихъ маетностяхъ, какіе изъ нихъ кому розданы, свѣдѣнія о числѣ козацкихъ и посполитскихъ дворовъ [2]). Всѣ эти работы нашли себѣ своеобразное завершеніе въ 1726 г., когда Малороссійская Коллегія разослала по всѣмъ полкамъ лѣвобережной Малороссіи спеціальныхъ уполномоченныхъ въ лицѣ великорусскихъ офицеровъ, поручивъ имъ произвести „ревизію" всѣхъ имѣній и правъ на нихъ ихъ владѣльцевъ.

Острый конфликтъ, въ который вступило Петровское правительство съ малорусской старшиной, привелъ его такимъ образомъ отъ вопроса о податныхъ привилегіяхъ послѣдней къ другому, болѣе широкому вопросу, породивъ мысль о провѣркѣ правъ этой старшины на находившіяся въ ея рукахъ владѣнія. Въ условіяхъ сотрудничества правительства съ мѣстными силами, достаточно знакомыми съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ не заинтересованными въ его непремѣнномъ сохраненіи, такая провѣрка могла бы дать серьезные результаты, далеко не безразличные для широкихъ массъ малорусскаго населенія. Но Петровское правительство съ его рѣзко централистическими тенденціями и настойчивымъ желаніемъ „прибрать Малую Россію къ рукамъ" не находилось въ подобныхъ условіяхъ, а его собственные агенты не обладали такимъ знаніемъ малорусскихъ отношеній въ сферѣ землевладѣнія, которое позволило бы имъ свободно разбираться въ этихъ отношеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство какъ нельзя болѣе наглядно сказалось при „ревизіи" имѣній, предпринятой Малороссійской Коллегіей. Производившіе эту „ревизію" великорусскіе офицеры оказались совершенно неспособными разобраться въ чуждыхъ имъ характерѣ и терминологіи малорусскаго землевладѣнія и, въ частности, безнадежно спутали свободныя войсковыя села, въ просторѣчіи нерѣдко называвшіяся „ратушными", съ городскими имѣніями, представивъ въ силу этого чуть не все землевладѣніе старшины выросшимъ на почвѣ незаконнаго захвата городскихъ владѣній. Опираясь на такого рода свѣдѣнія и представленія, Петровскому правительству трудно было бы предпринимать сколько-нибудь успѣшныя практическія дѣйствія.

Но офицерская „ревизія" и производилась тогда, когда Петра уже не было въ живыхъ. При всей стр емительности своихъ рѣше-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Кіевскій Центральный Архивъ, № 1616/1702.

[2]) Указы генеральной войсковой канцеляріи, рукопись изъ собранія М. О. Судіенка въ б-кѣ кіевск. ун-та, указы за 1723 г.

пій онъ успѣлъ только поставить общій вопросъ о правахъ малорусскихъ державцевъ на ихъ маетности, и притомъ поставить уже послѣ того, какъ при его содѣйствіи, а въ значительной мѣрѣ и его собственными усиліями было создано немалое количество фактовъ, упрочившихъ положеніе владѣльцевъ имѣній въ Малороссіи. Петровская эпоха не дала такимъ образомъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса и не устранила заключавшихся въ немъ противорѣчій. Круто поставленный Петромъ, онъ остался въ наслѣдіе его преемникамъ и долженъ былъ рѣшаться въ нѣсколько иной атмосферѣ, сравнительно съ той, какая создалась вокругъ него въ Петровское время, но подъ прямымъ вліяніемъ тѣхъ фактическихъ условій, которыя были созданы въ его области за это время.

В. Мякотинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

САИДЪ РЫБАКЪ.

История его жизни.

Мармадука Пиктхолла.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

ЧАСТЬ I.

Книга его счастья.

„И были среди нихъ такіе которые заключали съ Богомъ условіе: поистинѣ, если Онъ дастъ намъ отъ избытка Своего, мы будемъ творить милостыню и станемъ праведными".

Алькоранъ.

I.

Домъ рыбака Саида пріютился между песчаныхъ дюнъ на морскомъ берегу, на разстояніи доброй мили отъ города, тѣнь котораго покрывала его на закатѣ. Внутри онъ состоялъ изъ одной горницы, очень грязной, пропахшей самыми разнообразными запахами, копившимися здѣсь много лѣтъ. Снаружи онъ представлялъ собой приземистый кубъ, съ каменными стѣнами и кровлей изъ обожженнаго на солнцѣ ила съ глиной пополамъ, укатаннаго до сравнительно ровной плоскости. Возлѣ самаго дома росло фиговое дерево, ближайшее къ морю на всемъ берегу. Здѣсь, въ развилинѣ между вѣтвями, въ душныя лѣтнія ночи, Саидъ клалъ свой матрацъ и мирно похрапывалъ на холодкѣ, двумя низкими басовыми нотами, между тѣмъ какъ жена вторила ему дискантомъ съ своего ложа на крышѣ. Здѣсь, покончивъ дневную работу, онъ усаживался на четвереньках въ тѣни не спѣша потягивая дымъ изъ кальяна, и при каждой затяжкѣ его охлаждало бульканье воды.

Рыбакъ онъ былъ не изъ мудреныхъ, не такой, какъ иные европейскіе, у которыхъ собственныя парусныя лодки и которые выѣзжаютъ далеко въ море, чтобъ забросить сѣти. На Аравійскомъ побережьѣ такихъ и не водилось, а.

если и водились, Саидъ не слыхивалъ о нихъ. Иногда онъ бралъ лодку у пріятеля, отъѣзжалъ недалеко отъ берега и закидывалъ сѣти, отмѣчая ихъ окружность подпрыгивающими на водѣ пробками и деревяшками. Но чаще устраивался возлѣ устья какой-нибудь рѣчушки, съ большими плоскими камнями, или же на мысѣ, далеко выдавшемся въ море и сулящемъ надежную точку опоры. И здѣсь, въ чемъ мать родила, если не считать огромнаго тюрбана, деньденьской плескался и барахтался въ водѣ со своимъ неводомъ, когда одинъ, когда съ товарищами.

Когда уловъ бывалъ особенно удаченъ, онъ клалъ рыбу въ плетеную корзину и несъ ее на рынокъ, въ городъ. Здѣсь онъ всегда стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и такъ привыкъ къ нему, что считалъ его своею собственностью. Громкимъ голосомъ онъ взывалъ къ Аллаху, моля его вложить въ сердца прохожихъ желаніе покушать рыбки. И нерѣдко Аллахъ милостиво преклонялъ слухъ къ его мольбѣ, и не часто бывало, чтобы Саидъ возвращался домой съ пустой корзиной.

Однажды вечеромъ, когда онъ возвращался домой, волоча за собою по песку пустую корзину, впервые въ жизни ему не повезло.

Солнце близилось уже къ закату, но на небѣ не видно было ни единаго алаго пятнышка. Тѣни на пескѣ удлинняліись къ востоку, голубыя, какъ барвинокъ. Съ десятокъ собакъ лежали на пескѣ съ высунутыми языками, вокругъ издохшаго осла, сонныя отъ сытости, тяжело дыша. Онѣ посмотрѣли на Саида, когда онъ проходилъ, и заерзали безпокойно животами, но не заворчали на него—для этого онѣ были слишкомъ сыты. Рыбакъ былъ доволенъ собой и всѣмъ на свѣтѣ. Онъ остановился, вытащилъ изъ-за пояса небольшой кошелекъ. гдѣ лежалъ его сегоднишній заработокъ, выпустилъ ручку корзины, присѣлъ на корточки, выложилъ всѣ деньги монету за монетой на колѣни и началъ пересчитывать ихъ.

Глаза его горѣли жадностью. Широко разставивъ пальцы лѣвой руки, онъ по очереди дотрагивался до монетъ указательнымъ пальцемъ правой. Весь лобъ его собрался въ складки отъ усилія высчитать, сколько же онъ можетъ отложить сегодня въ завѣтную дырку на полу, гдѣ онъ хранилъ свои сбереженія.

Насколько онъ могъ сообразить, еще одинъ такой удачный день—и у него будетъ какъ разъ столько, сколько стоитъ кофейня, которую онъ давно рѣшилъ купить. Тогда онъ всю свою рыболовную снасть передастъ Абдуллѣ, своему другу и компаньону, и для посѣтителей своей кофейни

станетъ уже Саидомъ-эффенди. Но Саидъ былъ честолюбивъ, и это былъ лишь первый шагъ, намѣченный имъ для его будущей карьеры. Впослѣдствіи онъ станетъ беемъ.

— Можетъ быть, даже эмиромъ: и будетъ цѣлый день валяться на мягкихъ подушкахъ, покуривая изъ кальяна искуснѣйшей работы. А когда Абдулла придетъ къ нему съ предложеніемъ купить у него рыбы, Саидъ схватитъ его за уши и плюнетъ ему въ лицо.

Внезапно громкій крикъ прервалъ его мечты:

— Эй! Эй! Берегись! Прочь съ дороги, собачій сынъ!

Тутъ только Саидъ увидалъ двухъ всадниковъ, скачущихъ во весь опоръ прямо на него съ песчаной дюны—судя по формѣ, турецкихъ офицеровъ изъ мѣстнаго гарнизона. Они были ужъ совсѣмъ близко—вотъ-вотъ раздавятъ. Онъ вскочилъ на ноги и прыгнулъ въ сторону, какъ разъ во время, чтобъ не попасть подъ лошадиныя копыта. Всадники громко захохотали, выругали его и проскакали мимо, засыпавъ ему глаза пескомъ.

— Чтобъ имъ сквозь землю провалиться, вмѣстѣ съ ихъ домами!—ворчалъ имъ вслѣдъ Саидъ, оскаливая зубы, какъ обозленная собака. Потомъ вспомнилъ, что, вскочивъ, когда они спугнули его, онъ разсыпалъ деньги, лежавшія у него на колѣняхъ, и, забывъ объ обидѣ, кинулся въ растяжку на песокъ подбирать упавшее.

Глаза его сверкали страхомъ и надеждой; дрожащія руки захватывали пригоршни песку и просѣивали его сквозь пальцы. Но бѣшеная скачка всадниковъ подняла такой вихрь, что песокъ разметало во всѣ стороны, и лошади оставили на немъ глубокіе слѣды копытъ. Сколько онъ ни рылся, ни искалъ—нашелъ всего лишь двѣ маленькихъ мѣдныхъ монетки; а солнце уже садилось и тѣни ночи надвигались. Потянулся мимо длинный караванъ верблюдовъ, направляясь къ городскимъ воротамъ; погонщики весело шутили, радуясь близкому окончанію трудоваго дня.

— Что ты тамъ ищешь, молодецъ?—крикнулъ ему одинъ, проходя мимо.

Саидъ привсталъ на колѣни и прикрылъ глаза ладонями.

— Прочь, насмѣшникъ!—строго крикнулъ онъ.—Кто ты таковъ, чтобы смущать вопросами набожнаго человѣка, когда онъ молится?—Нѣкоторое время онъ стоялъ на колѣняхъ, какъ бы погруженный въ молитвенныя размышленія, потомъ снова простерся на пескѣ и продолжалъ поиски, горячо моля Аллаха вѣрно направить его пальцы, удалить отъ него всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ и устроить такъ, чтобы ему никто не помѣшалъ.

Тѣнь города уже покрыла его. Весь западъ горѣлъ зо

лотымъ и алымъ огнемъ; каждая кровля, каждый куполъ, каждое пальмовое дерево рѣзко очерченными черными линіями вырисовывались на линіи горизонта. Пора было прекратить эти тщетные поиски и нести домой то немногое, что ему удалось собрать. Саидъ присѣлъ на корточки и началъ искать уже болѣе систематически, беря въ руки одну пригоршню песку за другой и пропуская его сквозь пальцы сбоку отъ себя, такъ что образовалась уже порядочная кучка. За часъ такой работы у него набралось около двадцати мелкихъ монетъ — приблизительно, пятая часть всей потерянной суммы.

Спустилась ночь на землю; засіяли звѣзды; остовъ мертваго осла неподалеку казался теперь совсѣмъ чернымъ, и стая псовъ, усиленныхъ приблудными товарищами изъ города, снова начала терзать его, обгладывая недоѣденныя кости. Волны, блестящей пѣной набѣгавшія на берегъ, нашептывали Саиду что-то грустное. Голодъ тоже давалъ себя знать. Газнэ, навѣрно, безпокоится, куда запропастился ея мужъ, и отъ волненія, чего добраго, сожжетъ въ уголь тушеную съ масломъ чечевицу, которую она такъ вкусно готовитъ. Пойти развѣ домой, поѣсть, попить и потомъ, попозже, опять прійти сюда. Врядъ-ли тутъ еще кто-нибудь пройдетъ или проѣдетъ до ночи. На разсвѣтѣ онъ вернется сюда и соберетъ остатки своего потеряннаго заработка. Надо только оставить здѣсь корзину, чтобъ замѣтить мѣсто.

Съ такими мыслями онъ поднялся и пошелъ домой. Окно его домика было освѣщено; въ щель подъ дверью также проникала полоска свѣта. Газнэ, должно быть, варитъ чечевицу. Эта мысль согрѣла ему сердце, а все окружающее, по контрасту, показалось еще болѣе холоднымъ и пустымъ. Но, когда онъ подошелъ ближе къ дому, до слуха его донеслись плачъ и стоны — такъ воютъ плакальщицы по покойнику въ богатыхъ домахъ, гдѣ имъ хорошо заплачено.

Первое, что ему пришло въ голову — это, что чечевица сгорѣла. Второю его мыслью, менѣе огорчительной, было — что въ домѣ кто-то умеръ. Но умереть некому было, кромѣ самой Газнэ, а вѣдь это, навѣрное, она и выла: онъ узналъ ея голосъ: она и плакала, какъ бранилась, пронзительно взвизгивая. Желаніе поскорѣй узнать правду окрыляло его ноги. Въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился на порогѣ своей хижины.

Жена его лежала ничкомъ на полу, сжимая узелъ съ платьемъ, и изъ этого узла неслись отчаянные крики и вопли, вперемежку съ проклятіями по адресу какого-то невѣдомаго существа мужескаго пола. На минуту Саидъ окаменѣлъ въ дверяхъ. Затѣмъ, при видѣ чего-то чернаго и

сморщеннаго на сковородѣ на очагѣ, онъ пришелъ въ ярость и кровь ударила ему въ виски. Это была та самая сочная вкусная чечевица, жареная въ маслѣ, мечтою о которой онъ поддерживалъ въ себѣ бодрость во время своихъ поисковъ въ пескѣ. Онъ бросился въ уголъ, схватилъ большую палку, прислоненную къ стѣнѣ, и изо всѣхъ силъ началъ дубасить ею женщину. Ея протяжный вой сразу смѣнился пронзительнымъ визгомъ. Она вскочила на ноги и накинулась на мужа, напрасно силясь вырвать у него изъ рукъ палку.

— Накажи тебя Аллахъ! Чтобъ тебѣ не дожить до сроку!— кричала она.—Что я сдѣлала, чѣмъ заслужила отъ тебя побои?

— Ты сожгла чечевицу!—яростно крикнулъ Саидъ, высвободивъ правую руку и ударяя жену палкой по затылку.— Чтобъ твоему дому провалиться сквозь землю!

— Сумасшедшій!—взвизгнула она.—Онъ говоритъ о чечевицѣ, когда врагъ ограбилъ и раззорилъ его. Смотри!

Она указывала ему на дырку въ полу, до тѣхъ поръ закрытую ея тѣломъ. Свѣжій песокъ на краю ея показывалъ, что здѣсь недавно работали чьи-то руки.

Когда Саидъ увидѣлъ то, на что она указывала, у него сразу отвисла нижняя челюсть и гнѣвъ сбѣжалъ съ лица, уступивъ мѣсто ужасу. Очевидно, какой-то воръ узналъ, гдѣ у него спрятаны деньги, пробрался къ нему въ домъ въ его отсутствіе и похитилъ всѣ его сбереженія, скопленныя за десять долгихъ лѣтъ.

Онъ заглянулъ въ дыру, чтобъ убѣдиться, что она пуста. Ни единой *пара* не проглядѣлъ и не оставилъ этотъ бусурманъ. Глаза у Саида вдругъ стали мутные и затянулись пленкой, словно у слѣпаго. Лицо помертвѣло.

Онъ вынужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

Вообразивъ, что это извѣстіе убило ея мужа, Газнэ завыла пуще прежняго, колотя себя въ грудь и пытаясь разорвать на себѣ платье. Голосъ ея привелъ въ себя Саида.

— Замолчи, воровка! — пробормоталъ онъ.—Ты сама украла ихъ. Ты одна знала, гдѣ я прячу деньги.

— Твоя жизнь—моя жизнь; твое богатство — мое богатство,—съ негодованіемъ возразила женщина. — Когда тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо, и всякая твоя потеря отражается на мнѣ. Выслушай меня лучше и не осуждай второпяхъ, не выслушавъ.

Я приготовила чечевицу, поставила ее на огонь и стала ждать твоего возвращенія. И вдругъ мнѣ почему-то стало грустно—такая тоска напала. И я подумала: если я открою нашъ тайникъ и потѣшу взоръ свой видомъ того, на что

смотрѣть отрада, въ томъ нѣтъ грѣха. Я взяла черепокъ отъ разбитаго горшка и начала скрести песокъ, пока не открылась глазамъ моимъ кучка монетъ. И сердце мое успокоилось.

Въ то время, какъ я сидѣла и смотрѣла на сокровище моего мужа, которое также и мое, голосъ Абдуллы съ улицы окликнулъ меня: „Поди посмотрѣть на огромную рыбину, гиганта морской пучины, пойманную твоимъ Саидомъ. Спина у нея, какъ гора Ливана, а плавники—какъ опахала, которыми Аллахъ заставляетъ дуть вѣтры и бѣсноваться море. И это чудо вытащилъ изъ моря твой супругъ. Оно лежитъ возлѣ бѣлаго камня, гдѣ Саидъ разстилаетъ сѣти для просушки. Бѣги, Газнэ, и ты увидишь такое, чего еще не видѣла ни одна женщина".

Я подобрала юбки и выбѣжала изъ дому, ожидая увидѣть Абдуллу, но никого не увидала. Я обошла кругомъ весь домъ, но ни Абдуллы и никого другого не было поблизости. Тутъ на меня напалъ страхъ, и я вся задрожала. Но на большую рыбину мнѣ все-таки хотѣлось посмотрѣть, и я побѣжала къ бѣлому камню. Пришла—смотрю: все пусто; только морскія птицы разгуливаютъ на пескѣ. Тутъ я поняла, что это злой духъ звалъ меня голосомъ Абдуллы, чтобъ насмѣяться надо мною. И что было силы кинулась бѣжать домой, берегомъ. Но, пока добѣжала, въ дырѣ уже ничего не было—вотъ какъ ты видишь—деньги всѣ исчезли.

Ея послѣднія слова были почти заглушены слезами.

Саидъ дрожалъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Злой духъ сдѣлалъ это!—прошепталъ онъ хриплымъ голосомъ.—О, еслибы мой врагъ былъ только человѣкомъ!..

И онъ началъ плакаться на свою судьбу, кляня день своего рожденія и взывая къ Аллаху, чтобъ онъ умилосердился надъ своимъ вѣрнымъ рабомъ. Домъ, посѣщенный злымъ духомъ, казался ему мрачнымъ и страшнымъ. Изъ тьмы, окутавшей его, выглядывали страшныя лица и скалили зубы, и строили рожи, издѣваясь надъ Саидомъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ: крикнулъ: „Останься здѣсь, Газнэ, и стереги домъ. Если услышишь голосъ или увидишь злого духа, призови громко имя Аллаха, и ты останешься невредимой".

Съ этими словами онъ вышелъ за порогъ и, препоясавшись, пошелъ по песку въ городъ, черной громадой выступавшій въ свѣтѣ звѣздъ и освѣщенный лишь нѣсколькими разбросанными огоньками.

II.

У самыхъ воротъ, именуемыхъ Морскими, такъ какъ они ведутъ на берегъ, стоялъ домъ, вѣрнѣй, лачуга, прижатая къ самой стѣнѣ. То было жилище Абдуллы, закадычнаго друга и товарища Саида. Самъ Абдулла сидѣлъ на порогѣ своего дома, потягивая кальянъ, когда подошелъ къ нему Саидъ. Онъ былъ толстый, грузный, съ маленькими блестящими глазами, все время бѣгавшими. Въ горницѣ горѣла обмакнутая въ жиръ свѣтильня, бросая вздрагивающіе отсвѣты на четыре стѣны, на ложе, на которомъ, свернувшись клубочкомъ, лежала жена Абдуллы, съ ребенкомъ у груди, на мусоръ на полу. При видѣ друга Абдулла вскочилъ на ноги. Его глаза забѣгали вправо и влѣво, словно ища, гдѣ спрятаться.

— Да будетъ ночь твоя счастлива!—забормоталъ онъ.

— Да будетъ твоя ночь счастлива и благословенна,—отвѣчалъ Саидъ, слѣдуя правилу: на всякую любезность отвѣтить тѣмъ же и съ процентами. И—вдругъ съ отчаяніемъ всплеснулъ руками: — Я пропащій человѣкъ! Я раззоренъ. Злой духъ ополчился на меня. Мои деньги—все, что я скопилъ за много лѣтъ—украдены. О, еслибъ это не духъ, а человѣкъ укралъ ихъ, не сдобровать бы ему!..

Руки Саида злобно сжимались, стискивая воздухъ, показывая, какъ бы онъ душилъ смертельнаго врага.

При этихъ словахъ Абдулла внезапно успокоился. Лицо у него было почти веселое, когда онъ съ притворнымъ ужасомъ воскликнулъ: „Милосердый Аллахъ!"

— Слушай, Абдулла,—продолжалъ Саидъ.—Возвращаясь домой съ рынка, я присѣлъ на пескѣ, сосчитать, сколько я денегъ получилъ за рыбу, какъ вдругъ—*дззз*!—откуда ни возьмись, словно съ неба упали, два всадника и скачутъ прямо на меня. Навѣрно, раздавили бы меня, еслибъ Аллахъ не надоумилъ меня отскочить въ сторону. Всадники проскакали мимо, да какъ загогочутъ!.. Лица у нихъ были, какъ у *джиновъ*—знаешь—глаза раскосые, уши длинныя, отвислыя, какъ у свиней. А я съ перепугу-то всѣ деньги и разсыпалъ на пескѣ. Искалъ-искалъ—нашелъ всего лишь нѣсколько монетокъ, и то мѣдныхъ. А на дворѣ ужъ сумерки. Смотрю я: идетъ караванъ верблюдовъ. Каждый верблюдъ огромный, что твой домъ, а горбъ на немъ, что куполъ на мечети. Одинъ изъ погонщиковъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ: „ты что тутъ дѣлаешь?" А у самого глаза горятъ, какъ угли. Прямо насквозь сердце прожигаютъ. Но я помолился Аллаху, и онъ исчезъ, и верблюды вмѣстѣ

съ нимъ. Прихожу домой, голодный, во рту пересохло— скорѣй бы поужинать, а жена лежитъ на полу и воетъ, и чечевица вся обуглилась.

Тутъ она и разсказала мнѣ, какъ все случилось. Сидитъ она дома и вдругъ слышитъ, голосъ зоветъ ее: „поди, говоритъ, погляди, какая большая рыба лежитъ возлѣ бѣлаго камня“. Вышла она—никого. Дошла до камня—никакой рыбы тамъ нѣтъ, ни большой, ни маленькой. Вернулась домой, анъ глядь—дыра въ полу, гдѣ были спрятаны деньги, разрыта, и денегъ нѣтъ—украдены. Все, что я скопилъ, исчезло. О, еслибы мой врагъ былъ человѣкомъ!

— А она ничего тебѣ не говорила про голосъ, который соблазнилъ ее?—не безъ тревоги освѣдомился Абдулла. Его грузное тѣло заслоняло собою слабый свѣтъ, падавшій изъ двери, такъ что лица его не было видно Саиду.

— Да, говорила—странное дѣло!—она говоритъ, что голосъ былъ совсѣмъ, какъ твой, о, Абдулла, отецъ Азиза.

— Очевидно, деньги твои похитилъ какой-нибудь демонъ,— поспѣшно перебилъ его Абдулла.—Я теперь не сомнѣваюсь въ этомъ, ибо—Аллахъ свидѣтель!—я съ полудня не выходилъ изъ дому, такъ у меня болѣлъ животъ. Развѣ неправда, Невибэ?

Жена, окликнутая имъ, встала съ кровати и, шаркая туфлями, подошла къ двери.—Да, это правда, клянусь Аллахомъ,—подтвердила она.—Онъ былъ очень боленъ. Я боялась, что онъ уже у воротъ смерти. Но, хвала Аллаху, потомъ боль прошла и теперь онъ опять здоровъ. Навѣрное, *афритъ* ограбилъ тебя и обманулъ твою жену, заговоривъ голосомъ Абдуллы.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Пропащій я человѣкъ!— въ отчаяніи закричалъ Саидъ.—Тебя, о Абдулла, весь городъ знаетъ за мудреца. Умоляю тебя, дай мнѣ совѣтъ.

Лицо Абдуллы приняло тупое выраженіе, каковое погонщики муловъ и верблюдовъ, для которыхъ онъ былъ оракуломъ, принимали за мудрость. Глаза его уставились на рыбьи потроха, валявшіеся на полу у его ногъ. Онъ нѣсколько разъ подрядъ глубоко затянулся дымомъ кальяна, такъ сильно, что вода внутри вся покрылась пузырьками, а угли въ металлическомъ стаканчикѣ вспыхнули зловѣщимъ свѣтомъ. Затѣмъ, вынулъ трубку изо рта, откашлялся, отплюнулся и торжественно началъ:

— Одинъ изъ демоновъ воспылалъ враждой къ тебѣ— это извѣстно. Разъ онъ уже проникъ къ тебѣ въ домъ— придетъ и въ другой разъ. По всей вѣроятности, это одинъ изъ тѣхъ демоновъ, которые бродятъ по пустынному мор-

скому берегу,—можетъ быть, тотъ самый, который обитаетъ въ развалинахъ храма между дюнами. Знаешь, что я тебѣ скажу?—самое лучшее для тебя будетъ, если ты возьмешь свой посохъ и свою жену и пойдешь куда-нибудь вглубь страны: въ Мазръ, или въ страну заката, лежащую за нимъ. Тамъ ты обрѣтешь покой, будучи далеко отъ врага.

— Нѣтъ, какъ онъ уменъ!—воскликнула его жена, въ восхищенiи всплеснувъ руками.—Онъ говоритъ, точно пророкъ. У Абдуллы голова не то, что у другихъ людей. Онъ самъ—какъ демонъ.

— Тссъ! женщина, замолчи,—благодушно остановилъ ее мудрецъ.

Саидъ присѣлъ на корточки у порога, рядомъ съ своимъ другомъ. Онъ приложилъ руку ко лбу и нѣкоторое время сидѣлъ молча, въ задумчивости. Потомъ сказалъ:— Твой совѣтъ хорошъ. Завтра, чуть солнце встанетъ, я уйду. Но вправду ли ты увѣренъ, что злой духъ не послѣдуетъ за мной?

— У *джиновъ* есть свои дома, какъ у людей,—наставительно возразилъ Абдулла.—Они привыкаютъ къ мѣсту и не любятъ переходить на другое. Въ другомъ городѣ демонъ, навѣрное, не станетъ безпокоить тебя.

— Но у меня денегъ нѣтъ,—простоналъ Саидъ.—Безъ денегъ на чужой сторонѣ я не найду себѣ даже пристанища.

Абдулла грустно покачалъ головой.

— Я бѣдный человѣкъ, но все, что у меня есть,—твое. Поди, Незибэ, посмотри, сколько у насъ въ домѣ денегъ.

Женщина отошла отъ двери и зашаркала опять къ постели, на которой спалъ ребенокъ. Она пошарила подъ одѣяломъ и вытащила небольшой ящичекъ, звякнувшiй, когда она встряхнула его.

Подняла крышку—и застонала:

— Увы! Сегодня Абдуллѣ не повезло. Здѣсь всего нѣсколько *пара* (грошей).

— Это прямо стыдъ—просить моего брата принять такую бездѣлицу!—сокрушенно воскликнулъ ея мужъ.

— И малое—много для того, у кого совсѣмъ ничего нѣтъ,—поспѣшилъ шепнуть Саидъ.—Дай мнѣ эти нѣсколько *пара* и да умножитъ Аллахъ твои богатства.

Незибэ перевернула ящичекъ и высыпала деньги себѣ на ладонь; нѣсколько монетокъ упало на полъ. Саидъ сгребъ ихъ всѣ своими коричневыми пальцами, словно когтями ястреба. Затѣмъ поднялся и сталъ прощаться.

— Итакъ, я ухожу, хранимый твоими молитвами. Да

сохранитъ тебя Аллахъ и да умножитъ онъ твои богатства, о, отецъ Азиза.

— Ты унесешь съ собой покой моей души,—надломленнымъ отъ горя голосомъ отвѣтилъ Абдулла.

Саидъ шагалъ по направленію къ своему дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ, а въ головѣ его уже роились планы будущаго. Надежда отнюдь не умерла въ его душѣ. Но, какъ только онъ очутился въ темнотѣ, страхъ вновь напалъ на него съ удвоенною силой. Во мракѣ ему мерещились страшныя лица демоновъ; горящіе, какъ раскаленные угли глаза, смотрѣли на него. Какіе-то странныя тѣни скользили между дюнами. Море свѣтилось мерцающимъ, блѣднымъ свѣтомъ. Время отъ времени какіе-то стоны проносились въ воздухѣ. Онъ остановился передохнуть—и ночь представилась ему безконечной вереницей жуткихъ призраковъ, несчетныхъ, скользившихъ молчаливо и безшумно. Невѣдомый, новый страхъ рождался въ его душѣ, неиспытанный раньше и вмѣстѣ съ тѣмъ словно знакомый, какъ то, что мы когда-то видѣли во снѣ. Даже такіе хорошо знакомые звуки, какъ крикъ ночной совы, собачій лай, или завыванья шакала, пугали его, заставляя вздрагивать всѣмъ тѣломъ.

Едва онъ отошелъ отъ двери друга, какъ страхъ Невѣдомаго, укрывающагося въ темнотѣ, съ невѣроятной силой охватилъ его. Онъ туже подтянулъ свой поясъ и бросился бѣжать по глубокому песку со всею быстротой, съ какой только могли нести его загорѣлыя, смуглыя ноги, и ни разу не оглянулся ни вправо, ни влѣво, пока не добѣжалъ до дому. Съ порога аппетитный запахъ защекоталъ его ноздри и въ сердцѣ его сразу ожила надежда. Газнэ стояла спиной къ нему, нагнувшись надъ жаровней, на которой слегка дымилось его любимое кушанье, наполняя весь домъ лакомымъ вкуснымъ запахомъ. „Аллахъ великъ!“ пробормоталъ Саидъ, облизывая губы.

III.

Изъ всѣхъ двадцати четырехъ часовъ дня прохладнѣйшимъ былъ тотъ, когда Саидъ-рыбакъ слѣзъ со своей насѣсти на фиговомъ деревѣ. Не смотря на всѣ свои треволненія и страхи, онъ выспался прекрасно и всталъ свѣжимъ и бодрымъ. Небо на востокѣ ужь свѣтлѣло и далекія горы вырисовывались на горизонтѣ сѣрой волнистой линіей, какъ гряда облаковъ. Мракъ еще окутывалъ небо и землю, но этотъ мракъ, казалось, исходилъ ужь отъ земли, а не отъ неба.

Изъ кувшина, стоявшаго у порога, Саидъ зачерпнулъ немного воды и совершилъ омовеніе. Затѣмъ, повернувшись

лицомъ къ югу, палъ на колѣни и нѣсколько разъ подрядъ простерся ницъ, заложивъ большіе пальцы за уши и держа ладони съ прочими растопыренными пальцами передъ глазами, какъ раскрытую книгу.

Когда онъ пришелъ на берегъ, на то мѣсто, гдѣ наканунѣ оставилъ корзину, морскія птицы ужь проснулись и кричали, крикомъ призывая разсвѣтъ. Маленькій городокъ съ куполомъ мечети и минаретами бѣлѣлъ передъ нимъ на фонѣ еще темнаго и звѣзднаго неба. Отъ морскихъ воротъ спускался съ горы человѣкъ верхомъ на ослѣ. Потомъ другой съ парой верблюдовъ. Въ городѣ люди уже просыпались и каждый брался за свое дѣло.

На томъ мѣстѣ, гдѣ Саидъ разсыпалъ свои деньги, все было по прежнему; только остовъ мертваго осла голодныя собаки оттащили немного подальше, и мяса на костяхъ теперь ужь вовсе не было. Саидъ легъ ничкомъ на песокъ и снова принялся зачерпывать песокъ горстями и пропускать его сквозь пальцы.

Звѣзды на западѣ поблѣднѣли, потомъ совсѣмъ исчезли. Розовый лучъ скользнулъ по сушѣ и по морю, алѣя на бѣлизнѣ стѣнъ городскихъ зданій, какъ румянецъ на щечкахъ дѣвушки. Потомъ изъ-за далекихъ холмовъ вынырнуло солнце, брызнувъ яркимъ снопомъ лучей, и всѣ предметы мгновенно приняли свою обычную окраску.

Теплый лучъ скользнулъ и по спинѣ Саида, лежавшаго ничкомъ возлѣ своей корзины, согрѣвъ и ободривъ его, какъ ласка друга. Съ новой энергіей онъ принялся за работу и за полчаса собралъ много монетъ, такъ что теперь до потерянной суммы не хватало всего нѣсколькихъ *пара*.

Къ этому времени на берегу стало ужь людно: одни шли въ городъ, другіе возвращались изъ города. Продолжать поиски было небезопасно; кто-нибудь, догадавшись, что онъ дѣлаетъ, могъ напасть на него сзади врасплохъ и ограбить. Поэтому Саидъ всталъ и направился домой, таща за собой по песку пустую корзину.

Газнэ стояла въ дверяхъ и дожидалась его. У фиговаго дерева, привязанный веревкой къ нижней вѣткѣ, стоялъ оселъ, навьюченный двумя мѣшками. Саидъ одобрительно улыбнулся, снимая свои башмаки у двери. Когда онъ уходилъ изъ дому, жена его еще спала на крышѣ и громко храпѣла. Пробылъ онъ недолго, а между тѣмъ оселъ ужь нагруженъ всѣмъ, что въ домѣ есть цѣннаго, что стоитъ захватитъ съ собой, и завтракъ на столѣ—хлѣбъ и простокваша.

Подкрѣпившись на дорогу, Саидъ пошелъ взглянуть, крѣпко ли подтянуты подпруги, которыми были укрѣплены

мѣшки на спинѣ осла. Солнечный свѣтъ игралъ на волнахъ, мелкой рябью набѣгавшихъ на берегъ, но въ тѣни еще дрожали, какъ жемчугъ, росинки на перистыхъ листьяхъ тамариндовъ за домомъ. Небо огромнымъ синимъ куполомъ опрокинулось надъ землею и моремъ. Сердце Саида больно сжалось при мысли, что онъ не увидитъ больше этого родного пейзажа, не услышитъ знакомыхъ голосовъ, что ему придется жить съ чужими людьми и въ чужой странѣ. Зачѣмъ ему отсюда уходить? Ночные страхи разсѣялись при свѣтѣ дня, исчезли вмѣстѣ съ темнотой и звѣздами.

Безъ сомнѣнія, потеря его велика и перенести ее трудно; но другимъ приходится въ жизни терпѣть еще и худшее. Злой духъ, ограбившій его, можетъ быть, и не придетъ больше; а, если и придетъ, достаточно написать имя Аллаха на косякѣ двери и на ставняхъ оконъ, чтобы демонъ не посмѣлъ тронуть его жилища. Онъ уже потянулся рукой къ мѣшкамъ, чтобы свалить ихъ со спины осла.

— Да будетъ день твой удаченъ, о Саидъ!—раздался позади его сытый, благодушный голосъ. Саидъ повернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Абдуллой, своимъ пріятелемъ и компаньономъ.—Ты сбираешься въ путь—не правда ли? Я пришелъ спросить, не могу ли я помочь тебѣ укладываться.

— Я передумалъ. Можетъ, я еще и не уѣду,—нахмурясь сказалъ Саидъ.

— Что ты такое говоришь?—ужаснулся Абдулла.—Надо быть сумасшедшимъ, чтобы оставаться послѣ всего, что здѣсь съ тобой случилось.

— Что за важность? То же самое или даже что-нибудь похуже можетъ приключиться со мной и на чужбинѣ. Лучше ужъ я останусь тамъ, гдѣ я родился и гдѣ находится могила моего отца.

И Саидъ опять протянулъ руку, чтобы разгрузить осла, но Абдулла схватилъ его за руку и сердито зашепталъ:

— Напрасно ты не слушаешь моихъ совѣтовъ. Я за бочусь о твоей же пользѣ. Мы давеча говорили о демонахъ Что демоны! Они имѣютъ власть надъ человѣкомъ только ночью. Есть другіе, которые могутъ вредить и ночью, и днемъ.—Онъ понизилъ голосъ, словно боясь, какъ бы птицы небесныя не подслушали его и не передали его словъ кому не слѣдуетъ:—Паша прослышалъ о твоемъ богатствѣ, которое ты будто бы утратилъ. Ему уже доложено о томъ, какъ ты рылся въ пескѣ. Вспомни, какая участь постигла Али-эбнъ-Махмуда, который всѣмъ разсказалъ про себя, что у него въ саду закопанъ кладъ,—какъ его били и мучили,

чтобъ онъ сказалъ, гдѣ деньги, пока не замучили до смерти.

У Саида лицо сразу вытянулось.—Ты правду говоришь?—пролепеталъ онъ.

— Клянусь Аллахомъ, правду! — вскричалъ Абдулла, тревожно слѣдя за выраженіемъ лица Саида.—Развѣ я лгалъ когда-нибудь?

Безумный испугъ загорѣлся въ глазахъ Саида. Онъ подбѣжалъ къ двери и крикнулъ Газнэ, чтобъ она сбиралась въ путь. Затѣмъ отвязалъ веревку, которой оселъ былъ привязанъ къ дереву, и усѣлся верхомъ на и безъ того уже перегруженное животное. Въ это самое мгновеніе изъ дому вышла его жена съ большимъ узломъ на головѣ.

— Аллахъ съ тобою!—крикнулъ онъ, ударивъ осла палкой, такъ что тотъ затрусилъ неуклюжей, мелкой рысью.

— А какъ же твои сѣти, твой домъ, твое фиговое дерево?—ломая руки, кричалъ ему вслѣдъ Абдулла.

— Возьми ихъ себѣ—и все остальное тоже,—не оборачиваясь, крикнулъ въ отвѣтъ Саидъ. Онъ сидѣлъ на крупѣ осла, подхлестывая его веревкой, замѣнявшей уздечку; его загорѣлыя босыя ноги лежали поверхъ мѣшковъ, а пальцы ногъ торчали вверхъ, вровень съ ушами осла. На каждомъ шагу осла его всего подбрасывало кверху. Газнэ бѣжала вслѣдъ за нимъ, придерживая одной рукой узелъ на головѣ.

— Куда же ты ѣдешь?—кричалъ Абдулла.

— Въ Эс-Шамъ—въ Багдадъ — въ Индію!—далеко! Все равно куда, только бы подальше отсюда, чтобъ онъ не добрался до меня. Да погибнетъ весь его родъ!

Абдулла смотрѣлъ вслѣдъ бѣглецамъ, пока они не скрылись изъ виду за песчаными холмами. Потомъ откуда-то изъ нѣдръ своихъ шальваръ вытащилъ папироску, закурилъ ее и усѣлся на корточки въ тѣни фиговаго дерева, отнынѣ ставшаго его собственностью.

IV.

А Саидъ тѣмъ временемъ все подгонялъ, да подгонялъ осла, и животное несло его со всею скоростью, которую допускала тяжелая ноша на его спинѣ и рыхлый грунтъ. Рука Саида регулярно поднималась и опускалась; удары съ деревяннымъ стукомъ сыпались на спину осла, въ тактъ проклятьямъ, сыпавшимся изъ устъ сѣдока. А Газнэ, совсѣмъ запыхавшаяся, тяжело дыша, бѣжала сзади, силясь не отставать отъ своего супруга и господина.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, грунтъ становился тверже: побѣги дикаго винограда, густыя травы

и разныя растенія съ большими листьями скрѣпляли песокъ и уплотняли его. Вскорѣ они выбрались на дорогу съ колючими изгородями по обѣимъ сторонамъ, за которыми тянулись апельсиновые сады. Сквозь просвѣты въ изгороди въ темной листвѣ желтѣли золотистые плоды, а мѣстами еще бѣлѣли цвѣты. Воздухъ былъ напоенъ дивнымъ ароматомъ съ которымъ жужжанье пчелъ казалось неразлучнымъ Ворота, ведшія изъ сада на дорогу, стояли раскрытыми настежь. Въ воротахъ была навалена большая куча апельсиновъ, которые двое мужчинъ торопливо упаковывали въ квадратные деревянные ящики. Проѣзжая мимо, Саидъ пожелалъ имъ удачи; въ отвѣтъ они стали швырять въ него плодами, а Газнэ подбирала ихъ и совала себѣ за пазуху—по крайней мѣрѣ, дюжину. Справа между листьями гранатоваго дерева ярко рдѣли цвѣты.

Еще немного, и пышный садъ остался позади. Передъ ними раскинулась волнистая широкая равнина тянувшаяся до самаго подножья горъ; поодаль серебрились сѣрыя сливы.

Къ концу перваго часа, втеченіе котораго Саидъ не переставалъ колотить осла, они подъѣхали къ деревнѣ, стоявшей на пригоркѣ; межъ низкихъ домиковъ изъ обожженной глины три дивныхъ пальмы гордо поднимали къ небу свои высокія вершины. Здѣсь рыбакъ предложилъ сдѣлать привалъ и отдохнуть, пока не спадетъ зной. Газнэ поспѣшила воздать хвалу Аллаху за эту передышку--она совсѣмъ ужь выбилась изъ силъ.

Когда они въѣхали въ узкую тропинку, заваленную мусоромъ и всякими отбросами, проложенную между лачугами, изъ одной двери мужской голосъ окликнулъ всадника:

— Удостой меня своимъ посѣщеніемъ, о Саидъ! Окажи честь моему дому.

Говорившій вышелъ впередъ и низко поклонился, прикладывая руку ко лбу. Это былъ рослый, неуклюжій мужчина, лѣтъ тридцати, если не больше, съ косматой черной бородой и огромными карими глазами, на рѣдкость глупыми. Его длинный халатъ и тюрбанъ были протерты до нитокъ и очень грязны—онъ, видимо, давнымъ-давно не снималъ ихъ. Онъ иногда приходилъ на рынокъ продавать овощи изъ своего огорода. Саидъ видалъ его тамъ и часто разговаривалъ съ нимъ. Его звали Мухаммедъ абу Гассанъ; онъ слылъ славнымъ малымъ, добродушнымъ и лѣнивымъ.

Рыбакъ охотно удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Коснувшись руки хозяина въ знакъ привѣта, онъ соскочилъ на землю и привязалъ осла къ дверному косяку. Потомъ снялъ башмаки и позволилъ ввести себя въ домъ. Газнэ смиренно присѣла на корточкахъ у самой двери.

Мухаммедъ сталъ раздувать угли, лежавшіе кучкой на камнѣ въ углу горницы, все время ворча, зачѣмъ жены его нѣтъ дома и некому сдѣлать это за него. Жена его работала на табачной плантаціи, вмѣстѣ съ другими женщинами той деревни.

Невѣдомо какимъ путемъ — можетъ быть, до нѣкоторой степени этому причастенъ былъ навьюченный оселъ, привязанный у двери,—въ деревнѣ скоро стало извѣстно, что изъ города пріѣхалъ незнакомый человѣкъ и сидитъ въ гостяхъ у Мухаммеда абу Гассана. Одинъ за другимъ приходили сосѣди, притворяясь удивленными при видѣ незнакомца и другъ друга, и усаживались на корточкахъ, спиной къ стѣнѣ.

Послѣ обмѣна полагающимися въ такихъ случаяхъ привѣтствіями каждый вновь прибывшій первымъ дѣломъ спрашивалъ:—Что новаго?

И каждому Саидъ давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ;—Сегодня ничего.

— Говорятъ, будто турки съ франками воевать будутъ,—сказалъ одинъ старикъ, очень почтенный и необычайно грязный, тономъ на три четверти утвержденія и на одну вопроса.

— Не слыхалъ, — сказалъ Саидъ, свертывая папироску большимъ и указательнымъ пальцами.

— Дай Богъ, чтобъ не было войны!—дрожащимъ голосомъ воскликнулъ старый шейхъ, съ увядшимъ лицомъ, сморщеннымъ, какъ увядшая олива. — Помню, когда была послѣдняя война, у насъ на деревнѣ забрали всѣхъ муловъ, всѣхъ лошадей и всѣхъ ословъ — все для солдатъ, чтобъ имъ было на чемъ ѣздить. А потомъ, когда война кончилась, намъ вернули только одну лошадь и двухъ осликовъ. И то два дня спустя лошадь вздохла.

И всѣ хоромъ гортанныхъ выкриковъ начали клясть войну и солдатъ.

Наконецъ хозяинъ кончилъ молоть и варить кофе. Двѣ чашечки пошли по кругу изъ рукъ въ руки; Мухаммедъ снова и снова наполнялъ ихъ, пока всѣ гости не получили каждый своей доли. Даже Газнэ, терпѣливо и покорно сидѣвшая на порогѣ, въ концѣ концовъ не была забыта.

— Куда ты держишь путь?—спросилъ Мухаммедъ дорогаго гостя, когда у него, наконецъ, явилась возможность принять участіе въ разговорѣ.

— Въ Дамаскъ-эсъ-Шамъ,—нерѣшительно отвѣтилъ Саидъ. Онъ не смѣлъ сказать настоящей причины своего бѣгства изъ дому, чтобъ не потерять уваженія своихъ слушателей. Человѣкъ, который плачется на свои несчастья передъ посторонними, глупъ и достоинъ презрѣнія; тотъ же, кто хва-

стается своей удачей, всегда будетъ почтенъ. И онъ добавилъ:

— Я ѣду въ Эсъ-Шамъ, въ домъ моего брата, который скончался. Онъ былъ большой человѣкъ и богачъ. Вдобавокъ, жена его была безплодна. Я ѣду предъявить свои права на наслѣдство.

Эта выдумка произвела самое благопріятное впечатлѣніе; всѣ стали поздравлять Саида, какъ вдругъ по деревенской улицѣ застучали конскія копыта. Издали, съ поля, гдѣ работали женщины, донеслись жалобные крики.

— Солдаты! солдаты скачутъ къ намъ!—крикнула Газнэ съ порога.

Всѣ повскакали на ноги и кинулись къ дверямъ; вмѣстѣ съ прочими и Саидъ. Пятеро турецкихъ солдатъ и моloденькій офицерикъ ѣхали шагомъ по узкой тропинкѣ, засыпанной мусоромъ. Саидъ вспоминалъ, что говорилъ ему сего дня Абдулла, и зубы его стучали отъ страха. Очевидно, пашѣ донесли о его бѣгствѣ и онъ прислалъ солдатъ за нимъ чтобы арестовать его.

— Гдѣ находится домъ шейха этой деревни?—крикнулъ офицеръ, проѣзжая мимо.

Дюжина закутанныхъ тюрбанами головъ сразу пригнулась къ землѣ; дюжина рукъ въ знакъ привѣтствія прикоснулась ко лбамъ; дюжина голосовъ заразъ униженно, съ разными оттѣнками раболѣпства дала требуемое указаніе Саидъ мгновенно успокоился. Еслибъ офицеръ искалъ его, онъ не сталъ бы спрашивать, гдѣ живетъ шейхъ. Но минуту спустя сердце его опять упало и крикъ ужаса вырвался изъ его устъ. Одинъ изъ солдатъ, проѣзжая мимо, нагнулся, ножемъ перерѣзалъ веревку, которою былъ привязанъ оселъ, ловко поймалъ падающій конецъ и, зажавъ его въ рукѣ, ѣхалъ дальше, таща за собой осла со всѣмъ имуществомъ Саида, навьюченнымъ на его спину. Съ крикомъ злобы и отчаянія несчастный пробился сквозь толпу и кинулся въ погоню. Въ нѣсколько прыжковъ онъ нагналъ похитителя и схватилъ за веревку, силясь вырвать ее изъ рукъ солдата.

— Стой! Стой!—кричалъ онъ.—Дай мнѣ снять хоть вьюки, Тутъ все мое достояніе.

Вмѣсто отвѣта онъ получилъ ударъ палашемъ по рукѣ, который заставилъ его выпустить веревку.

— Свинья!—сердито крикнулъ солдатъ.—Султану нуженъ твой оселъ для его воиновъ; а твои мѣшки мнѣ нужны для себя—я солдатъ и слуга Султана. Понялъ? Убирайся же, собачій сынъ, не загораживай дороги.

Саидъ, видя, что ему теперь ужъ не добраться до ве-

ревки, яростно тащилъ къ себѣ мѣшки, силясь сорвать ихъ со спины осла.

Кавалькада остановилась передъ домомъ шейха; прочіе солдаты добродушно смотрѣли на эту сцену, посмѣиваясь то надъ товарищемъ своимъ, то надъ рыбакомъ, съ полнымъ безпристрастіемъ. Смѣхъ ихъ уязвилъ грабителя и привелъ его въ ярость. Онъ отстегнулъ отъ пояса карабинъ и, перегнувшись черезъ сѣдельную луку, прикладомъ, что было силы, ударилъ по головѣ Саида. Солнечный свѣтъ, бившій въ глаза рыбаку, вдругъ сталъ краснымъ, какъ кровь. Голова его точно расширилась; въ ушахъ запѣло, засвистало. Онъ пошатнулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

V.

Когда Саидъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на софѣ въ домѣ Мухаммеда абу Гассана. Надъ нимъ склонялись Газнэ и еще другая женщина, поспѣшно опустившая покрывало на лицо, какъ только она увидѣла, что гость ихъ открылъ глаза Газнэ, замѣтивъ это, вскрикнула отъ радости.

Саидъ обвелъ вокругъ себя изумленный взоръ. Въ дверяхъ виднѣлись угрюмыя, нахмуренныя лица, заслонявшія солнечный свѣтъ. Комната была полна тихими жалобами и проклятіями. Внезапно Саидъ припомнилъ, что съ нимъ случилось, и вскочилъ на ноги.

— Несчастный я человѣкъ! Я раззоренъ. Они отняли у меня осла — все, что я имѣлъ. Аллахъ да укоротитъ дни ихъ жизни.

Стоявшіе въ дверяхъ отвѣтили сочувственною бранью; Мухаммедъ возразилъ:

— Мы грустимъ о тебѣ, эффенди. Путь въ Эс-Шамъ дологъ и утомителенъ для того, кто идетъ пѣшкомъ. Но все же ты счастливѣе насъ. Ты получишь наслѣдство послѣ твоего умершаго брата и у тебя будетъ достаточно денегъ, чтобъ купить, сколько тебѣ захочется, ословъ и лошадей. У насъ же ничего не осталось — они все забрали. Да будутъ прокляты ихъ отцы. Во всей деревнѣ только и осталось животныхъ, что верблюдъ, да мулъ, который не сегодня-завтра издохнетъ.

Саидъ прижалъ руку ко лбу, какъ бы силясь что-то припомнить. Потомъ спросилъ:—Который часъ?

— Второй послѣ полудня на исходѣ,—отвѣтилъ Мухаммедъ, бѣгло взглянувъ на тѣнь, падавшую отъ его дома.

Рыбакъ повернулся къ своей женѣ.—Готова ли ты, с Газнэ?

— Готова,—кротко отвѣтила она

Мухаммедъ, въ качествѣ хозяина, счелъ долгомъ запротестовать:—Но вѣдь ты же еще не оправился отъ удара, который нанесъ тебѣ этотъ солдатъ—чтобъ его дому сгорѣть до тла! Мой домъ—твой домъ. Останься здѣсь до вечера, отдохни. Вечеромъ, по холодку, пріятнѣй идти.

Но Саидъ помнилъ предостереженіе Абдуллы и не хотѣлъ оставаться. За нимъ въ любой моментъ могли послать погоню. Разсыпавшись въ благодарностяхъ гостепріимному хозяину, онъ взялъ свой посохъ и пошелъ. Газнэ пошла за нимъ, таща на головѣ все тотъ же узелъ.

Они вышли изъ деревни, спустились по крутому склону, гдѣ среди жесткой травы цвѣли большіе красные анемоны, перебрались черезъ выложенную камнемъ канаву, на днѣ которой тоненькой струйкой бѣжалъ ручеекъ, и очутились въ оливковой рощѣ. Здѣсь Саидъ прилегъ на траву. Онъ еще былъ ошеломленъ ударомъ: у него кружилась голова и въ ногахъ совсѣмъ не было силы. Онъ горько жаловался, что губы у него совсѣмъ пересохли. Газнэ вытащила изъ-за пазухи апельсины, которые она подобрала сегодня утромъ, и дала ему. Саидъ съ жадностью съѣлъ два подрядъ, вытеръ рукавомъ ротъ и уже хотѣлъ было встать, чтобы продолжать путь, настолько это освѣжило его, — когда совсѣмъ близко отъ него раздался голосъ, восклицавшій:

— Хвала Аллаху, создавшему такихъ глупцовъ! Я просилъ у него хлѣба—онъ далъ мнѣ и мяса. А когда я поѣлъ, онъ далъ мнѣ денегъ на дорогу. Вотъ сумасшедшій—награди его Аллахъ!

Солнце сквозь листья рисовало на землѣ шахматную доску золотого свѣта и голубоватой тѣни. Говорившій медленно приблизился къ нимъ, осторожно пробираясь между пней и сваленныхъ бурей деревьевъ. Это былъ еще бодрый старикъ, лѣтъ шестидесяти, если не больше, высокій и прямой. На немъ была свободная одежда, когда-то синяя, теперь выцвѣтшая, спускавшаяся чуть пониже колѣнъ. Его голыя ноги были сѣры отъ пыли. На головѣ у него была измятая феска, обмотанная грязной тряпкой вмѣсто тюрбана и безъ кисточки. Глаза его были устремлены на небо. Опустивъ ихъ на минуту и оторвавшись отъ своихъ благочестивыхъ размышленій, онъ замѣтилъ, что около него есть люди, и мгновенно вся его внѣшность измѣнилась. Онъ весь какъ-то съежился и сталъ меньше ростомъ. Голова его свѣсилась на грудь, глаза закатились такъ, что видны были только бѣлки; все тѣло корчилось, словно въ предсмертной агоніи.

Протягивая трясущуюся руку, онъ молилъ о жалости къ бѣдному старику, очутившемуся безъ денегъ и безъ друзей на чужбинѣ.

— Аллахъ подастъ вамъ,—стоналъ онъ.—Изъ любви къ Аллаху помогите мнѣ, или я умру... О, Господи!.. Аллахъ воздастъ вамъ... Клянусь Кораномъ, я уже стою одной ногою въ гробу... Аллахъ воздастъ вамъ... Сыновья мои умерщвлены бедуинами; дочери мои обезчещены на моихъ глазахъ... Шедроты Аллаха неисчислимы... О, Господи!.. У меня самого одна рука изсохла и виситъ, какъ плеть... О, Господи!.. Домъ мой разрушенъ землетрясеніемъ, злодѣй забрался ко мнѣ ночью и укралъ мою кобылицу... Аллахъ воздастъ вамъ. Моихъ дѣтей убили на моихъ глазахъ... О, Господи, смилуйся надо мною!

По всей вѣроятности, онъ могъ бы такъ стонать и плакать безъ конца, еслибы Саидъ не перебилъ его словами:

— Аллахъ подастъ тебѣ. Я не могу—я еще беднѣе тебя. Меня тоже ограбили и домъ мой раззоренъ. Я тоже былъ богатъ, имѣлъ поля и виноградники, стада овецъ и табуны лошадей, и половина города принадлежала мнѣ. А теперь нѣтъ разницы между тобой и мной. Аллахъ подастъ тебѣ—у меня у самого ничего нѣтъ.

Въ одно мгновеніе старый нищій принялъ свой прежній натуральный видъ. Поднялъ голову, выпрямилъ спину и врачки его глазъ вернулись на прежнее мѣсто.

— Ты правду говоришь?—спросилъ онъ ласково, присаживаясь на корточки въ тѣни возлѣ Саида.—Въ такомъ случаѣ, тебѣ можно позавидовать: ты счастливъ. Терять тебѣ больше нечего, а выиграть ты можешь все. Прибыльнѣй нашего дѣла нѣтъ. Весь день мы пресмыкаемся во прахѣ, стонемъ, молимъ, плачемъ и никому не устоять противъ насъ. А потомъ, когда настанетъ вечеръ, мы отдыхаемъ, пьемъ и ѣдимъ, смѣемся и веселимся съ музыкой и съ женщинами. Ты нравишься мнѣ, незнакомецъ: ты похожъ на моего сына, Мансура, который сбѣжалъ отъ меня. Я полюбилъ тебя, какъ отецъ. Давно ли на тебя обрушилась эта невзгода?

— Всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, дядюшка,—сокрушенно отвѣтилъ Саидъ.

Старый плутъ всплеснулъ руками и возвелъ горѣ свои лукавые глаза.

— Да, на первыхъ порахъ тяжело нести такое горе—не удивительно, что у тебя такой убитый видъ. Но пройдетъ нѣсколько дней—недѣля—мѣсяцъ—и ты не станешь завидовать первымъ богачамъ въ этомъ краю.

Саиду не очень понравилось, что къ его несчастьямъ относятся такъ легко и принимаютъ ихъ, какъ обычный удѣлъ человѣка. И онъ поспѣшилъ пояснить:

— Для другого это, можетъ быть, и не было бы большимъ ударомъ. Ну, что можетъ потерять бѣдный человѣкъ?

Самое большее—верблюда, лошадь, домъ. Но я былъ большой человѣкъ, одинъ изъ именитѣйшихъ въ городѣ. Когда я шелъ по улицѣ, люди кидались цѣловать край моей одежды. У меня были верблюды и лошади, ослы и мулы,—всего этого столько, что не сочтешь и за часъ. Потому я и плачу, что потеря моя велика.

— Сочувствую тебѣ всей душой,—сказалъ нищій, сокрушенно качая головой.—Я также былъ обремененъ большимъ богатствомъ. Въ тѣ дни меня всѣ называли Мустафою-бекомъ. А теперь я всего только старый нищій Мустафа Аллахъ великъ.

Но Саиду непремѣнно хотѣлось оставить за собой послѣднее слово.

— Еще вчера люди цѣловали землю, по которой ступали мои ноги,—говорилъ онъ, еще болѣе сокрушенно качая головой.—Меня звали эмиромъ Саидомъ, и никто не смѣлъ подходить ко мнѣ иначе, какъ съ низкимъ поклономъ. Аллахъ великъ.

— У меня было двадцать человѣкъ слугъ, единственной радостью которыхъ было исполнять мои велѣнья,—въ свою очередь не отставалъ отъ него нищій—а красотѣ моихъ трехъ женъ завидовали райскія гуріи.

— Всѣ жители города пресмыкались передо мной, какъ рабы, и, если мнѣ нравилась дѣвушка, мнѣ достаточно было приказать ея отцу, чтобъ онъ привелъ ее ко мнѣ.

— Какъ же ты лишился всего этого?—съ любопытствомъ освѣдомился Мустафа.—Такія вещи не исчезаютъ мгновенно какъ звѣзды при восходѣ солнца—клянусь Аллахомъ!—не гаснутъ, какъ лампада отъ вѣтра.

— Мой городъ стоялъ на морскомъ берегу,—уже не такъ увѣренно началъ разсказывать Саидъ.—Вчера вечеромъ воды морскія нахлынули и поглотили все мое достояніе. Изъ всѣхъ жителей города только я да вотъ эта женщина и остались въ живыхъ.

Нищій поднялся на ноги и разсмѣялся.

— Ну, эмиръ, тебѣ еще многому надо учиться,—замѣтилъ онъ насмѣшливо, но снисходительно.—Такія наводненія бываютъ разъ въ сто лѣтъ, да и то не всегда,—и въ такихъ случаяхъ всѣ о нихъ знаютъ. Вчера въ часъ заката я самъ стоялъ на берегу и море было совершенно спокойно. Да, сынокъ, ты еще зеленъ; тебѣ многому надо учиться.

— А, чтобъ твой домъ провалился сквозь землю!—сквозь зубы пробормоталъ уязвленный Саидъ.—Скажи, пожалуйста, далеко отсюда до ближайшей деревни?

— Можетъ, съ часъ пути,—а, можетъ, и всѣхъ полтора,—а, можетъ быть, даже два часа,—смотря по тому, какъ идти.

— Кто этотъ человѣкъ, о которомъ ты давеча говорилъ, что ты у него попросилъ хлѣба, а онъ тебѣ далъ и мяса, и вдобавокъ еще денегъ на дорогу? Безъ сомнѣнія, это какой-нибудь богатый и знатный человѣкъ, домъ котораго открытъ для бѣдныхъ путниковъ?

— Я говорилъ о франкѣ, который встрѣтился мнѣ по пути, — сказалъ старикъ, хихикнувъ при воспоминаніи объ этой встрѣчѣ.—Онъ былъ одѣтъ весь въ черное и ѣхалъ на чудесномъ конѣ. По моему, онъ одинъ изъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ христіанство и хотѣли бы, чтобъ всѣ люди вѣрили въ трехъ боговъ. Я еще издали завидѣлъ его и, когда онъ подъѣхалъ ближе, бросился ницъ, стеная и плача и перечисляя всѣ напасти, которыми посѣтилъ меня Аллахъ. Онъ слѣзъ съ лошади и началъ утѣшать меня ласковыми словами и суровыми изреченіями изъ своего молитвенника. Но я все громче плакалъ и проклиналъ, жалуясь на голодъ; тогда онъ вынулъ изъ вьюка, прикрѣпленнаго къ сѣдлу, бумажный мѣшокъ, въ которомъ былъ хлѣбъ и мясо, и отдалъ мнѣ.

Покончивъ съ ѣдой, я снова началъ плакать и разсказывать ему жалобныя сказки о томъ, какъ у меня сгорѣлъ домъ и всѣхъ дѣтей моихъ перебили турецкіе солдаты. Это я сказалъ потому, что франки любятъ, когда о туркахъ говорятъ дурно. Онъ плакалъ вмѣстѣ со мной о моихъ несчастьяхъ. Потомъ далъ мнѣ денегъ—столько, сколько и за цѣлую недѣлю не заработаешь. Потомъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше, и лицо у него отъ моего разсказа стало грустное-прегрустное. Да наградитъ Аллахъ этого купца, хоть онъ и невѣрующій!

— Иль-Алла. Скорѣе въ путь, Газнэ!—взволнованно вскричалъ Саидъ.—Можетъ быть, мы еще успѣемъ нагнать его до наступленія ночи.

— Вѣдь я же тебѣ сказалъ, что онъ ѣдетъ верхомъ, да еще вдобавокъ на чудесномъ конѣ,—вмѣшался нищій.—Какъ же ты можешь надѣяться догнать его? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ живетъ въ Эсъ-Шамѣ, а туда два дня пути. А ты куда идешь?

— Туда же, въ Эсъ-Шамъ,—радостно вскричалъ Саидъ.— Я пойду къ нему, разскажу ему о своей великой утратѣ и онъ поможетъ мнѣ. Спаси тебя Аллахъ.

Саидъ быстро зашагалъ черезъ оливковую рощу; Газнэ, тяжело дыша, съ обычной кротостью побѣжала за нимъ, какъ послушное, вьючное животное, готовое идти и отдыхать, когда прикажетъ господинъ. Нищій смотрѣлъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду между стволами деревьевъ. Потомъ

тихонько засмѣялся, повторяя про себя: — Эмиръ! Придумаетъ тоже!

Костера заката ярко пылалъ на западѣ, когда Саидъ и Газнэ приблизились къ деревнѣ, о которой говорилъ имъ нищій. Это была маленькая деревушка, съ каменными домиками, на самой верхушкѣ склона горы, спускавшагося къ морю. Чтобы добраться до нея, пришлось карабкаться по крутой, усыпанной мелкими камешками дорогѣ, какъ змѣйка, извивавшейся между террасами, поросшими фиговыми и оливковыми деревьями. У самаго въѣзда въ деревню росла гигантская сикомора, вокругъ ствола которой торжественно возсѣдали съ трубками въ зубахъ старѣйшины деревни. Приблизившись, Саидъ учтиво привѣтствовалъ этотъ конклавъ.

— Что новаго?—спросилъ почтенный шейхъ,—повидимому, предсѣдатель собранія.

— Война,—съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ Саидъ.—Солдаты рыщутъ по всей странѣ, забирая лошадей и муловъ. Мнѣ хорошо это извѣстно: увы! они забрали и мою кобылицу — да будутъ прокляты отцы ихъ!—кровную арабскую стоившую мнѣ пятьдесятъ турецкихъ лиръ, клянусь Аллахомъ!—и я вынужденъ продолжать путь пѣшкомъ.

— Да возвратитъ тебѣ Аллахъ твое добро!—горячо пожелалъ ему шейхъ.—Мы догадывались, что въ странѣ не все благополучно, потому что сегодня утромъ, когда сынъ мой пахалъ на горѣ, онъ видѣлъ отрядъ солдатъ, скакавшихъ по равнинѣ, и съ ними было много вьючныхъ животныхъ. Благодареніе Аллаху, ты во время предупредилъ насъ. Еще до восхода солнца весь нашъ скотъ будетъ спрятанъ въ надежномъ мѣстѣ, межъ холмовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ больныхъ животныхъ, которыхъ они могутъ взять, если желаютъ.

На вопросъ Саида о франкѣ-миссіонерѣ ему сказали, что такой человѣкъ проѣзжалъ здѣсь въ третьемъ часу пополудни и, по всей вѣроятности, остановится на ночь въ Бейтъ Амметѣ, горномъ селеніи въ четырехъ часахъ пути отсюда.

— А найдется у васъ здѣсь въ деревнѣ какой-нибудь заѣзжій дворъ для путешественниковъ, гдѣ бы я и жена моя могли провести ночь? — съ безпокойствомъ спросилъ Саидъ.

— Ты пришелъ кстати и принесъ важныя вѣсти — будь гостемъ, — отвѣтствовалъ шейхъ. — Мой домъ—твой домъ. Удостой послѣдовать за мной.

Съ этими словами онъ всталъ и повелъ Саида къ своему

дому, который былъ больше и просторнѣе другихъ домовъ въ деревнѣ. Комната, отведенная для гостей, находилась на крышѣ и издали имѣла снаружи видъ башни. Внутри это была небольшая комната, вся устланная мягкими коврами. Вдоль всѣхъ стѣнъ тянулись мягкіе диваны съ несчетнымъ числомъ подушекъ, предназначенные для отдыха именитыхъ гостей. Никогда бы Саида не пустили ночевать въ такую комнату, еслибъ онъ не выдумалъ своей сказочной кобылицы, стоившей будто бы пятьдесятъ турецкихъ фунтовъ.

Здѣсь, поужинавъ такъ вкусно и обильно, какъ ему рѣдко доводилось ѣсть, онъ провелъ ночь подъ блѣднымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, охранявшими его сонъ.

VI.

На другое утро Саидъ поднялся чуть свѣтъ; позавтракавъ и простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ вмѣстѣ съ Газнэ по холодку поднялся по крутой тропинкѣ, извивавшейся среди оливковыхъ деревьевъ. На вершинѣ онъ остановился—въ послѣдній разъ посмотрѣть на равнину, покидаемую имъ. Далеко на юго-западѣ въ море выдался небольшой мысъ. Въ блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ, какой бываетъ до восхода солнца, едва можно было разглядѣть бѣлое зданіе мечети, куполъ и два стройныхъ минарета. То былъ городъ, гдѣ онъ родился; а тамъ, гдѣ-то на желтой песчаной полоскѣ земли, окаймляющей бухту, стоялъ его собственный домикъ и возлѣ него фиговое дерево, подъ которымъ онъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ, каждое утро встрѣчалъ восходъ солнца. Съ того мѣста, гдѣ онъ сейчасъ стоялъ, онъ могъ прослѣдить весь путь, пройденный имъ втеченіе вчерашняго дня. Вонъ, посрединѣ равнины, на гребнѣ зеленой волны, деревня, гдѣ у него отобрали осла, а его самого солдатъ оглушилъ ударомъ приклада по головѣ съ такою силой, что даже вспомнить больно. Ее сразу можно отличить отъ другихъ деревень по тремъ высокимъ пальмамъ, выросшимъ между грязныхъ лачугъ, словно роскошныя перья на шляпѣ оборванца. А вонъ тамъ, на сто футовъ ниже, у подножія уступчатаго склона, такого крутого, что кажется, если отсюда бросить внизъ камень, онъ упадетъ прямо на крышу дома шейха, гдѣ ночевали Саидъ и Газнэ — деревня, изъ которой онъ только что вышелъ. Сколько ни вглядывался Саидъ въ эту картину, взоръ его все время возвращался къ родному городку, бѣлѣвшему на пескѣ. Солнце вставало надъ моремъ, озаряя края равнины, но тѣнь отъ горъ еще окутывала ближнія селенія. Еслибъ

онъ теперь стоялъ на порогѣ своего дома, на него свѣтило бы солнце. При этой мысли у него больно сжалось сердце и что-то защекотало въ горлѣ. Всхлипыванія Газнэ сказали ему, что и ея мысли витаютъ въ томъ же направленіи. Саидъ зашагалъ дальше и тихимъ, вдругъ охрипшимъ голосомъ приказалъ Газнэ идти за нимъ.

Тропинка быстро спускалась теперь къ устью скалистаго ущелья и обнаженныя скалы позади ихъ какъ бы сдвигались, замыкая выходъ, по мѣрѣ того, какъ они спускались; Саиду казалось, что за нимъ словно захлопнули дверь, ведущую въ прошлое, и у него щемило сердце.

Но свѣжій воздухъ весенняго утра быстро разгоняетъ печальныя мысли. Ноги рыбака бодро ступали по горнымъ тропинкамъ и помимо воли въ сердцѣ его оживала надежда. Въ ушахъ его звучали слова нищаго: „Терять тебѣ нечего, а выиграть ты можешь все". Теперь онъ все можетъ, хотя бы даже и ограбить человѣка, не опасаясь кары. Весь міръ открыть для него, а въ борьбѣ за жизнь у него въ рукахъ чудесное оружіе—живой и острый умъ, не омраченный ржавчиною совѣсти. Терять же ему нечего, развѣ только...

Въ умѣ у него мелькнула мысль — почти желаніе. Онъ оглянулся черезъ плечо на жену, терпѣливо шагавшую, сгибаясь подъ тяжелою ношей.

Тѣни ночи постепенно разсѣивались. И тамъ, гдѣ земли касался солнечный лучъ, паромъ поднималась кверху ночная роса. Долгое время они съ трудомъ пробирались среди скалъ по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ. Надъ головами ихъ темно-синее небо казалось блѣднымъ возлѣ ослѣпительно яркаго диска солнца. Кругомъ ни деревца. Солнце жгло нестерпимо. Газнэ дышала тяжело, какъ загнанная собака. Въ тѣни большого утеса мужъ и жена присѣли, наконецъ, отдохнуть. Вокругъ, между камней, цвѣли анемоны, подставляя солнечнымъ лучамъ свои раскрытыя, ярко алыя чашечки. Сквозь трещины скалъ тоже пробивались какіе-то розовые цвѣточки. Тамъ и сямъ изъ пучка темно-зеленыхъ листьевъ выбрасывалъ къ верху высокое копье златоцвѣтъ, щетинившійся острыми почками. Отирая ладонью потъ со лба, Саидъ съ отвращеніемъ вглядывался въ этотъ непривычный для него горный пейзажъ.

— Клянусь Кораномъ, сегодня нестерпимо жарко,—пробормоталъ онъ.—А воды нѣтъ и не будетъ, пока мы не доберемся до Бейтъ-Амметa.

Газнэ полѣзла за пазуху и вытащила послѣдніе четыре апельсина. Саидъ схватилъ одинъ изъ нихъ и съѣлъ его

съ жадностью, а за нимъ другой и третій. Когда онъ утолилъ жажду, остался всего только одинъ апельсинъ, который Газнэ, не смотря на то, что у нея у самой пересохло въ горлѣ и запеклись губы, снова спрятала за пазуху.

Отдохнувъ, они пошли дальше и вскорѣ наткнулись на человѣка, который ѣхалъ верхомъ на верблюдѣ и спалъ—даже похрапывалъ. Саидъ окликнулъ его, чтобъ разспросить о дорогѣ; спящій проснулся, съ перепугу потерялъ равновѣсіе и свалился на камни у дороги. Когда онъ съ трудомъ поднялся на ноги, кровь у него била ручьемъ изъ раны на лбу. Плача и ругаясь, онъ поднялъ большой камень и швырнулъ имъ въ Саида, едва не угодивъ тому въ високъ. Саидъ обозлился и, не дожидаясь новыхъ оскорбленій, кинулся на обидчика. Газнэ кричала, призывая на помощь, но ей откликалось лишь горное эхо. Верблюдъ, поднявъ носъ къ верху, спокойно жевалъ жвачку, какъ благоразумный человѣкъ, покуривая трубку, смотритъ на дерущихся, остерегаясь самъ ввязаться въ драку.

Побѣда скоро склонилась на сторону рыбака. Саидъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и мускулистъ, противникъ же его—приземистый, толстый и рыхлый. Рыбакъ тѣснилъ его, пока тотъ не споткнулся о камень и не упалъ. Тогда онъ наступилъ на брюхо побѣжденному врагу и занесъ надъ нимъ палку, злобно сверкая глазами.

— Стой, чтобъ ты пропалъ!—взмолился перепуганный до смерти погонщикъ верблюда.—Что я тебѣ сдѣлалъ, что ты хочешь убить меня? Чтобъ ты издохъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ! Не бей меня,—я же тебѣ не врагъ, я тебя и не видалъ никогда до этой минуты.

Саидъ опустилъ палку, но морщины на лбу его не разгладились и поза оставалась угрожающей.

— Убери свою ногу, — задыхаясь, говорилъ лежащій.—Что я тебѣ сдѣлалъ, что ты такъ дурно обращаешься со мной? Возьми все, что у меня есть, только пощади мою жизнь.

Саидъ не трогался съ мѣста.

— Человѣческая жизнь дорого стоитъ,—сказалъ онъ задумчиво.—Сколько ты можешь мнѣ дать за нее?

— Пропади ты пропадомъ со всѣмъ своимъ родомъ! я дамъ тебѣ все, что у меня есть—десять піастровъ.

— Мало.—Саидъ сильнѣе надавилъ ногой на толстое брюхо.

— Двадцать... тридцать піастровъ!—кряхтѣлъ побѣжденный.

— Мало.

— Турецкую лиру... Клянусь Аллахомъ, у меня больше

нѣтъ. И то это хозяйскія деньги, а не мои. Увы мнѣ! я раззоренъ.

Саидъ принялъ ногу.—Не смѣй вставать, пока не уплатишь мнѣ выкупа,—сердито прикрикнулъ онъ.

Побѣжденный снялъ съ шеи холщевой мѣшочекъ, висѣвшій у него на шнуркѣ черезъ голову, и съ проклятьемъ швырнулъ его Саиду. Рыбакъ тщательно пересчиталъ деньги и кивнулъ головой лежащему.

— Ладно, вставай. Иди съ миромъ. И въ другой разъ когда тебѣ случится спросонокъ упасть съ верблюда, не швыряйся камнями въ тѣхъ, кто стоитъ возлѣ, не то съ тобою приключится еще и что-нибудь похуже.

Сдѣлавъ знакъ Газнэ, Саидъ съ легкимъ сердцемъ зашагалъ дальше, оставивъ погонщика верблюда плакаться на свою горькую участь. Но не прошли они и двадцати шаговъ, какъ сзади до нихъ донеслись громкая брань и, проклятія. Одновременно съ этимъ огромный камень со свистомъ пролетѣлъ мимо головы Саида, едва не задѣвъ его. Другой угодилъ въ спину Газнэ съ такой силой, что она зашаталась и упала. Саидъ навострилъ лыжи и не останавливался до тѣхъ поръ, пока не отбѣжалъ на такое разстояніе, что камни уже не могли настичь его. Затѣмъ вскарабкался на утесъ и громкимъ голосомъ принялся ругать своего противника, приставивъ руку ко рту въ видѣ трубы. Онъ видѣлъ, какъ бѣднякъ снова влѣзъ на спину верблюда и съ крикомъ ярости и злобы погрозилъ кулакомъ грабителю. Рыбакъ громко захохоталъ и продолжалъ ругать противника до тѣхъ поръ, пока выступъ скалы не скрылъ изъ виду обоихъ—и всадника, и верблюда.

Тѣмъ временемъ Газнэ съ трудомъ поднялась на ноги и поплелась догонять мужа, спотыкаясь на каждомъ шагу: одной рукой она поддерживала узелъ на головѣ, другую держала вытянутой впередъ, словно человѣкъ, нащупывающій дорогу въ темнотѣ. Саидъ окликнулъ ее, чтобы узнать, очень ли ей больно. Она отвѣтила отрицательно, но слабымъ голосомъ и безъ убѣжденности. Саидъ подождалъ, пока она подошла ближе, и затѣмъ снова зашагалъ, посмѣиваясь про себя надъ тѣмъ, какой онъ умный и какъ ловко онъ сумѣлъ извлечь выгоду изъ непріятности. Холщевой мѣшочекъ любовно прижимался къ его груди, какъ бы признавая, что нашелъ себѣ достойнѣйшаго господина.

Терять ему нечего, выиграть можно все...

Строго говоря, въ данный моментъ слова эти уже не вполнѣ подходили къ нему; но тѣмъ не менѣе они звучали надеждой, какъ бы говорили ему, что деньги, только что

пріобрѣтенныя имъ—лишь первый камень, положенный въ основу зданія его будущаго богатства.

Солнце было уже почти въ зенитѣ, когда они завидѣли деревню Бейтъ - Амметъ; ибо въ такой удручающій зной быстро идти было немыслимо и они поминутно останавливались отдыхать. Приземистыхъ домиковъ съ плоскими кровлями на разстояніи почти нельзя было разглядѣть, такъ мало они отличались по формѣ и цвѣту отъ окружающихъ камней. Лишь нѣсколько тощихъ фиговыхъ деревьевъ, да неблагодарныя попытки воздѣлыванія почвы вблизи деревушки говорили о томъ, что здѣсь—обиталище человѣка.

На околицѣ, какъ разъ возлѣ круглаго, плотно убитаго тока для молотьбы, изъ подъ развалившейся арки на краю дороги билъ звонкій ключъ. Въ тѣни арки были положены плоскіе камни для отдохновенія путниковъ. Здѣсь Саидъ остановился, освѣжилъ себя живительной влагой, затѣмъ вымылъ себѣ ключевой водой голову, руки и ноги. Газнэ тяжело опустилась на камень, прижимая руку къ ушибленному боку, и терпѣливо ждала, когда настанетъ ея очередь пить.

Когда мужъ ея кончилъ, наконецъ, она встала, шагнула впередъ, пошатнулась и, протягивая руки къ водѣ, упала ничкомъ.

Добрыхъ три минуты Саидъ смотрѣлъ на нее растерянно, не зная, что предпринять. Ничего подобнаго въ жизни съ нимъ никогда не случалось. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что по близости есть ключевая вода, и началъ обѣими пригоршнями поливать безчувственную Газнэ.

Но, такъ какъ она не шевелилась, онъ счелъ ее мертвой и присѣлъ на камень, чтобы освоиться немного съ этой неожиданной перемѣной. Пока онъ раздумывалъ, глядя на безчувственное тѣло женщины, простертой у его ногъ, впереди него на землю легла чья-то тѣнь. И одновременно съ этимъ дрожащій старческій голосъ спросилъ его, что такое случилось.

Испуганный неожиданностью, онъ вскочилъ съ камня и выругался. Задумавшись, онъ не разслышалъ шаговъ. Передъ нимъ стояла старуха, сгибавшаяся почти вдвое подъ тяжестью своей ноши. Руки ея тряслись, голова все время кивала, а челюсти какъ будто что-то жевали. Видя, что Саидъ растерянно смотритъ на нее и ничего не говоритъ, она громче повторила свой вопросъ.

— Да вотъ баба у меня умерла—уныло сказалъ рыбакъ, указывая на землю.

— Почемъ же ты знаешь, что она умерла? — презрительно усмѣхнулась старая колдунья.—Я видѣла, какъ она

упала—я какъ разъ выходила тогда изъ деревни—и побѣжала бы ей на помощь, но я очень стара и слаба и быстро ходить не могу. За то я все время слѣдила за тобой. Ты ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы помочь ей. Только обрызгалъ водой ея платье. Переверни ее, по крайней мѣрѣ, на спину, безумный ты человѣкъ, такъ, чтобы она лежала лицомъ вверхъ.

Слова старухи смутили Саида и пристыдили его. Дѣйствительно, онъ ничего почти не сдѣлалъ, чтобы вернуть къ жизни Газнэ, но вѣдь онъ же думалъ, что она умерла, а только дуракъ станетъ напрасно тратить время, оживляя мертвую женщину. Но теперь, послѣ презрительныхъ словъ старухи, онъ уже не сомнѣвался, что Газнэ жива. И въ душѣ проклиналъ эту старую вѣдьму, словно изъ подъ земли выросшую передъ нимъ, какъ разъ тогда, когда онъ уже успокоился и настроилъ себя на мирное созерцаніе тѣла умершей жены. Однако онъ все же послушался и, приподнявъ на рукахъ Газнэ, снова положилъ ее лицомъ кверху.

— Теперь брызни ей водою въ лицо и на губы.

Саидъ и это исполнилъ, и въ результатѣ черезъ нѣкоторое время Газнэ открыла глаза.

— Теперь подыми ее и на рукахъ снеси въ деревню. Ну, и глупъ же ты! у тебя мозговъ не больше, чѣмъ у осла,— сердито накинулась на него старуха, видя, что онъ стоитъ растерянный, не зная, что дѣлать.

Саиду было до такой степени стыдно, что его поступками распоряжается женщина, что онъ отъ души проклялъ и ее, и ея вѣру, и всѣхъ ея близкихъ. Но тѣмъ не менѣе исполнилъ, что ему было приказано, и, взявъ Газнэ на руки, пошелъ въ деревню, все время ворча и ругаясь.

На порогѣ одной изъ лачугъ, на самомъ припекѣ, сидѣла женщина и молола зерно на небольшой ручной мельницѣ. Саидъ сказалъ ей, что жена его захворала въ дорогѣ, не можетъ идти и нуждается въ отдыхѣ. Она тотчасъ же оставила работу, встала и привѣтливо попросила его войти въ домъ и быть гостемъ. Послѣ яркаго свѣта и зноя такъ пріятно было войти въ полутемную, прохладную горницу. Съ безногой кушетки у стѣны поднялся человѣкъ и соннымъ голосомъ привѣтствовалъ Саида. Затѣмъ указалъ рукою на грязный матрацъ, съ котораго онъ только что всталъ, потомъ на женщину, которую рыбакъ держалъ на рукахъ.

— Да вознаградитъ тебя Аллахъ и да умножитъ онъ, твои богатства!—пробормоталъ Саидъ, опуская на кровать свою ношу.

— Предоставь женщину заботамъ женщины,— сказалъ

хозяинъ, знакомъ приглашая гостя выйти за дверь.—Моя жена позаботится о ней, а потомъ мы напьемся кофе.

Саидъ присѣлъ на корточки въ тѣни, рядомъ съ радушнымъ хозяиномъ. Впереди была гряда каменистыхъ холмовъ, бѣлѣвшихъ подъ яркими лучами полдневнаго солнца, а вокругъ—грязныя лачуги съ плоскими крышами, расположенныя по уступамъ горы.

— Откуда ты пришелъ?—спросилъ хозяинъ, послѣ паузы, проведенной въ свертываніи и закуриваніи папиросокъ. Саидъ назвалъ ему деревню, гдѣ онъ ночевалъ.

— Не встрѣчалъ ли ты по пути одного человѣка?—неожиданно оживившись, спросилъ его хозяинъ:—моего брата, Фаруна? Онъ сегодня утромъ поѣхалъ по дѣлу на верблюдѣ, нагруженномъ камнемъ. Онъ маленькаго роста и толстый. Ты не встрѣтилъ его?

— Да, такого я видѣлъ,—задумчиво отвѣтилъ Саидъ, какъ бы припоминая.—Онъ сидѣлъ у дороги и плакалъ; голова у него была разбита и изъ раны текла кровь. Неподалеку отъ него пасся верблюдъ. Онъ сказалъ мнѣ, что на него напали разбойники и отняли у него всѣ его деньги. Они били его палкой и бросали въ него камнями. Я помогъ ему перевязать рану и далъ ему немного денегъ—сколько могъ,—у меня у самого немного. Онъ при мнѣ сѣлъ на верблюда и поѣхалъ дальше, попросивъ меня разсказать его брату, что съ нимъ случилось, когда я доберусь до этой деревни. Но, когда жена моя упала безъ чувствъ, я такъ испугался, что все это вылетѣло у меня изъ головы.

— Ну, спасибо, награди тебя Аллахъ! Ты добрый и великодушный человѣкъ,—воскликнулъ хозяинъ, возводя горѣ очи и руки.—Послѣ того, какъ ты ласково обошелся съ моимъ бѣднымъ братомъ, ты для меня теперь самый близкій, родной человѣкъ. Мой домъ—твой домъ. Прошу тебя, останься у меня отдохнуть и переночевать. Завтра въ третьемъ часу братъ мой долженъ возвратиться. Побудь у насъ до его возвращенія, чтобъ онъ могъ самъ еще разъ поблагодарить тебя. Клянусь Аллахомъ, онъ убилъ бы меня, еслибъ я отпустилъ тебя голоднымъ и не отдохнувшимъ. Ну, хоть до вечера останься. Разъ ужь съ нимъ приключилось такое несчастіе, онъ можетъ быть, вернется и раньше, еще сегодня къ вечеру. Хорошо еще, что разбойники не отобрали у него и верблюда.

— Я не могу остаться,—поспѣшно возразилъ Саидъ.—У меня братъ померъ въ Дамаскѣ-эсъ-Шамѣ, и я иду туда требовать свою долю наслѣдства. Мнѣ нельзя задерживаться въ пути.

— Если не ради себя, то хоть ради жены твоей останься до вечера,—убѣждалъ хозяинъ.

На минуту Саидъ, какъ будто задумался. Лицо у него стало сосредоточенное, брови нахмурились. Но неожиданно черты его прояснились.

— Самъ я никакъ не могу остаться. А вотъ женѣ моей, дѣйствительно, хорошо было бы полежать и отдохнуть, пока болѣзнь не отойдетъ отъ нея.

Глаза его съ жаднымъ вопросомъ впились въ лицо новопріобрѣтеннаго друга.

— Такъ пусть она останется у насъ, мы будемъ рады ей, какъ родной,—не задумываясь, воскликнулъ хозяинъ.

— Да умножитъ Аллахъ твои богатства!—съ низкимъ поклономъ набожно пробормоталъ Саидъ.—Какъ только я доберусь до города, я пришлю за ней и награда твоя будетъ велика и обильна. Хоть ты и видишь меня въ бѣдной одеждѣ, не думай, что ты оказалъ милость нищему. Братъ мой былъ богатъ, и я иду за наслѣдствомъ.

Онъ украдкой покосился на кровать, на которой лежала Газнэ, боясь, не слыхала ли она его словъ. Но глаза ея были закрыты, грудь мѣрно и ровно вздымалась, какъ у человѣка, спокойно спящаго. Платье ея на груди распахнулось и въ мягкой, смуглой впадинѣ между грудей виднѣлось что-то желтое и круглое. То былъ апельсинъ, который она такъ и не позволила себѣ съѣсть нынче утромъ. При видѣ этого состраданіе проснулось въ груди Саида. На минуту рѣшимость его поколебалась.

„Терять нечего, а выиграть можно все“...

И снова сердце его ожесточилось, какъ только онъ припомнилъ слова нищаго. Стальнымъ блескомъ сверкнули его глаза и онъ снова повернулся къ хозяину.

— Время уже послѣ полудня. Мнѣ пора; пожелай мнѣ добраго пути и удачи. Позаботься о женщинѣ, которую я оставляю, и я щедро награжу тебя. Да умножитъ Аллахъ твои богатства.

— Миръ съ тобою,—сказалъ хозяинъ, съ изумленіемъ воззрившись на него.—Но выпей же, по крайней мѣрѣ, съ нами чашечку кофе; смотри, онъ уже почти готовъ.

Саидъ не осмѣлился нарушить законовъ гостепріимства. Онъ остался, но все время сидѣлъ, какъ на раскаленныхъ уголькахъ, и взоры его все время блуждали около спящей Газнэ, но ни на одну минуту не остановились на ней. Когда, наконецъ, ему подали маленькую чашечку кофе, онъ закинулъ голову назадъ и однимъ глоткомъ проглотилъ все ея содержимое. Но тотчасъ же весь скрючился и прижалъ обѣ руки къ груди. Второпяхъ онъ и забылъ, что кофе горячій.

Слезы хлынули градомъ изъ глазъ его и на лбу выступилъ крупными каплями потъ, когда онъ поставилъ на столъ пустую чашку и началъ прощаться съ хозяиномъ.

— Ты точно фокусникъ, который глотаетъ огонь, клянусь Аллахомъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ хозяинъ.—Куда ты такъ торопишься? За двѣ минуты наслѣдство твое никуда не уйдетъ отъ тебя, а дневной жаръ вѣдь еще не свалилъ.

Но Саидъ заторопился еще пуще прежняго. Съ тревогой обернувшись въ ту сторону, гдѣ лежала Газнэ, онъ замѣтилъ, что больная открыла глаза и водитъ вокругъ себя блуждающимъ взоромъ.

— Примите ее на свое попеченіе и да наградитъ васъ Аллахъ,—пробормоталъ онъ вполголоса уже изъ-за двери.— Черезъ недѣлю я пришлю за нею. Воздай тебѣ Аллахъ, о отецъ доброты!

И онъ быстро зашагалъ впередъ, подгоняемый мыслью, что Газнэ можетъ придти въ себя и помчаться за нимъ вдогонку.

VII.

Въ селеніи, гдѣ онъ провелъ ночь, маленькой деревушкѣ лежавшей на половинѣ горнаго склона, который шелъ уступами и весь заросъ оливковыми деревьями, Саидъ получилъ свѣдѣнія о миссіонерѣ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ. Человѣкъ въ черной одеждѣ еще до полудня проѣхалъ черезъ эту деревушку, направляясь къ своему дому, находящемуся на равнинѣ на разстояніи дня пути отсюда. И на утро рыбакъ съ легкимъ сердцемъ вновь двинулся въ путь. Вдали за равниной, окутанной дымкой ранняго утра, туманныя, какъ сонныя грезы, виднѣлись горы, такія высокія, какихъ онъ никогда еще не видалъ. На вершинѣ горъ бѣлѣлъ снѣгъ, и это невиданное зрѣлище надолго приковало бы къ себѣ взоръ рыбака, еслибъ его не притягивало еще больше болѣе близкое—домикъ съ красною крышей на равнинѣ,—жилище добраго, глупаго франка, который всякому давалъ деньги, кто только у него ни попроситъ. Благодаря гостепріимству поселянъ, турецкая лира лежала еще нетронутой въ холщевомъ мѣшочкѣ на груди рыбака. Съ этимъ и съ тѣми деньгами, которыя онъ надѣялся выпросить у христіанскаго проповѣдника, Саидъ разсчитывалъ войти въ столицу съ тріумфомъ, а не въ образѣ нищаго.

Солнце стояло уже высоко надъ равниной и припекало во всю, когда онъ добрался до жилища франка. Рослый негръ въ развѣвающейся одеждѣ, желтой съ бѣлымъ въ

полоску, въ бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ, повязанномъ вокругъ ярко красной фески, вѣникомъ подметалъ крыльцо. Саидъ пожелалъ ему добраго утра и, присѣвъ на корточки, такъ какъ на землѣ еще лежала роса, намѣревался завести разговоръ. Но негръ оказался суровъ и угрюмъ. На всѣ любезности Саида онъ отвѣчалъ такъ коротко, какъ только это позволяла учтивость, а въ отвѣтъ на его наводящіе вопросы, пожималъ плечами или же говорилъ: „Аллахъ его знаетъ",—что было отнюдь не удовлетворительно.

Убѣдившись, что лестью онъ ничего не добьется отъ суроваго привратника, рыбакъ перемѣнилъ тонъ. Внезапно вскочивъ на ноги, онъ крикнулъ громовымъ голосомъ: —Ступай, доложи своему господину, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Негръ выронилъ вѣникъ, посмотрѣлъ на него и расхохотался, показавъ два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.

— Господинъ мой спитъ,—сказалъ онъ.—Ты мало знаешь обычаи франковъ, если думаешь, что онъ приметъ тебя въ такой ранній часъ.

— Въ которомъ же часу онъ просыпается?—тѣмъ же высокомѣрнымъ тономъ освѣдомился Саидъ.

— Аллахъ его знаетъ,—отвѣтилъ негръ, пожимая плечами и продолжая мести.

Саидъ снова усѣлся на корточки.

— Я подожду, пока онъ проснется.

Негръ сердито оскалился и вѣникомъ указалъ ему вдаль, сердито буркнувъ:

— Проваливай!

Саидъ сдѣлалъ видъ, будто не понялъ.

— Проваливай, говорю!—сердито крикнулъ негръ, замахиваясь на него вѣникомъ. Съ проклятіемъ Саидъ вскочилъ на ноги и бросился бѣжать, проворнѣе, чѣмъ газель отъ охотника. Негръ смотрѣлъ ему вслѣдъ, не опуская грозно поднятаго вѣника, пока синяя одежда и быстро мелькающія смуглыя ноги не скрылись изъ виду межъ узловатыми стволами оливъ.

Почувствовавъ себя въ безопасности, Саидъ, задыхаясь бросился на земь. Надъ нимъ, на вѣткахъ оливы, уныло ворковала пара голубей; солнечный свѣтъ тамъ и сямъ пробивался сквозь листья и золотыми клѣтками ложился на землю. Собачій лай, дѣтскій крикъ и звонкій стукъ молотка по желѣзу сказали ему, что неподалеку должна быть деревня, спрятанная гдѣ-то въ чащѣ лѣса. Пронзительное стрекотанье цикадъ казалось голосомъ самаго солнца, врывающагося въ полутьму оливковой рощи, но по временамъ Саидъ вовсе не слышалъ его, такъ у него шумѣло

въ ушахъ. Теплое дыханіе влажной земли и покрытой росою травы поднималось кверху серебристымъ паромъ, шевеля тонкіе листья.

— Чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться!—сквозь стиснутые зубы пробормоталъ Саидъ и, выругавшись, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Немного погодя, окончательно отдышавшись, онъ доползъ до опушки рощи и, укрывшись за широкимъ стволомъ старой оливы, осторожно выглянулъ.

Неподалеку—такъ недалеко, что туда могъ бы долетѣть брошенный камень, стоялъ домикъ миссіонера, весь обросшій кругомъ бурьяномъ и чертополохомъ, сквозь которые вилась узенькая тропинка. Позади него высились горы, окутанныя голубоватою дымкой. На полпути Саидъ различилъ деревню, гдѣ онъ ночевалъ, кучку низенькихъ домиковъ, одного цвѣта съ окружавшими ихъ камнями и какъ будто выросшихъ изъ той же каменистой почвы. Негра уже не было видно—очевидно, онъ со своимъ вѣникомъ пошелъ мести куда-то въ другое мѣсто. Но Саидъ еще не смѣлъ выйти изъ своего убѣжища. Онъ побаивался рослаго, сильнаго негра и его толстаго вѣника. Онъ смотрѣлъ и ждалъ.

Вскорѣ въ домѣ появились признаки жизни. Изъ окна наверху высунулась чья-то рука и захлопнула ставни, такъ какъ окно выходило на солнце. Вмѣстѣ съ рукой показалась на мигъ и мужская голова. Потомъ изъ оливковой рощи вышелъ маленькій мальчикъ съ коричневыми загорѣлыми ножками и прошелъ мимо Саида, не замѣтивъ его. Должно быть, онъ шелъ изъ сосѣдней деревни, такъ какъ несъ въ рукахъ небольшой кувшинъ молока. Онъ завернулъ за уголъ дома и скрылся, но вскорѣ появился снова, уже съ пустымъ кувшиномъ. Въ домѣ одно за другимъ отворялись окна. Визгливый женскій голосъ внизу запѣлъ арабскую пѣсню.—Сколько же слугъ у этого проклятаго гяура?..—недоумѣвалъ Саидъ.

Только было онъ хотѣлъ еще разъ попробовать счастья, благо негра нигдѣ не было видно, какъ въ дверяхъ дома появился высокій франкъ, весь въ черномъ и крикнулъ: „Кассимъ“!

Саидъ шагнулъ было впередъ, намѣреваясь перебѣжать раздѣляющее ихъ пространство и броситься къ ногамъ добраго франка, какъ вторичное появленіе его врага заставило его отскочить назадъ. Человѣкъ въ черной одеждѣ, повидимому, отдалъ какое-то приказаніе, въ отвѣтъ на которое негръ кивнулъ головой и ушелъ за уголъ дома. Затѣмъ франкъ снова скрылся за дверью.

Теперь около дома опять никого не было. Но вторичное появленіе негра заставило Саида насторожиться и онъ счелъ

за болѣе благоразумное подождать еще немного. Черезъ нѣсколько минутъ негръ возвратился, ведя въ поводу красиваго, сѣраго жеребца; къ великой досадѣ Саида, миссіонеръ сѣлъ на коня и уѣхалъ, крикнувъ на прощанье черному слугѣ такъ громко, что Саидъ отчетливо разслышалъ его слова:

— Я вернусь за закатѣ, Кассимъ! Скажи всѣмъ, что сегодня ученья не будетъ.

Лошадь тронулась съ мѣста легкимъ галопомъ. Негръ постоялъ немного, глядя вслѣдъ своему господину, потомъ повернулся и пошелъ по своимъ дѣламъ.

Саидъ отошелъ дальше въ тѣнь и бросился на землю, призывая всякія бѣды, какія онъ только могъ придумать, на голову франка и его родственниковъ. Дюжій негръ также получилъ свою долю въ этихъ щедрыхъ проклятіяхъ, какъ и отецъ его, и дѣдъ; даже тетки и двоюродныя сестры не были позабыты. Затѣмъ, сорвавъ злость, рыбакъ немного успокоился и началъ раздумывать о своей неудачѣ.

Со времени встрѣчи съ старымъ нищимъ онъ всѣ свои надежды возлагалъ на франкскаго миссіонера, мечталъ о немъ, какъ путникъ въ пустынѣ мечтаетъ о ключевой водѣ. Онъ скрежеталъ зубами при мысли, что быть можетъ, онъ получилъ бы желаемое и съ радостной душой пошелъ бы дальше, еслибъ не этотъ черный діаволъ, который не пустилъ его, навѣрное, только изъ жадности, чтобы сберечь живительный источникъ для самого себя. А теперь, хочешь, не хочешь, надо уходить, какъ и пришелъ, безъ единой лишней турецкой лиры въ холщевомъ мѣшочкѣ, такъ пріятно холодившемъ его грудь. А онъ разсчитывалъ получить не одну лиру отъ этого сумасшедшаго проповѣдника невѣрія. Оставаться же здѣсь до ночи, въ надеждѣ обмануть какъ-нибудь бдительность негра, и добраться до его господина, Саиду не хотѣлось. Городъ голосомъ сирены манилъ и звалъ его къ себѣ. Тамъ въ огромномъ, шумномъ человѣческомъ муравейникѣ столько шансовъ выдвинуться для молодого и здороваго мужчины, которому нечего терять. Тамъ женщины красивѣе и нѣжнѣе, чѣмъ Газнэ, — быть можетъ, молодыя дѣвушки, чистыя, какъ бутоны лиліи, которыя блѣднѣютъ и дрожатъ отъ одного поцѣлуя. Саидъ заранѣе облизывался, предвкушая наслажденіе.

Звукъ шаговъ, раздавшійся совсѣмъ по близости, пробудилъ его отъ томныхъ грезъ. Это былъ негръ; не замѣченный Саидомъ, онъ перешелъ ярко освѣщенную солнцемъ полянку между домомъ и рощей и теперь пробирался съ большой корзиной въ рукахъ между упавшихъ стволовъ.

Онъ прошелъ всего въ шагахъ двѣнадцати отъ рыбака, но не замѣтилъ его, такъ смирно тотъ лежалъ.

Тутъ Саида осѣнила блестящая мысль. Теперь, когда врагъ его навѣрное ушелъ, что мѣшаетъ ему войти въ домъ, хотя бы и безъ спросу, и поглядѣть на роскошь, которая, навѣрное, царитъ тамъ. Судя по всему, что онъ видѣлъ и слышалъ за время своихъ долгихъ наблюденій, врядъ ли у этого гяура есть еще другой слуга мужского пола. Въ домѣ теперь, навѣрное, никого нѣтъ, кромѣ женщинъ, а если которая изъ нихъ увидитъ его и спроситъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ, онъ просто скажетъ ей, что ему нужно поговорить съ франкомъ, ея господиномъ. Порѣшивъ на этомъ, рыбакъ поднялся и вышелъ на свѣтъ.

Тишина, царившая вокругъ дома, и всѣ эти окна, уставившіяся на него, точно раскрытые глаза, вначалѣ пугали рыбака и онъ шелъ осторожно. Казалось, вотъ-вотъ вырвется крикъ изъ этой настежь отворенной двери, похожей на раскрытый ротъ. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ пересталъ бояться. Арабская пѣсня, слышанная имъ и раньше, снова донеслась чуть слышно, очевидно, изъ какой-нибудь дальней комнаты. Еслибъ не это да не огромный котъ, щурившій глаза, засыпая на подоконникѣ, домъ казался бы совсѣмъ пустымъ.

Сбросивъ съ себя башмаки на порогѣ, Саидъ быстро вошелъ въ полутемную, прохладную комнату, большую и высокую, съ двумя окнами, расположенными по обѣ стороны отъ входа. На столѣ посрединѣ лежали неубранные остатки ѣды: хлѣбъ и мясо, апельсины, наполовину пустая миска съ простоквашей; рядомъ огромная чашка съ блюдечкомъ и два бѣлыхъ кувшинчика, какого-то чужеземнаго фасона. Черезъ столъ, какъ разъ напротивъ входа, были еще двѣ двери, обѣ затворенныя; изъ-за одной доносилось пѣніе. Безшумно ступая босыми ногами по каменному полу, частью прикрытому циновками, Саидъ обошелъ кругомъ комнату. Въ нишѣ направо онъ увидалъ лѣстницу и также безшумно и быстро поднялся по ней въ верхній этажъ.

Наверху его вниманіе привлекла отворенная дверь. Въ дверь виднѣлась комната, вся устланная мягкими коврами. У стѣны стояла кровать. Саидъ подошелъ къ кровати, усѣлся на корточки и началъ разглядывать рѣзьбу на деревѣ, тихонько восклицая: „Вѣдь умудритъ же Аллахъ“! Кровать была большая и походила скорѣе на столъ на шести желѣзныхъ ножкахъ; изъ этихъ ножекъ четыре поднимались надъ кроватью на такое же разстояніе, какъ и внизу, и заканчивались каждая шарикомъ величиной съ апельсинъ изъ какого-то желтаго металла, который Саидъ принялъ за

золото. Вотъ такъ кровать! Саидъ долго не могъ оторвать восхищеннаго взора отъ этого чуда.

Комната выходила на солнце, но, благодаря запертымъ ставнямъ, въ ней царила пріятная прохлада. На маленькомъ столикѣ въ углу было зеркало. Съ минуту рыбакъ смотрѣлъ на свое отраженіе, не узнавая себя. Потомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и, скаля зубы отъ удовольствія, началъ разглядывать въ зеркалѣ своего двойника. На колышкѣ около двери висѣла длинная одежда изъ какой-то коричневой ткани, мягкой, какъ шерсть, но плотной и крѣпкой, какъ еслибы она была сдѣлана изъ верблюжьяго волоса. У ворота и на рукавахъ эта одежда была вышита краснымъ шелкомъ, а въ петлю на спинѣ былъ продѣтъ толстый красный шнурокъ съ двумя красными же кисточками на концахъ, Повыше, на гвоздикѣ, висѣла ярко красная феска, высокая. какія носятъ турки и знатные люди.

Саидъ снялъ свою шапку вмѣстѣ съ тюрбаномъ, обмотаннымъ вокругъ нея и отъ налипшихъ на него грязи и пота слившимся съ ней въ одно цѣлое. Его обнажившійся бритый затылокъ отразился въ зеркалѣ вмѣстѣ съ ушами, которыя оттопыривались и смѣшно торчали въ разныя стороны, точно у джина. Саидъ посмотрѣлъ на красную феску, потомъ на свой собственный головной уборъ и почувствовалъ отвращеніе. Его круглый *тарбушъ*, похожій на половинку разрѣзаннаго пополамъ граната, съ облѣзлой кисточкой, когда-то синей, казался такимъ жалкимъ рядомъ съ этой новенькой, нарядной феской. И одежда его тоже была старая и въ пятнахъ, такъ что очень не мѣшало бы прикрыть ее плащомъ. Снявъ со стѣны коричневый халатъ, рыбакъ долго вертѣлъ его въ рукахъ, отыскивая прорѣзы для рукъ. Потомъ надѣлъ его на себя, а на голову красную феску и подошелъ къ зеркалу.

Феска, очевидно, привыкшая прикрывать собою роскошную шевелюру, была слишкомъ велика для его стриженной головы. Еслибъ не уши, она закрыла бы ему и лобъ, и глаза. Саидъ озирался кругомъ, ища средства помочь горю. На столѣ лежала небольшая бѣлая скатерть или платокъ изъ тончайшаго полотна. Саидъ мгновенно стащилъ ее свернулъ жгутомъ и обмоталъ, какъ тюрбанъ, вокругъ головы. Теперь феска сидѣла плотно. Затѣмъ, весело усмѣхаясь, сталъ разглядывать другіе предметы, находящіеся на столѣ, въ томъ числѣ картинку, изображавшую дѣвушку въ непристойномъ нарядѣ, какой носятъ франкскія женщины. Саидъ долго разглядывалъ ее, не понимая, зачѣмъ она здѣсь и на что она можетъ быть нужна. Потомъ вспомнилъ, что франки всѣ— идолопоклонники, которые боготворятъ картины и разные

другіе запретные предметы собственнаго издѣлія. „Клянусь Аллахомъ, это его божество!“—пробормоталъ Саидъ, презрительно отворачиваясь. Передъ уходомъ онъ швырнулъ свою шапку на постель франка и отъ души выругался, проклявъ еще разъ гяура и его бусурманскую вѣру.

VIII.

Внизъ по лѣстницѣ Саидъ спускался, уже не соблюдая той осторожности, какъ при подъемѣ: радость по поводу новой, роскошной одежды вытѣснила благоразуміе. Когда онъ добрался до половины лѣстницы, внизу, въ первой комнатѣ, отворилась дверь и изъ нея вышла женщина. При видѣ Саида, она поспѣшила закутать вуалемъ нижнюю половину лица. Глаза у нея были блестящіе и въ движеніяхъ сквозила грація молодости.

— Кто ты такой? что ты тутъ дѣлаешь?—пронзительно закричала она.—*Каваджа* въ отъѣздѣ, а Кассимъ ушелъ на деревню. Я одна дома; моя старуха мать лежитъ больная. Если ты присланъ съ порученіемъ къ моему господину, скажи мнѣ—я передамъ ему, когда онъ вернется.

Женщина пристальнѣе вглядѣлась въ него и вдругъ завизжала сердито:

— Господи помилуй! гдѣ ты взялъ это платье? Воръ ты этакій! Это платье моего господина, оно всегда виситъ въ его спальнѣ. О, Кассимъ! иди скорѣй сюда. Къ намъ забрался воръ. Кассимъ! Кассимъ! Здѣсь воръ, прогони его.

Она подбѣжала къ входной двери и, распахнувъ ее настежь, закричала по направленію къ рощѣ: „О, Кассимъ! о, Кассимъ! воръ! воръ!“

Саидъ кинулся къ ней и схватилъ ее за руки.

Онъ хотѣлъ ее оттащить отъ двери и повалить на полъ, но она отбивалась, какъ бѣшеная, и, наконецъ, быстро нагнувшись, съ визгомъ пойманнаго дикаго звѣрька, впилась зубами въ руку вора, съ такою силой, что Саидъ въ свою очередъ взвизгнулъ отъ боли и выпустилъ ея руки. Женщина воспользовалась этимъ и опрометью убѣжала во внутренніе покои, захлопнувъ за собой дверь.

Саидъ угрюмо разглядывалъ слѣды ея зубовъ вокругъ ранки, изъ которой сочилась кровь. Ему хотѣлось разразиться градомъ проклятій, но некогда было — сперва надо было приложить руку къ губамъ и высосать кровь. Тѣмъ временемъ изъ-за двери снова донеслись безумные вопли перепуганной женщины:

— О, Кассимъ! бѣги сюда скорѣй! На помощь! грабятъ! Кассимъ! Кассимъ!

На этотъ разъ изъ орѣховой рощи ей откликнулся мужской голосъ.

Саидъ повернулся къ двери и увидалъ негра, со всѣхъ ногъ бѣжавшаго къ дому. Наскоро захвативъ свои туфли, оставленныя на порогѣ, Саидъ однимъ прыжкомъ, какъ затравленный звѣрь, выскочилъ на крыльцо и, подобравъ полы своей новой одежды, кинулся бѣжать прочь отъ этого дома и отъ оливковой рощи по широкой равнинѣ, надъ которой зной, казалось, висѣлъ жидкимъ туманомъ.

Одинъ только разъ онъ оглянулся назадъ. Негръ, уже безъ корзины, бѣжалъ вслѣдъ за нимъ крупной рысью, очевидно, съ твердымъ намѣреніемъ изловить вора. Саидъ побѣжалъ дальше, но теперь уже не такъ быстро—нужно было беречь силы, такъ какъ погоня обѣщала быть продолжительной. Тяжело дыша, обливаясь потомъ, онъ перебѣжалъ черезъ канавку, спотыкаясь о камни на днѣ ея, между которыми тоненькой струйкой бѣжалъ ручеекъ, и, выбравшись на противоположный берегъ, заросшій олеандрами, снова побѣжалъ по открытому мѣсту, путаясь въ густой травѣ, чертополохѣ и бурьянѣ.

Но ноги у негра были длинныя и по звуку его шаговъ, все болѣе отчетливыхъ, Саидъ чувствовалъ, что преслѣдователь нагоняетъ его. Вскорѣ ему стало слышно и тяжелое дыханіе преслѣдователя. И онъ побѣжалъ быстрѣй, хотя сердце его колотилось такъ, словно хотѣло выскочить изъ груди.

— Милосердный Аллахъ!—Саидъ едва не свалился въ глубокую яму, заросшую сверху длинными, цѣпкими травами—должно быть, брошенную цистерну, — какъ разъ во время замедлилъ шаги, чтобы не упасть, и обѣжалъ кругомъ ямы. Сзади до него донесся жалобный крикъ. На бѣгу онъ оглянулся назадъ. Негра нигдѣ не было видно. Рыбакъ бросился ницъ, прижимая руки къ сердцу, и воздалъ хвалу Аллаху.

Долго лежалъ онъ безъ движенія и все не могъ отдышаться. Солнце невыносимо жгло открытую равнину. Саидъ жаждалъ тѣни, хоть маленькаго кустика, чтобы укрыть лицо и голову. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него одинокое дерево, огромный *карубъ*, раскинуло свои изогнутыя вѣтви и блестящую, темную листву, — кто-то, видимо, нарочно посадилъ это дерево, чтобы усталый путникъ могъ укрыться подъ нимъ отъ зноя. Саидъ съ трудомъ дотащился туда и долго лежалъ съ закрытыми глазами.

— Хвала Аллаху!—воскликнулъ онъ снова, когда дыханіе его стало болѣе ровнымъ. Затѣмъ вспомнилъ о негрѣ и о томъ, что яма, можетъ быть, и не такъ ужь глубока. Всталъ и пошелъ туда.

Пробираясь между колючими травами и приземистыми кустарниками къ устью ямы, онъ увидѣлъ черную руку, высунувшуюся, словно изъ-подъ земли, и ухватившуюся за стебель большого, синяго чертополоха, и горько пожалѣлъ, что швырнулъ прочь свою палку, чтобъ она не мѣшала ему бѣжать. За неимѣніемъ ничего другого онъ поднялъ камень и изо всей силы ударилъ имъ по костяшкамъ пальцевъ черной руки. Жалобный крикъ донесся изъ ямы и черная рука проворно, какъ ящерица, скользнула внизъ. Тогда Саидъ легъ на животъ и подползъ къ самому краю ямы, чтобъ заглянуть внутрь. Его врагъ стоялъ въ узкой дырѣ, напоминавшей колодецъ, но, повидимому, безъ воды. Протянувъ руку, онъ, пожалуй, могъ бы дотронуться до бѣлаго тюрбана. Кассимъ съ ненавистью смотрѣлъ на него, злобно сверкая бѣлками глазъ и скрипя зубами отъ безсильной ярости.

Рыбакъ обвелъ взглядомъ огромную, сожженную солнцемъ равнину, съ едва замѣтными голубыми горами, тянувшимися вдоль всей линіи горизонта, потомъ оглянулся на домъ франка, отсюда казавшійся маленькой, бѣлой коробочкой, съ ярко-красною крышкой. Потомъ опять заглянулъ въ яму и громко захохоталъ:

— Что, свинячій сынъ, хорошо тебѣ тамъ, прохладно? Клянусь Аллахомъ! ты отлично устроился, я завидую тебѣ. Я тутъ наверху жарюсь на солнцѣ, а ты, рукой подать отъ меня, наслаждаешься вечерней прохладой. Неподалеку отсюда идетъ тропинка, ведущая къ твоему дому, о, гнусная тварь свинячей породы; а еще ближе—большое дерево, подъ которымъ, навѣрное, отдыхаютъ путники. И все же помощь далека отъ тебя. Если здѣсь и пройдетъ кто, услыхавъ твой крикъ, онъ только испугается и побѣжитъ прочь отъ заклятаго мѣста. А не забросать ли мнѣ тебя, собака, землей и камнями, чтобъ ты тамъ издохъ въ этой ямѣ? Что ты на это скажешь, уродъ? Я не прочь поработать для тебя, чтобы вырыть тебѣ могилу...—Неожиданно негръ высоко подпрыгнулъ, протянулъ руку и ногтями царапнулъ по лицу своего мучителя; тотъ въ испугѣ отпрянулъ назадъ.

— Да будетъ проклятъ твой отецъ, песъ ты и песій сынъ!—гремѣлъ грозный голосъ изъ ямы.—Чтобъ тебѣ не дожить до срока! Чтобы всѣ твои дѣти сгнили, а жена измѣнила тебѣ для врага.

— Мудрый человѣкъ говоритъ добрыя слова своему господину,—отвѣтствовалъ Саидъ и звукъ его голоса былъ, какъ тигровая лапа, мягокъ и коваренъ.—Кто ты для меня, что я медлю убить тебя? Вотъ у меня подъ рукой чудеснѣйшій камень, который проломитъ тебѣ черепъ, какъ пустое

яйцо. Говори поласковѣй со своимъ господиномъ, о, Кассимъ, сынъ Хавроньи.

Изъ ямы снова донесся потокъ проклятій и брани. Саидъ сообразилъ, что онъ потратилъ уже достаточно времени на эту игру. Тѣнь *каруба*, словно чернильнымъ пятномъ ложившаяся на сожженную солнцемъ бѣлую землю, соблазняла его еще отдохнуть. Но страхъ гналъ его дальше. Два опасенія смущали его: въ концѣ концовъ негръ можетъ всетаки выбраться изъ ямы и тогда ужь ему, Саиду, нечего ждать пощады, если онъ попадется въ руки этому черномазому; а женщина, оставшаяся въ домѣ, встревожится тѣмъ, что Кассимъ не вернулся назадъ, и крикомъ созоветъ сосѣдей,—если она уже не сдѣлала этого.

Саидъ зналъ, что путь его лежитъ вонъ къ тѣмъ горамъ, съ бѣлыми, снѣговыми вершинами, которыя чуть синѣли на горизонтѣ,—но и только. Равнина, лежавшая между нимъ и горами, была выжжена солнцемъ и безлѣсна, но вдали виднѣлось что-то темное, словно деревья. Саидъ едва могъ различить силуэтъ пальмы, казавшейся отсюда маленькой, какъ стебелекъ травы, и трепетанье горячаго воздуха надъ равниной. Но пальмы не ростутъ среди пустыни, какъ сорныя травы или *карубъ*. Если тамъ есть пальма, значитъ, есть и деревня, гдѣ онъ можетъ подробнѣе разспросить о дальнѣйшемъ пути. Оставалось одно—проститься съ негромъ.

Онъ еще разъ подкрался къ самому краю ямы, нагнулся и плюнулъ на обращенное кверху лицо чернокожаго; потомъ выпрямился и весело пошелъ своей дорогой.

IX.

Только подъ вечеръ Саидъ покинулъ мѣсто, гдѣ, утомленный долгой ходьбой подъ знойнымъ окомъ полудня, онъ искалъ пріюта и тѣни. Толпа народу, мужчинъ, женщинъ и дѣтей—всѣ жители этой деревни,—проводили его до высокой пальмы, вѣнчавшей вершину зеленаго холма, сплошь заросшаго травой. И всѣ они униженно кланялись ему на прощанье; а Саидъ среди нихъ шагалъ, какъ король, надменный и гордый въ своей роскошной одеждѣ, вышитой краснымъ шелкомъ и стянутой у тальи краснымъ съ кистями шнуркомъ. На головѣ у него красовалась новая ярко-алая феска, повязанная вокругъ тюрбаномъ нечеловѣческой чистоты и бѣлизны.

У пальмоваго дерева поселяне стали прощаться съ нимъ наперерывъ кидаясь цѣловать его руку или хотя бы край его роскошной одежды. Она привела ихъ въ такой восторгъ,

что они приняли Саида за знатнаго и могущественнаго вельможу; а тотъ, польщенный ихъ раболѣпствомъ и лестью, обѣщалъ позаботиться объ исполненіи всѣхъ ихъ ходатайствъ и удовлетвореніи всѣхъ обиженныхъ.

И, когда онъ ушелъ изъ деревни, всѣ жители напутствовали его благословеніями, а онъ, время отъ времени, оглядывался назадъ, на толпу бѣдныхъ феллаховъ, стоявшихъ вокругъ пальмоваго дерева, затѣняя руками глаза, чтобы лучше смотрѣть ему вслѣдъ. Онъ ногъ подъ собою не слышалъ отъ самодовольства и гордости. Ему казалось, что и травы, и самая земля преклоняются передъ нимъ. Даже солнце свѣтило для него одного. А деревья и травы отбрасывали тѣни свои на тропинку, словно одеждами устилая его дорогу.

Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ деревня скрывалась изъ виду, пары тщеславія, окутавшіе его умъ, стали разсѣиваться. Послѣ утренняго бѣгства отъ негра ноги у него были, какъ деревянныя, и не хотѣли итти. Онъ жаждалъ раздобыть гдѣ-нибудь лошадь, чтобы меньше уставать въ дорогѣ, и это желаніе значительно способствовало его отрезвленію. Великіе міра сего не ходятъ по проѣзжимъ дорогамъ пѣшкомъ, не выходятъ изъ дому въ знойные дни безъ зонтика, который несутъ хотя бы сами, если ужь съ ними нѣтъ слуги, чтобы нести его. Внезапный приливъ стыда больно уязвилъ сердце Саида. Теперь жители деревни, гдѣ онъ отдыхалъ, навѣрно, обсуждаютъ его посѣщеніе; придя въ себя, они припомнятъ, что у него не было съ собой ни лошади, ни слуги, сопровождавшаго его, ни даже зонтика въ рукѣ, поймутъ, что были одурачены и проклянутъ его, какъ обманщика. При этой мысли онъ ускорилъ шагъ, чтобы скорѣй уйти отъ мѣста, гдѣ надъ нимъ скоро будутъ смѣяться.

Лиловыя горы, утромъ казавшіяся такими далекими, теперь были ближе къ нему, чѣмъ тѣ, подножье которыхъ онъ недавно покинулъ. Огненный дискъ солнца готовъ былъ уже скрыться за краемъ равнины. Тѣни, отбрасываемыя предметами, были уже не густо чернильнаго цвѣта, но ложились на востокъ, синія и удлиненныя, выростая съ каждой минутой. Далеко, на самомъ краю горизонта, подъ садящимся солнцемъ, Саидъ замѣтилъ туманно-голубую полоску. Въ той сторонѣ было море. Ему стало грустно, когда онъ вспомнилъ свой маленькій домикъ между песчаными дюнами. Теперь и тамъ вечеръ, и предзакатный легкій вѣтерокъ шевелитъ листами фиговаго дерева.

Пока онъ раздумывалъ о прошломъ, его вдругъ осѣнила догадка и Абдулла представился ему въ новомъ свѣтѣ

Мысль о томъ, что онъ могъ быть до такой степени обманутъ, такъ ошеломила его, что онъ застылъ на мѣстѣ. Простирая руки къ небу, онъ молилъ Аллаха засвидѣтельствовать безграничное довѣріе, которое онъ всегда питалъ къ своему другу, и безграничность обмана. Въ первый моментъ онъ готовъ былъ даже вернуться назадъ, день и ночь идти безъ отдыха, чтобы настичь обманщика и умертвить его. Онъ даже поклялся страшной клятвой Аллаху, что непремѣнно исполнитъ это. Но вскорѣ передумалъ. За нимъ идетъ теперь недобрая слава и возвратиться той же дорогой нельзя. Ему было совѣстно вспомнить о Газнэ и страшно взглянуть ей въ глаза. А впереди лежалъ большой городъ, гдѣ одинъ Аллахъ вѣдаетъ, какія радости ожидаютъ его. Тѣмъ не менѣе онъ далъ обѣтъ: когда всѣ его великія надежды осуществятся, онъ вернется въ свой родной городокъ верхомъ на дивномъ арабскомъ конѣ, со свитою конныхъ же слугъ, и велитъ на глазахъ своихъ бичевать Абдуллу бичомъ, густо усѣяннымъ острыми гвоздиками; когда врагъ его, ослабѣвшій и истекающій кровью, будетъ лежать у его ногъ, онъ разскажетъ всѣмъ о гнусномъ обманѣ. А затѣмъ, насытивъ свою месть, пнетъ ногой поверженнаго врага и умчится прочь со своими слугами, поднимая облако пыли.

Сумерки уже быстро смѣнялись тѣнями ночи, когда Саидъ дошелъ до колодца, вырытаго подъ тѣнью нѣсколькихъ оливковыхъ деревьевъ. Тутъ же рядомъ стоялъ низенькій домикъ съ плоскою кровлей; изъ отворенной двери и окна красноватый свѣтъ падалъ на землю, утоптанную ногами путниковъ.

— Хвала Аллаху! — это *ханэ* [1],—пробормоталъ Саидъ, разглядѣвъ въ темнотѣ двѣ мужскія фигуры, сидѣвшія на табуретахъ у двери. Лошадь, привязанная къ сосѣднему дереву, казавшаяся въ сумеркахъ черною, усердно жевала что-то положенное въ деревянныя ясли. На спинѣ ея виднѣлось сѣдло, подпруги были ослаблены и болтались.

Двое мужчинъ, курившихъ у входа, учтиво встали при появленіи путника. Саидъ отвѣтилъ на ихъ поклонъ съ такою надменностью, какъ еслибъ они были грязью у него подъ ногами. Онъ передвинулъ одинъ табуретъ и сѣлъ поодаль отъ нихъ, торопя, чтобъ ему подали ѣду и питье.

— Моя лошадь захворала въ дорогѣ, — крикнулъ онъ громкимъ голосомъ къ свѣдѣнію тѣхъ, кто могъ быть внутри дома.—Я велѣлъ своимъ слугамъ остаться возлѣ нея, въ надеждѣ, что она еще можетъ оправиться. Чудесная лошадь, клянусь Аллахомъ! Я заплатилъ за нее пятьдесятъ турец-

---

[1]) Заѣзжій дворъ, кабачекъ.

кихъ лиръ, но не разстался бы съ нею и за сто. Немного погодя и они будутъ здѣсь, если только не заблудятся въ темнотѣ, что весьма возможно, такъ какъ ума у нихъ не больше, чѣмъ у барановъ.

На этотъ громкій голосъ и надменныя рѣчи изъ дому вышелъ самъ хозяинъ придорожнаго кабачка—высокая черная фигура обрисовалась на яркомъ фонѣ дверей. Позади него виднѣлось еще нѣсколько темныхъ фигуръ — кучка головъ, однѣ въ тюрбанахъ, другія просто повязанныя платкомъ, стянутымъ вокругъ головы веревкой, сплетенной изъ верблюжьяго волоса.

Саиду не очень понравилось, что въ кабачкѣ столько народу. Въ такой толпѣ всегда можетъ найтись какой-нибудь настоящій вельможа, который изобличитъ его обманъ. Однако этотъ смутный страхъ скоро разсѣялся. Отблескъ огня, горѣвшаго на очагѣ, упалъ на рукавъ Саида, заигралъ на красивомъ красномъ шитьѣ, и въ группѣ, стоявшей у двери, мгновенно пробѣжалъ испуганный и почтительный шепотъ. Рыбакъ усмѣхнулся въ бороду.

— Что изволишь приказать, эффенди? Все, что я имѣю, твое,—сказалъ хозяинъ дома, выступая впередъ съ низкимъ поклономъ.—Удостой лишь войти. Къ стыду моему не могу предложить твоей милости мяса, но, если ты немного подождешь, жена моя зарѣжетъ курицу.

— Благодарю, я не особенно голоденъ и предпочитаю сидѣть на открытомъ воздухѣ,—надменно отвѣтилъ Саидъ.— Я только дождусь своихъ слугъ, которыхъ оставилъ возлѣ своей лошади; она повредила себѣ ногу и не могла дальше идти. Добрый конекъ! Я не взялъ бы за него и двухсотъ турецкихъ фунтовъ. А на счетъ ѣды, принеси мнѣ немного фруктовъ, хлѣба и розоваго шербета. Да не забудь приготовить кофе и *наргиле* послѣ ужина.

Тотчасъ же въ домѣ всѣ засуетились, забѣгали, спѣша исполнить приказъ. Одна женщина побѣжала къ колодцу за водой. Другая принялась молоть кофе. Третья поставила передъ рыбакомъ еще табуретикъ и фонарь, чтобы ему свѣтло было ѣсть. Четвертая приготовляла табакъ для его *наргиле*, предварительно обмакивая его въ кружку съ водой и затѣмъ выжимая досуха. Тѣ же, кто не принималъ прямого участія въ приготовленіяхъ, понукали работавшихъ своими указаніями и совѣтами.

Одинъ только не тронулся съ мѣста—пожилой человѣкъ, одинъ изъ двухъ, сидѣвшихъ у входа. Онъ, видимо, былъ побогаче и поважнѣе другихъ. Онъ одинъ продолжалъ сидѣть на своемъ табуретѣ, лѣниво посасывая *наргиле*. Саидъ угадывалъ, что на лицѣ этого человѣка скользитъ презри-

тельная улыбка при видѣ раболѣпства сосѣдей. Ночь совсѣмъ ужь надвинулась и подъ оливковыми деревьями было такъ темно, что Саидъ не могъ разглядѣть лица этого человѣка, но угадывалъ на немъ презрительное выраженіе и это смущало его.

Все, чего онъ потребовалъ, вскорѣ было подано и поставлено на табуретъ передъ нимъ. Затѣмъ прислуживавшіе ему, не имѣя больше, что дѣлать, скромно усѣлись на корточки на почтительномъ разстояніи, слѣдя за трапезой важнаго гостя и шепотомъ переговариваясь между собой.

Саидъ слышалъ, какъ лошадь, привязанная къ дереву, похрустывала зубами, прожевывая ячмень. По временамъ она топала ногою о землю или же глухо ударяла копытомъ о деревянныя ясли. По правдѣ говоря, Саиду скучно было соблюдать весь этотъ декорумъ и ѣсть одному. Ему пришло было въ голову подозвать хозяина, но, вспомнивъ о томъ, что истинное величіе не ищетъ товарищей, онъ воздержался. И вмѣсто того навострилъ уши, прислушиваясь къ тихимъ рѣчамъ окружающихъ.

„Офицеръ“ — „солдаты“ — „война“ — таковы были слова, долетѣвшія до его слуха. Они сразу направили мысли Саида въ другую сторону. Выпрямивъ станъ, онъ по военному расправилъ бороду и усы. И тотчасъ замѣтилъ движеніе въ группѣ. Краемъ глаза онъ видѣлъ, какъ хозяинъ кабачка приблизился къ пожилому мужчинѣ, сидѣвшему возлѣ дверей, и что-то сказалъ ему. Даже въ темнотѣ Саидъ видѣлъ, что лица обоихъ были повернуты въ его сторону.

— Карисъ! Подай же кофе его превосходительству. И *наргиле* также! — крикнулъ хозяинъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ на корточкахъ поспѣшно всталъ и скрылся за дверью. Но самъ хозяинъ не тронулся съ мѣста. Онъ шептался о чемъ-то съ шейхомъ и оба смотрѣли при этомъ на Саида.

Пользуясь тѣмъ, что важный гость какъ будто всецѣло былъ поглощенъ куреньемъ, шейхъ неторопливо поднялся съ мѣста, поднялъ пару сѣдельныхъ вьюковъ, положенныхъ возлѣ стѣны, и молча пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ была привязана лошадь. Саидъ слышалъ, какъ онъ оттолкнулъ ногой переносныя ясли, и хотя не видѣлъ, но догадывался, что теперь шейхъ подтягиваетъ подпруги. Потомъ звякнула уздечка. Рыбакъ поднялся съ мѣста. Недобрая усмѣшка играла на его губахъ. Онъ чувствовалъ, что глаза всѣхъ устремлены на него, и эта вѣра въ него и страхъ передъ нимъ придавали ему львиное мужество. Ни на минуту не задумываясь, онъ кинулся къ шейху, схватилъ его за платье, оттолкнулъ отъ лошади и схватилъ за горло.

— Попался, старая лиса! — прошипѣлъ онъ, тряся своего

плѣнника и какъ бы давая ему понять, что дальше еще не то будетъ.—Эта лошадь болѣе не принадлежитъ тебѣ. Именемъ его величества Султана—да продлитъ Аллахъ дни его вѣчно!—я отбираю ее у тебя. Ты знаешь законъ? Потомъ, когда война кончится, ее снова вернутъ тебѣ, если только тѣмъ временемъ она не издохнетъ, что легко можетъ случиться, такъ какъ она и теперь дохлая.

Съ этими словами онъ выпустилъ старика, толкнувъ его такъ, что тотъ ударился спиною о дерево, и, подобравъ полы своей длинной одежды, самъ влѣзъ на сѣдло. Всѣ обитатели гостиницы столпились вокругъ. У всѣхъ гнѣвно сверкали глаза, но уста ихъ сковывалъ страхъ. Шейхъ, оправившись отъ изумленія, крѣпко схватилъ лошадь подъ уздцы.

— Да, я знаю законъ, — закричалъ онъ визгливо. — Ты можешь взять мою лошадь—хорошо: разъ война,—это можно. Но прежде ты долженъ выдать мнѣ письменное удостовѣреніе, что ты взялъ ее для военныхъ надобностей. Предупреждаю тебя, я не какой-нибудь бѣдный мужикъ, чтобъ меня можно было ограбить, а я бы ни о чемъ и не спрашивалъ. У меня тоже есть вліятельные друзья. Говорю тебѣ, дай мнѣ расписку, чтобъ я могъ потомъ потребовать обратно свое, когда минуютъ тяжелыя времена.

Саидъ растерялся. Онъ думалъ, что отобрать у когонибудь лошадь такъ же просто, какъ у него самого отобрали осла. Ему и въ голову не приходило, что тутъ могутъ быть еще какія-нибудь формальности. Какъ бы то ни было, выдать расписки онъ не могъ уже потому, что почти не умѣлъ писать.

— Что такое, собачій сынъ?—крикнулъ онъ, наконецъ.— Ты говоришь: расписку—законъ? Да что я тебѣ, подчиненный, что-ли, чтобъ исполнять твои приказанія? Какъ только прибудутъ сюда мои люди съ прочими лошадьми, ты получишь свою расписку, но не теперь. Слышишь ты, старый песъ? А теперь отойди въ сторону или я раздавлю тебя. Я ѣду на встрѣчу своей свитѣ.

Онъ подхлестнулъ лошадь, но старикъ не выпускалъ поводьевъ, а лошадь знала своего господина. Колебанія Саида и легкій страхъ, сквозившій сквозь личину храбрости, нѣсколько подорвали его престижъ. Всѣ обступили его, взывая къ его справедливости. Мѣсто было пустынное, всѣ эти люди чужіе ему, вблизи—ни единаго друга. Жутко стало Саиду.

— По крайней мѣрѣ, вьюки отдай мнѣ назадъ,—крикнулъ шейхъ, принимаясь отвязывать вьюки.

— Фрукты, хлѣбъ и кофе тоже чего-нибудь стоютъ, даже если не считать розоваго сиропа и наргиле,—укоризненно вмѣшался хозяинъ. Когда онъ говорилъ это, лицо

его было совсѣмъ близко отъ лица рыбака и грозное выраженіе этого лица отнюдь не походило на то сладкое и угодливое, съ какимъ онъ встрѣтилъ гостя.

Всѣ стоявшіе около многозначительно переглядывались, восклицая:—Видитъ Аллахъ, право на его сторонѣ. Все съѣденное стоитъ денегъ. И справедливо, чтобы ты заплатилъ за него.

Саидъ безпокойно ерзалъ на сѣдлѣ.

— Возьми свои вьюки, старый болванъ!—крикнулъ онъ.— На что они мнѣ? А ты, песъ, будь доволенъ и тѣмъ, что я не отправилъ тебя въ тюрьму. Я видѣлъ, какъ ты шептался вонъ съ этимъ шейхомъ, и знаю, что ты предостерегъ его, чтобъ онъ скорѣй уѣзжалъ подобру-поздорову, пока у него не забрали коня. Ты плохой слуга Султану. Если я пощадилъ твою жизнь—это достаточная для тебя плата.

Дружный крикъ возмущенія и негодованія былъ отвѣтомъ на эти слова. Всѣ обступили дерзкаго всадника, намѣреваясь стащить его съ лошади. Саидъ перепугался до смерти. И только мысль о томъ, что онъ — офицеръ арміи падишаха и притомъ въ крупныхъ чинахъ, поддержала его. Грубыя руки уже протягивались къ нему, когда онъ неожиданно радостно крикнулъ: „Хвала Аллаху!“ Отъ неожиданности всѣ отскочили назадъ.

— Скорѣе!—Ахметъ!—Мустафа!—Мухамедъ! На вашего предводителя напали разбойники. Гассанъ и Али!—скачите во весь опоръ! Пусть Негибъ останется при лошадяхъ—у него все равно лошадь хромаетъ. Я, Саидъ Ага, нахожусь въ смертельной опасности. Скорѣй на помощь, мои вѣрные слуги.

Повернувшись къ перепуганному трактирщику и его друзьямъ, Саидъ коротко сказалъ:

— Ну, теперь не сдобровать вамъ всѣмъ. Или вы не слышите лошадинаго топота?..

И, больно ударивъ желѣзными стременами въ бока лошади, онъ ускакалъ и скрылся во вракѣ. А его преслѣдователи пугливо сбились въ кучу, какъ глупыя овцы, еле живые отъ страха.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Рукописи изъ зеленаго портфеля“

А. И. ПОЛЕЖАЕВА,

(*Окончаніе*).

А. И. В.

Скажи: зачѣмъ неясное роптанье?—
Иль жизнь твоя надеждой не цвѣла?
Или вокругъ лилейнаго чела
Свитъ черный крепъ, обвитъ вѣнецъ страданья
Иль ропотъ твой—какое-тъ (sic!) ожиданье
Въ предбудущемъ несовершенныхъ благъ?
Но, если ты отвергла упованья
И отрекла желанное въ мечтахъ,—
Скажи: зачѣмъ неясное роптанье?

Скажи: зачѣмъ въ груди надежды нѣтъ?
Отвергла-ль міръ желанный и прекрасный?
Иль для тебя забывчиво, неясно
Въ семъ мірѣ то, что былъ людей привѣтъ
И было что послѣднее прощанье?
Святыня ли? волненье ли суетъ?
Таинственный, желанный ли обѣтъ?
Грѣховное-ль, святое-ль завѣщанье?
Скажи: зачѣмъ въ груди надежды нѣтъ?

Скажи: зачѣмъ ты въ мірѣ разгадала
Ничтожество тщеславное людей?
Ничтожество ихъ жизни пошлой, вялой,
И мелкость душъ и мелкость ихъ страстей?
Тотъ, кто не зналъ, какъ ты, отрады въ счастьи,
Извѣрился, не ввѣряся людямъ,
Тотъ, кто постигъ утратою лѣтъ страсти:
Тотъ вправѣ знать предѣлъ твоимъ страстямъ.
Скажи-жъ: зачѣмъ ты міръ нашъ разгадала?

Кто былъ лишенъ покрова отъ людей,
Кто былъ лишенъ безстрастья и страстей,

Тотъ, вѣрь мнѣ, другъ, твой ропотъ не погубитъ,
Твои мечты онъ къ сердцу приголубитъ,
Съ тобою онъ подѣлится мечтой,
Съ тобою онъ свое раздѣлитъ счастье,
Онъ пріобщитъ къ безстрастію всѣ страсти,
Тебѣ отдастъ души своей покой —
И ропотъ твой невольно приголубитъ.

Скажи: зачѣмъ душой ты не дѣлилась
И счастію здѣсь не ввѣрялась ты?
Скажи: зачѣмъ съ надеждой разлучилась,
Утратила желанныя мечты?
Ты посмотри: и тучи въ сферѣ темной
За молнію передъ землей дрожатъ;
Но для земли онѣ не дорожатъ
Своей росой и каплей благотворной.
Скажи-жъ: зачѣмъ душой ты не дѣлилась?

Мы созданы для жизни, для заботъ;
Но тотъ блаженъ, кто раздѣлилъ желанья,
Кто могъ сказать: прекрасное цвѣтетъ
Равно для всѣхъ, какъ и для всѣхъ страданья,
Какъ и для всѣхъ на землю дождь падетъ,
Какъ и для всѣхъ здѣсь молнія блеснетъ,
Какъ и для всѣхъ за жизнью упованья;
Мы созданы для жизни, для заботъ.

О, ввѣрься, другъ, земному ввѣрься счастью:
Ты присмотрись къ незнающему бѣдъ:
Не временны-ль и горькія напасти,
Но временно-ль и счастье юныхъ лѣтъ?
Но ты храни, ему ввѣряйся смѣло
И если здѣсь насъ многое страшитъ,
И если здѣсь не миновать удѣла,
Спокойствія-ль душа не сохранитъ?
О, ввѣрься, другъ, земному ввѣрься счастью!

Скажи, зачѣмъ душѣ твоей мятежно
Роптать на жизнь, на самое себя?
Прекрасный другъ, что въ жизни неизбѣжно,
То выкупимъ цѣною бытія.
И, можетъ быть, тогда намъ не измѣнятъ.
Быть можетъ, здѣсь еще они оцѣнятъ
Святую цѣль въ волненіяхъ своихъ,
Оцѣнятъ все, что свершено для нихъ,
Скажи-жъ, зачѣмъ душѣ роптать мятежно?

Ты не страшись минутныхъ здѣшнихъ бѣдъ!
Иди смѣлѣй, смѣлѣй на всѣ напасти!
Не много дней, не много горькихъ лѣтъ—
Въ пріютѣ мы; намъ улыбнулось счастье.

Не многое отвергнувъ для себя,
Не многому въ сей жизни измѣнили,
И счастливы, и путь мы совершили,
Послѣдняго достигли бытія.
О, не страшись минутныхъ здѣшнихъ бѣдъ!

Скажи-жъ, зачѣмъ неясное роптанье?
Когда еще здѣсь жизнь не отцвѣла,
Когда вокругъ лилейнаго чела—
Ни черный крепъ и ни вѣнецъ страданья?
Иль ропотъ твой—какое-тъ ожиданье?
Въ предбудущемъ несовершенныхъ благъ?
Но, если ты отвергла упованья
И отрекла желанное въ мечтахъ,—
Скажи: зачѣмъ неясное роптанье?

ОСТРОВЪ.

Ты красуешься давно ли
Въ безпредѣльности морей?
Непокоренъ чуждой волѣ,
Не страшась судьбы своей,
Первобытной крѣпнешь силой,
Красотой своей цвѣтешь
И надменно, горделиво
Чуждой жизнею живешь.

Позабылъ про то мгновенье,
Какъ изъ черныхъ нѣдръ морскихъ,
Въ день великаго творенья,
Въ оный день чудесъ святыхъ
Поднялся и раменами
Хлынулъ море къ берегамъ,
Позабылъ, забытъ волнами,
И не вѣришь небесамъ.

Съ каждымъ часомъ зло людское
Тяготѣетъ и растетъ...
Близко время роковое,
Судія грѣхи сочтетъ
И помыслитъ и разсудитъ,
Дастъ возмездье по грѣхамъ,
Дни умалитъ и погубитъ,
Но предыдетъ казнь тѣмъ днямъ.

Огнь небесный, огнь подземный,
Яркихъ молній океанъ,
Волны моря, ураганъ,
Пасть несытая гіены,
Всѣ напасти, всѣ бѣды,
Все сберется надъ преступнымъ
И въ тотъ день твоей судьбы
Небо будетъ недоступнымъ.

Что же ты, гигантъ морей!
Чѣмъ красуешься, гордишься?
Отчего о злѣ тѣхъ дней
Ты не мыслишь? иль страшишься
Думой этой постарѣть?
Иль привыкъ быть вѣчно въ спорѣ
Съ ураганомъ, съ небомъ, съ моремъ?
Иль все жить и молодѣть?

Или время не приспѣло?
Иль предѣлъ лѣтъ не изжилъ
И своей надежды смѣлой,
Ты, Атлетъ, не погубилъ.
Не забудь же то мгновенье,
Оный день чудесъ святыхъ,
Какъ ты, внявъ опредѣленью,
Поднялся изъ нѣдръ морскихъ.
Не забудь, Атлетъ, гордыню
Небо мощное смиритъ,
И глаголъ его отнынѣ
Надъ тобою прогремитъ
Въ наказанье, въ наученье,
Днесь судьба ужь свершена
И по слову откровенья
Прійдутъ казни времена.

ИЗБРАННАЯ.

Вы кому изъ дѣвъ, привѣтно,
Даръ любимый, даръ завѣтный,
Даръ Париса принесли?
И кого вы въ жизни этой
Первой дѣвой нарекли?
Кто изъ нихъ любви Елена?
Кто она?—и гдѣ она?
Талія, иль Мельпомена
Вами здѣсь предпочтена?
Эта ль дѣва?—Упоенье!
Очи—чернь, уста—кораллъ,
Взоръ—привѣтъ и обольщенье,
Плечи, грудь безъ покрывалъ,
Не опущены рѣсницы,
Не потупленъ гордый взоръ,
Поступь смѣлая царицы,
Льется страстный разговоръ;
Чудодѣйны, жгучи рѣчи,
Вакханалій идеалъ,
Не боится вашей встрѣчи
И затверженныхъ похвалъ.
Вами избрана ль другая,
Моды рѣзвое дитя,
Та, что страстью изнывая,
Стройно ножками скользя
По паркету, въ смѣлой парѣ
Вьется съ юношей—и въ слѣдъ,
Страсти въ бѣшеномъ разгарѣ,
Ей летитъ отъ всѣхъ привѣтъ?
Каждый радъ обнять станъ стройный
Дланью пламенной прильнуть—
И прильнувши безглагольно
Устъ дыханіе вдохнуть;
Кудри шелковыя нѣжить,
Ихъ извивы цѣловать,
Поцѣлуй любви сорвать
И желанья обнадежить
Эта ль дѣва-красота,
Что съ слезой во взорѣ, томно,
Вдохновительно и скромно
Предъ иконою?.. Уста
Шепчутъ тихое моленье,
Сердце—въ высь, на небо—взоръ,
Очи полны вдохновенья
И не празденъ разговоръ.
Или есть иная дѣва?—
Та, что такъ чаруетъ васъ
Вдохновеніемъ напѣва,
Та, что здѣсь, друзья, не разъ
Чудодѣйно пѣсни пѣла,
И онѣ лились, лились,
Будто влагой искрометной,
И неслись, и унеслись
Безнадежно, безпривѣтно.
Кто жъ изъ нихъ? Кого избрали?
Предъ которой въ прахъ упали,
Страсти плѣнъ не одолѣвъ?
Кто привѣтствовалъ ошибкой
Ваше да и ваше нѣтъ?
Та, которая съ улыбкой
Приняла отъ васъ привѣтъ,
Та, которую царицей
Нарекли, друзья, изъ нихъ—
Быть должна красотъ земныхъ
Предвосходною денницей:
Быть должна красой красотъ,
Изъ красавицъ здѣшнихъ, вашихъ,
Первой дѣвой, лучше, краше
Всѣхъ красавицъ вашихъ... Вотъ
Предъ такой благоговѣйно
Каждый пламенно готовъ
Преклонить любви колѣна,
Пѣсни пѣть ей вдохновенно,
Или ей внимать безъ словъ.
Гдѣ же избранная вами,
Та, что съ страстными мечтами
Заронила въ вашу грудь
Искру пламенныхъ желаній
И умѣла страсть вдохнуть
Въ душу, полную терзаній?
Гдѣ она? Пусть замѣнитъ
Ваше горькое безвѣрье,
Заблужденье, лицемѣрье,
И по вѣрѣ пріобщитъ.
Вздохъ ея невольно сгонитъ
Съ сердца горькую боязнь—
И любовь ея замолитъ
Преступленьямъ вашимъ казнь.
И тогда вы припадите,
И тогда вы нареките
Дѣву, избранную мной,
Одигитріей святой.
Гдѣ жъ она? — привѣтъ, мученье,
Взоръ проникнутъ теплотой.

Очи, полныя слезой,
Пламенѣютъ вдохновеньемъ;
Небо въ нихъ—и небо ихъ
Вѣрой въ жизни согрѣваетъ
И заря не потухаетъ,
Свѣтлый лучъ надеждъ земныхъ,
Вздохъ проникнутъ теплой вѣрой,
Въ немъ надежда и любовь
Разцвѣли для жизни вновь·
Въ немъ восторгъ души безъ мѣры,
Грудь—привѣтъ надеждъ святыхъ,
Подъ ревнивой своей дымкой
Взору страсти невидимка.
Много дѣвъ—красотъ земныхъ,
Гдѣ жъ она, предъ кѣмъ падете
На колѣни и изъ нихъ
Первой дѣвой наречете.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

На синевѣ неба далеко горитъ,
Привѣтна красой лучезарной;
За небо, за свѣтлое небо дрожитъ
И смотритъ на землю державно.

То манитъ алмазомъ луча своего,
То тускнетъ при склонѣ востока,
И, гордо и смѣло оставивъ его,
Впивается въ небо глубоко.

Земля ей какъ небо, а небо земля,
Не любитъ звѣздъ яркихъ полночи,
Для дивной прекраснѣе неба заря,
Прекраснѣе дѣвъ нашихъ очи.

Ихъ вечеромъ раннимъ встрѣчаетъ она,
Ведетъ ихъ къ счастливцу съ зарею—
И съ ними въ разлукѣ грустна и блѣдна.
Тоскуетъ надъ твердью земною.

На синевѣ неба далеко горитъ,
Привѣтна красой лучезарной,
За небо, за свѣтлое небо дрожитъ
И смотритъ на землю державно.

Глядѣть ли на дивную мнѣ въ вышинѣ?
Нельзя насмотрѣться очами.
Душою постигнуть ли дивную мнѣ?
Ее разгадать ли мечтами?

Душою, мечтами я мыслю быть тамъ
Но очи съ звѣздою эѳира.
Прильнули къ другимъ, не небеснымъ мечтамъ,
Къ звѣздѣ не небеснаго міра.

Восторги земные ихъ небо мрачатъ,
Съ земною звѣздою привѣтны
Ужъ очи на небо неясно глядятъ—
И въ небѣ имъ все безпредметно.

Въ звѣздѣ не небесной есть небо мое
То небо—душа жизни этой;
Для неба ль оставить мнѣ небо мое?
Для свѣта ль—лучъ здѣшняго свѣта?

Но въ небѣ звѣзда моя ярко горитъ,
Привѣтна красой лучезарной,
За небо, за свѣтлое небо дрожитъ
И смотритъ на землю державно.

ФАННИ.

Поетъ ли пѣсню мнѣ дѣвица,
Ласкаетъ ли когда меня,
Взоръ влажный плаваетъ въ рѣсницахъ,
И проситъ онъ любви огня.

Покоешься ль подъ кровомъ ночи,
Твой ангелъ вѣруетъ тебѣ,
Проснешься, смотритъ прямо въ очи—
И проситъ этотъ сонъ себѣ.

О, обойми меня любовно,
Пусть сердце сердцу не вздохнетъ,
Лишь чувство птичкою свободной
Въ душѣ вспорхнетъ и запоетъ.

МАРІЯ.

Что за свѣтъ въ ея свѣтлицѣ?
Не полуночи ль звѣзда
Принеслась къ моей дѣвицѣ
Съ неба дальняго шатра?
Не звѣзды ли той сіянье
Предъ иконою святой?
Не она ли въ упованье
Жизни свѣтлой, неземной?
Не она ль моей Маріи
Вѣру теплую дала
И молитвы тѣ святыя?
Не она ли призвала
Къ ней хранителя въ часъ ночи
И плѣнительныя очи
Отуманила слезой?
Соименница святой,
На пути грѣхопаденья
Ты, негрѣшною мольбой,
Совершаешь поклоненье!
Ликъ Царицы просвѣтлѣлъ
Улыбнулся Сынъ Предвѣчный—
И тебя невѣстой вѣчной
Онъ нарекъ на небесахъ...
Но зачѣмъ слеза земная
Въ свѣтлыхъ, дѣвственныхъ очахъ?
Въ небѣ жизнь благословляя,
Ты ль страдаешь о земномъ?
Ты ль, пріявши обновленье,
Жизнь святую во святомъ,
Не отвергнула мученья
И восторгъ минувшихъ благъ?
Нѣтъ, отвергла все въ мечтахъ,
Но слеза тому святая,
Кто, душою забывая
Жизнь для жизни неземной,
Вѣритъ въ новое призванье,
Ждетъ за жизнею свиданья
Въ вѣрѣ вѣрою святой.
Грѣшный, вѣрю я, Марія,
Въ тѣ мечтанія святыя;

Я молитвою святой
Пріобщаюся къ моленью!
Пріобщишь ли ты меня?
Дашь ли святость вдохновенья,
Духъ мой духомъ охраня
Отъ грѣховнаго мученья,
Отъ земнаго бытія?

НЕБО И ЗЕМЛЯ.

Онъ пронзительные взоры
Не вперялъ на грудь твою,
Женской прихоти уборы
Ревновали къ ихъ огню—
Неувлаженныя розы
Чистыхъ, дѣвственныхъ грудей.

Онъ любви преступной слезы
Не срывалъ съ твоихъ очей,
Нѣтъ, жемчужиной завѣтной
Слезы были для него
Недоступны и привѣтны,
Но избрала ты его.

Отчего жъ съ его очами
Очи встрѣтились твои?
Небо встрѣтится ль звѣздами
Съ чернымъ саваномъ земли?
«Другъ, и небо землю любитъ,
«Посмотри: сводъ голубой
«Обнимаетъ и голубитъ
«И цѣлуется съ землей»

ЛОКОНЪ

Локонъ шелковый, душистый
Милой дѣвицы моей,
Ты скользишь, бѣжишь волнисто
На атласъ ея плечей,
Вьешься черною змѣею
Къ этимъ дѣвственнымъ грудямъ,
Гдѣ подъ легкой пеленою
Недоступно все мечтамъ,
Гдѣ не жгутъ ни поцѣлуи,
Ни горячая слеза,
Гдѣ не сыщутъ страсти, бури
И грѣховные глаза.
Отчего жъ ты, локонъ, вьешься
На округлости грудей,
Подъ фату привѣтно жмешься
И бѣжишь съ ея плечей?
Иль тебя смущаютъ очи?
Иль не любишь нашъ обѣтъ
И въ часы глубокой ночи
Отъ чужой руки привѣтъ?
Кто жъ извивъ косы завѣтной
Жемчугами обовьетъ,
И тебя рукой привѣтной
Въ косу дѣвичью вплететъ?
Я дрожу, я пламенѣю,
Я готовъ предъ алтаремъ
Освятить тебя вѣнцомъ,
Я въ любви благоговѣю,
Но душа страстьми полна
И тебя не мыслю нѣжить!
Мнѣ ли сердце обнадежить?
Одинока суждена
Жизнь испытаннымъ судьбою...
И отнынѣ я готовъ
Быть, чѣмъ былъ,—и предъ толпою
Я безъ чувства, я безъ словъ!..

A quelques pièds sous terre un silence profonde
Et tant de bruit à la surface!

Во что мы вѣруемъ? Мы много пережили,
Бытописанія иныхъ временъ раскрыли;
Все тотъ же человѣкъ, и старецъ, и дитя.
Усилинье прочесть судьбину бытія—
И глубь слоевъ земныхъ насильственно изрыло,
И въ глубинѣ небесъ сочло небесъ свѣтила;
Но глубь земли была распутіемъ могилъ,
А глубина небесъ—могилою свѣтилъ

Познали ль мы теперь земной предѣлъ созданью?
Безсмертія покровъ подняли ль смѣлой дланью?
Иль знанью нашему таинственный законъ
Въ его твореніи предвѣчно положенъ?
Дано ль душѣ, уму безкрыліе свободы,
Чтобъ не постигнуло созданіе природы
Пытливое дитя, отжившее дитя?
Во что жъ мы вѣруемъ? И гдѣ цѣль бытія?

АУТО-ДА-ФЕ.

Три слова, могучихъ три слова
Пророкъ Вальтасару открылъ.
Внималъ Царь, на казни готовый,
И очи на вѣки смежилъ.

Три пѣсни священныхъ Давида
Саула изъ царства влекли —
И пѣсни—безславныхъ обида —
На жертву его обрекли.

Три пѣсни въ груди у поэта.
Три слова владѣютъ судьбой,
Лишь онъ не свершаетъ обѣта,
Уноситъ въ могилу съ собой.

Но самая эта могила
Да будетъ народу въ урокъ:
Слова тѣ она не сокрыла,
Слова тѣ народу упрекъ.

Пусть вспомнятъ три слова Пилата:
Се идетъ на смерть человѣкъ,
И тайною мыслью объяты,
Терзаютъ и мучутъ свой вѣкъ.

ПРИВѢТЪ.

Не страшись своей судьбины:
Ты поэзіей хранимъ —
И изъ жизненной пучины
Выплываешь невредимъ.

Горьки юныхъ лѣтъ страданья,
Но на каждый муки мигъ
Есть надежды, упованья,
И въ душѣ сокрытый стихъ.

Есть къ высокому стремленье —
Свѣтлый лучъ надеждъ земныхъ:
Онъ хранитъ здѣсь вдохновенье
Отъ позорной плахи ихъ.

И хранить онъ долго будетъ,
И высокія мечты
Праздно въ мірѣ не погубитъ:
Тѣ мечты душѣ святы.

Но не вѣруй безглагольно,
О, не вѣруй въ ихъ привѣтъ,
Другъ, страданьямъ, мукамъ вольно
Совершить судьбы обѣтъ.

Будь доволенъ, если розы
Заплетутся въ терны вновь:
Роза бѣлая ли—слезы,
Роза алая ль—любовь.

L'homme, fantôme errant, passe sans laisser même
Son ombre sur le mûr!..

Наскучило, иной мы жизни просимъ,
Чтобы опять по-прежнему скучать,
Гдѣ жъ грань молитвъ? И радость не выносимъ,
И грусть тяжка... чего жъ еще намъ ждать?..

Иль благо все въ обѣщанномъ безстрастьи,
Въ сознаніи того, чего не знаемъ мы!—
Зачѣмъ же здѣсь мечты, надежды, страсти,
И свѣтъ, какъ свѣтъ, — и много, много тьмы?..

IЮНЯ 4.

Я разлюблю, волшебница, тебя,
Я отженю твой образъ чародѣйный,
Не затаитъ его душа моя,
Не затаитъ и твой позоръ семейный —
Все выскажетъ мой ядовитый стихъ,
Вампиромъ онъ, змѣею въ грудь вопьется,
Улыбкою холодною вольется,
Отравитъ онъ надежду дней твоихъ.

Припомню я, какъ горько ты страдала
Вдвойнѣ своей измѣной роковой,
Когда люблю впервые мнѣ сказала,
И мужъ внималъ той клятвѣ роковой;
Твердилъ мнѣ: другъ! тебѣ твердилъ: супруга
Коварствовалъ, чтобъ вмѣстѣ уязвить, —
И вѣрилъ я словамъ его, какъ друга, —
И мыслилъ: что жъ его мнѣ не любить?..

Онъ старъ, онъ дряхлъ, онъ перлъ мой сохраняетъ,
А я одинъ, всегда любуюсь имъ.
Такъ насъ мечта довѣрчиво ласкаетъ,
И счастливы обманомъ мы своимъ;
Но съ глазъ падетъ завѣса—и тогда-то,
Предъ опытомъ безславно упадемъ,
Онъ приметъ насъ въ холодныя объятья
И мы мечты далеко отженемъ.

Припомнилъ я, какъ ты люблю сказала,
Какъ ты меня впервые обняла;
Твой поцѣлуй былъ скорпіона жало,
Любовь твоя позоромъ мнѣ была.
Я позабылъ высокія призванья,
Къ ногамъ твоимъ упалъ съ чела вѣнецъ,
Я для тебя отвергъ души мечтанья;
Но—чѣмъ же былъ обманутый пѣвецъ?

Какъ долго пѣснь, во глубь души сокрыта,
Просилася, бѣдняжка, на просторъ!
Та пѣснь моя свободѣ позабытой,
Та пѣснь моя тебѣ одной въ укоръ,
Она твоихъ поклонниковъ разсѣетъ,
Ихъ вѣру въ страсть притворную убьетъ,
Тогда безъ нихъ твой локонъ посѣдѣетъ,
Твоя весна уныло отцвѣтетъ.

Не мысли же коварною улыбкой
И ласкою притворной страсти льстить:

Мнѣ суждено другого сохранить
Моей души ужасною ошибкой;
Передъ тобой другой не упадетъ,
Мой ѣдкій стихъ онъ смѣло приголубитъ,
Наединѣ съ тобой тебѣ прочтетъ—
И замыслы коварные погубитъ.

И будетъ онъ въ отмщенье за меня;
Разсѣянный, довѣрчивый, влюбленный,
Испытывать и мужа и тебя
Не станетъ онъ... но, нѣтъ, тобой плѣненный
И мужнинымъ повѣривши рѣчамъ,
Съ улыбкою названье приметъ друга,
Язвительно прошепчетъ: вы супруга,
И отойдетъ, смѣясь душевно вамъ.

ДРЕВО ЖИЗНИ.

Имъ расцвѣлъ Эдемъ земной,
Древомъ жизни жизнь вкушали—
И съ безсмертною душой
Къ плоти смерть не пріобщали.

Благотворная земля
И растила, и питала,
И, какъ лучшее дитя,
Древо жизни сохраняла.

И цвѣло оно, цвѣло,
Обновленно, благодатно,
Первосозданныхъ влекло
Къ кущѣ листьевъ необъятной.

И подъ сѣнію вѣтвей
Думы ихъ рождались, зрѣли;
Но соблазнами страстей,
Думы новыя созрѣли...

Возгордился умъ, иной
Жизни плоть ихъ возалкала;
Плодъ сорвали роковой,
Древо жизни отцвѣтало...

И другое расцвѣло—
Древо горькаго познанья.
И доступно имъ было;
Но постигло ихъ изгнанье...

Сталъ на стражѣ херувимъ
При вратахъ земного рая—
И волчецъ и терній имъ
Изнесла земля родная.

ЗЕМНОЕ НЕБО.

Небо свѣтлыхъ упованій,
То туманится оно,
То огнемъ иныхъ желаній
Такъ свѣтло озарено,
Такъ безпечно, такъ спокойно
Теплотой своихъ лучей,
То, какъ югъ роскошный, знойно
Яркимъ пламенемъ страстей;
То, какъ сѣверъ, тускло, хладно.
Вѣя нѣгою отрадной,
Холодитъ, туманитъ, жгетъ.
Мещетъ молніи рѣкою,
Тускнетъ утренней звѣздою,
Лучъ привѣтный солнца льетъ.
Но свѣтло и безмятежно
Въ немъ своя лазурь блеститъ,
Въ немъ эмаль любви горитъ
Влагой слезною надежно
И заманчиво для насъ...
Если жъ черно, мрачно небо,—
Не пугайтесь!.. Въ черни глазъ—
Тѣ жъ лучи златого Феба,
Та же влага чистыхъ слезъ,
Та же молнья свѣтлыхъ взоровъ,
Чуть услышанныхъ угрозъ,
Чуть прошептанныхъ укоровъ.

Поглядите: чернь, эмаль,
Неба близь и неба даль —
Вся въ очахъ—и очи, очи,
Небо нашей тусклой ночи.
Къ нимъ спустилася, чернѣй
Туча черная кудрей;
Локонъ льется, локонъ вьется,
Будто облачко—и въ нихъ
Небо ангеловъ сольется
Съ небомъ юношей земныхъ.

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, узникъ бѣдный
Въ цѣпи свѣтлыхъ облаковъ,
Ликъ туманный, тусклый, блѣдный,
Свѣтъ отторженныхъ міровъ,
Ты утратилъ прежней славы
Лучъ роскошный, яркій лучъ,
И порой лишь блескъ кровавый
Льешь томительно изъ тучъ.
Но твой блѣдный ликъ люблю я:
Въ тучахъ, въ свѣтлыхъ небесахъ,
Тамъ блѣднѣешь ты, тоскуя,
Объ утраченныхъ лучахъ,—
И тоска твоя завидна!
Дивно, сумрачно чело,
А вокругъ, лавръ змѣевидной,
Свившись, облако легло.
Отъ тебя бѣгутъ плеяды —
И стыдливая заря,
Зарумянясь, робко взгляды
Прячетъ въ свѣтломъ лонѣ дня.
Что жъ плеядъ краса, уборы?
Что зари стыдливый взглядъ?
Мѣсяцъ, здѣсь другіе взоры
На землѣ родной горятъ —
И они привѣтнѣй взгляда,
И вѣрнѣй ихъ на землѣ—
И кому жъ не былъ отрадой
Ты, въ желаной тишинѣ?
Въ часъ полуночный, условный,
Лучъ твой дѣвицѣ свѣтилъ,
И восторгъ ея любовный,
И грѣхи дѣвичьи скрылъ.
Лишь бѣлѣло покрывало,—
Даръ завѣтный,—а она
И томилась, и вздыхала
У раскрытаго окна.
Лучъ твой нѣжный, сладострастный,
Въ тихой теремъ проникалъ,
И тогда онъ, свѣтлый, ясный,
И уста, и грудь лобзалъ.
И вокругъ чела роились
Вдохновительные сны...
Вздохъ тѣснилъ грудь, слезы лились,
И слезами смочены
Волновались, трепетали
Груди нѣжныя ея.
И уста ея вдыхали
Съ грустью нѣгу бытія.
Лучъ твой былъ пѣвца лобзаньемъ
И пѣвецъ твой лучъ ласкалъ,
И въ мечтахъ, чело на длани
Вдохновительно склонилъ.
Жаждалъ таинствъ звѣздной дани,
Въ небесахъ онъ мнилъ читать,
Но уста воспринимали
Безглаголанья печать...
Мѣсяцъ, мѣсяцъ, узникъ бѣдный.
Въ цѣпи свѣтлыхъ облаковъ
Ликъ туманный, тусклый, блѣдный,
Свѣтъ отторженныхъ міровъ,
Видишь, узникъ одинокой,
Тотъ, кому присуждена
Жизнь и смерть въ удѣлъ жестокой,
Изъ темничнаго окна
Тусклый взоръ къ тебѣ вперяетъ,
Къ сердцу крадется боязнь...
Но, забывшись, онъ мечтаетъ...
Ночь пройдетъ—на утро казнь...
И потускнешь, и затмишься...
Ты людского дня боишься,
Не тебѣ тогда блестѣть,
Не тебѣ на казнь глядѣть,
Не тебѣ дня дожидаться!
Солнцу въ день тотъ пламенѣть,
Солнцу казнью любоваться!..

СЛЕЗЫ.

Ангелъ свѣтлый, ангелъ дивный,
Неба кроткое дитя,
Предъ тобой предѣлъ эѳирный,
Ты у лона бытія.

Но зачѣмъ главу склонилъ ты
И потупилъ свѣтлый взоръ?
Или, въ мірѣ позабытый,
Не забылъ ты нашъ позоръ?

Иль въ родной предѣлъ эѳира,
Къ горнимъ свѣтлымъ небесамъ,
Ты принесъ молитву міра —
Нашъ грѣховный фиміамъ?

Нѣтъ, въ родной предѣлъ эѳирный
Не молитву онъ принесъ:
Онъ принесъ, мой ангелъ дивный,
Много горькихъ, горькихъ слезъ.

Чьи жъ тѣ слезы? Кто, страдая,
Плакалъ ими въ часъ ночной?
Эти слезы—перлы рая,
Слезы грѣшницы земной.

Отчего жъ предъ небесами
Ты поникъ, главу склонилъ
Ты невинными слезами
Землю съ небомъ примирилъ.

Не томись же, ангелъ дивный,
Не тоскуй, небесъ дитя:
Предъ тобой предѣлъ эѳирный,
Ты у лона бытія.

КУМИРЪ.

Вѣкъ безстрастный, вѣкъ холодный,
Саркофагъ живыхъ племенъ,
Саркофагъ любви народной,
Ты свершилъ судьбы временъ.

Нѣтъ жрецовъ и жертвъ для міра,
Твой кумиръ разбитъ, но міръ
Проситъ новаго кумира.
Гдѣ же храмъ ихъ? гдѣ кумиръ?

Празденъ храмъ, кумиръ не міру,—
И кому кумиромъ быть,
И кровавую порфиру
На кого вамъ возложить?

Передъ кѣмъ падутъ народы?
Древлѣ Кассія кинжалъ
Съ кликомъ мести и свободы
Въ грудь вонзился, Кесарь палъ.

Новый идолъ поколѣнья,
Чѣмъ твоя судьба была?
Слава —свитокъ отреченья,
Храмъ—пустынная скала.

Гибнулъ ты, но вдохновенно
Пѣлъ пѣвецъ, внималъ весь міръ,
И ты былъ кумиръ вселенной,
И ты былъ его кумиръ.

Вѣкъ безстрастный, вѣкъ холодный,
Ты свершилъ судьбы временъ,
И забытъ кумиръ народный,
И забытъ кумиръ племенъ.

ГРУСТЬ.

Тоска души о томъ ли въ жизни этой,
Къ чему нельзя достигнуть, бѣднымъ, намъ,
Или она, въ презрѣньи горькомъ свѣта,
Могучая, не выдаетъ страстямъ?

Любовь ли насъ въ волненьи жизни мучитъ,
Иль дружество тревожно веселитъ,

Минута, двѣ... съ любовью насъ разлучитъ,
Немного словъ—и дружествомъ томитъ.
Проникнутъ ли къ душѣ новосозданья,
Блаженство ли небесныхъ западетъ—
И на душѣ ея клеймо—страданье,
И съ нимъ въ душѣ восторгъ души замретъ.

Не оттого ль такъ весело, такъ сладко,
Когда тоска минуетъ, бѣдныхъ, насъ,
И радости заглянутъ вдругъ украдкой
И жизнь цвѣтетъ на мигъ, на бѣдный часъ.

Потомъ опять и грустно, и печально,
Тоска во всемъ, тоска вездѣ слѣдитъ—
И лишь порой надеждою случайной
О будущемъ душѣ тревожно льститъ.

ПОДРУГѢ.

Прекрасный другъ, не все погибнетъ съ нами,
Не чужды мы ихъ міру, суетамъ,
И на землѣ небесными мечтами
Одѣлись мы и вѣрили мечтамъ.

Довѣрчиво насъ люди не ласкали,
Но мы за все въ душѣ прощаемъ имъ.
Прекрасный другъ, ихъ ласки не всегда ли
Измѣнчивы и чужды всѣмъ чужимъ?

Прекрасному къ душѣ ли ихъ ласкаться?
Извѣрились въ прекрасное они!
Да и зачѣмъ?.. Прійдутъ святые дни—
И съ жизнею тогда бъ намъ не разстаться.

Но наша жизнь прекраснѣй въ небесахъ!
И, можетъ быть, не все погибнетъ съ нами,
Быть можетъ, насъ поймутъ въ своихъ страстяхъ
И нашими утѣшатся мечтами.

Не чуждые надеждамъ, суетамъ,
Не чуждые здѣсь жизненныхъ волненій,
Благословятъ—и, ввѣрясь небесамъ,
Душой поймутъ всѣ тайны вдохновеній!

If thy breast soft pity know
O drop a tear with me...

Вашъ міръ хорошъ и радостей въ немъ много,
Но не ему онѣ.
Въ его душѣ минувшаго тревога,
Страданія однѣ.

Какъ страждетъ онъ!.. Кровавыми слезами
Встрѣчаетъ тяжкій сонъ,
Въ слезахъ встаетъ, блуждаетъ между вами,
Какъ горько страждетъ онъ!

О, еслибъ могъ онъ выплакать отрадно
Недугъ души—печаль!
Но жаль ему не жизни безотрадной,
Нѣтъ, горькихъ слезъ тѣхъ жаль.

Онъ васъ бѣжитъ, блуждаетъ одиноко,
Мечтаетъ на скалѣ,
Волна кипитъ, волна бѣжитъ далеко
И море тонетъ въ мглѣ.

О пусть шумитъ стихійной жизни море.
Минувшимъ счастьемъ дней
Не возвратить! жизнь несчастливцу въ горе,
Готовъ разстаться съ ней.

И вотъ идетъ, судьбѣ своей покорный,
Къ знакомымъ берегамъ,
Минута, двѣ; шумятъ привѣтно волны
И взоры къ небесамъ.

Окрестъ туманъ, потускнуло свѣтило,
Взглянувъ на ликъ земли.
Куда же онъ вперилъ свой взоръ угрюмый?
Что видитъ онъ вдали?

Ложится тѣнь, другая тѣнь, отрадно
Послѣдній лучъ скользитъ;
Прекрасный лучъ, лучъ свѣтлый, ненаглядный,
Такъ дружба сердце льститъ.

Звѣзда взошла, звѣзда горитъ и свѣтитъ
И долго ей свѣтить;
Здѣсь дѣва есть, она любовь замѣтитъ
И сладостно любить.

И какъ хорошъ нашъ міръ, лѣса родные
И высь далекихъ горъ,
Кристалъ морей и своды голубые
Привѣтно манятъ взоръ.

Отраденъ лѣсъ, онъ чудно, тихо вѣетъ
Прохладою весны,
Тамъ ночь гоститъ, тамъ солнца лучъ темнѣетъ
Въ объятьяхъ тишины.

Высь горъ—пріютъ спокойствія, свободы
И воздухъ чище въ ней
И лучше тамъ и краше ликъ природы
И солнца лучъ свѣтлѣй

Кристалъ морей, покорная стихія
Уснуло какъ дитя
И спитъ оно—и своды вѣковые,
Надъ нимъ съ сіяньемъ дня.

Далекій сводъ, міровъ святое лоно
Начатокъ вѣчныхъ дѣлъ,
Тамъ ищетъ взоръ, надеждой вдохновенный,
Душѣ родной предѣлъ.

Куда же онъ свой гордый взоръ вперяетъ?
Что внемлетъ чуткій слухъ?
О чемъ душа задумчиво мечтаетъ?
И мыслитъ гордый духъ?

Одну мечту хранитъ онъ и ласкаетъ,
Она повсюду съ нимъ;
Его томитъ, его и утѣшаетъ,
Вполнѣ владѣетъ имъ.

Онъ внемлетъ ли, какъ въ тучахъ спорятъ громы,
Она тѣснится въ грудь,
Ударъ, другой и голосъ тамъ знакомый:
Самоубійцей будь.

И голосъ тотъ ужасный, неотступный
Онъ слышитъ въ воѣ бурь,
На небеса вперяетъ взоръ преступный,
Темна небесъ лазурь.

Не для него зажглись на нихъ свѣтила,
Не для него свѣтить—
И онъ готовъ отверженный, унылый
Самоубійцей быть.

Кто здѣсь свершилъ обѣтъ свой безъ роптанья?
Кто бодро шелъ путемъ?
Кто здѣсь не палъ подъ бременемъ страданья,
Не палъ передъ грѣхомъ?

Мы жаждемъ ли отъ міра искупленья
А міръ на раменахъ,
Онъ насъ гнететъ и гдѣ? И въ чемъ спасенье?
Иль помощь въ небесахъ?..

Туда, туда онъ взоръ вперилъ уныло
И видитъ онъ, вдали
Потухнуло блестящее свѣтило,
Глядя на ликъ земли.

И понялъ онъ, зачѣмъ онъ такъ тоскуетъ,
Когда тоска минетъ,
Но скоро духъ больной свой уврачуетъ
И ждетъ онъ, долго ждетъ.

МОСКВА.

Смотрите—древній Кремль, Россіи узникъ новый,
Вкругъ тянется стѣна и башни на стѣнѣ,
И по стѣнѣ зубцы, то ветхія оковы—
Напоминаютъ намъ о грозной старинѣ.
Встаютъ преданьями и вновь опять преданья,
Забытыя теперь въ пылу другихъ мечтаній.

Но въ немъ Москва живетъ, въ немъ жизнь ея столѣтій,
Спасенная она—въ спасителѣ, въ Кремлѣ,
И вотъ окрестъ его почили въ славѣ дѣти,
Онъ весь горитъ въ вѣнцахъ, корона на челѣ,
Вотъ саркофагъ, вотъ тронъ, безсмертія денница,
Денница Минина, святителей гробница.

Все тотъ же древній Кремль. Глядите: Божій храмъ,
Лампады теплятся и царскія гробницы—
Остатокъ суеты; временъ минувшихъ намъ
Изъ свитка древняго истлѣвшія страницы
Раскрыли—жизнь и смерть, минувшее временъ,
И повѣсть древняя исчезнувшихъ племенъ.

Во храмахъ и дворцахъ, по мрачнымъ переходамъ
Идемъ, скользитъ нога, какъ будто павшихъ кровь,
И слезы правыя поруганныхъ народовъ
Упали на помостъ оставленныхъ дворцовъ,
Неизсякаемы и вопіютъ о мщеньи
Къ возставшему теперь изъ праха поколѣнью.

И мщенья нѣтъ уже. Державная рука
На западъ съ славою и дружбою простерта,
И дружба сѣвера переживетъ вѣка,
И слава русская—во храминѣ безсмертья.
Нашъ откликъ—вѣчный миръ, Европы кличъ—война,
И славою войны она озарена.

Дряхлѣетъ Кремль Москвой, Кремль прежнее хранитъ,
Предъ мной встаютъ дворцы, забытыя палаты,

На площади народъ, толпа волнуется, кипитъ,
Вотъ звонъ колоколовъ и крики, и набаты,
И всюду зарево, и властелинъ во прахъ,
Проклятье Божіе дряхлѣетъ на церквахъ.

Не самозванца-ль ты вскормилъ и взлелѣялъ,
Не ты же-ль, Кремль, потомъ пришельца поругалъ,
Въ своемъ невѣжествѣ роскошной жатвой плевелъ,
Крамольной распрею поруганныхъ бояръ;
Ты кровь и потъ ихъ пилъ, и кровь невинно пала
И ко Всевышнему о мѣстѣ (мести?) вопіяла.

И вотъ опять предсталъ увѣнчанный пришлецъ,
Громилъ, терзалъ тебя, громилъ полками ляха,
Смѣясь, сорвалъ съ чела поруганный вѣнецъ—
И грудь твою тогда разсѣкъ мечемъ Робраха,
Но смѣло вспрянулъ ты, ты рану исцѣлилъ
И грозно рекъ врагу: Со мною Михаилъ!

Теперь обновлены твой храмъ, твои народы
Однимъ мгновеніемъ желанной тишины,
Твои оковы въ прахъ, подъ знаменемъ свободы
Воспрянули твои забытые сыны,
И въ славѣ ждутъ они, чтобъ древняя порфира
Собою обняла концы предѣловъ міра.

И свершено уже—твоя юнѣетъ сила,
Минувшаго давно отхлынулъ океанъ,
Иноплеменника еще свѣжа могила,
А твой родной позоръ безсмертіемъ увѣнчанъ.
Москва и древній Кремль почили небезславно,
Но озаренные лучемъ звѣзды державной.

И Аустерлицкая звѣзда не заблеститъ,
Не вспыхнетъ надъ Кремлемъ, кровавыми лучами
Надъ Эльбою взошла, надъ Эльбою горитъ
И тѣнь изгнанника рисуетъ надъ скалами—
И тѣнь его грозна въ величіи земномъ,
Могучая зоветъ царей на судъ съ Творцомъ.

Пускай рушители развѣнчанной державы
Омоютъ кровію столѣтній свой позоръ.
Но обезсмертили-ль безсмертьемъ чуждой славы
Народа павшаго ужасный приговоръ
Маренго, Аустерлицъ и слава отреченья
Пускай горитъ для нихъ звѣздой кровавой мщенья.

Въ твоихъ же, древній Кремль, поруганныхъ стѣнахъ
Давно затеплилась Спасителю лампада,
Вездѣ толпы, народъ и слезы на очахъ

И дивная, души небесная отрада,
Она въ моленіяхъ, какъ чистый ѳиміамъ,
Отсель несущійся къ далекимъ небесамъ.
Гляжу на Кремль родной, предъ мной встаютъ народы,
О, заблести теперь, погасшая звѣзда,
Развѣй, развѣй хоругвь державную свободы
Съ хоругвью страшнаго, послѣдняго суда,
Да съ нею Кремль родной воспрянетъ въ славѣ новой
И разобьетъ свои позорныя оковы.

Москва, въ родномъ Кремлѣ ты много пережила,
Минувшаго давно отхлынулъ океанъ,
Иноплеменника еще свѣжа могила;
Но горькій твой позоръ безсмертьемъ увѣнчанъ
Твой Кремль родной въ тебѣ, и съ нимъ ты небезславно
Озарена теперь лучемъ звѣзды державной.

ЖАТВА.

Ходитъ туча по небу,
По небу по синему,
Говоритъ туча съ вѣтрами,
Съ вѣтрами буйными:

«Куда, вѣтры, гоните,
«Гоните, да не остановите;
«Проситъ нива дождичка,
«Проситъ влаги зернышко.

«Хочу вспрыснуть дождичкомъ
«Хочу влагой выкупать,
«Трудъ взрастетъ сторицею,
«Мужичекъ помолится.

«У моря у синяго
«Много безъ меня воды,
«На степяхъ же дождичкомъ
«Песка не обрадовать.

«Хребты горъ высокіе,
«Воды рѣкъ глубокія,
«Тучи вы не просите,
«Влаги вы не просите».

Несутъ тучу буйные,
Промежъ себя шепчутся:
«Вылей, туча, дождичекъ
«На степи безводныя.

«На горы высокія,
«На рѣки глубокія,
«На пески пустынные
«На моря на синія.

«Господь-Богъ прогнѣвался,
«Глядя на грѣхи людей,
«Грѣхи людей тяжкіе,
«Грѣхи неоткупные.

«Хочетъ наказать Господь
«Раба и Властителя,
«Зане не повѣрили
«Словамъ Искупителя.

«Забыли моленія—
«Когда не забылъ Господь
«Завѣтъ примиренія—
«Дугу семицвѣтную.

«Невмалѣ терпѣніе
«Надъ землей грѣховною;
«Солнце раскаленное
«Собрало лучи надъ ней.

«Туча, уносись скорѣй!
«Въ море вылей дождичекъ,
«На степь вылей дождичекъ,
«Бойся свѣтозарнаго!

«Оно тебя высушитъ,
«Оно тебя выгонитъ,
«Изъ эѳира свѣтлаго—
«Неба лучезарнаго.

Ходитъ туча по небу,
Небу лучезарному,
Говоритъ туча солнышку:
«Ко мнѣ ярко солнышко,

«Я моею влагою
«Лучи прохлажу твои,
«Моимъ частымъ дождичкомъ
«Жажду напою твою.

«Чтобъ ты, ярко солнышко,
«Не сожгло ихъ травушку,
«Не сожгло ихъ нивушку,
«Не сожгло пшеничку ихъ.

«Не виновны бѣдные,
«Что грѣшатъ богатые,
«Не виновны слабые,
«Что грѣшили сильные.

«Малъ большого слушаетъ,
«Старшимъ повинуется,
«А что старшій вздумаетъ,
«Такъ тому и быть должно.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ходитъ туча по небу,
По небу, по синему,
Говоритъ: «Молитеся
«Богу, православные.

«Время было сѣянья
«Плевелъ со пшеницею,
«Пшеницу взращу для васъ,
«А имъ взращу плевелы.

«Жатвы время близится,
«Пшеница колосится,
«Колосья налилися,
«Гнутся зерны жемчугомъ.

«Жатвы время близится,
«Съ пшеницею плевелы
«Зрѣютъ, зерны сыплются
«На землю на добрую.

«Пожелтѣла нивушка
«Золотой пшеницею;
«Почернѣла нивушка
«Зловредными зернами.

«Жатвы время близится,
«Серпы наострите всѣ,
«Отдѣляйте доброе
«Отъ зерна зловреднаго.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Волонтеры и рекруты.

I.

Нервы сраженій это—деньги. Les nerfs des batailles sont les pécunes, — объяснялъ герой Раблэ. Англіи требуется ужасно много этихъ нервовъ на веденіе гигантской борьбы. Въ мартѣ этого года правительство просило у парламента кредитъ на 250 мил. ф. ст. для продолженія войны, причемъ предполагалось, что денегъ этихъ хватитъ на три мѣсяца. Сегодня, пятнадцатаго іюня, первый министръ проситъ у парламента еще 250 мил. ф. ст. Съ начала войны ассигновано на нее уже 862 мил. ф. ст., что по курсу составляетъ около десяти милліардовъ рублей. По разсчету Асквита, день войны обходится теперь Англіи въ три милліона ф. ст „Англія будетъ счастлива, если кончитъ войну съ національнымъ долгомъ въ 1.500 мил. ф. ст. (т. е. въ 19 милліардовъ рублей), не считая 1.000 мил. ф. ст. разныхъ потерь", сказалъ проф. Флайндерсъ Петри въ годичномъ докладѣ, прочитанномъ въ British Constitution Association. „Милліонъ фунтовъ ст. довольно круглая сумма,—пишетъ Беннетъ—но ея хватаетъ ненадолго при бомбардированіи, такъ какъ современныя пушки ужасно прожорливы. Каждая минута дѣйствія пушки двѣнадцатидюймовки стоитъ 100 ф. ст., а пушки въ 13,5 дюйма—вдвое больше". „Невозможно даже высчитать, сколько денегъ превращается въ дымъ жерлами пушекъ". Лучшій англійскій обозрѣватель военныхъ событій проф. Хилэръ Беллокъ объ этомъ превращеніи денегъ въ дымъ говоритъ: „Германцы приготовились вести войну два года. А между тѣмъ уже въ сентябрѣ прошлаго года они израсходовали въ *семь разъ* больше военныхъ снарядовъ, чѣмъ проектировалось потратить на всю кампанію" [1]). За четыре дня при Невшапелѣ англійскія пушки выпустили больше снарядовъ, чѣмъ за всю бурскую войну, продолжавшуюся почти три года. А между тѣмъ сраженіе при Невшапелѣ имѣетъ второстепенное значеніе.

---

[1]) H. Belloc. „The Two Maps of Europe". стр. 68.

„Нервы“ для веденія войны богатая Англія находитъ сравнительно легко. Какъ во всѣхъ странахъ, у потомковъ будетъ набита оскомина за зеленые плоды, съѣденные предками. Значительная часть военныхъ расходовъ падетъ на послѣдующія поколѣнія въ видѣ громаднаго государственнаго долга; но къ разсчету призваны также и современники. Съ этою цѣлью, напр., подоходный налогъ достигаетъ теперь 1 ш. 9 п. на фунтъ ст. (8,75%). О „нервахъ сраженія“ въ Англіи не возникаетъ и рѣчи. Парламентъ отпуститъ безъ всякихъ споровъ какія угодно суммы и введетъ, если потребуется, новые налоги, какъ бы тяжелы они ни были.

Ожесточенные споры, крайне характерные для Англіи, возникаютъ не изъ-за „нервовъ“, а изъ-за „мяса“ и „крови“ сраженій, изъ-за того, какъ лучше всего достать два другихъ необходимыхъ элемента войны: солдатъ и боевые снаряды. Споръ идетъ о томъ, должно ли въ данномъ случаѣ радикально измѣнить отношеніе общества къ личности, существующее въ Англіи со времени революціи? Должно ли государство быть облечено новыми полномочіями и надобно ли, соотвѣтственно съ этимъ, сократить права индивидуума? Слѣдуетъ ли отмѣнить права, утвержденныя ровно семьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ Великой Хартіи, подписанной 15 іюня 1215 года? Англійскій философъ XVII вѣка, не довѣрявшій человѣку, какъ существу злому и недобросовѣстному, доказывалъ необходимость облеченія государства чрезмѣрными полномочіями,—чтобы предупредить такимъ образомъ bellum omnium contra omnes, т. е. состояніе, когда индивидуумъ скажетъ: „все дозволено“. Послѣдователи Гоббса говорятъ здѣсь въ настоящій моментъ: „Гражданинъ—существо, не заслуживающее довѣрія. Онъ думаетъ только о себѣ, даже когда государство подвергается самой серьезной опасности. Если не будетъ принужденія со стороны государства, индивидуумъ заберется въ свою нору и будетъ сидѣть тамъ спокойно даже тогда, когда непріятель стоитъ у стѣнъ“. Государство должно заявить свои права въ настоящій моментъ. Необходима конскрипція. Надобно немедленно ввести обязательную національную службу не только въ арміи, но и на заводахъ, гдѣ готовится „кровь“ сраженій, т. е. боевые снаряды. Такъ говоритъ теперь партія, имѣющая въ своемъ распоряженіи не только всѣ изданія Хармсворта (въ томъ числѣ Times и Daily Mail), но также цѣлый рядъ другихъ консервативныхъ газетъ (Morning Post, Standard, Daily Telegraph). „Англійскіе граждане поспѣшили на зовъ родины,—говоритъ другая партія.—Въ ломкѣ строя, сложившагося вѣками, нѣтъ никакой надобности“. И вотъ въ Англіи теперь мы присутствуемъ при борьбѣ между „конскрипціонистами“ и „анти-конскрипціонистами“. „Только конскрипція можетъ дать Англіи армію, достаточную для того, чтобы Германія могла быть побѣждена“, — говорятъ первые. „Только армія *свободныхъ* гражданъ можетъ спасти Британскую имперію, — отвѣчаютъ вто-

рые. — И если дѣйствительно вѣрно, что побѣда надъ Германіей можетъ быть куплена только такимъ усиленіемъ власти государства, какъ конскрипція, то эта побѣда почти такъ же страшна, какъ пораженіе. Но въ томъ-то и дѣло, что только нынѣшняя система можетъ повести къ разгрому германскаго милитаризма".

— Смотрите,—говорятъ „конскрипціонисты":—Авраамъ Линкольнъ не останавливался передъ введеніемъ конскрипціи на время войны, когда дѣла Сѣвера пошли очень плохо и когда добровольная система вербовки потерпѣла неудачу. И только тѣмъ обстоятельствомъ, что великій президентъ не остановился передъ такой рѣшительной мѣрой, какъ конскрипція, была обусловлена окончательная побѣда федералистовъ надъ конфедератами, т. е. единство Сѣверо-Американской республики.

Ссылка на Соединенные Штаты интересна и на ней надо поэтому остановиться. „Принципъ принудительной службы (draft) не новъ, — писалъ Авраамъ Линкольнъ въ августѣ 1863 года, въ меморандумѣ, опубликованномъ послѣ смерти президента.—Онъ примѣнялся тогда, когда республика боролась за независимость и въ 1812 году во время войны съ Англіей. Два года и четыре мѣсяца тому назадъ, когда началась война съ Югомъ, дѣйствіе цѣлаго ряда мотивовъ побуждало каждаго гражданина, физически пригоднаго къ военной службѣ, записаться волонтеромъ. Мотивами этими были: патріотизмъ, политическія симпатіи, честолюбіе, личная храбрость, любовь къ приключеніямъ, безработица... Мы имѣемъ уже въ нашей арміи всѣхъ тѣхъ, которые пошли въ волонтеры подъ вліяніемъ упомянутыхъ причинъ. И все-таки намъ необходимы еще солдаты, если мы не желаемъ отказаться отъ тѣхъ первоначальныхъ цѣлей, ради достиженія которыхъ война начата. Если мы не будемъ имѣть большой арміи, то пропадутъ всѣ наши усилія, вся пролитая кровь и всѣ израсходованныя деньги. Вотъ почему необходима теперь обязательная служба (draft)".

Въ 1860 году, т. е. передъ началомъ гражданской войны, въ Соединенныхъ Штатахъ было 31,433,000 населенія. Когда въ 1861 году Югъ отдѣлился отъ Сѣвера, у Линкольна была армія въ 17 тысячъ человѣкъ. Въ апрѣлѣ 1861 года президентъ вызвалъ 75 тысячъ волонтеровъ на *трехмѣсячную* службу. Предполагалось, что гражданская война кончится въ іюнѣ или іюлѣ 1861 года, тогда какъ въ дѣйствительности миръ былъ заключенъ только въ 1865 году. Вмѣсто 75 тысячъ волонтеровъ явилось 98,235; но южанъ трудно было побѣдить. Въ іюлѣ 1861 года Линкольнъ вызвалъ еще 500000 волонтеровъ на службу въ 1, 2 или 3 года, по ихъ выбору. Большинство прежнихъ волонтеровъ записалось немедленно на болѣе продолжительный срокъ службы. У Линкольна получилась армія въ 42,700 человѣкъ, согласившихся служить годъ, и армія въ 657,800 волонтеровъ, записавшихся на три года. Битвы

между федералистами и конфедератами отличались, какъ извѣстно, необыкновенной ожесточенностью, а генералы Юга оказались очень талантливыми полководцами. Въ іюлѣ 1862 года Линкольнъ вызвалъ еще 500,000 волонтеровъ на трехлѣтнюю службу; но записались только 419,627 человѣкъ. Въ августѣ 1862 года Югъ нанесъ Сѣверу рядъ страшныхъ пораженій. Линкольнъ вызвалъ еще 300,000 волонтеровъ, но получилъ только 86,860 человѣкъ. Просматривая всѣ рѣчи Линкольна и всѣ обращенія къ конгрессу, мы не находимъ однако ни одной защиты конскрипціи. Авраамъ Линкольнъ не говорилъ ни слова о необходимости введенія въ арміи принудительнаго принципа. Въ концѣ 1862 года положеніе дѣла на фронтѣ сложилось очень плохо для федералистовъ (т. е. для Сѣвера). Въ Сѣверныхъ штатахъ, пограничныхъ съ Южными, почти все населеніе было противъ Линкольна, т. е. противъ освобожденія невольниковъ. Хотя эти плантаторы и фермеры не одобряли отдѣленія южанъ отъ республики, но желали, чтобы миръ заключенъ былъ возможно скорѣе. Въ южныхъ штатахъ у этихъ фермеровъ были многочисленные друзья и родственники. Гражданская война утомила фермеровъ пограничныхъ штатовъ. Здѣсь вполнѣ сочувствовали первому президенту Южныхъ Штатовъ Джефферсону Дэвису, т. е., точнѣе, его защитѣ невольничества. Въ Нью-Іоркѣ и въ значительной части Пенсильваніи тоже преобладали демократы, т. е. сочувствовавшіе Югу. Въ ноябрѣ 1862 года штатъ Нью-Іорка выбралъ губернаторомъ демократа Сеймура съ цѣлью всячески мѣшать Линкольну, а, если возможно, разбить президента и довести его кабинетъ до паденія. Въ это время, по вычисленію историковъ гражданской войны, 33% всего населенія сѣверныхъ штатовъ сочувствовало конфедератамъ. И въ результатѣ было то, что республиканцы, сочувствовавшіе Сѣверу, шли охотно въ волонтеры, тогда какъ демократы воздерживались отъ службы въ арміи. Сѣверъ назначалъ все новыхъ полководцевъ, и каждый изъ нихъ терпѣлъ пораженіе. Большія надежды возложены были на Джорджа Макъ-Клеллана (Mc-Clellan), но и его пришлось смѣнить въ ноябрѣ 1862 года. Югъ побѣждалъ, къ великому ликованію его сторонниковъ въ Европѣ. Въ своей партіи Линкольнъ видѣлъ людей, готовыхъ покинуть его и перейти на сторону конфедератовъ. И въ этотъ мрачный моментъ для Сѣвера Линкольнъ издалъ манифестъ объ освобожденіи невольниковъ. Такъ какъ владѣльцы получали выкупъ за своихъ рабовъ, то это еще болѣе обременило финансы молодой страны, уже и безъ того отягченной войной. Президентъ настоялъ на немедленномъ исправленіи конституціи въ томъ смыслѣ, что республика признаетъ всѣхъ людей, безъ различія цвѣта кожи, свободными. Положеніе дѣлъ на фронтѣ между тѣмъ становилось отчаяннымъ. Въ февралѣ 1863 г. одинъ сенаторъ, по собственной инипіативѣ, внесъ „Draft bill", или законопроектъ о конскрипціи. Не только сенаторы-демократы,

но также нѣкоторые республиканцы отчаянно боролись съ законопроектомъ; но защитники билля указывали на то, что число волонтеровъ уменьшается, что финансы Сѣвера запутываются и что армія конфедератовъ готова вторгнуться. Законопроектъ, предоставлявшій президенту право вызвать здоровыхъ мужчинъ въ возрастѣ 20—45 лѣтъ на срокъ окончанія войны, прошелъ. На первыхъ порахъ Линкольну давалось право призвать 1/5 мужскаго населенія извѣстнаго возраста, но путемъ конскрипціи онъ не получилъ и этой части. Всюду начались мятежи, а въ особенности въ штатѣ Нью-Іорка, гдѣ безпорядки поощрялись губернаторомъ Сеймуромъ. Въ самомъ Нью-Іоркѣ, на почвѣ примѣненія новаго закона о конскрипціи, произошло нѣсколько убійствъ. Многіе штаты жаловались на то, что конскрипціонные списки составляются неправильно. Штаты эти указывали, что они еще раньше послали въ армію много волонтеровъ. „Было очевидно, что принципъ принудительной службы, чуждый духу англо-саксонскаго народа, былъ противенъ даже тѣмъ убѣжденнымъ республиканцамъ, которые охотно шли волонтерами,—говоритъ историкъ гражданской войны.— Демократы, въ томъ числѣ даже тѣ, которые лойяльно поддерживали федералистовъ, находили, что „draft law", т. е. законъ о конскрипціи, представляетъ собою грубое нарушеніе всѣхъ правъ и вольностей; что по существу своему онъ не конституціоненъ". „Только очень немного солдатъ получено было путемъ новаго draft law,—говоритъ офиціальный отчетъ того времени—но законъ за то въ сильной степени оживилъ добровольную вербовку". Населеніе Сѣвера поняло всю опасность, которая грозитъ ихъ родинѣ, и предпочло идти добровольно въ солдаты, не дожидаясь дѣйствія draft law. И, видя это, Авраамъ Линкольнъ не обнародовалъ упомянутаго выше меморандума, составленнаго имъ въ августѣ 1863 года. Въ своихъ обращеніяхъ къ конгрессу президентъ тщательно избѣгалъ какихъ бы то ни было обсужденій выгодъ или невыгодъ обязательной службы. Въ октябрѣ 1863 года и февралѣ 1864 года Линкольнъ вызвалъ 500,000 солдатъ срокомъ на три года, но получилъ 374,807. Послѣ этого draft law пришелъ почти въ забвеніе. И вотъ въ мартѣ 1864 года президентъ вызвалъ 200,000 человѣкъ, а откликнулись 284,020. Въ іюлѣ 1864 года понадобилось опять 500,000 солдатъ, но откликнулись 384,882. Послѣдній наборъ потребовался въ декабрѣ 1864 года, когда федералисты всюду взяли уже верхъ надъ конфедератами. Линкольнъ вызвалъ 300,000 солдатъ, но откликнулись 204,558. Такимъ образомъ, война, которую Сѣверъ разсчитывалъ кончить въ три мѣсяца съ 75 тысячной арміей, продолжалась 4½ года и потребовала арміи въ 2.759,000 человѣкъ. Эту колоссальную для того времени армію выставили Сѣверные штаты съ населеніемъ въ 25 милліоновъ. Не смотря на существованіе drafr law, можно съ полнымъ

правомъ сказать, что то была армія *добровольная*. То же самое должно сказать о Югѣ, который боролся столько лѣтъ, хотя имѣлъ населеніе лишь въ шесть милліоновъ.

Въ самомъ началѣ войны между Сѣверомъ и Югомъ великій русскій писатель отмѣтилъ значеніе добровольнаго принципа въ свободной странѣ съ высоко развитымъ чувствомъ гражданственности. Приведя тотъ фактъ, что Югъ съ населеніемъ въ 6.000,000 вызвалъ въ самомъ началѣ войны 300,000 солдатъ, этотъ писатель замѣчалъ: „Изъ этого можно видѣть, къ какому громадному развитію военнаго могущества, въ случаѣ дѣйствительной надобности, бываютъ способны тѣ страны, которыя не содержатъ многочисленныхъ армій во время мира... При всей воинственности своего населенія Франція ни въ какомъ случаѣ не могла выставить двухъ-милліоннаго войска (писано въ октябрѣ 1861 года), потому что боевыя и финансовыя средства ея истощаются конскрипціею и огромными расходами на армію въ мирное время... Военные писатели старинной школы, не расположенные къ системѣ милицій и волонтерства, говорятъ о томъ, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени начала военныхъ дѣйствій въ Соединенныхъ Штатахъ, а ни та, ни другая армія еще не готовы къ большимъ рѣшительнымъ битвамъ... Но тутъ забывается одно обстоятельство... какъ бы ни было хорошо регулярное войско, государству также нужно очень долгое время, чтобы приготовить его къ бою“ [1]).

Голандъ Вильсонъ, разбирая вопросъ о томъ, какую роль играла конскрипція въ войнѣ Сѣвера съ Югомъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Принудительный принципъ принятъ былъ только во время третьяго года войны. Непосредственной причиной „draft bill“ былъ цѣлый рядъ пораженій сѣверянъ и сокращеніе числа волонтеровъ. Послѣднее обстоятельство обусловливалось тѣмъ, что партія рабовладѣльцевъ усилилась въ Сѣверныхъ Штатахъ, а это повело къ охлажденію энтузіазма у многихъ, полагавшихъ, что война съ Югомъ—*освободительная*, т. е. ведется изъ-за уничтоженія невольничества. Сторонники конфедератовъ вели въ Сѣверныхъ Штатахъ усиленную агитацію въ пользу мира.

Непосредственнымъ результатомъ draft law была агитація противъ правительства Линкольна, принявшаго „неконституціонную мѣру“. Верховный Судъ штата Нью-Іоркъ призналъ законъ недѣйствительнымъ. Въ городѣ Нью-Іоркѣ возникъ противъ новаго закона мятежъ, для усмиренія котораго пришлось вызвать войска не только изъ сосѣднихъ штатовъ, но даже съ фронта. Нѣсколько сотенъ человѣкъ было убито тогда на улицахъ Нью-Іорка. По

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій, „Полное собраніе сочиненій“, VIII, с 517—518.

авторитетному свидѣтельству Грили (см. „American Conflict“, vol. II, p. 505—6), мятежъ въ Нью-Іоркѣ, а равно и послѣдующіе бунты удалось подавить только потому, что какъ разъ въ это время дѣла на фронтѣ всюду обернулись въ пользу сѣверянъ. Армія федералистовъ, т. е. армія, составленная изъ *волонтеровъ*, начала брать верхъ. По свидѣтельству того же историка (ib., p. 760), подавляющее большинство солдатъ и матросовъ, сражавшихся за Сѣверъ,—состояло изъ волонтеровъ. Такимъ образомъ, ссылка на Соединенные Штаты, которую дѣлаютъ теперь конскрипціонисты, далеко не вполнѣ убѣдительна.

Крайне интересно, что въ то время, какъ епископы, профессора, адвокаты, священники и газетные публицисты всячески восхваляютъ конскрипцію и доказываютъ, что Англія должна или принять эту мѣру, или погибнуть, многіе военные, въ томъ числѣ лордъ Китченеръ, защищаютъ систему волонтеровъ. Дальше я приведу много фактовъ. Покуда же упомяну объ очень трогательномъ стихотвореніи, присланномъ англійскимъ офицеромъ изъ германскаго плѣна. До офицера дошла вѣсть, что въ Англіи обсуждается вопросъ объ обязательной службѣ. „Синѣютъ ли еще колокольчики въ англійскихъ лѣсахъ? По прежнему ли еще зеленѣютъ ея живыя изгороди изъ жимолости и шиповника?“—спрашиваетъ авторъ стихотворенія.

Is there freedom left in England?
Is my England England still,
Not to be coerced or driven,
Save by choice and of her will?

(Осталась ли еще свобода въ Англіи? Такова ли еще моя Англія, какъ раньше? Все ли еще ее нельзя заставить силой дѣлать что-нибудь? И все ли она цѣнитъ свою волю?) „О, моя родина!—восклицаетъ поэтъ.—Какъ трепещу я, когда вижу, что тебѣ угрожаютъ оковы принудительной службы“.

II.

Послушаемъ, какіе аргументы выставляются „конскрипціонистами“ и „антиконскрипціонистами“. Я указалъ уже, что борьба возникла не вслѣдствіе расхожденія во взглядахъ на конечную цѣль войны, такъ какъ обѣ партіи признаютъ обсолютную необходимость побѣды надъ Германіей. Передъ нами борьба двухъ противоположныхъ принциповъ,—двухъ разныхъ пониманій правъ государства и гражданъ, двухъ представленій о томъ, кому должна принадлежать инициатива, государству ли или индивидууму. И эта борьба и выставляемые въ ней аргументы свидѣтельствуютъ о томъ, что Англія безконечно дорожитъ свободой слова даже во время войны. Страна признаетъ необходимость цензуры для *фактовъ*, но не для

идей. Вотъ почему газеты охотно подчиняются тому, что нельзя печатать сообщеній, могущихъ принести какую-нибудь пользу непріятелю, но оставляютъ за собою право „разсуждать“ и „обсуждать“. „Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло“,—писалъ когда-то Герценъ.

Итакъ, перейдемъ къ аргументамъ.

„Намъ говорятъ, что принципъ конскрипціи чуждъ духу англійскаго народа, -- пишетъ Times.—Но мало ли за послѣднее время было событій, не имѣвшихъ себѣ прецедента у насъ?.. Мы достигли теперь такого фазиса, когда опасность, грозящая Британской имперіи, совершенно перетягиваетъ вѣсы, на которыхъ лежитъ аргументъ „это чуждо духу англійскаго народа“. Опасность такъ велика, что національная служба стала настоятельной необходимостью... Со всѣхъ сторонъ слышатся все болѣе и болѣе настойчивыя требованія такой службы“... Оппозиція въ печати—говоритъ Times—невелика. Кампанію противъ національной службы ведутъ въ Лондонѣ лишь слѣдующія изданія: Daily Chronicle, Daily News, Star, Nation Economist и New Statesman. Мнѣніе этихъ изданій—думаетъ Times—обезцѣнено еще тѣмъ, что раньше они были за миръ съ Германіей и не вѣрили въ возможность войны. Газета дальше ссылается на примѣръ Линкольна. Три причины, по мнѣнію Times'а, заставятъ британское правительство принять ту же мѣру, которую когда-то ввелъ великій президентъ. Первая причина та, что Германія никогда не будетъ побѣждена, если Англія не приметъ билля о національной службѣ и „не броситъ на чашку вѣсовъ каждую унцію живого матеріала“. Во-вторыхъ, потому, что безъ національной службы много пригодныхъ людей сидятъ дома, „совершенно правильно полагая, что инипіатива въ дѣлѣ спасенія государства должна принадлежать государству, а не индивидууму“. Въ-третьихъ, индустріальная проблема крайне запуталась. Лучшіе рабочіе записались волонтерами и ушли на фронтъ. Только законъ о національной службѣ положитъ конецъ всему этому хаосу. Только государство знаетъ, какихъ гражданъ выгоднѣе всего отправлять на фронтъ и какихъ лучше держать на фабрикахъ или на заводахъ. На аргументъ, что національная служба является нарушеніемъ свободы, Times отвѣчаетъ: „Общество и теперь не свободно, такъ какъ государство давно уже, для пользы всѣхъ, отняло нѣкоторыя вольности“. Наиболѣе откровенно въ защиту національной службы выступилъ лордъ Мильнеръ, пруссакъ по происхожденію. Въ Англіи теперь, вмѣсто либеральнаго министерства, сталъ у власти коалиціонный кабинетъ, составленный изъ представителей всѣхъ партій. Эта перемѣна не поведетъ, по мнѣнію Мильнера, ни къ чему хорошему, если останется старый методъ, т. е. добровольный принципъ. „Даже лучшее правительство не сдѣлаетъ невозможнаго. Армія, вооруженная кремневыми ружьями, не можетъ побѣдить

войска, вооруженныя магазинными винтовками. Точно такимъ же образомъ страна съ добровольной системой вербовки не можетъ побѣдить народа, принявшаго принципъ національной службы... Борьба, идущая теперь, такъ серьезна, что Британская имперія должна призвать на службу всѣхъ гражданъ. Государству не къ лицу просить гражданъ, чтобы они шли на службу—говоритъ лордъ Мильнеръ.—Оно должно имѣть *право вытребовать*, когда найдетъ нужнымъ, соотвѣтственное число людей въ справедливомъ порядкѣ, т. е. молодыхъ раньше, чѣмъ пожилыхъ, и холостыхъ раньше, чѣмъ женатыхъ. Само государство должно рѣшать, кого изъ вызванныхъ отправить на фронтъ и кого на заводы, гдѣ изготовляются военные снаряды". По разсчету лорда Мильнера, одно Соединенное Королевство въ состояніи выставить пять или шесть милліоновъ человѣкъ. Сюда надо прибавить еще арміи, которыя выставятъ колоніи, гдѣ тоже надо ввести принципъ „національной службы". „Наша нынѣшняя система вербовки несправедлива по отношенію ко всѣмъ,—продолжаетъ лордъ Мильнеръ.—Она несправедлива къ волонтерамъ и несправедлива къ союзникамъ. Несправедлива она также къ тысячамъ людей, оставшимся дома". Ихъ называютъ „трусами" и „лѣнтяями", тогда какъ это лишь растерявшіеся, не знающіе, что имъ дѣлать,—увѣряетъ лордъ Мильнеръ. Они не знаютъ, обязаны ли они бросить жену, дѣтей и полезныя занятія, чтобы пойти на военную службу, когда молодые, холостые и праздные люди не надѣли еще мундира. Присутствіе такихъ растерявшихся людей лучше всего доказываетъ необходимость авторитетнаго голоса, могущаго указать, что дѣлать каждому. Этотъ авторитетъ однихъ пошлетъ на фронтъ, другихъ—на заводы, а третьимъ скажетъ: „Занимайтесь вашимъ дѣломъ, какъ раньше. Въ настоящій моментъ это важнѣе всего для государства". „Я знаю,—продолжаетъ лордъ Мильнеръ—мнѣ скажутъ, что изъ гражданина, котораго надо *заставить* пойти въ солдаты, получается не тотъ воинъ, какой намъ надобенъ, но... ни одна великая армія не состоитъ на подборъ изъ паладиновъ. Въ большой арміи найдется мѣсто даже для людей съ очень умѣренной храбростью". Наконецъ, сидѣть въ окопахъ всякій можетъ.

О необходимости „національной службы" говоритъ также коллективное воззваніе, подписанное пятнадцатью оксфордскими профессорами. Они согласны, что нельзя признать нынѣшнюю добровольную систему потерпѣвшей крушеніе, но заявляютъ, что она не дала всего необходимаго, „какъ относительно людей и матеріала, такъ и относительно духа". Подъ послѣднимъ профессора подразумѣваютъ „духъ дисциплины, службы, экономіи и единенія". Если Англія не введетъ у себя „національной службы", то страшная катастрофа грозитъ имперіи. „Наступило время поставить Великобританію на военную ногу. Абсолютно необходимо.

чтобы правительство немедленно объявило срокъ, когда оно думаетъ ввести національную службу въ арміи, на заводахъ и *дома.* Только такой мѣрой спасена будетъ жизнь и свобода Британской имперіи". Необходимо, чтобы каждый гражданинъ исполнялъ обязанность, указанную ему государствомъ.

Читатели видятъ, что „національная служба" означаетъ нѣчто неопредѣленное, но гораздо болѣе широкое, чѣмъ общая воинская повинность. Когда либеральный кабинетъ преобразовался въ національный, сторонники конскрипціи сочли, что теперь наступилъ моментъ дѣйствовать и повели усиленную атаку. Въ той рѣчи, которую произнесъ Ллойдъ-Джорджъ 8 іюня въ Манчестерѣ, сторонники конскрипціи увидали колебаніе въ сторону „національной службы". „Конскрипція означаетъ принудительную вербовку въ Великобританіи армій для войнъ на континентѣ,—сказалъ этотъ талантливый и энергичный государственный дѣятель.—Конскрипція дѣло не принципа, а необходимости. И если эта необходимость возникнетъ, то, я увѣренъ, ни одна партія не будетъ протестовать. Пожалуйста, не говорите о конскрипціи, какъ объ анти - демократической мѣрѣ. Въ Англіи мы не разъ добывали и спасали вольности при помощи обязательной службы. При помощи конскрипціи Франція спасла свободу, вырванную ею во время революціи изъ клыковъ тиранической и милитаристической имперіи. Великая Американская республика добыла независимость и спасла свое единство при помощи обязательной службы. Двѣ великія демократическія страны, Франція и Италія, защищаютъ теперь свое національное существованіе при помощи обязательной службы. Конскрипція много разъ являлась мощнымъ оружіемъ въ рукахъ демократіи, завоевывавшей или охранявшей свободу. Но въ то же время было бы величайшей ошибкой обратиться къ этому средству безъ абсолютной необходимости",—продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ. Онъ указывалъ дальше, что британская молодежь откликнулась на призывъ родины. Волонтеры, готовые защищать свободу своей родины въ Европѣ, Азіи или Африкѣ, явились въ такомъ громадномъ числѣ, что у военнаго министерства покуда нѣтъ возможности одѣть ихъ всѣхъ и снабдить оружіемъ. Притокъ волонтеровъ все еще не уменьшается. Молодые люди, принадлежащіе къ разнымъ общественнымъ слоямъ, добровольно оставили своя занятія и семью и предложили свою жизнь родинѣ [1]). Ллойдъ-

[1]) Приведу нѣсколько случаевъ изъ тѣхъ, которые бываютъ повседневно. Знакомый фабрикантъ 40 лѣтъ, женатый. Оставилъ дѣло и ушелъ въ солдаты. Рабочій Чарльзъ Пьютнеръ, 45 лѣтъ. Два сына его 22 и 19 лѣтъ ушли волонтерами. Черезъ мѣсяцъ Пьютнеръ получилъ отъ военнаго министерства извѣщеніе, что оба сына убиты. На дняхъ я встрѣтилъ Чарльза Пьютнера въ солдатскомъ мундирѣ. Отецъ идетъ „посчитаться съ нѣмцами за своихъ мальчиковъ". Фредерикъ Пирсъ. Сдавалъ послѣдній

Джорджъ въ этой рѣчи склонялся къ тому, что „національная служба“ необходима на заводахъ и на фабрикахъ, изготовляющихъ военные снаряды. Безъ національной службы, по мнѣнію министра, невозможно вполнѣ мобилизовать промышленную силу страны. „Будемъ совершенно откровенны. Мы представляемъ собою націю, организованную хуже всѣхъ для этой войны“ [1]).

III.

Послушаемъ теперь аргументы, высказываемые противниками конскрипціи. Приведу сперва доводы извѣстнаго военнаго историка и лучшаго военнаго обозрѣвателя, Хилэра Беллока. Надо сказать, что онъ сторонникъ конскрипціонной арміи, но находитъ, что собакъ поздно кормить, когда отправляются на охоту. „Мы должны, прежде всего, установить рѣзкую разницу между конскрипціей, введенной во время мира, задолго до войны, т. е. системой, продуманной во всѣхъ деталяхъ, дающей свои плоды въ видѣ обученныхъ резервовъ, и конкрипціей, принятой во время войны, т. е. тѣмъ, что во время французской революціи называлось levée en masse. Обѣ системы сильно отличаются по характеру своему и имѣютъ разное значеніе въ военномъ отношеніи“. Хилэръ Беллокъ приходитъ къ заключенію, что цѣнность принятія принципа обязательной службы во время войны находится въ обратной пропорціи съ количествомъ волонтеровъ, находящихся уже въ арміи. „Предположимъ, что данная нація имѣетъ восемь милліоновъ человѣкъ въ военномъ возрастѣ,—говоритъ Беллокъ.—Предположимъ, что изъ этихъ восьми милліоновъ годны на службу шесть милліоновъ. Предположимъ дальше, что изъ этихъ шести милліоновъ, пригодныхъ для военной службы, три милліона должны работать для арміи, какъ британской, такъ и союзныхъ, на фабрикахъ, на заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ докахъ. Допустимъ, теперь, что изъ трехъ миліоновъ, пригодныхъ для службы въ арміи, два милліона записались уже волонтерами. Можно заранѣе сказать, что эти два милліона будутъ представлять собою цвѣтъ націи въ физическомъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ принятіе принципа обязательной службы во время войны не принесетъ странѣ большой выгоды, но внесетъ лишь въ существующую уже систему путаницу. Быть можетъ, принятіе новой системы дастъ еще 500.000 такихъ же хорошихъ солдатъ, какъ и тѣ, которые уже записались; но остальные 500.000, несомнѣнно, будутъ болѣе плохого качества. Такимъ образомъ, если большинство населенія,

экзаменъ на баккалавра естественныхъ наукъ. Оставилъ все и ушелъ въ солдаты. Отказался отъ производства въ офицеры, такъ какъ изъ него вышелъ удивительно хорошій унтеръ-офицеръ и инструкторъ, обучившій уже много волонтеровъ, и т. д.

[1]) Times, june 9, 1915.

пригоднаго для военной службы, пошло уже добровольно въ солдаты, введеніе конскрипціи принесло бы только вредъ" [1]). Конскрипція, введенная во время войны, можетъ принести пользу тогда, когда лишь *меньшинство* населенія, пригоднаго для военной службы, пошло въ волонтеры. Въ Англіи же теперь большинство пошло добровольцами. Такимъ образомъ, по мнѣнію Беллока, введеніе конскрипціи *теперь* не желательно съ военной точки зрѣнія.

Daily Chronicle указываетъ на существованіе въ Англіи двухъ школъ по отношенію къ конскрипціи. Одна желаетъ ввести „національную службу" въ арміи, тогда какъ другая мечтаетъ о „конскрипціи" на заводахъ и въ мастерскихъ. „Сторонники обязательной военной службы не могутъ привести данныхъ, доказывающихъ, что добровольная система потерпѣла крушеніе,—говоритъ газета.—Напротивъ, всѣ факты, приводимые военными авторитетами, доказываютъ, что притокъ волонтеровъ нисколько не уменьшается". Такимъ образомъ конскрипція совершенно безполезна, а между тѣмъ противъ нея подавляющее большинство англійскаго общества. „Сторонники конскрипціи — продолжаетъ Daily Chronicle—глубоко заблуждаются, полагая, что взглядъ массъ въ Англіи на конскрипцію измѣнился. Британскіе рабочіе вполнѣ согласны, что намъ необходима громадная армія для побѣды надъ Германіей. Они сотнями тысячъ записались въ солдаты; но у нихъ теперь еще меньше, чѣмъ раньше, симпатіи къ принудительному принципу. Англичанинъ дѣлаетъ охотно то, что считаетъ необходимымъ для родины, но онъ не выноситъ, чтобы его „гнали". Теперь больше, чѣмъ когда-либо, англійскій рабочій относится крайне подозрительно къ милитаризму". Что же касается „національной службы" на заводахъ, то газета считаетъ ее совершенно неосуществимой. „Во многихъ отношеніяхъ—продолжаетъ Daily Chronicle — наши рабочіе лучшіе въ мірѣ; но больше всего они цѣнятъ личную независимость. Настоящій моментъ менѣе всего удобенъ для введенія на заводахъ крѣпостного состоянія въ какой бы то ни было формѣ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Сторонники конскрипціи твердо должны помнить, что мы демократія и что свобода намъ необходима, какъ воздухъ. Вотъ почему надо оставить методы, которые годились бы, быть можетъ, при наличности у насъ другихъ общественныхъ учрежденій и при иномъ національномъ характерѣ".

„Зачѣмъ Англіи конскрипція?"—спрашиваетъ консервативный Observer и указываетъ на слѣдующіе „неоспоримые" факты. Въ началѣ войны лордъ Китченеръ вызвалъ милліонъ добровольцевъ. Они откликнулись такъ неожиданно скоро, что военное министерство

[1]) „The Military arguments for and agornst conscription", Land and Water, june 5, 1915. Стр. 6—11.

повысило требованія относительно роста и объема груди волонтеровъ. Милліонная армія была быстро навербована. Затѣмъ Китченеръ вызвалъ второй милліонъ волонтеровъ и получилъ эту армію. Судя по словамъ Ллойдъ-Джорджа, притокъ волонтеровъ былъ такъ силенъ, что военное министерство не успѣвало приготовить для нихъ аммуницію. Теперь лордъ Китченеръ объявилъ, что ему нужна армія еще въ 300.000. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для утвержденія, что вербовка идетъ плохо. Напротивъ, лордъ Китченеръ не разъ заявлялъ, что добровольная система вербовки дала блестящіе результаты. Только недавно еще было указано, что еженедѣльно записываются до 20 тысячъ волонтеровъ. Новая британская армія, какъ отмѣчается всѣми, превосходна по духу, по храбрости и по выносливости. И это вполнѣ понятно, такъ какъ въ солдаты идутъ самые храбрые и наиболѣе патріотически настроенные. „Обратили ли вы вниманіе—продолжаетъ газета—на разные отчеты о поведеніи непріятеля на полѣ сраженія? Повидимому, наши солдаты имѣютъ теперь передъ собою армію, состоящую изъ двухъ противоположныхъ элементовъ. Одинъ, составляющій большинство, сражается съ поразительнымъ мужествомъ. Передъ нами смѣлые солдаты и горячіе патріоты. Но рядомъ съ этими нѣмецкими солдатами есть совершенно иные. Эти бросаютъ на землю оружіе, поднимаютъ руки, просятъ о пощадѣ и охотно сдаются въ плѣнъ. Можетъ ли быть иначе при обязательной системѣ, которая отправляетъ на фронтъ какъ храбрыхъ, такъ и трусовъ, какъ патріотовъ, такъ и людей, думающихъ только о своей шкурѣ? Британская армія, состоящая изъ волонтеровъ, заключаетъ солдатъ только одного типа, — продолжаетъ Observer.—Наши солдаты не бросаютъ на землю оружія и не поднимаютъ руки вверхъ. Они сражаются, какъ это показали канадцы, до послѣдняго патрона. Они сдаются въ плѣнъ лишь тогда, когда окружены со всѣхъ сторонъ и когда дальнѣйшее сопротивленіе становится совершенно невозможнымъ. Составъ британской арміи однороденъ по характеру солдатъ. Она состоитъ теперь изъ лучшихъ солдатъ въ мірѣ. Вмѣстѣ съ конскрипціей — продолжаетъ Observer — въ британской арміи появится тоже два типа солдатъ. Она выиграетъ въ количественномъ отношеніи, но потеряетъ въ качественномъ. Потеря, во всякомъ случаѣ, превзойдетъ выигрышъ. Англію совершенно невозможно превратить въ *постоянный* военный лагерь, какъ мечтаютъ конскрипціонисты. Только при добровольной системѣ вербовки Англія найдетъ достаточное число солдатъ, чтобы закончить эту войну побѣдой".

Крайне любопытную статью „Внутренніе нѣмцы" мы находимъ въ „Freeman's Journal", являющемся теперь органомъ не только ирландскихъ націоналистовъ (т. е. гомрулеровъ), но, въ извѣстной степени, и англійскихъ радикаловъ. Дублинская газета доказываетъ, что борьба съ Германіей для Великобританіи

является войной за свободу, а потому ее должны вести „не рекруты, а свободные люди". Газета горячо поддерживаетъ Рэдмонда, убѣждающаго католиковъ-націоналистовъ идти въ волонтеры, но энергично протестуетъ противъ введенія конскрипціи. По словамъ „Freeman's Journal, конскрипція будетъ означать милитаризмъ, т. е. именно то, противъ чего сражаются теперь англійскіе, ирландскіе, шотландскіе, канадскіе и австралійскіе волонтеры. Конскрипція въ Англіи будетъ, по мнѣнію газеты, означать возвращеніе къ „кромвелевскому режиму", т. е. „власть надъ населеніемъ будетъ передана генералъ-майорамъ". Еще болѣе рѣзкое выступленіе противъ конскрипціи мы находимъ въ „Меморандумѣ", составленномъ по порученію трэдъ-юніоновъ Эпльтономъ. „Британская армія составлена теперь изъ людей, обладающихъ первымъ и самымъ существеннымъ качествомъ солдата: желаніемъ служить. Армія, составленная такимъ образомъ, обладаетъ бо̀льшими боевыми качествами, чѣмъ армія, составныя единицы которой обязаны служить". Эпльтонъ указываетъ дальше, что и лордъ Китченеръ, и Черчиль высказались противъ конскрипціи; затѣмъ говоритъ, что хотя англійскіе рабочіе всѣми силами будутъ добиваться побѣды надъ Германіей, но они абсолютно противъ принудительнаго принципа. Принципъ этотъ, по мнѣнію другого автора, выпустившаго брошюру „Conscription and Voluntary Service", „поведетъ къ радикальной перемѣнѣ не только въ британской конституціи, но и въ британскомъ характерѣ. Британская имперія напрягаетъ теперь всѣ усилія, чтобы разсѣять по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ прусскій милитаризмъ, являющійся угрозой для всѣхъ странъ въ Европѣ. Позаботимся же о томъ, чтобы англичанамъ не былъ привитъ теперь тотъ самый милитаризмъ, который мы съ такими громадными жертвами стараемся разгромить",—говоритъ авторъ брошюры. „Знакомые съ англійской исторіей—продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ — помнятъ, какъ долго боролись наши предки противъ того, чтобы абсолютный контроль надъ арміей находился въ рукахъ королей, и противъ привитія народу духа милитаризма. Британская имперія создана по иниціативѣ индивидуумовъ, располагавшихъ очень малою военною силою. Принципъ принужденія вообще противенъ духу англійскаго народа. Міровая имперія, какъ Британская, раскинувшаяся по всѣмъ континентамъ, можетъ существовать только до тѣхъ поръ, покуда каждый гражданинъ готовъ *по своей волѣ* поддержать ее". Авторъ дальше указываетъ, что никто изъ стоящихъ за конскрипцію не можетъ ссылаться на крушеніе добровольной системы. Военное министерство въ Англіи получило столько волонтеровъ, сколько оно вызывало.

Въ защиту добровольной системы и противъ конскрипціи выступалъ также лордъ Дайзэртъ, предложившій сторонникамъ послѣдней двадцать шесть вопросовъ. Всѣ они крайне любопытны и характерны для той страны, въ которой появились.

но я приведу только нѣкоторые вопросы. „Станетъ ли кто-нибудь серьезно утверждать, что человѣкъ, дѣлающій по принужденію, равенъ человѣку, берущемуся за что-нибудь по своей доброй волѣ? Гербертъ Спенсеръ опредѣляетъ рабство, какъ принужденіе работать даромъ или за недостаточную и произвольно назначенную сумму... Кто, кромѣ меня самого, можетъ опредѣлить, годенъ ли я на службу или нѣтъ? Можетъ ли правительственный чиновникъ въ пять минутъ опредѣлить состояніе, для открытія котораго мнѣ понадобилось тридцать лѣтъ? Другими словами, долженъ ли будетъ индивидуумъ, призванный на службу, доказывать свою неспособность служить или, напротивъ, станетъ ли докторъ, назначенный отъ правительства, доказывать, что призываемый годенъ на службу? Станутъ ли консерваторы отрицать, что введеніемъ національной службы на заводахъ они хотятъ уничтожить стачки? Правда ли, что защитниками національной службы являются, по преимуществу, потомки феодаловъ, владѣвшихъ вассалами? Есть ли гарантіи, что съ арміей, составленной изъ солдатъ по набору, будутъ обращаться такъ же хорошо, какъ съ арміей, состоящей изъ волонтеровъ? Не явится ли послѣдствіемъ конскрипціи усиленная эмиграція въ Америку? Не будутъ ли тогда богатые и независимые люди жить, по преимуществу, за границей, чтобы избавиться отъ солдатчины? А если такъ, то не будетъ ли это означать, что бѣдные поставлены въ иныя, худшія условія, чѣмъ богатые?“ Лордъ Дайзэрнъ въ своихъ двадцати шести вопросахъ затрагиваетъ и еще одинъ очень любопытный пунктъ. Когда сторонники конскрипціи говорятъ не для публики, а приватно, „по душамъ“, они выдвигаютъ впередъ такой аргументъ: „Конскрипціонная армія *дешевле* добровольной. Англійскій волонтеръ получаетъ въ день не менѣе 1 ш. 2 пенсовъ, да еще надо платить его семьѣ, тогда какъ рекрутъ получалъ бы 1—2 пенса въ день. Чѣмъ больше приходится платить солдатамъ, *тѣмъ выше подоходный налогъ*“.

IV.

Перейдемъ теперь въ частности къ „національной службѣ“ на заводахъ. Сперва въ газетахъ, отстаивающихъ ее, т. е., главнымъ образомъ, въ Times, въ Daily Mail и въ Morning Post, шелъ предварительный „обстрѣлъ“. Газеты изо дня въ день ужасались и пьянству англійскихъ рабочихъ, и ихъ готовности устраивать стачки тогда, когда государству необходима „каждая унція живого матеріала“. Чтобы разорвать барьеръ, устроенный непріятелемъ отъ Швейцаріи до Сѣвернаго моря, союзникамъ необходимъ безконечный запасъ бомбъ. „Необходимъ новый всемірный потопъ,—сказалъ Ллойдъ Джорджъ въ Ливерпулѣ.—Необходимо, чтобы дождь бомбъ лилъ безпрерывно сорокъ дней и

сорокъ ночей на нѣмцевъ". Форсированная работа на оружейныхъ заводахъ, по мнѣнію „конскрипціонистовъ", можетъ явиться послѣдствіемъ только „національной службы", т. е. тогда, когда государство сможетъ *посылать* на заводъ рабочихъ. Въ защиту „національной работы" на заводахъ выступили многіе, въ томъ числѣ лордъ Мильнеръ и гостящій теперь въ Англіи епископъ преторійскій (Юж. Африка). Лѣтъ десять тому назадъ, когда въ Англіи шла борьба по поводу ввоза китайскихъ кули въ Южную Африку, этотъ же епископъ выступилъ въ защиту такого ввоза. „Истинные мотивы такъ называемой національной службы на заводахъ скрыты,—говоритъ Nation.—Намъ говорятъ, что рабочихъ будутъ переводить, по мѣрѣ государственной надобности, изъ одной фабрики въ другую... Предположимъ однако, что рабочій запротестуетъ противъ перевода его съ береговъ Тайна на берегъ Клайда. Предположимъ также, что трэдъ-юніонъ, къ которому принадлежитъ рабочій, поддержитъ своего сочлена. Повидимому, конскрипціонисты, въ такомъ случаѣ, предложатъ для разрѣшенія вопроса законы военнаго времени. Эти законы должны также предписать дисциплину и размѣры заработной платы. Задавалъ ли себѣ кто-нибудь вопросъ, какъ все это будетъ введено въ Англіи?—продолжаетъ Nation.—Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ ввести революцію въ жизни англійскихъ рабочихъ? Неужели кто-нибудь серьезно думаетъ, что такая реформа можетъ быть осуществлена въ Англіи безъ бунтовъ? Рабочій, безъ всякаго сомнѣнія, захочетъ знать, кому выгодна его „національная служба": государству ли или мистеру Смиту, которому заводъ принадлежитъ. Рабочій скажетъ: „мой форсированный трудъ приноситъ громадную прибыль. Я не хочу, чтобы она шла мистеру Смиту. Пусть она достанется государству. Другими словами, если государство національизируетъ мой трудъ, то пусть же оно сдѣлаетъ то же самое по отношенію къ заводу мистера Смита: пусть онъ тоже будетъ національизированъ". Журналъ указываетъ, что нѣтъ достаточнаго основанія для введенія національной службы на заводахъ. Такая мѣра, еслибы даже она была принята коалиціоннымъ министерствомъ, привела бы Англію на край пропасти. По мнѣнію Nation, министерство не имѣетъ права вводить такую радикальную мѣру. Британское правительство можетъ произвести самую радикальную ломку всей конституціи, *если уполномочено на то избирателями.* Но коалиціонный кабинетъ не имѣетъ этихъ полномочій, „такъ какъ они сами выбирали себя и сами себя назначили". „Пусть же кабинетъ не заронитъ въ рабочихъ подозрѣніе, что онъ собирается воевать не съ Германіей, а съ ними" [1]). „Знающіе положеніе дѣлъ сразу поймутъ, какую опасность представляютъ всѣ толки про національную службу на заводахъ —про-

---

[1]) Nation, june 5, 1915, стр. 309.

должаетъ въ другомъ мѣстѣ этотъ вліятельный журналъ, отражающій взгляды и настроенія англійскихъ радикаловъ.—Кто будетъ убѣждать рабочаго Смита, всю жизнь боровшагося съ предпринимателемъ Джонесомъ, что отнынѣ онъ, рабочій, долженъ безпрекословно слушаться хозяина, какъ будто бы послѣдній представляетъ собою всю націю? Сто лѣтъ тому назадъ именно это говорилъ рабочимъ Питтъ; но *теперь* англійскіе рабочіе *не повѣрятъ* подобнымъ рѣчамъ". Журналъ доказываетъ, что, если желаютъ ввести національную службу на заводахъ, надо начать съ другого конца. Пусть заводчикъ станетъ слугой государства. Пусть будетъ устраненъ вопросъ о личной выгодѣ и о громадной прибыли, получаемой заводчиками во время войны. Вопросъ этотъ волнуетъ рабочаго. Съ какой стати заводчики, изготовляющіе пушки, снаряды или сукно для солдатскихъ мундировъ, должны богатѣть теперь на счетъ націи? Если нельзя національзировать заводовъ, то государство обязано сократить прибыль. Конечно, осуществить это трудно, но возможно.

Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Правительство сдаетъ заказы подрядчикамъ, которые въ свою очередь сдаютъ посредникамъ, а эти сдаютъ еще кому-нибудь. Въ результатѣ—громадные расходы и всѣ ужасы „потогонной системы". До тѣхъ поръ, покуда эта система существуетъ, до тѣхъ поръ, покуда предприниматели наживаютъ на заказахъ для военнаго министерства колоссальныя суммы,—безполезно обращаться къ англійскимъ рабочимъ. Безполезно убѣждать ихъ, что они изъ патріотизма должны забыть про промышленную борьбу. Рабочіе готовы жертвовать для *націи* всѣмъ. Они доказали уже свой патріотизмъ; но они абсолютно не хотятъ, чтобы ихъ жертвы обогащали предпринимателей [1]).

Въ своемъ упомянутомъ выше меморандумѣ Эпльтонъ указываетъ, что напрасно вообще на рабочихъ сваливаютъ несовершенства въ промышленной организаціи. Въ концѣ концовъ рабочіе имѣютъ дѣло только съ сырымъ матеріаломъ, а не съ устройствомъ производства. Изучай предприниматели самый важный факторъ въ производствѣ цѣнностей, т. е. рабочую силу, такъ же внимательно, какъ денежный рынокъ или какъ свойства разныхъ матеріаловъ, не было бы теперь никакого вопля,—говоритъ Эпльтонъ. „Тѣ, которые требуютъ теперь національной службы, жестоки и несправедливы. Нѣкоторые изъ насъ, рабочихъ, слишкомъ стары, чтобы пойти въ волонтеры; но за то мы не пробовали даже останавливать дорогихъ намъ лицъ, когда тѣ покинули свои повседневныя занятія и пошли въ солдаты, чтобы принять участіе въ защитѣ имперіи, — продолжаетъ Эпльтонъ.— Мой сынъ служитъ теперь вмѣстѣ съ новозеландскими во-

---

[1]) Ib., стр. 312.

лонтерами. Два моихъ младшихъ брата пошли въ Китченеровскую армію. Что касается племянниковъ, двоюродныхъ братьевъ и свояковъ, то у меня ихъ въ арміи теперь столько, что изъ нихъ можно было бы составить почти цѣлую роту. Во всякомъ случаѣ ихъ было столько, покуда смерть не потребовала свою долю. Такихъ старыхъ рабочихъ, какъ я, сыновья которыя пошли спасать имперію,—тысячи. Мы гордились нашими дѣтьми, которыя, хотя могли бы остаться дома, такъ какъ они свободны въ выборѣ, пошли тѣмъ не менѣе на войну. Вотъ почему мы всѣ будемъ бороться противъ конскрипціи, т. е. противъ покушенія на свободу, защищая которую пали дорогія намъ лица. Наши дѣти пошли на войну, чтобы сохранить для будущихъ поколѣній ту свободу, которой сами наслаждались. Кампанія въ пользу принудительной службы, какъ въ арміи, такъ и на заводахъ, наполнила уже многимъ головы мутью. Пора положить конецъ всему этому. Пусть король, подававшій во время этого кризиса примѣръ старанія для родины, скажетъ: „Народъ мой! Подобно вамъ, я горжусь тѣмъ, что мы свободны, и тѣмъ, что, въ годину величайшихъ испытаній, мы всѣ принесли жертвы добровольно, какъ приличествуетъ свободнымъ людямъ, а не по принужденію, какъ рабы. Службу, деньги и жизнь, необходимыя для защиты нашихъ очаговъ и нашей цивилизаціи, вы приносите добровольно, отъ чистаго сердца. Большаго я не буду требовать отъ васъ. Я не хочу принужденія, ибо знаю, что вы, какъ свободные люди, сами сдѣлаете все необходимое для побѣды надъ врагомъ“.

Какъ только послѣ перерыва собрался парламентъ, независимые коммонеры рѣшительно высказались противъ принудительнаго принципа. Такъ какъ вождь ирландскихъ націоналистовъ отказался вступить въ коалиціонное министерство, то онъ и товарищи его являются теперь руководителями оппозиціи. И когда одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей ирландской партіи, Диллонъ, „потребовалъ отъ министерства гарантіи, что рабочіе не будутъ отданы подъ военное диктаторство“, то это вызвало громкіе аплодисменты со стороны не только рабочихъ, но и многихъ коммонеровъ. „Будемъ осторожнѣе!—воскликнулъ Диллонъ.— Борясь съ пруссачествомъ (prussanism) въ Европѣ, не станемъ насаждать его у себя!“ Затѣмъ поднялся старый коммонеръ—рабочій Круксъ, представляющій уже много лѣтъ въ парламентѣ одинъ и тотъ же округъ въ восточномъ Лондонѣ. Бочаръ Круксъ не измѣнилъ образа своей жизни тогда, когда его избрали мэромъ. Репортеры, явившіеся тогда „интервьюировать“ новаго мэра, нашли, что жена его развѣшиваетъ только что выстиранное бѣлье, а сыновья ушли въ мастерскую (они—бочары, какъ и отецъ). Круксъ—рабочій, гордящійся своимъ классомъ, абсолютно независимый. Существуетъ много анекдотовъ про то, какъ старый бочаръ встрѣчалъ короля Эдуарда VII. Круксъ — горячій

патріотъ. Его сыновья пошли въ волонтеры. Старый бочаръ постоянно выступаетъ въ своемъ округѣ на митингахъ, убѣждая рабочихъ идти въ волонтеры. И вотъ Круксъ, вслѣдъ за Диллономъ, заявилъ, что англійскіе рабочіе сдѣлаютъ все для родины. Они рады будутъ, если имъ укажутъ, что надо дѣлать, но они рѣшительно протестуютъ противъ принужденія и противъ того, „чтобы ихъ гнали въ шею". Къ Круксу присоединился бывшій министръ (Гобгаузъ), заявившій, что правительство „фатально обманетъ ожиданія страны, если введетъ принципъ обязательной службы, совершенно чуждый англійскому народу".

Отмѣчу, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Вопросъ о національной службѣ ставится нѣкоторыми такъ, что защитники ея чувствуютъ смущеніе. Указывается, что каждая реформа должна быть доведена до логическаго конца. Гдѣ же тутъ логическій конецъ, въ національной службѣ?—спрашиваютъ нѣкоторые. „Повидимому, сторонники конскрипціи забываютъ, что рабочіе классы въ Англіи вполнѣ доказали уже свою лойяльность и готовность жертвовать для родины,—пишетъ извѣстный общественный дѣятель, священникъ Скоттъ-Холлэндъ.—Сотни тысячъ рабочихъ записались въ Китченеровскую армію. Вмѣстѣ съ волонтерами изъ другихъ классовъ они составили армію, равной которой не было въ лѣтописяхъ Англіи... Рабочіе, внѣ сомнѣній, охотно принесутъ еще жертвы, но только надо ставить вопросъ прямо, ясно и откровенно Правительственный контроль надъ рабочими на фабрикахъ и „національная служба" на заводахъ не могутъ быть введены, если у пролетаріата существуетъ хоть малѣйшее подозрѣніе, что его работа будетъ обогащать частныхъ предпринимателей. Въ этомъ именно заключается вся сущность вопроса. Если мы желаемъ мобилизовать промышленность, то надо ее *всю* національзировать Нельзя обобществить одну отрасль промышленности, оставивъ другія въ рукахъ частныхъ предпринимателей, какъ прежде. Рабочіе охотно готовы служить *націи*, но имъ надо дать гарантію, что ихъ форсированный трудъ не поведетъ къ обогащенію индивидуумовъ. О такой ли національной службѣ думаютъ защитники конскрипціи? Готовы ли они идти до логическаго конца?" [1]).

Другой общественный дѣятель тоже спрашиваетъ въ Westminster Gazette: гдѣ логическій конецъ національной службы? „Почему не принудительный принципъ въ доходахъ? — иронизируетъ онъ.—Почему не національзировать всѣ доходы, могущіе принести какую-нибудь пользу государству? Почему не національзировать домовъ, земель, капитала и орудій производства? Много частныхъ парковъ могли бы послужить великолѣпнымъ лагеремъ для солдатъ. То же самое можно сказать относительно луговъ и пашенъ. Не лучше ли немедленно организовать все это для пользы государства?..

[1]) Times, june 2, 1915.

Почему не національзировать также немедленно всѣ кабаки, пивоварни и винокуренные заводы? Затѣмъ можно было бы приступить къ угольнымъ шахтамъ, къ верфямъ и докамъ. Надо, чтобы они тоже почувствовали національную службу". Ту же самую мысль, не иронизируя. развиваетъ журналъ супруговъ Веббъ „The New Statesman". Логическимъ послѣдствіемъ обязательной военной службы является обязательная гражданская и общественная служба. Мы вполнѣ согласны съ „конскрипціонистами", что въ современномъ обществѣ не должно быть мѣста для „лѣнтяевъ", для „уклоняющихся отъ службы" и для „трутней". Примутъ ли „конскрипціонисты", какъ аксіому, это утвержденіе? Согласны ли они примѣнить аксіому не только во время войны, но и послѣ ея? Если согласны, то золотой вѣкъ всеобщей національной службы уже не за горами [1]).

V.

Надобности въ примѣненіи принудительнаго принципа въ арміи, какъ мы видѣли, нѣтъ. Граждане абсолютно свободной страны не нуждаются въ принужденіи со стороны государства, чтобы взяться за оружіе для защиты родины. Знакомый мнѣ клеркъ написалъ своему ребенку характерное стихотвореніе наканунѣ того, какъ записался въ волонтеры. Стихотвореніе, быть можетъ, слабо, какъ литературное произведеніе; но оно очень искренно и вѣрно выражаетъ то, что испытываютъ сотни тысячъ волонтеровъ.

„Завтра вы будете искать меня. По обыкновенію, вы радостно позовете меня daddy! (папа) и будете ждать, чтобы я пришелъ играть съ вами. Но я не откликнусь на вашъ зовъ. Я не приду къ вамъ катать мячъ и строить корабликъ".

„Я не увижу васъ, какъ вы спите на рукахъ у матери. Я не увижу, какъ вы, подобно апрѣльской погодѣ, то смѣетесь, то плачете. Мнѣ будетъ такъ тяжело не цѣловать васъ и не прыгать съ вами черезъ веревочку.

„Всѣ эти думы почти парализуютъ мое рѣшеніе служить родинѣ. Но кто же можетъ теперь со спокойной совѣстью сидѣть дома, когда прусскій духъ грозитъ всему тому, что дорого намъ"?

„Можетъ ли называть себя мужчиной тотъ, кто спокойно слушаетъ стоны, доносящіеся изъ завоеванной Бельгіи? Кто не берется за оружіе при вѣсти объ убитыхъ женщинахъ и дѣтяхъ, видя въ опасности свободу своей страны?"

„Good night, my little child, good-night,
Vith you I'd rather be;
But what were life without the light
Of sacred liberty.
Or England's glorious heritage
Beneath a blood and iron rage.

---

[1]) „New Statesman", june 5, стр. 197.

(„Спокойной ночи, дорогое дитя, спокойной ночи! Я охотнѣе остался бы съ вами; но какой смыслъ имѣетъ жизнь безъ священной свободы? Что станетъ съ славнымъ наслѣдіемъ Англіи подъ игомъ крови и желѣза?")

Это стихотвореніе выражаетъ, какъ я сказалъ, настроеніе сотенъ тысячъ волонтеровъ. На улицѣ я часто встрѣчаю мою, сосѣдку. Ея единственный сынъ, восемнадцатилѣтній мальчикъ, пошелъ волонтеромъ. Теперь онъ въ Дарданеллахъ. Весь день у матери проходитъ въ трепетѣ за судьбу единственнаго сына. Когда отецъ приходитъ вечеромъ домой, онъ молчитъ, потому что оба заплакали бы, еслибы заговорили. Мать, конечно, не переживетъ сына, а между тѣмъ ни отецъ, ни мать не пытались даже отговаривать юношу, когда тотъ заявилъ, что оставляетъ университетъ и поступаетъ въ волонтеры. Мать только поблѣднѣла и не сказала ни слова. Отецъ помолчалъ и сказалъ: „Do your duty, my boy!" („Исполняйте вашъ долгъ, мой мальчикъ"). А между тѣмъ мой сосѣдъ—*самый обыкновенный* представитель среднихъ классовъ. Предо мною послѣдній нумеръ журнала, издаваемаго при знаменитой Итонской школѣ. Это самое дорогое и самое аристократическое среднее учебное заведеніе въ Англіи. Цифры, помѣщенныя въ послѣднемъ нумерѣ журнала, свидѣтельствуютъ о томъ, что юноши изъ высшихъ и выше-среднихъ классовъ такъ же охотно, *по доброй волѣ*, откликнулись на зовъ родины, какъ рабочіе и средніе классы. Въ самомъ дѣлѣ, въ арміи и во флотѣ служатъ теперь 2210 воспитанниковъ итонской школы; 320 убиты, 432 воспитанника—ранены. Судя по тому, что 260 бывшихъ воспитанниковъ упомянуты въ официальныхъ депешахъ, можно заключить о доблестной службѣ.

„Зачѣмъ же намъ мѣнять весь характеръ англійской жизни, когда мы имѣемъ передъ собою подобные факты?"—спрашиваютъ противники конскрипціи. „Если нужно нѣкоторое давленіе на молодого человѣка, который колеблется еще, надѣвать ли ему военный мундиръ,—то лучше пусть это сдѣлаетъ окружающая среда, но не государство. Не надо давать „Левіаѳану" новыхъ полномочій надъ индивидуумомъ, которыя онъ потомъ пожелаетъ расширить", Приведу здѣсь одинъ примѣръ „поощренія" молодаго человѣка со стороны окружающей среды. Вотъ одна изъ безчисленныхъ афишъ выпущенныхъ по случаю вербовки. Обращается она къ молодымъ дѣвушкамъ.

„Носитъ ли вашъ возлюбленный мундиръ защитнаго цвѣта?

„Если нѣтъ, то не думаете ли вы, что молодой человѣкъ долженъ былъ бы носить мундиръ?

„Если молодой человѣкъ полагаетъ, что ради родины и васъ не стоитъ сражаться, то достоинъ ли онъ васъ?

„Не жалѣйте дѣвушку, у которой нѣтъ возлюбленнаго. Ея мо-

лодой человѣкъ, вѣроятно, сражается теперь за нее, за родину и за васъ.

„Если вашъ молодой человѣкъ забылъ про свой долгъ къ родинѣ и къ королю, то придетъ день, когда онъ забудетъ и васъ.

„Обдумайте все это и убѣдите молодого человѣка, чтобы онъ сегодня же пошелъ въ волонтеры".

Лордъ Мильнеръ, воспитавшійся на прусскихъ идеалахъ, находитъ такую афишу неумѣстной и почти позорной; но она лучше всего свидѣтельствуетъ о глубокой разницѣ въ психологіи англичанина и германца. Съ одной стороны, у насъ свободный индивидуумъ, а съ другой—автоматъ. Всѣ свидѣтели констатируютъ, что, какъ воины, взятые въ отдѣльности, англійскіе волонтеры лучше германскихъ солдатъ. Да иначе и быть не можетъ. Состояніе британской арміи дѣлаетъ аргументы конскрипціонистовъ совершенно неубѣдительными. Что касается изготовленія боевыхъ снарядовъ, то и тутъ атака „конскрипціонистовъ" была отбита. Всѣ классы согласны, что надо усилить производительность оружейныхъ заводовъ и что всѣ мастерскія по возможности, должны готовить бомбы для „всемірнаго потопа". Но большинство полагаетъ, что все это должно быть организовано, не прибѣгая къ принудительному принципу. Новый министръ военныхъ снарядовъ Ллойдъ-Джорджъ велъ продолжительныя совѣщанія съ представителями трэдъ-юніоновъ, и результатомъ явился билль о мобилизаціи фабрикъ и заводовъ, внесенный теперь въ парламентъ. Основныя черты его таковы.

1. Принципъ обязательности исключенъ. На заводахъ по отношенію къ рабочимъ не будетъ введенъ военный законъ и они не подлежатъ военной дисциплинѣ.

2. Трэдъ-юніонистскія правила о томъ, что не квалифицированные рабочіе, не принадлежащіе къ профессіональному союзу, не должны работать на заводахъ вмѣстѣ съ трэдъ-юніонистами, временно отмѣняются. Такимъ же образомъ временно отмѣняются правила профессіональныхъ союзовъ относительно женскаго труда и рабочихъ часовъ.

3. Стачки и локауты воспрещаются. Всѣ возникающія недоразумѣнія разрѣшаются примирительной камерой, приговоръ которой носитъ обязательный характеръ.

4. Министерство военныхъ снарядовъ имѣетъ право брать любой заводъ, изготовляющій бомбы и патроны подъ непосредственный контроль (controlled establishments). На такихъ заводахъ прибыль владѣльцевъ будетъ ограничена.

5. Члены профессіональныхъ союзовъ записываются волонтерами, чтобы работать на заводахъ, взятыхъ правительствомъ подъ непосредственный контроль. Волонтеры подписываютъ обязательство на шесть мѣсяцевъ. Втеченіе этого срока рабочіе-добровольцы могутъ быть отправлены на любой заводъ въ зависимости отъ требованій момента.

6. Учреждается спеціальный судъ (munitions Court), который будетъ разсматривать: a) проступки обыкновенныхъ рабочихъ (не волонтеровъ), умышленное нерадѣніе и плохую работу, обусловленную пьянствомъ и b) нарушенія обязательства, подписаннаго волонтерами. Судъ этотъ состоитъ изъ предсѣдателя, назначеннаго министромъ военныхъ снарядовъ, и ассесоровъ, избранныхъ предпринимателями и рабочими. Онъ имѣетъ право налагать штрафы до трехъ фунт. ст. Рѣшеніе этого суда носитъ окончательный характеръ.

7. Билль имѣетъ силу только до окончанія войны. Всѣ прежніе законы относительно профессіональныхъ союзовъ вступаютъ снова въ силу съ момента подписанія мира.

Ма видимъ, что новый законъ даетъ трэдъ-юніонамъ права средневѣковыхъ гильдій. Трэдъ-юніоны трэбовали, чтобы прибыль, получаемая владѣльцами заводовъ, взятыхъ подъ правительственный контроль, была сокращена. Эта уступка сдѣлана правительствомъ. Критики законопроекта полагаютъ однако, что прибыль эта въ значительной степени неуловима и что предприниматели всегда имѣютъ возможность скрыть ее путемъ бухгалтерскихъ манипуляцій. Для подтвержденія критики ссылаются на газовые заводы, получающіе бо̀льшую прибыль, чѣмъ та, которая указана закономъ.

VI.

Такимъ образомъ, вмѣсто національной службы, на заводахъ, изготовляющихъ военные снаряды, вводится тотъ же принципъ волонтерства, какъ и въ арміи. Правительство обратилось къ патріотизму рабочихъ и тѣ откликнулись немедленно. Кромѣ той организаціи, которая выражена приведеннымъ законопроектомъ, въ Англіи возникъ теперь рядъ добровольческихъ комитетовъ, имѣющихъ цѣлью дать арсеналамъ не совсѣмъ обычныхъ рабочихъ. Комитеты эти обратились къ обывателямъ, занятымъ всю недѣлю, съ просьбой, чтобы они отдали націи нѣсколько часовъ своего отдыха. Немедленно откликнулись тысячи. Они распредѣлены на группы, которыя работаютъ въ арсеналахъ всю ночь съ субботы на воскресенье или все воскресенье отъ 8 ч. утра до 8 часовъ вечера. Вотъ замѣтка, которую я нашелъ въ Manchester Guardian. „Завтра, 20 іюня, въ Вуличскій арсеналъ отправляется вторая группа добровольцевъ, посланная Voluntier Munutions Brigade. Она будетъ работать двѣнадцать часовъ. Чрезвычайный успѣхъ этого предпріятія ростетъ. Теперь болѣе 5.000 человѣкъ предложили свои услуги. По преимуществу, все это люди, занятые въ Сити: банкиры, служащіе въ банкахъ, биржевики, лавочники и т. д. Покуда волонтеры отправляются на работу группами въ пятьдесятъ человѣкъ, но скоро найдена будетъ возможность посы-

лать бóльшія партіи. Особенное рвеніе „сдѣлать что-нибудь" проявляютъ члены биржи и „Ллойда". Въ завтрашней группѣ добровольцевъ-рабочихъ имѣются два члена парламента и одинъ лордъ. Нѣкоторые добровольцы—инженеры, которымъ поэтому сразу поручаютъ отвѣтственную работу. Остальные добровольцы выполняютъ работу, поручаемую обыкновенно женщинамъ и подросткамъ. Всѣ добровольцы проявляютъ необыкновенное усердіе и стараніе. Большею частью это люди, никогда не занимавшіеся ручнымъ трудомъ. Въ Вуличскій арсеналъ они отправляются на работу въ старыхъ фланелевыхъ костюмахъ, съ завтраками въ чемоданчикахъ. Имъ доставляетъ великое удовольствіе, когда профессіональные рабочіе обращаются къ нимъ со словомъ „mate" (товарищъ). Профессіональные рабочіе, хотя нѣсколько подтруниваютъ надъ неожиданными товарищами, но относятся къ нимъ очень добродушно и ласково" [1]). Добровольцы, надо прибавить, работаютъ даромъ.

Переживаемый теперь моментъ въ высшей степени серьезенъ; но Англія справится съ трудной задачей, причемъ, по всей вѣроятности, странѣ не придется мѣнять основныхъ взглядовъ ея на отношенія государства къ индивидууму. Для такой ломки нѣтъ покуда основанія. New Statesman вѣрно указалъ, что англійское общество серьезно и спокойно смотритъ на будущее. Оно вѣритъ, что спасетъ родину, не прибѣгая къ континентальнымъ реформамъ, чуждымъ характеру англійскаго народа. „За исключеніемъ газетной улицы Флитъ-стритъ, поведеніе Великобританіи съ самаго начала войны было великолѣпно. Никогда раньше, передъ лицомъ великой опасности, Англія не была такъ объединена, такъ спокойна и такъ готова на всякую жертву, какъ теперь,—говоритъ журналъ супруговъ Веббъ.—Она поступаетъ такимъ образомъ, не смотря на вопли маленькихъ пророковъ, все время поносящихъ ее, хотя она, вмѣстѣ съ другими, старается спасти свободу Европы. Англія сражается съ нѣмцами. Маленькіе пророки поносятъ ее за то, что она не громитъ нѣмецкихъ булочниковъ и колбасниковъ, живущихъ у насъ. Англія сражается съ нѣмцами. Маленькіе пророки поносятъ ее за то, что она не вводитъ принципа принужденія, а нашла почти три милліона гражданъ, взявшихся за оружіе по своей волѣ. Англія сражается съ нѣмцами. Маленькіе пророки поносятъ ее за то, что она не уничтожаетъ немедленно всю промышленную систему, при помощи которой рабочіе, ихъ жены и дѣти выбрались изъ состоянія, еще худшаго, чѣмъ крѣпостное. Поведеніе Англіи во время этой войны будетъ долго воспѣваться поэтами и будетъ восхищать историковъ, покуда живъ нашъ языкъ. А между тѣмъ отъ газетъ, охваченныхъ паникой, Англія слышитъ только постоянныя придирки и безконечную проповѣдь. Послушай

[1]) „Manchester Guardian", june 19, 1915.

Англія этихъ маленькихъ пророковъ, она давно уже превратилась бы въ станъ безумныхъ воющихъ дервишей. А между тѣмъ она представляетъ собою объединенную страну, твердо рѣшившую сражаться до тѣхъ поръ, покуда Германія не откажется отъ чудовищныхъ притязаній на міровое владычество“ [1]).

Эта война потребовала уже много великихъ жертвъ и потребуетъ ихъ еще больше. Милліоны матерей и женъ будутъ долго оплакивать своихъ дѣтей и мужей. Милліоны калѣкъ напомнятъ подростающему поколѣнію про ужасы „третьяго. Армагеддона“. Пройдутъ годы, покуда залечатся только тѣ глубокіе рубцы-траншеи, которыми воюющіе покрыли землю отъ Ламанша до Швейцаріи и отъ Вогезъ до равнинъ Польши. Сотни новыхъ убѣжищъ будутъ выстроены для несчастныхъ, потерявшихъ разсудокъ подъ вліяніемъ ужасовъ войны. Война потребуетъ ужасно много жертвъ; но Англія готова *добровольно* нести ихъ. Мнѣ припоминается одно мѣсто у Аріосто. Астольфо отправляется на луну и посѣщаетъ долину, „сжатую двумя горами“, „fra due montagna stretto“, гдѣ свалено все, потерянное на землѣ. Тутъ красота женщинъ, слезы и вздохи возлюбленныхъ, слава, уничтоженная временемъ и представляющая собою самую большую кучу отбросовъ.

Molta fama è là su; che come tarlo,
Il tempo à lungo andar quà giu divora.

Тутъ же валяются пустые пузыри, представляющіе собою погибшія имперіи и могущество ихъ. Если Астольфо придется снова посѣтить лунную долину отбросовъ, онъ не найдетъ тамъ „пустого пузыря“, представлявшаго на землѣ главную силу Англіи: почти безграничную свободу индивидуумовъ.

Діонео.

Противорѣчія войны.

I.

Можно ли представить себѣ человѣка одновременно богатымъ и бѣднымъ, радикальнымъ и сугубо реакціоннымъ, патріотомъ и измѣнникомъ, воинственнымъ и трусливымъ? А между тѣмъ война рождаетъ такія противорѣчія на каждомъ шагу. Въ одномъ и томъ же классѣ или слоѣ общества, въ одномъ и томъ же явленіи наблюдаются самыя противорѣчивыя черты, словно нарочно война спутала, смѣшала все и вся, гдѣ братъ не узнаетъ брата, а вчерашніе враги превращаются въ близкихъ друзей. На нѣкоторыхъ такихъ

---

[1]) „New Statesman“. A Sermon against Sermons, june 19, 1915. Стр. 246—247.

противорѣчіяхъ мнѣ бы хотѣлось остановиться,—главнымъ образомъ, изъ области экономическихъ отношеній.

Всѣ мы знаемъ, что такое экономическій кризисъ: производство сокращается, цѣны падаютъ, кредитъ сводится до минимума, предпринимательская прибыль часто смѣняется чистымъ убыткомъ, безработица ростетъ и достигаетъ крупныхъ размѣровъ. Но попробуйте опредѣлить, каково положеніе индустріи теперь въ Германіи, странѣ наиболѣе терпящей отъ войны? Вы натолкнетесь на чрезвычайно курьезное сочетаніе самыхъ невѣроятныхъ явленій: расцвѣтъ и кризисъ невиданныхъ размѣровъ, гигантскія прибыли и столь же гигантскіе убытки, безработица и недостатокъ рабочихъ рукъ, неслыханное обиліе денегъ и невозможность найти кредитъ и т. д., и т. д. Все это вычурно сочетается въ одномъ и томъ же хозяйственномъ организмѣ, обнаруживая цѣлый рядъ новыхъ явленій въ капитализмѣ, явленій, съ которыми, думается, небезынтересно будетъ ближе познакомиться.

Теорія учитъ насъ: если хочешь понять общее состояніе промышленности высоко развитыхъ странъ, обратись къ углю и къ желѣзу, этимъ фундаментамъ современнаго капитализма. По нимъ, какъ по барометру, очень точно можно узнать конъюнктуру. Обращаемся къ барометру. Сперва чугунъ. Преднамѣренно не буду брать первыхъ мѣсяцевъ войны, ограничусь январемъ-апрѣлемъ нынѣшняго года, когда паника совершенно улеглась и нѣмецкая печать изо дня въ день говоритъ о непрерывно улучшающемся состояніи рынка. За 4 мѣсяца выплавлено чугуна тысячъ тоннъ (по 61 пуду)

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
январь-апрѣль	4.216	4.080	4.090	4.720	5.106	5.587	6.323	6.149	3.555

Уменьшеніе противъ прошлаго года... на 42 процента! Какъ будто пронесся ураганъ и отбросилъ германскую промышленность далеко назадъ, лѣтъ на десять. Значеніе такого паденія станетъ еще яснѣе изъ сопоставленія съ предыдущими кризисами,—напримѣръ, съ кризисомъ 1908 г., считавшимся до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Но и настоящая цифра 42%—явилась результатомъ длиннаго тяжелаго процесса: въ августѣ и сентябрѣ выплавка чугуна упала на 63%, потомъ улучшилась до 50% и только весною сокращеніе производства дошло до 40%, имѣя, повидимому, всѣ шансы дальше не улучшаться. Судя по этимъ даннымъ, война принесла Германіи кризисъ невѣроятной силы и невиданной продолжительности.

Не многимъ лучше обстоятъ дѣла съ углемъ. По даннымъ рейнско-вестфальскаго синдиката, опредѣляющаго и регулирующаго всю угольную промышленность въ Германіи, ежедневная добыча въ тысячахъ тоннъ у этого синдиката составляла:

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Январь	239	247	294	245	194
Февраль	241	262	288	248	187
Мартъ	225	193	286	227	184
Апрѣль	237	258	280	264	195

Нынѣшняя выработка меньше прошлогодней по мѣсяцамъ на 19—25 процентовъ. Но тутъ, кромѣ того, присоединяются еще два момента. Во-первыхъ, прошлый годъ былъ уже началомъ депрессіи; при сравненіи съ 1913 г. паденіе будетъ еще больше, до 35%. Во-вторыхъ, совершенно прекратился ввозъ угля, игравшій видную роль въ приморскихъ городахъ Германіи, и, стало быть, сокращеніе топлива фактически еще болѣе велико, чѣмъ показываютъ эти данныя. Характерно слѣдующее сопоставленіе. Столь же низкую цифру добычи мы имѣемъ только въ мартѣ 1912 г. Но это было время всеобщей забастовки рурскихъ углекоповъ, когда прекратили работу сотни тысячъ шахтеровъ, примыкающихъ къ свободнымъ профессіональнымъ союзамъ, и заняты были только штрейкбрехеры и члены католическихъ союзовъ, не принимавшихъ участія въ стачкѣ.

Тогдашняя забастовка продолжалась меньше мѣсяца, но она чувствовалась въ Германіи достаточно сильно. Недостатокъ угля, продолжись онъ дольше, грозилъ отразиться на всей странѣ. Теперь уже *десять мѣсяцевъ* рейнско-вестфальскій синдикатъ работаетъ такимъ же медленнымъ темпомъ, какъ будто его предпріятія захвачены всеобщей забастовкой,—но мы нигдѣ и ничего не слышимъ о недостаткѣ угля, о затрудненіяхъ, возникающихъ изъ-за неимѣнія нужнаго количества топлива, и т. д. Хозяйственная жизнь страны идетъ, стало быть, въ уровень съ добычей угля, т. е. сильно пониженнымъ темпомъ.

Тѣ же цифры, 25—30 процентовъ, даетъ и такой наглядный показатель общаго состоянія торговопромышленныхъ оборотовъ, какъ разсчетныя палаты. Въ нихъ стекается вся масса требованій по векселямъ и прочимъ обязательствамъ громаднаго большинства капиталистическихъ предпріятій страны. Эти требованія тутъ взаимно балансируются и только разница въ ту или иную сторону выплачивается наличными деньгами. По размѣрамъ оборотовъ можно видѣть, что стало съ промышленнымъ укладомъ страны. Опять-таки не касаясь первыхъ мѣсяцевъ войны, когда сокращеніе было слишкомъ велико, мы видимъ, что за январь-апрѣль нынѣшняго года оборотъ разсчетныхъ палатъ былъ 20.553 мил. марокъ, въ прошломъ—27.884 мил.,—сокращеніе на 26 процентовъ.

Остановимся, наконецъ, на безработицѣ. Въ моментъ подъема промышленность притягиваетъ десятки и сотни тысячъ новыхъ наемниковъ, такъ что армія безработныхъ падаетъ и даже иногда начинаетъ ощущаться недостатокъ въ живыхъ орудіяхъ труда. Наоборотъ, въ моментъ кризисовъ фабрика выкидываетъ на улицу

всѣ излишнія руки, количество безработныхъ сильно повышается. Такъ въ послѣдній кризисъ 1908 года изъ 100 пролетаріевъ въ среднемъ 4,8 не имѣли занятія. Наоборотъ, передъ самою войною, въ іюлѣ 1914 г., безработныхъ было всего 2,7%, т. е. индустрія шла среднимъ темпомъ.

Война произвела на рынкѣ труда настоящую катастрофу. Въ августѣ случилось нѣчто ужасное: процентъ безработныхъ втеченіе двухъ-трехъ дней выросъ до 22,4. Промышленность была захвачена жесточайшей паникой, множество фабрикъ сразу прекратили производство, другія свели его до ничтожныхъ размѣровъ. Авторъ настоящихъ строкъ пережилъ эти историческіе дни въ Германіи. Ему приходилось ежедневно видѣть, какъ въ городскихъ паркахъ и садахъ тысячами съ ранняго утра бродили рабочіе, не зная, что имъ дѣлать, какъ перестали дымить трубы, неслышно было почти фабричныхъ гудковъ. Можно было подумать, что промышленность стоитъ наканунѣ краха. Не смотря на мобилизацію, призвавшую подъ знамена сотни тысячъ пролетаріевъ, предпріятія выкинули въ 4—5 разъ больше рабочихъ, чѣмъ въ моменты сильнѣйшей депрессіи. Затѣмъ медленно, тяжело, но жизнь начала входить до нѣкоторой степени въ норму. Въ сентябрѣ процентъ безработныхъ упалъ до 16,5, въ ноябрѣ онъ былъ уже 8,3, въ мартѣ нынѣшняго года только 3,4, теперь, въ маѣ, несомнѣнно, еще ниже, приближаясь, вѣроятно, къ тому, какой бывалъ раньше при среднемъ ходѣ промышленнаго развитія.

Но этотъ незначительный процентъ въ сущности является только кажущимся. Милліоны трудящихся отвлечены войною отъ своей профессіи. Такъ, по свѣдѣніямъ генеральной коммиссіи профессіональныхъ союзовъ, въ началѣ сентября были призваны въ армію 589 тысячъ членовъ, или 27,7% всего ихъ числа, къ 31 октябрю уже 31,3%—661 т. человѣкъ, а къ 30 январю нынѣшняго года 780 т.—34,1%. Съ тѣхъ поръ неоднократно призывались резервисты болѣе старшихъ возрастовъ, такъ что въ общемъ значительно больше трети организованныхъ рабочихъ отвлечено отъ промышленности. Съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что такое соотношеніе имѣетъ мѣсто также у неорганизованныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ безработица въ Германіи только потому теперь не велика, что *предложеніе* труда сократилось минимумъ на треть.

Соединимъ всѣ эти признаки вмѣстѣ. Въ сферѣ производства— желѣзо и уголь, — въ сферѣ кредита и обращенія—дѣятельность разсчетныхъ палатъ, — въ сферѣ труда — сокращеніе количества рабочихъ, всюду мы наблюдаемъ одно и то же. Можно было бы привести еще множество иныхъ данныхъ, но они только подкрѣпили бы лишнимъ доводомъ и безъ того достаточно ясное: война обусловила въ Германіи жесточайшій кризисъ невиданной остроты и невиданныхъ размѣровъ. Кризисъ этотъ носитъ

общій характеръ, затрагивая основы экономической жизни страны и грозя, повидимому, закончиться крахомъ. Правда, невѣроятная острота первыхъ мѣсяцевъ проходитъ, но и теперь, черезъ 1 мѣсяцевъ, сокращеніе производства такъ велико, какъ не было никогда раньше.

Таковы непреложныя объективныя данныя, считавшіяся въ нормальныя времена достаточными для определенія промышленной конъюнктуры. Но война—эпоха ненормальная. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы найдемъ длинный рядъ противоположныхъ признаковъ, говорящихъ, наоборотъ, о расцвѣтѣ индустріи, о громадномъ подъемѣ, о чрезвычайно благопріятномъ состояніи экономической жизни страны. Данныя эти столь же объективны и непреложны, какъ и приведенныя выше. Желающіе могутъ пользоваться и пользуются тѣми или иными, смотря по настроенію и требованію момента. Оттого во французской или англійской литературѣ вы можете встрѣтить постоянно указанія, что Германія стоитъ наканунѣ краха, а въ нѣмецкой литературѣ,—что въ Германіи дѣла идутъ великолѣпно, что страна нисколько не пострадала отъ нынѣшнихъ событій. Обѣ стороны и правы, и не правы. Правы въ томъ отношеніи, что обѣ говорятъ истину; не правы потому, что ихъ истина — не полная. Чтобы понять воздѣйствіе войны, надо эти противорѣчивые элементы *сочетать, соединить*. Только тогда получится дѣйствительность во всемъ ея необычномъ видѣ.

II.

Берлинъ, Leipzigerstrasse, сѣрое зданіе военнаго министерства, отдѣлъ поставокъ. Входитъ господинъ съ парою солдатскихъ сапогъ подъ мышкой. Завѣдующій снабженіемъ армій сапогами опытнымъ глазомъ осматриваетъ принесенную пару и сразу узнаетъ ее: а, извѣстные датскіе сапоги; сколько можете поставить?—75 тысячъ паръ.—Цѣна?—Вошедшій назвалъ цѣну, на 5 кронъ (около 3 рублей) дороже обычной.—Г. ассесоръ, примите заказъ и выдайте ассигновку... Втеченіе 10 минутъ комиссіонеръ заработалъ сверхъ обычной нормы 375 тысячъ кронъ.

Другой послалъ изъ Даніи для германской арміи 5 вагоновъ мяса, „заработалъ“ 100 тысячъ марокъ... Третій поставляетъ лошадиныя подковы,—нажилъ сотни тысячъ. Четвертый получилъ изъ Россіи передъ самою войною нѣсколько вагоновъ съ чечевицей. Теперь, когда цѣна на нее повысилась въ четыре раза, онъ продалъ ее прусскому индендантству, заполучивъ десятки тысячъ сверхъ прибыли.

Я привелъ примѣры, случайно знакомые мнѣ, которые не проникли въ печать. Ихъ, конечно, въ тысячу разъ больше. Въ моментъ войны безчисленное количество людей, предпринимателей всякаго вида и всѣхъ типовъ получаютъ гигантскіе барыши. Это

явленіе обычно для каждой войны, но никогда оно не достигало такихъ размѣровъ, какъ теперь. Германскіе фабрики и заводы, обслуживающіе армію, въ своихъ отчетахъ сплошь и рядомъ показываютъ дивиденды, которые никогда раньше акціонерамъ даже не снились. Золотой дождь казенныхъ милліардовъ пролился и льется на индустрію, наполняя кассы, истощенныя вслѣдствіе сокращенія частныхъ заказовъ.

Приведу рядъ данныхъ изъ отчетовъ различныхъ предпріятій, публикуемыхъ во „Frankfurter Zeitung“. Пороховые и динамитные заводы выдали въ нынѣшнемъ году дивиденды въ % на капиталъ (въ скобкахъ выдачи прошлаго года): 25 (10), 20 (15), 20 (15), 40 (0). Также высоки прибыли автомобильныхъ, оружейныхъ и пушечныхъ, кожевенныхъ, машиностроительныхъ, электрическихъ заводовъ, многихъ суконныхъ и хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, паровыхъ мельницъ, фабрикъ обуви и т. д. Съ удивительнымъ однообразіемъ отчеты констатируютъ одно и то же: начало войны сильно отразилось на производствѣ, которое сократилось до минимума, вслѣдствіе отсутствія заказовъ. Но черезъ мѣсяцъ-два положеніе значительно улучшилось, и теперь фабрика или заводъ работаютъ полнымъ ходомъ на армію. Виды на будущее благопріятные, такъ какъ предпріятіе на долгіе мѣсяцы обезпечено требованіями военнаго вѣдомства.

Цѣлый рядъ заводовъ воспользовался моментомъ для расширенія своей дѣятельности и увеличенія акціонернаго капитала въ чаяніи, конечно, что и послѣ войны требованія со стороны германскаго милитаризма не только не уменьшатся, но, наоборотъ, возростутъ. Не говоря уже о Круппѣ, рейнскій оружейный заводъ выпустилъ на 15 мил. марокъ новыхъ бумагъ, удвоивъ такимъ образомъ свой основной капиталъ. Нѣсколько машиностроительныхъ заводовъ, связанныхъ съ военнымъ министерствомъ, прибѣгали къ такой же мѣрѣ: 3, 5½, 8, 10 милліоновъ марокъ—таковы размѣры новыхъ вкладовъ въ эти отрасли промышленности.

Но и высокіе дивиденды не говорятъ еще вполнѣ о тѣхъ колоссальныхъ доходахъ, которые имѣютъ теперь данныя предпріятія. Въ цѣляхъ уменьшенія чистой прибыли по книгамъ дѣлаются самыя невѣроятныя отчисленія и запасы. Сплошь и рядомъ фабрики списываютъ такія суммы, что ихъ фантастичность сразу бросается въ глаза. Напримѣръ, стоимость машинъ опредѣляютъ... въ одну марку. Откладываютъ милліоны въ резервные фонды, держатъ громаднѣйшія суммы въ банкахъ на текущихъ счетахъ. Для образчика приведу нѣсколько свѣдѣній, взятыхъ изъ отчетовъ предпріятій. Электрическій заводъ, валовая прибыль поднялась съ 7 до 9 мил. марокъ, дивидендъ безъ измѣненія—8%. Оружейный заводъ, прибыль увеличилась съ 5, 8 мил. марокъ до 7,9 мил., а дивидендъ... упалъ съ 30 до 25%. Въ цѣломъ рядѣ предпріятій при ростѣ валовой прибыли на 25 30 и больше процентовъ, чистая

показана только на 10—15% выше. „Предпріятія, связанныя съ военнымъ министерствомъ, прямо задыхаются отъ избытка золота по всѣмъ своимъ счетамъ“, пишетъ „Vorwärts“, обозрѣвая отчеты нѣкоторыхъ акціонерныхъ обществъ. „Цѣны на бумаги кожевенныхъ и автомобильныхъ компаній стоятъ на 75—100% выше, чѣмъ въ мирное время“, сообщаетъ „Frankfurter Zeitung“ въ одномъ изъ своихъ биржевыхъ обзоровъ.

Все, что связано съ частной жизнью и частными потребностями, замерло, переживаетъ жестокій кризисъ. Наоборотъ, все, что связано съ войною и казенными заказами, цвѣтетъ и развивается. Внѣшняя торговля, составлявшая болѣе 20 милліардовъ марокъ, упала до ничтожныхъ размѣровъ: по расчетамъ однихъ до $^1/_{10}$, по разсчетамъ другихъ до $^1/_4$ нормальнаго. Теперь же, съ выступленіемъ Италіи, она должна почти вовсе прекратиться. Но что за бѣда? Вновь возникшія, благодаря войнѣ, потребности съ избыткомъ покрываютъ недочеты по иностранной торговлѣ. „Мы ничего не теряемъ, такъ какъ всѣ полученныя суммы и за сырые матеріалы, и за готовые продукты остаются внутри страны и, слѣдовательно, снова могутъ быть производительно потреблены“, такъ говорилъ докторъ Штреземанъ, секретарь союза нѣмецкихъ промышленниковъ, депутатъ рейхстага, персона вліятельная и въ предпринимательскихъ кругахъ почитающаяся за очень ученую голову.

Получается ко всеобщему благополучію круговоротъ. Государство заказываетъ пушки, снаряды, провіантъ и т. д., платя за это милліарды. Промышленники часть этихъ милліардовъ пускаютъ въ новое производство, часть „сберегаютъ“ въ банкахъ и своихъ кассахъ. Тогда правительство заключаетъ заемъ и милліарды изъ банковъ снова перекочевываютъ въ государственное казначейство, откуда опять переходятъ къ промышленникамъ. Затѣмъ новый заемъ, и сказка начинается сначала. Тянуть ее, повидимому, можно безъ конца. Но только повидимому.

Въ самомъ дѣлѣ, для веденія войны государству нужны деньги, милліарды марокъ. Оно поэтому выпускаетъ ихъ въ видѣ бумажекъ. Въ настоящее время въ Германіи находится въ обращеніи бумажекъ всякихъ видовъ на 6 милліардовъ,—на 4 милліарда больше, чѣмъ въ мирное время. Но, чтобы бумажки не обезцѣнить окончательно и не подорвать къ нимъ довѣрія, время отъ времени правительство вынуждено выбирать ихъ изъ обращенія, заключая займы. Заемъ такимъ образомъ по существу является превращеніемъ безпроцентнаго долга государства въ высоко-процентный. Стало быть, прежде всего война и военное хозяйство въ Германіи обозначаютъ колоссальное возростаніе задолженности. За 44 года существованія Германской имперіи до войны было заключено займовъ всего на 5 милліардовъ марокъ, а за 10 мѣсяцевъ войны на 15 милліардовъ марокъ. Съ другой стороны, эти милліарды идутъ

не на созданіе новыхъ длительныхъ цѣнностей, не на расширеніе производительной дѣятельности, а на пріобрѣтеніе своеобразныхъ предметовъ потребленія: снарядовъ, пушекъ, провіанта, обмундированія и т. д. Громадное большинство ихъ растрачивается безвозвратно, не возмѣщаясь въ народномъ хозяйствѣ, представляя прямой вычетъ изъ него. Поэтому, если съ точки зрѣнія отдѣльныхъ предпринимателей война является источникомъ богатства, то съ точки зрѣнія общественной она для Германіи является источникомъ обѣднѣнія. Противорѣчіе между кризисомъ производства и процвѣтаніемъ нѣкоторыхъ группъ капиталистовъ разрѣшается въ противорѣчіе между частнымъ и общественнымъ хозяйствомъ.

Въ нѣмецкой печати постоянно можно встрѣтить восторженные гимны германскому капитализму, его организаціи, эластичности, приспособленности, его мощи и умѣнью справиться съ самыми тяжелыми задачами. Но мы видѣли, какъ растерялась вначалѣ германская промышленность, какъ выкинула она сразу больше пятой части своихъ рабочихъ, хотя, кромѣ того, сотни тысячъ ихъ ушли въ армію. *Предоставленное самому себѣ* капиталистическое хозяйство самой сильной и самой развитой страны оказалось безпомощнымъ, слабымъ, ничтожнымъ сравнительно съ безконечною массою легшихъ на него тяготъ и обязанностей.

Возьмите нѣмецкую гордость, міровые банковые институты Германіи, обладающіе сотнями милліоновъ своихъ капиталовъ и десятками милліардовъ считающіе свои ежегодные обороты. Сколько писалось и говорилось о той безконечно благодѣтельной роли, которую играютъ они въ жизни страны, объ ихъ силѣ и крѣпости. Первая настоящая, серьезная опасность и всѣ эти банки задрожали надъ своими деньгами, какъ самый мелкотравчатый дѣлецъ, оперирующій грошами.

„Въ моментъ мобилизаціи наши крупные банки оказались совершенно не на высотѣ своей задачи. Это тѣмъ печальнѣе, что банки всѣмъ своимъ поведеніемъ показали, что они совершенно не оправдали довѣрія своихъ кліентовъ. Можно прямо сказать, что банки позволяли себѣ въ своихъ дѣйствіяхъ нарушать правовыя нормы. Какъ иначе можно назвать ихъ отказъ послѣ 1 августа выплачивать болѣе 10% вкладовъ? Всѣмъ кліентамъ вдругъ былъ прекращенъ кредитъ. Не учитывали ни векселей, ни чековъ, закрывали ранѣе открытые кредиты. Только разумная тактика имперскаго банка исправила все, что напортили частные банки. Уже теперь можно сказать, что будущій историкъ нынѣшней войны выдастъ имперскому банку блестящее свидѣтельство. Но съ частными банками заинтересованные круги еще должны будутъ серьезно сосчитаться“.

Извѣстный въ Германіи теоретикъ банковаго дѣла Бернгардъ (см. архивъ Зомбарта „Kriegsheft“, часть первая), приведя эту цита-

ту изъ циркуляра союза фабрикантовъ ременныхъ приводовъ, почти цѣликомъ соглашается съ нею. Безъ помощи имперскаго банка, за которымъ стоитъ весь авторитетъ государства, кредитные институты изъ элемента, поддерживающаго хозяйственную жизнь страны, превратились бы въ учрежденія, ее разрушающія.

То же самое повторилось и въ промышленности. Не надо ни крупнаго ума, ни большихъ талантовъ, чтобы понять, что во время войны, особенно въ странѣ, отрѣзанной со всѣхъ сторонъ, центръ тяжести лежитъ въ казенныхъ заказахъ. Нужно только эти заказы распредѣлить возможно равномѣрнѣе, чтобы ни одинъ капиталистъ, по возможности, не былъ обдѣленъ казеннымъ пирогомъ. Эта задача оказалась вполнѣ по силамъ промышленникамъ въ Германіи, и они ее выполнили блестяще. Были учреждены десятки всякихъ союзовъ, представительствъ, конторъ и коммиссій съ исключительною цѣлью регулированія казенныхъ заказовъ. Въ каждой отрасли индустріи возникъ обязательно какой-либо комитетъ, черезъ который и текутъ правительственные милліоны. Центральнымъ же мѣстомъ въ этой сложной сѣти является пресловутый Kriegsausschuss. Военный совѣтъ нѣмецкихъ промышленниковъ, дѣятельность котораго сводится въ концѣ концовъ къ равномѣрному распредѣленію казенныхъ милліардовъ.

Но было бы ошибочно думать, что казенный пирогъ можетъ удовлетворить германскій капитализмъ. Отнюдь нѣтъ. Его хватаетъ только на извѣстную *часть* фабрикъ и заводовъ. За то другая часть претерпѣваетъ всѣ бѣды, связанныя съ сокращеніемъ производства. На сотни предпріятій, имѣющихъ блестящіе обороты, приходятся тысячи, которыя страдаютъ. Опять-таки тѣ же отчеты и балансы даютъ безчисленные образчики вліянія войны на индустрію. Валовая прибыль падаетъ, сбытъ сокращается, запасы на складахъ растутъ, дивиденды акціонеровъ уменьшаются. Сплошь и рядомъ отчеты констатируютъ, что вслѣдствіе сжатія внутренняго рынка и закрытія внѣшняго производство упало, доходность его понизилась и т. д. Да иначе и быть не можетъ. Допустимъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые въ Германіи, что военныя поставки цѣликомъ и даже съ избыткомъ возмѣстили упадокъ внѣшней торговли. Но внутреннее потребленіе 68-милліоннаго населенія сократилось также очень значительно, не только относительно предметовъ роскоши, но и въ самомъ необходимомъ.

Само собой разумѣется, что многомилліонная торговля мѣхами и ихъ обработка упали совершенно и мѣховая промышленность переживаетъ глубочайшій кризисъ. Не меньше страдаютъ шелковая индустрія, фабрики дамскихъ нарядовъ, тонкихъ суконъ и т. п. Упала сильно книгоиздательская дѣятельность, сократили дѣятельность безчисленныя типо- и-литографіи. Свелись къ минимуму строительныя работы въ городахъ, уменьшилось трамвайное и автомобильное движеніе во всей Германіи. Жалуются на скверное положеніе дѣлъ

портные и портнихи, мебельныя и фортепіанныя фабрики. Страна высокой матеріальной культуры сократила свои потребности до крайней степени, вслѣдствіе чего на сотни милліоновъ упало и производство.

III.

Но если мы отъ этой пестроты процвѣтанія и кризиса, доходовъ и убытковъ обратимся къ третьему моменту, къ цѣнамъ на продукты, то увидимъ въ высшей степени однообразную картину. Сократилось ли производство или нѣтъ, въ земледѣліи, въ торговлѣ, въ промышленности, на предметы первой необходимости и издѣлія для роскоши, на казенныя поставки и въ частныхъ сдѣлкахъ, всюду почти безъ исключенія цѣны поднялись, иногда до очень значительнаго уровня. Если о причинахъ спросить, напримѣръ, у машиностроителя, то онъ скажетъ: я вынужденъ поднять цѣны на свои машины, такъ какъ плачу дороже за желѣзо, сталь, чугунъ. Но литейщикъ отвѣтитъ тѣмъ же и пошлетъ къ угольщику, послѣдній къ сельскому хозяину; а прусскій юнкеръ даже и разговаривать не станетъ: не хочешь покупать, какъ знаешь на мои продукты всегда найдутся потребители.

Небольшая табличка о цѣнахъ, платимыхъ центральнымъ закупочнымъ товариществомъ потребительныхъ обществъ, дастъ наглядное доказательство, какое выгодное предпріятіе—война для нѣмецкихъ аграріевъ. Примите еще во вниманіе, что цѣны—оптовыя, платимыя фирмою, дѣлающей милліонныя закупки. Въ розницу, конечно, онѣ еще выше.

	За фунтъ въ пфеннингахъ.		Повышеніе
	1 іюля 1914 г.	15 апрѣля 1915 г.	въ процентахъ.
Масло	136	190	40
Крупа	17	46	171
Мука пшеничная .	17	30	76
„ ржаная . .	15	30	100
Хлѣбъ черный . .	11	19	73
Картофель	3,5	7	100
Горохъ	19	54	184
Бобы	20	54	170

Издержки производства почти не измѣнились, но сельскіе хозяева спѣшатъ использовать общественное несчастіе. Ѣда теперь дороже на 50—200 процентовъ противъ обычнаго. Если припомнить, что и „нормальныя“ цѣны передъ войною казались очень высокими, что происходила постоянная борьба противъ „хлѣбныхъ ростовщиковъ“, то можно себѣ представить, какой высоты достигли теперь доходы аграріевъ, какъ повысилась рента, какъ процвѣтаютъ и благоденствуютъ юнкера. Не даромъ же они такъ усиленно возстаютъ противъ всякихъ разговоровъ о мирѣ. Война—невѣроятно выгодный гешефтъ.

Позвольте нѣсколько остановиться на этомъ явленіи, такъ какъ въ немъ одна изъ разгадокъ цѣлаго ряда противорѣчій. Неоднократно можно теперь услышать: война есть столкновеніе имперіализмовъ разныхъ странъ. Но какъ только дѣло доходитъ до опредѣленія сущности имперіализма, такъ мнѣнія начинаютъ сильно расходиться. Мнѣ думается, имперіалистическій капитализмъ имѣетъ много сторонъ. Со стороны политической онъ выражается въ стремленіи: 1) захватить колоніи, чтобы имѣть достаточно сырыхъ матеріаловъ для своей индустріи и достаточную почву для вложенія новыхъ капиталовъ, 2) сломать рамки національныхъ государствъ, сложившихся въ прежнюю эпоху капиталистическаго развитія, если эти рамки ему мѣшаютъ. Создавши такимъ образомъ новое громадное цѣлое—имперію—онъ хочетъ отгородиться отъ другихъ имперій китайскою стѣной пошлинъ, налоговъ, хочетъ превратиться въ нѣчто самостоятельное, въ автаркію

Этому политическому устремленію соотвѣтствуетъ экономическая и техническая переформировка. Мѣсто свободной конкурренціи борьбы всѣхъ противъ всѣхъ занимаетъ теперь *организація*. Картели и трёсты, соглашенія и нормировки, союзы предпринимателей для самыхъ разнообразныхъ цѣлей—таковы характерные признаки современнаго имперіалистическаго капитализма. Организація во всемъ съ опредѣленной цѣлью: властвованія и максимальныхъ выгодъ.

Насъ интересуетъ сейчасъ только одна сторона этой организаціи — установленіе цѣнъ на продукты. Въ спеціальной литературѣ достаточно уже выяснена одна изъ важнѣйшихъ задачъ трёстовъ и синдикатовъ — взвинчиваніе цѣнъ и удержаніе ихъ отъ паденія. Но, кажется, никогда эта дѣятельность промышленниковъ не стояла въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ благомъ всего общества, какъ теперь. Никогда, кажется, вся ограниченность, узость и своекорыстность частнохозяйственной точки зрѣнія не выступала такъ ярко въ Германіи, какъ теперь, въ эпоху внѣшней войны и „внутренняго гражданскаго мира“.

Цѣны на продукты устанавливаются теперь не свободной конкуренціей, не борьбой спроса и предложенія, какъ раньше, а синдикатами, соглашеніемъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Единственная цѣль, преслѣдуемая при этомъ,—максимальная прибыль, возможно бо́льшій доходъ. Война или миръ, голодъ или землетрясеніе, общественное бѣдствіе или всеобщая разруха—синдикату все равно,—лишь бы не сократились дивиденды. И теперь, когда въ Германіи, какъ мы видѣли, потребленіе упало, производство уменьшилось, индустрія вплотную подошла къ жестокому кризису, синдикаты приняли всѣ мѣры, чтобы ихъ доходы не упали, или упали возможно меньше. Откройте финансовый и торговый отдѣлъ любой нѣмецкой газеты,—изо дня въ день вы читаете тамъ одно и то же: такой-то синдикатъ въ виду переживаемыхъ событій повысилъ

цѣны на свои продукты, такой-то картель находитъ сдѣланную раньше прибавку недостаточной и на слѣдующее полугодіе накидываетъ еще 10—15 и больше процентовъ и т. д. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Конечно, тонъ задаютъ два самыхъ сильныхъ картеля, угольный и стальной.

Мы видѣли, какъ упало производство угля. Но рейнско-вестфальскіе угольные бароны, эти истинные бичи Германіи, приняли всѣ мѣры, чтобы свалить съ себя убытки на потребителя. Уже осенью они подняли цѣны на уголь. Передо мною длинная таблица, показывающая, какъ вздорожало черное топливо: это—цѣны, установленныя синдикатомъ на ближайшіе 6 мѣсяцевъ осенью прошлаго года. Повышеніе составляетъ для разныхъ сортовъ—изъ десятка — отъ 15 до 25%. Но на этомъ дѣло не останавливается. Теперь снова въ газетахъ появились свѣдѣнія, что синдикатъ, „въ виду повысившихся издержекъ производства", хочетъ брать за уголь еще дороже. Такъ какъ производство сократилось почти на треть, а цѣны настолько поднять синдикатчики сразу не рѣшались, чтобы не вызвать противъ себя еще большаго раздраженія во всѣхъ слояхъ общества, то ихъ дивиденды, какъ показываютъ многочисленные отчеты, нѣсколько упали противъ прошлыхъ лѣтъ. Теперь они хотятъ свести это сокращеніе до минимума, отсюда разговоры объ увеличившихся расходахъ, якобы непреодолимо требующихъ поднятія расцѣнокъ на уголь.

Буквально также поступилъ и стальной синдикатъ. На 15—20—30 процентовъ дороже онъ продаетъ свои издѣлія. Это взвинчиванье цѣнъ настолько выгодно и привлекательно, что оно служитъ толчкомъ къ созданію новыхъ синдикатовъ. Въ металлургической промышленности, напримѣръ, не были синдицированы такъ называемые продукты B, т. е. полуготовыя издѣлія. Теперь заводчики вплотную занялись вопросомъ объ объединеніи и тутъ. То же самое и въ кожаной индустріи. Военные заказы такой лакомый кусокъ, что „регулировать" цѣны путемъ синдиката оказывается чрезвычайно выгоднымъ. Кожи стоютъ теперь фантастическія суммы и *закрѣпить* эту фантазію и превратить ее въ прочную дѣйствительность можетъ только синдикатъ. Наоборотъ, вагонный картель наканунѣ распада. Благодаря войнѣ, желѣзнодорожные заказы, не смотря на всю благожелательность прусскаго правительства, настолько упали, что синдикатъ не въ силахъ держать цѣны на прежней высотѣ; появились аутсайдеры, слѣдовательно, пропалъ всякій смыслъ держаться за организацію, которая не обѣщаетъ сверхнормальнаго дохода. Но въ такой отрасли промышленности, какъ суконная, гдѣ раньше синдикаты почти отсутствовали, появились сильныя стремленія къ объединенію. Патріотически настроенные суконщики теперь отпускаютъ казнѣ солдатское сукно по 12 марокъ за метръ, т. е. процентовъ на 75 дороже обычнаго.

Объединились не только фабриканты, организовались также

торговцы. Особенно прославился союзъ торговцевъ по металлу. Онъ поднялъ цѣны на мѣдь, цинкъ, олово, алюминій на 100—200 и выше процентовъ. Правительство установило предѣльныя цѣны, но онѣ, какъ и цѣны на хлѣбъ, только закрѣпили уже существовавшее положеніе.

Повышеніе цѣнъ и является тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго германскіе фабриканты сглаживаютъ противорѣчіе между кризисомъ производства и высокими прибылями. Но за то тѣмъ ярче выступаетъ противорѣчіе между частными интересами предпринимателей и общими интересами всего народнаго хозяйства. Не даромъ же въ Германіи заговорили о настоятельной необходимости превратить въ государственныя всѣ заведенія, изготовляющія предметы, необходимые для арміи и флота. Та же мысль настоятельно проводится и въ Англіи. Съ другой стороны, въ нѣмецкой печати поднятъ вопросъ о другой, менѣе радикальной мѣрѣ: о дополнительномъ обложеніи предпріятій, работающихъ для военныхъ цѣлей. Пишутъ объ этомъ не только въ крайней лѣвой печати, но и въ очень умѣренной. Такъ, главный органъ католическаго центра, „Kölnische Volkszeitung“, очень энергично выступилъ противъ безобразій, творящихся въ инендантствѣ и потребовалъ увеличеннаго обложенія доходовъ поставщиковъ.

Возможно, что тѣ или иныя мѣры принять придется: слишкомъ ужь примитивно и наглядно наживаются предприниматели на общественномъ бѣдствіи.

Фабриканты часто ссылаются на повышеніе заработной платы, какъ на причину, требующую съ ихъ стороны поднятія цѣнъ. Что же говорятъ объективныя данныя? Въ органахъ печати, дружественныхъ фабрикантамъ, также много говорится о „военныхъ прибавкахъ“ (Kriegszulagen) къ жалованью рабочихъ. Но обычно не упоминается о размѣрѣ этихъ прибавокъ. По даннымъ изъ другихъ источниковъ, можно установить, что, дѣйствительно, въ рядѣ случаевъ предприниматели, имѣя въ виду наступившую дороговизну, шли на уступки, но, съ другой стороны, указывается, что эти уступки крайне незначительны и что очень часто онѣ не дѣлались. Лыбопытныя свѣдѣнія приводитъ „Metallarbeiter“, органъ профессіональнаго союза металлистовъ. Недавно правленіе этого союза обратилось ко всѣмъ германскимъ фирмамъ, особенно занимающимся поставками на армію, съ циркулярной просьбой о повышеніи расцѣнокъ у рабочихъ. Результаты получились больше, чѣмъ скромные. Такъ, литейные заводы въ провинціи Помераніи согласились прибавить рабочимъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ... 1 марку 75 пфенниговъ въ недѣлю, молодежи и старикамъ... по 1 маркѣ. Извѣстныя верфи Шихау, гдѣ строилось не одно русское военное судно, теперь круглыя сутки

изготовляющія подводныя лодки и т. п., оказались щедрѣе: онѣ прибавили женатымъ цѣлыхъ 2 марки въ недѣлю, а холостымъ 1½. И только казенное адмиралтейство въ Данцигѣ не ограничилось этими жалкими подачками, больше напоминающими издѣвательство надъ нуждою, и повысило плату на 6 пфенниговъ въ часъ, т. е. около 4 марокъ въ недѣлю.

Такую же картину рисуетъ другой профессіональный органъ „Holzarbeiter“ о положеніи дѣлъ у деревообдѣлочниковъ. 1½—2, очень рѣдко 3 марки въ недѣлю, часто отказъ и угрозы закрыть фабрику или объявить локаутъ. Не лучше въ текстильной и въ горной индустріи. Максимумъ прибавокъ, на которыя приходилось наталкиваться, не превосходилъ 12—15%, опускаясь до 3 и 5 процентовъ. Сопоставьте съ приведенными выше данными о вздорожаніи цѣнъ на продукты первой необходимости, гдѣ такъ и мелькаютъ 50, 100, 200 процентовъ. Неизбѣжно должно придти къ выводу, что война значительно *ухудшила* положеніе рабочаго класса Германіи, сильно понизила его реальную заработную плату, ослабила и расшатала завоеванныя имъ позиціи.

Громадные доходы у капиталистовъ и паденіе ихъ у рабочихъ, процвѣтаніе одной части индустріи и кризисъ въ другой, гигантское повышеніе цѣнъ на продукты и упадокъ производства, удивительная способность промышленности использовать положеніе для своихъ частныхъ цѣлей и сильное прѣтиворѣчіе ея цѣлямъ общественнымъ—таково пестрое сочетаніе противоположныхъ явленій, обнаруженныхъ особенно ярко имперіалистическимъ капитализмомъ современной Германіи. Никто не возьмется сказать, какъ разрѣшатся послѣ войны эти несовмѣстимые другъ съ другомъ моменты; все будетъ зависѣть отъ силы, проявленной каждымъ изъ нихъ. Одержитъ ли верхъ общественная или частная точка зрѣнія на народное хозяйство, быстрѣе ли будетъ рости заработокъ у трудящихся или доходъ у предпринимателей, пойдутъ организаціи послѣднихъ дальше въ своемъ развитіи и т. д.? Война обострила и обнажила эти вопросы, но разрѣшать ихъ придется, повидимому, мирному времени.

Я. Пилецкій.

Польша въ дни войны.

I.

Въ прежнее время, до войны, мнѣ приходилось изрѣдка бывать въ небольшомъ имѣньицѣ писателя N. Имѣніе это, находящееся въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Варшавы, на первый взглядъ рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ усадебъ помѣщиковъ средней руки, раскинутыхъ по всей Польшѣ. Такой же старый домъ, вокругъ него паркъ, спускающійся къ рѣчкѣ, за ней желтыя ранней осенью и занесенныя снѣгомъ въ зимнюю пору поля, а на горизонтѣ—вѣчно зеленые хвойные лѣса. Однимъ словомъ, имѣніе, какъ имѣніе, какихъ много въ Польшѣ. И не стоило бы на немъ останавливаться, еслибы не одна его особенность, выдѣлявшая его изъ рядовъ другихъ помѣщичьихъ усадебъ.

Главная, если не единственная, достопримѣчательность имѣнія— паркъ и фруктовый садъ. N., который въ прежніе годы былъ довольно плодовитъ, за послѣднее время весь ушелъ въ изученіе одного изъ талантливѣйшихъ польскихъ поэтовъ, суровою волей судебъ полузабытаго въ наши дни, и—въ свой садъ. И трудно было сказать, чему онъ посвящалъ болѣе времени и вниманія. Во всякомъ случаѣ садъ, лѣсъ и деревья занимали видное мѣсто въ его жизни. Онъ неутомимо охранялъ свои и окрестные лѣса отъ окончательнаго уничтоженія, которымъ грозили появившіяся въ послѣднее время спичечныя фабрики, вѣчно возился въ своемъ саду и любовно выращивалъ рѣдкостныя породы фруктовыхъ деревьевъ. И, когда онъ показывалъ посѣтителямъ свой садъ, полный стройныхъ рядовъ молодыхъ деревьевъ, онъ говорилъ о нихъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что мнѣ невольно вспоминались слова чеховскаго доктора Астрова: „когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что... если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я. Когда я сажаю березку и потомъ вижу, какъ она зеленѣетъ и качается отъ вѣтра, душа моя наполняется гордостью".

Но вотъ разразилась война и въ октябрѣ нѣмецко-австрійскія арміи пошли къ Вислѣ и Варшавѣ. Вмѣстѣ со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ N. бѣжалъ въ Варшаву и съ тревогой глядѣлъ въ сторону своего имѣнія, откуда втеченіе почти двухъ недѣль доносились раскаты орудійной пальбы.

Когда нѣмцы стали отступать, мы съ N. отправились въ его

имѣніе. Не напрасно мучили его тревожныя думы. Еще издали, подходя къ старой усадьбѣ, замѣтили мы на ней слѣды войны. Ворота были повалены на землю, а отъ большой деревянной террассы не осталось и воспоминанія: очевидно, ее разобрали для постройки окоповъ. Домъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ продыравленъ снарядами; въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась одна изъ хозяйственныхъ построекъ, лежала груда развалинъ. Но самое страшное было впереди. Когда мы направились въ садъ, передъ нами открылась такая картина, что хозяинъ, прислонившись къ дереву, поблѣднѣлъ и тихо застоналъ. Кусты передъ домомъ были измяты и истоптаны, вѣтви на дорогихъ, выращенныхъ съ такимъ трудомъ, фруктовыхъ деревьяхъ обломаны, а его яблони, о которыхъ онъ столько говорилъ, срублены у самой земли! И черезъ весь садъ тянулись куда-то вдаль широкія траншеи, безобразно желтѣвшія выброшенной наверхъ глиною. Не было словъ утѣшенія,—и, оставивъ N, перескакивая ежеминутно черезъ окопы, я направился вглубь парка. Всюду—изрытая земля, поваленные стволы и обломанныя вѣтви. Такъ безконечно грустно было бродить въ сѣрый октябрьскій день по этому кладбищу парка и такъ жалобно скрипѣла на осеннемъ вѣтрѣ пробитая насквозь шрапнельнымъ стаканомъ береза...

И, глядя на этотъ садъ съ изрытой землей, съ поваленными и изуродованными деревьями, я какъ-то особенно ясно представилъ себѣ картину страны, по которой вдоль и поперекъ прошли съ кровавымъ боемъ враждующія арміи, оставляя послѣ себя неизгладимые слѣды разрушенія.

Нужно себѣ представить страну, которая втеченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій быстрыми шагами шла по пути культурнаго и экономическаго прогресса, догоняя на всѣхъ парахъ Западную Европу. Царство Польское переживало періодъ расцвѣта, въ немъ выростали большіе города, всюду, въ разныхъ уголкахъ края задымились многочисленныя фабричныя трубы, сельское хозяйство интенсифицировалось съ каждымъ днемъ. А вмѣстѣ съ ростомъ національнаго богатства быстро повышался культурный уровень населенія. Не говоря уже о городахъ, и деревня предъявляла болѣе высокія требованія къ условіямъ повседневной жизни. Въ самые отдаленные уголки проникали газеты и популярныя изданія, появились разныя общественныя организаціи, кооперативы, сельско-хозяйственные кружки и т. д.

И вдругъ разразилась гроза, военный ураганъ забушевалъ по всему краю, перевернулъ все вверхъ дномъ, уничтожилъ все, чѣмъ жила до сихъ поръ Польша. Военная гроза еще не прошла и неизвѣстно, сколько бѣдъ она еще натворитъ, а уже теперь произведенныя ею опустошенія огромны, почти неисчислимы.

Почти пять шестыхъ частей Царства Польскаго подверглись непріятельскому нашествію, и на всемъ этомъ пространствѣ разы-

грывались кровавые упорные бои. Ни одна изъ губерній Царства Польскаго не избѣжала этой судьбы. Нашествію подверглись губерніи: Калишская, Кѣлецкая, Петроковская, Плоцкая, Радомская и Сувалкская полностью, а кромѣ того: 10 уѣздовъ Варшавской, четыре—Ломжинской, четыре—Люблинской и пять Холмской. Пространство этой части Польши равно 85.000 кв. верстъ, а населеніе свыше 9-ти милліоновъ душъ, т. е. больше, чѣмъ, напр., населеніе Бельгіи, Даніи, Голландіи. При этомъ охваченная военнымъ пожаромъ часть Польши богаче, культурнѣе и населеннѣе, чѣмъ клочекъ края, оставшійся въ сторонѣ. Чѣмъ дальше на юго-западъ, тѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ разнообразнѣе и полнѣе ея хозяйственная жизнь, тѣмъ гуще населеніе. И какъ разъ юго-западная лѣвобережная Польша была непосредственной свидѣтельницей грозныхъ событій [1]).

На этомъ пространствѣ разбросано 27.000 деревень. Изъ нихъ свыше тысячи или 4% сожжены до тла; до 20% (около $5^1/_2$ тысячъ) совершенно разрушено артиллерійскимъ огнемъ или же вообще очень серьезно пострадало. Такія же, если не большія, потери понесли и помѣщичьи усадьбы. Изъ числа 10.000 усадебъ — до 800 превращено въ развалины, до 5000 понесло чувствительныя потери. „Такого же имѣнія,—говорится въ упомянутомъ выше отчетѣ статистической комиссіи при Центр. Обыв. Комитетѣ—которое не понесло никакихъ потерь, нельзя найти въ этой части края". Что касается городовъ и посадовъ, то изъ общаго числа 453-хъ, въ большей или меньшей степени пострадало свыше 100 (или около 22%), а среди нихъ такіе крупные центры, какъ Лодзь, Калишъ, Влоцлавскъ, Петроковъ.

Уже однѣ эти данныя даютъ нѣкоторое представленіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Пылающія деревни, полуразрушенные городки, населеніе, укрывающееся въ подвалахъ или бѣгущее подъ градомъ снарядовъ съ поля битвы... Жуткія картины рисуются воображенію. Но это еще не все. Много другихъ потерь и бѣдъ принесла съ собой война.

Остановимся прежде всего на деревнѣ. Убытки ея въ однихъ только сожженныхъ и разрушенныхъ строеніяхъ достигаютъ по самымъ скромнымъ разсчетамъ 15-ти милліоновъ рублей. А сколько всякаго добра погибло въ огнѣ, добра, накопленнаго съ такимъ трудомъ втеченіе многихъ лѣтъ и даже поколѣній. Не говоря уже о старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ нерѣдко имѣлись богатыя библіотеки, архивы, произведенія искусства, старинная прадѣдовская утварь и т. д. и гдѣ все это сдѣлалось добычей огня или под-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ мнѣ придется пользоваться статистическимъ матеріаломъ, позаимствованнымъ изъ отчета Центральнаго Обывательскаго Комитета и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ и пополненнымъ собранными мной дополнительными данными

верглось безжалостному расхищенію, даже крестьяне не были въ состояніи спасти своей жалкой утвари. Сколько разъ приходилось видѣть крестьянскіе возы, нагруженные традиціонными огромными сундуками, узлами съ кое-какимъ платьемъ и нѣсколькими подушками! Вотъ и все, что удавалось порой спасти изъ предметовъ крестьянской утвари. А чаще всего нечего было и думать о спасеніи вещей, когда надъ головой рвалась шрапнель и обваливалась крыша пылающей избы. Такъ было, напр., въ нѣкоторыхъ частяхъ Радомской и Люблинской губ., гдѣ большинство крестьянскихъ избъ сгорѣло вмѣстѣ со всей обстановкой.

Но самая страшная бѣда польской деревни—это потери въ живомъ инвентарѣ. Реквизиціи, производимыя борющимися арміями, подводная повинность, недостаточность кормовъ—все это привело къ тому, что еще въ январѣ текущаго года была установлена потеря свыше 400 тысячъ лошадей, причемъ крупное землевладѣніе потеряло до 50%, а крестьянское хозяйство свыше 25% лошадей. Рогатый скотъ подвергся еще болѣе значительной реквизиціи: въ настоящее время можно смѣло утверждать, что Польша потеряла свыше 750.000 головъ рогатаго скота. О мелкомъ скотѣ, овцахъ, свиньяхъ, домашней птицѣ и т. д. нечего и говорить. Все это уничтожалось самымъ безжалостнымъ образомъ. А при довольно высокомъ уровнѣ польскаго крестьянскаго хозяйства птицеводство, особенно въ окрестностяхъ крупныхъ городовъ, играло очень значительную роль.

Говорить-ли еще объ истоптанныхъ поляхъ на протяженіи многихъ десятковъ тысячъ десятинъ, изрытой окопами землѣ, которая, какъ утверждаютъ спеціалисты-агрономы, потеряла по крайней мѣрѣ половину своей плодородности, вырубленныхъ лѣсахъ, забранныхъ и сожженныхъ запасахъ зерна и кормовъ? Всѣ произведенные подсчеты убытковъ этого рода страдаютъ слишкомъ большой произвольностью, чтобы можно было считаться съ ними сколько-нибудь серьезно. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что убытки эти огромны.

Какъ ни тяжело порой положеніе землевладѣльцевъ, они все-таки могутъ избѣжать по крайней мѣрѣ голодной смерти и находятъ временный пріютъ въ столицѣ края или въ близъ лежащихъ городахъ. И это относится въ равной степени къ крупному, какъ и мелкому—очень многочисленному въ лѣвобережной Польшѣ—землевладѣнію. Естественно, что положеніе крестьянства несравненно хуже. Но и то болѣе сильное экономически зажиточное крестьянство до сихъ поръ кое-какъ перебивалось, вытаскивая изъ дѣдовскихъ сундуковъ (поскольку они не сгорѣли или не погибли подъ развалинами) скопленные въ лучшіе времена рубли, питаясь картофелемъ, который иногда успѣвали зарыть въ ожиданіи приближенія непріятеля, или закалывая случайно спасенную свинью. Но какъ живетъ во время войны малоземельное крестьянство, вообще

еле сводящее концы съ концами, и особенно многочисленный сельско-хозяйственный пролетаріатъ, перебивающійся даже въ нормальное время съ дня на день и лишенный теперь своего обычнаго заработка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на свекловичныхъ плантаціяхъ и т. д.? Жизнь этихъ элементовъ польской деревни поистинѣ относится къ области чудеснаго. Правду сказать, и въ лучшія времена голодъ частенько заглядывалъ въ избу малоземельнаго хлопа и безземельнаго рабочаго, особенно въ зимнюю пору; но кругомъ жили люди зажиточные и можно было кое-какъ дотянуть до весны, правда, закабаляясь нерѣдко у помѣщика или деревенскаго кулака. А теперь рѣшительно не откуда ждать помощи и негдѣ искать заработка въ раззоренной въ конецъ странѣ. Изрѣдка военныя власти обѣихъ сторонъ привлекаютъ ихъ къ исправленію и проведенію дорогъ, вырубкѣ лѣсовъ, сооруженію окоповъ и т. д.; но заработки эти грошевые, а цѣны на всѣ продукты стоятъ неимовѣрно высокія, а часто и совсѣмъ ничего нельзя достать ни за какія деньги. Къ сожалѣнію, статистическая коммиссія при Центр. Обыв. Комитетъ не занялась сколько-нибудь детальнымъ обслѣдованіемъ положенія паріевъ польской деревни и въ большинствѣ случаевъ ограничилась подсчетомъ потерь тѣхъ или иныхъ группъ имущаго класса. И о жизни или, вѣрнѣе, о не всегда успѣшной борьбѣ со смертью низшаго класса польской деревни можно судить только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ о безконечной нищетѣ, голодовкахъ, массовыхъ тифозныхъ заболѣваніяхъ, огромной смертности и т. д.

И все-таки худшее для польской деревни еще впереди. До сихъ поръ она еще держалась отчасти остатками прежнихъ временъ, а главное надеждами на весну и скорое минованіе бѣдъ. Но вотъ пришла и весна, а все еще бушуетъ война, даже болѣе ожесточенная, чѣмъ въ зимніе мѣсяцы, и возможность полевыхъ работъ совершенно исключена, да и нѣтъ ни зерна для посѣвовъ, ни лошадей, ни мертваго инвентаря.

Пойдемъ теперь въ города, куда бѣгутъ всѣ, кто можетъ, стремясь въ эту „обѣтованную страну“. Посмотримъ, какъ живетъ городская Польша.

Мелкіе городки и посады раздѣлили въ общемъ судьбу деревни. Многіе изъ нихъ были сожжены и превращены въ развалины, и населеніе ихъ отчасти ютится въ полуобгорѣвшихъ домахъ, отчасти же уходитъ въ крупные центры въ поискахъ за кровомъ, хлѣбомъ и спокойнымъ уголкомъ. Но и нѣкоторые изъ большихъ городовъ не избѣгли горькой участи бомбардировки. Не говоря уже о Калишѣ, Петроковъ, Радомъ, Лодзь и находящіеся вокругъ нея значительные фабричные города въ большей или меньшей степени чувствительно пострадали подъ артиллерійскимъ огнемъ. Да и въ остальныхъ центрахъ, не переживавшихъ до сихъ поръ непосредственно превратностей войны, всѣ ея спутники —

раззореніе, застой въ дѣлахъ, безработица, нищета—проявились не въ меньшей степени, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили кровавыя сраженія.

Вся современная торгово-промышленная жизнь Польши сосредочена преимущественно въ трехъ главныхъ центрахъ: въ Домбровскомъ горно-промышленномъ округѣ съ городами Сосновицами и Бендзиномъ; въ Лодзи съ ея пригородами и окрестностями въ Петроковской и Калишской губ., гдѣ сосредоточена польская текстильная промышленность, и, наконецъ, въ Варшавѣ съ округомъ, гдѣ, кромѣ всевозможныхъ отраслей фабрично-заводской и ремесленной дѣятельности, находится финансовое сердце страны. Значительной обрабатывающей промышленностью отличаются, кромѣ того, Ченстоховъ, Влоцлавскъ, Люблинъ, Радомъ (одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ кожевенной промышленности).

Первый испыталъ на себѣ тяжелую руку войны Домбровскій горно-промышленный округъ [1]). Расположенный у германской и австрійской границъ, онъ въ первые же дни войны былъ занятъ войсками нѣмецкихъ союзниковъ. И промышленныя предпріятія, отрѣзанныя отъ банковъ и финансовыхъ источниковъ, прекратили почти моментально свою дѣятельность. Въ ноябрѣ нѣмецкія власти разрушили „по стратегическимъ соображеніямъ“ машины въ копяхъ и такимъ образомъ работа въ нихъ сдѣлалась невозможной уже по чисто-техническимъ причинамъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, работы производятся только въ двухъ-трехъ копяхъ и стольких же заводахъ, получившихъ заказы австрійско-нѣмецкихъ военныхъ вѣдомствъ. Вообще же говоря, владѣльцы промышленныхъ предпріятій и не мечтаютъ о возобновленіи дѣятельности своихъ копей и металлургическихъ заводовъ, ибо нѣтъ капиталовъ, нѣтъ рынка и перевозочныхъ средствъ. А вмѣстѣ съ этимъ для многочисленнаго рабочаго населенія этого округа пришли черные дни. Домбровскій округъ вмѣстѣ съ Ченстоховомъ, который къ нему тяготѣетъ, насчитываетъ по меньшей мѣрѣ 80 тысячъ рабочихъ. Трудно сказать, сколько изъ нихъ сохранило заработокъ въ минимальныхъ хотя бы размѣрахъ. Во всякомъ случаѣ, судя по разнымъ извѣстіямъ, счастливцы не превышаютъ 5% общаго количества рабочихъ. Остальные же вмѣстѣ со своими семьями переживаютъ всѣ ужасы безработицы и нищеты.

Начало военныхъ дѣйствій и занятіе австрійско-нѣмецкими войсками пограничной полосы моментально отразились и на положеніи всей вообще польской промышленности. Домбровскій округъ и прусская Верхняя Силезія были источниками угля; одного такъ называемаго „прусскаго“ угля привозилось въ Царство Польское

---

[1]) Свѣдѣнія объ этой части Польши почерпнуты изъ корреспонденцій: г. К. Ł. F. („Myśl Polska“, апрѣль 1915 г.), г. К. О. N. („Nowa Gazeta“ и „Русск. Вѣд.“) и изъ частныхъ источниковъ.

до 900 тыс. тоннъ. И, какъ только горный раіонъ былъ отрѣзанъ, промышленность почувствовала страшный ударъ.

Раньше всего сказалось это на Лодзи и ея округѣ, гдѣ сосредоточилась самая развитая промышленность, въ которой занято свыше 150.000 рабочихъ. И тамъ фабрики и заводы либо совсѣмъ прекратили съ началомъ войны свою дѣятельность, либо работали съ сильнымъ сокращеніемъ производства. Изъ всѣхъ промышленныхъ центровъ лодзинскому округу пришлось хуже всѣхъ. Постоянное передвиженіе борющихся армій, чувство полнѣйшей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, жестокіе бои, разыгравшіеся въ ноябрѣ въ самомъ центрѣ округа, и, наконецъ, длительная оккупація его непріятельскими войсками, отрѣзывающая отъ обычныхъ рынковъ,—все это, наряду съ отсутствіемъ угля, сырья и связи съ финансовыми источниками, привело къ тому, что Лодзь и всѣ маленькіе городки вокругъ нея превратились въ настоящее царство смерти. Не дымятся тамъ безчисленныя фабричныя трубы, не жужжатъ веретена—все остановилось и замерло... Въ связи съ необходимостью оживленія лодзинской промышленности нѣкоторое время назадъ въ печати усиленно дебатировался вопросъ о „перенесеніи Лодзи" въ центральную Россію. Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ, Тифлисъ наперебой доказывали свою исключительную пригодность для выполненія этого плана и приводили въ свою пользу самые вѣскіе аргументы. Долженъ однако сознаться, что я не совсѣмъ понимаю, какъ можно „перенести Лодзь", ея капиталы, ткацкопрядильныя фабрики съ ихъ оборудованіемъ и всѣ неисчислимыя полуфабричныя, полуремесленныя предпріятія, кормящіяся у текстильныхъ колоссовъ, какъ можно перевести куда-либо стотысячную армію рабочихъ, вотъ уже въ третьемъ поколѣніи выростающую въ атмосферѣ лодзинскаго производства. Но, что ни говорить о „перенесеніи", какіе ни приводить доводы pro и contra, фактъ остается фактомъ—Лодзь все еще стоитъ на старомъ мѣстѣ, но не та Лодзь, которая росла, какъ грибъ послѣ дождя, въ которой жизнь била ключемъ, а городъ настолько омертвѣвшій, настолько измѣнившій свой обычный обликъ, что, какъ говорятъ очевидцы, его и не узнать.

Въ варшавскомъ промышленномъ округѣ положеніе нѣсколько лучше. Въ варшавѣ находятся центральныя для всего края финансовыя учрежденія, она за все время ни разу не порывала связей съ центральной Россіей, желѣзнодорожное сообщеніе очень, конечно, затрудненное, ни разу не пріостанавливалось. Въ то же время поступали правительственные заказы, а близость къ арміи нѣсколько оживляла нѣкоторыя отрасли промышленности, вѣрнѣе—не давала имъ совсѣмъ пріостановиться. Но и тутъ та же бѣда—отсутствіе топлива и сырья, сбыта (изъ-за желѣзно-дорожныхъ затрудненій), недостатокъ кредита, общая депрессія и т. д. И положеніе ухудшается съ неимовѣрной быстротой. По свѣдѣніямъ

фабричной инспекціи, въ концѣ сентября изъ 223 фабрично-заводскихъ предпріятій 79 прекратило работу, а остальныя сократили время и количество рабочихъ. Безработныхъ было 23 тысячи изъ 40 тысячъ, занятыхъ въ опрошенныхъ предпріятіяхъ въ нормальное время. Только пять тысячъ человѣкъ работали шесть дней; остальные были заняты два-три дня и меньше. Данныя фабричной инспекціи на 1 ноября охватываютъ предпріятія съ 64 тыс. рабочихъ; изъ нихъ работало только 24 тыс.; 40 тыс. пополняли ряды безработныхъ. Къ этому же приблизительно времени относится и анкета Общества Промышленниковъ Царства Польскаго, охватившая 80 крупнѣйшихъ предпріятій приблизительно съ 40 тысячъ рабочихъ. Количество рабочихъ уменьшилось, судя по этой анкетѣ, на 45%, но сохранившіе свои мѣста работали въ среднемъ только половину нормальнаго времени, и соотвѣтственно съ уменьшеніемъ рабочаго времени уменьшились, конечно, и ихъ заработки. Не во всѣхъ отрасляхъ промышленности положеніе одинаково. Въ то время, какъ въ машиностроительныхъ заводахъ, получившихъ заказы военнаго вѣдомства, количество занятыхъ рабочихъ выражается по сравненію съ нормальными условіями 67%, а рабочаго времени 65%, въ предпріятіяхъ той же отрасли, лишенныхъ заказовъ, данныя анкеты рисуютъ несравненно худшую картину: рабочихъ осталось всего 23%, а работаютъ они всего 16% прежняго времени. Въ химическомъ производствѣ соотвѣтствующія цифры равны 25% и 23%, въ строительныхъ предпріятіяхъ 20% и 15% и т. д. Не лучше и въ развитомъ ремесленномъ производствѣ, которое работало главнымъ образомъ на русскій рынокъ („варшавская обувь", „варшавская галантерея" и т. д.) и особенно страдаетъ вслѣдствіе полной невозможности вывоза. Точныхъ данныхъ нѣтъ, но, по всеобщему свидѣтельству, здѣсь царитъ полнѣйшій застой и безработица.

Нужно замѣтить, что всѣ приведенныя данныя относятся къ послѣднимъ мѣсяцамъ прошлаго года. Съ того времени положеніе отнюдь не улучшилось. Напротивъ, можно смѣло утверждать, что ухудшеніе происходитъ съ каждымъ днемъ. Трудно было бы ожидать какого-либо приспособленія къ новымъ условіямъ, когда прежнія препятствія не исчезаютъ, а новыя появляются ежедневно. Топлива нѣтъ, и положеніе угольнаго вопроса въ Россіи является, въ сущности говоря, смертнымъ приговоромъ для всей польской промышленности и сотенъ тысячъ занятыхъ въ ней рабочихъ. Переходъ на другое топливо, какъ это понятно даже не-спеціалистамъ, связанъ съ исключительными затрудненіями. А главное — нѣтъ надежды на близкое урегулированіе вопроса о желѣзнодорожномъ сообщеніи. Безъ этого же нечего и думать не только о возвращеніи къ нормальному положенію дѣлъ, но даже о поддержаніи того, что еще кое-какъ перебивалось три-четыре мѣсяца назадъ. И промышленная дѣятельность неудержимо идетъ на убыль.

Въ общемъ, какъ утверждаетъ статистическая коммиссія при Центр. Обыв. Комитетѣ, къ январю производство въ лучшемъ случаѣ достигало 10% нормальнаго. Мнѣніе это кажется мнѣ еще слишкомъ оптимистическимъ; во всякомъ случаѣ, если оно и было правильнымъ для конца прошлаго и начала текущаго года, то нынѣ оно едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности. То и дѣло слышишь о закрытіи фабрикъ и заводовъ и все увеличивающемся вслѣдствіе затяжнаго характера войны и указанныхъ выше причинъ застоѣ. По мнѣнію лицъ, близко стоящихъ къ польской промышленности, размѣры производства едва-ли достигаютъ въ настоящее время даже 8%. Основываясь на вычисленіи Статистич. Коммиссіи можно опредѣлить потери польской промышленности въ 300 мил. руб. Гораздо важнѣе однако, чѣмъ эта подавляющая цифра, то, что около 400 тысячъ фабрично-заводскихъ рабочихъ осталось безъ заработка. Къ этому необходимо причислить, по крайней мѣрѣ 500 тыс. такъ называемыхъ „ремесленныхъ“ рабочихъ, находящихся въ такомъ же положеніи. Въ общемъ изъ 2,8 мил. лицъ, занятыхъ въ производствѣ вмѣстѣ съ ихъ семьями, значительно болѣе 2 милліоновъ лишено средствъ къ жизни. Это составляетъ 16—17% населенія Царства Польскаго. Признаюсь, что, придя, на основаніи имѣющагося матеріала, къ такимъ, поистинѣ, чудовищнымъ выводамъ, я самъ ужаснулся и нѣсколько разъ провѣрялъ вычисленія. Тѣмъ не менѣе результатъ ихъ въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и, можетъ быть, даже нѣсколько преуменьшенъ, такъ какъ положеніе ухудшается непрерывно, а обслѣдованія производятся только время отъ времени. И я подчеркиваю, что эти выводы относятся только къ тѣмъ слоямъ населенія, которые заняты въ промышленности и ремеслѣ. Чтобы составить себѣ правильное представленіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, необходимо было бы принять во вниманіе сельско-хозяйственный пролетаріатъ и оставшихся безъ всякихъ средствъ къ жизни крестьянъ. Но ихъ число не поддается пока рѣшительно никакому учету.

Торговля въ общемъ раздѣляетъ судьбу промышленности, хотя и не пострадала такъ сильно. Точно въ цифрахъ выразить ея положеніе трудно. „На глазъ“ можно опредѣлить, что торговля очень значительно сократилась. Не всѣ, впрочемъ, отрасли торговли пострадали въ одинаковой степени. „Торговый оборотъ съ Центр. Россіей и за-границей—говорится въ упомянутомъ отчетѣ статистической коммиссіи—оборотъ, достигавшій милліарда рублей, уменьшился вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговыхъ сношеній съ за-границей и чрезвычайнаго сокращенія сношеній съ Центральной Россіей. Мѣстная оптовая и розничная торговля теряетъ гораздо меньше, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обороты совсѣмъ не уменьшились, причемъ возмѣщеніе увеличившихся издержекъ по перевозкѣ товаровъ происходитъ путемъ повышенія цѣнъ. Многія лица изъ торговыхъ круговъ получаютъ значительные барыши,

поставляя на нужды арміи. Наконецъ, многочисленные спекулянты обогащаются—съ ущербомъ для широкихъ массъ населенія,—вызывая искусственное повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости. Въ общемъ однако торговый оборотъ Царства Польскаго, равнявшійся приблизительно 2 милліардамъ рублей, сократился по крайней мѣрѣ наполовину". Понятно, что наиболѣе крупныя предпріятія торговаго посредничества и транспорта, такъ же, какъ и финансовыя учрежденія, техническія бюро, оптовые склады и т. д. относятся къ первому виду торговли или тѣсно съ нимъ связаны. И такъ какъ, въ сущности говоря, „внѣшняя" торговли Польши фактически не существуетъ, то всѣ эти предпріятія отчасти ликвидировали свои дѣла, отчасти сократили штатъ служащихъ, а въ большинствѣ случаевъ уменьшили ихъ вознагражденіе. Трудно опредѣлить, сколько изъ приблизительно 50.000 торговыхъ служащихъ оказалось теперь не у дѣлъ. Во всякомъ случаѣ число ихъ должно быть очень значительное. И въ то же время заработки счастливцевъ, сохранившихъ свои мѣста, сократились, какъ говорится въ цитированномъ выше отчетѣ, по крайней мѣрѣ на 60%.

Большое потрясеніе торговли произвело выселеніе евреевъ изъ мѣстностей, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. На ряду съ ремесленниками тысячи мелкихъ и крупныхъ еврейскихъ купцовъ принуждены были оставить свои насиженныя мѣста, не успѣвъ ликвидировать дѣла, и очутились вмѣстѣ со своими семьями и служащими въ крайней нищетѣ. Въ концѣ концовъ эта операція не обошлась безболѣзненно для торговли страны вообще, а въ особенности для всего мѣстнаго населенія. Это должны признать даже тѣ, кто призывалъ къ „освобожденію народа отъ евреевъ" и занятію христіанами опустѣвшихъ послѣ выселенія евреевъ мѣстъ. Положеніе невольныхъ еврейскихъ бѣженцевъ по многимъ понятнымъ причинамъ особенно трагично и безвыходно. Но не на много лучше и положеніе христіанской средней торговли, жившей до сихъ поръ деревней и, вообще, округомъ. Она держится пока коекакъ мораторіемъ. Но, когда начнется его ликвидація, а это, вѣроятно, наступитъ въ недалекомъ будущемъ въ виду недвусмысленно выраженныхъ желаній крупной финансовой и промышленной бунжуазіи, раззореніе, не смотря на всѣ льготныя условія, сдѣлается совершившимся фактомъ.

Нужно ли говорить о городской интеллигенціи, въ особенности объ интеллигентномъ пролетаріатѣ, который и въ лучшія времена еле сводилъ концы съ концами? Заработки лицъ свободныхъ профессій уменьшились на 50—60%. А дороговизна жизни, которая ложится тяжелымъ бременемъ на всѣ менѣе сильные въ экономическомъ отношеніи слои населенія, ростетъ съ головокружительной быстротой. Дороговизна вообще принадлежитъ къ числу наибольшихъ бѣдъ польской жизни въ дни войны. Изслѣдованіе ея причинъ и особенностей въ переживаемый періодъ завело бы однако

слишкомъ далеко. Необходимо лишь замѣтить, что она не вызывается общими и болѣе или менѣе естественными мѣстными причинами. Значительная доля вины ложится на хищниковъ, спекулирующихъ на безвыходномъ положеніи населенія, безсовѣстно взвинчивающихъ цѣны на предметы первой необходимости и не обращающихъ никакого вниманія на жалобы и негодованіе общества.

Пора подвести итоги. Польша раззорена до такой степени, что неизвѣстно, скоро ли ей удастся подняться до уровня предшествующаго періода. Потери ея къ 1-му января опредѣлялись Центр. Обыв. Комитетомъ въ милліардъ рублей. Милліоны людей остались безъ всякихъ средствъ къ существованію и осуждены на голодъ въ самомъ подлинномъ смыслѣ слова. Не даромъ такъ участились заболѣванія и самоубійства на почвѣ голода. И хуже всего, что ближайшее будущее не принесетъ и не можетъ принести серьезнаго облегченія.

II.

Пока идетъ кровавая борьба, Польша не собирается приступить къ возстановленію всего, что сметено военнымъ ураганомъ. И трудно думать объ этомъ, такъ какъ война не стоитъ на мѣстѣ, битвы не ведутся на одной и той же линіи, а то передвигаются на западъ, то снова отходятъ на востокъ. И возстановленное на приведенномъ въ относительный порядокъ участкѣ страны снова подверглось бы безжалостному разрушенію. Таковы суровые законы войны и нужно съ ними считаться. Впрочемъ, созидательная работа на развалинахъ не такъ и проста, и, по всей вѣроятности, втеченіе очень долгихъ лѣтъ общественная энергія Польши будетъ поглощена стираніемъ слѣдовъ войны. Это задача на очень большой промежутокъ времени и надъ ней, въ сущности говоря, нечего теперь задумываться. Жизненныя силы страны, оправляясь послѣ погрома, стихійно приступятъ къ созидательному творчеству и постепенно залечатъ глубокія раны.

Теперь же передъ польскимъ народомъ стоитъ другая задача, въ данный моментъ гораздо болѣе важная. Когда пылаетъ охваченный пожаромъ домъ, не думаешь о его отстройкѣ, а заботишься лишь объ одномъ—о спасеніи находящихся въ опасности и погибающихъ людей. А въ Польшѣ горитъ не одинъ домъ—пожарищемъ охвачена вся страна и спасать нужно милліоны людей. Нужно ихъ накормить, одѣть и очень часто пріютить. Такая задача, конечно, далеко превышаетъ силы личной и даже групповой благотворительности. Необходима планомѣрная работа при напряженіи всѣхъ общественныхъ силъ, чтобы хоть мало-мальски удовлетворительно вести борьбу со всенароднымъ бѣдствіемъ. Само общество должно было выдѣлить изъ себя руководящія кол-

лективы, направляющіе и регулирующіе общественную дѣятельность.

Какъ бы въ предчувствіи надвигающейся страдной поры, въ Варшавѣ—идейномъ и политическомъ центрѣ страны—возникла, по иниціативѣ группы лицъ, организація, получившая названіе „Обывательскаго Комитета“ и готовая взять на себя руководство общественной жизнью въ трудный и полный всякихъ возможностей періодъ войны. Иниціатива вышла изъ консервативно-буржуазныхъ и аристократическихъ круговъ и комитетъ, состоявшій изъ лицъ, угодныхъ власти, былъ вскорѣ утвержденъ администраціей. Впрочемъ, власти Царства Польскаго еще въ первый періодъ войны поняли, что, если въ нормальное время можно кое-какъ жить, повиснувъ въ воздухѣ, то въ дни войны безъ совмѣстной съ нѣкоторыми элементами дѣятельности никакъ не обойтись. Поэтому иниціатива высшихъ круговъ польскаго общества была встрѣчена благожелательно и не успѣлъ истечь первый мѣсяцъ войны, какъ „Обывательскій Комитетъ города Варшавы“ приступилъ къ работѣ.

Примѣръ Варшавы подѣйствовалъ на остальную Польшу. Такіе же комитеты появились въ другихъ городахъ, стали возникать и въ деревняхъ и, наконецъ, зданіе увѣнчалъ Центральный Обывательскій Комитетъ, который съ своей стороны принялся за планомѣрную организацію комитетовъ во всей странѣ и установленіе между ними связи и взаимодѣйствія. Въ Польшѣ насчитывается теперь свыше полутысячи обывательскихъ комитетовъ, разбросанныхъ по деревнямъ, посадамъ и мелкимъ и крупнымъ городамъ. У основанія этой выросшей во время войны общественной организаціи стоятъ гминные (волостные) и городскіе комитеты. Въ предѣлахъ уѣзда комитеты выдѣляютъ изъ себя уѣздный, а въ границахъ губерніи—губернскій комитетъ. Каждый обывательскій комитетъ избираетъ изъ своей среды исполнительный органъ, которымъ въ гминахъ и мелкихъ городкахъ являются предсѣдатель и секретарь, а въ большихъ многолюдныхъ центрахъ особыя правленія, ведущія, въ сущности, всю работу. Тамъ, гдѣ задачи слишкомъ усложняются, обывательскіе комитеты выдѣляютъ изъ себя особыя коммиссіи и секціи, занимающіяся отдѣльными отраслями дѣятельности и привлекающія цѣлый рядъ постороннихъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу комитета. Вся эта организація создавалась постепенно, по мѣрѣ надобности и усложненія стоящихъ передъ страной задачъ.

Дѣятельность обывательскихъ комитетовъ такъ же, какъ и ихъ организація, развивалась по мѣрѣ появленія все новыхъ и новыхъ задачъ. Если первоначально обывательскій комитетъ возникъ въ Варшавѣ „на всякій случай“, то уже вскорѣ оказалось, что, независимо отъ военно-политической обстановки, онъ призванъ сыграть выдающуюся роль въ тяжкое время войны.

Въ настоящее время задачи обывательскихъ комитетовъ

какъ ихъ опредѣляетъ Центральный Обывательскій Комитетъ, чрезвычайно разносторонни. Вотъ что говорится, напр., о дѣятельности гминнаго комитета: „гминный обывательскій комитетъ организуетъ общественно-хозяйственную самодѣятельность и заботится о поддержаніи порядка въ предѣлахъ гминъ, равно какъ объ удовлетвореніи всѣхъ насущныхъ потребностей населенія. Главныя задачи комитета: несеніе всесторонней помощи и удовлетвореніе всевозможныхъ матеріальныхъ нуждъ населенія; поддержаніе правильнаго хода хозяйственной жизни, равно какъ и порядка, спокойствія и безопасности". Само собой разумѣется, что кругъ дѣятельности болѣе крупныхъ единицъ, какъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ и, въ особенности, Центральнаго Обывательскаго Комитета, гораздо сложнѣе и многообразнѣе. На нихъ лежитъ не только обязанность руководства мелкими единицами, но и проведеніе въ жизнь такихъ мѣропріятій, которыя превышаютъ силы и средства гминныхъ и мѣстечковыхъ учрежденій. Они именно организуютъ продовольственную помощь, доставляютъ мѣстнымъ комитетамъ припасы для раздачи, занимаются санитарной дѣятельностью и т. д. Центральный Обывательскій Комитетъ вырабатываетъ соотвѣтствующія директивы, руководитъ всей дѣятельностью комитетовъ и, наконецъ, является представителемъ ихъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ, которому, кромѣ того, докладываетъ о всѣхъ мѣстныхъ нуждахъ.

Разумѣется, задачи комитетовъ въ областяхъ, занятыхъ непріятелемъ, еще значительнѣе. Тамъ они руководятъ всѣми сторонами жизни населенія, учреждаютъ суды, организуютъ милицію въ цѣляхъ поддержанія порядка, регулируютъ денежное обращеніе, однимъ словомъ, выполняютъ всѣ многообразныя обязанности отсутствующихъ властей [1]).

Говоря объ организаціи обывательскихъ комитетовъ, необходимо упомянуть о финансовой сторонѣ дѣла. Обывательскіе комитеты не имѣютъ никакихъ собственныхъ источниковъ дохода. Кассы ихъ пополняются пожертвованіями извнѣ и правительственными субсидіями. А эти источники не отличаются ни постоянствомъ, ни непрерывностью доставленія средствъ, сильно смахивая на милостыню, которая, конечно, не можетъ служить фундаментомъ для энергичной общественной работы. И въ этомъ отношеніи лучше поставлено дѣло въ занятыхъ непріятелемъ частяхъ Польши, гдѣ по необходимости пришлось прибѣгнуть къ налоговому обложенію населенія.

Понятно, что главное вниманіе привлекаютъ къ себѣ задачи несенія помощи пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій населенію.

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія о Лодзи содержитъ статья г. В. Гелжинскаго (Widnokrąg, 1914, № 41), о горно-промышленномъ округѣ—вышеупомянутыя корреспонденція И. К. L. F. M. K. O. N.

Въ Варшавѣ такъ же, какъ и въ другихъ крупныхъ городахъ, съ первыхъ же дней войны появились толпы бѣженцевъ, притокъ которыхъ не прерывался съ того времени ни на минуту. Безпріютные, голодные, полунагіе или еле прикрытые лохмотьями, они требовали немедленной помощи. И этимъ опредѣлился первый видъ дѣятельности обывательскихъ котитетовъ. Немедленно приступлено было къ устройству убѣжищъ для бездомныхъ, черезъ которыя проходили десятки тысячъ человѣкъ. Въ убѣжищахъ раздается пища безплатно или за очень небольшую плату; тамъ же раздаютъ нуждающимся платье. Но, какъ было указано выше, страдаетъ не только населеніе, бѣжавшее съ театра военныхъ дѣйствій. Немедленная помощь въ такой же степени была необходима всѣмъ, лишившимся средствъ къ жизни. Комитеты выдаютъ небольшія денежныя суммы раззореннымъ крестьянамъ и ремесленникамъ и расходуютъ значительныя средства на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости, которые затѣмъ раздаются нуждающемуся населенію. Наряду съ этимъ всюду появляется сѣть столовыхъ и чайныхъ, выдающихъ въ одной только Варшавѣ сотни тысячъ порцій по очень дешевой цѣнѣ или по предъявленіи особыхъ квитанцій, раздаваемыхъ безплатно канцеляріей обывательскаго комитета. Всѣ эти виды дѣятельности обывательскихъ комитетовъ, носящіе исключительно благотворительный характеръ, занимаютъ выдающееся мѣсто въ ихъ программахъ и поглощаютъ значительную часть ихъ довольно скромнаго бюджета.

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе сказывалась недостаточность одной только благотворительности въ традиціонныхъ ея формахъ. Нужно было, во-первыхъ, замѣнить ее планомѣрной работой по оказанію населенію всесторонней помощи, а во-вторыхъ, стремясь къ дѣйствительному улучшенію положенія страны, не ограничиваться устройствомъ пріютовъ, столовыхъ и безплатной раздачей съѣстныхъ припасовъ, а предоставить населенію, ищущему заработка, возможность труда. Отсюда вытекаетъ необходимость цѣлаго ряда новыхъ функцій обывательскихъ комитетовъ.

Раньше всего была шире поставлена продовольственная помощь населенію, для чего Центральному Обывательскому Комитету пришлось обзавестись собственными центральными складами и перевозочными средствами, закупать оптомъ цѣлые транспорты разныхъ припасовъ и затѣмъ разсылать ихъ мѣстнымъ комитетамъ. Пришлось, однимъ словомъ, завести цѣлое хозяйство. Понятно, что такая постановка дѣла гораздо раціональнѣе, чѣмъ субсидированіе мѣстныхъ комитетовъ и предоставленіе имъ закупки всего необходимаго на свой страхъ и рискъ. Кромѣ того, централизація продовольственной помощи позволяетъ вести дѣятельную борьбу съ дороговизной предметовъ потребленія. Опытъ показалъ, что само по себѣ изданіе обязательныхъ постановленій

о максимальныхъ цѣнахъ не приводитъ ни къ чему [1]). Владѣльцы съѣстныхъ лавокъ попросту не обращали на нихъ вниманія. И въ отвѣтъ на угрозы наказаніемъ или вмѣшательствомъ полиціи они устраивали самую настоящую забастовку. Тѣмъ временемъ цѣны росли съ головокружительной быстротой. И вотъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться грозными по формѣ, но невинными по существу „обязательными таксами", обывательскіе комитеты приступили къ устройству собственныхъ лавокъ и субсидированію и снабженію продуктами потребительныхъ организацій. Въ Варшавѣ, напримѣръ, открыто до настоящаго времени около 40 комитетскихъ лавокъ, гдѣ по цѣнамъ стоимости продаются хлѣбъ, картофель, овощи, соль, дрова и т. д. Разумѣется, такимъ путемъ нельзя достигнуть полнаго результата. Лавокъ слишкомъ мало и онѣ не всегда расположены тамъ, гдѣ это наиболѣе необходимо. Тѣмъ не менѣе эта борьба съ дороговизной имѣетъ, несомнѣнно, нѣкоторое значеніе. Не нужно только утверждать, что достигнутъ блестящій результатъ, какъ думаетъ, напр., предсѣдатель Центральнаго Обывательскаго Комитета, кн. Святополкъ-Четвертинскій, заявившій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ петроградскаго „Дня", что „у насъ въ Варшавѣ совершенно отсутствуетъ проблема о дороговизнѣ, которая не сходитъ со столбцовъ столичной печати. Мы добились того, что спекуляція торговцевъ была сведена на нѣтъ. Кромѣ мяса, намъ удалось по отношенію ко всѣмъ остальнымъ продуктамъ установить цѣны, почти не превосходящія цѣнъ мирнаго времени" („День" № 124). Но вотъ данныя, заимствованныя изъ отчета Центральнаго Обывательскаго Комитета, представленнаго съѣзду представителей комитетовъ, находящихся подъ покровительствомъ Вел. Кн. Татьяны Николаевны:

	Мѣсяцы 1914 г.						Мѣсяцы 1915 г.			
	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	I.	II.	III.	IV.
Мука пшеничн. .	1.80	2.10	2.20	2.20	2.25	2.30	2.40	2.50	2.60	2.70
„ ржаная . .	1.10	1.25	1.30	1.30	1.30	1.40	1.50	1.50	1.50	1.50
Гречн. крупа . .	1.85	2.40	2.40	2.50	2.60	2.60	2.75	2.80	2 90	3.00
Горохъ.	1.70	1.80	1.80	1.90	1.90	1.90	2.00	2.10	2.10	2.10
Песоч. сахаръ. .	4.20	4.40	4.60	4.60	4.85	5.00	5.20	5.25	5.30	5.40
Соль.	0.50	0.60	0.60	0.80	0.80	0.70	0.70	0.70	0.70	0.70
Солонина. . . .	8.00	9.00	9.50	10.00	10.00	10.00	11.00	11.00	11.75	12.50
Керосинъ. . . .	1.60	1.90	2.10	2.10	2.40	2.80	2.80	2.80	2.80	2.60

Изъ офиціальнаго отчета Центр. Обыв. Комитета такимъ образомъ слѣдуетъ, что цѣны значительно возросли и что Варшавѣ далеко до того, чтобы стать „обѣтованной страной", въ которой „установились цѣны, не превосходящія цѣнъ мирнаго времени".

[1]) Въ послѣднее время Варшавскій Обывательскій Комитетъ установилъ особыхъ надзирателей изъ среды городскихъ жителей для наблюденія надъ лавочниками. Опытъ покажетъ, каковы будутъ результаты этого мѣропріятія.

Нужно еще принять во вниманіе, что, какъ значится въ упомянутомъ отчетѣ, цѣны по временамъ поднимались еще выше, напримѣръ, на пшеничную муку до 6 руб., на крупу до 3-хъ, соль—2 руб., солонину—14 руб., керосинъ—6 руб. и т. д. Въ лѣвобережной Польшѣ, куда продукты доставить труднѣе, установились еще болѣе высокія цѣны. При всемъ томъ приходится утѣшаться мыслью, что безъ дѣятельности обыв. комитетовъ пришлось бы еще хуже.

Народу съ широкой продовольственной помощью и борьбой съ дороговизной обывательскіе комитеты начинаютъ посвящать все больше и больше вниманія вопросамъ о предоставленіи населенію возможности труда и заработка.

Деревня занимаетъ въ этомъ отношеніи выдающееся мѣсто. И, приступая къ работѣ, Центр. Обыв. Комитетъ посвятилъ много вниманія отстройкѣ польской деревни. При немъ образована особая строительная секція, занятая подготовкой персонала и необходимыхъ матеріаловъ для раціональной отстройки деревенскихъ избъ. Эта коммиссія собираетъ данныя о размѣрахъ поврежденій и разрушеній, о наличности строительныхъ матеріаловъ на мѣстахъ (кирпичъ, лѣсъ, известнякъ), мѣстонахожденіи предпріятій, занятыхъ производствомъ этихъ матеріаловъ, какъ лѣсопильные и кирпичные заводы, каменоломни и т. д. Кромѣ того она образуетъ особыя строительныя коммиссіи при каждомъ изъ обывательскихъ комитетовъ. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо было выработать планъ отстройки, выяснить программу будущей дѣятельности, установить всѣ ея мелочи, подумать о качествѣ и пригодности разныхъ строительныхъ матеріаловъ и общемъ планѣ польской крестьянской избы, причемъ пришлось учесть разнообразіе типовъ избы въ разныхъ уголкахъ Польши, такъ же, какъ и то, что польскій крестьянинъ, консервативный, какъ и всякій другой крестьянинъ, привязанъ къ прадѣдовскому образцу хаты. Всѣмъ этимъ вопросамъ былъ посвященъ цѣлый рядъ, какъ хозяйственно-техническихъ, такъ и публичныхъ собраній при участіи выдающихся спеціалистовъ; затѣмъ были изданы посвященныя этому вопросу брошюры, организована выставка польской народной архитектуры, наконецъ, устроенъ конкурсъ на спроектированіе наиболѣе раціональнаго типа избы. Въ результатѣ всего этого были выработаны основные моменты строительной программы.

Но работа обывательскихъ комитетовъ, посвященная предоставленію польской деревнѣ возможности труда, не ограничивается вопросомъ объ отстройкѣ крестьянскихъ жилищъ. Всѣ понимаютъ, что въ концѣ концовъ можно пока, особенно лѣтомъ, ютиться въ землянкѣ или деревянномъ баракѣ, лишь бы опять приняться за привычную работу, сулящую возможность пропитанія. Всѣ наблюдатели крестьянской жизни въ Польшѣ въ дни войны единогласно констатируютъ тоску по старой мужицкой работѣ. Нѣсколько разъ

при мнѣ разсказывали о томъ, какъ еще въ началѣ войны, въ дни страшныхъ сраженій, на югѣ Польши крестьяне выходили въ поле и пахали озимое, не смотря на то, что невдалекѣ отъ нихъ пылали сосѣднія села и падали снаряды. На указанія о грозящей опасности они неизмѣнно отвѣчали: „Какое мнѣ дѣло до всего этого? Не въ меня вѣдь стрѣляютъ". Разсказъ этотъ приводился обыкновенно въ примѣръ того, что польское крестьянство сохранило даже въ годину тяжкихъ испытаній хладнокровіе и душевное равновѣсіе, что въ свою очередь служитъ залогомъ будущаго идейнаго и матеріальнаго возрожденія польскаго народа. Если это отчасти и правильное умозаключеніе, то все-таки, кажется мнѣ, картина идущаго за сохой подъ градомъ пуль крестьянина гораздо знаменательнѣе въ другомъ отношеніи. Крестьянинъ остается на своемъ мѣстѣ до послѣдней возможности, пока его не прогонятъ, и, не смотря ни на что, ведетъ свою традиціонную трудовую жизнь. Не идеализируя крестьянской жизни, нужно признать, что трудолюбіе крестьянъ диктуется прежде всего яснымъ представленіемъ о необходимости труда и не лишеннымъ основанія недовѣріемъ къ чужой, особенно „городской", „панской" помощи. На чужую помощь и на чужое содѣйствіе нечего разсчитывать—такъ, думается мнѣ, разсуждаетъ польскій хлопъ и вспахиваетъ свою полосу подъ грохотъ пушекъ. Но мало одного сознанія необходимости и желанія труда. Необходимы не только опредѣленныя, болѣе или менѣе благопріятныя, условія, но и живой и мертвый инвентарь и зерно для посѣва. Центр. Обыв. Комитетъ исходатайствовалъ у правительства 30 мил. рублей и одновременно законтрактовалъ значительныя партіи овса и ячменя. Зерно выдается крестьянамъ въ видѣ ссуды по цѣнамъ стоимости, а не по рыночнымъ цѣнамъ. Затѣмъ, получивъ изъ казны 13 мил. рублей, Центр. Обыв. Комитетъ приступилъ къ закупкѣ 120.000 лошадей, которыя перепродаются крестьянамъ, уплачивающимъ при покупкѣ только 10% стоимости. Остальная сумма будетъ выплачиваться по частямъ. На пріобрѣтеніе рогатаго скота ассигновано 2,5 мил. руб. Кромѣ того закупается значительное количество земледѣльческихъ орудій и разныхъ предметовъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что, предпринимая огромную работу по доставленію крестьянамъ всего наиболѣе необходимаго для веденія ихъ хозяйства, обыв. комитеты стараются одновременно улучшить породу скота и снабдить крестьянина хорошими и по возможности наиболѣе современными орудіями.

Съ такой программой идетъ организація обывательскихъ комитетовъ въ деревню, которой они посвящаютъ исключительное вниманіе, во всякомъ случаѣ гораздо большее, чѣмъ городамъ. На первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, почему городскимъ трудящимся массамъ удѣляется меньше вниманія. Вѣдь

обывательскіе комитеты возникли въ городахъ, какъ городское преимущественно учрежденіе, и тамъ они впервые развернули свою дѣятельность. Мнѣ кажется, что объясненія нужно искать въ соціально-психологическомъ моментѣ. Обывательскіе комитеты являются по существу организаціями имущихъ элементовъ, при значительномъ участіи земледѣльческихъ круговъ—въ особенности въ Центр. Обыв. Комитетѣ и въ большинствѣ губернскихъ и уѣздныхъ. И, разумѣется, интересы имущихъ вообще у нихъ на первомъ планѣ. Я не говорю о благотворительности: она предназначена, главнымъ образомъ, для неимущихъ. Но самая важная сторона дѣятельности обывательскихъ комитетовъ—избавленіе общественной благотворительности отъ тѣхъ элементовъ населенія, которые могли бы содержать себя трудомъ, избавленіе путемъ доставленія имъ возможности труда—касается главнымъ образомъ имущихъ, лишенныхъ средствъ производства вслѣдствіе военныхъ дѣйствій. И такъ какъ крестьянство (не какъ сословіе, а какъ общественный классъ) даетъ главный контингентъ пострадавшихъ собственниковъ, то оно и стоитъ естественно въ центрѣ вниманія обывателькихъ комитетовъ. Разумѣется, и крупное и среднее землевладѣніе пользуется большой поддержкой. Землевладѣльцы имѣютъ возможность получать зерно для посѣва, пріобрѣтать при посредствѣ Центр. Обыв. Комитета лошадей, рогатый скотъ и т. д., равно какъ пользоваться льготными ссудами, выдаваемыми изъ особаго 50-ти милліоннаго фонда, предоставленнаго правительствомъ. Но любопытно, что для неимущихъ слоевъ польской деревни, для сельско-хозяйственнаго пролетаріата и малоземельнаго крестьянства, которое тоже можно безъ большой ошибки причислить къ этой категоріи, сдѣлано очень мало или, лучше сказать, ничего. Во всякомъ случаѣ на организацію общественныхъ работъ, которыя предназначались главнымъ образомъ для этихъ слоевъ населенія, израсходовано до 1-го апрѣля т. г. всего 1.300 рублей при общей суммѣ расходовъ въ 4,3 милліон. рублей.

Въ городахъ въ общемъ имущіе классы пострадали меньше и менѣе значительно. Этимъ и объясняется, какъ мнѣ кажется, то обстоятельство, что обывательскіе комитеты, не говоря о благотворительности и борьбѣ съ дороговизной, обращаютъ меньшее вниманіе на городское населеніе. И здѣсь приходится констатировать, что нужды и интересы имущихъ встрѣчаютъ въ средѣ обывательскихъ комитетовъ больше сочувствія, чѣмъ нужды фабрично-заводскаго и ремесленнаго пролетаріата. Для поддержанія кредитныхъ и промышленныхъ учрежденій исходатайствованъ 50-милліонный кредитный фондъ. Изъ этой суммы выдаются ссуды на обычныхъ кредитныхъ условіяхъ. Кромѣ того, по ходатайству Ц. Об. Комитета правительство предназначило еще 50 мил. руб. на выдачу промышленнымъ предпріятіямъ ссудъ на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ съ цѣлью немедленнаго возобновленія про

изводства. Разумѣется, само по себѣ оживленіе промышленной дѣятельности благотворно повліяетъ на положеніе пролетаріата, но о немъ Ц. Об. Комитетъ мало въ этомъ случаѣ позаботился, не обставляя выдачу ссудъ извѣстными условіями, касающимися занятыхъ въ предпріятіяхъ рабочихъ. И нужно признать, что упомянутыя мѣры лишь косвенно и въ крайне незначительной степени касаются рабочаго класса.

Далѣе, Ц. Об. Комитетъ оказываетъ поддержку ремесленникамъ, подъ которыми слѣдуетъ понимать, главнымъ образомъ, владѣльцевъ предпріятій полукапиталистическаго-полуремесленнаго типа, такъ называемыхъ „ремесленныхъ мастерскихъ". Поддержка эта заключается, во-первыхъ, въ выдачѣ небольшихъ субсидій (до 300 рублей), а во-вторыхъ, въ посредничествѣ по доставленію заказовъ, въ частности заказовъ военнаго вѣдомства. И въ данномъ случаѣ необходимо констатировать совершенное отсутствіе какого бы то ни было стремленія къ улучшенію положенія занятыхъ въ этихъ мастерскихъ рабочихъ. Извѣстно, напр., что большіе заказы на изготовленіе бѣлья Ц. О. К. передалъ одной изъ мѣстныхъ крупныхъ фирмъ, которая въ свою очередь, уже отъ себя, раздаетъ работу на домъ (см. Widnokrąg, № 2). При этомъ Ц. Об. К. отнюдь не позаботился обставить этотъ заказъ условіями хотя бы извѣстнаго минимума заработной платы. И неизбѣжно напрашивается выводъ, что Ц. Об. Комитетъ считаетъ всякое вмѣшательство въ отношенія между предпринимателями и рабочими совершенно излишнимъ. Къ поддержкѣ ремесла относится еще устройство собственныхъ мастерскихъ, гдѣ занято, впрочемъ, ничтожное (до 500 чел.) число ремесленниковъ. Вообще же говоря, т. наз. ремесленная секція Ц. Об. Комитета израсходовала всего лишь 80 тыс. рублей, что въ достаточной степени указываетъ на очень скромное развитіе ея дѣятельности.

Обывательскимъ комитетамъ пришлось все-таки призадуматься надъ положеніемъ городского пролетаріата. Безработица и нищета заставляли рабочее населеніе за неимѣніемъ иного исхода прибѣгать къ благотворительности комитетовъ. Число нуждающихся все ростетъ, ростутъ и расходы на ихъ поддержку, что грозитъ поглощеніемъ значительной части бюджета обывательскихъ комитетовъ. И самый крупный и энергичный изъ обывательскихъ комитетовъ, варшавскій, сдѣлалъ изъ этого совершенно правильный выводъ, рѣшивъ заняться предоставленіемъ безработнымъ возможности заработка и учредивъ съ этой цѣлью биржу труда. Какъ же она функціонируетъ? Изъ отчета секціи труда Варш. Обыв. Комитета, завѣдующей этой биржей, явствуетъ, что еженедѣльно доставлялся заработокъ приблизительно тысячѣ рабочихъ. И это, какъ подчеркиваетъ отчетъ, въ исключительно трудныхъ условіяхъ общей промышленной депрессіи. Не смотря однако на это нѣсколько самодовольное утвержденіе, дѣятельности биржи труда нельзя признать сколько-нибудь

удовлетворительной. Это вообще одна изъ самыхъ тѣневыхъ сторонъ работы обывательскихъ комитетовъ. Уже сама точка зрѣнія ихъ на дѣло посредничества труда не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Обывательскій Комитетъ исходитъ изъ слѣдующихъ соображеній: для безработнаго каждый трудъ долженъ быть милостью, каждое вознагражденіе должно приниматься съ благодарностью, а уклоненіе отъ предлагаемаго труда слѣдуетъ считать доказательствомъ лѣни и дармоѣдства, что влечетъ за собой лишеніе уклонившагося всякой оказываемой ему до сихъ поръ помощи. Само собой разумѣется, что такая точка зрѣнія лишаетъ биржу труда ея общественнаго значенія. Она работаетъ чисто механически, не заботясь о результатахъ. Условія предлагаемаго труда не контролируются, что въ свою очередь чрезвычайно удобно многимъ предпринимателямъ, пользующимся безвыходнымъ положеніемъ рабочихъ и понижающимъ заработную плату. Вслѣдствіе этого нерѣдко создаются невыносимыя условія труда и въ результатѣ происходятъ тренія между предпринимателями и рабочими. И въ большинствѣ случаевъ секція труда считала свое вмѣшательство излишнимъ, предоставляя рабочимъ самимъ выпутываться изъ затрудненій (См. „Co Tydzien“, № 6). Желая же, вообще, избѣжать необходимости вмѣшательства, секція объявила, что она лишь предоставляетъ возможность заключенія договора о наймѣ, относительно же дальнѣйшаго не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности передъ договаривающимися сторонами. Понятно, что такая постановка дѣла не можетъ снискать ей довѣрія со стороны рабочихъ, которое, впрочемъ, и такъ мало вѣроятно безъ участія въ ея дѣятельности представителей рабочаго класса. А соединеніе въ одномъ учрежденіи двухъ столь разнящихся по своему характеру функцій, какъ раздача вспомоществованій и посредничество труда, придаетъ биржѣ нѣкоторый полицейскій оттѣнокъ: отказываешься отъ труда—не получишь и вспомоществованія. Не хватаетъ еще формальной принудительности труда. Впрочемъ, съ точки зрѣнія Варш. Обыв. Комитета, соединеніе этихъ функцій, отнюдь не противорѣчиво—и то, и другое относится, по его мнѣнію къ области филантропіи, какъ и вообще всякая работа на пользу „меньшого брата“. А такъ какъ каждую помощь нужно принимать съ благодарностью, съ распростертыми объятіями, то понятно, что и предлагаемый трудъ долженъ приниматься съ признательностью. Коль скоро безработный отвергаетъ предложеніе труда, то одно изъ двухъ: либо онъ не нуждается и въ такомъ случаѣ незачѣмъ ему помогать продуктами и деньгами, либо же онъ закоренѣлый тунеядецъ, недостойный общественнаго вниманія и помощи. Такова точка зрѣнія обывательскихъ комитетовъ на задачи посредничества труда.

Биржи труда лучше, чѣмъ что-либо иное, раскрываютъ сущность обывательскихъ комитетовъ. Они организовались, какъ я уже неоднократно указывалъ, по инициативѣ, исходящей изъ высшихъ

круговъ финансоваго и промышленнаго капитала и землевладѣнія, и къ нимъ привлекались почти исключительно представители этихъ общественныхъ группъ. Какъ происходило это въ деревняхъ? Вотъ, что пишетъ г. М. Малиновскій, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ отношеній въ польской деревнѣ: „Намѣченный кѣмъ-нибудь помѣщикъ приглашаетъ къ себѣ сосѣдей, сообщаетъ имъ, въ чемъ дѣло; собравшіеся рѣшаютъ превратиться въ комитетъ, и комитетъ готовъ... безъ содѣйствія и освѣдомленія широкихъ массъ. Или: пріѣзжаетъ къ ксендзу делегатъ изъ уѣзда или губерніи, совѣтуется съ „księdzem dobzodziejem“, кого бы пригласить, приглашаетъ намѣченныхъ лицъ и гминный комитетъ готовъ“. (Mysl Polska, № 1). Изъ „выбранныхъ“ такимъ путемъ гминныхъ комитетовъ составляются уѣздные, а изъ нихъ губернскіе. Въ сущности, въ такой же формѣ происходила организація обывательскихъ комитетовъ въ большихъ городахъ: собирались мѣстные промышленные и финансовые тузы и „выдающіеся дѣятели“ и сами себя выбирали въ комитетъ, который потомъ пополнялся путемъ кооптаціи. О Центр. Обыв. Комитетѣ нечего и говорить. Какъ и приличествуетъ руководящему учрежденію этой организаціи, онъ состоитъ исключительно изъ представителей главныхъ крупновладѣльческихъ организацій—землевладѣнія и капитала, причемъ значительный перевѣсъ оказался на сторонѣ перваго [1]), и возникъ онъ такимъ же точно путемъ, какъ и остальные,—самъ себя выбралъ. А теперь, не испросивъ санкціи общества, руководитъ всей его жизнью и дѣятельностью. Поистинѣ—„кто палку взялъ, тотъ и капралъ“!

Допустимъ, даже что по условіямъ момента и общей политики избраніе комитетовъ было невозможно и что первоначально, пока власти не убѣдились въ необходимости обывательскихъ комитетовъ, нужно было избѣгать включенія въ списки членовъ представителей менѣе угодныхъ слоевъ населенія. Но затѣмъ можно вѣдь было привлечь къ работѣ самые широкіе общественные круги, предоставить въ комитетахъ мѣсто представителямъ всѣхъ общественныхъ группъ Польши. И слѣдовало бы это сдѣлать, хотя бы въ виду постоянныхъ призывовъ къ единенію и дружной ра-

---

[1]) Кромѣ того, къ составу Ц. Об. К. принадлежатъ еще нѣкоторые назначенные чиновники, а офиціальнымъ предсѣдателемъ является помощникъ варшавскаго генералъ-губернатора. Любопытно, что въ средѣ самихъ комитетовъ происходятъ значительныя тренія, понятно, тщательно скрываемыя отъ общества. Въ уѣздныхъ и губернскихъ, такъ же какъ и въ Центр. Обыв. Ком., преобладаетъ землевладѣльческій элементъ, а въ городскихъ—буржуазный, представители городской недвижимой собственности, торговли и промышленности. Отсюда и происходитъ нѣкоторый антагонизмъ, который однако не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать. Комитеты въ меньшихъ городахъ, находящіеся въ полной матеріальной зависимости отъ Центр. Обыв. Ком., подчиняются ему во всемъ. Одинъ только Варшавскій Комитетъ вступаетъ по временамъ въ пререканія съ высшей инстанціей и держится болѣе или менѣе независимо.

ботѣ въ годину тяжелыхъ испытаній. Но хозяева обывательскихъ комитетовъ, какъ огня, боятся активности широкихъ массъ. За исключеніемъ одного изъ уѣздовъ Варшавской губ. и нѣкоторыхъ комитетовъ въ Лодзинскомъ и Домбровскомъ округахъ, гдѣ по условіямъ момента неизбѣжна была наиболѣе полная и дружная совмѣстная дѣятельность всѣхъ группъ населенія, всюду въ остальныхъ мѣстностяхъ обывательскіе комитеты рѣзко отрицательно относятся къ работѣ вмѣстѣ съ широкими народными кругами. Это проявляется повсюду по отношенію къ крестьянамъ. Примѣромъ отношенія къ рабочимъ можетъ служить отказъ Обыв. Комитета гор. Варшавы въ поддержкѣ созданнымъ рабочими столовымъ за ихъ стремленіе сохранить независимость. И евреямъ приходится считаться съ тѣмъ, что въ глазахъ націоналистическихъ группъ, хозяйничающихъ въ обывательскихъ комитетахъ, они являются гражданами второго разряда. За рѣдкими исключеніями евреи не входятъ въ составъ комитетовъ, и помощь пострадавшему отъ войны еврейскому населенію только въ последнее время нѣсколько упорядочена путемъ созданія при комитетахъ такъ наз. „еврейскихъ секцій“, куда приглашены нѣкоторые еврейскіе дѣятели, не допущенные въ то же время въ обывательскіе комитеты.

Лозунгомъ обывательскихъ комитетовъ является не „съ народомъ“, а только „для народа“. И если ихъ называютъ общественными организаціями, то лишь постольку, поскольку состоятъ они не изъ правительственныхъ чиновниковъ, а изъ неслужащихъ общественныхъ дѣятелей. Но ихъ никто не выбралъ, никто не санкціонировалъ ихъ дѣятельности и поэтому они не могутъ считаться представительствомъ и органомъ всего польскаго народа. Обывательскіе комитеты висятъ, въ сущности говоря, надъ обществомъ и придаютъ всѣмъ своимъ, часто полезнымъ, начинаніямъ характеръ благотворительности. Ибо общественную дѣятельность тѣ элементы, которые завладѣли обывательскими комитетами, понимаютъ лишь какъ филантропію и опеку надъ народомъ. Къ чему все это можетъ привести, показываетъ хотя бы примѣръ биржи труда.

Въ послѣднее время неоднократно раздавались въ Польшѣ голоса, подвергающіе всю работу обывательскихъ комитетовъ всесторонней критикѣ и требующіе основного ихъ преобразованія. Но трудно думать, чтобы это привело къ желательнымъ результатамъ. Высшія группы польскаго общества вкусили уже сладость власти, о которой такъ давно мечтали, и едва-ли пойдутъ на добровольную уступку другимъ элементамъ польскаго народа хотя бы минимальной доли власти. И потомъ,—въ обывательскихъ комитетахъ онѣ видятъ предварительную школу, въ которой можно пріобрѣсти навыкъ къ работѣ въ будущихъ органахъ городского самоуправленія.

И, не смотря на всѣ благія пожеланія обывательскихъ комитетовъ, не смотря на всѣ ихъ—будемъ справедливы — нерѣдко полезныя и желательныя начинанія, невольно напрашивается выводъ, что результаты ихъ работы далеко не соотвѣтствуютъ не только нуждамъ страны, по и всѣмъ имѣющимся въ ихъ распоряженіи возможностямъ.

В. Котвичъ.

ВНУТРЕННІЕ ДѢЛА и ВОПРОСЫ.

1. На переломѣ.

Еще въ январѣ нѣкій военный говорилъ сотруднику „Кіевлянина“ „тономъ величайшей досады“:

Помилуйте,— этотъ Львовъ—настоящія гири на ногахъ. Туда понаѣхало великое множество всякихъ... политиковъ, которые подняли по всей Галичинѣ невѣроятную возню: занялись школами и всякими курсами, подняли острые церковные вопросы и споры, начали партійно-политическую полемику, и все это—въ оккупированной непріятельской странѣ, въ разгаръ войны... Допекли намъ эти политики. Вы не можете себѣ представить, сколько стратегическихъ замысловъ нашихъ было похоронено подъ натискомъ политиковъ, которые иногда положительно терроризировали насъ (вѣдь мы, военные, въ области политическихъ вопросовъ — робкіе люди). Повѣрите ли,— доходило до того, что политики пытались навязывать штабнымъ военные планы, вытекавшіе изъ ихъ политическихъ тенденцій; а всякое самое незначительное отступленіе вызывало вопль и плачъ политиковъ.

Жалобы военнаго человѣка, высказанныя еще въ январѣ, дошли до читателей лишь спустя полгода,—напечатаны „Кіевляниномъ“ 21 іюня. Полгода назадъ возня политикановъ, шумѣвшихъ возлѣ галиційскаго вопроса, была въ полномъ разгарѣ. Теперь мы, штатскіе люди, живущіе въ тылу, можемъ выразить военнымъ людямъ лишь наше глубокое сочувствіе: говоря откровенно, допекли и насъ эти самые „политики“. Тамъ, въ Галиціи, они, какъ теперь узнаемъ, поднимали вопль и плачъ по поводу всякаго маневра, несоотвѣтственнаго ихъ тенденціямъ. Здѣсь, въ тылу, они, наоборотъ, глядѣли Наполеонами, увѣряли, что все обстоитъ благополучно, все обезпечено, все есть, совѣтовали посылать только гармоники („больше ничего не нужно“). Тамъ они „висѣли гирей на ногахъ“. Здѣсь пускали пыль въ глаза. И въ значительной мѣрѣ по ихъ милости надолго были парализованы попытки исправить первоначальное ошибочное рѣшеніе, закрѣпленное Государственной Думою и увѣковѣченное въ стенограммахъ засѣданія 26 іюня 1914 г.: согласно этому рѣшенію на армію возлагалось преодолѣть неимовѣрныя трудности, на страну—сохранять единство патріотическихъ чувствъ

безъ всенародныхъ организованныхъ патріотическихъ дѣлъ и безъ условій, при которыхъ такія дѣла возможны.

Потребность претворить чувства въ работу, конечно, не могла остаться вовсе безъ удовлетворенія. Отдѣльныя группы и отдѣльныя лица старались дѣлать, что можно, что посильно именно группамъ и лицамъ. Работа шла все время, но работа группъ, кружковъ, которая порою размѣнивалась на мелочи или даже уходила въ дѣтскости. И такимъ образомъ исключительно огромныя нужды арміи и страны могли быть удовлетворены лишь постольку, поскольку это возможно безъ организованной самодѣятельности всего народа. Были попытки указать на эту ошибку и объяснить ея значеніе. Но онѣ довольно быстро пресѣклись. Языкъ логики не былъ услышанъ, а затѣмъ и вовсе сталъ неслышенъ. Оставалось со страхомъ ждать времени, когда станетъ неотразимымъ языкъ фактовъ.

Въ области нуждъ страны языкъ фактовъ довольно скоро сталъ убѣдительнымъ. „Армейскій Вѣстникъ" писалъ, напримѣръ:

> Въ столицахъ, городахъ и деревняхъ стонъ стоитъ отъ дороговизны, кричатъ, что скоро жить будетъ невмоготу.
>
> Дошло до того, что въ одномъ городѣ какой-то банкъ скупилъ милліоны пудовъ овса и держалъ его, не выпуская въ продажу, пока цѣны на это зерно не поднялись до чудовищныхъ размѣровъ; теперь говорятъ, что другой какой-то банкъ ту же операцію продѣлалъ съ сахаромъ. По уставу банковъ такія операціи являются незаконными и караются судомъ, а у насъ все сходитъ съ рукъ.

Отмѣтивъ цѣлый рядъ другихъ, столь же прискорбныхъ обстоятельствъ, „Армейскій Вѣстникъ" основательно указывалъ, что такое состояніе тыла не безразлично для фронта:

> Вѣдь вся Россія такъ или иначе вовлечена въ нынѣшнюю страшную войну, вѣдь въ нашей родинѣ едва-ли найдется хоть одна семья, которая не отдѣлила бы хотя одного своего члена для защиты отечества.
>
> Воинъ долженъ быть увѣренъ, что его семью никто не обидитъ.

Распредѣленіе продовольствія, топлива, иныхъ предметовъ и продуктовъ первой необходимости, другое многое наглядно свидѣтельствовало, что избранный съ самаго начала путь ошибоченъ. Но политиканы, шумѣвшіе не только въ Галиціи, твердили и кричали: все великолѣпно, армія вотъ-вотъ, совсѣмъ скоро рѣшитъ поставленную ей задачу. А разъ скоро, то нечего и безпокоиться,— какъ-нибудь дотянемъ до конца. Съ половины апрѣля языкъ фактовъ принялъ болѣе общую выразительность. Десятый мѣсяцъ войны начался движеніемъ непріятельскихъ армій отъ Дунайца къ Сану, одиннадцатый—развитіемъ прорыва отъ Сана на востокъ, къ началу двѣнадцатаго — фронтъ отодвинулся къ Золотой Липѣ, Западному Бугу къ сѣверу отъ Замостья. Само собою вскрылось то, въ чемъ серьезные люди съ самаго начала не сомнѣвались и

о чемъ они были вынуждены молчать: безъ всенароднаго организованнаго труда первостепенныя и въ томъ числѣ снарядныя нужды арміи не могутъ быть удовлетворены въ достаточной степени. „Политики" же, пускавшіе пыль въ глаза, поспѣшили сбѣжать подальше въ тылъ и здѣсь либо притихли, либо занялись дѣлами, не менѣе скверными, чѣмъ прежде,—распространяли свое паническое настроеніе, болтая, въ качествѣ якобы свидѣтелей и очевидцевъ, несомнѣнный вздоръ. Счеты съ ними, впрочемъ, придется сводить потомъ. Пока же логикою фактовъ поставлены задачи болѣе общія.

Одиннадцатый мѣсяцъ — приблизительно, съ момента отхода отъ Перемышля—начался сужденіями, какъ быть дальше съ организаціей тыла. Часть общества рекомендовала остаться въ сущности на старомъ пути, закрѣпленномъ Думою 26 іюня: патріотическія чувства дополнить патріотическими дѣлами и не касаться общихъ вопросовъ и въ томъ числѣ вопросовъ о самой возможности патріотическихъ дѣлъ, соотвѣтственныхъ нуждамъ даннаго времени. Г. Струве, напримѣръ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", считалъ необходимымъ „возвратиться къ ряду мыслей, которыя недостаточно укоренились въ нашемъ общественномъ сознаніи": въ то время, когда „всѣ и каждый", должны напрячь всѣ силы для содѣйствія, возникли разныя неподходящія настроенія и чувства, „счеты, перекоры личнаго характера", увлеченія ненужными темами; такъ, напр., „въ прессѣ только что велась полемика о будущемъ курсѣ нашей внутренней политики; безплодная полемика!".. До нѣкоторой степени аналогичную позицію занялъ „Колоколъ" г. Скворцова. Онъ, между прочимъ, также полагалъ, что не слѣдуетъ заниматься „весьма, можетъ быть, интереснымъ, но абсолютно несвоевременнымъ и трудно разрѣшимымъ вопросомъ, какой курсъ возьметъ правительство послѣ войны"; сейчасъ всѣ силы общества должны быть направлены къ содѣйствію.

Органы того направленія общественной мысли, котораго держался Н. А. Маклаковъ, наоборотъ, предлагали ограничить и то содѣйствіе общества, которое допускалось съ самаго начала войны. По мнѣнію, напр., „Московскихъ Вѣдомостей",

> должны же быть предѣлы допускаемаго въ государствѣ свободнаго дѣйствія организаціонныхъ общественныхъ силъ, такъ какъ иначе, если не измѣнится вся государственная система, внесется серьезный разладъ въ установившіяся отношенія.

И сейчасъ, скажемъ, земскій и городской союзы не ограничиваются леченіемъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, — выходятъ за предѣлы допущеннаго. А что же будетъ потомъ, когда эти и иныя „сплоченія организаціонныхъ общественныхъ силъ" окрѣпнутъ, почувствуютъ себя настоящей силой? Вопреки совѣтамъ гг. Струве и Скворцова, „Московскія Вѣдомости" думаютъ о будущемъ.

Именно во имя будущаго, дабы и впредь сохранялась такая же „система“, какъ въ прошломъ и настоящемъ, онѣ требуютъ ограничить участіе общества. И, конечно, не однѣ „Московскія Вѣдомости“. „Русское Знамя“, напр., также полагаетъ, что теперь „надлежитъ особо тщательно и зорко охранять устои и завѣты“, противоположные началамъ, необходимымъ для организованной общественной самодѣятельности.

По обыкновенію, въ „Новомъ Времени“ отражаются всѣ главнѣйшія мнѣнія въ близкихъ ему кругахъ. На сей разъ „Новое Время“ вмѣстило и точку зрѣнія г. Струве, и заботливость „Московскихъ Вѣдомостей“ о будущемъ, но на первый планъ выдвинуло новую постановку вопроса. Да, страна не принимаетъ достаточнаго активнаго участія; да, ея рессурсы и силы остаются въ значительной степени неиспользованными. И это зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій, связанныхъ съ общимъ политическимъ курсомъ:

Извѣстно то далеко неблагожелательное отношеніе власти къ земскимъ учрежденіямъ и вообще съ общественнымъ организаціямъ, какимъ отличалось еще очень недавнее время. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что недовѣріе къ общественнымъ организаціямъ, дѣйствуетъ еще и въ настоящее время, вслѣдствіе несогласованности взглядовъ на нихъ между разными вѣдомствами. Какъ разъ сейчасъ по вопросу о допущеніи союзовъ кредитныхъ коопераций со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ выдвигаются препоны, вызываемыя все тѣми же отголосками вѣдомственнаго недовѣрія къ общественному элементу и опасеніями передъ слишкомъ сильными группировками объединенныхъ силъ общества („Новое Время“, 24 мая).

Нѣсколько конкретнѣе высказался членъ Государственнаго Совѣта г. Гурко.

Судя по его мнѣнію, изложенному 31 мая „Биржевыми Вѣдомостями“, онъ критически оцѣниваетъ то, что считалось „объединеніемъ всѣхъ классовъ русскаго общества“. Ему представляется, что объединеніе не достигнуто въ должной мѣрѣ.

Извѣстный подъемъ — говоритъ г. Гурко — въ обществѣ, несомнѣнно, имѣется, но не вижу, къ сожалѣнію, соотвѣтствующихъ моменту реальныхъ результатовъ. Милюковъ и Пуришкевичъ обнялись. Зрѣлище умилительное, даже до извѣстной степени отрадное, а дальше вопросительный знакъ. Нужно, чтобы Милюковъ и Пуришкевичъ и многіе другіе не ограничились прекращеніемъ партійной розни, а дѣйствительно приступили дружно къ общей работѣ и имѣли возможность это сдѣлать.

Взгляните, что дѣлается у нашихъ союзниковъ—французовъ и англичанъ. Во Франціи чисто-національное министерство, въ составъ котораго вошли чуть ли не всѣ выдающіеся дѣятели современной Франціи... Въ результатѣ вся промышленность и торговля измѣнили свой обычный характеръ и работаютъ исключительно на нужды войны. Автомобильныя фабрики изготовляютъ шрапнели, парфюмерные заводы—химическіе препараты для военныхъ нуждъ. Вся страна сплотилась вокругъ правительства; всякій французъ посильно вноситъ свою лепту на алтарь отечества. Въ Англіи мы видимъ явленіе, до сихъ поръ не имѣвшее мѣста въ парламентской исторіи Великобританіи: коалиціонное министерство, въ которомъ либералы перемѣ-

шаны съ консерваторами. Работа кипитъ, создаются милліонныя арміи. Каждый англичанинъ преисполненъ важности историческаго момента. Такую же работу—не слова, а дѣла—я надѣюсь увидѣть и у насъ. Непремѣннымъ условіемъ для этого является, чтобы каждый общественный дѣятель помогалъ правительству и чтобы правительство, съ своей стороны, давало ему возможность работать и приносить пользу.

Впослѣдствіи о предоставленіи возможности работать каждому и всѣмъ нѣсколько опредѣленнѣе высказалось и „Новое Время". Газета риторически спрашивала: „оправдались ли надежды" на единеніе правительства и общества, возникшія въ началѣ испытаній? И писала: „отвѣтъ на это даетъ дѣятельность Н. А. Маклакова, закончившаяся его отставкой".

Слишкомъ не сложна была она и во всякомъ случаѣ, управленіе внутренними дѣлами было далеко отъ внутренняго объединенія.

Теперь почти „черезъ годъ" послѣ начала надо думать о дальнѣйшемъ.

Передъ правительствомъ неисчерпаемыя силы для борьбы съ лютымъ врагомъ, и было бы огромной исторической ошибкой не воспользоваться этимъ богатствомъ. Тутъ дѣло не въ личностяхъ, потому что, будучи одинокими, въ лучшемъ случаѣ онѣ лишь смягчаютъ остроту положенія. Необходимо, чтобъ стала другая атмосфера, въ которой должна совершаться великая работа защитниковъ Россіи и на бранномъ полѣ, и въ тылу, а этотъ тылъ—вся наша страна.

Итакъ, по мнѣнію даже „Новаго „Времени", нужна „другая атмосфера". Какая же именно? Одной изъ первыхъ попытокъ отвѣта можетъ быть признана докладная записка совѣта Императорскаго технического общества, поданная предсѣдателю совѣта министровъ, министру торговли и промышленности и министру путей сообщенія. Отрывки изъ нея оглашены прессою 21 мая. Совѣтъ техническаго общества высказалъ сужденія по поводу техническихъ же нуждъ. При томъ же это—сужденія вообще, безотносительно къ текущимъ—майскимъ—событіямъ и настроеніямъ. Но высказанное совпало съ моментомъ и подошло къ нему.

Современная война—говорится въ запискѣ—обнаружила съ полною очевидностью низкій уровень нашей промышленности и неподготовленность ея для удовлетворенія какъ потребностей государственной обороны, такъ и нуждъ народнаго хозяйства вообще. Въ то же время война выяснила всю стратегическую и тактическую важность высокаго техническаго оборудованія арміи, въ особенности когда оно черпаетъ свои силы изъ современной промышленности. Трудность положенія, зависящая отъ теперешняго состоянія русской фабрично-заводской промышленности, усугубляется неорганизованностью нашей торговли, слабостью и неустройствомъ перевозочнаго дѣла въ имперіи.

Что же дѣлать? Записка отвѣчаетъ:

Основнымъ условіемъ успѣшнаго развитія экономической жизни государства и въ частности промышленности должна быть признана такая об-

щая благопріятная политическая обстановка, которая обезпечивала бы всѣмъ гражданамъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей свободу приложенія личной и общественной самодѣятельности на твердыхъ нормахъ права и началахъ законности. Внѣ правового порядка не осуществима задача столь огромной важности, какъ созданіе своей собственной промышленности на благо страны. Малѣйшее ограниченіе территоріальнаго, національнаго или вѣроисповѣднаго характера, широкое примѣненіе усмотрѣнія со стороны центральной и мѣстной власти связываютъ промысловую дѣятельность населенія и задерживаетъ ростъ, матеріальный и культурный, государства. Дѣло быстраго и прочнаго движенія впередъ промышленности возможно лишь при поднятіи уровня народнаго благосостоянія и развитія просвѣщенія въ массѣ населенія, при улучшеніи сельскохозяйственной промышленности, при правильной постановкѣ финансоваго хозяйства.

Словомъ, по выраженію „Рѣчи" (23. V), совѣтъ техническаго общества

имѣлъ мужество повторить рядъ старыхъ „трафаретныхъ" положеній, которыя однако вслѣдствіе своей „трафаретности" не потеряли своего глубокаго жизненнаго содержанія и въ настоящій историческій моментъ. Бѣда въ томъ и состоитъ, что общественныя истины дѣлаются у насъ трафаретами раньше, чѣмъ они хоть частично воплотятся въ жизнь.

Повтореніе азбучныхъ истинъ вообще не всегда излишне. Въ данномъ случаѣ оно напоминало о цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, обусловливающихъ нашу отсталость,—не только техническую и промышленную. И уже одно побуждало глубже отнестись къ злободневнымъ вопросамъ. Сразу продвинуться и догнать далеко ушедшихъ впередъ нельзя. Тутъ нужны долгіе годы. Между тѣмъ войну нужно вести сейчасъ, потребности необходимо удовлетворять немедленно. Какъ же быть? Въ печати появились, примѣрно, такія разсужденія и соображенія:

Во время осады Портъ-Артура—говорилъ инженеръ Никольскій сотруднику „Утра Россіи" (26 V)—намъ приходилось защищаться мелкими камнями и стрѣляными патронами. Для минъ употреблялись старые стрѣляные снаряды, ручныя бомбочки дѣлали изъ консервныхъ банокъ. Недостатокъ снарядовъ мы пополняли передѣлкой имѣвшихся въ Портъ-Артурѣ старыхъ китайскихъ 75-миллиметровыхъ снарядовъ, которые мы обтачивали и подгоняли къ нашимъ орудіямъ. 6-дюймовые снаряды лили изъ чугуна въ наскоро устроенныхъ вагранкахъ, пока ихъ непріятель не разрушилъ. Тогда начали дѣлать снаряды изъ старой пушечной бронзы, которую плавили въ тигляхъ. Когда стало невозможно совсѣмъ разводить огонь, пришлось изготовлять снаряды изъ старыхъ трубопроводовъ. Станки для обточки снарядовъ вертѣли вручную, и убыль снарядовъ все же удавалось пополнять.

Удавалось въ Портъ-Артурѣ, не смотря на крайне ограниченныя средства осажденной крѣпости. Чего же нельзя сдѣлать въ Россіи, располагая ея огромными рессурсами? Не надо смущаться кажущейся примитивностью средствъ. Посмотрите, напр., что дѣлала Японія во время минувшей кампаніи.

Когда мнѣ пришлось быть въ плѣну въ Японіи,—разсказываетъ тотъ же инженеръ Никольскій — то я наблюдалъ, что даже такіе матеріалы, какъ

шрапнель, готовились въ кустарныхъ мастерскихъ. Жена кустаря вращала станокъ, а мужъ обтачивалъ шрапнельные стаканы. Въ мѣшкахъ на спинѣ они разносили ихъ въ пороховые склады для снаряженія („Утро Россіи", 26 V).

Изъ такихъ частныхъ сравненій и мыслей довольно скоро сложилась общая формула, предложенная „Русскими Вѣдомостями": надо сдѣлать то же, что сдѣлалъ Петръ Великій послѣ Нарвы до Полтавы; не взирая на крайнюю отсталость отъ противника и неподготовленность, онъ сумѣлъ организовать побѣду; должны и мы героической импровизаціей предолѣть организаціонное и техническое превосходство противника. Эта формула, впрочемъ, сложилась послѣ оставленія Львова; къ ней мы еще вернемся. Пока же надо отмѣтить нѣкоторыя предположенія, возникшія передъ отходомъ и во время отхода отъ Перемышля.

Офиціальное сообщеніе объ оставленіи Перемышля было напечатано 22 мая. Въ тотъ же день въ газетахъ появилось краткое извѣстіе, что „въ парламентскихъ кругахъ поставленъ на очередь вопросъ о достаточномъ созывѣ законодательныхъ собраній", и при томъ не на короткій срокъ. Постановку вопроса можно бы убѣдительно мотивировать даже съ юридической точки зрѣнія. Длительное бездѣйствіе нормальнаго законодательнаго порядка вообще нежелательно. Оно объяснялось извѣстнымъ образомъ, пока были предположенія, что война протянется лишь нѣсколько мѣсяцевъ, максимумъ годъ. Эти предположенія отпали; на смѣну имъ явились новыя: надо готовиться ко второй зимней кампаніи. Война затягивается на неопредѣленно долгое время. И оставаться неопредѣленно долгое время внѣ нормальнаго законодательнаго порядка, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Въ такой скромной постановкѣ вопросъ свелся бы именно къ возвращенію въ юридически нормальныя условія. Но о созывѣ Думы съ самаго начала стали говорить, какъ объ исключительно важномъ событіи, какъ о лозунгѣ историческаго момента. Въ такомъ видѣ лозунгъ поддержанъ частью прессы, частью общественныхъ круговъ, на съѣздахъ городского и земскаго союзовъ. Признаковъ поддержки, болѣе глубокой, не обнаружилось.

Отчасти индиферентность глубинъ можетъ быть объясненповеденіемъ самихъ членовъ законодательныхъ собраній. „За малымъ исключеніемъ", какъ выразился членъ Государственнаго Совѣта Гурко,

народные представители не входили въ болѣе тѣсное общеніе съ народомъ на мѣстахъ, не выяснили избирателямъ всю серьезность положенія. Я отнюдь не намѣреваюсь—оговаривается г. Гурко—упрекать ихъ въ бездѣятельности. Одни работали въ Красномъ Крестѣ или въ благотворительныхъ организаціяхъ. Другіе отправлялись во Львовъ, когда ихъ работа могла, по меньшей мѣрѣ, быть столь же продуктивной на мѣстахъ.

Третьи — дополняетъ доводы г-на Гурко „Кіевская Мысль“ (3 VI) —

облюбовали лекціонную дѣятельность, разъѣзжаютъ по городамъ съ лекціями, которыя съ полнымъ успѣхомъ могутъ быть замѣнены и замѣняются газетными статьями. О другихъ же депутатахъ мы совсѣмъ ничего не знаемъ,—гдѣ они, что подѣлываютъ, живы ли, въ какомъ здравіи пребываютъ?

На мѣстахъ были сомнѣнія, недоумѣнія, были минуты острыхъ нуждъ, продовольственныхъ и иныхъ заминокъ. Все это переживалось почти безъ связи съ членами Думы, „за малымъ исключеніемъ“, они не вносили ни руководящей мысли, ни организаторскаго труда. Въ странѣ часто чувствовалась потребность, чтобы кто-нибудь повторялъ хоть азбучныя истины, хоть, примѣрно, такія, какія изложены въ запискѣ совѣта техническаго общества. Но скудное удовлетвореніе и этой потребности шло внѣ связи съ депутатами. Такое поведеніе можетъ быть объяснено, но его одного было бы достаточно, чтобы мысль о досрочномъ созывѣ законодательныхъ собраній не была понятна сама собою. Она и оказалась далеко не для всѣхъ понятной и вызвала вопросы: „досрочный созывъ,—а для чего“?.. Одно изъ объясненій изложено „Рѣчью“ и состоитъ въ слѣдующемъ:

Созывъ палатъ есть одно изъ средствъ для спѣшной мобилизаціи страны на помощь нашимъ войскамъ. Въ этомъ смыслѣ Государственная Дума должна представлять высшую точку въ той пирамидѣ общественныхъ организацій, которая должна охватить всю страну до самыхъ ея низовъ.

Почему же только Дума? Если держаться геометрическихъ метафоръ „Рѣчи“, то и Государственный Совѣтъ долженъ представить вершину пирамиды. Да и въ самой Думѣ „высшую точку“ пирамиды, основаніе которой доходитъ до самыхъ низовъ страны, должно представить собственно большинство, такъ или иначе группирующееся возлѣ октябристовъ. Можно не сомнѣваться въ патріотическихъ чувствахъ этого большинства. Но одно дѣло чувства, и другое дѣло—взгляды. Январская сессія дала намъ нѣкоторый дополнительный урокъ: по вопросу о подоходномъ налогѣ думское большинство сложилось вопреки довольно явственно выраженному общественному мнѣнію. И едва-ли „Рѣчь“ можетъ поручиться, что называемая ею вершина пирамиды по многимъ важнымъ въ данное время вопросамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ государственной оборонѣ, не разойдется во взглядахъ съ основаніемъ той же пирамиды. Въ обычное время цѣнилась трибуна, „право мнѣнія“, предоставленное не только меньшинству, но и отдѣльнымъ депутатамъ. Разумѣется, это право не потеряло своей цѣны. Но гораздо болѣе рѣшающее, чѣмъ прежде, значеніе получила собственно распорядительная и исполнительная часть. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ были снаряды, чтобъ своевременно были доста-

вляемы продукты, гдѣ они требуются, чтобъ они продавались по правильной цѣнѣ, чтобъ было топливо... И вовсе не просто опредѣлить, какую роль при этомъ могутъ сыграть наши законодательныя учрежденія. Сейчасъ, напр., остро чувствуется безлюдье въ земствахъ: значительная часть гласныхъ на фронтѣ, обновить составъ невозможно (выборы отмѣнены), многіе опытные работники „изъ третьяго элемента" убыли (призваны къ исполненію воинской повинности). Между тѣмъ работа требуется исключительно обширная и напряженная. Возникла мысль—послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ городовъ, привлекшихъ къ работѣ въ исполнительныхъ коммиссіяхъ нецензовыя общественныя силы, создать такія же земскіе исполнительные органы, привлечь къ работѣ всѣхъ вообще наиболѣе способныхъ и интеллигентныхъ жителей уѣзда. Трудно ручаться, что большинство, положимъ, Государственнаго Совѣта отнесется къ этимъ предположеніямъ иначе, чѣмъ къ проекту мелкой земской единицы. Выдвигаются жизнью другія предположенія, о которыхъ можно сказать то же, что и о проектѣ подоходнаго налога: согласится ли большинство Думы—кто его знаетъ? И это понятно. При самомъ построеніи плана нашихъ законодательныхъ учрежденій была руководящая мысль: привлечь къ нимъ въ возможно значительномъ числѣ элементы умѣренности и аккуратности, наибольшаго консерватизма и наименьшей склонности къ реформаторству. Зданіе строилось въ періодъ обостренныхъ реформаторскихъ теченій. И со стороны покойнаго гр. С. Ю. Витте было естественно поставить нѣкоторые тормозы, дабы не допустить „излишняго движенія впередъ". Правда, онъ впалъ въ извѣстныя ошибки. Но ошибки быстро были исправлены П. А. Столыпинымъ. И послѣ 1907 г. оба законодательныхъ собранія вполнѣ соотвѣтствовали руководящему заданію, — они проявляли минимальное реформаторство при максимальномъ консерватизмѣ. Теперь другія времена и другія ставятся исторіей заданія. Сейчасъ нуженъ творческій размахъ, духъ иниціативы, широта кругозора. Никакими пышными словами нельзя ни прикрыть, ни устранить противорѣчія между удачно выполненными заданіями прошлаго и требованіями настоящаго.

Все это, повторяю, не возраженіе противъ досрочнаго созыва законодательныхъ учрежденій. Но намъ необходимо отмѣтить и понять характерное распредѣленіе ролей въ первые же моменты, когда стала совершенно очевидной необходимость сойти съ путей, опредѣлившихся 26 іюля 1914 г. Партійно организованныя общественныя группы—конституціонно-демократическая и сосѣднія съ нею—занялись по преимуществу спеціальнымъ вопросомъ о „вершинѣ пирамиды", полагая почему-то, что „вершиной" можетъ быть и должна быть именно Дума. Въ предѣлахъ этого спеціальнаго вопроса скоро возникли сложные тактическіе споры,—но они не

вызвали въ странѣ ни широкаго отклика, ни особеннаго интереса. Заботу же о всей вообще пирамидѣ, и въ особенности, объ ея основаніи взяли на себя, кромѣ начальствующихъ лицъ, разныя другія общественныя группы, по преимуществу, менѣе принципіальныя, часто случайныя, болѣе или менѣе политически безотвѣтственныя. Работа этихъ другихъ группъ и дала наиболѣе осязательные результаты. На ней главнымъ образомъ и сосредоточилось общее вниманіе.

I. Мобилизація силъ.

Попытки организовать импровизацію, способную возмѣстить пробѣлы, въ сущности начались еще до апрѣльскаго поворота военныхъ событій. Разнообразные шаги въ этомъ направленіи предприняты либо прямо начальствующими лицами, либо при поддержкѣ и сочувствіи начальствующихъ лицъ. Ихъ, пожалуй, много— этихъ шаговъ. И въ общей сложности они могутъ произвести впечатлѣніе большой организаціонной работы. На мѣстахъ возникъ цѣлый рядъ совѣщаній и временныхъ учрежденій по продовольственнымъ и инымъ вопросамъ,—до вопросовъ народнаго просвѣщенія включительно. Спѣшно организуется особый комитетъ по распредѣленію хлопка и по установленію предѣльныхъ цѣнъ на него. Спѣшно организованы комитеты по распредѣленію топлива. Но на всемъ этомъ есть характерный отпечатокъ. По губерніямъ цѣлый рядъ совѣщаній. Но они происходятъ въ тѣсномъ кругу: начальники, представители вѣдомствъ, предводители дворянства, офиціальные представители земства, города, торговли и промышленности. Нерѣдко одни и тѣ же лица судятъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, порою выдерживаютъ по нѣскольку засѣданій въ день. Безъ сомнѣній, имъ трудно; безъ сомнѣнія, они тратятъ много времени. Но все это частенько внѣ широкихъ круговъ общества,—не говоря уже о массахъ населенія, и обыкновенно никакого привлеченія свѣжихъ силъ отъ всего этого не получается. Мало получается и плодотворныхъ мыслей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, правда, дѣло выходитъ изъ тѣснаго округа. Такъ, напр., кое-гдѣ спѣшно организуется сѣть мелкихъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ, въ составъ которыхъ привлекаются всѣ желающіе работать мѣстные дѣятели. Но это именно кое-гдѣ, въ мѣстахъ, гдѣ особенно благопріятное стеченіе условій и соотвѣтствующіе взгляды администраціи.

Характерно, далѣе, сочетаніе нѣкоторой рѣшительности и замѣтной склонности остановиться на полдорогѣ. Для примѣра отмѣчу хотя бы мѣры противъ спекуляціи съ хлопкомъ, создавшей большія затрудненія на мануфактурномъ рынкѣ. Организуется особый хлопковый комитетъ съ выборнымъ предсѣдателемъ. Въ число членовъ входятъ представители прядильной промышлен-

ности (12), хлопковой торговли (2), московскаго и кокандскаго биржевыхъ комитетовъ (2), по одному члену отъ министерства торговли и промышленности, интендантства, московскаго порайоннаго комитета. Большинство такимъ образомъ предоставлено прядильной промышленности; и это можно понять,—она нуждается, чтобъ хлопокъ былъ и распредѣлялся, какъ слѣдуетъ. Но совершенно не представлены интересы потребленія, хотя оно особенно страдаетъ отъ крайне взвинченныхъ цѣнъ на бумажныя ткани и отъ недостатка ихъ, въ значительной мѣрѣ искусственнаго (оптовики пользуются случаемъ, чтобъ сбыть заваль и притомъ по дорогой цѣнѣ). Комитету прeполагается предоставить значительную власть—регистрировать запасы и привозъ, нормировать цѣны, „въ случаѣ необходимости" скупать запасы хлопковыхъ торговцевъ по предѣльнымъ цѣнамъ. Но даже въ предположеніяхъ дѣйствія комитета не распространяются на мѣста закупокъ и производства хлопка. А именно тамъ база крупнѣйшихъ скупщиковъ, которые стали почти монополистами и держатъ въ своихъ рукахъ, съ одной стороны, мелкаго производителя, съ другой—рынокъ. Такимъ образомъ цѣны будетъ диктовать все-таки крупный скупщикъ въ Средней Азіи. Новый же комитетъ, организуемый въ Москвѣ, окажется вынужденнымъ исходить изъ этихъ цѣнъ и, если можетъ что-либо сдѣлать, то лишь парализовать дѣятельность болѣе мелкихъ перекупщиковъ, посредниковъ между крупными скупщиками и прядильными фабрикантами. Да и этотъ скромный плюсъ требуетъ оговорокъ: крупные прядильщики, представленные въ комитетѣ, при распредѣленіи хлопка себя, вѣроятно, не забудутъ, но что останется на долю мелкихъ,—неизвѣстно. Въ конечномъ итогѣ нельзя даже съ увѣренностью сказать, что принимаемая мѣра дѣйствительно способна улучшить положеніе; кто ее знаетъ,—можетъ быть, улучшитъ, а, можетъ быть, и ухудшитъ. И, сообразно съ этою неясностью, широкіе круги общества довольно-таки равнодушны къ возникновенію новой организаціи, хотя она при иныхъ условіяхъ могла бы сыграть крупную роль.

21 и 22 мая въ газетахъ появились первыя извѣстія о возникновеніи особаго комитета по распредѣленію и выполненію военныхъ заказовъ. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ „Освѣдомительнымъ Бюро", „положеніе" объ этомъ комитетѣ утверждено значительно позже—7 іюня. Онъ офиціально называется „особымъ совѣщаніемъ для объединенія мѣропріятій по обезпеченію дѣйствующей арміи предметами боевого и матеріальнаго снабженія". Предсѣдательство возложено на военнаго министра. Въ составъ членовъ входятъ, кромѣ представителей военнаго и другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, члены Государственной Думы, члены Государственнаго Совѣта, представители торговли и промышленности. 7 іюня опредѣлились и чрезвычайныя полномочія особаго

совѣщанія, подчиненнаго непосредственно верховной власти. Но при полученіи первыхъ извѣстій о новомъ „военномъ комитетѣ“, какъ его называли, приходилось довольствоваться сообщеніями частныхъ информаторовъ. Они сообщали, что однимъ изъ первыхъ въ число членовъ комитета приглашенъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко; по ихъ свѣдѣніямъ, на комитетъ возлагалась задача строго консультаціонная (а не исполнительная) и притомъ двухсторонняя—съ одной стороны, заботиться о томъ, чтобы армія обильнѣе была снабжена военными предметами, съ другой—достигнуть возможно болѣе „полной независимости нашей отъ заграничныхъ предпріятій, доставляющихъ необходимое съ большими затрудненіями, переплатами и неаккуратностью“. Объ этихъ предположеніяхъ упоминаю потому, что въ дальнѣйшемъ они сыграли немалую роль. Приходится отмѣтить еще нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, имѣвшія также значеніе. Одновременно съ первыми извѣстіями о возникновеніи военнаго комитета въ русской печати сообщались свѣдѣнія объ агитаціонной поѣздкѣ, предпринятой великобританскимъ министромъ по снабженію арміи Ллойдъ-Джорджемъ. Какъ разъ 22 мая „Петроградское Телеграфное Агентство“ циркулярно сообщило прессѣ выдержки изъ рѣчи Ллойдъ-Джорджа на митингѣ рабочихъ и работодателей въ Манчестерѣ. Судя по этимъ выдержкамъ, очень популярный въ Россіи великобританскій министръ говорилъ слѣдующее:

Исходъ войны больше зависитъ отъ хозяевъ и рабочихъ на заводахъ, чѣмъ отъ какой бы то ни было другой части населенія. Своимъ продвиженіемъ германцы всецѣло обязаны своему поразительному превосходству въ снабженіи войскъ ядрами и гранатами. Военный успѣхъ завоеванъ превосходной организаціей германскихъ заводовъ. 200 тысячъ бомбъ были сосредоточены надъ головами доблестныхъ русскихъ войскъ втеченіе одного часа. Еслибы мы могли примѣнить тотъ же самый пріемъ къ германцамъ, то они уже были бы изгнаны изъ Франціи, и мы вступили бы въ Германію, и конецъ войны былъ бы близокъ.

Въ заключеніе Ллойдъ-Джорджъ призывалъ рабочихъ и работодателей организовать, во всякомъ случаѣ, не менѣе обильное снабженіе британской арміи. Одновременно русская пресса внимательнѣе прежняго отнеслась къ организаціи аналогичныхъ работъ въ Германіи. Подъ видимымъ вліяніемъ этихъ примѣровъ и образцовъ возникло нѣкоторое движеніе, особенно замѣтное въ Москвѣ и притомъ среди промышленниковъ. „Все для войны“—провозгласило „Утро Россіи“, органъ той московской прогрессивной промышленной группы, однимъ изъ лидеровъ которой является П. П. Рябушинскій.

Надо, не медля ни одной минуты, мобилизовать всю промышленность, и приспособить всѣ фабрики и заводы только къ нуждамъ войны.

Требованія рынка и частнаго обихода должны быть поставлены на

задній планъ, и каждое предпріятіе, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и оборудованіями съ тѣхъ фабрикъ, гдѣ нѣтъ работы для обороны.

Всѣ рабочіе должны быть мобилизованы, переведены на военное положеніе и прикомандированы на тѣ предпріятія, гдѣ они нужны, такъ какъ въ такое время работа у станка или при машинѣ такъ же отвѣтственна и нужна, какъ часовой на передовыхъ позиціяхъ („Утро Россіи", 23. V.).

Рѣчь идетъ не о простомъ выполненіи разрозненными заводами и фабриками казенныхъ заказовъ—эти заказы выполняются,—а о предоставленіи для содѣйствія военному вѣдомству всей организованной промышленности. Рѣчь идетъ о мобилизаціи промышленныхъ силъ страны, о мобилизаціи соотвѣтствующихъ предпріятій, которая дала бы возможность получить все необходимое для арміи въ кратчайшіе сроки и дешево... На этотъ общегосударственный и общенародный путь обороны мы вступаемъ вмѣстѣ съ нашими союзниками, французами и англичанами, которые точно также проводятъ у себя эту военно-промышленную программу (Тамже, 26. V.).

Положимъ, союзники проводятъ не совсѣмъ такую программу. Въ частности, они вовсе не ставятъ „на задній планъ" „требованія рынка и частнаго обихода", да и не могутъ ставить, ибо, безъ сомнѣнія, понимаютъ, что многія изъ этихъ требованій имѣютъ, хотя и косвенное, но важное значеніе для государственной обороноспособности. Уже изъ приведеннаго сообщенія „Петроградскаго Телеграфнаго Агенства" легко замѣтить, что не такъ просто подходятъ союзники и къ мобилизаціи рабочихъ. Ллойдъ-Джорджъ говоритъ на митингахъ, гдѣ участвуютъ работодатели и представители рабочихъ союзовъ, онъ стремится объединить обѣ стороны, принимаетъ тонкія и сложныя мѣры, чтобы разрѣшались мирно и не доходили до обостренія обычные конфликты между работодателями и рабочами. Это нѣсколько иное, чѣмъ слишкомъ простая мысль органа группы П. П. Рябушинскаго: всѣхъ рабочихъ перевести на военное положеніе. И о разныхъ сложностяхъ вопроса потомъ вспомнили. Къ нимъ пришлось вернуться. Но въ первые дни „детали" оставались какъ бы незамѣченными. Главное—мобилизовать промышленность. То же „Утро Россіи" производило по Москвѣ опросы, „анкеты"; появились резолюціи съ лозунгомъ „все для войны". Стали даже подсчитывать, что можетъ дать въ смыслѣ мобилизаціи московскій промышленный районъ. Требовалось однако вынести вопросъ изъ московскихъ круговъ на всероссійскую арену. Какъ разъ 26 мая открывался въ Петроградѣ IX торговопромышленный съѣздъ. На немъ предполагалось общее обсужденіе вопроса о развитіи производительныхъ силъ Россіи. Естественно явилась мысль воспользоваться случаемъ:

Программа работъ торгово-промышленнаго съѣзда—писало „Утро Россіи"—намѣчалась и вырабатывалась задолго до настоящаго момента Тогда предполагалось обсужденіе интересовъ и задачъ русской торговли и промышленности на будущее, на время послѣ войны. Сейчасъ интересы будущаго отходятъ въ сторону передъ властными, преобладающими надо всѣмъ интересами настоящаго. Сейчасъ торгово-промышленному съѣзду предстоитъ въ спѣшномъ, не терпящемъ никакихъ перерѣшеній и затяжекъ

порядкѣ рѣшить вопросъ объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на нашу торговлю и промышленность всеобъемлющими, всезахватывающими нуждами и интересами войны.

Не одно, разумѣется, „Утро Россіи" настаивало на переходѣ отъ будущаго къ настоящему. Товарищъ министра торговли и промышленности С. П. Веселаго, привѣтствуя съѣздъ, тотчасъ по его открытіи, высказалъ между прочимъ слѣдующее:

Изъ всѣхъ вопросовъ обширной программы вашего съѣзда позвольте мнѣ остановиться на одномъ, которому министерство придаетъ особенно важное значеніе: это—идея мобилизаціи промышленности, которая была высказана впервые въ Москвѣ и въ настоящее время осуществляется нами и нашими союзниками.

Всюду идетъ—сказалъ въ заключеніе товарищъ министра—дѣятельная работа для арміи, но нужно сдѣлать еще больше, нужно напрячь всѣ силы, и я надѣюсь, что вашъ съѣздъ укажетъ намъ новые пути для достиженія намѣченной цѣли.

Въ первый день—26 мая—работы и вниманіе съѣзда нѣсколько двоились: съ одной стороны, старые, исподволь подготовленные доклады, съ другой—новая, еще не вполнѣ обслѣдованная идея мобилизаціи. Съѣздъ все-таки въ первый же день высказалъ было нѣкоторыя мысли о ней,—въ резолюціи по поводу доклада о „войнѣ и промышленности". Въ этой резолюціи, впослѣдствіи радикально измѣненной, говорилось:

Только объединеніе, по примѣру нашихъ союзниковъ, всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ силъ страны можетъ дать нашей арміи все необходимое и во время.

Хотя въ настоящее время правительствомъ уже сдѣланы первые шаги въ этомъ направленіи, какъ, напр., комитетъ по топливу, продовольственный комитетъ и высочайше утвержденная коммиссія по снабженію арміи, съѣздъ, признавая таковыя попытки еще недостаточными, высказываетъ пожеланіе, дабы къ участію въ дѣйствіяхъ новыхъ учрежденій привлекались широкіе круги—представители земскаго и городского союзовъ, промышленныхъ и торговыхъ организацій и ученыя силы. При этомъ крайне важно, чтобы центральныя учрежденія озаботились созданіемъ на мѣстахъ соотвѣтственной организаціи по привлеченію мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Вся работа этихъ объединяющихъ учрежденій, проникнутая самоотверженнымъ патріотизмомъ, вѣрой въ побѣду и дѣловитостью, должна избѣгать старыхъ путей и не отступать передъ отвѣтственностью за самыя рѣшительныя мѣры.

Вмѣстѣ съ симъ съѣздъ полагаетъ, что принятіе и проведеніе въ жизнь исключительныхъ мѣръ и общее положеніе страны требуютъ немедленнаго созыва законодательныхъ учрежденій. („Русское Слово", 27. V.).

Мобилизація промышленности признана такимъ образомъ необходимой, но организаторская работа возлагается на правительство. Такая была резолюція, повторяю, 26 мая. На слѣдующій день „работа съѣзда, какъ выразился референтъ „Русскихъ Вѣдомостей", приняла совершенно неожиданное направленіе". И эту „неожиданность", впрочемъ, солидно подготовленную, при-

писывали вліянію рѣчи П. П. Рябушинскаго. Въ печати отъ нея сохранилось лишь вступленіе, изъ котораго можно понять, что г. Рябушинскій только что вернулся изъ дѣйствующей арміи и находится подъ впечатлѣніемъ „страшнаго обстрѣла 6-дюймовыми снарядами, падавшими со всѣхъ сторонъ". Дальше идутъ въ однѣхъ газетахъ (и такихъ большинство) отдѣльныя фразы между пробѣлами, въ другихъ—сплошной наборъ общихъ фразъ, изъ которыхъ трудно понять, что собственно предлагалъ ораторъ, почему онъ будто бы плакалъ (какъ отмѣчено въ нѣкоторыхъ газетахъ) во время своей рѣчи, почему она произвела „громадное впечатлѣніе" на участниковъ съѣзда, почему у нихъ послѣ нея были будто бы, какъ описывалъ корреспондентъ „Кіевской Мысли", „красныя, взволнованныя лица" и „необычные, подчасъ влажные глаза". Недомолвки въ прессѣ не замедлила восполнить молва. По Петрограду уже вечеромъ 27 мая „шли звоны", и г. Рябушинскому молва приписывала много такого, чего онъ, вѣроятно, и не предполагалъ говорить. Черезъ сутки мнѣ пришлось изъ Петрограда выѣхать въ Москву. Я пріѣхалъ туда въ одинъ изъ прискорбнѣйшихъ для Москвы дней,—тотчасъ послѣ учиненныхъ подъ руководствомъ темныхъ людей разгромовъ. Не смотря на ужасы только что пережитого, въ Москвѣ также шли звоны и также молва приписывала г. Рябушинскому много несообразнаго. Довольно быстро пошли звоны и по провинціи, и здѣсь дѣло приняло видъ уже вовсе баснословный, причемъ молва самого г. Рябушинскаго замѣнила другимъ и притомъ офиціальнымъ лицомъ, болѣе извѣстнымъ провинціальной публикѣ. Не будь документальныхъ источниковъ, лѣтописецъ по слухамъ могъ бы, пожалуй, наградить г. Рябушинскаго славою Минина. Въ дѣйствительности же суть свелась къ слѣдующему. Послѣ г. Рябушинскаго выступилъ одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей объединенной промышленности В. В. Жуковскій и заявилъ:

Мы услышали нѣсколько мыслей, изъ которыхъ самой главной и серьезной считаю одну: надо перейти къ дѣйствіямъ. Очевидно, въ резолюцію которая была вчера принята съѣздомъ, должны быть включены и только что высказанныя мысли.

Новыя мысли были включены. И резолюція въ ея наиболѣе существенной части приняла такой видъ:

Съѣздъ, отложивъ обсужденіе предложенныхъ по программѣ докладовъ, единогласно постановилъ:

1) организовать всю неиспользованную мощь русской промышленности для удовлетворенія нуждъ обороны государства:

а) поручить всѣмъ торговопромышленнымъ организаціямъ образовать рабочіе комитеты, объединяющіе мѣстную промышленность и торговлю, въ цѣляхъ выясненія возможности приспособленія наличныхъ предпріятій къ изготовленію всего необходимаго для арміи и флота и согласованія общей дѣятельности заводовъ и фабрикъ, и выработать планъ срочнаго исполненія

и очередь текущихъ работъ и опредѣленія потребности въ сырьѣ, топливѣ, средствахъ перевозки и необходимой рабочей силѣ;

б) для координированія всей работы отдѣльныхъ районовъ и группъ, а равно для согласованія этой работы съ дѣятельностью высшихъ правительственныхъ учрежденій, съѣздъ постановилъ учредить въ Петроградѣ центральный военно-промышленный комитетъ, поручивъ организацію комитета совѣту съѣздовъ, съ тѣмъ, чтобы къ участію въ немъ были привлечены представители научно-техническихъ силъ, представители отъ отдѣльныхъ промышленныхъ организацій, отъ управленія желѣзныхъ дорогъ и пароходствъ, отъ всероссійскихъ союзовъ земствъ и городовъ;

2) предложить центральному военно-промышленному комитету обратить особенное вниманіе на вопросы сообщенія и перевозки, обезпеченія промышленности необходимыми средствами.

3) на организаціонные расходы военно-промышленнаго комитета предварительно ассигновать изъ средствъ совѣта 25,000 р., поручивъ совѣту выработать смѣту расходовъ и способъ ихъ покрытія.

26 мая съѣздъ полагалъ, что организаціонную работу выполнитъ правительство. Выслушавъ доводы г. Рябушинскаго, онъ просто рѣшилъ приступить къ организаціи, пригласивъ къ тому же другія группы; даже расходы принялъ на себя. Въ доводахъ г. Рабушинскаго, какъ и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ, была еще мысль о своевременности принципіальныхъ заявленій. Но въ резолюціи съѣзда она отразилась очень глухо. Сверхъ того, изъ наново проредактированной резолюціи выпало первоначальное особое упоминаніе о созывѣ законодательныхъ собраній.

Газеты сообщали, что критическія и оппозиціонныя рѣчи вызвали неодобреніе. Вечеромъ 27 мая

въ торговопромышленныхъ кругахъ распространился слухъ о недовольствѣ въ правительственныхъ сферахъ направленіемъ, которое принялъ съѣздъ въ своихъ занятіяхъ. Говорили даже о возможности закрытія съѣзда („Русскія Вѣдомости“, 28. V.).

Но ничего такого не случилось. 28 мая съѣздъ выслушалъ нѣкоторыя объясненія М. В. Родзянка, данныя имъ въ качествѣ члена военнаго комитета, принялъ резолюцію, поручилъ совѣту съѣздовъ „ходатайствовать передъ правительствомъ о прекращеніи выселенія евреевъ изъ Ковенской губерніи“, и мирно закрылся,— хотя и безъ обычныхъ привѣтствій и добрыхъ пожеланій со стороны офиціальныхъ лицъ и мѣстъ. Лишь г. Родзянко передалъ съѣзду нѣкоторыя дѣловыя пожеланія военнаго министра.

Немедленно началась напряженная и сложная организаціонная работа. Помимо совѣта съѣздовъ промышленности и торговли, въ ней приняли дѣятельное участіе разные другіе торговопромышленные союзы и учрежденія. Приняли участіе земскій и городской союзы. Приняло участіе техническое общество. На мѣстахъ приступили къ работѣ биржевые комитеты, нѣкоторыя земства, нѣкоторыя городскія управленія. Стали спѣшно складываться центральные областные и мѣстные комитеты, общія, спеціальныя

и техническія организаціи. Вначалѣ на первомъ планѣ стояла снарядная нужда. Но затѣмъ сами собою стали мобилизоваться группы для обслуживанія нуждъ провіантскихъ, фуражныхъ и иныхъ. Выдѣлилась особая секція для оцѣнки изобрѣтеній. „Явочная“ организаціонная работа разросталась и усложнялась. Но принципіальный вопросъ, въ какой мѣрѣ все это признается допустимымъ, оставался въ существѣ невыясненнымъ. Часть охранительной прессы одобряла начатую работу и даже высказывала сожалѣнія, что она возникла поздно.

Увы,—писалъ, напр., „Кіевлянинъ“ (30. V)—мобилизація промышленности объявлена лишь теперь, спустя почти годъ со времени начала войны. Вина въ этомъ лежитъ прежде всего на самой промышленности. Она не поняла съ самаго начала войны той, быть можетъ, тяжелой, но величайшей задачи, которая поставлена была передъ нею нападеніемъ на насъ Германіи.

То есть—сколько можно понять,—съ самаго начала надо было браться за дѣло самимъ Другая часть охранительной прессы, наоборотъ, отнеслась къ происходящему неодобрительно и подозрительно. „Новое Время“, по обыкновенію, выражало разнородныя теченія: съ одной стороны, одобряло, съ другой,—находило, что организаціонныя работы идутъ слишкомъ далеко и слишкомъ независимо отъ областныхъ и губернскихъ начальствующихъ лицъ: мѣстныя организаціи во всякомъ случаѣ должны быть подъ руководствомъ губернаторовъ, по существу же вполнѣ было бы достаточно учредить центральный военно-промышленный комитетъ,—со всѣмъ остальнымъ вполнѣ справились бы именно губернаторы безъ этихъ новыхъ помѣстныхъ организацій. Независимо отъ мнѣній охранительной прессы, въ которой общество привыкло искать симптомовъ, позволяющихъ угадывать настроеніе правящихъ круговъ, надо было считаться съ несомнѣнными фактами: предпринятая организаціонная работа не соотвѣтствуетъ тому курсу, котораго держался министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ. 5 іюня онъ былъ „уволенъ отъ должности по болѣзни“. Его преемникъ кн. Н. Б. Щербатовъ заявилъ представителямъ прессы, что онъ—земскій дѣятель и сторонникъ земскихъ началъ. Эта перемѣна была истолкована, какъ благопріятный признакъ для предпринятой организаціонной работы. Въ такомъ же смыслѣ была истолкована и послѣдовавшая затѣмъ отставка военнаго министра Сухомлинова. Московская газета „Время“ и харьковская—„Утро“ объявили даже, будто А. И. Гучковъ сказалъ: „уходъ В. А. Сухомлинова равносиленъ большой побѣдѣ, это—сильный ударъ, нанесенный нѣмцамъ“. Но всѣ такія мнѣнія и толкованія, разумѣется, далеко не вполнѣ убѣдительны. Толковать можно всячески. Отношеніе къ начатой организаціонной работѣ все-таки оставалось неяснымъ.

14 іюня „Петроградскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ“ было

опубликовано, что въ Царской ставкѣ состоялось чрезвычайное засѣданіе совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора и въ присутствіи Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба генераломъ Янушкевичемъ. Частная информація связала это засѣданіе съ вопросомъ о возможномъ отношеніи правительства къ предпринятой организаціонной работѣ. Такъ, напр., информаторъ „Русскихъ Вѣдомостей" 16 іюня, по возвращеніи членовъ совѣта министровъ изъ ставки въ Петроградъ, сообщалъ:

На происходившихъ въ ставкѣ двухъ засѣданіяхъ совѣта министровъ, изъ которыхъ одно, утреннее, отличалось продолжительностью, выяснилось довѣріе правительства къ общественнымъ теченіямъ, провозгласившимъ лозунгъ: все для войны. Какъ передаютъ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеинъ представилъ свои соображенія о настроеніи общества и объ искренности его желаній оказать посильное содѣйствіе правительству. Полную возможность совмѣстной работы долженъ опредѣлить ближайшій правительственный курсъ. Въ результатѣ этихъ засѣданій, какъ передаютъ, явится торжественный актъ... на имя предсѣдателя совѣта министровъ И. Л. Горемыкина съ указаніемъ на плодотворную работу законодательныхъ учрежденій и на желательность ихъ созыва.

Нѣкоторыя свѣдѣнія информатора „Русскихъ Вѣдомостей" вскорѣ подтвердились. 17 іюня опубликованъ высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Совѣта министровъ. Въ рескриптѣ говорится:

„Иванъ Логгиновичъ! Со всѣхъ концовъ родной земли доходятъ до Меня обращенія, свидѣтельствующія о горячемъ стремленіи русскихъ людей приложить свои силы къ дѣлу снабженія арміи. Въ этомъ единодушіи народномъ Я почерпаю непоколебимую увѣренность въ свѣтломъ будущемъ. Затянувшаяся война требуетъ все новаго напряженія. Но въ одолѣніи возростающихъ трудностей и въ неизбѣжныхъ превратностяхъ военнаго счастья крѣпнетъ и закаляется въ нашихъ сердцахъ рѣшимость вести борьбу до полнаго, съ Божьею помощью, торжества русскаго оружія. Врагъ долженъ быть сломленъ. До этого не можетъ быть мира. Съ твердою вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи Я ожидаю отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, безъ различія взглядовъ и положеній, сплоченной дружной работы для нуждъ доблестной арміи. На этой единой отнынѣ всенародной задачѣ должны быть сосредоточены всѣ помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи. Образовавъ по вопросамъ снабженія арміи особое совѣщаніе съ участіемъ членовъ законодательныхъ учрежденій и представителей промышленности, Я признаю необходимымъ приблизить и время созыва законодательныхъ учрежденій, дабы выслушать голосъ земли русской. Предрѣшивъ поэтому возобновленіе занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы не позднѣе августа сего года, Я поручаю совѣту министровъ разработать

по Моимъ указаніямъ законопроекты, вызванные потребностямъ военнаго времени".

III. Организаціонныя сложности.

Отношеніе правительства къ начавшейся организаціонной работѣ указано свыше и до нѣкоторой степени опредѣлено. Сложнѣе съ отношеніемъ страны. Въ инціативѣ торговопромышленнаго съѣзда приходится различать принципіальную мысль и дѣловой изъ нея выводъ. Принципіальная мысль можетъ быть выражена такъ: нечего ждать откуда-то какого-то движенія, надо дѣйствовать. Это казалось смѣлостью, даже дерзостью. Событія, показали однако, что слово сказано умѣстно. Возраженій оно не встрѣтило. Иное дѣло—выводы изъ основной мысли. Тутъ прежде всего самъ съѣздъ въ принятомъ имъ планѣ организаціи отвелъ странѣ едва-ли удобное мѣсто. Выше я привелъ одну часть резолюціи. Есть еще другая часть. И въ ней по адресу страны сказано буквально слѣдующее: „съѣзды призываютъ всю страну, въ томъ числѣ служащихъ и рабочихъ, къ спокойной и планомѣрной дѣятельности". И это все, что говорится о странѣ, о *всей* странѣ. *Всю* страну промышленники призываютъ. Они будутъ безпокоиться, мобилизоваться, спасать Россію, а сама Россія пусть остается пассивной. И это нельзя истолковать, какъ словесный ляпсусъ, неудачный редакціонный оборотъ, не отразившійся на практическихъ дѣйствіяхъ. Я сказалъ выше, что началась напряженная и сложная организаціонная работа, стали спѣшно возникать военные промышленные комитеты—центральный, областные, мѣстные; внутри комитетовъ стали складываться коммиссіи, секціи, отдѣлы; спѣшно приступили къ учету средствъ, къ выясненію пробѣловъ. Работа напряженная и, на первый взглядъ, большая, охватившая и столицы, и провинцію. Но если присмотрѣться ближе, то можно замѣтить, что организація идетъ въ сущности между группами, уже организованными: союзы промышленниковъ, биржевые комитеты, дѣятели городского союза, дѣятели земскаго союза, техническое общество, союзъ 17 октября, иныя партійныя группы. Нельзя даже сказать, что движеніемъ охвачена „народная поверхность", периферія, называемая обществомъ. Нѣтъ, и изъ среды общества значительная часть силъ остается внѣ движенія. Внѣ движенія, между прочимъ, остается и часть (едва-ли не большая) мѣстной интеллигенціи. Вглубь же дѣло почти не пошло. Силы собственно народныя мало затронуты.

Отчасти такова воля организаторовъ: къ организаціи приглашаютъ не всѣхъ, а съ разборомъ. Кое-гдѣ принимаются даже нѣкоторыя мѣры, чтобъ лишніе люди не приходили. Не обходится и безъ попытокъ обсуждать и осуществлять организацію военно. промышленныхъ комитетовъ „при закрытыхъ дверяхъ". Къ сожа

лѣнію, къ такимъ попыткамъ прибѣгли и нѣкоторыя городскія управленія,—напр., въ Саратовѣ. Но этимъ лишь отчасти объясняется поверхностность организаціонныхъ работъ. Не такъ ужь рѣдки случаи, когда инициіаторы не проявляютъ ограничительныхъ тенденцій; иные, наоборотъ, даже стараются пойти вглубь, привлечь возможно больше силъ. Но это далеко не вездѣ удается. И причинъ тому немало.

Прежде всего сказываются психологическія тренія. Людямъ различныхъ сталкивающихся взглядовъ не такъ просто сойтись. Словъ о примиреніи и забвеніи говорится много. Но словами не все достигается. Кромѣ психологіи, имѣютъ значеніе юридическія реальности и возможности. „Новое Время“ одобряло рѣчь П. П. Рябушинскаго. Но еслибы то же самое сказалъ не крупный капиталистъ, а человѣкъ, живущій, положимъ, личнымъ трудомъ, и сказалъ бы не въ Петроградѣ, а, напримѣръ, въ Ялтѣ или Харьковѣ,—неизвѣстно, къ какому заключенію пришли бы мѣстные чины надзора. Да и гдѣ сказать? За отсутствіемъ формъ, при которыхъ могутъ выясняться общественныя позиціи, мнѣнія и рѣшенія, крупную роль нерѣдко играютъ опорныя точки и ячейки, способныя стать въ нужную минуту организующимъ центромъ. Такую роль втеченіе долгаго періода выполняло, напр., Императорское Вольное Экономическое общество. Но теперь оно въ бездѣйствіи. И не только оно. Между прочимъ, какъ разъ во время начавшейся послѣ IX промышленнаго съѣзда организаціонной работы состоялось окончательное закрытіе общества содѣйствія начальному образованію Курской губерніи. Надо вспомнить, что Императорское Вольное Экономическое общество въ самомъ началѣ войны выдвигало идею мобилизаціи.

Необходима — говорило оно — напряженная работа всѣхъ силъ страны, необходима широкая самодѣятельность населенія, необходимъ дѣйственный союзъ земствъ и городовъ со всѣми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія. Только геній свободнаго народнаго строительства можетъ провести благополучно государство черезъ всѣ грядущія испытанія.

Мысль о мобилизаціи всѣхъ силъ нынѣ получила признаніе. Условія же, необходимыя для широкой самодѣятельности населенія и его свободнаго творчества, требуется установить.

„Кіевлянинъ“ (№ 3 іюня) обратилъ вниманіе на слабость агитаціонной подготовки:

Мы должны,—писалъ онъ—не медля ни минуты, взять для себя за образецъ энергію, обнаруженную въ данномъ вопросѣ нашими англійскими союзниками.

А союзники въ данномъ вопросѣ, во-первыхъ, выдвинули государственнаго дѣятеля, который по самому складу своихъ воззрѣній способенъ говорить убѣдительно для наиболѣе передовыхъ и наи-

болѣе вліятельныхъ въ народной средѣ теченій общественной мысли. Во-вторыхъ, этотъ наиболѣе приспособленный къ данной задачѣ дѣятель предпринялъ обширную агитаціонную поѣздку по странѣ.

Поѣздка Ллойдъ-Джорджа обставлена антуражемъ, обычно сопровождающимъ подобныя поѣздки англійскихъ министровъ. Во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ центрахъ Ллойдъ-Джорджъ собиралъ митинги, на которыхъ произноситъ рѣчи... По выраженію телеграфнаго сообщенія, эта поѣздка „принимаетъ характеръ тріумфальнато шествія". Министръ встрѣчаетъ одинаково восторженный пріемъ, какъ со стороны работодателей, такъ и со стороны представителей рабочихъ организацій... Англійскіе государственные люди въ совершенствѣ постигли смыслъ пословицы: „куй желѣзо, пока горячо".

Можно согласиться съ „Кіевляниномъ", что указанный имъ примѣръ достоинъ вниманія и подражанія. Необходимы лишь оговорки: у насъ нѣтъ Ллойдъ-Джорджа и едва-ли возможны повсемѣстные митинги для агитаціи, развиваемой съ точки зрѣнія, какая свойственна этому государственному дѣятелю. И уже одна невозможность развернуть агитацію, безъ которой нельзя углубить движеніе даже въ Англіи, способна объяснить, почему организаціонная работа у насъ не пошла дальше сравнительно поверхностныхъ общественныхъ слоевъ.

Кромѣ вліянія общихъ условій, самый планъ организаціи, начатой по инициативѣ промышленнаго съѣзда, нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Тотъ же „Кіевлянинъ" раздѣляетъ нѣкоторыя сомнѣнія, свойственныя интеллигентнымъ кругамъ. Одно изъ сомнѣній вскользь отмѣчено въ только что приведенной цитатѣ: вопреки англійскимъ примѣрамъ, упущены изъ виду представители труда. 4 іюня „Кіевлянинъ" счелъ необходимымъ „напередъ предостеречь" отъ возможныхъ злоупотребленій.

Лишь при трезвомъ взглядѣ на ихъ возможность и при принятіи предохранительныхъ мѣръ можно даже расширить сферу того взаимнаго довѣрія, которое такъ необходимо въ дѣлѣ громадной важности.

Возможности, относительно которыхъ нужно „напередъ предостеречь", по мнѣнію „Кіевлянина", таковы:

Нравы нашихъ промышленниковъ очень испорчены. ...Надо имѣть въ виду, далѣе, неопытность и недостаточную устойчивость нѣкоторыхъ чиновниковъ. Поэтому на почвѣ объявленной мобилизаціи промышленности возможны злоупотребленія. Мы не говоримъ уже о слишкомъ высокихъ цѣнахъ, по которымъ могутъ быть переданы заказы. Помимо этого, надо ожидать попытокъ нѣкоторыхъ предпріятій взять заказы только для того, чтобы подъ предлогомъ ихъ попасть въ категорію заводовъ, которымъ отпускается уголь и металлъ. Затѣмъ многія предпріятія пожелаютъ принять непосильные заказы съ исключительной цѣлью воспользоваться крупными авансами.

Не даромъ именно провинціальная печать напомнила объ этомъ: въ провинціи, быть можетъ, особенно замѣтна двойственность побужденій: одни участвуютъ въ начавшейся организаціонной ра-

ботѣ изъ патріотическаго воодушевленія, другіе порою весьма откровенно говорятъ, сколько тутъ можно „заработать“ и какъ тутъ можно устроиться. „Новое Время“ по этому поводу высказалось: пусть наживаются, лишь бы сдѣлали. Болѣе осторожный „Кіевлянинъ“ понимаетъ, во что можетъ превратиться движеніе, если имъ овладѣютъ дѣльцы, и какихъ бѣдъ они могутъ надѣлать, если ихъ не ограничить строгимъ контролемъ и привлеченіемъ элементовъ, способныхъ осуществить начала контроля.

Пожалуй, еще важнѣе, сомнѣнія, отмѣченныя „Кіевляниномъ“ лишь вскользь. 3 іюня, какъ разъ во время оживленныхъ организаціонныхъ работъ, въ „Рѣчи“ была напечатана такая замѣтка:

Крупные судовладѣльцы на Волгѣ передъ открытіемъ навигаціи хотѣли оставить прошлогоднее жалованье матросамъ и судорабочимъ, не смотря на то, что сами повысили плату за провозъ съ пассажировъ на 10—20%, а фракты за провозъ съ грузовъ на 40 — 60%. Въ виду вздорожанія жизни матросы просили о прибавкѣ жалованья. На ихъ просьбы не обращали вниманія хозяева. Они требовали прибавки или просто уходили. Пароходчики отправили тогда депутацію къ главноуправляющему Нижегородской губерніей В. М. Борзенку, прося его принять административнымъ порядкомъ строгія мѣры противъ матросовъ. Губернаторъ выслушалъ внимательно и сказалъ, что слѣдуетъ прибавить матросамъ и судоходнымъ служащимъ.

Волей-неволей пароходчики увеличили жалованье матросамъ, но не всѣ одинаковы,—одни на 4 р., другіе на 5—7 руб., а нѣкоторые на 8—10 руб. Матросы стали и во время навигаціи уходить съ пароходовъ и баржъ.

Тогда выступилъ биржевой комитетъ съ предсѣдателемъ Д. В. Сироткинымъ во главѣ. Онъ обратился къ разнымъ начальствующимъ лицамъ съ просьбою издать спеціальное обязательное постановленіе, которымъ предусматривались бы суровыя административныя коры за оставленіе работъ безъ предупрежденія о томъ за 2 недѣли. Просьба была обращена и къ нижегородскому губернатору, причемъ указывалось на принятіе аналогичныхъ мѣръ въ Астраханской губерніи. М. В. Борзенко прислалъ биржевому комитету такой отвѣтъ:

Проступки, указанные въ пп. 1 и 2 изданныхъ астраханскимъ губернаторомъ 22 апрѣля 1915 г. обязательныхъ постановленій (то есть участіе судовыхъ служащихъ въ неразрѣшенныхъ обществахъ и союзахъ, а также подстрекательства и принужденіе судовыхъ служащихъ къ безпорядкамъ и пр.), уже предусмотрѣны дѣйствующими въ Нижегородской губерніи обязательными постановленіями. Что же касается проступковъ, указанныхъ въ пп. 3 и 4 тѣхъ же обязательныхъ постановленій астраханскаго губернатора (самовольное оставленіе службы на суднѣ служащими безъ предупрежденія за двѣ недѣли хозяина, капитана или старшаго по службѣ, а также увольненіе служащихъ до постановки на зимовку судна и вообще безъ предупрежденія), то таковые относятся къ области чисто гражданскихъ отношеній, подлежатъ судебному разбирательству въ порядкѣ частнаго обжалованія, и потому предметомъ обязательныхъ постановленій, карающихъ въ административномъ порядкѣ за проступки, противные государственному порядку и общественному спокойствію, быть не могутъ.

Характерна подробность, отмѣченная въ томъ же номерѣ „Рѣчи" 3 іюня: биржевой комитетъ просилъ распространить на частноправовыя отношенія режимъ административныхъ репрессій, ссылаясь на то, что въ настоящее время пароходовладѣльцы „выполняютъ высокія государственныя обязанности". Мы уже видѣли, что на томъ же основаніи требуетъ соотвѣтственнаго режима и „Утро Россіи", видимо, не понимающее, что этимъ оно зоветъ къ большимъ осложненіямъ. Торгово-промышленный съѣздъ долженъ бы понимать лучше. Но мы уже видѣли, какъ странно онъ отнесся къ участію не только служащихъ и рабочихъ, но и всей вообще страны. Не далѣе, какъ весною нынѣшняго года, министръ торговли и промышленности кн. Шаховской удостовѣрилъ, къ чему приводитъ такое отношеніе донецкую промышленность. Очевидно, необходимы мѣры, чтобы и въ данномъ случаѣ не повторилось то же самое.

„Современное Слово" остановилось и еще на одномъ сомнѣніи: начатая промышленниками организація беретъ фундаментальнѣйшую изъ тыловыхъ задачъ въ неполномъ объемѣ и односторонне. Въ частности, заслоненъ вопросъ о „планомѣрной борьбѣ съ дороговизной". Между тѣмъ,—говоритъ названная петроградская газета—

лозунгъ мобилизаціи промышленности не только вполнѣ совмѣстимъ съ этой борьбой, но оба эти стремленія относятся къ одному и тому же порядку. И мобилизація промышленности, и борьба съ дороговизной лежатъ въ одной и той же плоскости и требуютъ однихъ и тѣхъ же организаціонныхъ стремленій.

По мнѣнію „Кіевской Мысли", обѣ задачи могутъ быть сосредочены въ однѣхъ и тѣхъ же организаціяхъ. Но захотятъ ли спѣшно возникающіе комитеты бороться противъ дороговизны—это „будетъ зависѣть, конечно, отъ состава комитетовъ и прежде всего отъ степени участія въ нихъ активныхъ общественныхъ элементовъ". Быть можетъ, правильнѣе было бы нѣсколько шире формулировать эти замѣчанія. Дороговизна есть слѣдствіе сложной совокупности причинъ, обусловливающихъ недостаточное поступленіе потребнаго на рынокъ. И надо бы говорить о борьбѣ не противъ слѣдствій, а противъ именно причинъ. Недостачи могутъ быть и „отъ Бога", и „отъ людей". Есть, конечно, и у насъ недостача отъ Бога: каучукъ, кофе, лимоны, апельсины и т. д. Но вообще главнѣйшія наши недостачи отъ людей. Въ маѣ смоленская печать сообщила, что мѣстный сельскохозяйственный спросъ на желѣзо удовлетворяется лишь въ незначительной степени: недостаетъ даже шиннаго желѣза для крестьянскихъ телѣгъ. Въ началѣ іюня харьковскія газеты сообщили, что за отсутствіемъ угля пріостанавливаетъ свою дѣятельность харьковскій газовый заводъ, удовлетворяющій не только бытовыя, но и многія промышленныя потребности. Втеченіе мая печатью сообщались изъ многихъ мѣстъ жалобы на крайне

недостаточный подвозъ хлѣба со стороны и на сокрытіе мѣстныхъ запасовъ. Остановимся въ видѣ примѣра на этихъ трехъ основныхъ продуктахъ: желѣзо, топливо, хлѣбъ.

Почему недостаетъ желѣза и топлива, — объ этомъ, между прочимъ, не лишне бы должнымъ образомъ спросить у дѣятелей Продаметы и Продуголя,—благо они принимаютъ дѣятельное участіе въ съѣздахъ торговли и промышленности. О хлѣбныхъ заминкахъ есть что спросить у нѣкоторыхъ банковыхъ дѣятелей,— они также занимаютъ видное мѣсто на съѣздахъ. Но не будемъ спрашивать, а просто посмотримъ, что вносится въ сложившееся положеніе вещей.

Черезъ посредство новообразуемыхъ комитетовъ дѣятели Продаметы получаютъ большее, чѣмъ прежде, вліяніе на распредѣленіе основного продукта, производимаго ими въ завѣдомо недостаточномъ количествѣ. При этомъ органъ группы П. П. Рябушинскаго заранѣе объявляетъ, что всѣ потребности, лежащія внѣ новыхъ комитетовъ, должны быть признаны частными и отодвинуты на задній планъ. Но, не говоря уже о многомъ другомъ,—даже шины для крестьянскихъ телѣгъ нельзя признать только частною потребностью. Телѣга вѣдь основной элементъ гужевого грузооборота. И если ея не обезпечить желѣзомъ, то все станетъ. Что же получится при такомъ построеніи? Въ лучшемъ случаѣ Продамета дастъ шины крестьянской телѣгѣ. Но по какой цѣнѣ? Мыслимы однако и худшіе случаи,—въ погонѣ за барышами Продамета доведетъ „частное потребленіе“ до такого металлическаго голода, при которомъ важнѣйшія отрасли народнаго хозяйства, производства и обмѣна могутъ оказаться парализованными. Къ концу іюня именно въ эту сторону и направилась пока предпріимчивость синдиката. Напримѣръ:

Нижегородская контора Продаметы прекратила пріемъ частныхъ заказовъ на желѣзо сортовое и котельное и на строительныя балки („Русское Слово“, 24. VI).

Въ другихъ мѣстахъ Продамета своей воли рынкамъ не объявляла официально. Но частнымъ образомъ торговцы знаютъ: желѣза стали еще меньше давать, а иныхъ сортовъ совсѣмъ не даютъ.

Съ топливомъ и въ особенности съ углемъ нѣсколько сложнѣе. Учрежденъ спеціальный государственный органъ подъ руководствомъ министра путей сообщенія. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ взялъ на себя распредѣленіе всего добываемаго или ввозимаго угля, за исключеніемъ низшихъ сортовъ, идущихъ, главнымъ образомъ, на обывательскія потребности. Добываемый уголь фактически реквизируется и распредѣляется согласно общему плану центральнаго угольнаго комитета и сообразно детальнымъ разсчетамъ недавно учрежденныхъ мѣстныхъ распредѣлительныхъ ко-

митетовъ. Удачно или неудачно организована эта сѣть государственныхъ учрежденій,—обсуждать не будемъ. Но на ней во всякомъ случаѣ лежитъ извѣстная отвѣтственность. Рядомъ съ нею организуются по плану IX промышленнаго съѣзда военно-промышленные комитеты для организаціи производствъ, имѣющихъ, согласно дѣйствующимъ правиламъ, безспорное право на незамедлительное полученіе топлива. Поскольку въ этихъ новыхъ комитетахъ принимаютъ видное участіе углепромышленники, они возвращаютъ себѣ долю вліянія на распредѣленіе недостаточно добываемаго ими продукта. Выше отмѣчены опасенія „Кіевлянина", что нѣкоторыя предпріятія возьмутъ на себя исполненіе заказовъ съ единственною цѣлью—получить безспорное право на желательное имъ количество угля. Вмѣстѣ съ тѣмъ запутывается вопросъ объ отвѣтственности за общее распредѣленіе топлива. Промышленные комитеты скажутъ: это—не наше дѣло. Комитеты, руководимые министромъ путей сообщенія, могутъ оказаться при полной физической невозможности что-либо оставить на долю потребностей, которыя органъ группы П. П. Рябушинскаго огульно отнесъ къ разряду частныхъ и отодвинулъ на „задній планъ". Какъ же быть, скажемъ, чугунно-литейнымъ или химическимъ предпріятіямъ, относимымъ, въ смыслѣ права на топливо, ко второй или третьей очереди? Но если они даже не станутъ (отъ этого избави Богъ), а лишь сильно сократятъ производство, то откуда новоорганизуемые комитеты получатъ сырье? Есть выходъ, — нужно энергически усилить добычу топлива. Но какъ разъ этой фундаментальной нужды даже не коснулся IX промышленный съѣздъ. Она вообще отодвинута и какъ бы забыта.

Соприкосновеніе мобилизованной промышленности съ продовольственной частью еще сложнѣе. Даже какъ потребители продуктовъ, мобилизованныя промышленныя группы могутъ имѣть запасъ въ мѣру необходимаго, но могутъ и далеко превзойти эту мѣру въ разсчетѣ на выгодную перепродажу придержанныхъ избытковъ. Онѣ могутъ оказывать вліяніе на цѣны. Могутъ вліять и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ. Чтобы не отойти далеко въ сторону, остановимся лишь на одной детали. Своевременное и достаточное удовлетвореніе потребности населенія въ хлѣбѣ возлагается на главный продовольственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности. Работа комитета въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ транспортныхъ средствъ, которыми онъ можетъ располагать. Фактически общая продовольственная организація располагаетъ тѣмъ остаткомъ транспортныхъ средствъ и силъ, который получается по удовлетвореніи требованій военнаго вѣдомства, собственныхъ нуждъ министерства путей сообщенія съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкотораго расхода на разныя другія экстренныя надобности. Математически этотъ остатокъ до-

статоченъ. Но вслѣдствіе многихъ треній и несовершенствъ математическія величины слишкомъ разнятся отъ реальныхъ. По опыту прошлаго года мы знаемъ, достаточенъ ли реальный транспортный остатокъ для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ. Этотъ остатокъ придется такъ или иначе раздѣлить съ организуемыми военнопромышленными комитетами. Повторяю, дѣятельность продовольственной организаціи не только въ этомъ пунктѣ сталкивается или соприкасается съ новыми организаціями. Но для примѣра ограничимся одной деталью. Если не принять энергическихъ мѣръ противъ устраненія треній и несовершенствъ, уменьшеннаго остатка—заранѣе можно сказать—не хватитъ для продовольственныхъ нуждъ. Очевидно, требуется усовершенствовать транспортную организацію. Требуется это и по причинѣ тѣхъ опасеній, которыя высказалъ „Кіевлянинъ“. Кіевская охранительная газета правильно указала, что нравы нашихъ промышленниковъ сильно испорчены, а нравы служилаго люда не всегда близки къ желательнымъ образцамъ. Отдѣльныя предпріятія и впрямь могутъ найти выгоднымъ для себя не столько самый заказъ, сколько сопряженную съ нимъ возможность получать вагоны. При надлежащемъ составѣ промышленные комитеты, быть можетъ, сумѣютъ пресѣкать злоупотребленія, смогутъ усилить малодѣйствительныя у насъ начала общественнаго контроля, содѣйствовать устраненію треній и несовершенствъ. Но составъ можетъ быть и не надлежащимъ.

Въ прессѣ вызвало нѣкоторыя сомнѣнія обиліе складывающихся организацій: одна при вѣдомствѣ земледѣлія и землеустройства (по провіанту и фуражу), другая при министерствѣ путей сообщенія (по топливу), третья при министерствѣ торговли и промышленности (по продовольствію), четвертая — вновь учрежденное особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ военнаго министра; прибавляются еще военно-промышленные комитеты. Логически всѣ эти учрежденія—какъ бы функціи одного и того же математическаго выраженія. Но ихъ функціональная связь и взаимозависимость въ смыслѣ организаціонномъ не достаточно оформлена. Каждое дѣйствуетъ само по себѣ, не неся отвѣтственности за общее положеніе. При этомъ роль военно-промышленныхъ комитетовъ и вовсе остается неопредѣленной. Они не имѣютъ власти, но не связаны и отвѣтственностью. Какъ организаціи безвластныя, они не могутъ нести отвѣтственности служебной. Какъ учрежденія, возникающія по инициативѣ классовой группы и объединяемыя ея представительствомъ (центральный военно-промышленный комитетъ формируется совѣтомъ съѣздовъ), они менѣе могутъ быть отвѣтственны въ политическомъ или общественномъ смыслѣ, чѣмъ даже политическая партія. Для политической партіи впасть въ серьезное прегрѣшеніе—часто вопросъ жизни или смерти. Она можетъ быть убита общественнымъ мнѣніемъ. Но что такое по-

литическая или общественная отвѣтственность класса? Если г. Рябушинскій въ чемъ-либо не выдержитъ экзамена, то г. Крестовниковъ скажетъ: „вотъ еслибы послушали меня, то и было бы все хорошо“.

Словомъ, сама по себѣ мысль объ организаціи силъ не вызываетъ возраженій. Но планъ, предложенный промышленнымъ съѣздомъ, признается не вполнѣ удовлетворительнымъ. И въ него съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ вносятся поправки.

IV. Поправки къ плану промышленниковъ.

Вносимыя поправки могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ. Однѣ изъ нихъ направлены къ болѣе планомѣрной организаціи центральныхъ органовъ, другія—къ расширенію и углубленію опорныхъ точекъ внизу.

Мысль объ устроеніи верховъ наиболѣе отчетливо оформилась въ думскихъ кругахъ. Фракціею прогрессистовъ разработанъ проектъ комитета обороны. Въ основу проекта полагается мысль—объединить власть съ тѣми общественными силами, которыя въ данный моментъ наиболѣе организованы. Сообразно съ этимъ, въ комитетъ, по проекту прогрессистовъ, должны войти, съ одной стороны, министры, съ другой—члены Думы; а, кромѣ того, должны войти представители земскаго и городского союзовъ и промышленныхъ организацій. Такимъ образомъ государственные центры объединяются съ общественными группами, имѣющими твердыя опорныя точки на мѣстахъ. Предсѣдатель комитета, по проекту, назначается верховной властью и имѣетъ право личнаго доклада. Къ вѣдѣнію комитета проектъ относитъ какъ разъ ту общую часть, которая легко ускользаетъ отъ вниманія учрежденій, работающихъ въ спеціальной области. Комитету обороны, по плану прогрессистовъ, должны быть предоставлены право и возможность общаго регулированія желѣзнодорожныхъ перевозокъ, регулированіе общихъ продовольственныхъ нуждъ, фиксированіе доходности предпріятій, надзоръ за производствомъ, дабы оно соотвѣтствовало потребности съ этой послѣднею цѣлью комитетъ уполномочивается принуждать предпріятія къ опредѣленной работѣ или къ опредѣленной производительности, а въ случаѣ надобности, организовывать новыя предпріятія. Центръ тяжести, очевидно, въ упорядоченіи общей части,—она, дѣйствительно, не покрывается спеціальными функціями и спеціальныя задачи не могутъ быть вполнѣ удовлетворительно рѣшены, пока остается неупорядоченной общая часть. Противъ этой главнѣйшей мысли нельзя возражать. Пути рѣшенія, намѣченные проектомъ прогрессистовъ, пожалуй, больше скромны и компромиссны, чѣмъ достаточны. Но само собою понятно, что и эти скромныя предположенія не легко осуществимы.

Не легко осуществимы и поправки, направленныя къ тому, чтобы углубить и расширить опорныя точки внизу. Уже самъ промышленный съѣздъ, хотя и отвелъ всей странѣ мало удобное мѣсто, но, видимо, понималъ, что собственно промышленники своими силами не справятся и съ той задачей, немедленное рѣшеніе которой они признаютъ необходимымъ. Резолюція зоветъ на помощь союзы земствъ и городовъ, техническія и научныя силы. 5 іюня состоялись экстренные съѣзды земскаго и городского союзовъ. Земскій съѣздъ въ одномъ изъ своихъ постановленій

признала необходимымъ согласованіе дѣятельности всероссійскаго земскаго союза съ дѣятельностью военно-промышленныхъ комитетовъ, поручивъ главному комитету (союза) назначить представителей всероссійскаго земскаго союза въ означенные комитеты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ болѣе широко подошелъ и къ пониманію задачъ и къ опредѣленію необходимыхъ путей.

Оглянемся, господа, — говорилъ на съѣздѣ гловноуполномоченный кн. Г. Е. Львовъ—посмотримъ, какъ велась война за истекшіе 10 мѣсяцевъ. Велась ли она при полномъ напряженія силъ, велась ли въ томъ единеніи силъ, которое одно обезпечиваетъ полное напряженіе и національный подъемъ духа? Мы должны отдать себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи вещей, мы должны прямо, открыто и смѣло смотрѣть на вещи и надвигающіяся событія.

...Мы можемъ быть спокойны за нашихъ раненыхъ воиновъ: дѣло эвакуаціи и заботы о нихъ—въ надежныхър укахъ. Мы можемъ сказать вообще, что тѣ области работы, въ которыхъ принимаютъ участіе живыя силы страны, обезпечены. И только дѣло снаряженія арміи боевыми припасами, организація доставки ихъ, вообще все транспортное дѣло и, наконецъ, продовольственное дѣло внутри имперіи, страдаютъ.

Нужны условія, коими можетъ быть обезпечено „полное напряженіе и національный подъемъ духа". Не одна нужда, а цѣлый рядъ нуждъ требуетъ болѣе удовлетворительной постановки. „Необходимо единеніе всѣхъ живыхъ силъ страны",—какъ формулировалъ земскій съѣздъ въ одномъ изъ своихъ постановленій. Съѣздъ городского союза перечислилъ группы, организованное участіе которыхъ необходимо для удовлетворительнаго рѣшенія задачи, поставленной передъ военно-промышленными комитетами: кромѣ земскаго и городского союзовъ и торгово-промышленныхъ круговъ, къ дѣлу должны быть привлечены кооперативы, профессіональныя организаціи. Далѣе,—

русскіе города, объединившіеся въ союзъ, должны принять на себя спеціальную работу по организаціи городскихъ ремесленниковъ для снабженія арміи, а также по использованію для той же цѣли городскихъ ремесленныхъ и профессіональныхъ училищъ и мастерскихъ. Наряду съ этимъ совмѣстно съ земскими учрежденіями и кооперативами города должны принять дѣятельное участіе въ организаціи и содѣйствіи кустарной промышленности, оказавшей во время войны громадныя услуги нашей арміи.

Высказалось также Императорское техническое общество,— участіе его въ дѣлѣ призналъ необходимымъ торгово-промышленный съѣздъ. Въ запискѣ совѣта общества, оглашенной въ прессѣ 14 іюня и представленной многимъ высшимъ сановникамъ, земствамъ, городамъ, разнымъ инымъ учрежденіямъ и организаціямъ, находимъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: „необходимо аппеллировать къ патріотическому чувству гражданъ всей Русской земли", „необходима самая широкая гласность", „широкіе круги населенія, работающіе въ промышленности, должны знать, что они работаютъ для обезпеченія успѣха нашей геройской арміи".

Есть поправки, которыя ставятъ вопросъ о мобилизаціи всѣхъ силъ страны еще полнѣе, шире, глубже. И противъ нихъ нельзя возражать. Разъ ужъ дѣло признается всенароднымъ, оно и должно быть таковымъ не только на словахъ. Практически, быть можетъ, важнѣе другое—насколько необходимыя и сами по себѣ резонныя поправки осуществимы? Кое-какіе благопріятные въ этомъ смыслѣ отвѣты даетъ жизнь. Начала крупная промышленность. Но затѣмъ—уже во второй половинѣ іюня — состоялся съѣздъ организованной средней и мелкой промышленности. Она также пожелала принять участіе. Дѣятели городского и земскаго союзовъ не ограничились резолюціями, но и предприняли нѣкоторые шаги, чтобы организовать ремесленниковъ и кустарей. Пусть иниціаторы плохо идутъ въ глубь и глубины почти не затронуты. Тѣмъ не менѣе къ концу іюня стали появляться въ газетамъ единичные отклики рабочихъ и крестьянъ. Жизнь такимъ образомъ все-таки вводитъ новыя силы, хотя и медленно; она все-таки побуждаетъ къ болѣе широкому и правильному пониманію стоящихъ задачъ. Жизнь однако обнаруживаетъ и значительныя трудности.

Крупные промышленники сами звали земскій и городской союзы па помощь. Но затѣмъ проявили тенденцію—не допускать „многолюднаго" представительства земствъ и городовъ въ промышленныхъ комитетахъ. Большинство голосовъ и гегемонію крупные промышленники склонны удерживать въ своихъ рукахъ. Земскіе дѣятели настаиваютъ на привлеченіи кооперативовъ. Но вотъ, напр. въ Тамбовѣ созывается губернское кооперативное совѣщаніе для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ поставкою продуктовъ для арміи. О результатахъ сообщаютъ газеты:

Тамбовъ. Предсѣдатель кооперативнаго съѣзда земскій дѣятель Ю. Ю. Новосильцевъ закрылъ съѣздъ въ самомъ началѣ его работъ, какъ только ораторы стали касаться общихъ условій кооперативной дѣятельности деревни. Характерно, что со стороны представителя власти ораторамъ не было сдѣлано ни одного предостереженія („Русское Слово", 15 VI).

Вмѣсто закрытаго совѣщанія предсѣдатель Ю. Ю. Новосильцевъ созвалъ другое совѣщаніе изъ того же состава, исключивъ изъ него нѣсколько лицъ („Русскія Вѣдомости", 16 VI).

„Со стороны представителя власти не было ни одного предостереженія". Но земскій дѣятель г. Новосильцевъ самъ распоря-

дился. И не удивительно, что среди земцевъ есть такіе распорядители и „организаторы",—вносящіе не столько согласія, сколько раздраженія. Еще вчера господствовали вѣдь совсѣмъ не тѣ лозунги, которые признаются необходимыми сегодня. И этотъ вчерашній день не прошелъ и не могъ пройти безслѣдно для общества. Онъ выдвинулъ соотвѣтствующихъ дѣятелей въ первые ряды. Онъ воспиталъ и усовершенствовалъ въ нихъ извѣстные навыки, взгляды, склонности къ опредѣленнымъ методамъ дѣйствія.

Разумѣется, сейчасъ трудно говорить о планомѣрной мобилизаціи силъ. Организаторамъ приходится идти завѣдомо несовершенными путями. Спѣшно собираются люди, спѣшно выбираютъ мѣстный военно-промышленный комитетъ, даютъ ему нѣкоторыя инструкціи, поручаютъ выяснять мѣстныя производительныя средства и возможности, уполномочиваютъ войти въ связь съ кооперативами, профессіональными организаціями, ремесленниками, кустарями, привлекать общественныхъ дѣятелей и т. д. Но вотъ, напр., въ одесскомъ комитетѣ участвуетъ г. Маргуліесъ. По этому случаю „Кіевлянинъ" встревоженъ: какой Маргуліесъ? Ужъ не петроградскій ли адвокатъ? Если да, то адвокаты тутъ не нужны... И замѣтьте, „Кіевлянинъ"—всячески поддерживаетъ общую мысль о мобилизаціи всѣхъ силъ. Но люди втеченіе десятковъ лѣтъ проводили извѣстный взглядъ на „адвокатовъ", укрѣпились въ своей адвокатофобіи и теперь, говоря о мобилизаціи силъ, какъ бы не представляютъ, что въ числѣ этихъ силъ есть и сила „адвокатовъ", крупной общественной группы, способной внести въ общее дѣло не меньше, чѣмъ, напр., промышленники. Комическій въ сущности предразсудокъ. Но и онъ укоренился. И не откуда-то извнѣ привносится, а внутри самого общества возникаетъ недоразумѣнный вопросъ: желательны ли, въ самомъ дѣлѣ, и допустимы ли адвокаты?

Тотъ же „Кіевлянинъ" и въ другомъ отношеніи огорченъ Одессой: при организаціи мѣстнаго комитета было подчеркнуто, что мобилизація всѣхъ силъ страны возможна лишь при условіяхъ національной и вѣроисповѣдной терпимости. Азбучная истина, логическая необходимость. Но и она встревожила кіевскую охранительную газету: зачѣмъ въ Одессѣ говорятъ, что не должно быть „эллиновъ и іудеевъ"? Съ другой стороны, если будетъ выдѣленіе іудеевъ, то внѣ мобилизаціи останутся не только они. Останется внѣ и значительная часть всей прогрессивной Россіи. Есть и третья сторона. Организаторы не только въ Одессѣ понимаютъ, какъ обязательна терпимость. Однако рядомъ съ нею встаетъ деликатное затрудненіе: какъ быть съ мѣстными дѣятелями, порою занимающими видное положеніе, но извѣстными своею именно нетерпимостью, проводившими до сихъ поръ взгляды, способные создавать лишь рознь и отчужденность. Очевидно, нуженъ нѣкоторый подборъ—занятіе, крайне щекотливое. На этой почвѣ, между прочимъ,

въ Кіевѣ возникли неудовольствія. Мѣстная охранительная печать предъявила организаторамъ запросъ: почему не приглашенъ г. Савенко? онъ членъ Думы, онъ работалъ въ думской коммиссіи государственной обороны, а его не пригласили. И въ самомъ дѣлѣ не пригласить г-на Савенка,—гдѣ же единеніе всѣхъ силъ? Пригласить г-на Савенко,—при его участіи широкая общественная работа въ Кіевѣ едва-ли возможна больше, чѣмъ напр., при участіи г. Меньшикова въ Петроградѣ.

Нельзя игнорировать и еще одну особенность въ наслѣдствѣ, оставленномъ недавнимъ прошлымъ. Дѣло не только въ положеніи, которое занимаетъ человѣкъ по причинѣ благопріятной или неблагопріятной для него исторической обстановки. Однихъ обстановка порою даже неожиданно превозноситъ,—какъ былъ превознесенъ, скажемъ, забытый нынѣ Сергѣй Труфановъ, во иночествѣ Иліодоръ. Другихъ она также порою неожиданно низвергаетъ. Кромѣ обстановки, есть общественное мнѣніе. Эти двѣ величины часто расходятся: обстановка выдвигала далеко не всегда тѣхъ, кого считало нужнымъ выдвинуть общественное мнѣніе. И, наоборотъ, выдвинутое общественнымъ мнѣніемъ низвергалось обстановкой. Намъ нѣтъ нужды судить, кто тутъ правъ и кто неправъ. Но вотъ одно изъ конкретныхъ послѣдствій. Земскій съѣздъ 5 іюня въ своихъ постановленіяхъ, съ одной стороны, призналъ необходимой мобилизацію общественныхъ силъ, съ другой, — констатировалъ, что „областной комитетъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній отказался войти въ составъ всероссійскаго земскаго союза". Черезъ нѣсколько дней особое положеніе областного комитета трехъ юго-западныхъ губерній нѣсколько объяснилось на кіевскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Оказалось, что между всероссійскимъ союзомъ и областнымъ комитетомъ шла долгая переписка,—

> юго-западный областной комитетъ соглашался войти въ общеземскій союзъ, но ставилъ условіемъ, чтобы полученные изъ средствъ казны подъ личную отвѣтственность члена Государственной Думы П. Н. Балашова 11 милліоновъ рублей на покупку лошадей и хлѣба для Галиціи остались въ распоряженіи комитета.
>
> Григоровичъ-Барскій сообщилъ подробности полученія и расходованія 11 милліоновъ рублей. Деньги эти—говорилъ онъ—были отпущены совершенно особымъ порядкомъ—лично П. Н. Балашову подъ его отвѣтственность. Пока изъ нихъ израсходовано 5 мил., изъ которыхъ $4^1/_2$ вернутся обратно („Русское Слово", 19. VI.

Деньги получилъ лично г. Балашовъ, но если они въ распоряженіи областного комитета, то на комитетъ перешла и отвѣтственность. Буде комитетъ сольется съ союзомъ,—то отвѣтственнымъ станетъ и союзъ, которому однако говорятъ, что онъ къ этимъ 11 милліонамъ никакого касательства имѣть не можетъ. Само собою разумѣется, союзу оставалось лишь отклонить столь своеобразное и рискованное условіе. Обстановка выдвинула г. Балашова. Вмѣстѣ съ нимъ она выдвинула группу такъ называемыхъ націо-

налистовъ и отдала въ ихъ распоряженіе земское хозяйство трехъ губерній. Они занимаютъ такое положеніе, что мимо нихъ и въ общей работѣ не пройдешь—какъ можно пройти, положимъ, мимо г. Меньшикова. Общая и притомъ по существу государственная работа невозможна безъ нѣкотораго единства взглядовъ,—хотя бы только по вопросамъ о подотчетномъ распоряженіи казенными деньгами. Но и такого минимальнаго единства съ областнымъ земскимъ комитетомъ трехъ губерній союзу всѣхъ остальныхъ земствъ (за исключеніемъ курскаго) не удалось достигнуть. И во многихъ другихъ случаяхъ не такъ легко достигнуть даже минимальнаго единства взглядовъ,—хотя при иномъ отношеніи къ общественному мнѣнію оно могло бы сложиться давно и само собою.

Въ поправкахъ къ первоначальному плану мобилизаціи силъ не забыта и печать. Пока она не поставлена въ нормальныя условія, организованная общественная самодѣятельность, соотвѣтственная нынѣшнимъ требованіямъ, не наладится. Это и сказано въ цитированной выше запискѣ совѣта техническаго общества. Противъ охраны военныхъ тайнъ нѣтъ возраженій. Но во всемъ остальномъ „необходима самая широкая гласность", иначе настроеніе страны и духъ ея будетъ игрушкой молвы и изустныхъ легендъ. Никто не защищаетъ разбалтыванія секретовъ обороны, но нельзя убѣдительно „аппеллировать къ патріотическому чувству гражданъ", не располагая необходимымъ для этого полнымъ правомъ сужденій. Это — азбука. Нельзя однако сказать, что внутри самого общества нѣтъ по поводу нея слишкомъ большихъ разногласій. „Голосомъ Москвы" было открыто существованіе цѣлой добровольческой цензурной организаціи, составленной „учащейся молодежью".

О характерѣ этой добровольческой цензуры можетъ дать понятіе слѣдующій фактъ. Въ спискахъ книгъ для чтенія ранеными, опубликованныхъ управленіемъ генеральнаго штаба, допускаются сочиненія Достоевскаго. Однако по настоянію цензоровъ-учащихся московскій комитетъ на сочиненія Достоевскаго наложилъ veto. („Голосъ Москвы", 28. IV.)

Продолженіе старой исторіи о студентахъ-академистахъ. И по-старому дѣятели, вродѣ г. Пуришкевича, на основаніи своихъ личныхъ мнѣній распредѣляютъ, что можетъ быть „допущено для народа" и чего допускать не слѣдуетъ, чего можно касаться, чего нельзя. Предполагается, что они—какъ бы „мертвыя" силы, а нужна мобилизація силъ „живыхъ". Но не такъ просто размежевать „живое" отъ „мертваго". Въ серьезной общественной работѣ, несомнѣнно, противорѣчія вскроются сами собою и само собою произойдетъ размежеваніе. Но это не дѣлается моментально, по щучьему велѣнью. А главное,—это надо сдѣлать такъ, чтобы стремленія силъ живыхъ не порализовались напоромъ силъ мертвыхъ.

„Нельзя скрывать отъ себя — писали „Русскія Вѣдомости" 12 іюня—тѣхъ огромныхъ трудностей, съ которыми встрѣчается стремленіе къ объединенію и сосредоточенію силъ". Да, огромныя

трудности. Возможность преодолѣнія ихъ поясняется въ газетѣ такимъ сравненіемъ: „Полтавѣ предшествовала Нарва". Послѣ Нарвы Петръ Великій

не впалъ въ уныніе отъ неудачи, тотчасъ же принялся за организацію побѣды: сталъ укрѣпляться, пополнять войска, отливать новую артиллерію. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій государственный человѣкъ, не теряя ни минуты, не унывая отъ неудачъ и не упиваясь побѣдами, но черпая изъ тѣхъ и другихъ уроки и указанія на будущее, принялся за „гражданское правленіе", за приспособленіе правительственнаго механизма къ требованіямъ жизни. И цѣль была достигнута, побѣда организована.

Образъ Петра послѣ Нарвы, энергичнаго организатора побѣды и великаго преобразователя „гражданскаго правленія", вызвавшаго къ жизни и дѣятельности всѣ живыя силы страны, сейчасъ долженъ служить путеводною звѣздою для русскаго общества.

Въ сущности это сравненіе способно лишь подчеркнуть, какъ трудна поставленная задача. Но она поставлена. Она понята, хотя, разумѣется, не всѣми въ одинаковой степени. Ее надо рѣшать, какъ можно скорѣй. Первые шаги трудно признать вполнѣ удачными. Но въ самомъ процессѣ движенія и работы многое можетъ стать яснѣе и опредѣленнѣе. Всего хуже неподвижность, застой. Эта опасность миновала. Очень было бы плохо, еслибы дѣло ограничилось только разговорами или не пошло дальше первыхъ шаговъ и попытокъ. Но и эта опасность, повидимому, намъ не грозитъ.

V. Новыя назначенія. „Измѣненный курсъ".

Опять объявляютъ „весну", и на сей разъ это дѣлаетъ не „Новое Время", а „Колоколъ", завѣряющій вдобавокъ, что нынѣшняя весна настоящая и не должна возбуждать сомнѣній. Сдвигъ къ ней начался отставкой министра внутреннихъ дѣлъ Маклакова. Поэтому поводу г. А. Савенко писалъ въ „Кіевлянинѣ":

Н. А. Маклаковъ не имѣлъ ни бюрократической, ни общественной подготовки, ни даже необходимаго образованія. Прирожденнаго же чутья государственнаго такта у него также не оказалось. Въ самое короткое время опредѣлилось, что Н. А. на посту министра внутреннихъ дѣлъ совершенно несостоятеленъ. Какъ извѣстно, на посту министра Н. А. дебютировалъ тѣмъ, что законодательство замѣнилъ административными обязательными постановленіями. Это тогда сразу вооружило противъ него всю страну. Но Н. А. Маклаковъ не понялъ своей ошибки и упорно продолжалъ идти тѣмъ же путемъ. Управленіе г. Маклакова—это сплошная борьба съ законодательными учрежденіями, съ земствомъ, съ городскимъ самоуправленіемъ, со всѣмъ русскимъ обществомъ. Онъ стремился все упразднить, все запретить—всякую самодѣятельность, всякое проявленіе жизни.

Въ послѣдніе мѣсяцы дѣятельность Маклакова стала прямо государственно-опасной. Въ то время, какъ страшный врагъ стоитъ у воротъ, когда необходимо полное и рѣшительное объединеніе всѣхъ силъ страны, ушедшій министръ велъ политику разъединенія этихъ силъ, политику борьбы съ обществомъ. Кромѣ „крамолы", которую онъ находилъ вездѣ и во всемъ, даже въ патріотическомъ порывѣ общества, г. Маклаковъ не зналъ и не

видѣлъ ничего другого. Н. А. Маклаковъ по какому-то непонятному ослѣпленію упорно продолжалъ оставаться на чисто партійной позиціи крайнихъ правыхъ (отъ которой отреклись даже многіе крайніе правые) и страшно тормозилъ своею непримиримостью дѣятельность общественныхъ силъ, направленную къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ личности Н. А., я тѣмъ не менѣе, не обинуясь, скажу, что уходъ его усилитъ обороноспособность Россіи, ибо нынѣ съ пути полнаго объединенія всѣхъ силъ страны—для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ—устраненъ большой тормазъ, становившійся крайне опаснымъ. („Кіевлянинъ", 11, VI).

„Новое Время" высказалось не столь красочно, но по существу такъ же: Н. А. Маклаковъ держался направленія, которое не соотвѣтствовало интересамъ обороны. Доводъ важный. Но онъ брошенъ въ спину ушедшему министру, хотя дѣятели, группирующіеся вокругъ „Кіевлянина" и „Новаго Времени" обладаютъ нѣсколько большею, чѣмъ другіе, возможностью предъявить свое мнѣніе въ лицо министру, пока онъ сохраняетъ власть. Если, по ихъ мнѣнію, Н. А. Маклаковъ „вредилъ", то можно сдѣлать выводъ, что и они вредили, во-первыхъ тѣмъ, что не исчерпали, сколько извѣстно, всѣхъ средствъ сказать это своевременно, а во-вторыхъ, пока Н. А. Маклаковъ былъ у власти, они порою говорили совсѣмъ иное, чѣмъ теперь.

Мнѣніе прогрессивной прессы и послѣ отставки г. Маклакова осталось неразвернутымъ, „Русскія Вѣдомости" спрашивали по поводу перехода портфеля отъ Н. А. Маклакова къ кн. Н. Б. Щербатову: „а дальше что?" Рѣчь задумчиво писала (15, VI): „бывшаго черниговскаго губернатора смѣнилъ бывшій полтавскій предводитель дворянства".

Вскорѣ по назначеніи, кн. Щербатовъ пригласилъ сотрудниковъ прессы для коллективной бесѣды. Его заявленія правой печатью истолкованы въ благопріятномъ для нея смыслѣ, хотя и не безъ натяжекъ. Но въ такомъ же смыслѣ они поддались истолкованію и въ смыслѣ, благопріятномъ для либеральныхъ теченій,—хотя такъ же не безъ натяжекъ. Кн. Щербатовымъ были приглашены представители разныхъ органовъ, отъ правыхъ до конституціонно-демократическихъ и нѣсколько болѣе лѣвыхъ. И въ бесѣдѣ онъ взялъ среднюю и при томъ извилистую линію, мягко соприкасающуюся со всѣми представленными направленіями и нигдѣ не сталкивающуюся съ ними. Новый министръ напомнилъ, что онъ участвовалъ въ земскомъ союзѣ 1904-5 гг.,—тамъ же, гдѣ были, напр., и к.-д. При этомъ однако онъ подчеркнулъ, что въ земскомъ союзѣ ему приходилось быть въ незначительномъ меньшинствѣ. Такъ какъ кн. Щербатовъ—одинъ изъ учредителей и организаторовъ бывшей партіи правового порядка, то само собою понятно, къ какому меньшинству онъ принадлежалъ въ земскомъ союзѣ 1904 г. А такъ какъ, съ другой стороны, партія правового порядка бывала въ блокѣ съ крайними правыми, то фактъ участія

въ земскомъ союзѣ не долженъ быть огорчителенъ ни для „Земщины“, ни для „Русскаго Знамени“. Онѣ и не огорчились. Кн. Щербатовъ назвалъ себя земцемъ. Но онъ земецъ полтавскій и притомъ солидарный съ мѣстнымъ, полтавскимъ же, земскимъ большинствомъ. И это опять-таки средняя линія. Курскій земецъ (изъ нынѣшняго большинства) скажетъ: все-таки полтавскіе не такіе, какъ черниговскіе. Черниговскій скажетъ: все-таки полтавскіе не такіе, какъ курскіе.

Конечно, полтавское направленіе—правое. Но кн. Щербатовъ особеннымъ способомъ подчеркиваетъ свою принадлежность къ общественной вѣтви правого направленія: онъ заявилъ, что желаетъ, и будучи министромъ, сохранить свои полномочія земскаго гласнаго.

Кн. Щербатовъ не дѣлаетъ никакихъ программныхъ заявленій. Даже находитъ, что они въ данный моментъ несвоевременны Но въ сущности его бесѣда можетъ быть понята, если не какъ программа, то какъ шагъ въ сторону нѣкоторой совмѣстности со всѣми теченіями, съ которыми совмѣстность окажется возможной.

Такой же характеръ имѣла и послѣдовавшая затѣмъ отставка военнаго министра В. А. Сухомлинова съ назначеніемъ на этотъ постъ А. А. Поливанова. Въ смыслѣ програмномъ тутъ различія не больше, чѣмъ между бывшимъ черниговскимъ губернаторомъ и бывшимъ полтавскимъ предводителемъ дворянства. Но въ смыслѣ тактическомъ различіе понятнѣе. Достаточно вспомнить, какъ обостренъ былъ —и при томъ безъ особенной нужды—В. А. Сухомлиновымъ вопросъ о военно-медицинской академіи. Генералъ отъ инфантеріи А. А. Поливановъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ работы въ качествѣ представителя вѣдомства въ комиссіяхъ Государственной Думы умѣлъ проводить, что требовалось вѣдомству, не обостряя личныхъ отношеній съ представителями разныхъ, порою рѣзко враждующихъ фракцій. Конкретнѣе опредѣлили эту тактическую линію послѣдовавшія затѣмъ назначенія и приглашенія. Учреждается русско-польское совѣщаніе для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго 1 августа къ полякамъ. Въ него приглашены члены Думы: Н. П. Шубинскій, П. Н. Балашовъ, кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій,—правый октябристъ, лидеръ націоналистовъ, о князѣ же Святополкъ-Мирскомъ, менѣе извѣстномъ, не лишне напомнить, что именно этотъ бессарабскій депутатъ выступалъ въ Государственной, Думѣ, какъ апологетъ крѣпостного права. Съ другой стороны, участвовать въ работахъ вновь учрежденнаго особаго совѣщанія при военномъ министерствѣ назначенъ, въ числѣ другихъ членовъ Думы, конституціоналистъ-демократъ А. А. Добровольскій (инженеръ по образованію и спеціалистъ по желѣзнодорожному дѣлу). Такимъ образомъ всѣ теченія—до к.-д. вклю-

чительно—привлечены къ дѣлу. И при томъ роли характерно распредѣлены. Гг. Шубинскій, Балашовъ и кн. Святополкъ-Мирскій обсуждаютъ нѣсколько академическій сейчасъ, но принципіальный вопросъ. Отъ А. А. Добровольскаго требуются его спеціальныя знанія. Такимъ образомъ, правые не имѣютъ основанія жаловаться на игнорированіе ихъ идеологіи. Болѣе лѣвые, до к.-д. включительно, не могутъ жаловаться на пренебреженіе къ ихъ силамъ. Газетные информаторы одно время увѣряли, что послѣдуютъ какіе-то „дальнѣйшіе шаги"; частью прессы распространялся слухъ о значительныхъ перемѣнахъ въ положеніи печати. Но само собою понятно, что принципъ совмѣстности даже при умозрительномъ его построеніи ставитъ нѣкоторыя рамки. Мягко соприкасаясь съ кадетами, нельзя быть прямолинейно правымъ, а, сохраняя соприкосновеніе съ правыми, нельзя уклоняться влѣво. Въ частности, уже однимъ этимъ опредѣляется, насколько могутъ быть основательными слухи о перемѣнахъ въ положеніи печати: сколько-нибудь существенныя перемѣны, разумѣется, невозможны безъ принципіальнаго столкновенія съ тѣми группами, къ которымъ принадлежатъ, напр., г. Балашовъ и кн. Святополкъ-Мирскій.

Въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ кн. Щербатовъ коснулся вопроса о досрочномъ созывѣ законодательныхъ собраній. Лично онъ не противъ созыва. Вскорѣ затѣмъ опредѣлилось и общее правительственное мнѣніе,—тоже не противъ. Рескриптомъ на имя И. Л. Горемыкина указанъ и самый срокъ созыва,—не позже августа. Точнѣе опредѣлить время предоставлено совѣту министровъ. Между послѣднимъ и думскимъ сеньоренъ-конвентомъ возникли изъ-за срока разногласія. По мнѣнію депутатовъ, многіе государственные вопросы требуютъ немедленнаго разсмотрѣнія и скорѣйшаго созыва Думы. Члены совѣта министровъ склонны къ созыву не раньше августа или второй половины іюля, такъ какъ только къ этому времени правительство сможетъ установить программу предстоящихъ работъ. Этотъ мотивъ вызвалъ нѣкоторыя недоумѣнія: стали указывать, что программу можно выработать скорѣе, раньше. И, конечно, можно бы скорѣе, еслибы рѣчь шла о программѣ, вытекающей изъ общихъ, принципіальныхъ рѣшеній. Но найти принципіальную программу, при которой была бы возможна совмѣстная работа съ крайне разнородными группами, просто нельзя. Программу же, исходящую изъ конкретныхъ обстоятельствъ и сведенную къ ряду строго конкретныхъ предложеній, можно построить не раньше, чѣмъ конкретности вполнѣ выяснились. Между тѣмъ въ іюнѣ онѣ все еще оставались неясными. И многое позволяло думать, что именно лишь къ августу точнѣе выяснятся результаты непріятельскаго наступленія, исходныя положенія ожидаемой осенней кампаніи и виды на предполагаемую кампанію зимнюю. При неблагопріятномъ

исходѣ событій на фронтѣ программа можетъ быть одна, при благопріятномъ—другая, при неопредѣленномъ—третья. Это согласуется и съ лозунгомъ „все для войны“, если его перевести съ языка безбрежныхъ отвлеченностей на языкъ строго дѣловой прозы: все для войны, и значитъ только для войны, сообразно обстановкѣ и ходу событій и въ мѣру признаваемаго необходимымъ.

Такъ опредѣлился „измѣненный курсъ“ къ концу іюня.

А. Борисовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Свирскій. Пограничники и др. разсказы. Изд. „Наши Дни“. М. 1905. Стр. 178. Ц. 1 р. 25 к.

Очень легкая задача „критиковать“ г. Свирскаго въ вульгарномъ смыслѣ этого слова: отмѣчать его недостатки. Ихъ много, попадаются они чуть что не на каждой страницѣ и примѣровъ длиннотъ, элементарнаго дидактизма, подчеркиваній, ненужной грубости въ изображеніи людскихъ подонковъ и т. д., и т. д.—можно бы привести сколько угодно. Но какъ-то мало охоты этимъ заниматься при чтеніи его разсказовъ: они въ конечномъ и общемъ впечатлѣніи запоминаются не недостатками своими, они лучше своихъ недостатковъ. Запоминаются образы, нарисованные авторомъ, по большей части живые и любопытные, не смотря на дидактизмъ и шаржировку, съ какими обычно они изображены.

У автора есть очень небольшая по размѣрамъ, но цѣнная по существу способность: выдвинуть характерную психологическую, бытовую, профессіональную особенность изображаемаго лица, выдвинуть порой какъ-бы невзначай, въ мимоходомъ кинутой фразѣ,—и это до такой степени радуетъ читателя и нужно ему, что остальныя соотвѣтственныя черты, уясняющія образъ, онъ охотно восполняетъ воображеніемъ, получившимъ толчекъ отъ автора. „Мнѣ такъ пріятно вспоминать молодость, какъ пріятно человѣку найти свой утерянный бумажникъ съ деньгами“, — развѣ читатель уже не предчувствуетъ по этой одной фразѣ, что передъ нимъ не просто человѣкъ, любящій деньгу, но непремѣнно коммерсантъ по профессіи? „Имѣй я такой почеркъ и не будь я занятъ болѣе серьезнымъ дѣломъ, даю вамъ честное слово, я бы сдѣлался писателемъ!“—патетически произноситъ комми-вояжеръ, которому принадлежитъ и вышеприведенная фраза. И эти художественные штришки порой болѣе краснорѣчивы и полнѣе изображаютъ предметъ, чѣмъ десятки страницъ подробнѣйшихъ описаній. Пограничный солдатъ фантазируетъ передъ своимъ товари-

щемъ на тему о прекрасномъ житьѣ безъ границъ: «Слободно ходимъ по нѣмецкой землѣ и дешевкой пользуемся“. Однако товарищъ не сдается на эти фантазіи: „Сказалъ я дубье, дубье ты и есть. А какъ же воевать безъ границы? Куда ты артиллерію направишь? На Москву аль на Питеръ?“—вѣдь тутъ—цѣлая полоса міровоззрѣнія. Солдаты радушно принимаютъ молоденькую дѣвушку еврейку, Приву, возлюбленную одного изъ этихъ солдатъ. Достаютъ гармонію и, чтобы развлечь гостью, солдаты затѣваютъ пляску. „Нетронь уже поднимаетъ одну ногу, ударяетъ ей объ полъ, взмахиваетъ руками, дико вскрикиваетъ; еще мгновенье—и онъ покажетъ, какъ танцуютъ на Волыни; но въ этотъ моментъ Прива, блѣдная, съ застывшей улыбкой на губахъ, срывается съ мѣста и бѣжитъ къ дверямъ“. Чего испугалась Прива? Она ясно видѣла, что не худое, а пріятное хотѣли ей сдѣлать, но она инстиктивно боится размаха силы въ чемъ бы то ни было, у нея пугливая душа, ей яркое не по силамъ, она не можетъ вмѣстить слишкомъ веселаго веселья... Въ этой краткой сценкѣ авторъ уловилъ нѣчто подлинно-національное въ душѣ Привы. Базарный торгъ передъ Пасхой. „Надъ толпой виситъ темный пологъ тумана. Нѣтъ неба нѣтъ солнца, а подъ ногами чавкаетъ снѣжная жижа. Но всѣ увѣрены, что будетъ солнце и что вмѣстѣ съ Христовымъ Воскресеніемъ придетъ весна. И древняя старушка, прижатая толпой къ стѣнѣ дома, торгуетъ у молодого широкоскулаго татарина розовый зонтикъ для голубоглазой внучки-подростка и, дрожа отъ холода, спрашиваетъ:—А не полиняетъ на солнышкѣ?“—тонко передано въ одной фразѣ это особенное весеннее предпраздничное настроеніе. Не всегда авторъ вѣритъ такимъ своимъ фразамъ и порой пытается ихъ усилить подчеркиваніями. Но онъ умѣетъ ихъ найти въ своемъ воображеніи и въ этомъ его заслуга.

Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны—писатели и художники. Изданіе „Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны“. Петроградъ. 1915. Стр. 102. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ, изданный „Обществомъ русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны“, выгодно отличается отъ другихъ сборниковъ тожественнаго назначенія тѣмъ, что въ немъ совершенно отсутствуетъ беллетристика на военныя темы, удручающая фальшью и надуманностью одинаково подъ перомъ и даровитыхъ, и бездарныхъ писателей. Въ „Невскомъ Альманахѣ“—стихи, очень сжатыя статьи, отрывочныя замѣтки, отрывки мемуаровъ, письма—Чехова, Л. Толстого, Лѣскова, Полонскаго — матеріалъ разнообразный, но не случайный, содержательный и цѣнный. Уже одинъ этотъ длинный рядъ поэтовъ, публицистовъ, беллетристовъ, ученыхъ—сорокъ восемь литературныхъ именъ и двадцать четыре художника!—обѣщаетъ богатую гамму мыслей и чувствъ, связанныхъ съ переживаемымъ моментомъ. И сборникъ, дѣйствительно даетъ возмож-

ность представить картину настроеній и чаяній русскаго общества, нашедшихъ—по крайней мѣрѣ, частично—выраженіе на страницахъ „Невскаго Альманаха“. Отъ Анатолія Кремлева („Мы жаждемъ борьбы“...) и Валерія Брюсова („Была пора ударить бурѣ, расчистить хмурый небосклонъ“...) до М. Гершензона и М. Невѣдомскаго—разстояніе значительное, и на немъ явлены какъ оттѣнки хорошаго патріотическаго воодушевленія, надежды и упованія, такъ и ноты горькой скорби о страдающемъ человѣкѣ и объ отчизнѣ поднявшей тяжкое бремя. И—сказать правду—скорбныя эти ноты звучатъ явственнѣе и слышнѣе другихъ. „Въ насъ все оскорблено, все болитъ“,—пишетъ М. Гершензонъ—„и если исключить горсть сытыхъ, равнодушныхъ, какіе есть въ каждомъ народѣ, типичный признакъ русскаго еврея—тяжелый надломъ въ душѣ. Мучительно было евреямъ ихъ безправіе и во времена всеобщаго господства предразсудковъ, но тогда оно было, и по существу, и по чувствованію, безконечно менѣе оскорбительно, чѣмъ теперь, въ вѣкъ просвѣщенный, просвѣтившій къ тому же и многихъ изъ ихъ собственной среды—на вящщее пониманіе обиды“. Рядомъ съ этимъ горькимъ и такимъ знакомымъ, такимъ старымъ, какъ горька пѣсня о „лучинушкѣ“, мотивомъ не столь безспорно уже звучатъ воодушевленныя упованіемъ увѣренія М. Невѣдомскаго: „Послѣ войны міръ явится свидѣтелемъ взысканія по цѣлымъ *четыремъ* векселямъ. Франціи уже не придется въ своихъ школьныхъ картахъ обводить траурной каймой—Эльзасъ и Лотарингію; Бельгія и Польша, эти жертвы новой и новѣйшей исторіи, предъявятъ каждая по векселю—и получатъ удовлетвореніе. Въ это я вѣрю, на это надѣюсь... Четвертымъ векселемъ будетъ вексель демократіи всей Европы, а валютой его—вся нынѣшняя война, предотвратить которую демократія оказалась не въ силахъ,—все это безмѣрное оскорбленіе, этотъ неисчислислимый ущербъ жизни, это неслыханное попраніе давно и прочно, казалось, установленныхъ моральныхъ правъ и культурныхъ цѣнностей!.. Вотъ четвертый великій искъ, который будетъ предъявленъ, по окончаніи мораторіума, и будетъ удовлетворенъ. Въ этомъ я убѣжденъ“.

„Альманахъ“ изданъ изящно, цѣна—не высокая. Не только по цѣли изданія, но и по разнообразію и интересу содержанія сборникъ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. I. Второе изданіе. Петроградъ. 1915. Стр. LXX+436. Ц. 6 р.

Отказавшись отъ мысли закончить первое изданіе своего словаря, С. А. Венгеровъ, по печальной необходимости, перешелъ къ изданію подготовительныхъ для него работъ. Изъ этихъ работъ „Русскія книги“ оборвались на третьемъ томѣ, „Списокъ русскихъ писателей и источниковъ для ихъ изученія“, благодаря поддержкѣ

со стороны Академіи Наукъ, медленно, но неуклонно обогащается новыми томами; теперь передъ нами начало новой работы, также только подготовительной, ибо первые томы новаго изданія „Словаря“ предположено отвести подъ „Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки“. Въ лежащемъ передъ нами увѣсистомъ томѣ, хорошо изданномъ и интересно иллюстрированномъ групповыми портретами русскихъ писателей, списокъ этотъ доведенъ до слова *Куликовъ*.

Многое, конечно, можно возразить противъ этой системы незавершенія начатыхъ работъ, накопленія механически собранныхъ грудъ сырья. Но, когда прочтешь обширное предисловіе С. А. Венгерова, когда представишь себѣ эту массу организаціонной энергіи, затраченной однимъ человѣкомъ на исполненіе столь обширной справочной работы, то какъ-то не хочется копаться въ ея отрицательныхъ сторонахъ, въ ея фактическихъ промахахъ и методологическихъ ошибкахъ. И потому, если мы укажемъ кое-что, на нашъ взглядъ, неправильное въ составленіи „предварительнаго списка“, то только потому, что эти указанія имѣютъ общее значеніе и, быть можетъ, повліяютъ на составъ дальнѣйшихъ выпусковъ „Списка“.

Онъ прежде всего представляется намъ чрезмѣрно обширнымъ. С. А. Венгеровъ включилъ въ него не писателей только, не ученыхъ, а всѣхъ, кто когда бы то ни было и что бы то ни было напечаталъ на русскомъ языкѣ. Въ предисловіи С. А. Венгеровъ защищаетъ свои пріемы, полемизируетъ съ Пыпинымъ, который считалъ нужнымъ обойти въ краткомъ предварительномъ словарѣ мелкихъ писателей, излагаетъ свои теоретическіе взгляды на значеніе „маленькихъ“ явленій и т. д. Но не трудно видѣть, что всѣ эти доводы бьютъ мимо цѣли. О значеніи второстепенныхъ писателей Пыпинъ зналъ, конечно, не хуже другихъ; весь вопросъ въ томъ, что называется писателемъ, хотя бы и самымъ второстепеннымъ, и о комъ словарь писателей долженъ дать справку. Трудно, не перелиставъ Списокъ, представить себѣ, какое великое множество ни для какой науки ненужныхъ, ничтожныхъ именъ внесъ въ него С. А. Венгеровъ. Конечно, всякая справочная книга полезна; во „Всемъ Петербургѣ“ можно найти не мало нужныхъ справокъ, всякихъ, въ томъ числѣ и литературныхъ. Списокъ надгробныхъ надписей, какой мы имѣемъ въ „Некрополяхъ“ вел. кн. Николая Михайловича,—вещь, необходимая для историка. Но даже „Некрополи“ составляются съ выборомъ, ихъ составители берутъ на себя отвѣтственность—и мы не видимъ причины, по которой С. А. Венгеровъ счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ этого выбора и отъ этой отвѣтственности. Его списокъ кишитъ такими указаніями: *Бѣлевичъ К. П.*, авт. брош. о Лермонтовѣ; *Бѣлевичъ Н.*, авт. „Руковод. для устройства литер. вечеровъ въ ср.-уч. зав.“ 1905 г., *Бѣльскій И.*, авторъ разсказа „Батрачка“ (СПБ. 1871), *Бѣльченко С. П.*, составитель „Календаря и памят.

книжки Курск. губ. на 1884 г.“. Такихъ указаній сотни и сотни Не мудрено, что въ такой системѣ—есть не мало пропусковъ: ибо невозможно объять, по истинѣ, необъятное и переписать въ одну книгу всѣ фамиліи изъ всѣхъ книгопродавческихъ каталоговъ, библіографическихъ указателей, списковъ сотрудниковъ, инженеровъ, докторовъ медицины и т. п. Беремъ первый попавшій подъ руку каталогъ и находимъ, что въ немъ есть: *Алексѣевская А. П.*, авторъ книги „Спящая Россія“, *Анастасіевъ Ю.*, написавшій „Краткій обзоръ русскаго гражданскаго права“, *Горячевъ А. П.*, составившій указатель „Какъ получить почетное гражданство“, *Бреговская А. Б.*, авторъ книги „Дѣтская жизнь“, *Далинскій*, написавшій „Евреи въ арміи“. Никого изъ этихъ лицъ мы въ „Спискѣ“ не находимъ—и, надо сказать правду, не видимъ въ этомъ никакого ущерба для науки. Ущербъ въ другомъ: ущербъ въ растратѣ силъ, въ ненужной погонѣ за количествомъ, въ ущербъ качеству. „По отношенію къ словарю нужно совершенно оставить ненаучное дѣленіе на крупныхъ и маленькихъ писателей“. Это совершенно вѣрно. Но въ Спискѣ С. А. Венгерова приблизительно сто Александровыхъ, сто Алексѣевыхъ, сто Бѣляевыхъ, сто Кузнецовыхъ, четыреста Ивановыхъ; что общаго имѣютъ эти сотни *не* писателей съ писателями большими и малыми, какое отношеніе эти гекатомбы обреченныхъ на безсмертіе имѣютъ къ какой бы то ни было исторіи литературы и культуры? Какая методологія можетъ оправдать вереницы такихъ свѣдѣній въ „Спискѣ писателей и ученыхъ“—„*Кузьминъ И.*, авт. брош. „Геометрическое черченіе“ (1910). *Кузьминъ И. И.*, плодоводъ, авт. брош. „Садовая вивисекція“ (1911). *Кузьминъ К.*, авт. брош. „Мотоциклетка“. *Кузьминъ М.*, сост. учебн. товаровѣдѣнія. *Кузьминъ П.*, авт. отчетовъ по винокуренному заводу“, и т. п.

Самое удивительное вотъ что. „Покойный Пыпинъ—говорится въ предисловіи –прямо настаивалъ на томъ, что нужно составить „предварительный“ Словарь, самый краткій—въ 2-3 томахъ, но за то на всѣ буквы. Я не очень спорилъ по существу. Конечно, чѣмъ нѣкій журавль въ небѣ, въ видѣ Словаря такой обстоятельности, какъ „Критико-біографическій“ лучше покамѣстъ синица въ руки, въ видѣ скромнаго справочника, на основѣ котораго можно затѣмъ создать самый грандіозный Словарь. Но только большая ошибка думать, что такой скромный справочникъ легко составить... „Краткій“ словарь можно составить только тогда, когда у васъ собранъ весь матеріалъ для словаря большого, когда есть что сокращать“. Доводы, казалось бы, убѣдительные, особенно, когда ихъ предлагаетъ такой заслуженный спеціалистъ, какъ С. А. Венгеровъ. Одно только смущаетъ: вѣдь вотъ ужь лѣтъ десять, какъ краткій словарь русскихъ писателей и ученыхъ существуетъ. Онъ заключаетъ примѣрно 3—4 тома, составленъ тщательно и добросовѣстно,

имѣетъ, конечно, недостатки—дѣло человѣческое—но въ общемъ очень полезенъ и для ученаго, и для профана. И составилъ этотъ словарь, вполнѣ законченный и въ общемъ достаточно полный и даже значительную часть отвѣтственныхъ статей въ немъ написалъ никто иной, какъ С. А. Венгеровъ. Только словарь этотъ не вышелъ отдѣльно, а включенъ въ составъ Энциклопедическаго Словаря Брокгаузъ-Ефрона. Къ чему же было столь рѣшительное и убѣдительное доказательство невозможности краткаго словаря, который возможенъ—будто?—лишь тогда, когда „есть что сокращать". Но онъ есть—значитъ, уже „есть что сокращать", значитъ, нѣтъ никакой необходимости сводить въ новые томы груды накопленнаго сырья. Хуже всего то, что въ этомъ сырьѣ тонутъ во множествѣ необходимыя и полезныя свѣдѣнія, а главное—эти сводки и сводки сырья требуютъ слишкомъ много силъ. Еслибы С. А. Венгеровъ стоялъ на этой точкѣ зрѣнія, то среди его работъ не было бы цѣлаго ряда невыполненныхъ обѣщаній, цѣлаго ряда обширныхъ начинаній, задуманныхъ всеобъемлюще и оборвавшихся на первыхъ шагахъ.

Мы не обманываемся: мы не переучимъ, не передѣлаемъ стараго работника съ его привычками, его путями и пріемами; но каждый разъ при появленіи такой „предварительной" механически собранной массы матеріала, мы должны взывать къ необходимому самоограниченію, къ экономіи силъ, къ интенсификаціи труда. И это не будетъ въ противорѣчіи съ той благодарностью, какую мы все-таки чувствуемъ, когда знакомимся съ громадными библіографическими собраніями С. А. Венгерова, съ его настойчивостью, съ его умѣніемъ собирать вокругъ себя работниковъ и дать каждому подходящее къ его способностямъ дѣло. Обо всемъ этомъ С. А. Венгеровъ съ какой-то патріархальной трогательностью разсказалъ въ своемъ дѣловомъ по внѣшности и лирическомъ по существу предисловіи. И если мы встрѣчаемъ его новую работу рѣшительными критическими замѣчаніями, то только изъ желанія видѣть ее достойно завершенной. Въ этомъ видѣ—но только въ этомъ—она будетъ дѣйствительно очень полезна.

С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе". Петроградъ. 1915. Стр. 371. Ц. 2 р.

С. Т. Семеновъ—небезызвѣстный авторъ „Крестьянскихъ разсказовъ", которыхъ вышло уже, если не ошибаемся, томовъ шесть-семь. Настоящая книга, самое крупное по размѣрамъ его произведеніе, опытъ художественной автобіографіи, представляетъ интересъ болѣе значительный, чѣмъ „Крестьянскіе разсказы", хотя далеко не во всѣхъ частяхъ одинаковый. Какъ художникъ, авторъ не поднимается выше посредственнаго уровня и выдерживаетъ лишь самыя умѣренныя требованія. Онъ цѣненъ, какъ бытописа-

тель, лѣтописецъ деревенской жизни, описывающій, „не мудрствуя лукаво“, среду, изъ которой вышелъ и въ которую вернулся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитанія по городамъ въ отроческій и юношескій возрастъ. Уголокъ, жизнь котораго детально описана имъ за послѣднюю четверть столѣтія,—деревня подмосковнаго района. По изображенію деревенской темноты, дикости, невѣжества, косности, безправія, и незащищенности въ нашей литературѣ имѣются книги болѣе яркія, сильныя и убѣдительныя, чѣмъ книга С. Семенова, но по степени безыскуственной простоты, искренности и документальной правдивости это—книга, можно сказать, единственная, въ которой даже недостатокъ художественной изобразительности является лишнимъ свидѣтельствомъ ея вѣрности подлинной деревенской дѣйствительности. Въ скитаніяхъ по городамъ юный Семеновъ пристрастился къ книжкѣ и подъ вліяніемъ разсказовъ Л. Н. Толстого пришелъ къ сознанію необходимости „христіанскаго жизнепониманія“ и соотвѣтственной перестройки своей жизни согласно этому пониманію. „У меня явилось опредѣленное желаніе бросить обмертвляющую, механическую городскую жизнь среди людей, связанныхъ одними матеріальными интересами, и пойти домой въ деревню, осѣсть тамъ и жить праведными трудами хлѣбопашца. Дальше—больше, желаніе это разгоралось сильнѣй, и деревенская жизнь стала мнѣ представляться раемъ“. Къ этому времени относится и первая проба пера нашего автора: онъ написалъ разсказъ и послалъ его Л. Н. Толстому. Разсказъ заслужилъ одобреніе великаго писателя и съ тѣхъ поръ С. Т. Семеновъ сталъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Посредника“. Литературный гонораръ и далъ ему возможность, по возвращеніи въ родную деревню, обзавестись полнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Въ своемъ стремленіи къ жизни „праведными трудами хлѣбопашца“ ему не пришлось, разумѣется, встрѣтить тѣхъ камней преткновенія, о которые спотыкались интеллигенты, осѣдавшіе на землю,—онъ вернулся въ свой уголъ, къ родному крестьянскому надѣлу, какъ нерѣдко возвращались изъ городовъ и его однодеревенцы. И къ землѣ подошелъ онъ не на интеллигентскій манеръ, проникнутый сознаніемъ „святости“, а практически, какъ хозяйственный мужичокъ, которому это сознаніе святости не препятствовало округлять свой надѣлъ, прикупать къ нему и извлекать изъ земли весь возможный доходъ. На фонѣ этихъ непрестанныхъ заботъ о наиболѣе раціональномъ использованіи земельнаго клока и проходятъ самыя яркія картины деревенской жизни и взамоотношеній, возникаетъ и развивается конфликтъ деревенскаго міра и отдѣльныхъ его членовъ на почвѣ индивидуальныхъ стремленій къ новымъ земельнымъ порядкамъ. Эта общественная деревенская драма, занимающая послѣднюю треть книги,—самая интересная часть ея. Періодъ времени, который она обнимаетъ,—три-четыре

года послѣ указа 9-го ноября. Автору пришлось два раза побывать заграницей,—во второй разъ—не по собственной охотѣ: выѣздомъ заграницу на два года была замѣнена ему административная ссылка за участіе въ составленіи крестьянскаго приговора, направленнаго въ 1-ю Государственную Думу. За время заграничнаго пребыванія онъ присматривался къ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствамъ въ Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи. Эти наблюденія укрѣпили въ немъ „давнишнее убѣжденіе, что у насъ на землѣ вполнѣ возможно человѣческое существованіе", но эта возможность можетъ быть осуществлена „только при условіи освобожденія личности отъ хозяйственной опеки „міра" и при уничтоженіи мелкополосицы". Получивъ возможность вернуться домой, онъ прежде всего пробуетъ пропагандировать идею передѣла деревенской земли на семь полей, на крупныя полосы. Но „міръ" въ лицѣ своего большинства—противъ передѣла. Передѣлять значитъ равнять землю по душамъ, прирѣзать „однодушникамъ", убавлять земли у другихъ, которые „на ней все время хребетъ гнули, выкупные платили, повинности отбывали, потомъ и кровью окупали". У автора нѣтъ особаго усердія отстаивать дѣло „поравненія"—его сердцу дорого и близко одно: добиться возможности прилагать къ *своему* надѣлу трудъ наиболѣе раціональнымъ и производительнымъ образомъ,—и онъ, не колеблясь, выбираетъ путь, открываемый указомъ 9-го ноября. „Указъ этотъ очень близко совпадалъ съ тѣмъ, что мнѣ казалось необходимымъ для подъема у насъ мелкой сельскохозяйственной промышленности". И вотъ начинается ожесточенная борьба между „міромъ", отстаивающимъ неприкосновенность своего общиннаго порядка, и группой выдѣленцевъ во главѣ съ авторомъ книги „Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ". Выдѣленцы имѣютъ за собой законъ, рядъ учрежденій и чиновъ, содѣйствующихъ скорѣйшему проведенію его въ жизнь. „Міръ" ничего, кромѣ косности и темной тупости, не имѣетъ. Онъ даже не вѣритъ въ возможность такого закона, на который опирается Семеновъ и его группа. „Если и есть законъ,—говоритъ „міръ" устами мужика Плѣшакова—такъ не русскій, его люцинеры выдумали, нешто можно, чтобы русскіе такой законъ составили! Имъ никогда въ голову этого не придетъ"! И вотъ С. Т. Семеному, проникнутому сознаніемъ необходимости „христіанскаго жизнепониманія", приходится писать жалобы на своихъ однодеревенцевъ, судиться, тягаться, ругаться, прибѣгать иногда даже къ угрозамъ. Съ христіанской кротостью такъ, напримѣръ, изображаетъ онъ сельскую сходку, на которой выдѣленцы заявляютъ, что хотятъ „по своему жить" и намѣрены свою землю вырѣзать.

„У Солдата налились глаза кровью и онъ заоралъ:
— А я тебѣ не дамъ!
— Нѣтъ, дашь!

— Нѣтъ, не дамъ. Моя полоса, и я на нее никого не пущу.

— Что жь, ты сидѣть на ней будешь?

— И сидѣть буду!

— Сиди не сиди, прогонятъ!

— А если я прогоню?

— Не справишься!

— Анъ справлюсь!.. возьму колъ: землеустроитель пріѣдетъ—землеустроителя, исправникъ—исправника, никому пощады не дамъ, и ничего мнѣ за это не будетъ.

— А не думаешь, что тебя за это повѣсятъ?—не удержался, сказалъ я"...

Конечно, побѣда въ этой деревенской борьбѣ осталась на сторонѣ С. Т. Семенова, хотя—по какимъ-то невыясненнымъ въ книгѣ обстоятельствамъ—даже тѣ чиновные люди, которые должны были споспѣшествовать успѣху выдѣленцевъ, порой становились на сторону общинниковъ. Авторъ разбираемой книги видѣлъ въ этомъ одну злокозненность и непріязнь къ „прогрессивному" теченію въ деревнѣ, потому что общину отстаивали—по его наблюденіямъ—или непроходимо темные и тупые крестьяне, или своекорыстные любители „проѣхаться на чужой спинѣ" (стр. 267). „Желая выяснить—говоритъ онъ—какой же сортъ крестьянъ въ другихъ мѣстахъ стоитъ за выдѣлъ, отъ кого идетъ починъ къ переходу на новую форму землепользованія, я узнавалъ, что всюду начинаетъ дѣло прогрессивное крестьянство, грамотное, читавшее, участвовавшее въ 1905 году на собраніяхъ, сочувствовавшее Крестьянскому Союзу. За старый порядокъ стояли совсѣмъ черные или равнодушные; и только небольшое число сознательныхъ, очевидно, слѣпо подчинявшихся рѣшенію лѣвыхъ партій не поддерживать этого закона, стояло вмѣстѣ съ противниками выдѣловъ"... Но собственная, вполнѣ объективная, передача С. Т. Семенова исторіи его борьбы съ „міромъ" характеризуетъ прогрессивность выдѣленцевъ полнѣе и точнѣе, чѣмъ его выводы изъ наблюденій,—и въ этомъ—особая цѣнность и поучительность его книги.

Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей: Туганъ-Барановскаго, М. И., Фридмана, М. И., Милюкова, П. Н., Вернадскаго, В. И., Карѣева, Н. И., Гиппіусъ, З. Н., Славинскаго, М. А., Курбатова, В. Я., Знаменскаго, С. Ф., Бехтерева, В. М., Шингарева, А. И., Шишкиной-Явейнъ, П. И., Стрѣльцова, Р. Е. Петроградъ. Кн-во „Прометей". Стр. 223. Ц. 1 р. 25 к.

Тринадцать писателей, помѣстившихъ свои статьи въ этомъ сборникѣ, не нашли нужнымъ объяснить читателю, какая идея объединила ихъ вмѣстѣ и какого рода задачу собрались они разрѣшать общими усиліями. Правда, нѣкоторый отвѣтъ на такіе вопросы какъ будто дается самымъ заглавіемъ сборника, но отвѣтъ въ достаточной степени туманный. Въ самомъ дѣлѣ, легко спросить, чего ждетъ Россія отъ войны, но нужно обладать очень большой смѣлостью, чтобы взяться при настоящихъ условіяхъ отвѣчать на

этотъ вопросъ за Россію. Изъ всѣхъ участниковъ настоящаго сборника такая смѣлость нашлась въ сущности лишь у г. Милюкова, который въ небольшой, но весьма категорически написанной статьѣ какъ нельзя болѣе авторитетнымъ тономъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какихъ именно территоріальныхъ пріобрѣтеній ожидаетъ Россія отъ этой войны. Остальные участники сборника оказались не такъ смѣлы. Болѣе или менѣе откровенно, почти всѣ они подмѣнили данную тему другою и говорятъ въ своихъ статьяхъ не о томъ, чего ждетъ Россія отъ войны, а о томъ, что, по ихъ мнѣнію, ждетъ Россію въ связи съ войною и послѣ войны. Съ этой точки зрѣнія въ сборникѣ разсматриваются очень различныя темы. Гг. Туганъ-Барановскій и Фридманъ говорятъ о народномъ хозяйствѣ и государственныхъ финансахъ, гг. Вернадскій и Карѣевъ—о наукѣ вообще и о русской наукѣ въ частности, г-жа Гиппіусъ—о литературѣ и театрѣ, г. Славинскій—о національномъ вопросѣ, г. Знаменскій—о народномъ образованіи, г. Бехтеревъ — о народномъ здоровьѣ, г. Шингаревъ—о земствѣ и городахъ, г-жа Шишкина-Явейнъ—о женскомъ вопросѣ, г. Стрѣльцовъ—о внѣшней политикѣ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ немало правильныхъ мыслей и благихъ пожеланій, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ онѣ слишкомъ отдаютъ условнымъ оптимизмомъ и слишкомъ бѣдны конкретнымъ содержаніемъ для того, чтобы надолго остановить на себѣ вниманіе читателя. Да и благія пожеланія, высказываемыя авторами, часто черезчуръ ужь небрежно, а то и прямо искусственно связаны съ основною темою сборника—войной. Можно, напримѣръ, соглашаться или не соглашаться со взглядами г. Знаменскаго на основныя задачи народнаго образованія въ Россіи, либо съ воззрѣніями г. Шингарева на земское и городское самоуправленіе, но нельзя не сказать, что оба названныхъ писателя въ своихъ статьяхъ не сдѣлали почти ничего для того, чтобы подкрѣпить свои взгляды конкретнымъ опытомъ настоящей войны. Еще менѣе конкретныхъ данныхъ въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ другихъ участниковъ сборника. Такъ, г-жа Шишкина-Явейнъ какъ нельзя болѣе рѣшительно связываетъ вопросъ объ уничтоженіи войнъ съ вопросомъ женскаго равноправія и горячо увѣряетъ, что одаренная правомъ голоса въ рѣшеніи международныхъ недоразумѣній русская женщина „ни одного своего гражданина не отдастъ ни за какіе торговые рынки, ни за какія экономическія блага". Но основаніемъ этой увѣренности для автора служитъ въ свою очередь лишь вѣра въ то, что „женщина, какъ мать, по существу своему, по природѣ своей больше знаетъ цѣну человѣческой жизни" (210). Казалось бы, именно опытъ настоящей войны могъ породить въ данномъ случаѣ нѣкоторыя серьезныя сомнѣнія, но г-жа Шишкина-Явейнъ по просту не оглядывается на этотъ опытъ и вспоминаетъ о немъ лишь для того, чтобы повторять шаблонныя слова о роли женщины, какъ сестры милосердія. Эта скудость конкретнаго содержанія не обезпечила

однако участниковъ сборника отъ взаимныхъ противорѣчій. Въ то время, какъ г. Милюковъ проповѣдуетъ необходимость увеличенія территоріи Россіи, г. Стрѣльцовъ въ томъ же сборникѣ пишетъ: „Россія не нуждается въ захватахъ; земельныхъ богатствъ у нея и безъ того достаточно. Въ области внѣшней политики ей нужно спокойствіе и только спокойствіе. Вся энергія необходима для внутренняго строительства. Наилучшей внѣшней политикой для Россіи является хорошая политика внутренняя“ (223). Въ подобныя же противорѣчія между собою впадаютъ порой и другіе участники сборника. Не обошлось въ послѣднемъ и безъ моднаго въ наши дни униженія Германіи и г. Курбатовъ въ горячей, хотя не особенно вразумительной, статьѣ пространно толкуетъ объ опасностяхъ германской художественной культуры.

Въ общемъ, повторяемъ, во многихъ статьяхъ сборника есть немало благихъ пожеланій и правильныхъ частныхъ мыслей. Но все же тотъ читатель, который воздержится отъ ознакомленія съ настоящимъ сборникомъ, не особенно много потеряетъ отъ этого.

В. Герье. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. Москва. 1915. Стр. 267. Ц. 1 р. 50 к.

Книга проф. Герье разсматриваетъ историко-философскія концепціи, начиная отъ Августина, продолжая Макіавелли, Бэкономъ, Вико, Гердеромъ, Кантомъ, Шеллингомъ и кончая Гегелемъ. При сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ книги каждому изъ этихъ мыслителей отводится 10—15—20 страницъ,—кромѣ Гегеля, которому посвящено ровно сто страницъ. Эта капризная несоразмѣрность тѣмъ болѣе странна, что именно Гегеля авторъ воспринимаетъ, повидимому, не непосредственно, а въ нѣкоторыхъ краткихъ своихъ очеркахъ (о Макіавелли, о Бэконѣ) онъ явственно самостоятеленъ и стоитъ лицомъ къ лицу съ источникомъ. Собственныя историко-философскія идеи авторъ нигдѣ не излагаетъ систематически,—и только позволяетъ о нихъ догадываться по тѣмъ критическимъ соображеніямъ, которыми онъ сопровождаетъ изложеніе теорій разбираемыхъ мыслителей. Самъ авторъ подъ философіей исторіи понимаетъ „тотъ синтезъ, которымъ мыслящій человѣкъ охватываетъ всю совокупность исторіи человѣчества, ея ходъ и цѣль“. Но какой именно долженъ это быть „синтезъ“,—автору кажется не столь важнымъ, какъ самая *наличность* того или иного синтеза. Не совсѣмъ ясно говоритъ онъ въ предисловіи „мы не имѣемъ здѣсь въ виду пропаганду какой-либо одной доктрины, а разумѣемъ изученіе идей, взаимно другъ друга освѣщающихъ и исправляющихъ. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы факты подчинялись идеямъ, а чтобы историки, распоряжающіеся фактами, проникались идеями, т. е. сами были философски образованы“. Лично проф. Герье примыкаетъ, во всякомъ случаѣ, къ историкамъ,

склоннымъ приписывать умственному фактору, измѣненіямъ въ идеяхъ и моральныхъ представленіяхъ руководящую роль въ историческомъ процессѣ.

Первая глава посвящена теократическому представленію объ исторіи. Въ центрѣ этой главы поставленъ, конечно, блаженный Августинъ. Но объ остальныхъ средневѣковыхъ авторахъ, которыхъ слѣдовало бы упомянуть, либо ничего не сказано, либо сказано нѣсколько небрежныхъ и ничего не говорящихъ словъ. Беда Достопочтенный жилъ не въ началѣ тринадцатаго вѣка, какъ сказано на стр. 12-ой,—но въ концѣ седьмого и въ восьмомъ вѣкѣ; разумѣется, это—описка, но именно вслѣдствіе общей поспѣшности, съ которою трактуется послѣ - августиновская эпоха,—и эта описка можетъ быть усвоена, какъ нѣчто правильное, мало освѣдомленнымъ читателемъ. Говорится объ Оттонѣ Фрейзингенскомъ, въ сущности, не имѣвшемъ ни малѣйшаго отношенія къ философіи исторіи—и ни единаго звука не сказано о Ѳомѣ Аквинатѣ; отъ среднихъ вѣковъ дѣлается скачокъ непосредственно къ Боссюэту, т. е. къ вѣку Людовика XIV; посвящая въ той же главѣ двѣ страницы Лейбницу, о „теократизмѣ“ котораго можно говорить съ большими натяжками, авторъ обходитъ молчаніемъ Паскаля и т. д. Все это весьма капризно и произвольно. Глава о Макіавелли, при всей своей краткости, очень удалась автору,—но можно ли, говоря объ историческихъ взглядахъ Макіавелли, даже не заикнуться тутъ же о существованіи его современника (и ужъ „настоящаго“ историка, а не политическаго мыслителя, только разсуждавшаго объ исторіи)—Гвиччардини? Это опущеніе неблагопріятно отзывается на всей главѣ; Макіавелли какъ бы виситъ въ воздухѣ, ложно представляется читателю какимъ-то одинокимъ для своей эпохи философомъ, видѣвшимъ въ исторіи круговращеніе событій. Въ главѣ, посвященной Бодэну, съ удивленіемъ читаемъ, что „жестокія преслѣдованія гугенотовъ породили среди нихъ фанатизмъ, проявившійся въ такъ называемыхъ монархомахахъ, т. е. враждебныхъ монархіи публицистахъ“. Во-первыхъ, подъ монархомахами понимались не просто „враждебные монархіи публицисты“, но сторонники взгляда о законности при извѣстныхъ условіяхъ низверженія или даже убійства монарха; во-вторыхъ, эта монархомахія „проявилась“ *прежде всего* въ нѣдрахъ именно католической церкви, а вовсе не гугенотской, и, въ частности, іезуитскій орденъ особенно дѣятельно поддерживалъ это ученіе. Далѣе г. Герье сообщаетъ слѣдующее: „Боденъ написалъ весьма ученое сочиненіе, касавшееся спеціально исторіи.—*Путь къ лучшему познанію исторіи*“. И больше объ этомъ „ученомъ сочиненіи“—ни слова. А вѣдь именно въ немъ Бодэнъ бросилъ плодотворную мысль о сравненіи законовъ разныхъ націй и о пользѣ, которую такой методъ можетъ принести для историческаго изученія! Книга покойнаго Бодрильяра о Бодэнѣ, къ сожалѣнію, сильно

и явственно повліяла на г. Герье,—а, вѣдь, его-то Бодэнъ долженъ былъ заинтересовать совсѣмъ не съ той стороны, какъ Бодрильяра, который занимался Бодэномъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія *политической*, а не *исторической* философіи. Удачнѣе главы о Гердерѣ и Кантѣ,—но тщетно читатель сталъ бы искать напрашивающейся параллели между Гердеромъ и Кондорсэ, между Кантомъ и Кондорсэ: прогрессъ, какъ его понимали германскіе мыслители, заинтересовалъ автора настолько, что онъ не пожелалъ вспомнить ихъ знаменитаго французскаго современника съ его теоріею прогресса (о томъ, что и Тюрго слѣдовало бы помянуть, мы ужъ и не говоримъ). Большая глава о Гегелѣ—обстоятельна, но главнымъ образомъ основана на Куно Фишерѣ, Гаймѣ и другихъ біографахъ и комментаторахъ Гегеля (зачѣмъ-то использована вялая и небрежная старая книга Флинта по „Философіи исторіи въ Европѣ"). Когда авторъ полагается только на себя самого,—онъ гораздо интереснѣе.

Эта книга слишкомъ часто заставляетъ жалѣть о пропускахъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, она ничуть не отвѣчаетъ слишкомъ широкому своему названію, въ ней есть дефекты (ихъ больше, чѣмъ тутъ отмѣчено),—но, при всемъ этомъ, ее прочтутъ, и прочтутъ не безъ пользы. Слогъ стараго автора, въ общемъ, живой-не утомляющій читателя. Есть кое-какія странности (*Медичеи* вмѣсто Медичи; Каудинскія *Фуркулы*, вмѣсто ущелья; culto divino авторъ переводитъ словомъ *богослуженіе*, тогда какъ нужно *богопочитаніе*; гердеровскій Beharrungszustand переведено: *продолжительное существованіе*, тогда какъ ближе: *„состояніе устойчивости"*; есть совершенно ненужные варваризмы, вродѣ „гуманитета" и т. д., и т. д.). Въ общемъ, однако книга, по своему изложенію, доступна и сравнительно мало подготовленному читателю.

Тотоміанцъ. Участіе въ прибыли и копартнершипъ. Петроградъ. 1915. Цѣна 2 р. 50 к. Стр. 315.

В. Ѳ. Тотоміанцъ, много лѣтъ проработавшій надъ вопросами коопераціи и составившій рядъ изслѣдованій о кооперативахъ, переходитъ въ своей послѣдней книгѣ къ новой проблемѣ — къ проблемѣ участія въ прибыляхъ и такъ наз. копартнершипа, т. е. организаціи такихъ предпріятій, гдѣ рабочимъ принадлежитъ участіе и въ самомъ владѣніи и завѣдованіи предпріятіемъ. Переходъ отъ вопросовъ кооперативныхъ къ этимъ проблемамъ является вполнѣ естественнымъ. Быстро развивающаяся потребительная кооперація характеризуется тѣмъ, что къ потребительнымъ лавкамъ присоединяются производительныя отдѣленія, устраиваются многочисленныя мастерскія и фабрики, принадлежащія потребительнымъ обществамъ и работающія на ихъ членовъ. Долженъ былъ возникнуть вопросъ, каково положеніе рабочихъ въ этихъ производи-

тельныхъ товариществахъ, неужели кооперація, стремящаяся къ тому, чтобы посредствомъ организованнаго потребленія преобразовать современный хозяйственный строй, можетъ сохранять весь институтъ наемнаго труда въ неприкосновенности, неужели же она, поставивъ себѣ цѣлью устранить прибыль всякаго рода посредниковъ и даже прибыль фабриканта, можетъ оставить прежнюю заработную плату и замѣнить лишь одинъ видъ работодателей другимъ—частныхъ капиталистовъ потребительными обществами? Отсюда требованіе предоставить рабочимъ въ потребительныхъ кооперативахъ и ихъ производительныхъ отдѣленіяхъ участіе въ прибыляхъ, распредѣлять доходы кооператива не только въ зависимости отъ цѣнности купленнаго товара, но и соôбразно труду, затраченному въ ихъ производствѣ. Такимъ образомъ проблема участія въ прибыляхъ тѣсно связана съ коопераціей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она далеко не ограничивается предѣлами коопераціи. И въ такъ называемомъ капиталистическомъ предпріятіи дѣлались и дѣлаются попытки улучшить положеніе рабочихъ путемъ предоставленія имъ, кромѣ заранѣе условленной заработной платы, еще и извѣстной доли въ прибыли предпріятія и этимъ путемъ заинтересовать ихъ въ предпріятіи. Дальнѣйшимъ шагомъ въ томъ же направленіи является копартнершипъ, гдѣ рабочіе являются совладѣльцами предпріятія и извлекаютъ прибыль или несутъ убытки, въ зависимости отъ хода дѣлъ предпріятія, какъ и всякій предприниматель. Какъ видно изъ послѣдняго, между обѣими упомянутыми формами имѣется значительное различіе: въ то время, какъ участіе въ прибыляхъ въ сущности весьма мало измѣняетъ положеніе рабочаго и матеріальное состояніе его по прежнему зависитъ почти всецѣло отъ размѣровъ заработной платы, въ системѣ копартнершипа рабочій превращается въ совладѣльца предпріятія, становится самостоятельнымъ предпринимателемъ. Отсюда и неодинаковое отношеніе къ той и иной формѣ. Рабочія организаціи являются въ сущности рѣшительными противниками лишь участія въ прибыляхъ. Есть, конечно, среди представителей рабочихъ группъ и дѣйствительные противники копартнершипа, но во многихъ другихъ случаяхъ они употребляютъ этотъ терминъ, въ сущности имѣя въ виду систему участія въ прибыляхъ. Эта неопредѣленность терминологіи въ жизни привела къ тому, что и авторъ разсматриваемой книги далеко не всегда надлежащимъ образомъ разграничиваетъ обѣ эти системы.

Для В. Ѳ. Тотоміанца нынѣшній промышленный строй, характеризующійся трэдъ-юніонизмомъ и борьбой между предпринимателями и рабочими союзами, представляетъ собою лишь временную, переходную дорогу. Профессіональные союзы „сами по себѣ не являются творческими и вѣчными организаціями“, а составляютъ лишь „временныя баррикады, за которыми рабочіе

успѣшно борются съ предпринимателями. Индустрія не можетъ процвѣтать отъ постоянной борьбы". Отсюда единственный выходъ— переходъ къ копартнершипу, къ превращенію нынѣшнихъ фабрикъ въ производительные кооперативы. Скептическимъ отношеніемъ къ профессіональному движенію рабочихъ и увѣренностью въ благодѣтельности участія въ прибыляхъ и копартнершипа проникнута книга В. Ѳ. Тотоміанца. Первое едва-ли справедливо. Сильныя рабочія организаціи въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ привели къ тому, что самая система наемнаго труда успѣла кореннымъ образомъ измѣниться и предприниматель, который былъ прежде самодержавнымъ властелиномъ у себя на фабрикѣ, превратился въ весьма ограниченнаго правителя, которому приходится строго соблюдать конституцію, составленную при дѣятельномъ участіи представителей рабочаго союза. Центръ тяжести нынѣшней системы трэдъ-юніонизма, какъ ее нерѣдко называютъ, заключается въ господствѣ коллективныхъ договоровъ между предпринимателями и рабочими, договоровъ, составленныхъ не односторонне всесильнымъ предпринимателемъ, а согласно желаніямъ и нуждамъ рабочихъ, представители которыхъ при выработкѣ соглашенія принимаютъ активное участіе. Очевидно, не системѣ наемнаго труда вообще, а именно такой системѣ „промышленной конституціи" надо противпоставить участіе въ прибыляхъ и копартнершипъ. При такомъ противопоставленіи преимущества послѣдняго, не говоря уже о выгодахъ участія въ прибыляхъ, сильно стушевываются. А, кромѣ того, отъ „конституціонной фабрики" представляется возможнымъ постепенный переходъ къ объединенію всего производства въ рукахъ рабочаго класса. Сторонникомъ копартнершипа нужно, очевидно, доказать, что ихъ путь болѣе вѣрный и болѣе краткій, что въ этомъ случаѣ не произойдетъ— этотъ упрекъ имъ дѣлаютъ — раскалыванія рабочаго класса на многочисленныя конкурирующія между собой группы. Сторонники копартнершипа этого не доказали; не доказалъ и В. Ѳ. Тотоміанцъ Послѣдній приводитъ въ своей книгѣ богатѣйшій матеріалъ, относящійся къ участію въ прибыляхъ и къ предпріятіямъ, гдѣ рабочіе являются совладѣльцами. Онъ излагаетъ всевозможные опыты, которые продѣлывались въ этой области и много десятилѣтій тому назадъ, и въ самое послѣднее время; онъ собралъ все, что только можно было найти въ этомъ отношеніи въ литературѣ всѣхъ странъ, въ различныхъ уставахъ и постановленіяхъ. Нѣкоторые уставы такого рода предпріятій авторъ приводитъ въ концѣ книги. Столь же обстоятельно В. Ѳ. Тотоміанцъ изучилъ мнѣнія теоретиковъ и практиковъ по вопросу о системѣ участія въ прибыляхъ, хотя, соотвѣтственно своей точкѣ зрѣнія, онъ недостаточно оцѣниваетъ возраженія противниковъ и слишкомъ безусловно присоединяется къ взглядамъ сторонниковъ этой системы. Особенно интересными являются изложенные авторомъ законопроекты,

внесенные въ различныя законодательныя палаты. Здѣсь мы имѣемъ попытки сдѣлать систему участія въ прибыляхъ обязательной для всѣхъ предпріятій, берущихъ казенные подряды или получающихъ концессіи. Но достигнуто пока въ этомъ отношеніи весьма мало.

Вообще книга автора показываетъ, что опыты съ системой участія въ прибыляхъ и копартнершипомъ, хотя и производятся очень давно, но дали до сихъ поръ весьма мало осязательныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе В. Ѳ. Тотоміанцъ смотритъ оптимистически на будущее этой системы. Онъ увѣренъ, что благодаря ей „въ промышленности и въ сердцахъ людей въ значительной мѣрѣ установятся миръ и благоволеніе“. Этой идеей проникнута вся его книга.

Новыя идеи въ астрономіи. Неперіод. изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. А. Иванова. № 1. Космогоническія гипотезы І. № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. № 3. Космогоническія гипотезы. II. № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движеніе. № 5. Кометы. № 6. Марсъ и его каналы. Звѣзды. Изд. „Образованіе“. Петроградъ. 1913—1915. Ц. вып. по 80 коп.

Вслѣдъ за сборниками „Новыя идеи въ физикѣ“ и „Новыя идеи въ химіи“ издательство „Образованіе“ выпустило серію сборниковъ о „Новыхъ идеяхъ въ астрономіи“. Формально во всѣхъ трехъ серіяхъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же,—о новыхъ идеяхъ соотвѣтственной группы наукъ. По существу же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Физика (а отчасти и тѣсно связанная съ нею химія) переживаетъ теперь одну изъ самыхъ плодотворныхъ, самыхъ творческихъ эпохъ своей исторіи. Она вся насыщена новыми фактами, новыми открытіями, новыми грандіозными теоріями, буквально революціонизирующими всѣ установленные до сихъ взгляды. Достаточно вспомнить объ открытіи явленій радіоактивности, объ эйнштейновой теоріи относительности, о планковой теоріи квантъ, о теоремѣ Нернста, чтобы убѣдиться въ размѣрахъ того новаго, что принесло съ собой въ физику послѣднее двадцатилѣтіе. По сравненію съ этимъ взрывомъ творчества въ физикохиміи новизна „новыхъ идей“ въ астрономіи представляетъ нѣчто весьма скромное и относительное. Никакихъ переворотовъ, никакихъ поразительныхъ открытій въ области фактическаго здѣсь не происходитъ. Работа продолжается въ цѣломъ, но давно уже намѣченнымъ путемъ, принося, конечно, новые факты, накопляя новыя подробности, сами по себѣ интересныя и цѣнныя, но не нарушающія основныхъ линій величественнаго зданія астрономической науки. Исключеніе изъ этого составляетъ развѣ одна группа проблемъ, именно вопросы космогоніи, въ которой за послѣдніе годы обнаружилась усиленная дѣятельность, заставившая американскаго астронома Си говорить о расцвѣтающей въ настоящее

время эпохѣ развитія науки космогоніи, какъ объ одной изъ шести главныхъ эпохъ въ исторіи астрономіи. Вопросамъ космогоніи и посвящены въ разбираемой здѣсь серіи два сборника, содержащіе въ себѣ статьи Пуанкарэ, Аррениуса, Ш. Андрэ, Дж. Дарвина, Г. Си и пр. Первая статья, являющаяся переводомъ предисловія извѣстной книги Пуанкарэ о космогоническихъ гипотезахъ, даетъ мастерски написанную сводку борющихся между собой старыхъ и новыхъ теорій. Симпатіи Пуанкарэ явно склоняются въ пользу гипотезы Лапласа о происхожденіи солнечной системы изъ первичной туманности, хотя онъ и не скрываетъ стоящихъ передъ ней трудностей. Въ пользу концепціи Лапласа высказывается Ш. Андрэ, считая ее все еще наиболѣе надежнымъ основаніемъ космогоническихъ теорій. Наоборотъ, рѣзко выступаетъ противъ этой теоріи, будто бы „оставленной теперь всѣми астрономами", Г. Си (см. его статью „Эволюція звѣзднаго неба"), творецъ такъ называемой „теоріи захвата", согласно которой планеты не отдѣлились отъ солнца и спутники не отдѣлились отъ планетъ, а существовали всегда индивидуально и были лишь захвачены—планеты солнцемъ, и спутники соотвѣтственными планетами. Въ другихъ статьяхъ излагаются—по бо́льшей части самими авторами ихъ — теоріи Аррениуса, Бело, Мультона, дю-Лигандеса и т. д. Въ теоріяхъ этихъ при всемъ ихъ различіи замѣчается одна общая черта, стремленіе учесть при объясненіи космической эволюціи, наряду съ силой тяготѣнія, и роль другихъ видовъ физической энергіи,—электричества, теплоты и пр. (то, что Бело называетъ „дуалистическими" космогоническими гипотезами въ противоположность „монистическимъ").

Къ двумъ сборникамъ о космогоническихъ гипотезахъ тѣсно примыкаетъ сборникъ четвертый, посвященный вопросу о строеніи звѣздной вселенной. Большинство статей здѣсь занимается замѣчательнымъ, сдѣланнымъ проф. Каптэйномъ, открытіемъ, согласно которому звѣзды не движутся по произвольнымъ направленіямъ, а распредѣлены въ особые мощные звѣздные потоки (одни авторы говорятъ о двухъ потокахъ, другіе о трехъ), имѣющіе каждый свое особое движеніе. Ясно, какое огромное значеніе должно имѣть открытіе Каптэйна для нашихъ представленій о вселенной, и недаромъ Ф. Дайсонъ называетъ его величайшимъ со времени Гершеля вкладомъ въ звѣздную астрономію.

Отчасти къ этой же группѣ сборниковъ относится сборникъ пятый—о природѣ и происхожденіи кометъ. Центральное мѣсто здѣсь занимаетъ обширная статья О. Біанко „Идеи Лагранжа, Лапласа, Гаусса и Скіапарелли о происхожденіи кометъ", въ которой излагается эволюція взглядовъ астрономовъ на генезисъ кометъ. Упомянутые только что великіе ученые придерживались того взгляда, что кометы являются тѣлами, посторонними солнечной системѣ, но привлекаемыми въ нее силой притяженія; въ

противоположность этому среди астрономовъ все болѣе укрѣпляется мнѣніе, что кометы возникли въ солнечной системѣ вмѣстѣ съ планетами и солнцемъ.

Сборникъ шестой посвященъ такъ волновавшему широкую публику вопросу о каналахъ Марса. Здѣсь — по хорошему, заведенному редакторомъ сборниковъ, обычаю—приведены различные, даже противоположные, взгляды астрономовъ на эти загадочныя образованія сосѣдней намъ планеты. Съ одной стороны, мы имѣемъ работы Персиваля Ловелла, убѣжденнѣйшаго сторонника того, что каналы являются искусственными сооруженіями, сдѣланными жителями Марса (какъ извѣстно Ловеллъ, человѣкъ очень состоятельный, построилъ даже спеціальную обсерваторію для наблюденій надъ Марсомъ) съ другой—работы Дж. Эванса и Э. Маундера, пытавшихся доказать съ помощью особо произведенныхъ опытовъ, что такъ называемые каналы представляютъ простую оптическую иллюзію. Такъ же скептически относится къ дѣйствительному существованію каналовъ Марса Антоніади, отчасти С. Ньюкомъ. Знаменитый Аррениусъ признаетъ реальность каналовъ, но видитъ въ нихъ не искусственныя сооруженія разумныхъ существъ, а трещины коры Марса, подобныя такъ называемымъ геотектоническимъ линіямъ, найденнымъ на землѣ Зюссомъ.

Болѣе спеціальный характеръ—не столько по способу изложенія, сколько по существу самой темы — носятъ сборники второй (о внѣшней формѣ и внутреннемъ строеніи земли) и недавно вышедшій седьмой (о цвѣтѣ и температурѣ звѣздъ). Въ послѣднемъ сборникѣ слѣдуетъ отмѣтить статью нашего извѣстнаго астронома Г. Гихова, въ которой онъ приводитъ результаты своихъ собственныхъ изслѣдованій цвѣта звѣздъ группы Плеядъ, и статью А. Бэлла „Цвѣта звѣздъ“ (очеркъ по физіологической оптикѣ), доказывающаго, на основаніи своихъ опытовъ надъ искусственными „звѣздами“, субъективный характеръ тѣхъ цвѣтовыхъ нюансовъ, которые замѣчались наблюдателями у двойныхъ и вообще у кратныхъ звѣздъ.

П. Ѳ. Каптеревъ. Дидактическіе очерки. Теорія образованія. Изд. второе, переработанное и расширенное. Петроградъ, 1915. Книжн. складъ „Земля“. Стр. 434. Ц. 2 р. 40 к.

Авторъ называетъ свою книгу очерками; однако главное достоинство его труда заключается въ его систематичности. Авторъ начинаетъ съ исторіи развитія дидактики; онъ показываетъ, какъ центръ тяжести дидактики въ постепенномъ развитіи ея переходитъ изъ общихъ спекулятивныхъ изысканій къ изученію внутреннихъ процессовъ, при помощи которыхъ ребенокъ овладѣваетъ образованіемъ, и выдвигаетъ изученіе этихъ образовательныхъ процессовъ, какъ главную задачу современной дидактики. Наряду

съ этимъ въ задачи дидактики входитъ также и выясненіе самаго содержанія образованія. Приспособленіе матеріала образованія къ душевнымъ силамъ ребенка составляетъ сущность того, что называется педагогическимъ методомъ обученія. Всякое обученіе предполагаетъ, кромѣ того, извѣстное лицо, руководящее образовательнымъ процессомъ, а также извѣстный порядокъ обученія, извѣстную внѣшнюю организацію, школу. Всѣ эти вопросы и составляютъ предметъ дидактической науки. Авторъ разрабатываетъ ихъ обстоятельно и широко, съ большой эрудиціей, съ множествомъ литературныхъ указаній. Онъ съ большимъ паѳосомъ говоритъ о значеніи воспитанія юношества, о необходимости беречь „благороднѣйшія свойства человѣческой природы: пробуждающуюся самодѣятельность разума и возникающія широкія альтруистическія стремленія". Онъ выдвигаетъ наболѣвшій вопросъ о государственной опекѣ надъ школой, о необходимости „нравственнаго контроля общества" надъ дѣятельностью школы, горячо протестуетъ противъ „присвоенія государству единоличнаго права веденія школьнымъ дѣломъ". Намѣчая рядъ реформъ учебнаго дѣла, авторъ выдвигаетъ также вопросъ о единой школѣ. Въ силу отсутствія единой школьной системы „образовательный процессъ состоитъ у насъ для многихъ изъ ряда боевъ за образованіе". „Что ни шагъ въ образовательномъ процессѣ, то бой съ конкурентами, штурмъ учебнаго заведенія. Эта система школъ прекрасна, если имѣть въ виду затруднить развитіе образованія въ странѣ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ она никуда не годится. Она составляетъ національное бѣдствіе, губитъ талантъ и обѣдняетъ страну духовно". Авторъ включаетъ въ свою систему и новѣйшія педагогическія теченія; онъ выдвигаетъ значеніе экспериментальной педагогики; отдаетъ должное идеямъ трудовой школы и художественно-эмоціональнаго воспитанія. Однако здѣсь читатель испытываетъ разочарованіе. Отводя этимъ идеямъ опредѣленное мѣсто въ своей системѣ, авторъ не ведетъ ихъ дальше этого указаннаго мѣста; онѣ стоятъ у него особнякомъ и остаются въ противорѣчіи съ мыслями, высказываемыми въ другой связи. Авторъ признаетъ значеніе творческаго трудового воспитанія; онъ отводитъ особую главу вопросу объ образованіи, какъ „выраженіи внутренней самодѣятельности человѣческаго организма"; но въ его ученіи о развитіи дѣтскихъ представленій и объ интересахъ образовательный процессъ не поглощается цѣликомъ процессомъ органическаго развитія ребенка; авторъ не допускаетъ, что весь школьный матеріалъ можетъ быть усвоенъ творческимъ путемъ; цѣлый рядъ предметовъ („элементы грамматики, наукъ, искусства") остается у автора внѣ органической связи со всею душевною жизнью ребенка и значеніе ихъ можетъ быть введено въ поле сознанія ребенка только путемъ авторитета. И въ своемъ ученіи о внутреннемъ порядкѣ школы авторъ сохраняетъ собственно всю предметно-програмную систему;

его предложенія ввести предметные классы (да еще съ разбивкой каждаго предмета на отдѣльные подклассы, напр., подклассы по ариѳметикѣ, геометріи и алгебрѣ, подклассы древней, средней и новой исторіи) и семестровую систему учебныхъ курсовъ остаются внѣ тѣхъ требованій органическаго, цѣлостнаго развитія, которыя выдвигаются современной творчески трудовой школой и которыя авторъ принимаетъ въ другой связи. Говоря о значеніи художественнаго разсказа, какъ метода преподаванія, авторъ соглашается, далѣе, съ доводами сторонниковъ художественно-эмоціональнаго воспитанія, выдвинувшихъ значеніе воспитанія чувства; но, полемизируя противъ тѣхъ педагоговъ, „которые считаютъ возможнымъ въ цѣляхъ художественнаго впечатлѣнія модернизировать библейскій разсказъ“ и говорить дѣтямъ, что Іосифъ былъ проданъ цыганамъ, а рабъ Елеазаръ игралъ на гармоникѣ“, авторъ собственно ломится въ открытую дверь, такъ какъ сторонники художественно-эмоціональнаго воспитанія не только не полагаютъ, что воспитаніе чувства можетъ нуждаться въ искаженіи истины, но, напротивъ, именно изъ того и исходятъ, что чувство, симпатическое углубленіе въ предметъ, даетъ болѣе вѣрный способъ постиженія объективной истины, чѣмъ одностороннее интеллектуальное пониманіе. Этотъ вопросъ о чувствѣ, какъ объ образовательной силѣ, совершенно не разработанъ авторомъ.

Въ изложеніи другихъ ученій авторъ также часто обнаруживаетъ больше систематичности, чѣмъ глубины. Въ своихъ попыткахъ примирить различныя ученія онъ часто только притупляетъ ихъ остріе, не внося въ нихъ новаго синтетическаго начала. Критикуя Спенсера за его утилитаризмъ и предлагая расширить его указаніемъ на „дисциплинарное значеніе наукъ“, авторъ однако нисколько не нарушаетъ самыхъ основъ спенсеровскаго утилитаризма. Въ своей полемикѣ съ Паульсеномъ авторъ указываетъ на то, что „громадное большинство людей живетъ въ природѣ, а не въ исторіи. Таковы земледѣльцы и въ значительной степени фабричные, рабочіе, ремесленники. Имъ нужно прежде всего понимать и воздѣйствовать не на людей и людскія отношенія, а на землю, на предметъ мастерства, обрабатывать грубый матеріалъ внѣшней природы“. Не знаемъ, какой общественный идеалъ носился передъ авторомъ при развитіи этихъ положеній; во всякомъ случаѣ для общественнаго прогресса очень печально было бы, еслибы земледѣлецъ зналъ только свою землю, а рабочій только свой станокъ.

Новыя идеи въ педагогикѣ. Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея. № 3. Средняя школа. Стр. 155. № 4 Совмѣстное обученіе. Стр. 150. Изд—ство Образованіе. ПГР. 1915. Цѣна каждаго выпуска 80 коп.

Вопросъ о совмѣстномъ обученіи является преимущественно

вопросомъ женскаго образованія, которое у насъ въ Россіи приняло настолько своеобразный характеръ, что боевыя статьи иностранныхъ авторовъ, собранныя редакціей по этому вопросу, въ значительной степени теряютъ для насъ свою остроту. Всѣ эти статьи исходятъ, напр., изъ факта общаго признанія совмѣстнаго обученія въ высшей школѣ и трактуютъ, главнымъ образомъ, только вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ средней школѣ, а между тѣмъ у насъ этотъ кардинальный вопросъ женскаго образованія, допущеніе женщины въ университетъ, все еще не разрѣшенъ и высшее женское образованіе протекаетъ внѣ той широкой струи научнаго творчества, которая исходитъ изъ университетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросы средняго женскаго образованія не покрываются у насъ вопросомъ о совмѣстномъ обученіи. Отчасти въ силу глубокаго недовѣрія нашего общества къ существующимъ у насъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, отчасти въ силу того, что обособленная отъ мужской высшая женская школа такъ или иначе приспособляла свой курсъ къ пониженнымъ программамъ нашихъ женскихъ гимназій, вопросъ объ уравненіи нашей женской гимназіи съ мужской у насъ совершенно не разработанъ и новое положеніе о женской школѣ разрабатывается чисто бюрократическимъ путемъ почти безъ всякаго обсужденія въ обществѣ и въ печати. Между тѣмъ очевидно, что замѣчающійся у насъ интересъ къ совмѣстному обученію не можетъ заполнить собою этого пробѣла, ибо еслибы намъ и удалось добиться повсемѣстнаго проведенія принципа всеобщаго обученія въ средней школѣ, то огромное большинство женщинъ все-таки продолжало бы обучаться въ существующихъ среднихъ женскихъ школахъ, которыя нуждаются въ глубокой и коренной реформѣ. Намъ кажется поэтому, что редакція „Новыхъ Идей“ лучше сдѣлала бы, еслибы посвятила свой сборникъ не спеціальному вопросу о совмѣстномъ обученіи, а вопросу о женскомъ образованіи вообще и познакомила русскую публику съ борьбой и достиженіями западныхъ женщинъ въ области равноправія женскаго образованія. Къ тому же и аргументація отъ „истинной женственности“, съ которой подходятъ къ этому вопросу авторы большинства изъ приведенныхъ въ сборникѣ статей, какъ-то очень ужь устарѣла; было бы гораздо интереснѣе познакомить русскую публику съ тѣмъ углубленнымъ пониманіемъ женственности, которое все больше распространяется среди поборниковъ женскаго равноправія: пониманіемъ женственности, какъ своеобразной творческой силы, которая для своего развитія и для своего выраженія нуждается въ тѣхъ же широкихъ и общихъ основахъ образованія, какъ и всякая другая духовная сила.

Гораздо большій интересъ представляетъ сборникъ „Средняя Школа“. Слѣдуетъ привѣтствовать ту общую гуманитар-

ную точку зрѣнія. которая проходитъ черезъ всѣ подобранныя въ этомъ сборникѣ статьи.

Наиболѣе интересной является въ этомъ сборникѣ статья Ф. Паульсена. Авторъ подводитъ гуманитарное основаніе подъ тотъ типъ средняго учебнаго заведенія (гимназіи съ латинскимъ языкомъ), который установился у насъ (какъ, впрочемъ, и на западѣ) путемъ компромисса между бюрократическими требованіями классицизма и жизненными запросами общества. Гуманитарная точка зрѣнія автора не мѣшаетъ ему признать огромное значеніе естественно-математическаго образованія; но онъ полагаетъ, что основной тонъ образованія долженъ будетъ всегда исходитъ изъ гуманитарныхъ дисциплинъ. Человѣкъ живетъ прежде всего въ обществѣ, а не въ природѣ. Низведеніе человѣка до положенія „рабочихъ рукъ" представляетъ собою „чудовищную опасность" для всего человѣчества и борьба рабочаго класса основана на идеѣ, что назначеніе человѣка не можетъ заключаться въ одной только обработкѣ предметовъ внѣшней природы, что „настоящая цѣнность жизни зиждется на участіи въ общественно-исторической жизни и ея задачахъ".

Въ центрѣ преподаванія въ „реальной гимназіи" авторъ ставитъ преподаваніе родного языка, которое должно ввести въ культурное содержаніе родной націи и къ которому въ старшихъ классахъ примыкаетъ исторія родного языка. Отъ этой основной дисциплины тянутся связующія нити ко всѣмъ остальнымъ предметамъ образовательнаго курса: прежде всего къ иностраннымъ языкамъ, а также къ исторіи, преподаваніе которой тѣсно связано съ изученіемъ исторіи литературы и Закона Божія, которое должно ввести „въ пониманіе важнѣйшаго переживанія, пережитаго сообща европейскимъ человѣчествомъ древняго и новаго міра—христіанства". Съ естественно-математическимъ преподаваніемъ родной языкъ связанъ географіей и философіей: въ своихъ основныхъ проблемахъ (напр., проблемахъ безконечности, матеріи, жизни и т. д.) естественно-математическія науки встрѣчаются съ тѣми общими проблемами, къ которымъ съ другой стороны подводитъ насъ изученіе духовной исторіи человѣчества. Наконецъ, вся эта система образованія тѣсно связывается съ физическимъ воспитаніемъ, которое въ силу признанія трудового принципа обученія проникаетъ въ каждый отдѣльный предметъ школьнаго курса.

Особенное вниманіе авторъ посвящаетъ вопросу о преподаваніи иностранныхъ языковъ. Центръ тяжести новой гимназіи падаетъ не на античную, а на современную европейскую культуру, въ которую должно вводить изученіе новыхъ языковъ. Когда проф. Паульсенъ говоритъ о кровной связи нѣмецкой культуры съ французской и англійской, или когда г. Любомудровъ говоритъ о незамѣнимомъ значеніи нѣмецкаго языка для нашего образованія, то эти такъ недавно сказанныя слова звучатъ теперь тяжелымъ и горькимъ анахронизмомъ. И все же среди кровавой борьбы, разорвав-

шей тѣсную семью европейскихъ народовъ, не мѣшаетъ вспомнить объ этихъ словахъ. „Учителя новыхъ языковъ—избранные носители мысли о единствѣ міра западныхъ народовъ въ прошломъ и ихъ солидарности въ будущемъ. Европейскіе народы являются членами одной семьи; они живутъ одной исторической жизнью. И вотъ тутъ-то для преподаванія новыхъ языковъ выростаетъ прекрасная и великая задача: привести юношество къ сознанію существенной сопринадлежности къ европейскимъ народамъ. Народъ ненавидитъ и презираетъ только тотъ, кто его не знаетъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ рости взаимное знаніе другъ друга между членами семьи европейскихъ народовъ, будетъ рости также и пониманіе и уваженіе,—а уваженіе есть основа справедливости и благожелательности. Помогая уготовить эту почву, школа оказываетъ благотворнѣйшее вліяніе на взаимныя отношенія народовъ. Политическія и экономическія сношенія легко ведутъ къ столкновеніямъ; повседневная пресса занимается подстрекательствомъ, кажется, она взяла на себя задачу разносить повсюду недоразумѣнія и возбуждать тщеславіе и страсти. Между тѣмъ преподаваніе новыхъ языковъ знакомитъ съ лучшими и наиболѣе здоровыми произведеніями другихъ народовъ; оно можетъ образовать спасительный противовѣсъ и въ то же время охранить законное и справедливое чувство собственнаго достоинства отъ перехода въ крикливо-демонстративный и показной патріотизмъ".

Можетъ быть, никогда еще идеалы всеобщаго братства народовъ не были такъ поруганы и осмѣяны, какъ теперь, и все-таки, можетъ быть, никогда не было такъ распространено убѣжденіе, что конечная побѣда будетъ зависѣть не отъ грубой физической силы, не отъ техническаго превосходства, а отъ внутренней правоты, отъ идейнаго превосходства тѣхъ міровыхъ общечеловѣческихъ цѣлей и задачъ, которыя выдвигаются въ настоящей войнѣ. И для воспитанія нашего подростающаго поколѣнія,—того поколѣнія, которому суждено будетъ ликвидировать настоящую войну,—мы больше, чѣмъ когда бы то ни было раньше, нуждаемся въ провозглашеніи и осуществленіи идеаловъ гуманитарнаго образованія.

Библіографическій ежегодникъ Вып. IV. Систематическій указатель литературы за 1914 г. Подъ ред. В. Владиславлева. Изд—ство „Наука". Москва. 1915. Стр. 329. Ц. 1 р. 80 к.

Полезное изданіе г. Владиславлева продолжается съ прежней энергіей, неизмѣнно расширяясь въ объемѣ и подвергаясь значительнымъ улучшеніямъ. Сравнительно съ первымъ выпускомъ оно удвоено въ размѣрахъ, а количество указанныхъ въ немъ статей и періодическихъ изданій, откуда взяты эти статьи, учетверилось. При такихъ условіяхъ Ежегодникъ неизбѣжно долженъ

стать необходимымъ пособіемъ для каждаго литературнаго, научнаго, общественнаго работника Россіи. Мы бы хотѣли только предостеречь редакцію справочника отъ чрезмѣрнаго стремленія къ его расширенію; намъ представляется очень цѣннымъ то сознаніе отвѣтственности, съ которымъ редакція беретъ на себя выборъ книгъ и изданій, заносимыхъ въ справочникъ. Не трудно увеличивать его безъ предѣла: трудно соблюдать его разумныя границы, и въ этихъ границахъ надлежитъ вести его. Намъ не представляется основательной та уступка временнымъ интересамъ, въ силу которой въ изданіе введена для полноты отдѣла о войнѣ даже лубочная литература, обычно исключенная изъ указателя. Библіографія войны будетъ, конечно, исполнена впослѣдствіи болѣе подробно, въ нее войдутъ, вѣроятно, и газетныя статьи; уже теперь изъ-за этого расширенія Ежегодника пришлось пожертвовать именами авторовъ рецензій; а между тѣмъ, какъ часто одна подпись подъ замѣткой рѣшаетъ для справляющагося вопросъ, стоитъ ее разыскивать въ старомъ журналѣ или нѣтъ.

Кромѣ расширенія рамокъ изданія редакція видитъ главную свою задачу въ усовершенствованіи принятой схемы классификаціи книгъ и статей и характера описанія матеріала. Редакція жалуется на трудности, возникающія изъ примѣненія такъ называемой десятичной классификаціи; но жалобы эти не вызовутъ сочувствія въ томъ, кому всегда казался весьма сомнительнымъ этотъ механическій, грубо-утилитарный, американскій методъ при всѣхъ его мелкихъ удобствахъ. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, должно у насъ воспитывать мысль въ научныхъ навыкахъ, а не въ ощущеніи, что всякій вопросъ на свѣтѣ можно искусственно разрубить на десять частей. Посмотритъ читатель въ каталогъ, увидитъ, что въ немъ религіи дѣлятся на два отдѣла: христіанскую и всѣ прочія, что скандинавскія литературы являются подъ отдѣломъ нѣмецкой литературы— и непремѣнно сдѣлаетъ изъ этого не библіографическіе только, а научные и глубоко неправильные выводы. Конечно, теперь мѣнять систему классификаціи едва-ли удобно; придется продолжать пріятный путь съ ядромъ на ногѣ. Изъ частныхъ погрѣшностей укажемъ, что Карменъ Сильва не румынская, а Г. фонъ Каленбергъ не шведская, а обѣ онѣ—нѣмецкія писательницы. Книжка Маринетти о футуризмѣ указана въ одномъ отдѣлѣ, книжка Тастевена о томъ же предметѣ—въ другомъ, хотя для этого нѣтъ никакихъ основаній. Составитель различаетъ теорію литературы и теорію словесности; первая относится къ иностраннымъ литературамъ, вторая—къ русской; это вѣдь совершенная безсмыслица. Словари иностранныхъ словъ должны изъ отдѣла энциклопедіи (03), быть перенесены въ отдѣлъ языковѣдѣнія (491.7), такъ какъ это—словари русскаго языка въ особой его части.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Провинціальная луна. Сборникъ стиховъ. Минскъ. 1915 г. Ц. 60 к.

Серебряныя трубы. Стихи. Эд. Багрицкій, Ис. Бобовичъ и др. Одесса. Ц. 75 к.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

Ч. М. Іоксимовичъ. Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристовъ и нефтепромышленниковъ. М. 1915. Ц. 3 руб.

Журналы Тверскаго Губ. Земск. Собр. 49-й очередной сессіи за 1913 годъ и чрезвычайнаго собранія (5 мая 1913 г.). Тверь. 1914 г.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Изд. Б. А. Леззина. Т. VI, вып. I. Исторія и теорія эстетики. Харьковъ. 1915 г. Ц. 2 р.

М. Кузьминъ. Военные разсказы. П. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Мануиловъ. Политическая экономія. Курсъ лекцій. В. I. М. 914. Ц. 1 р. 25 к.

Григорій Ландау. Польско-еврейскія отношенія. П. 1915. Ц. 60 к.

П. Д. Первовъ. Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. М. 913. Ц. 3 р. 50 к.

Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. (Швейцарцы. П. 1915. Ц. 40 к.—Ея же. Норвежцы. Шведы. Ц. 40 к.

Новыя идеи въ астрономіи. Сборникъ № 7. П. 1915. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ техникѣ. Сборникъ № 1. П. 1915. Ц. 80 к.

Сборникъ Лукоморье. Военные разсказы. П. 1915. Ц. 2 р.

В. Опочининъ. Грезы и жизнь. П. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Поль-де-Сенъ-Викторъ. Варвары и бандиты. Пер. съ франц. М. 915. Ц. 80 к.

Н. Тарханова и И. Шагіахметовъ. Драма брака. Пьеса въ 4-хъ д. П. 1915 г. Ц. 70 к.

Исторія нашего времени п. ред. М. Ковалевскаго и К. Тимирязева. В. XXII.

И. А. Поплавскій. О товарной желѣзнодорожной статистикѣ. М. 1915.

Изд. Т-ва. И. Д. Сытина. М. 1915 г. —Ѳ. Зѣлинскій проф. Исторія античной культуры. 2 части. (Курсъ VIII кл. мужск. гимназій). Ц. 1 р. 20 к.—Ник. Бердяевъ. Душа Россіи. Ц. 25 к.—С. Малиновская. Съ войны. Ц. 15 к.

И. Муриновъ. Галичина. Историч. очеркъ. М. 1915. Ц. 35 к.

И. М. Козьминыхъ-Лапинъ, инжен. Артельное харчеваніе фабрично-заводскихъ рабочихъ Московск. губ. Съ пред. П. Вихляева. М. 915. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоръ дѣятельности за 1913 г. Гл. Упр. Землеустройства и Земледѣлія. П. 1915.

Н. Колесниковъ шт.-кап. Великіе полководцы міра. В. I. Александръ Великій. Казань. 1914 г. Ц. 2 р.

В. Ѳ. Матвѣевъ. Государственный надзоръ за общиннымъ самоуправленіемъ во Франціи и въ Пруссіи. Казань. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

Конст. Цагарели. Такъ говорилъ Заратустра — Сынъ. Перев. съ грузинскаго. Харьковъ. Ц. 1 р.

В. А. Магская. Реквіемъ. Женские силуэты. П. 1915. Ц. 40 к.

Н. Афиногеновъ. Степь. Литературный сборникъ. 2-е доп. изд. Оренб. Ц. 50 к.

Библіотека И. Горбунова-Посадова. М. 1915. — С. Джемпсонъ. Пріемышъ черной Туанеты. Повѣсть. Ц. 85 к.—На морѣ и на землѣ. Т. IV. Ц. 70 к.—А. Штифтеръ. Ночь подъ Рождество среди снѣга и льда. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи. Изд. Департамента Земледѣлія. 1914. Петроградъ. Ц. 10 руб.

Изд. „Задруги". М. 1915 г. — В. Е. Якущкинъ. Геній русскаго военнаго

искусства. А. В. Суворовъ. Ц. 40 к.— Е. А. Звягинцевъ. Полвѣка земской дѣятельности по народному образованію. Ц. 45 к.—Ан. Яриповичъ. Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ. Ц. 30 к.

Дм. Мерхалевъ. Рабочіе ленскихъ золотопромышленныхъ пріисковъ. Иркутскъ. 1914 г.

Г. Д. Лейтейзенъ д-ръ. Бесѣды о чахоткѣ. Тула. 1915. Ц. 10 к.

С. Г. Сватиковъ. Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. П. 1914.

Кн-во „Право". II. 1915. — Вопросы міровой войны. Сборникъ п. ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Ц. 4 р. — Б. Е. Нольде бар. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. Ц. 1 р. 50 к.— С. А. Корфъ. бар. Русское государственное право. Ч. 1-я. Ц. 2 р.

М. Алдановъ. Толстой и Ролланъ. Т. I. П. 1915. Ц. 2 р.

Генрихъ Маннъ. Вѣрноподданный. Пер. съ рукописи А. Полоцкой. П. 915. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

Семенъ Астровъ. Свѣтлый путь. Лирика. Ц. 75 к.

В. Бушуевъ. Dies irae. Стихи. М. 915. Ц. 25 к.

Армянскій сборникъ. К-во „Звѣзда". Н. Н. Орфенова. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Современныя проблемы". М. 1915.—Пять лѣтъ въ домѣ германскаго принца. Воспоминанія англійской гувернантки. Ц. 1 р. 25 к. — Рабиндранатъ Тагоръ. I. Лирика любви и жизни. II. Читра. Ц. 75 к.—Г. Дж. Уэльсъ. Война противъ войны. Ц. 75 к.—Луи Мегронъ. Романтизмъ и нравы. Предисловіе И. Игнатова. Ц. 3 р.

И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Т. III. Изд. Т-во „Просвѣщеніе". П. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

С. И. Апанасенко. Земскіе пути къ народному богатству. Звенигородка Кіевск. губ. 1915.

Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. П. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

С. Левитанъ. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Изд. М. В. Попова. П. 1915. Ц. 1 р.

Рудольфъ Штейнеръ д-ръ. Теософія. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Николай Лаврскій. Искусство и евреи. М. 1915. Ц. 50 к.

Орловъ, Ф. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ 1614—1615 г. 3-е изд. П. 1915 г. Ц. 75 к.

Весеннее контрагентство музъ. Сборникъ п.-ред. Д. Бурлюкъ, С. Вермель. М. 1915. Ц. 1 р.

Мих. Долиновъ. Радуга. П. 1915. Ц. 75 к.

Америка о войнѣ. II. 1915. Ц. 30 к.

Георгій Ивановъ. Памятникъ славы. Стихотворенія. П. 1915. Ц. 1 р.

В. Ф. Залѣскій. Отклики войны, стихотвор. Казань. 1915. Ц. 20 к.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. П. 1915.— В. Я. Свѣтловъ. Сочиненія. Т. VII. Вешній потокъ. Ц. 1 р. 25. — П. П. Гнѣдичъ. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ. Ц. 1 р. 25.—М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненія. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к. — Фритьофъ Нансенъ. Въ страну будущаго. Ц. 3 р. 50 к.

Изд. кн. маг. „Трудъ". П. Кудряшевъ. Идейные горизонты міровой войны. Ц. 1 р. 25 к. — Е. Веббъ. Жизнь великихъ людей. Ц. 75 к.— Шарль Лало. Введеніе въ эстетику. Ц. 1 р. 75 к. Мск. 1915.

Изд. О-ва „Агв". А. Мейснеръ. Въ паутинѣ религій. Шестая книга стиховъ. Ц. 80 к. Петрогр. 1915.

Изд. Одесск. Вегетар. О-ва. Л. Д. Каплана. Вопросъ о питаніи въ освѣщеніи современ. науки. Ц. 40 к. Одесса. 1915.

Изд. Худ.-граф. зав. „Уніонъ". Сборникъ Артистъ—Солдату. Ц. 1 р. 50 к. Мск. 1915.

К-во Писателей въ Москвѣ. Н. Телешовъ. Кн. 2-я. Черною ночью. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25.—Проф. Ш. Аскенази. Царство Польское 1815—1830. Ц. 1 р. 25 к.-К. Треневъ. Владыка. Ц. 1 р. 25 к. 1915.

Изд. „Посредникъ". Кн. Е. Н. Трубецкой. Отечественная война и ея духовный смыслъ. Ц. 20 к.—Е. Барановъ. Въ горахъ Турціи. Ц. 25 к.— Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. О вредѣ пива и виногр. винъ. Ц. 8 к.—Н. Б. Петрова. I. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти-сироты. Ц. 65 к.— Ф. Ортъ. Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Ц. 12 к. — Проф. И. П. Поповъ. Для чего нужны выставки сельск. хозяйства и скотоводства. Ц. 2 к.—Его-же. О пользѣ травосѣянія въ крест. скотоводствѣ. Ц. 3 к.— Каталогъ изд. „Посредникъ" на 1915 г.— Алкоголическій Каталогъ. Мск. 1915 г.

Изд. журн. „Вѣстникъ Народнаго Образованія". В. И. Чернолускій. Съѣзды по народному образованію. Ц. 3 р. Петрогр. 1915.

Изд. кн. маг. „Трудъ". Алиса Жуэнъ. Женщина и кооперація. Ц. 15 к.—Л. Луццати. Избранныя рѣчи по кооперации и экономикѣ. Ц. 1 р. Мск. 1915.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

Тип. Акц. Общ. „СЛОВО", улица Жуковскаго, № 21—23, соб. домъ.

